

— Кельди? — сочувственно спросил Джуффин.
— Они, проклятые! — проникновенно простонал мой коллега.
— Ну-ну... Ладно, отправляйся в свой трактир, но один. Макс мне самому нужен. У меня тут буриху не накормлен, горожане не пуганы, и вообще голова кругом... Заканчивай с этой скучной историей и чем скорее — тем лучше. Возможно, после полудня для тебя найдется работа поинтереснее.

— Честно? — просиял Мелифаро.
— Ага. Но на твоём месте я бы так не радовался. Дело пахнет... ох! Сэр Макс, чем по твоему утверждению обычно пахнут всякие дрянные дела?

— Керосином, — зевнул я.
— Вот, правильно! — кивнул Джуффин. И посетовал:
— Все время забываю это замечательное слово!
— Сэр, я согласен пережить три битвы за Кодекс, дюжину походов на Темную Сторону и две... нет, все-таки не две, а максимум полторы эпидемии — если только меня избавят от необходимости собирать по городу этот эльфийский мусор! — вдохновенно сообщил Мелифаро.

— Обойдешься! — фыркнул шеф. — Просто теперь ты будешь собирать кельди в свободное от основной работы время: считай, что у тебя появилось новое хобби.
— Я на себя руки наложу! — грозно пообещал Мелифаро.
— Ну-ну-ну... Не так уж их много осталось, этих грешных монеток, — сочувственно сказал Джуффин.

— Ладно, уговорили, — добродушно согласилась несчастная жертва рутинной работы. — Надеюсь, к обеду управлюсь.

— Я тоже на это надеюсь, — невозмутимо кивнул Джуффин. — В противном случае, твоё желание умереть не вызвало бы у меня столь бурного протеста. Я бы ещё и помощь предложил.

— Жестокие нравы, — ехидно сказал Мелифаро, уже с порога. К этому времени выражение его лица уже вполне соответствовало оранжевому цвету его лоохи, жизнерадостному, как ночной кошмар идиота.

— А как же! — горделиво отозвался наш шеф. — На том и стоим!
— Так что у вас... вернее, у нас — случилось? — озабоченно спросил я.
— Великое событие, — ухмыльнулся Джуффин. Немного помолчал, устроился поудобнее в своём кресле и вдруг неудержимо расхохотался. — Ты не поверишь, Макс, — сквозь смех выговорил он, — но этой ночью кто-то помочился на крышу Иафаха.

— На резиденцию Ордена Семилистника, благостного и единственного? Какое прискорбное событие! — елейным тоном старого придворного просюсюкал я. Потом до меня окончательно дошло, и я изумленно уставился на своего шефа:

— Кто-то? Помочился? Как это может быть?
— Понятия не имею, — Джуффин больше не смеялся, но улыбался до ушей. — Однако факт остается фактом: кто-то помочился на Иафах. Сверху. Можно сказать, с неба. Причем не один человек, и даже не четверо, а не меньше дюжины. А то и больше. В таком деле трудно быть точным, сам понимаешь... Сегодня на рассвете меня разбудил зов Магистра Нуфлина. Старик закатил мне форменную истерику... Вообще-то его можно понять! — мой шеф махнул рукой и снова расхохотался. Кажется, он был ужасно доволен.

Макс Фрай

"Болтливый мертвец"

Хроники Ехо

7

Оглавление

Вместо предисловия.....	3
Тайна клуба дубовых листьев.....	3
Болтливый мертвец.....	88
Наследство для Лонли-Локли.....	155
Книга огненных страниц.....	283

— А, Цвахта Чиям! — обрадовался я. — Я же его знаю! Смешной дядя. Он был нашим проводником, когда мы с Меламори охотились на рыжего Джифу... хотя это еще вопрос — кто кого куда провожал! Но я так и не понял: в чем твоя проблема?

— Проблема не моя, а служебная, и состоит она в том, что на самом деле эльфийских денег не существует, — тяжело вздохнул Мелифаро. — Это чистой воды наваждение. Но очень хорошее наваждение: они выглядят совершенно как настоящие, причем то и дело меняются: сейчас у тебя в руках новенькая Корона, а через час это уже куманская унция, а завтра поутру — медная горсть, или чангайский зот, и это будет продолжаться, пока ты не додумаешься бросить ее в Темный огонь — единственный способ покончить с эльфийскими штучками! А прежде, чем сжечь, их еще надо найти. Шустрый Цвахта приехал в столицу кутить и умудрился истратить добрую половину своего грешного богатства, прежде чем один старый лавочник, искушенный в таких вещах, поднял тревогу. Теперь Цвахта утверждает, что был совершенно уверен, будто нашел самый обыкновенный человеческий клад. Дескать, ему и в голову не приходило... Разумеется, все понимают, что он врет, но что с него возьмешь? Каждый гражданин Соединенного Королевства имеет полное право найти клад и уж тем более — его прокутить. И наоборот, никто из граждан Соединенного Королевства не обязан быть крупным специалистом по эльфийским хитростям. Одним словом, этот счастливчик, сэр Цвахта любезно оставил мне список мест, в которые он заходил — разумеется, очень неполный, поскольку парень гулял от души! — сел в новенький амобилер, наверняка купленный на все те же грешные монеты, и удалился в свой Магахонский лес: сытый, довольный и полный решимости в ближайшее время найти еще парочку сундуков с эльфийскими деньгами — готов спорить на что угодно, так он и сделает! А меня приговорили собирать эту дрянь, чтобы не распозалась по Соединенному Королевству. Теперь я с утра до ночи брожу по всем питейным заведениям и ювелирным лавкам Старого города и вынюхиваю эти клятые кельди.

— А они действительно пахнут? — осторожно уточнил я.

— Издеваешься, да? — несчастным голосом спросил Мелифаро. Потом, очевидно, понял, что не издеваюсь, и насмешливо добавил:

— Где же это видано, чтобы эльфийские деньги пахли?! Если бы кельди хоть чем-то пахли, это дело повесили бы на Нумминориха, и я был бы совершенно счастливым человеком.

— А как ты отличаешь их от нормальных денег? — полюбопытствовал я.

— Есть один способ, — неопределенно протянул он. — Долго рассказывать. Показать проще. Хочешь — пошли со мной. Все веселее...

— Куда это вы собрались? — хмуро осведомился Джуффин. Он уже успел появиться на пороге. Выражение его лица меня озадачило: куда подевалась его обычная утренняя жизнерадостность?! Если бы наш шеф был женат, я бы непременно подумал, что его утро началось с семейного скандала. Но поскольку Джуффин уже давно был вдовцом, мне оставалось только недоумевать: в какой Щели между Мирами он выцарапал существо, способное испортить его настроение?!

— А куда я могу собратся на рассвете, если не в трактир? — саркастически ухмыльнулся Мелифаро. — И между прочим, не по своей воле, а согласно вашему высочайшему приказу.

— Признавайся, душа моя, в каком клубе ты состоишь? — Спросил я у заспанного Мелифаро, как только он переступил порог моего кабинета с незамысловатым намерением поздороваться.

Он растерянно моргнул, потом мотнул головой — очевидно пытался вспомнить заранее заготовленную дежурную утреннюю гадость, которая вылетела из его несчастной невыспавшейся башки после моего идиотского вопроса.

— Проводишь анкетированный опрос по заказу Великого Магистра Нуфлина? — Наконец осведомился он. Я уважительно покачал головой: лично я ни за что не смог бы создать такую громоздкую словесную конструкцию всего через час после насильственной побудки.

— Нет, решил написать еще одну Энциклопедию Мира, — нашелся я, — не все же твоему папочке огребать гонорары! И подумал, что начинать следует именно с подробного описания тебя — сэр Манга почему-то не поделился с человечеством этой ценной информацией.

— Да, тут он промахнулся, — невозмутимо согласился Мелифаро. — Врожденная скромность, и все такое: нехорошо публично хвастаться таким замечательным сыном, в то время, как у некоторых невезучих людей рождается Магистры знают что — взять хотя бы твоих несчастных родителей... Ладно, если тебе так интересно, у нас, в Королевской Высокой Школе был Клуб Короедов...

— Как-как? — изумленно переспросил я и тут же рассмеялся от неожиданности — чего только не бывает!

— Клуб Короедов — а что тут такого? — обиженно удивился он.

— Все, дружище, вопросов больше не имею, — я удовлетворенно хрюкнул напоследок. — Знал бы, что ты столь неприхотлив, приглашал бы тебя в гости почаще! Ничего, в следующий раз буду знать, чем тебя угощать.

— Что, небось думаешь, мы просто тупо жрали кору? — возмутился Мелифаро. — Как бы не так! Мы над ней колдовали, между прочим! В результате кора приобретала вкус самых изысканных блюд... И хватит ухмыляться, это высокое искусство — поясняя для необразованных варваров.

— Можно, я не буду целовать твои сапоги в знак глубокого восхищения? — ядовито спросил я.

— Нельзя, — обрадовался Мелифаро. — Как же я буду ходить весь день — с нецелованными-то сапогами? У меня и без того жизнь тяжелая.

— Что так? — сочувственно спросил я.

— Третий день собираю по всему городу кельди, — мрачно сообщил он. — И конца этому удовольствию не видно... То есть, какой-то конец виден, но по-моему это — трагический финал моей неудавшейся карьеры.

— Какие такие "кельди"? — удивился я. — И на кой они тебе сдались, если уж на то пошло?

— Ой, Макс! — он взялся за голову. — Нельзя же быть таким необразованным!

— Можно, — жизнерадостно возразил я.

— Нельзя! — упрямо повторил он. — Во всяком случае, не с утра же!

— Так что такое "кельди"? — невозмутимо переспросил я.

— Эльфийские деньги, горе мое. Всего лишь эльфийские деньги. Лесничий из Магахонского леса нашел полный сундук этого добра в какой-то лисьей норе. Везучий он мужик, этот Цвахта! А я — наоборот, невезучий...

Вместо предисловия

Если честно, месяца три назад я уже написал длинное-длинное предисловие к этой книжке.

В вышеупомянутом эпохальном труде я многословно объяснял, с какой стати мне приспичило вернуться в Ехо, и доверчиво ухватившись за руку читателя, бормотал всякие трогательные глупости — дескать, как я этому рад. Потом я пал столь низко, что пустился излагать "краткое содержание предыдущих серий", пояснял "кто есть кто", и вообще вел себя, как самый настоящий писатель, которому очень хочется уговорить читателя купить (и непременно полюбить) продолжение его затянувшейся эпопеи. Хорошее такое получилось предисловие, страницы на три, а то и на все четыре десятком кеглем — если честно, я уже не помню, сколько было страниц, а проверить невозможно, поскольку только что я стер его на фиг. Оно было отвратительно, как и любая другая попытка "объясниться" (читай: "оправдаться"). Впрочем, я ничего не имею против предисловий как таковых, поэтому, изничтожив старое, я тут же принялся строчить новое.

Шла по деревенской улице маленькая серая курочка.

Шла себе, шла, дурочка рассеянная, и вдруг на нее наехал невесть откуда взявшийся асфальтовый каток.

Свидетели происшествия думают: "Ну все, хана курочке", — и грустят, как положено в таких случаях, заодно прикидывая, можно ли будет зажарить ее холодный труп, или от неосторожной курочки вообще ничего не осталось, кроме жалкой кучки перьев.

Тем временем каток едет дальше, а курочка, как ни в чем не бывало, поднимается на ноги, отряхивается и задумчиво говорит себе под нос:

"Ничего себе! И что же за яйцо такое я теперь несусь?!"

Этот нелепый седобородый анекдот нравится мне гораздо больше, чем мое длинное, подробное, наивное, ныне покойное предисловие, поскольку является единственным и неповторимым ответом на недоуменный вопрос, который не раз возникал у всех, кто так или иначе влип в эту эпопею с моими книжками, и в первую очередь, у меня самого: какое может быть продолжение после "Власти несбывшегося"?!

Одним словом, вот вам оmlет из четырех "яиц" сразу — гулять, так гулять!

Тайна клуба дубовых листьев

— Смотрите-ка, желудь! — Изумленно сказал я, опускаясь на корточки. Сам не знаю, как умудрился его заметить, но мое внимание вдруг зацепилось за это оливково-желтое пятнышко на светлых камешках мозаичной мостовой. Моя Мантия Смерти подметала тротуар улицы Медных Горшков, но я не обращал на это никакого внимания. Поднял свою находку с земли, покрутил в руках и торжественно резюмировал:

— Точно, самый настоящий желудь! Такое ни с чем не перепутаешь.

— А что, это какая-то твоя примета? — Заинтересовался Джуффин. — Или ты на досуге занялся ботаникой, изучил курс для начальной школы и теперь удивляешься

собственным успехам?

— При чем тут приметы и уж тем более ботаника? — Растерянно отозвался я. — Просто дуб, на котором растут желуди — дерево из моего мира. Хотел бы я знать, откуда тут взялся этот желудь... Может быть, к нам в гости пожаловал еще кто-то из моих соотечественников? Надеюсь, он не окажется тривиальным сексуальным маньяком, как это было в прошлый раз — а то за державу обидно!

Джуффин насмешливо улыбнулся и укоризненно покачал головой.

— Хочешь сказать, ты ни разу не замечал, что здесь тоже полным-полно дубов? Очень на тебя похоже! Ты не слишком расстроишься, если узнаешь, что на улице Старых Монеток, например, растут два великолепных дуба? Один как раз неподалеку от твоей первой квартиры... Какой ты, однако, наблюдательный, сэр Тайный Сыщик, с ума сойти можно!

— В этом Мире есть дубы? — Несчастливым голосом переспросил я. — Вы меня не разыгрываете?

— Грешные Магистры, без тебя моя жизнь была бы такой скучной! — Устало вздохнул Джуффин. — Их до фиги, этих самых дубов, радость моя! Не веришь — прогуляйся как-нибудь по городу с открытыми глазами — просто, для разнообразия. Между прочим, в Ехо даже есть Клуб Дубовых Листьев — место, где собираются бывшие Старшие Магистры разных мелких Орденов, которые умудрились не слишком рассориться с Орденом Семилистника в Смутные Времена... И вообще, пошли обедать, ладно? Если ты еще немного потопчешься на месте, выяснится, что нам уже пора возвращаться в Дом у Моста.

— Это вам, может быть, пора. — Торжествуя заметил я. — А мне пока вообще никуда не пора, поскольку до заката еще несколько часов. Так что сейчас я составляю вам компанию исключительно по доброте душевной... и еще потому, что я — подхалим, карьерист, подлиза и мечу в ваши любимчики!

— Сколько у тебя недостатков — вот это, я понимаю, совершенство! — Обрадовался шеф. — Смотри, вот возьму и напишу официальный приказ, обязующий тебя обуздать свои многочисленные пороки до конца года, будешь знать!

— Пишите. — Вздохнул я. — Дурное дело — нехитрое...

Тем не менее, обедать мы все-таки пошли: грех срывать такое мероприятие! Желудь я сунул в карман Мантии Смерти — столь веское доказательство своего непроходимого идиотизма лучше всегда иметь при себе, чтобы не слишком удивляться возможностям собственного могучего интеллекта!

— А что вы там говорили насчет клубов? — Спросил я Джуффина, устроившись за нашим постоянным столиком в "Обжоре Бунбе" Не то чтобы мне действительно было так уж интересно, но меню у нас уже забрали, и хищный профиль моего шефа с преувеличенным интересом обратился к закрытому окну, выходящему в пустой двор, густо засаженный мелкими бархатисто-черными цветами, так что следовало подыскать новую тему для беседы.

— Насколько я помню, ничего особенного я на сей счет не говорил, — пожал плечами Джуффин. Потом понимающе кивнул:

— Ну да, это же еще один из многочисленных пробелов в твоём образовании! Моя вина: я тебя не просветил. Собственно говоря, тут и рассказывать особенно нечего: наши клубы уже давно ничего выдающегося из себя не представляют. Вот в старину...

— Именно настолько! — гордо заявил я. — Если уж на то пошло, я даже о существовании дубов узнал только сегодня. Нашел желудь...

— С чем тебя и поздравляю! — усмехнулся Кофа. — Сколько лет ты уже живешь в Ехо?

— Четыре года, наверное, — растерянно сказал я, — или все-таки пять... А вы не помните?

— Ну-ну... — Он больше не смеялся, а задумчиво покачал головой — дескать, вот какие чудеса бывают на свете! Я развел руками — уж какой есть, такой есть, что хотите, то и делайте! Вообще-то, я не всегда был такой невменяемый, но с тех пор, как я оказался в Ехо, я с угрожающей последовательностью начал превращаться в традиционную карикатуру на рассеянного профессора. Мне давно следовало начать развиваться в каком-нибудь другом направлении...

— И что, вы так и не нашли безобразника? — наконец спросил я. В общем, я уже и так понял, что никого Кофа не нашел. Уж на это моей скромной проницательности хватило!

— Разумеется нет, — мрачно кивнул он. — Стал бы я тут с тобой лясы точить! Если бы я его нашел, я бы вас непременно познакомил. Мне, знаешь ли, очень нравится твоя милая манера вести допрос: в помещение входит грозный сэр Макс, мрачно изрекает какую-нибудь глубокомысленную глупость, потом задумчиво выпивает несколько литров камры, а несчастный преступник тем временем торопливо рассказывает всем желающим свою прискорбную биографию, пока в него не полетела ядовитая слюна, Смертные Шары и прочие пакостные продукты жизнедеятельности твоего молодого организма... Всего-то хлопот — лужу под ним вытереть, когда это сомнительное удовольствие подойдет к концу!

— Ну, не настолько все страшно, — польщенно хмыкнул я.

— Насколько, насколько, можешь мне верить! — вздохнул Кофа.

— Ну и что мы будем делать? — бодро спросил я.

— Что-нибудь будем, — флегматично сообщил Кофа. — Вообще-то, я пока считаю эту проблему своей, но... Одним словом, пусть у тебе в голове тоже крутятся вопросы, на который пока нет ответа. Мало ли что...

— Должно же в ней хоть что-то крутиться, — согласился я.

Если честно, я не оправдал его надежд. В голове у меня крутилась куча очаровательных глупостей романтического свойства, не имевших никакого отношения к его загадке: весна действует на меня точно так же, как на большинство людей. И вообще я устал: размеренный ритм жизни утомляет меня куда эффективнее, чем всяческие недоразумения, которых в последнее время случалось все меньше и меньше. Куруш проснулся и потребовал орехов, так что мне пришлось вывернуть наизнанку все ящики письменного стола. В довершение ко всему мне достался настоящий подарок: зов Меламори. В последнее время у нее завелась очаровательная привычка болтать со мной по утрам. Она утверждает, что так ей легче пережить неприятный момент пробуждения — столь увесистых комплиментов мне еще никогда в жизни не делали, неплохая компенсация за ее вчерашний побег в обнимку с сэром Лонли-Локли... Так что утро я встретил идиотской блаженной улыбкой, рассеянно блуждающей по поверхности морды — какие уж там размышления! Единственное, на что меня хватило, так это на довольно вялую попытку удовлетворить свое любопытство касательно клубов...

— Потому что сегодня ночью лейтенант Апурра привел ко мне пьяных полицейских, которые видели некий летающий дом. Тоже, кстати, трехэтажный. Здорово, да?

— Здорово, — несколько озадаченно согласился Кофа. — Странно: я за всю ночь ничего об этом не слышал... Кстати, что касается дома Епы Боблы — это еще не все, Макс. Когда я увидел, что оранжевый дом на месте, я тут же решил проверить, не балуется ли какой-нибудь шалун Запретной магией.

— Ну и как? — С любопытством спросил я.

— Восемьдесят четвертая ступень Черной магии! — Торжественно провозгласил Кофа.

— Да, не хухры-мухры! — Фыркнул я. — Можно подумать, что никакого Кодекса Хрембера больше не существует... А его часом не отменили потихоньку, пока я читал устаревшие новости?

— Не говори ерунду, Макс, — поморщился Кофа. — Без еще одной столетней гражданской войны... хорошо же ты себе это представляешь!

— Ну, тем лучше, — усмехнулся я, — значит, мы по-прежнему будем получать королевское жалование. Очень мило: я к нему уже как-то привык... А вы арестовали безобразника?

— Не все так просто, — вздохнул Кофа. — В доме никого не было. Можешь себе представить: какой-то умник творил свои заклятия, находясь на безопасном расстоянии от места действия. Это, между прочим, совершенно особое искусство. Даже в древности на такие чудеса были способны немногие!

— Значит, объявился какой-нибудь очередной гений, — печально заключил я. — Только гениев нам не хватало!.. Подождите, а почему в доме никого не было? Это же жилой дом, верно? А значит, там должны быть хоть какие-нибудь жильцы — разве не так?

— Так, да не так. — Кофа пожал плечами. — Хозяин дома безвылазно сидит в своем поместье, в нескольких десятках миль от столицы, и он не настолько милый человек, чтобы позволить своим домочадцам наслаждаться столичной жизнью в его отсутствие: они вынуждены дружно вдыхать аромат навоза и вдумчиво окучивать какие-то кошмарные грядки.

— Любите вы деревенскую жизнь, как я погляжу! — Ехидно заметил я.

— Обожаю, — невозмутимо согласился Кофа. — Не перебивай меня, ладно? Собственно говоря, я хотел сказать, что в доме никто не живет. Только один раз в дюжину дней там собирается теплая компания, но сегодня их там, по идее, быть не могло, поскольку последняя встреча Клуба Дубовых Листьев была дня три назад, если я ничего не путаю...

— Клуб Дубовых Листьев? Вот это да! — Восхитился я.

— Откуда столько неземного счастья, Макс? — Удивился Кофа. — Что, у тебя на них имеется какой-нибудь компромат? Странно: они — ребята тихие и безвредные. Во всяком случае, в последние полторы сотни лет...

— Да нет у меня на них никакого компромата! — отмахнулся я. — Просто я только сегодня днем узнал о существовании Клуба Дубовых Листьев и вообще клубов как таковых...

— Только сегодня днем? — заинтересовался Кофа. — Ну ты даешь, мальчик! Я всегда замечал, что ты живешь как во сне, но не настолько же!

— А что было в старину? — тут же заинтересовался я.

— Чего только не было... — задумчиво сообщил мой шеф, недоверчиво разглядывая тонкие прозрачные лепешки из сушеного мяса в своей тарелке. — Что-то Жижинда сегодня не в ударе, — разочарованно констатировал он.

— Так вам и надо! — злорадно сказал я. — Может быть, хоть теперь вы будете ходить обедать к Мохи — хоть иногда! Честное слово, я готов пожертвовать сном, вечерними прогулками с собакой и жалкими остатками своей личной жизни, чтобы самолично возить вас туда на амобилере: пять минут, и мы на месте, вы же меня знаете!

— Знаю, — рассеянно согласился Джуффин. — Да, говорят, за те годы, что я обедал в "Обжоре", Мохи стал готовить еще лучше, чем прежде, особенно блюда иноземной кухни... Впрочем, дадим Жижинде еще один шанс! Но если она и завтра пересушит "угуландский шейг" в духовке, мне придется расстаться с последней любимой привычкой... Да, так вот, в старые времена порой случалось, что обыкновенный студенческий клуб превращался в могущественный Орден. Кстати, история Ордена Дырявой Чаши, в котором когда-то состоял наш сэр Шурф, тоже началась с дружеских вечеринок нескольких студентов Королевской Высокой Школы — в те незабываемые времена, когда она располагалась в Холоми. Магия магией, но после занятий ребята шлялись по трактирам, как нормальные молодые оболтусы. А чтобы было не так скучно пьянствовать, пили из дырявой посуды, щеголяли своей лихостью перед обывателями, а однажды заметили, что любой напиток, выпитый из дырявой посуды, придает им совершенно особую силу... Между прочим, Орден-то давным-давно распущен, а клуб существует до сих пор. Теперь бывшие Магистры и послушники собираются вместе, чтобы вспомнить "старые добрые времена" и выпить бутылку-другую хорошего вина из своих знаменитых дырявых чашек. Ностальгия, знаешь ли...

— Или обыкновенный бытовой алкоголизм... И наш Шурф регулярно посещает эти почтенные собрания? — развеселился я. — А что, ему даже идет!

— Представь себе, сэр Шурф их не посещает! И не потому, что не хочет... хотя, парень, пожалуй, действительно не стал бы убивать свое драгоценное время таким образом. Но дело не в этом. Он ведь рассказывал тебе о своей бурной молодости? — Я кивнул, расплываясь в невольной улыбке. — Ну вот, — Джуффин уже тоже улыбался до ушей, — из Ордена-то его тогда так никто и не выгнал, они даже гордились бесчинствами Безумного Рыбника: это здорово поднимало их авторитет, сам понимаешь... А вот из клуба его торжественно исключили, на первом же заседании. Якобы за давние прегрешения... На самом деле ребята решили, что присутствие Тайного Сыщика на их ностальгических пирушках будет несколько некстати.

— Могу их понять! — фыркнул я. — Не любит нас народ, как я погляжу!

— Хороши бы мы были, если бы он нас любил! — Усмехнулся мой шеф. — Пусть вон Гурига любят: он у нас Король, ему народная любовь по статусу положена...

— А остальные клубы? — Теперь мне стало по-настоящему интересно. — Тоже остатки древних Орденов? А почему мы за ними не присматриваем?

— Во-первых, кто тебе сказал, что мы за ними не присматриваем? Просто до сих пор у тебя не было случая сунуть свой любопытный нос в некоторые ящики моего

стола, — ехидно прищурился Джуффин. — Но в общем-то, там и присматривать особенно не за кем, если честно. Большинство клубов объединяют бывших и нынешних студентов. Ну, есть еще парочка совсем уж элитарных собраний: например, тот же Клуб Дубовых Листьев — почетное собрание остепенившихся благоразумных старых Магистров, настоящий бальзам на мое очерствевшее сердце! Или Королевский Клуб, в который входят все отставные придворные вроде моего соседа Маклука — ты ведь его помнишь? Можешь себе представить, как они развлекаются... А что касается клубов, созданных из остатков разогнанных Орден — там и следить не за кем: в Ехо же осталась одна мелочь, или миролюбивые мудрецы, которым и без Запретной магии есть чем заняться. А наши настоящие клиенты разбежались кто куда еще в конце войны, поскольку здесь их не ждало ничего хорошего кроме уютных камер в Холами, сам понимаешь!

Я кивнул. Еще бы я не понимал, после стольких-то лет работы в Тайном Сыске! Если уж в Ехо объявляется кто-нибудь из мятежных Магистров, то явно не для того, чтобы организовать здесь какой-нибудь клуб по интересам...

— Если тебя так уж интересуют нынешние клубы, можешь расспросить ребят, — с набитым ртом заметил Джуффин. — Не нас с Кофой и не сэра Шурфа, а тех, кто помоложе. Насколько я знаю, в студенческие годы они все состояли в каких-то дурацких клубах и до сих пор время от времени заглядывают на их ежегодные сборища: повидать старых приятелей, потряхнуть стариной...

— Ну да, поскольку собственная жизнь кажется им настолько длинной, что ее можно тратить на всякие пустяки! — ехидно вставил я. Потом все взвесил, вздохнул и честно признался:

— А знаете, я им немножко завидую!

— Могу тебя понять, — серьезно согласился мой шеф. — Мне самому иногда немного не хватает таких милых сентиментальных пустяков — вроде бессмысленной встречи старых приятелей, сопровождаемой невнятной, но захватывающей болтовней ни о чем...

— Таблетка от собственного могущества, с которым трудно смириться, да? — тихо спросил я.

— Вот-вот, — кивнул Джуффин. — Но я, знаешь ли, всегда был противником всяких там снадобий: организм должен справляться сам.

— Должен, — согласился я. — Это его работа, ничего не попишешь. Впрочем, Тайный Сыск — тоже вполне "клуб по интересам", так что я зря ною...

— Разве ты ноешь? — рассеянно удивился Джуффин. — А я и не заметил!

Потом мы умолкли, поскольку мадам Жижинда поставила перед нами очередной горшочек с какой-то снедью, столь изумительной, что я понял: переманить шефа Тайного Сыска в какое-нибудь другое место мне еще долго не удастся. Клубная тема была исчерпана до лучших времен: этот весенний день выдался слишком уж теплым, к тому же в "Обжоре" почему-то еще не перестали топить камин, расположенный неподалеку от нашего любимого столика, а жара для меня — единственная уважительная причина, чтобы не быть слишком любопытным...

Вечером того же дня я явился в Дом у Моста, не слишком старательно изобразил на своем лице скорбную сосредоточенность, плюхнулся в кресло своего шефа — оно у нас по-прежнему было одно на двоих — аккуратно уложил ноги на его священный письменный стол и торжественно провозгласил, что все могут идти на

— Копаюсь, — покаялся я. — А вы пришли, чтобы предложить мне что-нибудь не оскверненное пенициллином? — Кофа удивленно поднял брови, и я пояснил:

— Я имею в виду, что ваши новости еще не успели заплесневеть.

— Еще бы! — Гордо сказал Кофа. — Мои новости такие горячие, что язык обжигают!

— О'кей, тогда выкладывайте. Если хотите, могу распахнуть рот от любопытства.

— Не стоит. Я уже много раз это видел и придерживаюсь мнения, что тебе не очень идет такое выражение лица. — Добродушно усмехнулся Кофа. — Я и так верю, что тебе интересно. Давненько у нас ничего не происходило, правда?

— Правда... Оно и к лучшему! — Вздохнул я. — Обожаю размеренную скучную жизнь! Поэтому и читаю только позавчерашние газеты.

— Да уж... Ладно, слушай. Ты знаешь улицу Пузырей?

— Знаю, — рассеянно согласился я.

— Помнишь, там есть такой старый трехэтажный дом с остроконечной крышей, выкрашенный в жуткий ярко-оранжевый цвет?

— Помню, — улыбнулся я, — смешной домик! Кто-то мне рассказывал, что его владелец ежегодно приезжает в Ехо из своего поместья, чтобы убедиться, что фасад не забыли освежить еще одним слоем дешевой тарунской краски...

— Не "кто-то", а я сам и рассказывал, — усмехнулся Кофа. — Епа Бобла и его оранжевый дом — это же одна из достопримечательностей столицы!.. Ладно, хорошо, что ты помнишь этот домик. Около полуночи я решил прогуляться по улице Пузырей — и знаешь, что? Там не было никакого оранжевого дома. На его месте стоял новенький двухэтажный особняк из зеленоватого лохрийского кирпича — знаешь, в последнее время такие домики начали строить в Новом городе...

— Знаю, сам в таком жил, пока не перебрался в Мохнатый Дом. Так что, рыжика снесли? — Огорчился я. — Зря, симпатичный был домик. Смешной.

— В том-то и дело, что никто его не сносил! — Торжественно заявил Кофа. — Я сам удивился: когда успели?! И зачем? В Старом Городе дома без крайней нужды не сносят. И не поленился зайти в "Червонную кружку" — это такая маленькая забегаловка в самом начале улицы Пузырей, ты ее вряд ли знаешь: у них даже вывеску давным-давно украли какие-то собиратели хлама, так что легче проскочить мимо, чем войти — и расспросил местных завсегдатаев. Никто не слышал, чтобы на улице Пузырей велось какое-то строительство. Признаться, на меня смотрели, как на полного идиота. И не зря: когда я вышел из "Червонной кружки", оранжевый домик Епы Боблы был на месте. А зеленый двухэтажный куда-то подевался. Кажется, никто, кроме меня, его вообще не заметил...

— Странно, — задумчиво сказал я. — Что-то неладное творится в Соединенном Королевстве с жилыми помещениями!

Вообще-то, если бы эту дурацкую историю мне рассказал кто-то другой, я бы непременно спросил, не померещилось ли ему, часом, но сэр Кофа — такой специальный полезный дядя, которому никогда ничего не мерещится, с самого рождения. Он настолько трезвомыслящий человек, что даже на Темную Сторону его не затащишь — какие уж там галлюцинации!

— Вот именно, — так же задумчиво согласился Кофа. — Подожди, а почему ты употребляешь множественное число?

меня еще до полудня, да еще и без уважительных причин — в последнее время у сэра Джуффина Халли появилась такая скверная привычка...

— Ну что, господа блюстители порядка, прояснилось в голове? — снисходительно вздохнул я. — Только не говорите, что было больно — все равно не поверю!

Протрезвевшие полицейские изумленно хлопали глазами, лейтенант Апурра заинтересованно наблюдал за происходящим.

— Получайте своих красавцев, — гордо сказал я. — Всего-то двадцать девятая ступень Черной магии — дешево и сердито... Правда, Кодекс Хрембера такие штучки запрещает, но в этом кабинете можно почти все: он наглухо изолирован от внешнего мира.

— И что, теперь я могу отправить их на дежурство? — с невольным недоверием спросил он.

— Можете, — равнодушно подтвердил я. — Насколько я знаю, они даже похмельем не мучаются. Но я не могу дать вам никаких гарантий, что они не попробуют напиться снова. Люди — такие непредсказуемые существа... Впрочем, нет — вполне предсказуемые, и это еще хуже!

— Я им попробую! — грозно сказал Апурра. — Напробовались уже, на всю оставшуюся жизнь!

Потом мои пациенты отправились на свою половину Дома у Моста. На прощание лейтенант Апурра наградил меня взглядом, полным признательности. Честно говоря, у меня создалось впечатление, что он привел ко мне свою нетрезвую гвардию специально для оздоровительного сеанса. Историю о летающем доме я решительно поместил в специальную папку с пометкой "полная чушь", в самом дальнем углу своей головы — чего только людям спяну не примерещится! Впрочем, я все-таки решил поделиться новостью с шефом — в силу своей пакостной натуры, чтобы не дать ему наслаждаться жизнью, и тут же послал ему зов.

"Над Ехо летают трехэтажные дома и пугают пьяных полицейских, сэр!" — злорадно сообщил ему я.

"Усратья можно, какие у тебя новости! — ехидно откликнулся он. И тут же почти жалобно попросил:

— Умоляю тебя, сэр Макс, оставь все свои новости при себе до утра, ладно? Надо же мне хоть иногда спать!"

Грешные Магистры, мой шеф говорил так проникновенно, что меня даже совесть замучила, и мучила минуты две кряду — почти рекорд!

Одним словом, я наконец-то снова остался один и с удовольствием уткнулся в позавчерашний выпуск "Суеты Ехо". Не могу сказать, что это было такое уж захватывающее чтение, но иногда мне нравится просто созерцать черные буквы на белой бумаге: сие незамысловатое зрелище меня успокаивает, как сытный обед в июльский полдень. Газета довольно быстро закончилась, но ей на смену нашлась поза-позавчерашняя — ничем не хуже. С этой подружкой я дотянул почти до рассвета.

— Копаешься в заплесневелых сплетнях? — снисходительно спросил сэр Кофа Йох. Я и не заметил, когда он успел войти в мой кабинет, принять свой обычный облик, да еще и удобно устроиться в кресле напротив.

фиг, поскольку я уже на месте. Одним словом, я приступил к ночному дежурству. Ничего удивительного: это незамысловатое событие по-прежнему случается со мной чуть ли не каждый вечер. Как бы там ни было, а в свое время меня брали на работу специально для того, чтобы кабинет сэра Джуффина Халли не пустовал по ночам, а его личный буривах Куруш, твердо придерживающийся мнения, что люди — весьма забавные создания, не скучал в одиночестве...

Мое предложение "идти на фиг" было обращено почти в пустоту. Сэр Джуффин распрощался со мной еще на пороге и отбыл смотреть мультики на улицу Старых Монеток. Видеотека, которую я приволок в Ехо со своей "исторической родины", все еще способна периодически нейтрализовать деловую активность нашего великолепного шефа. Мелифаро и Нумминорих куда-то благополучно подевались задолго до моего прихода, если не с самого утра. Я бы не удивился, если бы в один прекрасный день выяснилось, что эти двое покинули Дом у Моста ненадолго, по служебным делам, и вдруг "совершенно случайно" отправились в экспедицию на Арварох, или, на худой конец, на Уандук: ребята друг друга стоили... Луукфи рванул домой, роняя на пол все предметы обстановки, находившиеся в радиусе сокрушительного действия пол его роскошного лоохи, еще час назад, как только румяная лысина солнца скрылась за горизонтом: на закате его подопечные буривахы из Большого Архива предпочитают отдыхать от утомительного человеческого общества. Так что привилегия торжественно отбыть "на фиг" досталась сэру Шурфу Лонли-Локли, который счел своим гражданским долгом увести мою девушку — взял за руку и увел, безапелляционно заявив, что ее рабочий день тоже закончился. Мои робкие возражения во внимание не принимались. Сэр Шурф только смерил меня ледяным взглядом и снисходительно заметил: "Ты же пришел сюда работать, сэр Макс, разве не так?" Девушка, в свою очередь, совершенно не сопротивлялась — вот что обидно! С тех пор, как Меламори вернулась из Арвароха, Шурф чуть ли не каждый вечер таскал ее по самым дорогим (и, на мой вкус, самым паршивым) забегаловкам Старого Города и со свойственной ему педантичностью запикивал в даму моего сердца те сорта мороженого, которые не вызывают у нее особого отвращения. Но его жена могла быть спокойна: Меламори интересовала Шурфа исключительно в качестве источника информации об Арварохе, каковой по-прежнему остается самым таинственным и загадочным континентом этого Мира. Меламори по секрету сообщила мне, что он еще и конспектирует некоторые фрагменты ее выступлений. Ну да, бескорыстная любовь к знаниям всегда была свойственна нашему Мастеру Пресекающему ненужные жизни!

Я остался один, если не считать Куруша. Впрочем, наша мудрая птица тут же нахохлилась и уснула, не перекинувшись со мной даже дюжиной словечек, так что я понял, что у меня есть возможность как следует поскучать — редкая роскошь! Разумеется, поскучать мне не дали, этого следовало ожидать с самого начала. Дверь кабинета почти незаметно вздрогнула — не от стука, скорее уж от робкого прикосновения. Сначала я подумал, что это просто сквозняк. Но у "сквозняка" оказалось интеллигентное лицо, темно-синее лоохи и усталые глаза лейтенанта Городской Полиции Апурры Блалки.

— Заходите, сосед! — приветливо сказал я. — У вас, небось, новости...

— Новости, — покорно согласился он. — Сэр Макс, я заранее прошу прощения. Давненько мне не приходилось донимать вас такими пустяками, но...

— Пустяки — это прекрасно! — решительно заявил я. — Было бы куда хуже, если бы вы пришли ко мне с чем-нибудь серьезным.

Апурра наконец-то прекратил топтаться на пороге и нерешительно приблизился к моему столу. Только теперь я увидел, что он пришел не один. В дверном проеме маячили три здоровенных дядьки в форменных лоохи Городской Полиции. Вид у них был такой перепуганный — дальше некуда. Да и на ногах они стояли нетвердо, это сразу бросалось в глаза: один из них предусмотрительно впился в дверной косяк, двое других старались сохранять равновесие, цепляясь за своего товарища.

— Это и есть ваши "пустяки"? — Добродушно осведомился я. — А с чего это они так ослабли? — Потом меня осенило: я принялся и брезгливо поморщился: от ребят разило Джубатынской пьянью — даже на таком расстоянии.

— Эти господа умудрились нарушить все служебные инструкции одновременно, сэр Макс! Напиться во время дежурства, да еще и на летающем пузыре... В старые времена за такие штучки можно было не только вылететь со службы, но и в Нунду загреметь, — у лейтенанта Апурры был такой виноватый вид, словно он сам заставил собственных подчиненных осквернить свои нежные организмы дешевыми спиртными напитками. — Чего я действительно не понимаю: где они раздобыли такую пакость? Даже в "Джубатынском фонтане" напитки куда качественнее.

— Так я же вам говорил: мне тетка из Гугланда прислала! — неожиданно оживился один из полицейских. — А она жадная: хорошего никогда в жизни не пришлет!

— Вот ведь человек! Понимает, что ему прислали дрянь, а все равно в рот тянет! — почти восхищенно сказал мне лейтенант.

— Ох, какую только мерзость не пьют иногда люди, — ностальгически вздохнул я. — Особенно, если она дармовая... Но зачем вы привели их ко мне, Апурра? Думаете, я никогда в жизни не видел пьяных полицейских? Так вы ошибаетесь: видел. И гораздо больше, чем мне хотелось бы... Или вы решили, что я помогу вам их напугать? Я, конечно, попытаюсь, но у вашего начальника, генерала Бубуты, это все равно получается гораздо лучше — куда уж мне с моими Смертными Шарами! Впрочем, могу попробовать, — я набрал в легкие побольше воздуха и старательно продекламировал:

— Сейчас эти дерьмовые дерьмоглоты отправятся в ближайший сортир опохмеляться собственным дерьмом!

Лейтенант с сомнением покачал головой. Я и сам чувствовал, что получается не очень: мне явно не хватало феерического темперамента генерала Бубуты и его глубоких познаний в области дефекации...

— Вообще-то, я привел их к вам не за этим, сэр Макс, — робко заметил Апурра.

— Догадываюсь, — усмехнулся я. — Да уж, Генералом Полиции мне никогда не бывать... и это, в сущности, к лучшему. А зачем вы их ко мне привели, в таком случае? Чтобы я в них плюнул? По-моему, это уже будет перебор. Не в моих правилах убивать людей по столь пустяковому поводу... хотя если они подойдут поближе, есть шанс, что я не смогу держать себя в руках: амбре действительно — хуже не бывает!

— Нет, сэр Макс, убивать их пока не нужно, — совершенно серьезно сказал он. — И даже ругать не нужно: с этим я и сам худо-бедно справляюсь. Хорош бы я был, если бы считал возможным тратить ваше время на вразумление таких болванов.

— Какая разница — на что! Так или иначе, а оно все равно тратится, — глубокомысленно заметил я. — Так что там у вас случилось?

— Эти ребята действительно здорово перебрали, но не настолько, чтобы я мог оставить их слова вовсе без внимания, — нерешительно сказал лейтенант. — Опять же, я вынужден учесть тот факт, что они добровольно явились ко мне в столь непотребном виде, чтобы рассказать о том, что увидели — а могли бы отсидеться до утра и хоть немного протрезветь...

— И что же вы увидели, ребята? — с любопытством спросил я. — Если просто тысячеголового дракона в небе, или короля Мёнина верхом на Лойсо Пондохве, можете быть свободны. А вот если что-то не столь причудливое, я вас слушаю.

Один из полицейских тихонько икнул, потом из его горла вырвались и другие звуки, более-менее поддающиеся расшифровке.

— Дом летел.

— Что? — удивленно переспросил я. — Дом летел? Я вас правильно понял?

— Вы его правильно поняли, сэр Макс, — трагическим шепотом сообщил лейтенант Апурра. — Ребята очень боялись к вам идти, так что вы уж их простите... Со мной они были более разговорчивы. Насколько я понял, они видели летающий дом. Дом летел куда-то в направлении Хуона, медленно и неторопливо.

— Какой дом? — Изумленно переспросил я. — Жилой?

— Похоже, что жилой, — робко кивнула несчастная жертва зеленого змия, — там в окнах свет горел... Двухэтажный.

— Трех-и-четыре-этажный, — поправил его коллега, с удвоенной силой впиваясь в спасительный дверной косяк. Кажется, парень был совершенно шокирован собственной смелостью.

— Ладно, допустим, — вздохнул я. — Это все?

— Кажется, все, — нерешительно сообщил лейтенант Апурра. — Ребята перепугались и отправились в Дом у Моста — каяться.

— Каяться — дело хорошее, — усмехнулся я. — Ладно, спасибо за информацию. Буду иметь в виду, что в Ехо появились летающие дома... Черт, по-моему — типичная белочка!

— Что? — Изумленно переспросил лейтенант. — Какая "белочка"?

— Да так, ничего. Просто беспробудное пьянство на дежурстве не способствует сохранению душевного здоровья... А хотите, я приведу их в порядок, Апурра? Небось, некому вместо них парить над городом?

— Некому, — признался он. — Я уже думал, мне самому придется совершить небольшой рейд, а сие не есть правильно. Грех это — оставлять Управление Полиции на всю ночь без дежурного офицера... А вам не трудно?

— Мне не трудно, — флегматично ответил я. Лениво поднялся с кресла, подошел к полицейским. Бедняги смотрели на меня с таким неподдельным ужасом, что мне стало не по себе. Я быстренько щелкнул их по лбу, всех троих, по очереди, особым образом складывая большой и средний пальцы правой руки — скорее потому, что это помогало сосредоточиться на задаче, чем из соображений практической необходимости. Этот фокус я освоил совсем недавно и теперь почти всерьез подумывал о том, что мог бы уйти с Королевской службы и открыть свой частный бизнес: маленький уютный вытрезвитель для избранной публики. Особенно привлекательной сия идея казалась, когда зов неугомонного шефа будил

любом случае, я все-таки — не профессиональный тюремщик и уважаю чужие решения.

— И что с ним сейчас — с тем, кого вы выпустили? — с замирающим сердцем спросил я.

— Ты сам оказался свидетелем его смерти, — усмехнулся сэр Маба. — Ты же был вместе с Джуффином, когда он прикончил Гугимагона?

— А перед этим Гугимагон неоднократно пытался прикончить меня, — заметил я. — Да вы же, наверное, сами все знаете...

— Знаю, конечно. И гораздо больше, чем ты, — согласился Маба. — Так что пусть мои гости остаются моими гостями — что бы ты об этом не думал! Кстати, ты уже убедился, что они не имеют никакого отношения к тем безобразиям, которые творятся в городе?

— Да, пожалуй, — я выдавил вымученную улыбку — все лучше, чем постная рожа! — Впрочем, то, что творится в Ехо, пока не тянет на настоящее безобразие. Так, детские шалости! По крайней мере, еще никто не пострадал, насколько мне известно.

— Да, именно "детские шалости", лучше и не скажешь! — почему-то оживился сэр Маба. — Все, тебе пора, Макс. Спешу, а то грозный Кеттарийский Охотник разгневется и откусит тебе голову.

Он проводил меня до порога и запер за мной дверь. На сей раз обошлось без фирменных чудес Мабы Калоха: переступив его порог, я не обнаружил себя в своем кабинете, или на верхушке самого высокого дерева в Ехо, или на дне какого-нибудь водоема, а просто оказался в его саду, благополучно добрался до собственного амобилера и поехал в Дом у Моста. По дороге я вспомнил о "великой миссии" сэра Джуффина Халли и так разволновался, что послал ему зов, не доехав до Управления всего каких-нибудь два квартала.

"Ну как, — поинтересовался я. — Ваша дипломатическая миссия увенчалась успехом? У поваров не будут отбирать Серьги Охолла? Кухонная магия не оказалась под запретом?"

"Все в порядке, сэр обжора, — лаконично отрапортовал мой шеф. — Ты лучше рассказывай, что тебе показал Маба?"

— Как это — что? Задницу, конечно. Незабываемое зрелище! — вслух сказал я, поскольку как раз столкнулся с ним на пороге нашей половины Управления. Джуффин нетерпеливо нахмурился, и я виновато добавил:

— Идемте в кабинет, я вам все расскажу.

Драматическая история о судьбе одиннадцати мятежных Магистров довела моего шефа до слез: он смеялся, словно я без устали травил свежие анекдоты.

— Маба не перестает меня удивлять! — восхищенно резюмировал Джуффин. — Что-что, а сюрпризы делать он мастер. Нам всем еще учиться и учиться!

— А у меня от его "пансионата для злых волшебников" сердце не на месте, — мрачно сказал я.

— Какое именно? — ехидно прищурился мой шеф. — Только не говори, что оба: не поверю!

А с наступлением темноты мы с Джуффином забрались в корзину летающего пузыря Буурахри. Перед началом полета шеф некоторое время пыхтел с каким-то многоэтажным заклинанием: окружал наше транспортное средство густым

— Сверху? — тупо переспросил я. — Ну вот видите, я же вам давеча говорил: у нас дома над городом летают. А вы меня послали подальше... Впрочем, я сам не очень-то поверил рассказам этих хануриков, наших доблестных защитников правопорядка.

— Не поверил? — добродушно переспросил Джуффин. — Значит, ты кретин, сэр Макс. А я — и подавно. Даже слушать тебя не захотел.

— Будем подавать в отставку? — жизнерадостно спросил я.

— Не будем, — вздохнул Джуффин. — Все остальные еще хуже, поверь мне на слово!

— Ладно, как скажете, — согласился я. — Ох, кстати о распоясавшейся неживимости! Пару часов назад заходил Кофа, у него тоже есть свеженькая история про дом. Про дом на улице Пузырей, который куда-то пропал, а потом снова появился... Думаю, он сам вам лучше расскажет.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся мой шеф. — Ладно уж, не смотри на меня так жалобно. Хочешь спать, да?

— Хочу, — виновато признался я. — Я всегда хочу спать, вы же меня не первый год знаете!

— Ну и ступай себе, — неожиданно сказал он. — Нужен ты мне... Впрочем, все-таки нужен. Но несколько часов разлуки я как-нибудь переживу.

— Правда? — я расплылся в благодарной улыбке.

— Правда, правда... Но имей в виду: я отпускаю тебя именно спать. Никаких прогулок по городу, никаких частных расследований и уж тем более — никакой так называемой "личной жизни"! Мне приятно думать, что после обеда ты появишься в этом кабинете свежий и бодрый, а не с запавшими глазами на полусогнутых ногах...

— Когда это я приходил на службу в таком виде?! — искренне возмутился я.

— В последний раз это чудесное событие случилось дня два назад... или три, — усмехнулся Джуффин. — Если честно, я не очень-то вникаю в загадочное расписание твоих свиданий...

— Я сам в него не очень-то вникаю, — улыбнулся я. — Да и нет у меня никакого расписания... Хорошего утра, сэр!

— Если тебя не будет здесь через три часа после полудня, я отправлюсь на половину Городской Полиции и попрошу генерала Бубуту съездить за тобой лично, — пригрозил на прощание мой шеф. — Представляешь, как он будет орать у тебя под окнами?

— Вряд ли ему удастся меня разбудить, но мои отношения с соседями будут испорчены навсегда, — согласился я. — Пока несколько раз в год ко мне съезжались дикие кочевники, и их рогатые менкалы обглаживали деревья в радиусе нескольких кварталов от Мохнатого Дома, они еще как-то терпели. Но генерал Бубута под моими окнами — это уже перебор!

Не могу сказать, что обещание шефа действительно меня напугало, но я очень быстро добрался до Мохнатого дома и бегом рванул в свою спальню на втором этаже, пока моя судьба не решила, что меня следует держать в строгости. Инспекция сновидений была произведена в таком же бешеном темпе: я проснулся почти сразу после полудня, совершенно удовлетворенный ее результатами. У меня в запасе имелись целых два часа, которые я употребил на блаженное бултыхание в бассейнах, неторопливое употребление внутрь всяческой приятной утренней чепухи

вроде камры и свежих булочек и теплую отеческую беседу со своей собакой: кроме Друппи в доме никого не было. Странно: вообще-то, обычно мой дом напоминает переполненную гостиницу в Каннах, незадолго до начала фестиваля, и единственный мой знакомый, которого здесь практически невозможно застать — это я сам... Я долго и со вкусом признавался своему псу в любви, а он восторженно мотал ушами. Сия идиллия продолжалась бы вечно, если бы не зов моего неугомонного шефа.

"Ты уже проснулся, или как?" — с деланным садистским сочувствием спросил он.

"Я не просто проснулся, я уже почти вышел из дома", — гордо сообщил я.

"Тем лучше. Твое кресло уже кажется мне слишком пустым."

Я был бы последней сволочью, если бы не проникся желанием немедленно заполнить эту удручающую пустоту своей задницей! Поэтому через четверть часа я уже был в Доме у Моста. Впрочем, мне показалось, что там и без меня не слишком скучно. В Зале Общей Работы былолюдно как никогда: даже сэр Кофа и леди Кекки заявили, хотя и сам Мастер Слышащий, и его способная ученица нечасто балуют нас своим обществом. Собственно говоря, отсутствовали только сэр Луукфи, который предпочитает вообще не отлучаться из Большого Архива и Мелифаро — я сочувственно подумал, что парень все-таки крепко увяз в поисках какой-нибудь особо зловредной эльфийской монетки. Сэр Джуффин восседал во главе стола и с энтузиазмом объяснял нашим коллегам, что мочиться на Иафах — скорее уголовное преступление, чем гражданский подвиг, хотя как частное лицо он полностью разделяет их невинную младенческую радость в связи с этим эпохальным событием и в глубине души надеется на рецидив. Его пламенное выступление имело большой успех. Сэр Шурф даже что-то записывал в свой знаменитый "рабочий дневник" — хотел бы я знать, что именно!

— Ну как? — спросил я с порога.

Коллеги уставились на меня с легким недоумением.

— Что ты имеешь в виду, Макс? — наконец вежливо спросила леди Кекки. — Если политический кризис в Чангайской Империи, то мы не в курсе. Извини.

— Почти смешно, — вздохнул я. — Не прикидывайтесь, ребята. Оскверненная крыша Иафаха уже высохла?

— Высохла, я полагаю, — усмехнулся Джуффин. — Во всяком случае, жалоб больше не было.

— И что делать будем? — нетерпеливо спросил я.

— Что-нибудь будем, — неопределенно сообщил он. — Хотя почему, собственно "будем"? Мы уже делаем.

Потом я узнал, что "пока некоторые важные господа спать изволили", трудолюбивые служащие Тайного Сыска работали, как птицы сыйсу во время постройки своих знаменитых гнезд из больших камней, опутанных тончайшими волокнами, которые эти самые птицы сыйсу ткнут не хуже, чем наши пауки... Меламори и Нумминорих посетили загадочный "исчезающий дом" на улице Пузырей и пришли к единодушному выводу, что там слишком много запахов и слишком много следов, так что сначала следует решить, с кого начинать поиски, и надо ли вообще их начинать. Все правильно: раз в дюжину дней в этом домике собирается куча народа — пресловутый Клуб Дубовых Листьев, да еще и какой-то

спокойнее и сильнее, я непременно приглашу тебя побывать на этом острове, — он заметил откровенный ужас в моих глазах и успокаивающе добавил:

— Всего на один вечер, не переживай! Но я заранее уверен, что ты не захочешь оттуда уходить, так что мне придется вытаскивать тебя силой. Там очень хорошо, Макс. Время не властно над обитателями моего маленького Холоми: они не стареют, скорее даже становятся моложе, словно их личные часы действительно пошли вспять. Иллюзия собственной силы там становится полной настолько, что можно наконец-то расслабиться и ничего не делать — разве что изредка шевелить мизинцем своей могущественной руки, чтобы поразмяться. И самое главное: в моем маленьком Холоми обитает особое счастливое настроение. Покой, умиротворение, немедленное исполнение всех желаний и полная иллюзия, что это будет продолжаться вечно. Сейчас моим гостям нет никакого дела до того факта, что они кажутся нам — тем, кто стоит на другом берегу — крошечными созданиями. Не думаешь же ты, что бабочка страдает оттого, что она меньше тебя ростом? Да ей нет никакого дела до тебя и твоих гигантских размеров! То же и с моими гостями...

— Я не могу с вами спорить, — вздохнул я. — В конце концов, я просто не пробовал — как оно там, на этом вашем острове... Сейчас мне пробовать не хочется. Возможно, потом любопытство снова приведет меня в ваш подвал, и я сам стану вас уговаривать — не буду зарекаться! Но объясните мне, глупому: а почему вы не хотите их отпускать?

— Почему не хочу? — удивился Маба. — Я-то, как раз, не против. Мои гости, правда, уже давно не желают уходить, но я бы мог их убедить, или даже выгнать оттуда силой, если бы считал, что это зачем-то нужно. Но им, в сущности, некуда идти.

Я вопросительно уставился на него.

— Сам подумай! — усмехнулся сэр Маба. — Ребята вроде их не уживутся в Соединенном Королевстве при нынешних порядках. Уезжать они не захотят, как не захотели сделать это сразу после окончания войны за Кодекс. Скорее всего, они начнут бузить и дело закончится тем, что их упекут в настоящую тюрьму Холоми — если прежде они не примут смерть от тебя, или кого-нибудь из твоих симпатичных коллег. Зачем лишние жертвы? Их за последние триста лет и так было достаточно. Я знаю многих ребят, которые сейчас были бы счастливы променять свою неуютную камеру в Холоми, или еще менее уютную могилу на несколько квадратных дюймов территории моей игрушки... К сожалению, мой маленький остров не слишком вместителен.

— А сколько их там у вас живет? — с любопытством осведомился я.

— Одиннадцать человек. В свое время я заманил их туда хитростью, но теперь, когда я навещаю своих "квартирантов", мы беседуем как лучшие друзья. Они до смешного мне благодарны. Я рассказываю им свежие новости, и ребята совершенно счастливы, что им не приходится жить в настоящем Ехо — городе "больших" людей, где начальником Тайного Сыска является ненавистный им Кеттарийский Охотник, который лично следит за тем, чтобы горожане не совершали никаких чудес, кроме самых примитивных и безобидных... Впрочем, одного своего гостя я все-таки выпустил — почти в самом начале. Парень все взвесил, и решил, что не хочет наслаждаться иллюзорными чудесами моего безопасного убежища. Он сказал, что собирается заняться Невидимой магией, и я знал, что он меня не обманывает. В

которые он упорно смотрит на улице Старых Монеток... ну и единственным защитником спокойствия Соединенного Королевства, заодно. А в старые времена у него были другие маски — те, которые ему тогда были удобны. И это правильно, потому что, если Джуффину вдруг взбредет в голову снять все свои маски, одну за другой... грешные Магистры, я даже не решаюсь предположить, что обнаружится под последней из масок! Впрочем, подозреваю, он их еще долго не снимет, разве что разживется новыми!

Я почувствовал неприятный холодок в затылке, меня даже слегка передернуло.

— Я пока не сказал ничего такого, о чем ты сам не догадываешься, — холодно заметил Маба. — Так что нечего прикидываться слабонервной барышней: все равно не поверю!

— Ладно, — я взял себя в руки, напомнил себе, что любые слова, нравятся они мне, или нет — это только слова, так что нечего шум поднимать. — Тогда рассказывайте дальше о своих друзьях — или все-таки недругах?

— Они ни то, ни другое, — ответил Маба. — Не друзья, не враги, просто мои знакомые Магистры, которые не хотели отправляться в бессрочную ссылку, поскольку их пугала разлука с Сердцем Мира. Все они — очень хорошие колдуны, но понятия не имели о Невидимой Магии, поэтому вдали от Ехо их могущество действительно могло бы здорово упасть в цене. И тогда я предложил им убежище: я как раз закончил работу над копией Холоми, и мне требовалось поселить туда пару-тройку могущественных жильцов...

— Просто так? — удивленно спросил я.

— Просто так, сэр Макс, даже кошки не рождаются! — строго сказал Маба. Мне стало смешно: его речам вообще-то никогда не был свойственен пафос, а эту дурацкую фразу про кошек он произнес почти как какой-нибудь герой подпольщик свое последнее "но пасаран!"

Мы немного помолчали. Потом сэр Маба сжалился надо мной и снова заговорил.

— Если бы я не заселил это место, оно осталось бы бесполезной мертвой игрушкой. А беглые Магистры вдохнули в мой маленький остров жизнь, подарили ему часть своей силы. Теперь это место принадлежит им, и они скорее не пленники, а его повелители. Если бы они оказались в настоящей Королевской тюрьме — ты же знаешь, какие там порядки? Колдовать в Холоми не получается ни у кого — по крайней мере, Очевидная Магия там совершенно невозможна. А в Истинной эти ребята до сих пор не разбираются. И что бы они там делали? Жрали, спали, читали свежие газеты? Не так плохо по сравнению со смертью, но не так уж весело по сравнению с их нынешним существованием!

— А там, на вашем маленьком острове, они могут колдовать? — осторожно спросил я.

— Сколько угодно, — кивнул Маба. — Но их чары не распространяются за пределы острова. Так что ребята могут творить все, что им вздумается — нашему Миру они не повредят, даже солнце тучкой на пять минут не закроют, ты уж мне поверь!

— Все равно, как-то это мне не нравится, — вздохнул я. — Они же становятся такими маленькими! Великие Магистры стали гномами, копошащимися на игрушечном острове — жалкая судьба!

— Когда-нибудь, — мягко сказал сэр Маба, — когда ты станешь старше,

обслуживающий персонал. Имена и адреса этих ребят были известны всем, кого это хоть немного интересовало: никаких тайн. Оставалось понять, не появился ли там кто-то еще: какой-нибудь очередной сбрендивший от ностальгии по Ехо Великий Магистр, могущественный и злой на весь мир. Поэтому наши азартные следопыты устроили оперативную проверку, каковая показала, что в последнее время в дом на улице Пузырей действительно не ступала нога постороннего: ни одного следа, который привел бы ребят к какому-нибудь таинственному незнакомцу, не зарегистрированному в качестве члена клуба, или наемного работника, не обнаружилось... Сэр Кофа полдня провел в "Червонной кружке", а леди Кекки слонялась по крошечному, но оживленному базарчику в конце улицы Пузырей и чесала язык с местными кумушками. Совместными усилиями они выяснили, что хозяева злополучного дома по-прежнему безвылазно сидят в своем загородном имении, а арендаторы помещения — люди тихие, приличные, собираются раз в дюжину дней, а иногда и чаще, и никому не докучают: ни во время своих заседаний, ни в перерывах между оными. Тоже мне, конечно, величайшее расследование всех времен и народов!.. Сэр Джуффин не поленился лично допросить перепуганных полицейских — думаю, ребята навечно закаялись прикасаться к спиртному после этой душевной беседы... Одним словом, я уяснил, что мои коллеги работали в поте лица, но дело пока не сдвинулось с места, и это было печально.

— Чего я так и не понял: летающий дом, который видели полицейские, и исчезающий дом на улице Пузырей — это один и тот же дом? — спросил я Джуффина. — Или все-таки разные? И еще: вы уверены, что на крышу Иафаха мочились именно из окна парящего дома? Или это была стайка летающих магов, перебравших пива? Я хочу знать: на нас висит одно дело, два, или три?

— Четыре, — невозмутимо сказал мой шеф. — Четвертое — о должностном преступлении работников Городской Полиции. Пьянка во время дежурства — это еще куда ни шло, но на летающем пузыре — это уже ни в какие ворота не лезет! Дырку в небе над их глупыми головами: пузырь у нас пока только один, на все Соединенное Королевство!

— Могу смотаться в Куманский Халифат, привезти еще парочку, — я пожал плечами. — Но вы мне так и не сказали...

— И не скажу, — злорадно хмыкнул Джуффин. — Вообще-то, невооруженным глазом видно, что все эти события не просто связаны, а плавно перетекают из одного в другое. Но пока мы не распутали ни одно из дел, лучше отказаться от уверенности в чем бы то ни было.

— Скучно это, — вздохнул я. — Нет, чтобы раз — и все!.. Кстати, а если Нумминорих понюхает крышу Иафаха?

— И по запаху мочи найдет преступника? — фыркнул Джуффин. — Скорее уж его уборную! Хорошо же ты себе это представляешь...

— Я бы непременно нашел преступника, если бы он был один, Макс, — серьезно объяснил Нумминорих. — Но поскольку их было много, все запахи смешались в один. Тяжелый случай!

— Жаль, — вздохнул я.

До сих пор мне и в голову не приходило, что наш гениальный нюхач может не взять какой-нибудь след. Но жизнь оказалась куда более сложной штукой!

— Не хмурься, сэр Макс, — улыбнулся мой шеф. — Не уверен, что мы быстро

покончим с этими грешными делами, но развлекаться будем на полную катушку, это я тебе обещаю. Например сегодня ночью мы с тобой покатаемся на летающем пузыре, не доверять же такое святое дело нашей доблестно спивающейся Городской полиции! Полюбуйся на крыши Иафаха, заодно посмотрим, кто еще кроме нас будет любоваться этим неповторимым пейзажем сверху... Ты же не будешь орать, что боишься высоты: вокруг столько красивых девушек!

— Ваша правда. Орать не буду, просто тихо поплачу в углу... А вы думаете, что неизвестные герои решатся повторить свой подвиг? — недоверчиво спросил я. — Но это же безумие!

— А мочиться на крышу Иафаха — не безумие? — резонно возразил он.

— Да уж, — невольно хихикнул я.

— Именно поэтому у нас есть небольшой шанс, что сегодня в небе над Ехо опять будет спокойно.

— Будем надеяться, — мечтательно сказал я. — И все-таки, как быть с этим домом на улице Пузырей, дырку над ним в небе? Кофа говорил, что там всюду колдуют — причем в самом доме при этом пусто, а это значит, что колдуют настоящие гении...

— Знаю. Я об этом грешном домике уже все знаю! Поэтому за ним установлено пристальное наблюдение. Сэр Мелифаро там уже часа два околачивается. Надеюсь, ближе к вечеру сэр Шурф не побрезгует лично возглавить операцию, — улыбнулся Джуффин.

— Разумеется, сэр — если вы считаете, что мое присутствие там необходимо, — важно согласился Лонли-Локли.

— Совершенно необходимо! Тут очень важно не упустить момент, когда дом будет исчезать — если будет, конечно... Плохо, если все эти чудеса вдруг возьмут и закончатся: не могу сказать, что у меня пропадет аппетит, если я не смогу завтра же упечь в Холоми их виновника — по мне, так пусть бы себе резвился! — но меня уже разобрало любопытство... Впрочем, я почти уверен, что события будут развиваться.

— Почему? — удивился я.

— Потому что мне так хочется, — невозмутимо ответил мой великолепный шеф.

Потом я внезапно выяснил, что у меня имеется куча свободного времени. И, раз уж так вышло, я решил устроить себе маленький незапланированный праздник: сделал суровое лицо и сказал леди Меламори, что у меня есть совершенно секретное неотложное дело государственной важности, и мне позарез требуется ее помощь, поэтому нам необходимо срочно отправиться куда-нибудь вдвоем и в уединении обсудить все детали. Наши коллеги бестактно заржали.

— Могли бы сделать вид, что вы ему поверили — хотя бы из элементарной вежливости, — Меламори очень старалась выглядеть обиженной, но у нее никогда не было актерских талантов. Она сияла, как воды Хуруна в солнечном свете, и выглядело сие зрелище более чем неплохо.

— Ладно, если тебе так хочется, считай, что я ему поверил, девочка, — сквозь смех сказал Джуффин. — Более того: я готов отпустить тебя с этим подозрительным типом, который почему-то все время публично называет себя моим заместителем. Все-таки у него к тебе "дело государственной важности"... Но только на час. И не обещаясь мороженым, я тебя умоляю!

Ага, как же! Отеческое напутствие нашего шефа было гласом вопиющего в

отправились в гостиную. Сэр Маба Калох был в своем репертуаре: засунул руку под стол и извлек оттуда прозрачный кувшин с ярко-зеленой жидкостью. На вкус его угощение оказалось похожим на не слишком сладкий лимонад, приготовленный из каких-то лесных трав. Довольно вкусно, только требуется время, чтобы привыкнуть. Я решил похвастаться своими достижениями в области потрошения Щелей между Мирами — перед кем и хвастаться, если не перед учителем, а ведь именно сэр Маба Калох когда-то научил меня этому чуду. В те времена у меня уходило полчаса, чтобы достать из-под подушки сигарету, а теперь — всего несколько секунд, и я извлекаю из небытия все, что душе угодно. Впрочем, когда я сам не знаю, что именно мне требуется, в моих руках нередко оказываются вещи, происхождение и назначение которых не поддается никакому определению. Но на сей раз я твердо решил раздобыть что-нибудь однозначно вкусное. Спрятал руку под Мантию Смерти — это куда эффективнее, чем лезть под стол! — и торжественно поставил перед сэром Мабой кружку с горячим шоколадом. Снова полез за пазуху и разжился второй кружкой — для себя.

— Это вкусно! — проникновенно сказал я Мабе.

— Попробую тебе поверить, — он настороженно принялся, потом продегустировал шоколад и остался доволен. — Напиток с твоей родины, да?

— Ага, — гордо кивнул я.

— Ты очень быстро научился этому фокусу, — одобительно сказал сэр Маба. — У тебя уходит всего вдвое больше времени, чем у меня, а ведь я впервые попробовал пошарить в Щели между Мирами около тысячи лет назад... Ладно, как-нибудь на досуге научу тебя еще чему-нибудь.

— Чему? — восхищенно уточнил я.

— Не знаю пока, — он пожал плечами. — Когда решу, ты будешь первым, кого я поставлю в известность, так что можешь спать спокойно!

— Спасибо! — я растаял от его похвал и обещаний, так что почти забыл о деле. Но потом все-таки вспомнил.

— А вы расскажете мне, почему ваши друзья живут в крошечной копии Холоми? — спросил я. — Когда Джуффин сказал мне, что вы прячете у себя нескольких Магистров, я подумал, что они просто живут в вашем доме — благо найти его нелегко! — и запираются в своих комнатах, когда к вам все-таки кто-то приходит. А они, оказывается, стали гномами и томятся в зачарованном замке девяти футов высотой... Или эта тайна не для моих ушей?

— Почему же, именно для твоих! — жизнерадостно заверил меня сэр Маба. — Просто Джуффин не совсем правильно меня понял, когда я называл своих подопечных "приятелями". Я пошутил, а он решил, будто мы действительно дружны... Ну да, Джуффин-то всегда был на особом положении и не слишком вникал, кто с кем дружит. У твоего шефа в те времена было очень простое и, в сущности, единственно правильное отношение к людям вообще и к Великим Магистрам, в частности: этих убиваем, этих оставляем — и все! А нюансы наших личных отношений сэра Кеттарийского Охотника не слишком интересовали.

— Правда? — удивился я. — Он же очень любопытный!

— Не-а, — насмешливо протянул Маба. — Джуффин прикидывается. Он все время прикидывается. В последнее время он предпочитает казаться любопытным, веселым, любителем комфорта, хорошей еды и твоих знаменитых "мультиков",

Королей Древней Династии, и высшим учебным заведением, и безопасным убежищем для королевской семьи в Смутные Времена. Мне рассказывали, что Холоми считается не просто "волшебным замком", а в некотором роде живым существом, непостижимым, но разумным и вполне способным принимать решения и даже навязывать свою волю людям. Почему бы и нет — родоначальник Древней династии Халла Махун Мохнатый построил свой дворец в точности на том самом месте, которое называется Сердцем Мира — а ведь именно близость Сердца Мира и позволяет самым бесталанным жителям Ехо совершать чудеса, недоступные для опытных колдунов, проживающих вдалеке от столицы Соединенного Королевства...

— Это очень точная копия, — серьезно сказал Маба Калох. — Все пропорции выверены до сотой доли дюйма. Мне понадобилась не одна дюжина лет, чтобы построить это сооружение. Я принялся за работу почти в самом начале Смутных Времен, а закончил вскоре после того, как был принят Кодекс Хрембера... Между прочим, как и из настоящей тюрьмы Холоми, отсюда совершенно невозможно выйти — по крайней мере, без моей помощи...

Тут до меня наконец-то начал доходить смысл всего сказанного ранее.

— Ваши друзья живут в этом крошечном сооружении?! — недоверчиво спросил я. — Как такое может быть? Здесь и один человек с трудом поместится, да и то если согласится спать стоя... — я вспомнил, с кем имею дело, и зачарованно прошептал:

— Или это — вход в другой Мир?

— Хорошая версия, — одобрительно отозвался сэр Маба Калох. — Но слишком банальная. А теперь правильный ответ!

Он неторопливо вошел в бассейн, который оказался очень мелким — вода едва достигала его колен — и зашагал по направлению к макету. Я глазам своим не верил: с каждым шагом сэр Маба стремительно уменьшался. Макет был совсем близко, метрах в десяти от края бассейна, но к тому времени, как Маба преодолел половину пути, он стал самым настоящим гномом. Маленький человечек поплыл дальше, делая неторопливые мощные гребки, достойные профессионального пловца. Когда сэр Маба взобрался на искусственный остров, он уже был настолько мал, что я едва мог его разглядеть — подходящий кавалер для андерсеновской Дюймовочки. Он картинно помахал мне крошечной ручкой и отправился обратно. Теперь гномик стремительно рос — забываемое зрелище! Через несколько секунд из бассейна вышел сэр Маба Калох, и его рост был в точности таким же, как прежде.

— Ничего себе! — уважительно сказал я. И рассмеялся:

— Хотите сказать, что вы превратили своих друзей в гномов? И они живут в миниатюрной копии Холоми? Слушайте, но в таком случае я не понимаю, почему они не предпочли отсидеть в настоящей тюрьме?

— Скажем так: сначала у них не было выбора, — сухо сказал Маба. — А потом они оценили преимущества этого места. Идем в гостиную, поболтаем. У тебя же еще есть время, верно?

— Есть, — кивнул я. — А даже если бы и не было...

— Что, проняло? — обрадовался он. — Что мне в тебе действительно нравится, мальчик, так это твое любопытство. Если бы не сие замечательное качество, ты был бы совершенно невыносим... Идем, идем!

Мы преодолели несколько дюжин ступенек — подвал был очень глубоким — и

пустыне: это хрупкое существо способно сожрать такое количество мороженого, словно ее изумительные губки — дверь в иную Вселенную, многочисленные обитатели которой изнывают от жары и голода одновременно...

На обратном пути меня поджидал сюрприз — а я-то думал, что время удивляться уже давным-давно для меня закончилось! Навстречу нам попался какой-то неприметный тип неопределенного возраста в скромном темном лоохи — один из тех ребят, на которых никогда не обращаешь внимания, разве что он с воплем вывалится из распахнутого окна, да еще и прямехонько вам на голову. Увидев этого милого человека, моя прекрасная спутница весьма оживилась и внезапно издала целый каскад невероятных низких звуков. Так рычат монстры в малобюджетных кинофильмах — другого сравнения мне в голову не приходит. Прохожий в синем лоохи заулыбался до ушей и ответил ей полной взаимностью: тоже басовито зарычал. Ужасающие звуки, явно адресованные даме моего сердца, самым изысканным образом сочетались с вежливым поклоном в мою сторону. Потом он отправился своей дорогой. Меламори тоже собиралась идти дальше, но у нее была одна проблема: я стоял как вкопанный и пытался вспомнить, как меня зовут.

— Ты чего, Макс? — жизнерадостно спросила она. — Пошли!

— Пошли, — механически повторил я, но с места не сдвинулся и несчастным голосом спросил:

— Что это было?

— Ничего особенного, — она нетерпеливо потянула меня за локоть. — Просто мой старинный приятель, мы с ним состоим в одном клубе, еще со студенческих лет... Давненько я туда не заходила!

— Опять какой-то клуб, — вздохнул я. — Ладно, Магистры с ним, с вашим клубом! Но почему вы так рычали?

— А, вот оно что! — рассмеялась она. — А разве ты никогда раньше не слышал?

— До сих пор мне везло, — улыбнулся я. — Это что, какая-нибудь древняя традиция?

— Не слишком древняя, но вполне традиция, — согласилась она. — Мы всегда так друг с другом здороваемся. Знаешь, как называется наш клуб?

— Догадываюсь, — усмехнулся я. — "Клуб ревунов", небось?

— "Клуб Громовых Ворчунов", — гордо сказала она. — Впрочем, ты был довольно близок к истине, молодец. А теперь можно трогаться с места, или ты предпочитаешь постоять тут до вечера?

— До вечера не так уж долго, — задумчиво заметил я. — Ладно уж, пошли.

— У нас хороший клуб, — мечтательно объясняла мне Меламори, пока мы шли в Управление. — Маленький, но эксцентричный...

— Да уж, — ядовито подтвердил я.

— Между прочим, то, что ты слышал — это так, ерунда. Просто способ поздороваться с приятелем, — гордо сказала она. — Слышал бы ты, как я рычу в полную силу... Кстати, это умение очень пригодилось мне на Арварохе.

— Верю! — вот теперь я окончательно расслабился и заржал по-настоящему.

Меламори тоже рассмеялась и пояснила:

— У них там водятся огромные хищные птицы кульо. Глупые, но очень опасные. Ростом гораздо больше человека — даже больше арварохца, можешь себе представить! И арварохские знатные господа обожают на них охотиться. Не могу

сказать, что у птицы кульох очень вкусное мясо, скорее наоборот: оно жесткое и слегка горчит, но убить птицу кульох — великая доблесть, поэтому... В общем, сам понимаешь! Сначала меня не хотели брать на охоту — знаешь, все эти дикарские глупости насчет того, чем должна заниматься женщина, и чем не должна... Но я быстро пресекла все идиотские разговоры на эту тему, и отправилась охотиться на птицу кульох. И вот на той охоте я показала свой голос в полную силу — скорее с перепугу, чем намеренно, но какая разница! Птица кульох тут же окоцурилась — брык, и все! Оказалось, что она не выносит шума. После этого я стала очень важной персоной на Арварохе: мне выдали какую-то ужасную тяжелую кольчугу, носить которую имеют право только "лучшие из лучших", их драгоценный Властитель Тойла Лиомурик пожелал, чтобы я раз в год стояла на страже у его трона, и все такое... И разумеется, мне позволили включить этот "подвиг" в официальный список достижений, которыми они щеголяют при знакомстве.

— Здорово! — восхитился я. — А ты можешь огласить полный список?

— Могу, — кивнула она. — Но не хочу. Я тебя слишком хорошо знаю, Макс. Ты будешь надо мной смеяться.

— Немножко, — виновато сказал я. — И только для того, чтобы тебе не стало тошно от моих разговоров о любви. Это как куманская кухня: слишком много меда отбивает аппетит...

— Не думаю, что мне когда-нибудь станет тошно от разговоров о любви, — усмехнулась она. — Если ты их и ведешь, то не со мной. Или в режиме внутреннего монолога — не знаю, тебе виднее. Но вслух ты эту тему не поднимаешь.

— Я исправлюсь, — проникновенно пообещал я. — И не буду над тобой смеяться, даже если ты снова зарычишь. Хочешь принесу какую-нибудь клятву? А теперь сообщи мне свое арварохское звание.

— Только не вздумай цитировать отрывки сэру Мелифаро, — сурово сказала она. — С тобой я как-нибудь справлюсь, но если еще и он начнет дразниться...

— Ему я не скажу ни слова! — пообещал я. — За кого ты меня принимаешь? Чтобы я выдал сокровенную тайну своей любимой женщины этому жалкому пожирателю коры?!

— Насколько я понимаю, это и был обещанный "разговор о любви", — мечтательно промурлыкала она. — Ладно, слушай и завидуй! Я — Меламори Блимм, пришла из-за великого океана, владычица островерхой крыши над своей головой, не опустившая голову при виде Тойлы Лиомурика Серебряной Шишки, Завоевателя Арвароха, повелевающего им до пределов Мира, хранительница чудесных историй о немыслимых делах, приносящая печаль неосторожным, оставляющим следы на лике земли, имеющая право дважды в году надевать костяные башмаки на иглах Зогги в присутствии шестерых друзей, убивающая птицу Кульох одним громовым криком, встающая на стражу у ног Завоевателя Арвароха в шестнадцатый день каждого года и сложившая несчетное множество песен о своих и чужих великих подвигах.

— Лихо! — уважительно сказал я. — Запиши мне на бумажку, я выучу наизусть — по крайней мере, буду знать, как обращаться к тебе в особо торжественные моменты.

— Ладно, запишу, — невозмутимо кивнула она. — Учти на здоровье. Но учти: на Арварохе любая ошибка в произношении чужого титула является смертельным

— Ваша правда, — смущенно согласился я.

— Будь осторожен, Макс: счастье редко идет на пользу могуществу, — дружелюбно сказал Маба.

— Знаю, — буркнул я, — мне уже это говорили. Возможно, именно вы и говорили, не помню... Впрочем, счастливым я уже был и не раз. Не помогло. Это лекарство не действует. Все равно я периодически откалываю какую-нибудь несусветную пакость, а потом выясняется, что такое совершенно невозможно...

— Ну да, ты еще заплачь, сэр Вершитель! — фыркнул он. — Ладно уж, пошли, покажу тебе кое-что интересное.

Мы зашли в дом, пересекли коридор и добрались до лестницы, ведущей вниз. Я уже несколько раз бывал в доме Мабы Калоха, но в его подвал не спускался ни разу. Вообще-то в подвале редко можно найти что-нибудь интересное, кроме ванной и туалета, если речь идет о домах простых горожан. Но я ни на секунду не сомневался, что подвал сэра Мабы — это самое таинственное место во Вселенной! Не знаю, что именно я рассчитывал там обнаружить, но меня даже слегка трясло от возбуждения.

— Не надо так волноваться, мальчик! — насмешливо сказал сэр Маба. — Ничего особенного здесь нет, разве что мой бассейн, — он распахнул скрипучую металлическую дверь и с преувеличенно любезным поклоном пропустил меня вперед.

В комнате действительно был бассейн. Не много маленьких мелких бассейнов, как в обычной ванной комнате, а один большой — этакое искусственное озеро. Вода в нем была ярко-голубая, как в Средиземном море, даже еще ярче — как на рекламных открытках, изображающих Средиземное море. Посреди бассейна возвышался искусственный островок, на котором стоял небольшой макет замка. Очертания сооружения сразу показались мне знакомыми, только я никак не мог сообразить, где я его уже видел.

— Что это? — изумленно спросил я. И не удержался от восхищенной констатации факта:

— Красота какая!

— Да, ничего себе, — добродушно согласился Маба. — Это — ответ на вопрос твоего начальника, мальчик.

— Ответ? На вопрос Джуффина? — растерянно переспросил я. — Насколько я понял, он хотел узнать, не шалят ли в Ехо ваши приятели... Вы действительно думаете, будто я что-то понимаю?

— И не надеялся! — усмехнулся он. — Ничего, Макс, я уже привык иметь с тобой дело... Я заранее догадывался, что мне придется все разжевать и положить тебе в рот, как всегда. Эх ты, птенчик! Мои так называемые "друзья" живут в этом замке... Ты хоть узнаешь, что это такое?

— Очень знакомые очертания, — виновато сказал я. — Я как раз голову ломаю...

— Такую голову и поломать не грех! — снисходительно согласился Маба. — Это же миниатюрная копия Холоми.

— Точно! — обрадовался я. Макет действительно был точной копией Королевской тюрьмы Холоми — впрочем, тюрьмой, стены которой способны удержать в себе самого искушенного в колдовстве чародея, древний замок Холоми стал всего сотню с небольшим лет назад, а до этого он успел побывать и дворцом

— Ага, — согласился шеф. — Так что поезжай... Подожди еще секунду, Макс. Маба наверняка будет полоскать тебе мозги — и пусть его! Главное: не забывай прислушиваться к своему мудрому сердцу — зря, что ли я его тебе добывал? Если оно почует, что дело нечисто, постарайся зафиксировать это в своем сознании.

— Сердце у меня скандальное, — улыбнулся я. — Захочешь — не проигнорируешь...

— Ты меня успокоил, — усмехнулся Джуффин. — Все, теперь можешь исчезать.

И я пулей вылетел из его кабинета. До заката оставалось еще часа два, а то и больше, но если учесть предстоящие мне блуждания, времени было не так уж много.

— Куда ты несешься, Макс? — с любопытством спросил меня Нумминорих, которого я едва не сбил с ног, когда со скоростью звука пересекал Зал Общей работы по траектории пьяной кометы.

— Туда, где меня пока нет! — жизнерадостно ответил я.

— Куда? — жалобно переспросил он вдогонку.

— В Квартал Свиданий, куда же еще! — и я исчез, довольный собой, как никогда.

Секунды через две я уже сидел за рычагом своего амобилера — могу ведь быть шустрым, когда захочу! Пулей промчался по Большому Королевскому Мосту и оказался на Левом Берегу, в зеленом районе дорогих вилл, нередко похожих на маленькие старинные замки — Впрочем, некоторые из них и были старинными замками, слегка перестроенными в соответствии с веяниями времени. Несколько минут я ехал в направлении Зеленого Кладбища Петтов, потом решительно свернул в первый попавшийся переулок — какая, к Темным Магистрам, разница! — и неожиданно оказался перед садовой калиткой дома Мабы Калоха. Я совершенно ошалел от столь грандиозного везения: с такой скоростью я еще к Мабе никогда не добирался.

Вопреки обыкновению хозяин дома встретил меня у входа. Внимательно оглядел меня своими темными, круглыми, как у птицы, глазами и приветливо улыбнулся. Вообще-то, за сэром Мабой водятся другие привычки: обычно счастливчик, который нашел его дом, вынужден еще некоторое время плутать по его коридорам в поисках эксцентричного хозяина этого таинственного местечка.

— Ага, занятый всякой ерундой сэр Халли не нашел свободной минутки для свидания со старым другом и прислал заместителя. Что ж, это неплохо! — жизнерадостно сказал Маба. — Давненько ты меня не видел, мальчик! — его приветствие заставило меня улыбнуться: вообще-то, в таких случаях принято говорить: "давно я тебя не видел!"

— Что касается меня — я-то видел тебя довольно часто, — Маба явно читал мои мысли. — Неужели ты думал, что я откажу себе в удовольствии подсматривать за твоими похождениями?

— Не вмешиваясь, как всегда, — понимающе кивнул я.

— Было бы во что вмешиваться! — Маба снисходительно пожал плечами и добавил:

— После того, как ты вернулся из Гугланда, твоя жизнь стала довольно скучной — для стороннего наблюдателя, конечно. Думаю, сам ты был доволен ею как никогда прежде.

оскорблением, которое может быть смыто только кровью. Я сама один раз ошиблась: перепутала один слог в грешном названии отдаленных владений одного великого героя...

— И что? — встревожился я.

— Ничего особенного. Просто мне пришлось сражаться с этим дядькой. Знаешь, оказалось, что далеко не все арварохцы такие великие воины, как может показаться с первого взгляда...

— И хвала Магистрам, — вздохнул я.

— Да не огорчайся ты так, — звонко рассмеялась Меламори. — Все уже в прошлом, я жива, а этого беднягу похоронили года два назад — и говорить не о чем! Я восхищенно покачал головой — а что мне еще оставалось?

— Хорошо, что похоронили именно его, — заключил я.

— Да, не думаю, что этот достойный человек смог бы заменить тебе меня, — невозмутимо согласилась моя прекрасная леди.

— Наверняка! По крайней мере, он вряд ли умел так рычать, — я решил поставить регулятор лирики на минимальную мощность: хорошего понемножку.

— Куда ему! — весело подтвердила Меламори.

Мы вернулись в Дом у Моста. Наверное, моя рожа показалась коллегам слишком уж довольной, во всяком случае, Джуффин с Кофой начали дружно бубнить что-то насчет моего "не в меру свободного" расписания. Дескать, бродил где-то три часа вместо одного (на самом деле, всего два), да еще и "особо ценного сотрудника" отвлекал от полезной деятельности на благо Соединенного Королевства. Под "особо ценным сотрудником" разумеалась леди Меламори, которая тут же начала задирать нос: еще бы, такие комплименты!

— Нет ничего хуже, чем иметь на службе коронованную особу, — ехидно заключил Джуффин.

— Передергиваете, — усмехнулся я. — Я уже две дюжины дней, как отрекся от престола. Вы же сами помогали мне обмывать это мероприятие!

Это была чистая правда: мне наконец-то удалось подписать исторический документ, в котором говорилось, что я, Владыка Фангахра, находясь в здравом уме и твердой памяти (к счастью, меня не заставили проходить предварительное обследование в Приюте Безумных, в противном случае наша с Гуригом затея вполне могла бы рухнуть по "техническим причинам"! передаю своих подданных, племя кочевников Хенха из Пустых Земель в отеческие объятия Его Величества Гурига VIII, вместе с этими самыми Пустыми Землями, которые до сих пор считались "нейтральной территорией". Сразу после подписания документа размеры Соединенного Королевства несколько выросли, а очертания разительно изменились, так что все карты Мира сейчас поспешно переделывались — сколько географов, топографов, художников и владельцев типографий получили благодаря мне дополнительную возможность заработать, подумать страшно! Мои кочевники почти не сопротивлялись: думаю, за два с лишним года моего концептуального заочного "правления" они на собственном опыте убедились, что Его Величество Гуриг VIII — весьма симпатичный и, самое главное, куда более надежный человек, чем их злосчастный "Владыка Фангахра".

— Ты-то, может, и отрекся! — ядовито сказал мой шеф. — А все царские замашечки при тебе остались!

— Господа, — неожиданно вмешался Лонли-Локли, который все это время с интересом прислушивался к нашим вялым попыткам разнообразить царящую в Тайном Сыске идиллию хоть какой-нибудь заваливающей перебранкой. — Вы несправедливы к сэру Макс. Насколько мне известно, его рабочий день начинается после захода солнца, а оно еще не скрылось за горизонтом...

Джуффин и Кофа удрученно переглянулись: этот педант не дал им отыграть свою партию.

— Спасибо, Шурф! — с чувством сказал я. — Если бы не ты, эти хищники меня бы уже давно заклевали! Я вот все думаю: давай бросим этих пожилых злодеев, сбежим отсюда к ядреной фене, откроем маленькую частную конторку... Будем принимать заказы на убийства — уж что умеем, то умеем! Я могу душевно беседовать с клиентами и принимать заказы, ты будешь их выполнять, а доход пополам.

— Очень мило с твоей стороны предложить мне совместный бизнес, Макс! — совершенно серьезно откликнулся он. — Мне весьма приятно услышать, что ты заранее готов честно отдавать мне половину доходов. Я непременно обдумаю твое предложение. Только скажи пожалуйста: где находится этот город с романтическим названием Дренефейне? До сих пор я думал, что неплохо знаю географию Мира, но это название мне незнакомо... Или Дренефейне — город из другого Мира?

Сэр Джуффин Халли, уже давно приобшившийся к жемчужным россыпям моего лексикона, скрылся в своем кабинете, сотрясаясь от смеха, больше похожего на сдавленные рыдания. Я и сам с трудом сохранял серьезность.

— Это не город, Шурф, — виновато объяснил я. — Просто такое выражение: "к ядреной фене", что приблизительно означает — куда-нибудь подальше отсюда. Ничего конкретного... И вообще я пошутил.

— Да, я так и подумал, — с некоторым сомнением отозвался он. — Оно и к лучшему: сейчас не самое подходящее время для того, чтобы уходить из Тайного Сыска...

— Макс, — неожиданно серьезно сказал наш шеф, выглядывая из кабинета, — если уж выяснилось, что ты не собираешься бросать службу прямо сейчас, идем пошушукаемся. Есть дело.

— Сразу бы так! — улыбнулся я. — А то: "три часа, три часа"...

— Знаешь, Макс — с некоторым сомнением протянул Джуффин после того, как за мной закрылась дверь его кабинета, — мне еще утром пришла в голову одна идея, возможно, не самая удачная... Дело в том, что я лично знаю нескольких человек, которые могли бы устроить все эти фокусы с летающими и, уж тем более, исчезающими домами. Трое из них сейчас находятся в Ехо. То есть, они отсюда никуда и не уезжали... — он задумчиво умолк.

Я вопросительно приподнял бровь, дожидаясь продолжения.

— Эти ребята — хорошие приятели Мабы Калоха, — неохотно сказал Джуффин. — Он прячет их и еще нескольких мятежных Магистров у себя дома, со времен принятия Кодекса Хрембера. В противном случае, у них были бы неплохие шансы угодить в Холоми на пару столетий. Маба не раз заверял меня, что его друзья заняты куда более важными вещами, чем "дешевый мальчишеский выпендрей с Запретной Магией" — по его собственному выражению. Сегодня я впервые усомнился в его правдивости и послал ему зов. Просто попросил откровенно сказать мне: да, или

нет. Открою тебе секрет: я даже обещал Мабе замять дело, если в него замешаны его квартиранты. Нас с Мабой слишком многое связывает, чтобы мелочиться...

— И что? — нетерпеливо спросил я. — Это они?

— Маба очень обрадовался моему вопросу, — шеф выглядел озадаченным, что на моей памяти с ним случалось крайне редко. — И пригласил в гости — меня, тебя, или нас обоих, как нам заблагорассудится. Обещал показать "нечто очень интересное", после чего, по его утверждению, у меня навсегда пропадет охота донимать его подобными глупостями. А объяснить хоть что-то по-человечески наотрез отказался — ты же знаешь нашего Мабу... Ну что, съездишь?

— Один? — удивился я. — А вы? Не хотите?

— Хочу, — вздохнул Джуффин. — Но мне надо навестить Нуфлина — прямо сейчас, до заката, поскольку после заката у нас с тобой будут более важные дела. Я бы не стал тратить время на такую глупость, как этот визит вежливости, но Нуфлин по-настоящему рассердился... Вообще-то его можно понять: если бы кто-то так обошелся с крышей моего дома, я бы и сам рвал и метал: легко быть мудрым и спокойным до тех пор, пока кто-то не помочится тебе на голову! Если я не успокою Магистра Нуфлина, старик возможно попытается издать какой-нибудь идиотский закон, в котором нет практической необходимости — просто из вредности, чтобы жизнь никому медом не казалась. Например, увеличит минимальный срок заключения в Холоми с трех до десяти лет, или, — он лукаво покосился на меня, — отменит привилегии для поваров, которых я в свое время с таким трудом добился. Будем опять жрать всякую вредную для здоровья дрянь, приготовленную без применения старой доброй магии...

— Ужас какой! — почти искренне сказал я. — Нет уж, к Мабе я сам съезжу, а вы спасайте человечество!

— Ну вот и договорились, — кивнул мой шеф. И с некоторым сомнением спросил:

— Дорогу-то найдешь?

Это был хороший вопрос. У Мабы Калоха, отставного Великого Магистра Ордена Часов Попятного Времени уже давно не было постоянного "почтового адреса". О его доме с уверенностью можно сказать одно: он находится на Левом Берегу, где-то недалеко от Зеленого Кладбища Петгов — и это все. Можно сутками кружить по Левобережью, можно методично прочесать его, квартал за кварталом, и не найти домик Мабы. А можно найти его сразу, за первым же поворотом, или через полчаса, или к ночи — как повезет. Собственно говоря, "повезет" — не совсем удачный термин. Для того, чтобы найти дом Мабы Калоха, надо быть совершенно уверенным в том, что ты абсолютно уверен, что способен найти его грешное жилище. При этом сам сэр Маба Калох должен испытывать уверенность, что он действительно хочет тебя видеть. И еще судьба не должна иметь никаких возражений, и желательно, чтобы звезды стояли как надо... Одним словом, на простой вопрос Джуффина: "найдешь дорогу?" не существовало однозначного ответа.

— Я постараюсь сделать все, чтобы эта грешная дорога нашла меня, — хмуро сказал я. — В случае чего не постесняюсь послать зов Мабе и устроить ему хорошую истерику — все лучше, чем полгода по Левому Берегу мотаться... Кроме того, насколько я понял, у меня есть время только до заката.

эмоций?

— С тех пор столько всего случилось, — я изо всех сил старался сформулировать причину своего беспокойства. — А сейчас я чувствую, что снова стал таким, как тогда. Вернее, остался таким же. Словно ничего и не было. Словно в моей груди опять бьется всего одно сердце, и нет никакого меча Короля Мёнина — помните, его Тень обещала мне, что я больше никогда не буду "слишком живым"? Так вот, она ошибалась: прошло несколько лет, и я опять такой же живой... и такой же глупый, как до нашей встречи! Можно подумать, что не было маленького города возле Кеттари и мертвого Кибы Аццаха, летевшего в пропасть, и наших походов на Темную Сторону, и скольжения сквозь Хумгат, и горячего белого неба, под которым когда-то бродил мой приятель Лойсо, и этого вашего жуткого подарочка, дневника Короля Мёнина, который чуть не свел меня с ума... Ничего не было — только пустые сны о невозможных чудесах! Все возвращается, Джуффин. Или это я сам возвращаюсь. И я сам не знаю, почему меня это так настораживает...

— В чем-то ты прав, — мягко сказал Джуффин. — Понимаешь, настоящий путь никогда не бывает движением по прямой. Это тебе не поездка на амобилере на ярмарку в Нумбану. Нет движения вперед, нет пункта назначения, в который надо прибыть. Это куда больше похоже на прогулку по берегу океана в шторм. Одна волна сбивает тебя с ног и уносит тебя в открытое море, а другая выбрасывает на берег. Нет никакой цели, никакой Нумбаны, никакой ярмарки — ничего! Только твоя дурацкая, рискованная прогулка и безжалостные волны, которые увлекают тебя за собой, а в тот момент, когда тебе начинает казаться, что ты уже освоился в океане — снова выбрасывают на берег, и ты понимаешь, что все нужно начинать сначала. Ты говоришь — все возвращается? Так оно и есть. Но не паникуй, парень: со временем ты поймешь, что всякий раз нас выбрасывает на иной берег, и мы начинаем с какого-то другого "начала"... — он неожиданно улыбнулся и подмигнул мне:

— Ну что, впилил?

— Врубился, — невольно улыбнулся я. — А вы тоже были знакомы с Андэ Пу?

— Никого не минула чаша сия! А теперь смотри внимательно, Макс. Мы и так уже кучу времени угрожали на философскую беседу!

Я кивнул и во все глаза уставился на пламя свечи. Фокус моего шефа действительно оказался хорош: кадры своеобразного "кинофильма", то есть реальные события, которые происходили в этой загадочной гостинице, мелькали не перед моим внутренним взором, а вырисовывались в пламени свечи, как на самом настоящем киноэкране. Поэтому в какие-то моменты я чувствовал себя так, словно и вправду застрял перед обыкновенным телевизором.

Первое, что мы увидели: худенькая белокурая девушка, совсем юная, с по-детски коротко стриженными волосами. Она с ногами забралась в кресло, вплотную придвинутое к обеденному столу, и сосредоточенно склонилась над полупустым бокалом, нашептывая какие-то невнятные заклинания.

— Так, так, так, — изумленно пробормотал Джуффин. — Древнее заклинание Старых Королей! Где она могла его раздобыть, хотел бы я знать?! Дырку в небе над этим домом, Нуфлин не пожалел бы за него все сокровища Семилестника!

— А что это за заклинание?.. — Начал было я, но шеф нетерпеливо отмахнулся.

— Потом расскажу. Смотри пока.

Остатки напитка в бокале вспенились и зашипели. Стол заходил ходуном.

облачком темного тумана — теперь нам оставалось только хором запеть: "я тучка, тучка, тучка, а вовсе не медведь!" Но наша маскировка была куда лучше, чем у мужественного пионера авиации Винни-Пуха.

Если честно, я до сих пор панически боюсь высоты. Вообще-то человек, которому доводилось парить над остроконечными крышами Эхо без всяких вспомогательных средств, мог бы давным-давно избавиться от своей детской фобии, но у меня почему-то пока ничего не получалось... Разумеется, я старательно делал вид, что со мной все в порядке, поэтому вверенный моему управлению пузырь Буурахри взмыл в небо куда быстрее, чем это происходит обычно, когда им управляет нормальный человек, которому нет нужды что-то доказывать окружающим. Через несколько минут земля осталась так далеко внизу, что я понял: перестарался. Хотел было опустить наш летательный аппарат пониже, но Джуффин запротестовал.

— Ничего, так даже лучше. Теперь нас точно не заметят. Я слегка перестраховался, заказал сэру Шурфу пасмурную погоду: чтобы никаких звезд и уж, тем более, луны, и побольше темных тучек вроде нашей. Но излишняя осторожность не помешает.

— О'кей, как скажете, — согласился я. И осторожно полюбопытствовал:

— А вы действительно думаете, что сегодня ночью эти неизвестные герои повторят свой подвиг?

— В другое время и в другом месте я бы сказал тебе: не имеет никакого значения, что я думаю, поскольку надо просто делать все, на что ты способен, а не гадать, как сложатся обстоятельства... Но сегодня я могу сказать тебе: я совершенно уверен. Я просто знаю, что так будет. Понятия не имею, что это был за "летающий дом", и кто помочился на Иафах, но я предчувствую скорую развязку. Имею я право на нормальное человеческое предчувствие?

— Было бы довольно странно, если бы я сказал "нет", правда? — улыбнулся я.

Ожидание не показалось мне томительным. Если честно, давно я так славно не проводил время. Сэр Джуффин был в ударе: он развлекал меня историями о Смутных временах и мятежных Магистрах — тех, кто отдыхал в "санатории имени сэра Мабы Калоха", и о тех, кто отправился в изгнание, философски пожимая плечами, или изрыгая прощальные угрозы — в зависимости от темперамента. Собственно говоря, поначалу мы пытались вычислить, кто из них мог вернуться в Эхо, чтобы хорошенько поразвлечься. Ни одной путной гипотезы у нас так и не родилось, зато мы с шефом замечательно поболтали, благо торопиться пока было некуда.

— Ага! — торжественно сказал мой шеф, неожиданно прерывая очередную захватывающую историю о Великом Магистре Ордена Решеток и Зеркал Эшле Роххе. — Сэр Шурф только что прислал мне зов. Домик на улице Пузырей благополучно исчез. Правда, на сей раз это совершенно незаметно для стороннего наблюдателя — если сторонний наблюдатель — не наш сэр Шурф. Мелифаро был рядом и ничего не заметил — а ведь он тоже не новичок!

— Как это — не заметил? — удивился я.

— А вот так. Со стороны может показаться, что ничего не изменилось. Если давеча сэр Кофа обратил внимание, что оранжевый дом Епы Боблы исчез, и вместо него стоит какое-то новое здание, то сегодня он просто прошел бы мимо, потому что

внешний вид дома остался прежним. Но это больше не настоящий дом. Так, наваждение — и ничего больше. А индикатор сэра Шурфа при этом показывает, что кто-то нескромно применил аж восемьдесят восьмую ступень Черной магии. Понял?

— Ничего не понял, — печально констатировал я. — А куда подевался настоящий дом?

— Вот! — обрадовался Джуффин. — Это именно тот вопрос, на который мне ужасно хочется получить ответ... И кажется, я его уже благополучно получил. Посмотри-ка на сей летающий объект, Макс, и только попробуй заявить, что он "неопознанный"!

— И где вы только нахватались таких выражений? — проворчал я. — Вы сбиваете меня с толку, сэр: по законам жанра вам просто не полагается знать, что такое "неопознанные летающие объекты". Это исключительно моя привилегия — замусоривать речь непонятными словосочетаниями из моего Мира!

— Сам виноват, — добродушно огрызнулся мой шеф. — Притащил сюда это свое кино — представляешь, чего я нахватался за эти годы?! И вообще, прекращай молотить чушь, обрати свой пламенный взор вниз и скажи мне: что ты там видишь?

— Дом, — несчастным голосом сказал я, — тот самый грешный летающий дом, печально знаменитую галлюцинацию наших доблестных алкоголиков из Городской Полиции. И знаете что хуже всего? Я даже не могу сделать вид, что меня это удивляет. Собственно говоря, именно ради встречи с этим шустрым памятником архитектуры мы и покинули твердую землю.

— Так мило с твоей стороны не притворяться полным идиотом чаще, чем требуется! — восхитился мой шеф. — А тебя не затруднит сделать еще парочку гениальных выводов, которые напрашиваются сами собой?

— Ждете, что я сейчас дурным голосом заору: "да это же тот самый оранжевый дом с улицы Пузырей!" Не дождетесь! — твердо сказал я. — Хотя дом действительно тот самый. Даже скучно: никакой тебе интриги!

— Ничего себе — "никакой интриги"! — возмутился Джуффин. — Ты забываешь, что нам с тобой еще предстоит поймать тех, кто находится внутри.

— Ну да, схватить и обезвредить, — отчаянно зевнул я. — Тоже мне проблема: куда они денутся — от вас-то! А если учесть, что внизу их еще и сэр Шурф караулит... Я вообще с самого начала мог поехать домой и снова завалиться спать.

— Не перегибай палку, — нахмурился Джуффин. — Я, конечно, могу испепелить этот домик прямо сейчас, да ты и сам это можешь — невелика наука! Но сейчас — не Смутные времена, чтобы сначала убивать, а потом разбираться.

— А жаль, — ехидно усмехнулся я.

— Жаль, — совершенно серьезно согласился он. — Но как бы там ни было, а сегодня нам не следует кого-то испепелять — разве что, вдруг выяснится, что это вопрос жизни и смерти. Я предпочитаю просто проследить за полетом этого неизвестного героя. По-моему, он заслуживает всяческого восхищения. Знаешь ли ты, что в Ехо даже в старые времена было не слишком много колдунов, способных преодолеть земное притяжение? Совершенно особое искусство!

— Скажите уж прямо: вы просто надеетесь, что этот ваш "неизвестный герой" отважится повторить свой вчерашний подвиг и еще раз помочится на крышу Иафаха! — фыркнул я. — Пустячок, а приятно!

— Ладно, сдаюсь, — усмехнулся Джуффин. — Тут ты прав: Бубута распустил своих ребят. Орет он, конечно, будь здоров, но к его крику можно привыкнуть. А выгонять людей со службы он не любит. Наверное, все не может привыкнуть к мысли, что война давным-давно закончилась, и он руководит не солдатами, которых никуда, кроме как в расход, не денешь, а обыкновенными наемными служащими, которых можно просто уволить за нарушение служебной дисциплины... — Между делом Джуффин внимательно осмотрел колокольчик (я уже давно заметил, что моему шефу всякие там индикаторы без надобности) и торжественно провозгласил:

— Подходит. Лучше просто не бывает! Сосредоточься, сэр Макс, сейчас перед нами откроются страшные тайны Клуба Дубовых Листьев, будь он неладен!

Я повертел вещицу в руках. Ничего особенного: маленький изящный колокольчик из светлого металла, немного похожий на традиционные елочные игрушки моей далекой родины, только не такой хрупкий. У меня самого в каждой комнате дома висят такие безделушки — не то остались с тех давних времен, когда звать слуг с помощью Безмолвной речи считалось дурным тоном, не то просто модное когда-то украшение, от которого не хочется избавляться даже после того, как представления об идеальном дизайне интерьера успели несколько раз смениться.

Джуффин тем временем достал из кармана лоохи большую голубовато-белую свечу с причудливым узором, образованным крошечными темно-красными брызгами воска и свое знаменитое "огниво", принцип действия которого до сих пор остается для меня загадкой. Единственное, что я могу сказать наверняка: добыть огонь с помощью этого предмета с трудом удастся даже самому сэру Джуффину. В конце концов затея увенчалась успехом.

— А зачем столь серьезная подготовка? — спросил я. — Не такое уж это сложное дело, даже для меня!

— Ну не скажи, — серьезно возразил Джуффин. — Во-первых, так смотреть все-таки гораздо удобнее. И потом... Конечно, когда ты хочешь узнать, как развлекались твои приятели, пока ты скучал на службе, можно обойтись и без подготовки. А сейчас мы с тобой хотим сунуть свои носы в дела весьма могущественных чародеев. Чувствуешь разницу?

— Ага, — согласился я. — Хотя мои приятели тоже вполне могущественные чародеи — вам так не кажется?

— Но они же не собирались скрывать от тебя свои действия, верно?

— Кто знает, кто знает! — рассмеялся я. — Сейчас я начинаю думать, что их вечеринка в изложении моей несчастной околдованной мебели показалась мне какой-то чересчур невинной: ни тебе мордой в салат, ни тебе голыми на столе поплясать, даже гадостей обо мне никто особо не говорил...

Установив свечу у дальней стены гостиной, Джуффин улегся на живот в противоположном углу, жестом пригласив меня присоединиться. Я послушно устроился рядом в позе полумертвого пляжника: пластом, на животе, только голова слегка приподнята. Колокольчик был установлен точно посередине между нами и свечой.

— Точно так же мы с вами лежали на полу в вашем кабинете, когда Мелифаро застрял в доме вашего соседа Маклука, — вспомнил я. — Даже свеча, кажется, та же самая, или просто похожа... — Я и сам не мог понять, почему так разволновался.

— И что с того? — шеф внимательно посмотрел на меня. — Откуда такая буря

— Даже если мне удастся прожить тысячу лет, у меня найдется чем заниматься: я уйду на пенсию прямо из этой гостиной, сокрушаясь, что не успел побеседовать с последними тридцатью двумя предметами обихода.

— Ну все, разошелся! — Джуффин укоризненно покачал головой. — Разумеется, не все до единой. Поскольку времени у нас мало, а вещей в доме действительно много, тут очень важно сделать правильный выбор.

— А есть какие-то принципы отбора? — оживился я.

— Разумеется. Во-первых, вещь должна стоять на таком месте, с которого открывается хороший обзор. Во-вторых, это должна быть вещь, которую никогда не убирают на длительное время в какой-нибудь темный ящик. К примеру, если сейчас ты выберешь для "допроса" вилку, или кастрюлю, это будет не самое верное решение, поскольку вилки после ужина убирают в коробки, а кастрюлю уносят на кухню и наверняка прячут в шкаф. В-третьих, предмет не должен быть каким-нибудь волшебным амулетом, и вообще следует заранее убедиться, что при его изготовлении не применялась какая-нибудь высокая ступень магии: в противном случае, он вполне может исказить факты в пользу своего хозяина. Волшебные вещи — хорошие обманщики! Кроме того, предмет не должен быть очень крупным: чем больше размеры, тем труднее работать, не знаю уж, почему. Если хочешь проверить, попробуй как-нибудь на досуге пообщаться со своим амобилером... Ну и последнее: предмет не должен быть светильником, или зеркалом, поскольку любой светильник не видит и не запоминает ничего, кроме своего собственного света, а любое зеркало всегда занято непрерывной игрой своих отражений. Остается добавить, что бассейны и унитазы хранят весьма специфическую информацию, не думаю, что тебе это будет интересно, хотя — дело вкуса... Ясно?

— Ясно, — кивнул я.

— Отлично. Тогда скажи мне: какой предмет ты допросил бы, чтобы узнать обо всем, что творилось в этой гостиной?

— Эта ваза с цветами в центре стола, наверное, стоит здесь всегда, — нерешительно начал я и тут же помотал головой.

— Нет, стол недостаточно высокий, поэтому у вазы не слишком хороший обзор. А вон тот колокольчик над дверью, ведущей на кухню, если он не заколдован...

— Хороший выбор, — кивнул Джуффин. — Сейчас проверим.

Я почему-то был совершенно уверен, что нам придется придвигать к двери какой-нибудь стул и лезть за колокольчиком, но шеф просто протянул к нему руку, и колокольчик послушно соскользнул с гвоздя, на котором висел, и спрыгнул в его раскрытую ладонь.

— А я так не умею! — огорчился я.

— Правильно, не умеешь, — кивнул Джуффин. — Потому что я стараюсь как можно меньше учить тебя Очевидной Магии. Самые необходимые фокусы ты уже знаешь, а прочие тебе пока без надобности. Ну вот скажи мне, что изменилось в твоей жизни от того, что ты научился протрезвлять пьяниц? Разве что получил еще одну возможность восхищать окружающих, которые уже и без того лежат на спинке и дрыгают лапками при твоём появлении. Оно тебе надо?

— Ну почему, это как раз очень полезный фокус! — расхохотался я. — Когда работаешь в том же здании, где располагается Городская Полиция, это, можно сказать, самое необходимое умение! Просто жизненно важное!

— Какая нечеловеческая проникаемость! — усмехнулся Джуффин. — Ну, надеюсь... Полагаю, у тебя нет возражений?

— Ради вас я готов на любую жертву, — вздохнул я. — Хотя предчувствую, что теперь мне придется болтаться между небом и землей на пару часов дольше. Вы знаете, что я не являюсь фанатом воздухоплавания?

— Знаю. Именно поэтому тебе следовало бы залезать в этот грешный пузырь как можно чаще, — невозмутимо заметил мой шеф. — До тех пор, пока тебе не станет все равно.

— Если я начну проделывать все вещи, которые мне не нравятся, да еще и до тех пор, пока мне не станет "все равно", мне придется подать в отставку, — сердито буркнул я, — поскольку на посещение службы времени просто не останется!

— Все не обязательно, — великодушно сообщил этот изверг, — клизму, пенки от молока и даже посещение дантиста вполне можно пропустить... Смотри-ка, Макс, а ведь домик действительно держит курс на Иафах! Теперь я совершенно уверен, что там засел сумасшедший... вернее, целая команда безумцев. Пакостить два раза кряду на одном и том же месте... Неужели они не понимают, что в Иафахе не идиоты сидят?! Мальчики Нуфлина подготовились к романтической встрече, это же само собой разумеется!

— А может быть эти ребята в домике как раз и хотят связаться в хорошую драку? — предположил я. — Пойти на штурм Иафаха только потому, что им приспичило еще раз помочиться на его крышу — как романтично!

— Это, собственно говоря, и является самым убедительным доказательством их безумия! — упрямо заявил мой шеф. — Да, а драку-то надо попытаться предотвратить, — озабоченно добавил он. — Только кровопролития в самом центре города нам не хватало...

Но нам так и не пришлось вмешиваться: никакой драки не вышло. Летающий дом медленно приблизился к высоким стенам, возведенным вокруг резиденции Ордена Семилистника, а потом вдруг развернулся и полетел в обратном направлении.

— Ага, испугались! — торжествующе заявил я.

— Похоже на то, — согласился Джуффин. — Почуяли, что сегодня туда лучше не соваться. Тем лучше: значит воздушного боя не будет. Ограничимся небольшой наземной потасовкой... А чего ты, собственно говоря, ждешь? Следуй за ними, горе мое!

— Я ждал вашего указания, — подобострастно сообщил я. — Я — солдат, сэр. Я не думаю, а выполняю приказы. Командуйте!

— Вот я и команду, — усмехнулся мой шеф.

Мы последовали за летающим домиком. Таинственный "начальник экипажа", скрывающийся внутри, не стал ничего придумывать, а просто направился обратно, на улицу Пузырей.

— Смотри внимательно, Макс, — сказал Джуффин, когда мы приблизились к месту назначения. — Интересно, как наваждение будет уступать место настоящему дому...

Признаться, я ожидал более эффектного зрелища: каких-нибудь таинственных превращений с фейерверками. Все оказалось проще и элегантнее: летающий дом просто опустился на землю, на то самое место, где стояла его точная копия, сливаясь

со своим двойником по мере погружения в его иллюзорную плоть. Но сэр Джуффин Халли остался доволен.

— Красиво! — одобрительно сказал он. — Вот когда научишься проделывать такие штуки, сэр Вершител, можешь считать, что жизнь прожита не зря!

— Можно подумать, самое великое чудо всех времен и народов! — обиженно буркнул я, поскольку понятия не имел, как можно проделывать такие фокусы. Честно говоря, я не сумел бы приподнять этот домик даже на полметра над землей, а о таких тонкостях, как мягкая посадка, вообще речи быть не могло...

— Что, завидно? — усмехнулся мой шеф. — Не переживай, сэр Макс: мне тоже завидно.

— Хотите сказать, что вы так не умеете? — обалдел я.

— Если очень постараюсь — пожалуй, получится, — с некоторым сомнением сказал он, — но, боюсь, не так элегантно... Знаешь, вообще-то я никогда не был охотником тратить свое время на такие красивые, но почти бесполезные пустяки. Я всегда был очень практичным парнем... может быть, даже больше, чем следует! С другой стороны — зачем тратить кучу сил, чтобы заставить летать целый дом? Вполне достаточно, если ты сам можешь оторваться от земли, когда тебе потребуется, но даже это не обязательно, если ты постиг науку исчезать и появляться снова... Но эти ребята в доме, кто бы они ни были, красиво работают!

— Красиво, — согласился я. — Ну что, идем на посадку, познакомимся с этими гениями?

— И как можно быстрее, — кивнул Джуффин. — Сейчас лучше не терять ни минуты, чтобы потом не кусать локти... Ох, ничего себе посадка! Сколько тебе заплатили за покушение на мою жизнь, мальчик?

Он был прав. Я настолько проникся необходимостью поторопиться, что дно корзины нашего летающего пузыря коснулось земли прежде, чем мой шеф закончил говорить. Так что назвать посадку "мягкой" было бы некоторым преувеличением. Но мы с Джуффином дружно решили, что хвататься за ушибленные места будем потом, и покинули несчастный летательный аппарат с такой скоростью, словно он вот-вот собирался взорваться. К нам тут же присоединился вынырнувший откуда-то из оранжевой мглы фонарей сэр Шурф Лонли-Локли, здорово похожий на строгое серьезное привидение в своем белоснежном лоохи, и мы отправились в дом, знакомиться с героями нашего нового "романа". Колдуны, засевающие внутри дома, кто бы они ни были, могли гордиться: честно говоря, я не припомню случая, когда арест преступника производился бы при одновременном личном участии "господина Почтеннейшего Начальника" сэра Джуффина Халли, сэра Шурфа Лонли-Локли с его смертоносными ручищами, да еще и меня, любимого, в придачу — все-таки какая-никакая, а "Смерть на Королевской службе"! В таком составе мы разве что с фэтаном сражались, да и это случилось в те благословенные времена, когда от меня толку было не намного больше, чем от возницы, сидевшего за рычагом нашего служебного амобилера: только на то и сгодился, чтобы стать наживкой, на которую клонуло это древнее чудовище — впрочем, весьма живучей наживкой, к счастью...

— Если эти гении вдруг начнут сопротивляться — а на их месте я бы непременно начал! — действуй правой рукой, сэр Шурф, — сказал Джуффин, берясь за ручку входной двери.

— Хуже, — тихо сказал Джуффин. — У меня не было времени как следует заняться знахарством, сам понимаешь! Но кое-что я успел понять. Можно сказать, что этих людей ели заживо. Вернее, выжимали из них силу, как сок. Господа, которых ты видел сегодня в этой гостиной — просто куча фруктовых ошметков.

— А им еще можно помочь? — я понимал, что принимаю судьбу этих незнакомых людей слишком близко к сердцу, но ничего не мог с собой поделать. На самом деле наше сочувствие ближним всегда покоится на прочном фундаменте смутных опасений, что рано или поздно и нас самих не минует чаша сия...

— Что, страшно стало? — Джуффин, разумеется, сразу меня раскусил, но его голос звучал скорее сочувственно, чем насмешливо. — Вообще-то все зависит от того, что ты подразумеваешь под словом "помочь". В живых они останутся, и в Приют Безумных не загремят, и аппетит не пропадет, и вообще все будет путем. А вернется ли к ним сила... Не знаю. Не думаю, если честно.

От его оптимистического прогноза мне стало совсем хреново, не знаю уж, почему. Джуффин, святой человек, не дал мне времени копаться в собственных переживаниях.

— Ты задал мне дурацкий вопрос, который не имеет никакого отношения к делу, — деловито сказал он. — А я вот все сижу и жду, когда ты начнешь спрашивать о вещах, которые действительно имеют значение.

— Все имеет значение, — я пожал плечами. — Вернее, на самом-то деле ничего не имеет значения, но поскольку эта истина кажется мне слишком простой и слишком жуткой... Вы как хотите, а я буду считать, что все имеет значение, ладно? Вы хотели, чтобы я спросил у вас: кто "выжал из них сок", зачем он это сделал, как ему это удалось, и самое главное — что нам теперь следует предпринять по этому поводу... Теперь я играю по правилам?

— Теперь да, — невозмутимо согласился Джуффин. — В всяком случае, у меня наконец-то есть повод сообщить тебе, что я приехал сюда специально для того, чтобы получить ответы на все эти вопросы... Ты еще помнишь, как я учил тебя узнавать прошлое вещей?

— Конечно, — кивнул я. — Будете смеяться, но я и сейчас довольно часто развлекаюсь таким образом. Очень полезная штука! Недавно вернулся домой на рассвете и обнаружил, что там всю ночь дружно веселились мои коллеги — почти в полном составе, только вас и Кофы не хватало. Даже сэр Шурф обнаружился в дальнем углу библиотеки: в одной руке — его знаменитая дырявая чашка, в другой — какой-то древний фолиант, а на лице застыло выражение абсолютного блаженства... Оказалось, что ребята решили отпраздновать мое отречение от престола, причем выбрали время, когда я сидел на дежурстве: решили, что без меня обстановка будет более непринужденной. Так вот, я потом устроил суровый перекрестный допрос своей мебели, не пощадил и посуду, устал зверски, но на следующий день пугал своих гостей доскональным знанием всех подробностей вечеринки...

— Ну вот видишь, хоть какая-то практическая польза от Невидимой магии все-таки есть, а не только одно беспокойство, — улыбнулся Джуффин. — Что ж, хорошо, что ты практиковал этот фокус, потому что сейчас нам с тобой предстоит как следует допросить все вещи в доме.

— Если все до единой, я могу быть спокоен за свою старость! — усмехнулся я.

что...

— Присылай мне иногда зов, ладно? — попросил я. — Даже если ничего интересного не случится.

— Ладно, если не найду какой-нибудь замечательный след, который заставит меня забыть обо всем на свете, — кивнула она.

— Только не забудь захватить с собой весь грём! — ядовито сказал Мелифаро.

— Тебе еще не надоело? — вздохнул я.

— Но его действительно нужно отвезти в Дом у Моста, — невинно пояснил Мелифаро. И печально добавил:

— Извини, Макс, но у меня нет времени торговать на Сумеречном Рынке! И, боюсь, еще долго не будет...

Они ушли, и я остался один. Вышел в гостиную, уселся в удобное кресло у стола и задумался.

— Мыслишь? — невесело спросил Джуффин. Пересек комнату, устроился рядом со мной и подмигнул:

— Здорово я облажался, да? Казалось, что все так просто! Бывшие колдуны из Клуба Дубовых Листьев заскучили на старости лет и решили вспомнить молодость...

— А как они отмазались? — осторожно поинтересовался я. Не то, чтобы я вдруг решил, что моего шефа можно обмануть, но невинность пожилых чародеев как-то плохо укладывалась у меня в голове: у нас уже было готово такое простое и понятное объяснение всего случившегося, и тут на тебе!

— В том-то и дело, что они не "отмазывались", — вздохнул Джуффин. — До этого дело не дошло. Стоило мне остаться наедине с сэром Анукой Таббом — это почетный председатель клуба, тот, что в красном лоохи — и я сразу увидел, что он не то что по воздуху летать — камру толком сварить не сможет, если понадобится! Давненько мне не доводилось видеть настолько слабого и беспомощного человека. Я тут же велел привести остальных — тот же диагноз! Потом я с ними немножко поговорил, и выяснил, что эти господа почти не осознают происходящее. То есть, осознают, конечно — примерно так же, как люди с очень высокой температурой: все как в тумане, реальные события путаются с игрой воображения, причинно-следственные связи работают на самом примитивном уровне. Они рады были бы нам помочь, поскольку считают, что наш приход спас их не то от смерти, не то от безумия, не то от чего-то еще более ужасного, но их речи бессвязны, а память угасает, как свеча на ветру. Единственное, что я уяснил из их нечленораздельного бормотания — нужно немедленно разыскать слуг.

— Они утверждают, что весь этот воздушный цирк — проделки слуг? — недоверчиво уточнил я.

— Они ничего не утверждают, — пожал плечами Джуффин. — Лопочут что-то несусветное... Но эти, когда-то могущественные, господа боятся своих юных прислужников куда больше, чем один человек может бояться другого. Досадно, что тебя не было со мной, Макс! Жалкое это было зрелище... и в высшей степени поучительное! Своевременное напоминание, что могущество никому не дается навсегда...

— Но как такое может быть? — несчастным голосом спросил я. — Их что, околдовали?

— Разумеется, — кивнул тот. — Эти господа, кто бы они ни были, хорошие колдуны, но их проступок яйца выеденного не стоит. В старые времена так развлекались разве что очень добродушные люди... — Шурф аккуратно снял огромную защитную рукавицу со своей правой руки. Перчатка, которая когда-то была верхней конечностью Младшего Магистра Ордена Ледяной Руки Йука Йуггари, а теперь принадлежала нашему Мастеру Пресекающему ненужные жизни — с тех пор, как он собственноручно откусил эту самую руку в конце Эпохи Орденов — и обладала способностью парализовать свою жертву. Впрочем, по сравнению со смертоносной, испепеляющей все на своем пути левой рукой сэра Шурфа, правая всегда казалась мне практически безобидной...

Они сидели в гостиной — дюжины две человек, весь Клуб Дубовых Листьев в полном составе. Хорошо одетые пожилые мужчины и женщины — если бы в Соединенном Королевстве был какой-нибудь парламент, я бы первым проголосовал за то, чтобы эти господа немедленно стали его членами. Меньше всего на свете они были похожи на ребят, которые прошлой ночью дружно мочились на крышу резиденции Ордена Семилестника, а только что пытались повторить сей бессмертный подвиг. Тем не менее, факты говорили обратное.

— Тайный Сыск столицы Соединенного Королевства, — сухо представился Джуффин. — Надеюсь, вы не откажетесь проследовать с нами в Дом у Моста, господа?

— Не откажемся, — деревянным голосом сказал один из джентльменов в красном лоохи. Остальные молчали и только смотрели на нас во все глаза, как мне показалось, скорее с облегчением, чем со страхом. Это было немного странно, но я тут же напомнил себе, что о нас по Ехо ходят самые жуткие слухи, поэтому этим милым людям было приятно убедиться, что мы ведем себя вполне прилично.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно кивнул Джуффин. — Амобилеры уже стоят возле дома, так что не будем откладывать... В доме еще кто-то есть?

— Прислуга, — таким же деревянным голосом ответил джентльмен в красном лоохи. — Восемь человек. Они там, — и он указал рукой в направлении двери, ведущей куда-то вглубь дома.

Я тут же отправился в указанном направлении и после недолгих блужданий оказался на кухне. Увы, там никого не было. Распахнутое настежь окно, ведущее во внутренний дворик, красноречиво свидетельствовало о том, что обыскивать дом нет нужды: очевидно, ребята смылись отсюда, как только дом приземлился. Черт, вообще-то их можно понять!

— Удрали, — сообщил я шефу, которого догнал уже на пороге.

— Ну и Магистры с ними, — отмахнулся он. — Удрали — значит, разыщем. Впрочем, на кой они нам сдались?!

— Хотя бы для того, чтобы Меламори и Нумминорих тоже ощутили свою причастность к этой операции, — улыбнулся я. — Побегает по следам — если не преступников, то хоть свидетелей, какое-никакое, а все развлечение!

— Ну разве что, — флегматично согласился Джуффин.

Наши преступники, тем временем, рассаживались по амобилерам.

— Побудь тут, сэр Макс, — скороговоркой сказал мой шеф, занимая место в одном из амобилеров. — Сейчас сюда заявится Мелифаро с командой полицейских: надо же обыскать помещение! Поможешь им, если потребуется, а потом вернетесь в

Дом у Моста на пузыре — не бросать же его здесь до утра.

— Пузырь я могу и в пригоршню спрятать, — меланхолично отозвался я, про себя подумав, что хватит с меня на сегодня воздушных полетов! — И вы можете спрятать его в пригоршню и доставить в Дом у Моста. Считается, что наши полицейские должны на нем чего-то там патрулировать — вот пусть и патрулируют на здоровье!

— Обойдешься. Я его в Дом у Моста не повезу, не надейся! — Джуффин явно видел меня как на ладони. — Сам доставишь. И не надо сверлить меня страдальческими глазами. На твоём месте я бы воспользовался возможностью лишний раз сделать то, чего не хочется — когда ещё будет повод!

Они уехали, а я некоторое время сердито смотрел на них в чём не повинный летающий пузырь. Разумеется, мой шеф был прав, он вообще всегда прав, и никуда от этого не денешься! Но я не отказал себе в удовольствии сделать небрежный жест левой рукой, после которого уандукский летательный аппарат уменьшился настолько, что его размеры показались бы невыразимо малыми даже "квартирантам" сэра Мабы Калоха, и оказался в моей пригоршне, уютно устроившись там между большим и указательным пальцами. По крайней мере, теперь я мог быть уверенным, что его не стащат, пока я буду слоняться по загадочному дому... кроме того, теперь у меня был хороший шанс вернуться в Управление на амобилере — как бы "по рассеянности"!

Через несколько минут рядом со мной затормозил амобилер, из которого выскочил совершенно лучезарный Мелифаро. За полторы секунды он успел выпалить "хороший вечер", сообщить мне, что "эти грешные кельди наконец-то остались в прошлом" и войти в дом. Этот неисправимый пижон уже успел сменить оранжевое лоохи, в котором был утром, на ярко-малиновое. В сочетании с зеленым тюрбаном и нежно-голубой скабой, оно производило совершенно непередаваемое впечатление: если бы я был быком, я бы непременно на него бросился, не дожидаясь призывных взмахов плаща. Следом за нами в дом вошли три офицера Городской Полиции: мой добрый приятель Апурра Блакки и ещё двое — их я знал только в лицо. Все они производили впечатление людей, у которых голова работает в оптимальном режиме — и как только таких ребят заносит на работу в полицию, под крылышко к генералу Бубуте?!

— Возьмите на себя второй и третий этажи и подвал, ребята, а мы пошарим здесь и на кухне, — бодро скомандовал Мелифаро. — Индикаторы я вам уже дал, или не успел?

— Вы только собирались, а потом Апурра начал рассказывать анекдот, — вежливо ответил один из полицейских.

Ага, точно! Кстати, надо бы его не забыть... — Мелифаро извлек из кармана три маленьких круглых прибора, немного похожих на компасы — индикаторы, которые помогают несведущему человеку сразу определить, применялась ли при изготовлении той или иной вещицы Очевидная Магия, и если да — то какой степени.

— Если найдете что-то подозрительное, сразу зовите нас, — заботливо предупредил Мелифаро. — Никаких несчастных случаев на работе, ребята: у меня есть мечта ночевать дома, и горе тому, кто лишит меня этой возможности своей преждевременной гибелью!

конечно... Ничего, как-нибудь выкрутимся! И не смотри на меня так, словно ты собираешься отправиться в уборную и сделать там хакакири! Любого из нас можно на время вывести из строя, и ты не исключение.

— Макс, что такое "хакакири"? — заинтересованно спросил Нумминорих.

— Ритуальное самоубийство, — усмехнулся я.

— Но почему его надо делать в уборной? — он уже почти был готов улыбнуться.

— А это чтобы процесс протекал без ложного пафоса, — невозмутимо объяснил я.

Я бы мог развить эту мысль, но меня отвлек зов Джуффина. "Посылай ребят на поиски слуг, а сам оставайся в доме: я сейчас приеду", — лаконично потребовал шеф, и его голос поспешно исчез из моего сознания, не дожидаясь ответа.

— Что делать-то будем? — нетерпеливо спросил Мелифаро.

— Я думал, все и так понятно, — я пожал плечами. Если Нумминорих не может учуять запахи, а мы с Меламори не можем найти следы, нужно просто отправиться домой ко всем слугам. Адреса-то были известны ещё днём!

— Думаешь, они сидят по домам и ждут, когда мы к ним заявимся? — фыркнул Мелифаро.

— Не думаю, — честно сказал я. — Даже не смею надеяться. Но небольшой шанс есть: вдруг ребята все-таки не при чем? Тогда они сидят дома, как честные граждане, или благопристойно напиваются в ближайшем трактире, чтобы прийти в себя после всех этих ужасов. В таком случае, приведете в Дом у Моста кучу свидетелей — пригодятся, в таком деле лучше переизбыток! А может быть они очень даже "при чем", но решат изображать святую невинность. В этом случае ребята тоже сидят дома, или в трактире — невелика разница. В любом случае, Джуффин с ними разберется... А если их нет дома — что ж, по крайней мере ты сможешь обыскать квартиры, допросить домочадцев, соседей и... Ну ты же лучше меня знаешь, кого следует допрашивать в таких случаях. Давай, дружище — чего откладывать!

— Ишь, раскомандовался! — усмехнулся Мелифаро. — Самое обидное, что у меня нет никаких возражений: все-таки иногда у тебя голова работает, чудовище! Реже, чем у нормальных людей, но сейчас именно тот случай.

— А мы? — спросила Меламори.

— А вы с Нумминорихом составите компанию сэру Мелифаро, — отозвался я. — И ребят из Городской Полиции прихватите. Пусть это будет что-то вроде маленького войска. И обыск делать удобно, и свидетелей допрашивать, если их несколько. И потом, там могут обнаружиться какие-нибудь интересные следы и запахи — вдруг нос Нумминориха на свежем воздухе задумается о своем поведении и исправится! А если дело дойдет до драки, большая компания — залог успеха. Во всяком случае, мне станет спокойнее, если я буду знать, что вас много.

— А ты с нами не поедешь? — удивился Мелифаро.

— А на кой я вам сдался? — я демонстративно зевнул, а потом честно сказал:

— У Джуффина ко мне какое-то дело. Не знаю, зачем я ему сдался, но...

— Ему в карты сыграть не с кем! — предположила Меламори.

— Как это не с кем?! — удивился я. — А члены Клуба Дубовых Листьев — чем не партнеры для игры в Крак?

— Ладно, в таком случае, мы поехали, — вздохнула она. — Адреса я помню, так

при чем! — драматическим шепотом сообщила Меламори. — Поэтому мы с Нумминорихом и приехали.

— Ничего себе! — присвистнул Мелифаро. — А они точно не при чем?

— Ну их же сэр Джуффин допрашивал! — пожал плечами Нумминорих. — Наверное ему виднее...

— Да, это правда, — меланхолично согласился Мелифаро. — Вот это номер! Получается, тут слуги бузили? То-то они так шустро удрали!

— Или какой-нибудь беглый Магистр проделывал эти фокусы, оставаясь в безопасном месте, — предположил я. — Такое возможно?

— Теоретически возможно, — неохотно согласился Мелифаро. — Но сомнительно. К тому же ты же сам сказал, что на этом подоконнике сидел какой-то "крутой колдун".

— Так, — твердо сказала Меламори, — брысь с подоконника, любовь моя. Доверь это дело профессионалу.

— Прошу, — я сполз с окна, по дороге попытался изобразить галантный поклон, но у меня не получилось, поэтому я просто полз дальше, пока моя несчастная задница не оказалась на полу.

Она проворно разулась, немного потопталась на подоконнике, потом прыгнула во двор — одним словом, в точности повторила мой давешний "ритуальный танец".

— Все затоптал! — укоризненно сказала мне Меламори, возвращаясь обратно. — Но тут действительно нет никаких свежих следов, кроме твоих, Макс — уж их-то я ни с какими другими не перепутаю!

— А несвежие есть? — оживился я. С этим у меня до сих пор было плохо: вообще-то, иногда мне удавались совершенно невозможные вещи — например, я мог встать на след мертвеца, но самый обыкновенный человеческий след всего-то недельной давности мне не по зубам.

— Фигня, — коротко ответила она. — Я по ним уже сегодня днем ходила. Все они ведут к рынку, что в конце улицы Пузырей, и возвращаются обратно. Наверное, слуги предпочитали шастать на рынок через окно, чтобы лишний раз не топтать ковры в гостиной.

— Но ты почуяла, что на подоконнике сидел кто-то очень могущественный? — настойчиво спросил я.

Она покачала головой.

— Ничего я не почуяла, Макс. Но верю тебе на слово. Тем не менее, никаких следов тут нет. Можно подумать, что все разлетелось, как птицы. Или просто шли, не касаясь земли: это довольно сложно, но проще, чем летать, — она обернулась к Нумминориху. — Твой ход, сэр Нумминорих. Ушли они, или улетели, но запах-то должен был остаться!

— Я пас, — мрачно сказал он. Мы устали на Нумминориха, как громом пораженные: до сих пор его волшебный нос нас никогда не подводил.

— Здесь рассыпали какой-то порошок, — буркнул он. — Или не порошок — не знаю... Какую-то дрянь, которая вывела меня из строя. Я уже несколько минут пытаюсь унюхать хоть что-то. Ничего не получается! — Нумминорих угрюмо уставился в пол. Я впервые видел этого жизнерадостного парня в таком скверном состоянии духа.

— Ничего страшного не случилось, — мягко сказал я ему. — Досадно,

Мы остались вдвоем в гостиной. Мелифаро тут же принялся обыскивать помещение — вообще-то это надо видеть! Малиновый вихрь несколько раз пролетел по комнате, остановился в центре, возле обеденного стола и бодро заявил:

— Так, ну тут ничего интересного, пошли на кухню!

— Ты так торопишься домой? — ехидно поинтересовался я.

— Что? — рассеянно переспросил он. Потом понял и укоризненно покачал головой:

— Я тороплюсь домой, конечно, но это не имеет никакого отношения к делу. Просто я уже знаю, что тут нет ничего заслуживающего внимания. Не все же такие тугодумы, как ты!

— А что за анекдот-то? — спросил я, когда мы оказались на кухне, и лоохи Мелифаро снова замелькало, вызывая у меня головокружение.

— Хороший, — усмехнулся он. — Про тебя.

— Опять про меня? — огорчился я.

— Ага. Напился, дескать, сэр Макс до потери пульса...

— Клевета! — возмутился я. — Не было такого! То есть, было, конечно, но давно и не в Ехо. Я вообще не помню, когда в последний раз пил что-то крепче камры!

— Я тоже такого не припомню, к сожалению, — миролюбиво согласился он, — но это не я придумал. Это народная молва, чудовище! Рассказывать дальше?

— Давай, — буркнул я.

— Ну вот. Напился сэр Макс до потери пульса. Забрел на Кладбище Кунига Юси, свалился в вырытую про запас яму и уснул. Через пару часов ему стало холодно, он проснулся, дрожит. А мимо идет кладбищенский сторож, тоже пьяный. Видит: разрытая могила, в ней сидит какой-то мужик, дрожит, стонет: "Ох, холодно мне, холодно!" Сторож ему — то есть тебе! — и говорит: "Так тебе и надо, не фиг было выкапываться!"

— Ничего, — одобрил я. — Только непонятно — почему именно про меня? Этот анекдот можно рассказывать про кого угодно: хоть про тебя, хоть про самого сторожа, смысл не изменится.

— А нашим горожанам нравится, чтобы было именно про тебя, — усмехнулся Мелифаро. — Это называется слава, бедняга... Ох, посмотри-ка, что я нашел! Вот чем они тут занимались! — и он заразительно расхохотался.

— Что ты нашел? — я с любопытством уставился на крошечный керамический кувшинчик, который он откупорил и теперь принимался к его содержимому. Целая армия точно таких же кувшинчиков стояла на кухонном столе.

— Это грём! — торжественно сообщил Мелифаро. Можно подумать, что его слова мне хоть что-то объясняли!

— Я не знаю, что такое "грём", — сухо сказал я.

— И это свидетельствует, что у тебя совершенно не остается времени на личную жизнь, парень! — фыркнул он. — Это же чудодейственное средство, мой бедный сэр Макс, специально для влюбленных мужчин, которые хотят потрясти избранницу и не выпускать ее из постели несколько суток кряду...

— Явный перебор, — усмехнулся я.

— Некоторым нравится, — весело сообщил он. — Беда в том, что для изготовления грёма требуется аж двадцать шестая ступень Черной магии. Немного

больше, чем могут себе позволить наши знахари после принятия Кодекса Хрембера, будь он неладен! Поэтому грём — большая редкость, и стоит дорого. За несколько лет до твоего появления в Ехо нам пришлось упечь в Холоми старого Кванку Поплу, который зарабатывал на жизнь исключительно изготовлением и продажей грёма. С тех пор наши столичные герои-любовники совсем приуныли! В Ехо его больше никто не делает, правда иногда привозят небольшие партии с окраин Соединенного Королевства: там колдовать труднее, зато и гадов вроде нас с тобой, которые мешают хорошим людям немного поворожить в своем подвале, в провинции почти не водятся... Но привозят совсем мало!

— Я уже понял, что столица Соединенного Королевства задыхается без крупных поставок грёма, — кивнул я. — Так что, получается, у этих пожилых чародеев из Клуба Дубовых Листьев проблемы с потенцией?

— Не обязательно проблемы, — пожал плечами Мелифаро. — Может быть у них все в порядке — но не больше, чем просто в порядке... А в жизни каждого мужчины должно быть место подвигу, тебе это никогда не приходило в голову? — он ехидно подмигнул мне и заговорщическим шепотом предложил:

— Хочешь попробовать, что это такое? Нет лучшего ответа на любой вопрос, чем личный опыт.

— В моей жизни и без грёма всегда есть место подвигу, — гордо сказал я. — Так что не требуется! Лучше возьми все себе, радость моя. Я никому не скажу об этом маленьком должностном преступлении, а тебе, глядишь, пригодится: молодая жена, и все такое...

— Ишь ты! А с чего ты взял, что мне пригодится?! — неожиданно возмутился Мелифаро. — Да я и без грёма не знаю, как хоть пару часов для сна выкроить!

— Нет проблем, — усмехнулся я. — Значит продадим его на Сумеречном рынке. Сколько стоит один такой кувшинчик?

— Дюжины две корон, впрочем, сейчас он наверное дороже, чем во времена моей бурной юности, — неуверенно протянул Мелифаро. — Не искушай меня, чудовище! Отдадим эти сокровища нашему шефу и будем спать спокойно...

— А Джужфину-то зачем? — расхохотался я.

— Для отчета, — невозмутимо сказал Мелифаро. — Ладно, не отвлекай меня пока, я тут еще пошарю, может найду что-нибудь поинтереснее грёма...

— А бывает еще "интереснее"? — фыркнул я. — Вот это да!

Он уже не слушал меня. Сосредоточенно обшаривал кухню.

Я, тем временем, начал подумывать, что грём — отличная возможность подшутить над кем-нибудь из ближних. Оставалось только улучшить момент, незаметно стащить один кувшинчик, или даже парочку — я здорово надеялся, что Мелифаро не успел их пересчитать — и найти подходящую жертву. Вообще-то, на роль жертвы годились все мои знакомые, кроме, разве что, Лонли-Локли — экспериментировать со священным организмом сэра Шурфа я бы ни за что не решился! Я уселся на подоконник все еще распахнутого окна и принялся с удовольствием продумывать сценарий операции "грём". Самой соблазнительной поначалу мне показалась кандидатура генерала Полиции Бубуты Боха, но я сразу сообразил, что Бубута просто сорвется с места и уедет домой, к жене, с которой я едва знаком, так что мне не светит удовольствие ознакомиться с подробностями сексуальной революции в его доме — правда, можно спрятаться в саду под их

окнами... И тут меня буквально подбросило на месте. Дурацкие мысли о грёме и Бубуте тут же вылетели из моей головы.

— Слушай, передо мной на этом подоконнике сидел какой-то крутой колдун! — выпалил я.

Мелифаро перестал метаться по кухне и вопросительно уставился на меня.

— С чего ты взял?

— Моя мудрая задница послала сигнал моему не менее мудрому сердцу, — ядовито объяснил я. И добавил:

— Я же какой никакой, а тоже Мастер Преследования, дружище! Не такой опытный, как наша Меламори, но все-таки...

— Насколько я знаю, Мастер Преследования берет след, становясь на него ногами. А ты задницей почуял! — рассмеялся Мелифаро. И тут же озабоченно спросил:

— Пойдешь по его следу?

Я взгромоздился на подоконник и некоторое время на нем топтался, потом прыгнул вниз, во двор и немного побродил под окном. Ничего похожего на след я так и не обнаружил.

— Я бы может и пошел, — с сомнением протянул я, снова вернувшись в кухню, — но тут нет никакого следа. Просто подоконник сохранил воспоминание о силе человека, который на нем сидел. А следов нет — никаких.

— Это странно, — оживился Мелифаро. — Должны быть хоть какие-то следы, причем много. Если здесь были слуги, которые вылезли в окно и удрали...

— Отбиваешь мой хлеб, сэр Макс? — обиженно спросила Меламори. Я и не заметил, как она вошла. Следом за ней появился Нумминорих.

— Вообще-то я пал настолько низко, что действительно попытался сделать твою работу, — улыбнулся я. — Но у меня ничего не вышло. Я опозорен, зато ты можешь быть спокойна за свой кусок хлеба, щедро политый кровью твоих несчастных жертв... А почему, собственно, вы приехали, ребята?

— Как это — почему?! А кто, по-твоему, будет разыскивать слуг? — возмутилась Меламори. — Вы с сэром Джужфином их упустили, а теперь наш шеф старательно кусает свои локти и ругается — жаль, что ты не слышал! Ничего, сейчас мы с Нумминорихом быстренько исправим вашу оплошность. Что бы вы без нас делали, герои!

Нумминорих тут же демонстративно наморщил свой знаменитый нос, всем своим видом демонстрируя, что уж без него-то мы точно давным-давно пропали бы.

— Я тут твоему ухажеру грём нашел, — Мелифаро заговорщически подмигнул Меламори. — А он отказывается от своего счастья. Объясни ему, что...

— А зачем Максу грём? — искренне удивилась она.

— Спасибо, радость моя, — прочувствованно сказал я. И обернулся к Мелифаро:

— Теперь ты от меня отцепишься?

— Да, я уже понял, что у вас платонические отношения, — ядовито огрызнулся он. — Поцелуй в щеку при луне, за которыми следуют угрызения совести: "а не зашли ли мы слишком далеко?" — это ваш потолок!

— Поцелуй при луне? Ну уж нет! Я никогда не позволяю себе таких вольностей с дамами, — тоном прожженного пуританина заявил я.

— Пока вы тут маялись дурью со своим грёмом, выяснилось, что члены клуба не

— заключил наш шеф.

— Ладно уж, я разделю это удовольствие на два приема, только ради вас, сэр, — согласилась Меламори. — И все-таки, что было с Кофой? Ну да, конечно, он пошел в Квартал Свиданий... А я, признаться, была уверена, что у него роман с Кекки. Уже все?

— Нет, почему же, — пожал плечами Джуффин. — Просто у нашего Кофы очень развито чувство долга. Он решил, что грех это — надолго оставлять Ехо без Мастера Слышашего, а поскольку леди Кекки Туотли — его ученица, Кофа попросил ее взять его работу на себя, а сам...

Меламори рассмеялась, уронив голову на руки.

— Хорошо, что у тебя не очень развито чувство долга, Макс! — сквозь смех выговорила она. — А то ты вполне мог бы попросить меня немного побегать по городу в твоей Мантии Смерти — чтобы население не расслаблялось! Ох, сэр Джуффин, я вас что-то все время перебиваю... Но я просто ничего не могу с собой поделать!

— Все потому, что тебя возбуждает предстоящая пирушка, — усмехнулся он.

— Чего я не понимаю, — осторожно сказал я, — а каким образом Кофа нашел наших ребятишек в Квартале Свиданий? Зачем он туда рванул, я догадываюсь. Но что они-то там делали?

— Прятались, — невозмутимо сказал Джуффин. — Это и есть самое интересное. Оказывается, Таллата Тек, дед этой белобрысой Айсы — хозяин одного из домов в Квартале Свиданий, на левой стороне, для Ждущих женщин и Ищущих мужчин. Собственно говоря, Таллата — двоюродный брат ее деда, но какая разница! Они всегда были очень дружны, старый Таллата без ума от своей шустрой внучки, а она обожала крутиться возле старика и слушать его бесконечные истории о старых добрых временах, а иногда — о людях, которые приходят в его Дом, чтобы обрести спутника на одну ночь, или на один день — как получится... Кстати, никакая она не Айса. Юная леди Шимора Тек, из очень богатой семьи. Ее отец, Эшла Тек, владеет самой большой столичной мастерской, в которой делают амобилеры, и еще несколькими, где их чинят, а мать, леди Агорра — старшая советница в Канцелярии Забот о делах Мира, очень важная персона. И дочке пророчили такую же карьеру... Знаете ли вы, что эта девочка закончила Королевскую Высокую Школу на добрую дюжину лет раньше своих сверстников? А в самом начале этого года, когда мать собралась было представить ее Королю, вдруг исчезла из виду. Старые приятели не знали что думать, родители почему-то покорно проглотили плохо склеенную ложь про какую-то поездку к друзьям в Уриуланд, чтобы там, на вольном воздухе как следует отдохнуть от учебы... Не удивлюсь, если он их заворожил! Разумеется, никуда она не уезжала, просто на смену образованной богатой юной леди Шиморе пришла маленькая сирота Айса, которая тут же устроилась на работу в Клуб Дубовых Листьев: там всегда старались брать слуг помоложе, чтобы не наткнуться на кого-нибудь из давних недругов... Разумеется, родители леди Шиморы ничего не знали о выходке своей дочки. И до сих пор не знают. А вот со стариком Таллатой у нее всегда были доверительные отношения. Она даже немного пожила у него прежде, чем сняла квартиру на улице Шептунов. А вчера ночью Айса потащила своих приятелей к деду. Чтобы отсидеться в безопасном месте и как следует подумать о том, что делать дальше. Старик предоставил в их распоряжение комнату

Девочка тихонько взвизгнула. Судя по всему, ей очень хотелось все бросить и удрать, но она взяла себя в руки и даже улыбнулась. Эта вымученная гримаска свидетельствовала о недюжинном упрямстве. Наконец взбунтовавшийся было материальный мир уgomонился, и она поспешно схватила бокал и залпом выпила потемневшую жидкость.

Следующий кадр: та же самая гостиная, но в креслах устроилось уже восемь человек. Четыре мальчика, четыре девочки — одна из них та самая белобрысая героиня прошлого эпизода. Назвать этих ребят мужчинами и женщинами, или даже юношами и девушками было бы некоторым преувеличением: в том мире, где я родился, им могло бы быть от шестнадцати до восемнадцати лет, в этом Мире — лет по семьдесят, насколько я успел разобраться с пропорциями. Один из мальчиков дрожал от страха, остальные тоже с трудом держали себя в руках. Только белокурая девочка лучилась от счастья и возбужденно теребила своих товарищей: "Тилла, поверь мне, целоваться с Аваттой в темноте гораздо страшнее, а ведь ты делаешь это каждый вечер!" "Менке, дружок, не дрожи так, а то перебьешь всю посуду!" "Карвен, ты только подумай о том, как мы с тобой будем парить над Хуоном!" Честно говоря, эта девочка произвела на меня неизгладимое впечатление: я знал цену и ее давешней вымученной упрямой улыбке, и теперешним неумелым, но отчаянным попыткам поднять настроение перепуганным друзьям.

— Я бы не отказался от такой сестрички, шеф! — честно сообщил я Джуффину. — Я бы покупал ей мороженое и учился бы у нее мужеству... Не совсем честный обмен, конечно, но я всегда был халявщиком!

— Не отвлекайся, — строго сказал Джуффин. — Все комментарии — потом, в моем кабинете, ладно?

В конце концов, эти ребятишки немного успокоились и принялись хором бормотать заклинание — каждый над своим бокалом. Стол снова пришел в движение, на этот раз его трясло так, что вилки падали на пол, но бокалы каким-то образом устояли. Юные экспериментаторы залпом проглотили каждый свою порцию и расслабились: дело было сделано. Я невольно улыбнулся, поскольку знал, что они чувствовали в этот момент. Нет большего счастья, чем дожить до конца события, которое вызывало у тебя непреодолимый страх, каким бы пустяковым оно ни было на самом деле!

— Ну и что теперь, Айса? — нетерпеливо спросил долговязый рыжий парень у белокурой героини. — Я пока ничего такого не чувствую...

— А ты и не почувствуешь, — сказала она. — Это происходит постепенно, Менке. Это все равно, как взрослеть. Каждый день смотришь на себя в зеркало и не замечаешь никаких перемен, а однажды понимаешь, что — все!.. Только это колдовство действует быстро. Всего дюжину дней назад я впервые попробовала допить вино за госпожой Кайке Луамой — и посмотри-ка! — Она подняла вверх тоненькие загорелые руки и внезапно взмыла к потолку. — Это легко! — весело сообщила она сверху. — Я только вчера обнаружила, что могу уже и это!

— И мы так сможем? — недоверчиво спросила одна из девочек.

— Конечно, — ответила из-под потолка белокурая Айса. — Мы все сможем это... и вообще все что угодно! Мы будем настоящими Магистрами, и о нас станут рассказывать легенды и придумывать всякие глупости, как о Лойсо Пондохве, и даже сам Кеттариец ничего не сможет с нами поделать, вот увидите!

— Смогу, милая! — печально огрызнулся Джуффин со своего места. — И непременно это сделаю — хотя бы для того, чтобы узнать, где ты нашла заклинание Старых Королей...

— И все-таки, что это за заклинание? — снова спросил я. — Если я не буду знать, что это такое...

— Вот настырный! — одобрительно сказал Джуффин. — Вообще-то, мог бы и сам догадаться. Заклинание Старых Королей — единственный известный мне способ завладеть чужой силой. Мне рассказывали, что его придумал еще Халла Махун Мохнатый, когда почувствовал, что стареет. Он приглашал к себе на пиры могущественных людей, эльфов и вообще всех, кто под руку подвернется, и ждал, оставят ли его гости недопитый глоток вина в бокале, или хоть несколько капель воды в чашке. А когда гости расходились, он читал над остатками свое заклинание — потрясающая смесь Очевидной и Невидимой магии! Потом дело за малым: допить, и чужая сила в твоём кармане. Вот так-то!

— А почему вы говорили, что Магистр Нуфлин... — начал я. Договаривать не пришлось, Джуффин и сам все понял.

— Сам подумай: он уже стар. Сила уходит от него. Нуфлин очень боится смерти, поскольку при всем своем могуществе Орден Семилистника за всю историю своего существования так и не изобрел ни одного рецепта вечной молодости... Представляешь, как он мог бы распорядиться этим сокровищем? Скольких соратников по Ордену Нуфлин пригласит на дружеский ужин? А сколько бывших недругов получают приглашение "помириться"? Заклинание Старых Королей — самая большая опасность для Соединенного Королевства со времен эпидемии Анавуайны...

— А вы его знаете? — осторожно спросил я.

— Знаю, — спокойно кивнул Джуффин. — Но не до конца. В свое время мой учитель, старый Махи предложил мне выбор: выучить его полностью, наполовину, или не знать вовсе... Я выбрал второй вариант: я знаю достаточно, чтобы распознать это заклинание в чужих устах, но слишком мало, чтобы воспользоваться им в личных целях.

— Но почему? — наивно удивился я.

— Потому что я всегда был брезглив и терпеть не мог излишеств, — сухо сказал Джуффин. — Чужая сила мне ни к чему. Если не сумею обойтись своей собственной — значит сам дурак. Но до сих пор обходился, можешь мне поверить! А теперь вернемся к нашим индюшкам...

Кроме колокольчика нам пришлось "допросить" большой декоративный кувшин для масла, висящий под самым потолком в кухне, несколько настенных украшений из разных спален и даже флакон с ароматной солью из ванной. Мы угробили на это чуть ли не всю ночь, хотя суть истории стала нам понятна с самого начала. Эти мальчики и девочки, обслуживающий персонал Клуба Дубовых Листьев, повадились воровать силу у своих хозяев. Поначалу они забавлялись маленькими безобидными чудесами, вроде того полета под потолком, но понадобилось всего полгода, чтобы их могущество начало перехлестывать через край. Замечательно, что у них хватило ума и силы создать непроницаемый барьер между домом, в котором они творили свои чудеса и внешним миром — так что, если бы ребята не отважились на полеты над городом, которые благополучно разрушили этот самый

— Ну просто Карлсон какой-то! — сказал я Джуффину, который тоже не поленился встать из-за стола, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Он понимающе кивнул, поскольку был крупным специалистом по мультфильмам моей родины.

— Кто такой Карлсон? — Тут же спросил Нумминорих, не слезая с люстры. — Какой-нибудь древний Магистр?

Мы с Джуффином расхохотались, Меламори обиженно надулась: она тоже не знала, кто такой Карлсон.

— Ага, Магистр, — сквозь смех сказал я. — Вроде Лойсо Пондохвы, только маленький, толстенький и с пропеллером.

— Слезай с люстры, сэр Тайный Сыщик, — строго сказал ему Джуффин. — И постарайся сделать вид, что ты дежуришь по Управлению. А то еще принесет нелегкая какого-нибудь посетителя...

Как ни странно, Нумминорих тут же спрыгнул с люстры и уселся за стол, старательно придавая своему счастливому лицу серьезное выражение. А мы вернулись в кабинет, и Джуффин наконец приступил к рассказу о подвигах сэра Кофы.

— Кофа приехал вскоре после того, как ты, Макс, отправился домой. К этому времени я уже успел заказать кувшин свежей камры из "Обжоры", так что на моем столе стояло два кувшина, — начал Джуффин. — Это я вам к тому рассказываю, чтобы до вас дошло: у него был выбор. И когда Кофа потянулся к тому кувшину, над которым поработал сэр Мелифаро, я сразу подумал, что этим ребяташкам, решившим поиграть в Великих Магистров, отчаянно везет. В ближайшие несколько суток — поскольку Мелифаро не пожалел грёма для лучшего друга! — не будет никакой погони, никаких поисков, так что они могут спокойно уносить ноги из Ехо. Если ты помнишь, Макс, я говорил тебе, что такой вариант меня тоже вполне устраивал... Но в любом случае, я уже принял решение не вмешиваться, так что спокойно смотрел, как последняя надежда Тайного Сыска ужирается камрой пополам с грёмом. Можете себе представить: он выпил все, до последней капли. Я честно выполнил свой долг: подробно рассказал Кофе обо всем, что мы успели узнать, и благословил его на охоту. А потом он пулей вылетел из моего кабинета, на бегу меняя внешность, и я мог спорить на что угодно, что основная причина его торопливости — отнюдь не азарт охотника.

— Ты проиграл мне десять корон, Макс! — торжественно выпалила Меламори. И виновато покосилась на Джуффина:

— Ой, извините, сэр, я не хотела вас перебивать...

— Ничего, девочка. Десять корон — святое дело, — усмехнулся Джуффин. — Так ему и надо, твоему недогадливому приятелю! На что ты их потратишь?

— Обожрется мороженым до потери памяти, — нежно сказала я.

— Обожрись! — мечтательно согласилась Меламори. — Отправлюсь в свое любимое кафе, в полном одиночестве, без всяких там слабонервных господ, которые каждые четверть часа заботливо спрашивают, не стоит ли мне остановиться...

— Мороженое? На все десять корон? — Джуффин недоверчиво покачал головой. — Будь осторожна, незабвенная. Теперь и я начинаю за тебя волноваться: не так уж легко найти хорошего Мастера Преследования...

— Она еще и птицу кулюх убивает одним криком! — гордо сказал я.

— Тем более. С такими талантами нужно оставаться в живых как можно дольше,

смирился с судьбой, которая вывела вас из игры. А вот после твоего ухода началось самое интересное!

— Так, — улыбнулся я. — Я уже догадываюсь, что Меламори выиграла наш спор.

— Что за спор? — оживился шеф.

— После того, как мы купили вечернюю газету, она сразу сказала, что Кофа допил эту грешную камру, потому его и понесло в Квартал Свиданий, — объяснил я. — А я-то, болван, что-то там бормотал о его знаменитом чутье. Так что я проспорил десять корон... А можно я ее позову? Думаю, она умирает от любопытства.

— Конечно, зови, — кивнул он. — Сегодня у вас не жизнь, а какой-то непрерывный праздник, ребята! Теперь старый добрый дяденька Джуффин расскажет вам увлекательную историю о похождениях сэра Кофы Йоха в Квартале Свиданий.

Но Меламори вошла в наш кабинет, не дожидаясь приглашения, и уселась напротив Джуффина, подперев подбородок руками.

— Там сэр Нумминорих страдает, — серьезно сказала она. — У него нос как вчера отказал, так до сих пор ничего и не может унюхать. Нумми думает, что теперь ему придется уйти из Тайного Сыска, поскольку нюхач он хороший, а больше ничего толком пока не умеет... Неужели ничего нельзя сделать с его носом?

— Можно, — пожал плечами сэр Джуффин. — Но не нужно. Знаю я этот порошок, который был рассыпан в доме Епы Боблы. "Ташайская смесь", сущие пустяки. И полудюжины дней не пройдет, как его драгоценный нос будет в полном порядке!

— А почему вы ему об этом не сказали? — изумилась Меламори. — Он же думает, что все пошло прахом!

Нумминорих всегда был ее любимчиком — как, впрочем, и моим. Мы с Меламори его старательно опекали, так что я тоже укоризненно посмотрел на шефа.

— Иногда человек должен думать, что "все пошло прахом", — строго сказал он. — Это неприятно, но полезно, как все горькие лекарства. Впрочем, можете его успокоить. Парень почти сутки провисел между небом и землей, ощущая себя бесполезным куском вяло размышляющего мяса — для начала вполне достаточно.

Меламори не поленилась выскочить в Зал Общей работы, дабы сообщить Нумминориху эту радостную весть. Через несколько секунд оттуда раздался боевой клич арварохских мечников и ужасающий грохот. Когда я выглянул за дверь, сэр Нумминорих Кута, наш штатный нюхач, раскачивался на огромной старинной люстре, которая уже много лет висит исключительно в качестве не то украшения, не то своеобразного спортивного снаряда — поскольку свечами, для которых она предназначена, здесь давным-давно никто не пользуется, предпочитая шары с голубоватым светящимся газом, куда более удобные при использовании.

— Я остаюсь в Тайном Сыске, Макс! — восхищенно сообщил он мне, продолжая раскачивать люстру.

— Да, если не погибнешь в неравной борьбе с земным притяжением, — кивнул я. — На твоём месте я бы так не рисковал: она же старая, эта люстра!

— Ты забываешь, что я — крупнейший в мире специалист по антиквариату! — гордо сказал Нумминорих. — Когда я вижу старинную люстру, я сразу понимаю, можно на ней прокатиться, или нет...

барьер, мы бы еще долго о них не узнали!

Какие бы там чудеса они не вытворяли, эти ребятишки, но они оставались сущими детьми. Амбиции беззаботных подростков и могущество опытных стариков — опасное сочетание! Они хотели, чтобы о них говорили, чтобы за ними гонялись — наверняка им грезились собственные имена на первых страницах столичных газет. Так и родилась идея пролететь над городом и помочиться на крышу Иафаха — символический жест веселого презрения к миру, которым правят занудные старики. О последствиях они почти не задумывались, а когда все-таки поднимали этот вопрос, отважная белокурая Айса с несгибаемой уверенностью пророчицы обещала своим товарищам, что у них хватит силы, чтобы обвести вокруг пальца "самого Кеттарийца". Головы кружились, носики задирались кверху... В глубине души я завидовал их счастливой самоуверенности, хотя понимал, что она-то их и погубила.

И еще мы узнали, что эти ребятишки не были злодеями. Поначалу им и в голову не приходило, что их манипуляции с объедками серьезно повредят могущественным старикам. Они относились к членам клуба пренебрежительно — дескать, как так можно: были Магистрами, а стали обыкновенными обывателями, смирились с поражением, зарыли в землю свои таланты. Ребята наложили на свои жертвы заклятие: те забывали обо всем, что творилось в доме, сразу после того, как его покидали. Что мне особенно понравилось: расшалившиеся детишки заставили пожилых отставных Магистров помочиться на Иафах вместе с ними: они были искренне уверены, что делают доброе дело, помогают старикам свести счета с Орденом Семилестника — пусть даже таким легкомысленным образом. Одним словом, юные чародеи не желали зла своим бывшим хозяевам. Более того, когда ребята поняли, что происходит, они начали искать выход. Мы с Джуффином очень удивились, когда узнали, откуда на кухне взялся грём. Ребятишки приготовили его случайно: на самом деле они пытались изобрести зелье, которое вернуло бы жизненную силу их жертвам. Сами члены Клуба Дубовых Листьев к этому времени походили на усталые привидения, это было видно невооруженным глазом. Слуги все-таки напоили их грёмом — на всякий случай, что ли... Вялое возбуждение, с которым старики один за другим поднимались из-за стола и уходили — то ли домой, то ли в Квартал Свиданий — показалось мне самым удручающим зрелищем в моей жизни. "По-моему, ничего не получилось", — растерянно сказал друзьям рыжий мальчик по имени Менке. "Ничего, пусть себе наслаждаются жизнью, а мы еще что-нибудь придумаем!" — обещала ему оптимистка Айса.

— Мне не очень-то хочется их ловить, — честно сказал я Джуффину, когда мы наконец-то отправились в Дом у Моста.

— Мне тоже, — неожиданно согласился он. — Ребятишки действительно симпатичные. И я очень надеюсь, что у них хватит ума быстренько сбежать из Ехо, а еще лучше — из Соединенного Королевства. Если мы их поймем... Понимаешь, Макс, мне бы очень не хотелось, чтобы кто-то кроме нас с тобой пронюхал, что они знают заклинание Старых Королей. Дрянная это штука!

— Но они-то его уже знают, — я пожал плечами. — И с этим ничего не поделаешь. Лучшее лекарство от любого запретного знания — левая рука сэра Шурфа. Впрочем, мои слюни — тоже очень даже ничего! Будем лечить? Мне что-то не хочется...

— Не преувеличивай, сэр Макс, — жизнерадостно заметил мой шеф. — Лично я знаю кучу совершенно безобидных способов заставить человека забыть что бы то ни было. И примерно столько же способов получить гарантию, что он будет молчать. Жизнь действительно довольно простая и очень страшная штука... но не настолько простая и страшная, как ты себе представляешь!

В Доме у Моста нас встретили Мелифаро, Меламори и Нумминорих. Они выглядели усталыми и слегка раздраженными. Я сразу понял, что их поиски не увенчались успехом.

— Все, ребята, — торжественно сказал Джуффин Нумминориху и Меламори, — можете идти отдыхать. Вы мне нужны живыми. Сэр Мелифаро, а ты задержись.

— Очевидно, я вам нужен мертвым? — обреченно осведомился он.

— Всего на минутку. Расскажешь мне вкратце, как у вас дела, и тоже отправишься домой, — успокоил его Джуффин.

— А меня отпустите, или как? — Без особой надежды спросил я. Вообще-то, я уже давно поставил жирный крест на своих смутных планах завершить эту бесконечную ночь коротким романтическим свиданием на рассвете, но чем только Темные Магистры не шутят?!

— Отпущу, отпущу, — пообещал шеф. — Только сначала посиди с нами, послушай новости сэра Мелифаро, потом быстренько решим, как нам жить дальше — и все...

— А Макс не может так долго ждать. Он же, небось, уже карманы дармовым грёмом набил! — тут же встрял Мелифаро. И обернулся к Меламори:

— Так что прячься в подвал, незабвенная! Сначала он разнесет вдребезги Квартал Свиданий, а потом явится штурмовать твою крепость.

Меламори раздраженно передернула плечами, буркнула: "Макс, теперь ты представляешь, что мне пришлось выслушивать всю ночь?" — и вышла из кабинета. Кажется, все эти разговоры про грём ей надоели настолько, что мое романтическое свидание накрывалось — в любом случае, даже если Джуффин отпустит меня через пять минут! Я с некоторым удивлением понял, что начинаю всерьез сердиться на Мелифаро. Глупо, конечно, но я очень устал. Впрочем, все мы изрядно устали, только наш неподражаемый шеф был весел, как солнечный зайчик, словно заразился этим настроением у юных чародеев, которых нам еще предстояло разыскать...

— Кстати о грёме, — мрачно сказал я, — куда его складывать? Где положено держать такие ценности, Джуффин?

— Запри пока в своем сейфе, потом разберемся! — небрежно откликнулся шеф.

— Вы отдали грём в хорошие руки, сэр! — снова встрял Мелифаро. — Через несколько дней выяснится, что уже и разбираться не с чем. Он же все выжрет, я вам гарантирую!

— Достал! — честно сказал я, сваливая кувшинчики в свой сейф и запирая его на ключ. Я до сих пор не нашел времени и сил, чтобы запечатать свой сейф с помощью какого-нибудь стоящего заклинания. Впрочем, до сих пор в нем отродясь не хранилось ничего ценного.

— Вы теперь еще подеритесь, — мечтательно промурлыкал Джуффин. — Как бурундуки в мультфильме про Спасателей... За такое зрелище мне даже казенной мебели не жалко!

поводу у обстоятельств, но на сей раз мне показалось, что это — единственно правильный выбор. Признаться, это было весьма нелегкое решение: терпеть не могу оставаться в стороне и быть молчаливым свидетелем происходящего... но в отличие от тебя, я не упускаю возможности лишний раз сделать то, чего не хочется! — он подмигнул мне и заговорщически сказал:

— Готов спорить на что угодно: ты ведь вспомнил про летающий пузырь, когда мы вышли из дома Епы Боблы — вспомнил и тут же поспешно уселся за рычаг автомобиля. А потом полдороги радовался, что я тебе про него не напоминаю.

— Есть такое дело, — обреченно вздохнул я.

— На твоём месте я бы договорился с лейтенантом Апуррой Блакки и пригласил бы свою девушку на воздушную прогулку — ночью, над городом, — тоном ласкового садиста сказал Джуффин. — Ты же любишь всякие романтические выходы в таком духе?

— Люблю, — согласился я, с удивлением чувствуя, что почти готов с ним согласиться.

— Избавиться от некоторых глупых страхов, наверное, почти невозможно, — задумчиво сказал Джуффин. — Во всяком случае, для этого нужно стать кем-то иным, причем не на несколько восхитительных мгновений, что довольно легко удастся каждому из нас, а навсегда. Но вести себя так, словно никаких страхов нет и никогда не было — этому стоит научиться. В противном случае, рано или поздно придет день, когда твои маленькие безобидные страхи сожрут тебя с потрохами... Впрочем, делай как знаешь!

— Я постараюсь убедить себя, что вы подсказали мне в высшей степени заманчивую идею, — вздохнул я. — Но я пока так и не понял, почему вы меня все-таки не предупредили, что в кувшине был грём? Можете мне поверить, никаких фобий в этой области у меня отродясь не было!

— Еще чего не хватало! — фыркнул Джуффин. — Ладно, если не понял, слушай. После того, как я принял решение положиться на судьбу, предать дело Кофе и отойти в сторону, я сознательно обрек себя на полное бездействие. И можешь себе представить: как только я поставил точку в конце своих размышлений, я тут же увидел, как сэр Мелифаро незаметно подливает этот грешный грём в кувшин с камрой. Случись такое в любой другой день, я бы немедленно пресек сие безобразие, и не видать бы тебе неба в алмазах, как своих ушей, мой бедный сэр Макс, но когда я принимаю решение, я стараюсь идти до конца. Я велел себе относиться к его мальчишеской выходке, как к первому жесту судьбы. Я напомнил себе, что это только начало, и ее последующие жесты могут понравиться мне еще меньше. И расслабился. Кстати, мне показалось, что ты и сам почуял, что дело нечисто: ты же обычно выпиваешь столько камры, что страшно становится, а тут почти не прикоснулся...

— Да, действительно, — улыбнулся я. — Но я ничего не почуял. Просто почему-то мне не хотелось никакой камры. Я и этот единственный глоток сделал просто по привычке. Ну как же — я тут с вами сижу, мы говорим о делах, значит надо пить камру...

— Ну да, ну да, — рассеянно покивал Джуффин. — В общем, я понял, что на какое-то время остался без заместителя и, скорее всего, без Мастера Преследования — если только тебя не потянет на какие-нибудь экзотические приключения — и

— На десять корон! — решила она. — Я их у тебя выиграю, Макс, вот увидишь!
— И на все купишь мороженого, — кивнул я.
— Просто ясновидящий! — восхитилась она.

Одним словом, мы упустили шанс в кои-то веки устроить себе неторопливый, респектабельный, буржуазный завтрак вдвоем, с теплыми уттарийскими пышками, непременно вареньем из грульвы и даже со свежей газетой. Меламори дожевывала свою булочку по дороге, любезно пустив меня за рычаг амобилера, после того, как я жалобно пискнул: "дайте покататься, тетенька!" — устоять было совершенно невозможно! Вообще-то, мы с ней любим носиться по городу наперегонки, но сегодня я был "бедным родственником", поскольку пришел к ней пешком.

— Просто подарок судьбы какой-то, — насмешливо восхитился Джуффин, когда я засунул свой нос в его кабинет (Меламори в последний момент благоразумно решила отсидеться в Зале Общей Работы и посмотреть, что будет). — Вообще-то я не надеялся тебя сегодня увидеть!

— Я же говорил вам утром, что выпил всего один глоток, — сухо сказал я.

— И хвала Магистрам! — усмехнулся Джуффин. — Честно говоря, если бы ты решил выпить больше, дело бы добром не кончилось. Этот злодей, сэр Мелифаро, бухнул туда тройную дозу!

— Так вы знали об этом с самого начала? — ошеломленно спросил я.

— Хорош бы я был, если бы у меня под носом можно было проворачивать все что угодно! — пожал плечами мой неподражаемый шеф.

— И что я над ним подшутил, вы тоже заметили? — я уже ничего не понимал.

— Представь себе нет, — неохотно признался он. — Наверное, дело в том, что я уже привык знать о тебе абсолютно все и поэтому иногда не даю себе труда обращать внимание на твои действия. А ты воспользовался этим и обвел меня вокруг пальца, молодец!

— Правда? — расцвел я. — Вы действительно не заметили?

— Стал бы я тебе комплименты говорить, — проворчал Джуффин. — Оно мне надо?

— Здорово! — я был счастлив, словно только что победил на каких-нибудь Олимпийских играх. Немного поблаженствовал, а потом с опозданием возмутился:

— Слушайте, но если вы знали о том, что Мелифаро налил в камру грём, почему вы меня не предупредили? Что, это была своего рода премия за успехи в работе? Но я действительно предпочитаю обходиться своими силами в делах такого рода! — я почувствовал, что краснею, и упрямо добавил:

— Надо было мне сказать, что в этом грешном кувшине!

— Подожди, Макс, не мельтеши, — мягко сказал Джуффин. — Если ты действительно думаешь, что я — такой же любитель плоских шуток, как вы с Мелифаро, это твои проблемы. А если тебе действительно интересно, почему я промолчал — что ж, могу рассказать.

— Вы еще спрашиваете!

— Все очень просто, — улыбнулся Джуффин. — Если ты помнишь, на протяжении минувшей ночи ты несколько раз спрашивал меня, решил ли я, что нам теперь делать. А я честно отвечал тебе, что ничего не решил. Могу признаться, я слегка лукавил. На самом деле, я все-таки принял решение: ничего не решать. Я просто положился на судьбу. Вообще-то, я довольно редко соглашаюсь идти на

Мелифаро беззаботно рассмеялся, я тоже улыбнулся. К этому моменту я уже успел выключить дурацкую программу "Макс обиделся на все человечество", которая до сих пор по недосмотру валялась в самом дальнем углу моего организма и время от времени порывалась снова заработать, как в старые добрые времена. Но я позволил себе маленькую месть — заодно раз и навсегда избавился от мучительной необходимости выбирать достойную жертву для операции "грём". Жертва сидела рядом, она сама просилась в руки, к тому же в этом случае мой поступок из дебильного мальчишеского розыгрыша превращался почти в справедливое возмездие. "Спать, небось, хочешь! — ехидно думал я, незаметно выливая содержимое припрятанного под Мантией Смерти кувшинчика в кружку с камрой Мелифаро. — Ну так хрен ты у меня поспишь! Я тебе устрою веселую жизнь, а потом посмотрю, что ты завтра будешь придумывать, чтобы отмазаться от службы!"

Мне удалось сделать сию пакость незаметно: я вспомнил все магические приемы, которым успел научиться и провернул этот трюк на "пятерку" — боюсь, что если бы речь шла о спасении моей собственной жизни, мне не удалось бы действовать настолько безупречно! Даже Джуффин, вроде бы, ни о чем не догадался, хотя обычно он видит меня насквозь. Мелифаро, тем временем, рассказывал ему о восьми пустых квартирах — допрос соседей показал, что ребята уже давно почти не появляются в своих жилищах — и о девятой квартире, вернее, целом двухэтажном доме на улице Толстяков. Дом тоже оказался пустым, но там обнаружилась целая куча следов, не свежих, к сожалению, а вчерашних. Все следы принадлежали колдующей молодежи и вели прямехонько в оранжевый дом на улице Пузырей — все правильно, именно туда они вчера и отправились, чтобы как следует повеселиться.

— Значит, ребята поселились все вместе, — задумчиво констатировал Джуффин. — Уже поняли, что когда они рядом, их сила возрастает... Между прочим, именно это открытие и стало в свое время причиной возникновения магических Орденов, мальчики.

Мелифаро вежливо кивал, машинально прихлебывая камру. Я сохранял олимпийское спокойствие: никаких эмоций, никаких внутренних монологов типа "Ага, получилось!" Я вел себя так, словно понятия не имею, что за содержимое в его кружке.

Мелифаро закончил рассказ о девяти обысках и двадцати четырех допросах свидетелей, не принеших никаких осязаемых результатов, и ушел домой. Его лицо показалось мне удивленным, а походка — неестественно торопливой, но я воздержался от восторгов: все-таки рядом сидел сэр Джуффин Халли, Дневное Лицо которого я только что благополучно вывел из строя как минимум на сутки. Я налил себе камры из кувшина и выжидающе уставился на своего шефа.

— Ну и как мы будем жить дальше? — спросил я. — Вы уже что-то решили?

— Представь себе, нет, — невозмутимо ответил он. — Подожду Кофу, я уже послал ему зов. Думаю, ловить этих ребятшек придется именно ему. Кофа у нас — крупнейший в этом прекрасном Мире специалист по отлову сбрендивших магов. Можно сказать, что в свою бытность Начальником Полиции Правого Берега он только этим и занимался. Я посмотрю, как пойдет его охота, а там — по обстоятельствам... Так что ты вполне можешь отправиться домой, Макс. Если что-то стрясется, я тебя вызову. А если не стрясется — спи себе, сколько влезет!

— Здорово! — восхитился я. — Если честно, я не ожидал... Даже не надеялся! Думал, теперь мы все будем в изнеможении бегать по городу, пока не покончим с этим грешным делом, так или иначе...

— Знаешь, сэр Макс, если честно, мне никогда не нравился лозунг "победа или смерть", — усмехнулся Джуффин. — "Победа, или какая-нибудь другая победа" — звучит привлекательнее!

Я восхищенно покачал головой, отпил немного камры, на дорожку — не так уж мне и хотелось, но если уж потруился налить себе полную кружку, надо сделать хоть один глоток!

— Вот жадина! — уважительно сказал шеф. — Уже домой человека отпустили, а он присосался к казенному напитку!

— Ну уж и присосался! — улыбнулся я. — Так, отметил. Можно сказать, выполнил свой гражданский долг.

Я вышел на улицу, с ужасом вспомнил, что летающий пузырь Буурахри по-прежнему пребывает у меня в пригоршне, и поспешно исправил сие недоразумение. Послал зов лейтенанту Апурре, сообщил ему, что пузырь вернулся домой, так что очередной нетрезвый полицейский патруль может храбро взмывать в постепенно светлеющее небо над Ехо, и отправился домой — пешком, поскольку, когда еще у меня будет возможность прогуляться в лиловых предассветных сумерках...

Пройдя половину пути, я почувствовал, что со мной творится неладное. Вообще-то я всегда гордился умением держать свой слабоумный организм в ежовых рукавицах, но сегодня у него были хорошие шансы отыгаться за все. Несколько секунд я недоверчиво прислушивался к своим ощущениям, а потом понял. Эта скотина, Мелифаро... Черт, все-таки мы с ним очень похожи! Во всяком случае, мы оба обожаем идиотские шутки над ближними. И вместо мозгов у нас обоих одно и то же вещество, не совсем подходящее для заполнения черепной коробки. И даже желание пошутить посещает нас в одно и то же время... Одним словом, этот гад каким-то образом умудрился напоить меня грёмом. "Налил его в мою кружку — так, что ли? — судорожно размышлял я. — Хотя нет, я же не пил камру в его присутствии. Значит, он налил его в кувшин... Счастье еще, что я выпил всего один глоток, правда, хороший такой, большой глоток, но всего один!"

Некоторое время я упрямо шагал в сторону дома. Во-первых, я такой старомодный идиот, что порция возбуждающего средства по-прежнему кажется мне недостаточно романтическим поводом для свидания с любимой женщиной. Я предпочитаю повиноваться зову сердца, и делайте со мной что хотите! А во-вторых, я надеялся, что доставшаяся мне порция грёма была ничтожно мала, так что сейчас вообще все пройдет, и вот тогда я смогу сменить маршрут и явиться к своей девушке в естественном состоянии. Ага, как же! В какой-то момент я понял, что знаменитые дыхательные упражнения сэра Лонли-Локли мне больше не помогают, скорее уж наоборот... И еще я понял, что так можно и рехнуться. Поэтому мне пришлось отправить зов Меламори и правдиво рассказать ей, что случилось. Мне почему-то было ужасно стыдно — как маленький, честное слово! Под конец я даже начал смущенно бормотать какие-то нелепые извинения, в то время, как ноги уже сами несли меня к ее дому.

"В любом случае я надеялась, что сегодня утром тебе станет страшно одному в большой и темной спальне, — невозмутимо сказала она. — Поэтому я не буду

это бывает у "нормальных людей"?

— Что именно? — опешил я.

— Мои замужние подружки все наперебой жалуются, что их возлюбленные утыкаются в газету за завтраком вместо того, чтобы слушать их болтовню, — Меламори комично наморщила нос, подмигнула мне и добавила:

— Поскольку у меня, хвала Магистрам, никогда не будет "нормального мужа", который утыкается в газету, и все такое... имею я право раз в жизни попробовать: как это бывает?

— Имеешь, — рассмеялся я. — Но я уже тысячу раз читал газету в твоём присутствии...

— Это было не за завтраком, — упрямо сказала она. — А если даже и за завтраком, я не сосредотачивалась на своих ощущениях. Ну Макс, пожалуйста — жалко тебе, что ли?

— Ради тебя, милая, я еще и не на такое способен, — сдался я. Взял в руки газету, придал своему лицу максимально серьезное выражение, наградил даму своего сердца тяжелым равнодушным взглядом и устоял на первую полосу.

— Ох! Совсем, как настоящий, даже страшно! — уважительно сказала она. — Осторожно, Макс: еще немного, и я начну тебе верить!

Но мне уже было не до любительского спектакля. Заголовок на первой полосе: "Битва магов в Квартале Свиданий" и чуть более мелкий подзаголовок: "Сэр Кофа Йох арестовал восьмерых нарушителей Кодекса Хрембера" заставили мою нижнюю челюсть непривлекательно отвиснуть. Я быстро пробежал глазами текст статьи, немного поморгал, чтобы успокоиться, и принялся перечитывать статью по-новой.

— Макс, ты вошел в образ? — насмешливо спросила Меламори. — Ты теперь всегда такой будешь? Или там действительно что-то интересное?

— Ага, — ошеломленно согласился я. — А ты не заметила? Странно: тут каждая буква чуть ли не на полстраницы!

— Я даже не разворачивала эту грешную газету, — улыбнулась она, — я вообще редко читаю газеты. Ты только сэру Рогро не говори, а то наша с ним старая дружба даст трещину!

— Смотри! — я уселся на подлокотник ее кресла и сунул под чудесный носик Меламори "Суету Ехо". — Пока мы спали, сэр Кофа уже все обстрепал. Эти бедняги, юные колдуны, схвачены и доставлены в Дом у Моста. Не такие уж они были грозные, если сэр Кофа их в одиночку скрутил... Думаю, в данный момент наш сэр Джуффин согудает этих бедняг, одного за другим, под своим любимым кеттарийским острым соусом. К утру как раз доест. Мы можем смело вернуться в спальню, милая: Соединенное Королевство без нас не пропадет!

— Звучит неплохо, — нерешительно протянула она, — но вообще-то я бы предпочла сначала немного помелькать в Доме у Моста, а то свинство какое-то получается... Слушай, Макс, а тебе не кажется, что камру из того грешного кувшина допил именно Кофа? А то с чего бы его понесло в Квартал Свиданий не свет ни заря!

— Ну как же, а его знаменитое чутье? — неуверенно возразил я. — Оно же всегда приводит нашего Кофу туда, куда следует...

— На что будем спорить? — тут же подскочила Меламори.

— Да на что хочешь, — улыбнулся я.

Поэтому просто закрой глаза и постарайся заснуть. Угрохаешь несколько часов своей жизни на просмотр каких-нибудь глупых снов — ничего страшного, с кем не бывает! Все равно сейчас ты больше ни на что не годишься. Приходи вечером, тогда и поговорим обо всем".

"Но..." — начал было я.

"Никаких "но", — решительно прервал меня Джуффин. — Все, несравненный сэр Макс, не мешай мне работать. Отбой!"

— Наш шеф ведет себя так, как будто ничего особенного не случилось, — удивленно сообщил я Меламори.

Она не ответила: уснула, пока мы с Джуффином трепались. Я завистливо на нее покосился и удрученно подумал, что я-то теперь, небось, до ночи глаз не сомкну. Но я себя недооценивал: глаза сомкнулись как миленькие, а когда они снова разомкнулись, оказалось, что дело уже близится к вечеру. За распахнутым окном по-прежнему было светло, но солнце уже спряталось за верхушками высоких деревьев вахари, а воздух охладил кожу, как мятная зубная паста. Меламори рядом не было. Я печально подумал, что она успела преисполниться чувства ответственности за все происходящее под этим чудесным светлым небом и удрать на службу, но она тут же вошла в спальню: немного хмурая, как любой, только что проснувшийся человек, с мокрыми после купания волосами, но уже тщательно одетая.

— Ой как хорошо! — искренне сказал я. — А я-то думал, что ты уже улизнула в Дом у Моста!

— Не успела. Мы с тобой проспали до вечерних газет, Макс: под окнами моей гостиной только что орал газетчик, пришлось выглянуть и купить у него одну, чтобы отвязался. Так что у тебя будет свежая газета — насколько я знаю, ты предпочитаешь хрустеть "Суегой Ехо" под камру, вместо печенья, — она улыбнулась и покачала головой. — Подумать только: на нас висит нераскрытое дело, а мы ведем себя, словно вдруг получили несколько Дней Свободы от забот кряду!

— Примерно так оно и есть, — кивнул я. — Да здравствуют сэр Мелифаро, грём и любовь... а также несравненный сэр Джуффин Халли, который искренне полагает сие сочетание уважительной причиной для прогула!

— С другой стороны, у шефа просто не было выхода! — рассмеялась она. — Ладно, гулять так гулять: лично я собираюсь как следует позавтракать, а уже потом ехать в Дом у Моста. Я уже послала зов в "Душистые Хрестики" — это новая забегаловка в трех кварталах отсюда. У них там настоящая гугландская деревенская кухня, простая и милая... Составишь мне компанию?

— Как скажешь — так и будет! — кивнул я. — Со мной договориться легче легкого!

Через несколько минут я уселся за стол в ее гостиной, мокрый и взъерошенный после торопливого умывания.

— Твоя газета, счастливчик! — торжественно сказала Меламори, протягивая мне вечерний выпуск "Суеты Ехо", теплый, как пряные булочки из Леапоньи, поверх которых он лежал.

— Думаешь, я предпочту этот бульварный листок неторопливой беседе с тобой? — возмутился я.

— Ну пожалуйста, Макс! — с улыбкой сказала она. — Я очень хочу узнать, как

запираться. Эх ты, жертва роковой страсти!"

— Здорово, что ты пришел, Макс. Но все равно Мелифаро зарвался. Шуточки у него! Ничего, я уже привела в исполнение отличный план мести, — деловито сказала она, встречая меня на пороге.

Я с трудом понимал, что она говорит, но как-то умудрялся держать себя в руках и просто обнимать ее, спокойно стоя на пороге. Обезумевшее тело было вынуждено смириться и подождать еще несколько минут: я твердо решил, что наше свидание должно быть праздником, а не пародией на документальный фильм о сексуальной жизни павианов. Я даже нашел в себе силы спросить:

— Что за план мести такой?

— Не притворяйся, что тебе интересно, — звонко расхохоталась она. — Потом расскажу.

Если честно, я довольно быстро перестал думать, что Мелифаро действительно заслуживает какого-то наказания. Его дурацкая выходка начала казаться мне очаровательной и своевременной. В глубине души я здорово надеялся, что он придерживается того же мнения на мой счет. Но Меламори была неумолима.

— Значит так, — сурово сообщила она, ненадолго улизнув от моих домогательств. — Что касается нашего блистательного сэра Мелифаро. Имей в виду: перед тем, как ты пришел, я отправила ему зов. И сказала, что хочу спать, и вообще не одобряю всякие глупости вроде грёма, поэтому тебя к себе не пушу. И еще я сказала, что ты очень огорчился по этому поводу и решил употребить все силы на расправу с виновником.

— То есть? — я был так ошарашен, что на какое-то время обрел способность искренне интересоваться хоть чем-то, кроме своей неземной страсти.

Меламори звонко рассмеялась.

— Не могу сказать, что я имела в виду нечто конкретное. Я просто предупредила его об опасности. Полагаю, наш храбрый сэр Мелифаро тут же сгрёб в охапку жену и отправился в подвал. Во всяком случае, он сообщил мне, что знает одно хорошее заклинание, так что в его подвал ты вряд ли сможешь зайти. Думаю, они до сих пор там сидят. И еще долго будут сидеть, потому что... — она тихонько пискнула от удовольствия, — бедняга Мелифаро искренне считает, что в гневе такое чудовище как ты, способно на все!

— Я действительно способен на все! — согласился я. — И не только в гневе!

Но через некоторое время я понял, что не могу наслаждаться жизнью, пока бедняга Мелифаро вынужден сидеть в подвале. Кроме того, его жена явно заслуживала лучшей доли, чем такой сомнительный "рай с милым". Я все взвесил, взял себя в руки, предусмотрительно отвернулся к стене, чтобы не отвлекаться, и послал ему зов.

"Ты — изрядная свинья, дружище, — начал я и тут же примирительно добавил:

— впрочем, я тоже, и шутки у нас обоих свинские... Тем не менее, я не собираюсь штурмовать твою крепость. Мне хорошо. Тебе, надеюсь, тоже. А если вылезешь из подвала, будет еще лучше."

"А ты уверен, что не стоишь под моей дверью?" — совершенно серьезно спросил он.

"Меламори тебя разыграла, — сухо сообщил я. — Делать мне нечего — под твоей дверью страдать! Кстати, даже если бы она меня не пустила... Ты что,

действительно думаешь, я бы поперся к тебе домой? Зачем?!"

"Не знаю, — огрызнулся он. — И знать не хочу!"

"Слушай, парень, если ты действительно поверил во все эти страсти, значит все эти годы ты был знаком не со мной, а с кем-то другим, — устало сказал я. — Ладно, хочешь сидеть в подвале — сиди, дело хозяйское!"

"Да не сижу я в подвале! — неожиданно весело отозвался он. — Хотя действительно подумывал, что там нам было бы спокойнее... Ладно, чудовище, я уже понял, что не такое уж ты великое чудовище, а теперь отстань от меня, хорошо? Сказал бы тебе, что я думаю о твоих шуточках, ну да ладно..."

"Примерно то же самое, что я о твоих, — хмыкнул я. — Ладно, считай, что отстал!"

Я действительно от него отстал, поскольку Безмолвный диалог с сэром Мелифаро — штука хорошая, но не совсем то, что мне в тот момент требовалось...

А где-то около полудня, когда я понял, что теперь, кажется, вполне могу заснуть, меня наконец осенило. Я подпрыгнул на месте, словно под моим одеялом внезапно обнаружился электрический скат.

— Если это очередная вспышка жестокой страсти, я, пожалуй, принесу извинения Мелифаро и жалобно попрошусь в его знаменитый подвал, — сонно пригрозила мне Меламори.

— Все гораздо хуже, — вздохнул я. — Грешные Магистры, какой же я идиот! Милая, ты связалась с идиотом, прими мои соболезнования!

— Зато ты красивый, — флегматично отозвалась она. — А что случилось-то? У тебя очередной преступник в пригоршне сидит? Или этим утром ты должен был явиться на какое-нибудь важное совещание? Макс, ты меня пугаешь: у тебя такое лицо, словно ты только что вспомнил, что вчера по пьяному делу собственноручно убил Его Величество Гурига!

— Еще хуже, — я помотал головой, пытаясь заставить себя хоть как-то соображать. — До меня только что дошло, что этот грешный кувшин с камрой остался на столе... Почему я раньше не подумал?!

— Какой кувшин? — удивилась она. Потом поняла и захихикала:

— Это тот, из которого ты пил? В котором камра с грёмом? Ну ребята влипли!

Если честно, я не мог присоединиться к ее веселью. В конце концов я послал зов Джуффину — а что мне оставалось?!

"Что у нас творится?" — осторожно спросил я, заранее приготовившись к худшему.

"А почему у нас что-то должно твориться?" — невозмутимо осведомился он.

"Потому что... — я собрался с мыслями и решил, что нужно рассказывать все как есть, вот только никак не мог сообразить, с чего следует начать. — Потому что на вашем столе остался кувшин с камрой."

"И что? — так же невозмутимо поинтересовался шеф. — Ты боишься, что я ее выпил, и тебе ничего не осталось?"

"Именно этого я и боюсь, — удрученно признался я. — Понимаете, минувшей ночью мы с сэром Мелифаро несколько переутомились. Сошли с ума. Заигрались — называйте как хотите. Пока он давал вам отчет обо всех делах, я бухнул в его кружку с камрой порцию грёма. Так что он наверное еще долго не появится на службе — имейте в виду: это я виноват".

"Как интересно, — мечтательно промурлыкал Джуффин. — А мне он прислал зов, сказал, что вывихнул ногу, и теперь леди Кенлех лечит его какими-то травяными компрессами, как это принято среди кочевников, так что к вечеру с ним все будет в порядке..."

"Ага, могу представить себе эту "ногу" и эти "компрессы"! — я не удержался от улыбки. — Но все это еще цветочки. Проблема в том, что он тоже подлил мне грёма..."

"И теперь ты тоже "вывихнул ногу"? — с неподдельным интересом спросил шеф. — Как вовремя!"

"Нет, считайте, что только натер... Так что, если нужно, я могу явиться на службу хоть сейчас, — гордо сообщил я. — Мне повезло... или наоборот, не повезло! Одним словом, я выпил совсем чуть-чуть. Плохо другое: этот гений скорее всего добавил грём не в мою кружку — поскольку в его присутствии я камру не пил — а прямо в кувшин. Мне нет прощения, Джуффин: до меня только сейчас дошло, что эту камру мог допить кто угодно... — я немного помолчал и осторожно спросил:

— А вы сами ее не пили?"

"Я заказал свежую сразу после того, как ты ушел, — спокойно ответил Джуффин. — Терпеть не могу подогревать камру, сваренную несколько часов назад. И терпеть не могу допивать остатки. Я же говорил тебе, что брезглив не в меру?"

"Уже хорошо!" — обрадовался я.

"А почему, собственно, ты так за меня волнуешься? — удивился он. — Если ты сам не можешь справиться с какой-то несчастной порцией грёма и заняться чем-то другим, это еще не значит, что у меня могли бы возникнуть те же проблемы. Люди все очень разные, знаешь ли... Кстати, можешь гордиться: тебе удалось меня удивить. Я никогда не сомневался, что сэр Мелифаро способен отмочить какую-нибудь глупость в таком роде, это у них, можно сказать, семейная традиция, но от тебя я подобной выходки не ожидал... Впрочем, я даже рад, что вы оба хорошо проводите время. Ночка вчера была та еще!"

"Так вы не сердитесь?" — изумился я.

"Я тебе не генерал Бубута, чтобы сердиться! — отрезал Джуффин. — Убивать вас обоих вроде пока не за что, выгонять из Тайного Сыска тоже рановато, так что можешь расслабиться."

"Но этот кувшин с камрой, — я никак не мог успокоиться. — Вы из него не пили, а остальные? У нас же так заведено: человек приходит на службу, и тут же начинает обшаривать все кабинеты в поисках недопитой камры. Можно подумать, за этим только в Дом у Моста и ходим! Как вы думаете, никто из ребят не нахлебался грёма?"

"Знаешь, что я тебе скажу, сэр Макс? — неожиданно строго откликнулся шеф. — Одно из двух: или ты должен был подумать об этом сразу же и принять меры: послать мне зов, сказать, чтобы я вылил камру из этого грешного кувшина, а уже потом бежать на свидание, или — если уж тебе тогда было плевать на все с высокой башни! — нечего так волноваться сейчас, когда уже поздно что-либо исправлять."

"А уже поздно?" — совет шефа был чудо как хорош, но честно говоря, сейчас я был в очень плохой форме и не мог им воспользоваться.

"В любом случае, кувшин уже пуст, — невозмутимо сообщил Джуффин. —

зашла попрощаться перед отъездом", что не стала посылать ей зов и чуть ли не дюжину дней пребывала в уверенности, что ее дочка действительно покинула Ехо, а в ее квартире теперь живу я... Правда потом леди Атисса все-таки узнала правду, так что мне пришлось пережить самый настоящий скандал, какие бывают только в хороших итальянских комедиях, но мы с Меламори справедливо полагали, что дело того стоило!

— Тебя нужно как-то спасать? — деловито осведомилась Меламори. — Или само пройдет?

— Пройдет, — вздохнул я. — Куда я денусь!

— Ну как твой допрос? — с любопытством спросила она. — И как тебе эти ребятишки? Пришлись по душе?

— Еще бы, — улыбнулся я. — Скажу тебе больше: мне всегда нравилось жить в этом прекрасном Мире, а теперь нравится еще больше... Хорошо, что они есть, эти искатели магических приключений на свою и чужую задницу!

— Хорошо-то хорошо... И что теперь? — спросила она. — Будем сажать их в Холоми?

— Ага, — жизнерадостно кивнул я. — Не такое уж это плохое место — Холоми. Особенно с тех пор, как мы с Шурфом замочили тамошнего призрака, мертвого Магистра Махлилгла Анноха... По крайней мере, живы останутся. С их темпераментом дожить до зрелых лет — большая удача!

— Тоже верно, — невесело усмехнулась Меламори. — Ладно, тогда я, пожалуй, поеду домой. Грустно это все, да и спать хочется... Ты ведь все равно будешь ждать сэра Джуффина?

— Буду, — согласился я.

Она демонстративно зевнула и направилась к двери.

— Подожди, — попросил я.

Меламори обернулась и внимательно посмотрела на меня.

— Не грустно, — твердо сказал я. — Нормально.

— Да, наверное, — неохотно согласилась она.

— Я предложил им изгнание, как альтернативу Холоми, — заговорщическим шепотом сообщил я. — И постарался втемашить в их глупые головы, что на Ехо свет клином не сошелся. Теперь ребята думают.

— Если твоим подопечным понадобятся рекомендации для визита к арварохским буривушкам, я к их услугам! — с явным облегчением рассмеялась Меламори. — Все-таки ты — прелесть, сэр Макс!

— Подожди еще, — вздохнул я. — Посмотрим, что они выберут. Вполне может оказаться, что уютная камера в Холоми покажется им более привлекательной, чем ветер дальних странствий. Знаешь, ведь в Холоми их ждут визиты перепуганных родственников и восхищенных друзей, домашние гостинцы и любопытные журналисты из "Суеты Ехо" — по крайней мере, в первое время, пока тема не устареет... Я знаю кучу людей, которые сочли бы все это серьезным аргументом против путешествия в полную неизвестность! Собственно говоря, таких — подавляющее большинство.

— Ну, в таком случае, им же хуже! — беззаботно отмахнулась она. — Все равно ты поднял мне настроение, Макс. Я, конечно, поеду домой, но теперь только потому, что действительно хочу спать.

в жилой части дома, накормил ужином и ушел работать: по ночам в любом доме Квартала Свиданий каждые несколько минут новый посетитель...

— А на рассвете в Квартал Свиданий появился наш Кофа, — понимающе кивнул я. И снова нахмурился:

— Но ведь Кофа пришел туда, чтобы вытащить номерок, взять под ручку какую-нибудь даму из Ждущих и отправиться восвояси. Как, интересно, он нарвался на ребят?

— А ты внимательно перечитай газету, — усмехнулся шеф. — Там сказано, что одна из преступниц пряталась среди Ждущих. Сэр Кофа вытащил номер пять, а она как раз оказалась пятой по счету женщиной, попавшейся ему навстречу... Это судьба, Макс! На сей раз ее жесты столь грубы и прямолинейны, что мне даже немного не по себе...

— Но с какой стати эту девочку понесло в зал? — опешил я. — Что, решила завести коротенький роман, чтобы успокоиться и отвлечься? В такой момент, когда у их компании земля под ногами горела?

— Если уж господа Тайные Сыщики способны развлекаться, украдкой подливая друг другу грём в тот момент, когда на них висит нераскрытое дело — чего уж ждать от этих детишек? — ехидно прищурился Джуффин. — Впрочем, насколько я понял, девочка просто хотела взять у своего дядюшки ключ от какой-то кладовой и легкомысленно решила отправиться к нему короткой дорогой через зал, вместо того, чтобы выйти через черный ход, обойти дом и зайти с улицы через парадную дверь. Маленькая оплошность, которая стоила Айсе и ее друзьям свободы.

— Так всегда бывает, — серьезно согласилась Меламори. — Нет ничего страшнее, чем такая маленькая оплошность!

— Вот и я о том же, — кивнул Джуффин. — Когда Кофа взял Айсу за локоток и вежливо пожелал ей хорошего утра, она даже не сразу поняла, что происходит. Попробовала высвободиться и идти дальше. Наш Кофа удивился и спросил у нее: зачем, в таком случае, она пришла в Квартал Свиданий. Все еще можно было исправить, если бы девочка была старше и сообразительнее. Она могла бы сделать вид, что ей стало плохо, или просто изобразить дурочку, которая не ведает, что творит, или — да мало ли что можно придумать! В Квартале Свиданий никто никого не принуждает... Впрочем, такого рода недоразумения там — большая редкость, поскольку люди обычно знают, куда и зачем пришли.

— А она начала выпендриваться? — понимающе спросила Меламори. — Сколько ей лет?

— Шестнадцать, не больше, — брякнул я. Эти двое посмотрели на меня как на душевнобольного, я смутился и поспешно исправился:

— Лет шестьдесят — семьдесят.

— Совсем маленькая, — улыбнулась Меламори. — Я бы в ее возрасте тоже могла так влипнуть: "Дать этому поганцу по башке, и дело с концом!" — не самое верное решение, но самое соблазнительное!

— Ты и сейчас вполне могла бы так влипнуть, — ухмыльнулся Джуффин. — Знаю я тебя...

— В общем, Айса решила защищаться, — резюмировал я.

— Ага. И начала не больше, не меньше, как с девяносто восьмой ступени Черной магии, — кивнул шеф. — Чтобы уж наверняка.

— Это что за фокус такой? — нахмурился я.

— Ничего особенного, — с деланным равнодушием объяснил Джуффин. — Предполагается, что противник превращается в каменную статую, которая тут же рассыпается на мелкие кусочки на глазах у восхищенной публики. К счастью, наш Кофа — крупный специалист по штучкам такого рода. Он сразу понял, что происходит, и успел накрыть свою противницу невидимым колпаком, так что она могла творить все, что угодно: ее заклинания больше не производили никакого впечатления на реальность... Это его коронный фокус. Сколько веселых ребят в свое время отправились в Холоми прямехонько из-под этого "колпака"! Он даже меня однажды им накрыл. Если бы я не практиковал Очевидную магию, и не научился к тому времени мгновенно уходить в Хумгат из любого места по собственному желанию, я бы до сих пор развлекал своими историями о "старых добрых временах" молоденьких стражников в Холоми... Впрочем, вряд ли меня бы рискнули оставить в живых!

— Ох, — вздохнул я, — всякий раз, когда вы начинаете рассказывать о том, как Кофа за вами гонялся, у меня крыша едет. Ну не могу я себе представить ваши знаменитые баталии, хоть убейте!

— Не можешь — пойди на улицу Старых Монеток и посмотри парочку мультфильмов про Тома и Джерри, — гордо сказал шеф. — Только учти, что Джерри — это я!

— А сэр Кофа тоже так думает? — вежливо поинтересовалась Меламори.

— Ха! А его никто не спрашивает! — тоном капитана школьной футбольной команды, только что разгромившей соперников, заявил Джуффин.

— А что было дальше? — нетерпеливо спросил я.

— Ты же читал газету... Примерно так и было, — зевнул шеф. — Айса увидела, что ее колдовство почему-то не действует, запаниковала и отправила зов своим друзьям. Ребята, недолго думая, ринулись ей на помощь. Сэр Кофа понял, что любовные утехы ему пока не светят, ужасно рассердился и употребил все силы на то, чтобы как можно скорее устранить сие досадное недоразумение. Ребятишки-то действительно могущественные, но опыта сражений у них никакого, да и скорость реакции отнюдь не та, чтобы уворачиваться от Кофы! Так что через несколько минут многочисленные утренние посетители Дома Свиданий изумленно разглядывали жалкие обломки этого несчастного строения и пытались понять, как они остались живы, а наш сэр Кофа, изрыгая проклятия, бегом отправился в Дом у Моста, чтобы сдать мне на руки своих восьмерых пленников и получить, наконец, возможность отправиться на поиски романтических приключений. Думаю, раньше, чем через несколько дней он не объявится: как я уже сказал, сэр Мелифаро не пожалел грёма для лучшего друга. Сколько он его вбухал в этот несчастный кувшин — боюсь себе представить!

— Гад он, — сердито сказала Меламори. — Макс ему аккуратно, по-дружески, подлил нормальную человеческую порцию, а он... Что, он хотел, чтобы мы погибли? Отравитель несчастный! А если бы Макс выпил больше одного глотка? Шутки шутками, но это уже было бы слишком...

— Думаю, Мелифаро просто хотел, чтобы его проняло, — улыбнулся Джуффин. — А поскольку у нас в Управлении почему-то прижился миф о том, что сэр Макс практически лишен человеческих слабостей... Бедняга Мелифаро наверное решил,

ворожила на Арварохе, где самые могущественные шаманы не в состоянии пользоваться обыкновенной Безмолвной речью!

— Эта ваша подружка — леди Меламори Блимм? — с любопытством спросила одна из девочек.

— Ну, уж по крайней мере, не мадам Жижинда! — улыбнулся я.

Мы немного посмеялись, как старые добрые друзья. Наверное, ребята представили себе, какую сладкую парочку мы бы составили с пожилой пышнотелой красавицей, известной всему городу хозяйкой "Обжоры Бунбы".

— Ладно, — я поднялся на ноги, с удовольствием распрямляя свои многострадальные суставы. — Хорошей ночи, ребята. Подумайте пока над моим предложением. Если кто-то предпочтет вольный воздух графства Хотта, красное небо над Уандуком, или любой другой туристический маршрут комфортабельной камере в Холоми, я с удовольствием пойду вам навстречу. Но я ни на чем не настаиваю. Это ваша жизнь, и кто я такой, чтобы упрощать ее своими мудрыми советами?! — я заметил, что снова цитирую сэра Джуффина, и мне стало смешно: кажется я понемногу становился таким идеальным заместителем — дальше некуда!

— Кстати, вы не голодные? — спросил я уже на пороге. — Морить вас голодом, насколько я знаю, никто не собирался, но в спешке о еде могли забыть...

— Ну что вы, — слабо улыбнулась Тилла. — Сэр Джуффин Халли оставил нам столько еды, что мы решили, будто нам предстоит провести в этой комнате дюжину лет, не меньше!

— Очень на него похоже, — кивнул я. — Рад был с вами познакомиться ребята, — я адресовал теплую улыбку маленькой храброй леди Айсе и добавил:

— Это правда.

Потом мне пришлось пережить еще несколько неприятных минут: выходить из этой грешной комнаты я был вынужден таким же способом, как и заходить: с ожившим мечом Короля Мёнина в груди, будь они трижды неладны, все эти древние чудеса!

— Кошмар! — Меламори нервно рассмеялась, когда я появился в кабинете Джуффина в столь неприглядном виде. — Все не могу привыкнуть к некоторым твоим причудам, милый! Хорошо хоть, что ты не всегда выглядишь таким образом. В противном случае, моя мамочка была бы куда больше шокирована, увидев тебя выходящим из моей квартиры, а тебе пришлось бы сообщить ей, что теперь в этом доме находится твой фамильный склеп.

Я улыбнулся, несмотря на боль. Это была свежая история из моей обширной коллекции особо дурацких бытовых происшествий: однажды рано утром леди Атисса Блимм столкнулась со мной на пороге дома Меламори, поскольку вдруг решила нанести своей дочке внезапный дружеский визит, больше смахивающий на официальное разбойное нападение — а как еще назовешь появление незваного гостя на рассвете?! Увидев меня разгуливающим по гостиной в небрежно накинутом на плечи домашнем лоохи, вельможная леди Атисса настолько растерялась, что бестактно спросила, что я тут делаю. Я, в свою очередь, тоже растерялся и брякнул первое, что пришло в голову: дескать, это теперь моя квартира, поскольку леди Меламори вчера вечером снова уехала на Арварох, и в связи с этим любезно сдала мне свое бывшее жилье. Самое замечательное, что леди Атисса мне поверила, извинилась и уехала домой. Она так обиделась на Меламори за то, что та "даже не

— Ну не скажи, Айса, — рассудительно заметил рыжий Менке. — Если бы мы сами не захотели стать Магистрами, ты бы нас не уговорила.

— А я немножко поворожила, чтобы вы быстрее захотели, — шепотом призналась она. И повернулась ко мне:

— Так все-таки, что вы решили, сэр Макс? Вы ведь все решаете, да?

— Когда как, — я пожал плечами. — А сейчас решать должны вы сами. Выбор у вас невелик, но он все-таки есть... Думаю, ты и сама понимаешь, леди Айса, что смертная казнь за ваши проделки — это немного слишком. Не так уж вы и накуролесили. Опять же Кодекс Хрембера ее запрещает — по крайней мере, официально... Но за все следует платить, это правда. Вы хотели стать живым мифом, новыми Великими Магистрами? Можете быть довольны: у вас получилось. И как самые настоящие Магистры вы должны отправиться в Холоми, или в изгнание.

— А можно и в изгнание? — оживился рыжий Менке. — Я думал, что от Холоми мы уже не отвертимся...

— Лучше уж в Холоми! — сердито сказала Айса. — Вдалеке от Сердца Мира маги постепенно теряют свою силу. А я больше не хочу быть беспомощной! Я уже знаю, что бывает иначе...

— Вдали от Сердца Мира теряют силу только те, кто занимается пустяками, — я потянулся за сигаретой и понял, что мне ужасно хочется кофе. Еще одна маленькая слабость, потворствовать которой мне позволяют манипуляции со Щелью между Мирами, хвала сэру Мабе Калоху! Не задумываясь засунул руку под Мантию Смерти и извлек оттуда маленькую белую чашку. В последнее время я очень полюбил пить крепкий эспрессо в крошечных чашечках — в такую помещаются три глотка, не больше. Юные колдуны смотрели на меня разинув рты.

— Сэр Макс, но здесь же нельзя колдовать! — несчастным голосом сказала хрупкая Хисса. — Думаете, мы не пробовали?

— Уверен, что еще как пробовали! — усмехнулся я. — В этой комнате действительно нельзя колдовать — именно поэтому сэр Джуффин вас сюда и запер. Но вы невнимательно меня слушали, леди! Я уже говорил, что кроме Очевидной магии, которая вскружила ваши горячие головы, есть еще и Невидимая, вернее, Истинная. Она работает везде: и здесь, и вдалеке от Сердца Мира, между прочим... Вы когда-нибудь слышали о Хонне, Великом Магистре Ордена Потаенной Травы?

Они дружно помотали головами, только Карвен задумчиво кивнул.

— Я знаю, что Великий Магистр Ордена Потаенной Травы почему-то бросил свой Орден в самом начале Смутных Времен... Но его имя я слышу от вас впервые. Его же нельзя произносить вслух. От этого можно умереть!

— Только в том случае, если вы хотите сказать о нем что-то плохое, — улыбнулся я. — Да и то... если честно, я здорово сомневаюсь! Какое ему дело: кто что о нем говорит?! Люди часто придумывают такие легенды, приписывая другим собственные слабости... Магистр Хонна действительно бросил свой Орден, поскольку решил, что нет великой доблести в том, чтобы творить чудеса вблизи от Сердца Мира, где Очевидная Магия по плечу каждой домохозяйке — было бы желание. Он отправился куда-то с твердым намерением научиться творить чудеса вдали от Ехо. И я совершенно уверен, что это ему удалось, поскольку и сам вытворял черт знает что на Уандуке, а одна моя хорошая подружка отлично

что нормальная порция не произведет должного эффекта!

— А что, есть такой миф? — изумился я. — Лестно, конечно, но откуда он взялся? У меня этих самых "человеческих слабостей" — хоть на Сумеречном рынке ими торгуй!

— Людям нужны идеалы! — насмешливо объяснил шеф. — Некоторые особо душевные господа даже в сортир без идеалов не ходят!

— Ладно, с грёмом и идеалами мы, вроде, разобрались... А где они теперь, юные колдуны с улицы Пузырей? — спросил я. — Вы их уже допрашивали? Мне вот что интересно...

— Я их не допрашивал, — сухо сказал Джуффин. — Ты забыл: я отстранился от этого дела. Я просто запер этих ребят вот тут, — он показал на дверь за своей спиной, — благо комнатка у нас что надо... Собственно говоря, я ждал, кто из моих замесителей заявится на службу первым и проведет допрос арестованных, поскольку это и есть ваша работа. Скажу честно: я здорово надеялся, что это будешь ты. Но не стал посылать тебе зов, поскольку мне самому уже было любопытно, какую карту вытянет на сей раз судьба. Так что у тебя есть отличная возможность узнать все, что тебя интересует, из первых рук.

— Вы хотите, чтобы я сам их допросил? — растерянно спросил я. — Спасибо за доверие, но я навалию кучу ошибок, вы же меня знаете!

— Да, в отличие от сэра Мелифаро, ты — не мастер вести допрос. Но ты приехал первым, а значит судьба сделала свой выбор, — беззаботно возразил Джуффин. И добавил:

— На сей раз наши с ней мнения полностью совпадают, надо отдать ей должное! Работай, сэр Макс: ночь в твоём распоряжении. А я поеду домой и лягу спать, — шеф перешел на Безмолвную речь и добавил: "Единственное, что меня действительно интересует — это заклинание Старых Королей. Думаю, тебя тоже. А кроме нас с тобой о нем пока, хвала Магистрам, никто не знает. Вот и полюбопытствуй, где наши юные гении его выпарапали. Главное, чтобы эта скверная тайна не начала гулять по всему Ехо. Полагаю, ты сам понимаешь, почему меня это так беспокоит. Все остальное — на твое усмотрение."

"Ладно, — ответил я. — Сделаем."

— Секретничаете? — неуверенно спросила Меламори. Она внимательно всматривалась в наши отсутствующие лица. — Ладно, секретничайте, только скажите, чем я-то должна заниматься? Наверное этой ночью мне придется подежурить в вашем кабинете?

— Вообще-то я собирался припахать сэра Нумминориха, — улыбнулся ей шеф. — Но если ты уверена, что не хочешь спать — тем лучше! Проследишь, чтобы наш штатный нюхач не грохнулся с люстры. Подежурите вдвоем — мало ли что может стрястись в этом веселеньком городке, пока наш грозный сэр Макс будет чирикать со своими поклонниками...

— С кем? — удивился я.

— Со своими поклонниками, — с неподражаемым ехидством повторил Джуффин. — Имей в виду, сэр Макс: эти ребята без ума от тебя и твоих подвигов, как и большинство столичных студентов. Они считают, что ты — какой-нибудь древний Магистр, удачно замаскировавшийся под Тайного Сыщика, или что-то в таком роде... Это — твой главный козырь. Очень может быть, что тебе даже не

понадобится оглушать своих подследственных Смертными Шарами, чтобы они рассказали тебе о своих подвигах.

— Просто скажи этим ребятам, будто собираешься организовать новый тайный Орден, и теперь они должны предъявить тебе веские доказательства, что достойны стать его членами, — подмигнула мне Меламори.

— Именно что-то в таком роде я и имел в виду, — согласился Джуффин. — Хотя, поступай как знаешь... С другой стороны, Смертный Шар — это все-таки куда надежнее, чем личное обаяние!

— Ладно, — кивнул я. — Только я должен знать: а что мы собираемся с ними делать? Посадим их в Холоми? Или как?

— Могу сказать тебе одно: чего мы точно не будем делать, так это кормить их молочной кашкой из ложечки и отпускать домой, под надежную защиту матушкиного передника, — усмехнулся шеф. — Хотя бы потому, что это глубоко уязвит достоинство столь могущественных чародеев... Впрочем, тебе решать.

— Мне решать? — я уже ничего не понимал. — Но я же, хвала Магистрам — не Начальник Канцелярии Скорой Расправы!

— Разумеется, — невозмутимо согласился Джуффин. — Ты — Ночное Лицо Начальника Тайного Сыска, а это куда более высокая должность. И ответственности больше. Поэтому голова болеть должна у тебя, а не у сэра Багуды Малдахана — при всем моем к нему уважении. А я еще немного постою в стороне и посмотрю, какие гениальные идеи может породить твоя бедная, опустошенная грёмом черепушка.

— Но... — начал я.

— Завтра, — решительно отрезал шеф. — На сегодня все, сэр Макс, я не собираюсь облегчать тебе жизнь своими дельными советами. К тому же я действительно хочу спать, — Джуффин покинул свое кресло и направился к выходу. — Завтра утром я вернусь в этот кабинет, и ты сообщишь мне свое решение.

— И больше вы мне ничего не скажете на прощание? — удрученно уточнил я.

— Ничего! — жизнерадостно подтвердил этот иезуит. И лукаво добавил:

— Тот, кто знает, не говорит, кто говорит — не знает!

— Лао-Цзы хренов! — уважительно сказал я ему вслед.

Меламори расхохоталась, уронив голову на руки. Ей так понравилось прилагательное, что она даже не потрудилась поинтересоваться, "что это за Лао-Цзы такое?"

— Ты прямо сейчас пойдешь их допрашивать? — спросила она, отсмеявшись.

— Можно подумать, ты со мной вчера вечером познакомилась, — весело откликнулся я. — Разумеется, нет! Сначала я выпью камры с тобой и Нумминорихом — надеюсь, уж вы-то ничего не станете добавлять в мою кружку! Потом мы дружно решим, что неплохо бы и поужинать. Потом что-нибудь случится. Потом я все быстренько улажу и скажу, что после такого дела грех не сделать еще пару глотков камры и покурить заодно... Одним словом, я буду откладывать этот грешный допрос, сколько возможно, потому что действительно не очень понимаю, с какой стороны за него приниматься. Ужас, да?

— Ужас! — серьезно согласилась она. — Нет, чтобы быстренько сделать это неприятное дело, а потом расслабиться.

— Быстренько не получится, — вздохнул я. — И расслабиться у меня тоже вряд ли получится... Ладно, ужин, возможное происшествие и последующий за ним

не поверю! Не старайтесь казаться добрее, чем вы есть, ребята.

— Почему вы так говорите? — жалобно спросила хрупкая красивая девочка — кажется, ее звали Хисса. — Вы думаете, мы действительно злодеи?

— Ага, — жизнерадостно кивнул я. — Еще какие! Ничего, ребята — с кем не бывает! Некоторые люди делают куда менее похвальные вещи ради какой-нибудь сущей ерунды вроде наследства... По крайней мере, вы шли на зов чудес — и кто я такой, чтобы читать вам свои паршивые нотации!

— Между прочим, мы пытались им помочь! — упрямо возразила она.

— Да, знаю. Напоили грёмом несчастных стариков, — ехидно усмехнулся я. — Самая крупная благотворительная акция последнего столетия!

Карвен, Айса, рыжий Менке и "любитель автографов" Аватта звонко расхохотались. Остальные тоже заулыбались, но смущенно, словно школьники, застигнутые учителем над журналом "Пентхаус".

— Ладно, — вздохнул я. — Теперь все понятно — и с вами, и с заклинанием Старых Королей... — про себя я подумал, что было бы неплохо упечь этого шутника, Короля Мёнина, в Холоми лет на пятьсот за такие шуточки, но такое удовольствие мне не светило: попробуй "упеки" самое таинственное существо в этом Мире, которое и без того бесследно исчезло невесть куда два с лишним тысячелетия назад...

— А что с нами теперь будет? — храбро спросила меня Айса.

Ее друзья явно не жаждали услышать приговор прямо сейчас — я и сам предпочитаю не торопиться навстречу неприятным новостям, если честно! Но эта девочка обладала удивительным талантом стискивать зубы и ломиться вперед, как бешенный менкал — несмотря ни на что! Вот и сейчас она добавила, упрямо покусывая губы:

— Кстати, имейте в виду: никто кроме меня не знает наизусть это ваше драгоценное заклинание. Ребята читали его по бумажкам, я еще их стыдила: дескать, "великие чародей", несколько дюжин слов связать не могут! Если хотите, можете шарахнуть меня своим Смертным Шаром и проверить: я говорю правду.

— И так верю, — кивнул я. В Смертных Шарах не было никакой надобности, поскольку прошлой ночью я неоднократно видел, как они читали заклинание, уткнувшись в свои шпаргалки. Надо отдать должное их белокурой предводительнице: Айса всякий раз аккуратно сжигала бумажки, чтобы не оставлять никаких следов. Я был ей за это глубоко благодарен: нам меньше работы!

— А почему ты мне все это рассказываешь? — поинтересовался я.

— Потому что вы можете решить, что оставлять в живых людей, которые знают это заклинание, слишком опасно, — просто сказала она. — Вдруг Магистр Нуффин все-таки его из нас вытрясет... Просто имейте в виду: всех убивать не обязательно.

— Мой шеф заверил меня, что заставить человека забыть несколько слов из заклинания проще, чем его убивать, — улыбнулся я. — Не такие уж мы кровожадные, храбрая юная леди!

— Я не храбрая, — мрачно сказала она. — Просто я все это затеяла. Ну, мы с Карвеном. Но если бы не я, он бы больше не полез в вашу тетрадку. А ребята вообще почти не при чем. Я их уговорила повеселиться за компанию. Это было проще, чем прятаться не только от стариков, но еще и от своих, с позволения сказать, коллег...

вылетел из вашей спальни, как снаряд из рогатки Бабум!

— Охотно тебе верю, — улыбнулся я. — Но как ты допер, что это заклинание нужно читать над чужими обедками?

— А я бы и не допер. Но через несколько дней я зашел в "Пьяного умника" — это маленький трактирчик возле Высокой Школы — и встретил там Айсу. Мы с ней старые друзья, — Карвен расплылся в широкой улыбке, — еще с тех незапамятных времен, когда я спасал ее от гнева молочника с улицы Альбиносов: он поймал ее у своей тележки, когда эта маленькая ведьмочка испытывала на его товаре какое-то заклинание собственного изобретения: ей казалось, что она может превратить молоко в мороженое...

— Ладно, я уже понял, что вас связывает фронтовое братство, — рассмеялся я. — И что было дальше?

— Я сказала ему, что он дурак, — фыркнула Айса. — Найти тетрадку с заклинаниями в спальне у сэра Макса и не переписать — жуткая глупость! Карвен немного помялся и неохотно пообещал мне, что в следующий раз перепишет. Но я решила, что должна сама посмотреть на эту тетрадку. И он провел меня в ваш дом — не так уж это и сложно! Ваша большая собака сразу признала во мне свою и начала мотать ушами. Остальные слуги были на кухне, а эти леди, которые у вас живут, как раз куда-то ушли...

— Да, зайти в мой дом легче легкого, — согласился я. — И еще там можно заблудиться и бродить по коридорам, пока через несколько дней на вас не наткнется добрая душа, решившая посмотреть, кто так жалобно стонет возле старой библиотеки... Пора менять жилье! — неожиданно для себя заключил я.

— А когда я открыла эту вашу тетрадку, я действительно обнаружила там заклинание, и сразу его переписала, — объяснила Айса. — А потом подумала, что хорошо бы еще узнать, как оно применяется, и начала листать тетрадь. И можете себе представить: в самом конце, на предпоследней странице, я нашла подробную инструкцию. Настолько подробную, что испугалась: там были ответы на все вопросы, которые у меня возникли. Знаете — как будто кто-то незнакомый прочитал мои мысли и тут же на них ответил, как на письмо. Мне даже показалось, что этот "кто-то" стоит рядом со мной, хотя никого кроме Карвена в комнате, разумеется не было... Но я с детства больше всего на свете хотела, чтобы со мной случилось что-то в таком роде. Поэтому я взяла себя в руки и переписала эту инструкцию. А вечером мы с Карвеном встретились в "Пьяном умнике" и всю ночь обсуждали, что нам теперь делать. То есть, извините за откровенность, сэр Макс, мы решали, чью силу будем забирать, и каким образом мы сможем добраться до их невымытой посуды. Какое мы тогда приняли решение — вам уже известно... Все остальные ребята работали в "Клубе Дубовых Листьев" еще до нас. Тиба — двоюродный брат Карвена, поэтому он порекомендовал нас их Почетному Председателю, и нас взяли на работу. Мы согласились работать у них всего за три короны в дюжину дней — представляете, как они радовались, что нашли такую дешевую прислугу?.. Но знаете, мне ведь не пришлось в голову спросить у вашей волшебной тетрадки, что случится с тем, у кого мы отнимем силу! Поэтому там об этом не говорилось ни слова. Мы не знали, что этим людям будет так плохо!

— А если бы даже знали? — я пожал плечами. — Только не говори мне, что ты сожгла бы бумажку со своими записями и занялась бы чем-нибудь другим: все равно

перекур я, пожалуй, действительно пропущу. Но полчаса за кружкой камры с тобой и Нумминорихом — этот пункт программы кажется мне слишком привлекательным, чтобы от него отказываться!

Мы действительно очень мило посидели в Зале Общей Работы, благо Нумминорих по-прежнему лучился от радости, но больше не порывался залезть на люстру — идеальное состояние души! Мне хватило четверти часа болтовни ни о чем, половины кружки камры и одной сигареты, чтобы почувствовать себя совершенно счастливым человеком. Не настолько счастливым, чтобы хватать воздух ртом, как глубоководная рыба, не в силах совладать с восторгом, разрывающим меня на части, и, уж тем более, не настолько, чтобы безумной птицей взмыть в ночное небо над Ехо, но мне моя скромная порция счастья показалась оптимальной.

А потом я все-таки отправился в наш с Джуффином кабинет, в дальнем углу которого скрывалась маленькая, невзрачная, хлипкая на вид дверца, ведущая в небольшую пустую комнату с голыми стенами. Это помещение было создано специально для того, чтобы запирать в нем могущественных магов, которые находятся в несколько натянутых отношениях с хозяевами кабинета — иногда мне кажется, что эта комната даже более надежна, чем Холоми, но отсутствие минимального комфорта не позволяет нам подолгу держать там пленников: мы, конечно, бездушные изверги, кровопийцы и супостаты, но не настолько, чтобы заставить государственных преступников больше суток обходиться без мягкой постели и хотя бы трех бассейнов для умывания! Что касается "хлипкой" двери, ведущей в эту комнату — в Ехо есть только два человека, которые могут позволить себе роскошь открыть эту дверь и остаться в живых: сэр Джуффин Халли, и я. Вообще-то, шеф не предпринимал никаких усилий, чтобы передать мне сие "великое учение", просто с тех пор, как в моей груди поселился меч Короля Мёнина, смерть, охраняющая дверь, всегда неохотно отходит в сторону при моем приближении... Я догадывался, почему шеф не предложил мне свою помощь, а спокойно уехал домой: очередной "терапевтический сеанс", еще одна попытка заставить меня почаще делать то, что мне не нравится. Я терпеть не могу лишний раз будить это загадочное невидимое оружие, навсегда увязшее в моей груди: просто потому, что это больно... и — чего уж там греха таить! — мне до сих пор страшно, что однажды мой всемогущий защитник не сработает.

Но на сей раз у меня не было никаких шансов увильнуть от неприятной процедуры. Надо — значит надо, и не отвертеться! Так что я просто положил руку на дверную ручку, а потом аккуратно на нее нажал. В глазах потемнело, потом темнота сменилась бесконечным потоком золотых искр — все как всегда, обычное приветствие леди смерти, караулившей вход... И почти сразу же — неприятная, тупая, но вполне терпимая боль в груди. Невидимый меч Короля Мёнина ненадолго вернулся в мир материальных вещей, чтобы привычно рывкнуть на свою старинную подружку: "этот парень под моей защитой!" Смерть, как всегда, поспешно отступила, наверняка скрутив в кармане кукиш: дескать, будет и на нашей улице праздник!

Пока эти метафизические противники выясняли отношения между собой, я с облегчением понял, что по-прежнему жив, кое-как восстановил контроль за собственными действиями, вошел в темную комнату и запер за собой дверь. Восемь юных чародеев, которые казались мне старыми знакомыми — после того, как я всю

прошлую ночь любовался на их приключения — смотрели на меня с откровенным ужасом. Кто-то из девочек даже тихонько пискнул. Я опустил глаза и понял причину их страха: обычно невидимый меч Короля Мёнина сейчас нахально торчал из моей груди, в которой увяз по самую рукоятку. Так что на живого человека я походил только с некоторой натяжкой. Я подумал, что мой мудрый шеф наверняка предусмотрел и это, и заранее потирал руки, представляя, какой эффект произведет на арестованных появление "грозного сэра Макса" с торчащей из груди рукояткой меча и бледной, как у покойника харей: минут десять после такой передраги меня не следует подпускать к зеркалу, чтобы сам в обморок от страха не грохнулся!

— Не бойтесь, дети, я живой, — хрипло сказал я и криво улыбнулся: очень уж дурацкая получилась фраза!

— Точно? — недоверчиво спросила белокурая Айса. — Что-то не похожи вы на живого человека! — Девочку все еще трясло от страха, как и ее приятелей, но ее голос звучал твердо и даже несколько нахально — могу ее понять, я и сам иногда становлюсь чудовищным нахалом, потому что это — примитивное, но действенное лекарство от природной робости.

— Ничего, сейчас пройдет, — мягко сказал я. — Просто господин Почтеннейший Начальник очень хорошо запер эту дверь, так что открыть ее и остаться в живых совершенно невозможно. Сам он куда-то запропастился, а мне позарез приспичило с вами потрепаться. Поэтому мне пришлось быстренько умереть и снова ожить — специально для того, чтобы нанести вам визит, ребята. Через несколько минут эта железяка, — я неуважительно показал пальцем на рукоять волшебного меча, — исчезнет, и все будет в полном порядке. Но я и сейчас — отнюдь не покойник.

— А вам не больно? — с неожиданным сочувствием спросила Айса.

— Больно, — вздохнул я. — Но не очень. Терпеть можно.

— А вы и есть сэр Макс? — вежливо спросил у меня один из мальчиков. — Очень приятно с вами познакомиться. Если бы эта встреча произошла полгода назад и при других обстоятельствах, я бы наверное решился попросить у вас автограф.

— Но сейчас-то он тебе без надобности? — улыбнулся я.

— Да, пожалуй, — серьезно кивнул он.

— Ну что, давайте познакомимся, для начала, — предложил я, извлекая из кармана сигарету. Я очень надеялся, что моя последняя дурная привычка, маленькая слабость, надежно привязывающая меня к прежнему Макс, поможет мне отвлечься от боли, которая отступала, на мой вкус, слишком уж медленно. — Вообще-то, троих из вас я знаю по именам: ты... — белокурая леди нахмурилась, явно опасаясь, что я назову ее настоящее имя, и понимающе кивнул:

— ладно, если тебе так больше нравится, буду называть тебя Айса! Вот этот рыжий парень в углу — Менке, а ты, — я кивнул "любителю автографов", — Аватта, и поговаривают, что целоваться с тобой в темноте куда страшнее, чем использовать древние заклинания...

Кто-то из девочек захихикал. Аватта смотрел на меня, как громом пораженный, а Айса сразу все поняла и прямо спросила:

— Что, вы следили за нами с самого начала? Или вы просто все обо всех знаете, даже такую чепуху, как шутки?

— Ни то, ни другое, — улыбнулся я. — А можно сказать: и то, и другое — всего

заговору.

Черт, если бы я уже не сидел на полу, я бы непременно на него рухнул! До меня наконец-то дошло, что он имел в виду. Карвен обнаружил в моей спальне не больше, не меньше, как дневник Короля Мёнина — "подарочек" сэра Джужфина к моему возвращению из Гугланда! Эта грешная тетрадка чуть было не заставила реальность — или то, что я предпочитаю считать реальностью — рухнуть раз и навсегда. За ней, знаете ли, водилась эксцентричная привычка назойливым шепотом, здорово похожим на мой собственный голос, рассказывать мне занимательные истории моей собственной жизни — те, которые вполне увязывались с моими воспоминаниями, и те, которые не лезли ни в какие ворота, но в изложении Дневника производили впечатление более чем достоверных. Но я как-то выстоял, поскольку у тетрадки были некоторые неоспоримые достоинства: ее содержание менялось быстро и незаметно, и оно ускользало из моего сознания, как пустые утренние сновидения, а в один прекрасный день я открыл ее и, не обнаружив там ничего, кроме чистых страниц, понял, что мне даровали передышку — желанную, как первый глоток воздуха для неопытного ныряльщика... Я забросил загадочную тетрадь на самую дальнюю полку хрупкой миниатюрной этажерки, подпиравшей стену в дальнем углу моей спальни, и начал жить так, словно ее никогда не было — я сам удивился, обнаружив, как это оказалось просто... Иногда, впрочем, я ловил себя возле этой самой этажерки с протянутой за тетрадь рукой, и усилием воли опускал непослушную руку. "Потом, парень, — говорил я себе. — В Приют Безумных ты всегда успеешь!"

— Я подумал, что это ваш дневник, — виновато сказал Карвен. — Представляете, как я обрадовался?

— Никогда в жизни не вел дневник, — я выдавил из себя блеклую улыбку.

— Да, я потом тоже так подумал, — кивнул он. — Уже позже, когда с нами начали происходить все эти чудеса... Я вообще многое стал с тех пор понимать: о себе и о вас, и вообще... В частности, почему ваши домашние ничего о вас не знают, и почему вы не ведете дневник... Есть вещи, которые просто не могут принадлежать никому, кроме тебя. А когда вытаскиваешь их на поверхность, они тут же теряют ценность — как моллюски импур, извлеченные из своей мягкой раковины на дневной свет.

Мне понравилась его метафора, поскольку я совсем недавно попробовал этот заморский деликатес из моря Укли: нежное мясо моллюсков импур можно есть исключительно в темноте, поскольку, как только на него падает луч света, лакомство тут же начинает вонять, как недельной давности мертвечина...

— Ладно, — кивнул я, — я уже понял, что за тетрадку ты нашел, и почему сунул в нее свой нос... И что ты там обнаружил?

— Но вы же сами должны знать: это ваша тетрадка! — удивленно сказал он.

— В каком-то смысле моя, — усмехнулся я. — Но я знаю о ней очень немного. Например, что ее содержание меняется всякий раз — в зависимости от того, кто ее открывает. И не только от этого... Что, тебе досталось это грешное заклинание?

— Ага, — кивнул Карвен. — Там было написано: "Для тех, кто ищет силу". И потом еще несколько строчек с непонятными словами. Я их тут же произнес вслух, но ничего не случилось, только ветер распахнул окно... Сейчас смешно вспоминать, но я чуть на пол не наделал, честное слово! Я быстро положил тетрадку на место и

Доме. В частности, кормил и причесывал ваших знаменитых кошек, сэра Армстронга и леди Эллу... Я, наверное, до сих пор их кормил бы, если бы не Шимора... — он смущенно покосился на свою подружку и виновато сказал:

— Извини, Айса! Ты же знаешь, я все время путаю... Если уж меняешь имя, старых приятелей, вроде меня, лучше просто убивать: мы-то, гады такие, помним прежнее имя, и никуда от этого не денешься!

— Ладно, — буркнула она. — Но все-таки постарайся забыть это имечко: я его ненавижу!

— Так вы меня до сих пор не узнаете, сэр Макс? — повернулся ко мне Карвен.

— Не узнаю, — виновато признался я. — Если ты почти год работал в Мохнатом Доме, ты должен был заметить, что я прихожу туда только спать, да и то далеко не каждый день... У меня там живут такие замечательные полезные леди, две сестрички из Пустых Земель, благодаря которым мой дом до сих пор не рухнул. Уверен, они-то тебя отлично помнят. А я вообще долгое время думал, что у меня нет никаких слуг, и все происходит как-то само собой...

— Да, вы действительно не так уж часто появлялись дома, — улыбнулся Карвен. — К моему величайшему сожалению! Когда меня на год выперли из Университета за эксперименты с шестой ступенью Белой Магии во время экзамена, и я устроился на работу в ваш дом, мои друзья завидовали мне так, словно я клад нашел. А мне и похвастать особо было нечем: я видел-то вас всего раз пять, и вообще мне показалось, что ваши домочадцы то ли ничего о вас не знают, то ли просто не хотят ничего рассказывать...

— Ишь ты! — удивился я. — Ну, значит, я здорово недооценивал — то ли их, то ли себя...

— Одним словом, во всем виноваты мы с вами, сэр Макс. — весело заключил Карвен. — Ваша таинственность и мое любопытство. Именно поэтому я воспользовался возможностью беспрепятственно войти в вашу спальню: в случае чего я всегда мог сказать, что разыскиваю Армстронга и Эллу: они же вечно валяются на ваших подушках!

Я быстро понял, что его прежняя молчаливость проистекала исключительно из желания остаться неузнанным. На деле парень оказался самым общительным и разговорчивым в этой компании. У него была замечательная манера улыбаться краешком рта и еще более очаровательная привычка смотреть на собеседника немного исподлобья, лукаво и испытующе, словно он хочет открыть вам некую тайну, и теперь пытается решить, заслуживаете ли вы его доверия.

— Ладно, — кивнул я, — я уже смирился с мыслью о том, что моя спальня неоднократно подвергалась тщательному обыску. Но я не держу там ничего интересного, мой бедный сэр сыщик! Никаких заколдованных амулетов, никакой тайной переписки с мятежными Магистрами, никаких портретов на фоне убиенных вурдалаков... Так что я не понимаю, каким образом в моей грешной спальне, дырку над ней в небе, могло объявиться заклинание Старых Королей!

— А горячая тетрадка? — торжествующе выпалил Карвен.

— Какая тетрадка? — искренне удивился я.

— Толстая тетрадь в матерчатом переплете. Она такая горячая, что я с трудом удержал ее в руках, — парень говорил тоном следователя на руках у которого были неопровержимые доказательства моей причастности к какому-нибудь мировому

понемножку... Просто один маленький фокус, которому вы еще не успели научиться. Но я не помню, как зовут всех остальных: у меня скверная память на имена, поэтому представьтесь, ребята.

Они представились. Молчаливого парня в углу звали Карвен, еще одного, коренастого и серьезного — Тиба, а девочек — Тилла, Танита и Хисса. Теперь они молча смотрели на меня — восемь пар кошачьих угуландских глаз, фосфоресцирующих в темноте — и ждали: что дальше.

— Для начала мне хотелось бы узнать, откуда вам стало известно заклинание Старых Королей, — я решил сразу брать быка за рога, поскольку действительно никогда не был мастером всяких иезуитских штучек вроде медленного выковыривания из арестованного необходимой информации. До сих пор мне это высокое искусство было ни к чему: зачем хитрить, когда в любой момент можно шарахнуть пленника своим Смертным Шаром и услышать: "что прикажешь, хозяин?" — противно, но чертовски удобно!

Эти красавчики тут же насупились и замолчали, словно я был идиотом психологом, который явился к ним в школу, чтобы устроить коллективное обсуждение эротических снов учащихся.

— Ребята, — проникновенно сказал я, — вы понимаете, какое дело... Мне очень понравилась ваша теплая компания, пока я наблюдал за вашими идиотскими выходками. Мне даже показалось, что мы с вами немного похожи: на вашем месте я, скорее всего, тоже начал бы выпендриваться со всеми этими дурацкими фокусами — да я и выпендривался в свое время, только мне тогда приходилось обходиться без магии, поэтому результаты были значительно скромнее... Вы понравились мне настолько, что я не очень-то рвался отправляться на ваши розыски, а теперь трачу время на дружескую болтовню с вами, вместо того, чтобы прямо с порога метать в ваши упрямые головы свои Смертные Шары, которые, смею заверить, способны разговорить даже несвежего покойника. Но это не значит, что я собираюсь любой ценой оставаться "добрым дяденькой". Боюсь, что чуть ли не половина слухов, которые ходят обо мне по Ехо — правда. Мои Смертные Шары действительно лишают людей собственной воли, а моя грешная слюна — самый настоящий яд. В отличие от вас я могу колдовать даже в этой зачарованной комнате, поскольку помимо дурацких фокусов, которым вы успели научиться, существует Истинная магия, которая работает везде: и здесь, и в Холоми, и на краю Мира. Я могу вышвырнуть вас отсюда в Хумгат — и барахтайтесь там между Мирами, пока какой-нибудь из них не решит взять вас в плен. А могу уволочь на Темную Сторону Ехо — слышали, что это такое? Вижу, что не слышали — что ж, вас ждет еще множество восхитительных открытий, если вы до них доживете... Хуже другое: я вполне способен выйти отсюда, оставив от вас кучку пепла, пожать плечами и отправиться в какое-нибудь симпатичное кафе угощать мороженым свою девушку, или в "Трехрогую луну" на поэтический вечер — с меня станется... А утром я скажу своему шефу, что вы меня достали, и вообще: раз нет людей, которые знают заклинание Старых Королей, значит мы с ним можем спать спокойно... У меня даже мелких неприятностей не будет, вот что по-настоящему ужасно!

— Вы нас пугаете, — хмуро сказала Айса. — У вас не очень хорошо получается: вы слишком симпатичный, чтобы быть таким злодеем. У вас все на лице написано!

— А я не злодей, — усмехнулся я. — И не "симпатичный парень", если уж на то

пошло. Всего лишь смертельно опасная игрушка в руках вашей рехнувшейся судьбы. И я вас не пугаю. Просто честно предупреждаю: меня очень интересует заклинание Старых Королей. Настолько, что я заранее готов сделать с вами любую пакость — лишь бы быть абсолютно уверенным, что это заклинание никогда не станет еще чьим-нибудь достоянием — того же Магистра Нуфлина, например...

Я мог себя поздравить: моя стрела попала точнехонько в цель. Юные колдуны распахнули рты и уставились на меня, как религиозные фанатики на новоявленного Мессию: с благоговением и смутным недоверием — дескать, не может же все быть настолько замечательно! Только что я старательно разыгрывал партию бессердечного государственного чиновника, глубоко равнодушного к судьбе подследственных — "все равно, что молоть, лишь бы не заржаветь", — устало сказала мясорубка — и вдруг завершил свое удручающее выступление таким "диссидентским" заявлением. Теперь от ребят требовалось осознать, что я предлагаю им не "сотрудничество со следствием", а соучастие в серьезном преступлении: сокрытии тайны от первого лица в государстве. Я наделся, что ребяташки купятся на мою искренность: очень уж мне не хотелось выполнять свою угрозу насчет Смертных Шаров. Если честно, я заботился не о них, а о себе: мне хотелось, чтобы в моей памяти остались настоящие живые лица храбрых горекудесников, а не бессмысленные физиономии "верных рабов". Черт, имею же я право на приятные воспоминания!

— Вы сказали, что не хотите, чтобы заклинание стало известно Магистру Нуфлину? — наконец пролепетала Айса. — Но ведь Тайный Сыск работает на Орден Семилистника, это все знают!

— Ну да, — насмешливо кивнул я. — "Все знают" — самый беспомощный аргумент, который я когда-либо слышал... И почему-то самый популярный у начинающих ораторов!

— А на кого, в таком случае, работает Тайный Сыск? — строго спросил меня рыжий Менке.

По законам жанра мне, наверное, полагалось бы возмутиться и рявкнуть: "Вопросы здесь задаю я!" Но плевать я хотел на какие-то там "законы жанра": если их постоянно соблюдать, сам не заметишь, как превратишься в генерала Бубуту!

— А ты уверен, что обязательно необходимо работать "на кого-то"? — я укоризненно покачал головой. — В таком случае, можете считать, что мы работаем на Короля Мёнина, или на Принца Гор Верлаго Габайохи из Графства Хотта, или мы — тайные агенты Черхавлы, или дисциплинированные подчиненные Завоевателя Арвароха... Самым разумным мне кажется предположение, что мы работаем на Донди Мелихаиса, казначея Управления Полного Порядка — во всяком случае, раз в дюжину дней он почему-то выдает нам деньги. Выбирайте любую чушь, которая вам по душе — она будет ничем не хуже предположения, что мы работаем на Орден Семилистника, но, по крайней мере, не прозвучит столь банально. Мы ни на кого не работаем — разве что, на судьбу, но эта всемогущая тетка не собирает нас на утренние совещания и уж тем более, не дает себе труд сформулировать свои пожелания к нашей работе, можете мне поверить!

— Значит вы не хотите, чтобы Магистр Нуфлин узнал это старое заклинание, — задумчиво резюмировал серьезный мальчик по имени Тиба. — А что, он его не знает? Это правда?

— Это заклинание не знает никто в Ехо, кроме, разве что, сэра Джуффина Халли, и, разумеется, вас, — честно сказал я. Я почувствовал, что ребята мне сразу поверили: еще бы, представляю насколько им нравилось думать, что они действительно такие крутые!

— А почему вы не хотите, чтобы Магистр Нуфлин узнал это заклинание? — робко спросила девочка Тилла. — Что в этом такого?

— А ты представляешь, как он распорядится этим сокровищем? Скольких соратников по Ордену сэр Нуфлин Мони Мах пригласит на дружеский ужин? А сколько бывших недругов получают приглашение "помириться"? — я с похвальной точностью процитировал своего шефа. Эта выдержка из устного творчества сэра Джуффина Халли убила ребят наповал, но я решил еще сгустить краски:

— А как легко и просто можно будет решить проблему с разбушевавшимися колдунами, вроде вас! Зачем сажать кого-то в Холоми, или отправлять в изгнание, когда можно просто отобрать силу — в пользу Магистра Нуфлина, разумеется! Думаю, вы будете первыми, ребята. Никто не посадит вас в Холоми, просто сэр Нуфлин выпьет по капле воды из ваших чашек, и вы отправитесь по домам. Правда, здорово?

Вот теперь они перепугались по-настоящему. На ребят смотреть было жалко — черт, да я и сам испугался, пока говорил!

— Какой ужас! — искренне сказала Айса. — И мы станем слабыми и ничемными, как эти бедняги, бывшие Магистры из Клуба? Сэр Макс, никто из нас не боится угодить в Холоми, но то, о чем вы говорите... Это слишком плохо. Так не должно быть!

— Поэтому я и спрашиваю вас, откуда вы узнали это грешное заклинание, — примирительно сказал я. — Лично мне оно даром не нужно. Моему шефу — и подавно. Я же не прошу вас записать его мне на бумажке. А если вы начнете мне его диктовать, я, пожалуй, заткну уши, чтобы случайно не запомнить. Просто скажите, откуда вы его взяли, чтобы я мог принять меры — и все.

Они беспомощно переглянулись.

— Ну что? — наконец спросила Айса. — Я же не могу решать за всех!

— По-моему и так все ясно, — пожал плечами рыжий Менке. — Он все равно узнает, если захочет. И потом... не такая уж это великая тайна! — он повернулся ко мне и сообщил:

— Мы нашли эту тайну в вашей собственной спальне, сэр Макс. Так уж получилось.

— Очень хорошо, — я старался не выдавать своего изумления. — Но как это может быть? Во-первых, каким образом вы попали в мою спальню, господа? Во-вторых, зачем? И наконец, позвольте мне заметить, что я не имею дурной привычки хранить в своей спальне всякие древние фолианты, в которых написаны зловещие тайны. Откуда там могло взяться это грешное заклинание? Только не говорите, что я бормотал его во сне, все равно не поверю! — впрочем, я бы не удивился, если бы выяснилось, что именно так оно и было: чего я только не вытворю иногда во сне!

— А вы меня не узнаете, сэр Макс? — неожиданно спросил юноша по имени Карвен. До сих пор он казался мне самым молчаливым и спокойным в этой компании — возможно просто потому, что он был немного старше. — А я-то все прятался в углу: думал, вы меня узнаете... Я же почти год работал у вас в Мохнatom

— Может быть кто-нибудь все-таки объяснит мне, что происходит? — Несчастливым голосом спросил я.

— А ты так и не сунул свой любопытный нос в знаменитые мемуары покойного Йонги? — Насмешливо осведомился Джуффин.

— Когда?! — Возмутился я. — Я все утро честно пытался устроиться на ночлег. Ладно, я уже понял, что это невозможно... Поэтому рассказывайте.

— Можно и рассказать, — флегматично согласился мой шеф. — Думаю, ты уже понял, что в своих мемуарах наш покойный друг Йонги, дырку над ним в небе, был откровенен настолько, насколько это вообще возможно. Думаю, единственная тайна, которую Йонги унес с собой в могилу — это сколько раз в день он ходил в уборную, да и об этом он, скорее всего не написал исключительно по рассеянности!

— Так что, Кофа был прав? — Восхитился я. — И у вас тут действительно самое настоящее тайное общество? Что-то вроде древнего Ордена? Какая красота! А к вам можно записаться? Я с детства мечтал стать масоном...

— Кем ты мечтал стать? — Непонимающе нахмурился он.

— Ма-со-ном, — я с удовольствием произнес это слово по слогам, как будто оно могло хоть что-то объяснить моему многострадальному шефу. — Был такой своеобразный Орден там, где я родился... А как, кстати, вы называетесь?

— Никак, — сухо ответил Джуффин. Кажется, мой щенячий восторг по поводу происходящего не нашел отклика в его сердце. Остальные присутствующие смотрели на меня сочувственно и насмешливо — как выпускники средней школы на новобранца-первоклашку, еще не понюхавшего пороха и с оптимизмом взирающего на предстоящую ему новую "взрослую" жизнь.

— Мы решили, что нам не нужно название, сэр Макс, — Его Величество Гуриг VIII явно решил взять меня под свое покровительство. — В Ордене Семилистника даже послушники умеют читать чужие мысли, так что нам приходится быть очень осторожными. Пока нет имени, в каком-то смысле нет и организации, поэтому до сегодняшнего дня нам удавалось сохранить эту часть своей жизни в полной тайне.

— Между прочим, тебе теперь попросту придется к нам "записаться" — ну и выражения ты подбираешь, горе мое! — Ворчливо сказал Джуффин. — К твоему сведению, сэр Макс, у тебя нет другого выхода. Насколько я успел тебя изучить, умирать ты не любишь. А до сих пор мы не оставляли в живых ни одного случайного свидетеля наших встреч!

— Я никогда не одобрял такой жестокости, — печально сообщил мне Гуриг, — но сэр Халли настаивал на том, что безопасность превыше всего.

— А толку-то! — Я не удержался от ехидного комментария.

— Да, толку оказалось немного, — Хмуро подтвердил Джуффин. — Самое смешное: никому из нас и в голову не приходило, что можно попасться на таком пустяке, как чьи-то графоманские амбиции! При жизни Йонги казался таким надежным, да он и был надежным как скала... А вот мертвец из него получился на удивление болтливый!

— А чем, собственно говоря, занимаются в вашем тайном обществе, господа? — Нерешительно спросил я. — Я понимаю, что выбора у меня нет, но могу я получить информацию хотя бы за пятнадцать секунд до вступления в ваши ряды?

— А ты еще не понял? — Джуффин укоризненно покачал головой. — Плохи твои дела, сэр Тайный Сыщик! Ну сам подумай. Положим, ты не знаком с многими

— Святое дело, — улыбнулся я. — Хорошей ночи.

Я и сам немного подремал в кресле, поскольку сэр Нумминорих любезно согласился почитать какую-то книжку в Зале Общей работы и не приставать ко мне с гениальными идеями: кому еще можно было бы подлить грёма, дабы посмотреть, что из этого выйдет.

— Ну что у нас творится? — меня разбудил бодрый голос Джуффина. — Кофа, конечно, не объявлялся? Ладно, сам догадываюсь, что нет... Давай, рассказывай, сэр Макс!

— Дайте хоть глаза открыть, — проворчал я.

Джуффин сочувственно покачал головой и протянул мне кружку с горячей свежей камрой.

— Мелифаро еще не появился в Управлении? — настороженно спросил я.

— Еще нет, так что пей спокойно! — расхохотался Джуффин. — Хотя я, собственн говоря, не понимаю, почему ты так волнуешься? Скорее уж ты должен настаивать на повторении эксперимента...

— Ненавижу повторения, — объяснил я. — И вообще, давайте о деле, ладно? О грёме я еще успею наговориться с сэром Мелифаро — так, что тошно станет. Насколько я помню, вчера вечером вас очень интересовало заклинание Старых Королей...

— Я уже все знаю, — невозмутимо сообщил Джуффин. — Я все время был рядом с тобой — в каком-то смысле. Разве ты не заметил? Ну да, конечно ты не заметил... Все-таки у тебя пока нет никакого опыта в делах такого рода! — Он посмотрел на мое вытянувшееся лицо и сочувственно сказал:

— Макс, если хочешь, я могу принести тебе страшную клятву, что подсматриваю далеко не за всеми эпизодами твоей занимательной жизни. Только за теми, которые мне действительно интересны, а их не так уж много. Так что и говорить не о чем. Хорошо бы я был, если бы ограничился твоим устным изложением вашей занимательной беседы! В конце концов, ты не обладаешь талантами сэра Лонли-Локли, который может слово в слово отбарабанить почти любой диалог, при котором ему довелось присутствовать... Ты же знаешь, какой я любопытный!

— Знаю, — согласился я. — Да нет, все в порядке. Просто сколько я с вами знаком, а все не могу привыкнуть к тому, что вы знаете обо мне абсолютно все!

— К такому привыкнуть непросто, — согласился он. — Но все не так уж страшно, мальчик. Я ведь не собираюсь ставить тебе оценки. Я не составляю мнение: "в этой ситуации сэр Макс повел себя хорошо, а в этой — плохо". У меня вообще нет коллекции мнений: ни на твой счет, ни на чей-либо еще... Мне по фигу, если честно!

— Я знаю, — улыбнулся я. — Мне и самому уже по фигу... Ну, скажем так: почти.

— До настоящего "почти" тебе еще пыхтеть и пыхтеть, герой! — рассмеялся он. — Ладно, лучше скажи мне: ты твердо намерен предоставить этим ребятам выбор: Холоми, или изгнание?

— Да, — кивнул я. — А у вас есть возражения?

— Вот увидишь: наши новые Великие Магистры предпочтут отсидеться в Холоми. По крайней мере, шестеро из них. Особенно после того, как узнают, что больше пяти-шести лет им не светит: все-таки они несовершеннолетние, к тому же

леди Шимора Тек сама призналась тебе, что своей ворожкой повлияла на их решение... На твоём месте я бы просто отправил всех в изгнание лет на десять и посмотрел: выплывут они, или нет. Если кому-то из них удастся не утонуть в океане свободы и одиночества... Знаешь, сэр Макс, это будет здорово!

— Право купаться в этом самом "океане" ещё надо заслужить, — твердо сказал я. — Ещё неизвестно, что труднее: выплыть, или решиться нырнуть. Вы говорите, что будет здорово, если кому-то не удастся "утонуть"? Полностью с вами согласен. Но для меня гораздо важнее знать, что хоть кто-то из них действительно хочет "плавать". Остальные меня не интересуют: сажайте их в Холоми, или отпускайте домой, или ешьте живьем — мне нет до них никакого дела.

— Экий ты суровый и непримиримый! — расхохотался Джуффин. — К тому же, молодой и глупый. Можешь мне поверить: тот, кто хочет "плавать", далеко не всегда обладает необходимыми способностями. И наоборот... Впрочем, делай как знаешь! Наш с тобой спор стар, как этот Мир, сэр Макс...

— Ну вот, хоть каким-то боком прислонился к вечности! — улыбнулся я. — Так вы действительно не против?

— Разумеется нет, — шеф пожал плечами. — Сходи к своим приятелям, узнай, что они решили.

— Только откройте мне дверь, — проворчал я. — Меч Короля Мёнина — хорошая штука, но я сегодня уже наслаждался...

— Да, пожалуй, с тебя действительно хватит, — Джуффин немного поколдовал над своей зачарованной дверью и гостеприимно распахнул ее передо мной.

Юные чародеи дремали, кое-как устроившись на полу. Бодрствовала только Айса. Сидела, подтянув колени к подбородку и внимательно смотрела на меня. Она показалась мне мрачной, но полной решимости.

— Ну что? — спросил я. — До чего вы договорились?

— Мы не договорились, — хмуро сказала она. — Мнения разделились. Менке, Карвен и Таниа всю ночь кричали "да здравствует свобода" и уже приготовились паковать дорожные сумки... А Аватта сказал, что несколько лет в Холоми — его единственный шанс получить приличное образование: хорошая библиотека и куча свободного времени. Ясное дело, Тилла тут же начала ему подпевать. Жаль: она настоящая ведьма — веселая и бесстрашная. Если бы она не вбила себе в голову, что самое важное в жизни — любовь... Хисса, ясное дело, просто боится куда-то уезжать. Говорит, дело кончится тем, что всех нас продадут в рабство на окраине Куманского Халифата. И Тиба, по-моему, тоже — что бы он там не придумывал о своих стариках, которые якобы не переживут, если их сын станет бродягой... В общем, развалилась наша веселая компания. Вы этого и хотели, да?

— Не выдумывай, — строго сказал я. — Единственное, чего я действительно хотел — это чтобы каждый из вас сам решил, как ему жить дальше. Нет ничего хуже, чем тащиться в свое собственное будущее просто за компанию с приятелями... А ты-то сама что решила?

— Не знаю, — угрюмо буркнула Айса. — Вы наверное думаете, что я очень храбрая, да? На самом деле я просто умею притворяться храброй. Если бы не это, я бы вообще всю жизнь сидела в своей комнате и даже на улицу нос не высывала! Я — жуткая трусиха, сэр Макс. Я даже сама не знаю, чего именно боюсь. Кажется, вообще всего! Например, когда мы с Карвеном лазали в вашу спальню, и нам

знакомые лица. Я сразу узнал Кобу — красноглазого старшину тех самых портовых нищих, у которых я собирался просить приюта — и леди Хенну Кута, жену нашего Нумминориха. Сейчас эти двое сидели рядышком, чуть ли не в обнимку, и о чем-то оживленно шептались. Белоснежная лохматая грива кобиных волос эффектно оттеняла аккуратную короткую стрижку леди Хенны, а его пестрые лохмотья дивно сочетались с ее дорогим туланским лоохи. Ну да, конечно, всю жизнь подозревал, что хозяйки дорогих антикварных лавок легко находят общий язык с портовыми нищими, иначе и быть не может! На подоконнике восседал мой драгоценный шеф. Он смотрел на меня с неподдельным удивлением — словно предполагалось, что я вообще не знаю о существовании этого помещения.

— Макс, дырку над тобой в небе, на кой ты сюда приперся? — Наконец спросил он.

В этот момент я заметил, что какой-то толстый бородатый незнакомец отхлебнул что-то из моей любимой чашки — в самом начале своей жизни в Ехо я купил эту роскошную посудину в лавке леди Хенны, и она была мне дорога как память о потраченных на нее нескольких дюжинах корон. Нахальство завладевшего моей любимой чашкой незнакомца оказалось последней каплей: я судорожно втянул в себя воздух, подавился им, закашлялся и наконец возмущенно заявил:

— Как это — "на кой приперся"?! В отличие от вас, господа, я здесь живу!

— Извините нас, сэр Макс, — неожиданно вмешался Король, — мы знаем, что это ваша квартира, но мы были уверены, что вы сейчас живете в Мохнатом доме. Сэр Халли уверял нас, что вы собирались отправиться именно туда...

— Собирался, — буркнул я, — но там резвятся мои домашние ведьмы, так что мне пришлось спасаться бегством... Вот так живешь, живешь, и вдруг выясняешь, что тебе некуда податься, а твои любимые чашки нашли себе других хозяев. — Я хмуро покосился на бородатого толстяка, который слегка покраснел и поспешно поставил мою чашку на стол — можно подумать, мне от этого стало легче!

— Нехорошо получилось! — Растерянно сказал Его Величество Гуриг Джуффину. — Сэр Макс столько сделал для Соединенного Королевства, а мы с вами лишили его крыши над головой...

— Не преувеличивайте, Ваше Величество, — улыбнулся Джуффин, — будем считать, что не только у нас с вами сегодня неудачный день. Надо будет при случае спросить у вашего придворного астролога, что сегодня творилось со звездами — если уж у всех жизнь пошла наперекосяк... Впрочем, все к лучшему, — шеф лукаво посмотрел на меня и торжественно заявил:

— Теперь тебе придется влипнуть в эту историю по самую макушку! Это судьба, сэр Макс, ничего не попишешь!

— Я уже понял, что ничего не попишешь, — вздохнул я, — чего я еще не понял, так это — в какую именно историю мне придется влипнуть? — Я немного успокоился и наконец-то сообразил, что веду себя не слишком-то вежливо, а посему ненадолго отвлекся от попыток как-то объяснить себе это недоразумение, отвесил церемонный поклон Гуригу и прочувствованно сказал:

— Я всегда рад видеть вас в любом из своих домов, Ваше Величество, но мне и в голову не приходило, что это может случиться столь неожиданно!

— Мне тоже не приходило, — обезоруживающе улыбнулся Король, — но жизнь, к сожалению, куда изобретательнее, чем мы с вами!

— А я решила к ним присоединиться, — сообщила Меламори. — Я уже пару раз ходила Темным Путем, но только по чужому следу. А так, чтобы без следа — еще не пробовала.

— Понятно, — кивнул я, — и все-таки, почему мне нельзя домой? Я запрюсь в спальне, до полудня вы обо мне и не услышите, а в полдень я уйду на фиг...

— Я за тебя переживаю, глупенький, — объяснила леди Сотофа, — даже если сидеть в доме, где резвится всего одна ведьма, можно заработать хорошую головную боль. А нас-то четверо! Я знаю, ты везучий, но зачем тебе лишние проблемы?

— Вы меня убедили, — кивнул я, А потом подмигнул Меламори и мстительно заявил:

— О'кей, тогда я пойду к тебе домой и буду валяться там, а потом забуду в твоей кровати что-нибудь ценное и заявлюсь за этим самым "ценным" среди ночи — а то когда еще ты меня в гости пригласишь. Правда я здорово придумал?

Меламори окончательно расстроилась.

— Макс, — несчастным голосом сказала она, — ты меня сейчас точно убьешь! Дело в том, что мы как раз решили прокладывать свой первый Темный Путь между твоей гостиной и моей квартирой — поскольку у меня там как раз пусто... Может быть, ты все-таки поспишь на улице Старых Монеток? А потом заявишься среди ночи, без всякого предлога — что ж я, зверь какой...

— Ты еще хуже, — искренне вздохнул я. — Ладно, поеду в порт, возможно тамошние нищие позволят мне немного поваляться под причалом... И имей в виду: я непременно воспользуюсь твоим приглашением! За все надо платить, дорогая!

— Ничего, — улыбнулась Меламори, — твой ночной визит — далеко не самое страшное, что может случиться с женщиной.

Она явно подлизывалась, и это было чертовски приятно. Я пожелал им счастливо поколдовать, сел в амобилер и поехал на улицу Старых Монеток. Вообще-то моя первая квартира давным-давно превратилась в маленький секретный кинозал для работников Тайного Сыска, но я здорово надеялся, что сегодня утром у сэра Джуффина Халли нет ни времени, ни настроения смотреть мультики, следовательно, там будет пусто, и я смогу немного подремать на диване в гостиной. Ага, разбежался!

Первое, что я увидел, когда вошел в свою собственную гостиную — на одном из моих стульев задом наперед сидел Его Величество Гуриг VIII. Король задумчиво раскачивался на стуле, словно он был креслом-качалкой. Несчастная мебель отчаянно пыталась протестовать, и у бедняги Гурига были хорошие шансы на собственном опыте познать неумолимую силу земного притяжения. Он задумчиво царапал спинку стула своими длинными посеребренными ногтями, оставляя на ней глубокие царапины — когда в этом доме жили мои котята, мебель постоянно подвергалась таким издевательствам... Я застыл на пороге, не в силах поверить собственным глазам: Гуриг, вообще-то, вполне демократичный парень, но все-таки не настолько, чтобы коротать досуг в моей старой квартире, да еще и без приглашения.

Впрочем, оказалось, что в прекрасной столице Соединенного Королевства проживает немало любителей проводить свободное время у меня дома. В моей тесной по столичным меркам гостиной собралось человек двадцать, не меньше. Большую часть своих дорогих гостей я видел впервые в жизни, хотя были здесь и

встретилась ваша большая собака... Знаете, еще немного, и я бы все испортила. Больше всего на свете мне хотелось с криком убежать: я очень боюсь собак!

— Но ты стиснула зубы, небрежно потрепала эту громадину за загривок и пошла дальше, — улыбнулся я. — Мы с тобой действительно очень похожи! Я — такой же трусишка. До сих пор.

— Вы? — она явно не могла мне поверить.

— Я даже высоты боюсь, — доверительно сообщил я. — Но когда залезаю в летающий пузырь Буурахри, он у меня взмывает в небо с такой скоростью, что со стороны кажется, будто я — самый геройский парень в этом Мире!

— И вы тоже боитесь высоты? — слабо улыбнулась она. — Знаете, это ведь я придумала фокус с летающим домом! Сначала мы несколько раз заставляли его летать, а сами оставались в безопасном месте — ну, вы знаете, эта наша общая квартира на улице Толстяков... А потом я сама предложила прокатиться.

— Назло собственному страху, да? — понимающе спросил я.

— Ага... — она немного помолчала и призналась:

— А сейчас мне почему-то страшно как никогда. Знаете, сэр Макс, я ведь вообще никогда в жизни не уезжала из Ехо, даже в пригород. Вышло так, что у моих родителей нет ни загородного дома, ни привычки куда-то переезжать на все лето... И теперь, когда я думаю о том, что надо уехать куда-то на много-много лет, камера в Холоми начинает казаться мне очень привлекательной. Глупо, да?

— Это нормально, — улыбнулся я. — Так всегда бывает.

— Правда? — удивилась она. — Но Карвен, Менке и Танита совершенно не боятся. Они говорят о предстоящем изгнании как о большой веселой прогулке...

— Но у них наверняка есть какие-нибудь другие страхи, — объяснил я. — Если разобраться, нам с тобой повезло: у таких трусишек, как мы просто нет иного выхода кроме как притворяться героями. И знаешь, что самое замечательное? Иногда мы так заигрываемся, что начинаем сами себе верить! Ты же не будешь бросать игру на самом интересном месте, леди Айса? В противном случае, к чему было заводить всю эту эпопею с изучением магии?..

— Хорошо, — деревянным голосом сказала она. — Я выбираю изгнание — и гори все огнем! Вы это от меня хотели услышать?

— Хотел, — улыбнулся я. — И услышал. Ладно, до встречи, леди Айса...

— Ничья, — объявил я после того, как сэр Джуффин открыл дверь и выпустил меня обратно.

— В смысле? — непонимающе нахмурился он.

— Четыре — четыре. Типичная ничья. Четверо рвутся на волю, в пампасы, четверо предпочитают Холоми.

— Четверо, говоришь? Что ж, по крайней мере, больше, чем я предполагал... — одобрительно кивнул шеф. — Ладно уж, иди домой. А то сейчас заявится сэр Мелифаро, вы с ним, чего доброго, подеретесь, а я в данный момент не готов искренне наслаждаться этим зрелищем: дел больно много...

— Ну что вы! У меня рука не поднимется на человека, который не далее как вчера вывихнул ногу — ехидно сказал я. Но домой все-таки ушел, пока господин Почтеннейший Начальник не передумал. У меня были амбициозные планы: несколько часов глубокого сна в собственной постели — редкая роскошь!

Юридические процедуры сэр Джуффин взял на себя. Я и не сомневался, что у

шефа есть что противопоставить тоскливой латинской поговорке "Dura lex sed lex", и он оправдал мои ожидания. А скорость, с которой он расставил все точки над i, превзошла все мои представления о том, что такое "быстро". Сразу после полудня меня разбудил его зов.

"Есть дело, — сообщил Джуффин. — Нужен шустрый возница, чтобы выдворить новоиспеченных господ Великих Магистров за пределы Угуланда. Кроме возницы мне требуется стражник, искушенный в магии, чтобы по дороге эти красавчики не разбежались по окрестным лесам, как индюшата от неумелого поваренка. И еще нужно послать с этой очаровательной компанией какое-нибудь должностное лицо, чтобы зачитать приговор и официально предупредить их о последствиях — на тот случай, если ребята захотят вернуться в Ехо раньше срока. Я решил сэкономить и отправить одного тебя, поскольку ты — и то, и другое, и третье. К тому же ты наверняка не удержишься от искушения прочитать им какую-нибудь проникновенную напутственную речь."

"Я буду держать себя в руках, — пообещал я. — Хватит уже с них моей доморощенной философии! Ладно, через час приеду."

В коридоре я встретил сэра Мелифаро. Произошла небольшая заминка, поскольку мы оба пытались решить, следует ли некоторое время делать вид, что мы друг на друга обижаемся, или и так сойдет.

— По крайней мере, у меня был неплохой выходной, — наконец сказал он. — Думаю, у тебя тоже...

— Да, ничего, — сдержанно согласился я. — Но больше всех повезло сэру Кофе.

— Да уж! — прыснул Мелифаро. Мы немного посмеялись, потом он нерешительно сказал:

— Макс, я же знаю, что грём заперт в твоём сейфе... Может быть, все-таки подлить немного генералу Бубуте? Я с самого начала хотел это сделать, а ты просто под руку подвернулся...

— Я тоже с самого начала планировал вывести из строя Бубуту, — кивнул я. — Но по-моему, пока хватит. И так перебор получился, ты не находишь?..

— Да, наверное, — отчаянно зевнул он. — Впрочем, имей в виду: взломать твой сейф — пара пустяков, чудовище...

Четверо будущих изгнанников сидели в кабинете сэра Джуффина Халли и с темпераментом оголодавшей саранчи уничтожали его печенье. Когда я вошел, мой шеф удовлетворенно кивнул.

— Как раз вовремя. Я уже немного устал рассказывать этим господам сказки о Кеттарийском Охотнике. Думаю, они окончательно уяснили, какой жуткий монстр будет за ними гоняться, если им взбредет в голову вернуться в Ехо раньше, чем через десять лет. Теперь твоя очередь. Грузи их в свой амобилер — и вперед! Когда вернешься?

— Понятия не имею, — я пожал плечами. — Я еще не знаю, к какой именно границе их везти...

— Так уж и не знаешь? — лукаво прищурился Джуффин.

— Я действительно не знаю, — улыбнулся я. — Посмотрим, какой ветер в спину подует...

— Вы действительно еще не решили, куда нас отвезете? — спросила меня Айса, усаживаясь рядом со мной на переднее сидение амобилера.

чего-то не того натворил... Или наоборот, "того". Да ты лучше почитай книжку. Это из-за нее переполох. А я попробую немного поспать, или хотя бы поваляться. Если уж у меня есть дворец, обидно совсем его не использовать... Увидимся после полудня.

И я выскочил из кабинета с такой скоростью, словно за мной гнались все демоны ада — у злодея Мелифаро были хорошие шансы зацепить меня какой-нибудь интригующей фразой, и тогда мои робкие планы касательно официального дружеского визита в собственный дом рухнули бы окончательно.

Впрочем, они и так рухнули, всего несколько минут спустя. Сначала все было просто замечательно: дверь мне открыла Меламори, и это было приятным сюрпризом: вообще-то моя прекрасная леди слегка перебарщивает в своем стремлении сохранить со мной романтические отношения, так что для того, чтобы заполучить ее в гости, мне постоянно приходится придумывать что-нибудь новенькое. А тут просто взяла и пришла — так мило с ее стороны! Впрочем, через мгновение я понял, что рано обрадовался: вид у нее был немного виноватый и чрезвычайно таинственный — я уже не знал, что и думать.

— У тебя такое лицо, словно все мои шкафы уже до отказа забиты твоими любовниками, — улыбнулся я, — и теперь ты пытаешься сообразить, как бы поделкатнее объяснить мне этот печальный факт.

— Почти, — смущенно хихикнула она, — в смысле, ты почти угадал. Но все еще хуже: в доме находятся не мои любовники, а твои собственные жены, и еще леди Сотофа — правда, они сидят не в шкафах, а в гостиной, но твое присутствие действительно не входит в наши планы...

— Ничего себе! — Ошеломленно сказал я. — И где я, по-вашему, должен отдыхать после тяжелых трудов?

— Ну, Макс, у тебя же есть еще одна квартира, на улице Старых Монеток, — у Меламори было такое несчастное лицо, что я тут же смирился с происходящим.

— Не сердись на нас, мальчик! — В холле появилась леди Сотофа, и я окончательно растаял: ни в одном из Миров, где я побывал, мне не удалось встретить человеческое существо, которое изливало бы на меня такое количество нежности при каждой встрече.

— На самом деле, ты нам совсем не помешаешь, — с улыбкой сказала она, — скорее уж мы тебе!

— Леди Сотофа, это совершенно невозможно! — Твердо сказал я. — Не буду тратить время на то, чтобы доказать вам, что вы просто не можете помешать мне — ни при каких обстоятельствах! — но ведь этот грешный дворец так велик, что по его спальням можно распихать половину наших горожан, и они даже не догадываются о присутствии друг друга.

— Не в количестве комнат дело, — она покачала головой, — все не так просто! Я, видишь ли, решила, что пришло время научить девочек тайнам Темного Пути.

Я понимающе кивнул: пару лет назад я сам попросил леди Сотофу взять под свое крылышко Хейлах и Хелви: мне показалось, что эти девочки слишком хороши для роли фиктивных жен фиктивного же варварского царька на полставки, и единственное, что я могу для них сделать — это записать на бесплатные курсы прикладной магии. Одним словом, я посадил их на шею леди Сотофы — к величайшему удовольствию всех заинтересованных сторон.

— А мне что делать? — Жалобно мяукнул я.
— Расслабиться, — сочувственно усмехнулся Джуффин. — Иди пока в свой знаменитый дворец и ложись спать, сэр Макс. На данном этапе ты мне на фиг не нужен. Зато после полудня можешь понадобится. Поэтому постарайся быть в хорошей форме.

— Постараюсь, — вздохнул я, — ну и напугали вы меня, господа!
— Не только тебя. Мы еще и друг друга напугали, — подмигнул мне Кофа.
— Что у вас случилось с утра пораньше? На вас лица нет, причем на всех сразу, — ворчливо сказал заспанный Мелифаро. — Что, новое возвращение Лойсо Пондохвы? По-моему, это перебор: у нас же уже есть одно вполне ужасное чудовище! — Он невежливо ткнул пальцем в мою сторону. Я даже огрызаться не стал — вот до чего довели меня эти пожилые злодеи!

— Считай, что ничего не случилось, — махнул рукой Джуффин, — так, намечается один небольшой книжный скандалчик... Проследи, чтобы тут все было в порядке, пока мы с Кофой будем его предотвращать...

— Ладно, — согласился Мелифаро, — посижу в кабинете, почитаю книжку. Говорят, Йонги был великим сплетником, так что скука мне не грозит...

С этими словами он извлек из-под лоохи толстенный томик в ярко-красном переплете. На обложке было написано: "Мемуары Йонги Мелихаиса". Джуффин и Кофа остолбенели. Потом переглянулись и набросились на беднягу Мелифаро.

— Где ты это взял? — Грозно вопрошал наш шеф. Кофа сформулировал конкретнее.

— Мальчик, в какой книжной лавке ты это купил? — Мягко спросил он.
— Я ее не покупал, — улыбнулся Мелифаро, — нашел утром на пороге своего собственного дома, удивился и взял с собой... А чего вы так переполошились?

Кофа вопросительно посмотрел на Джуффина, дескать — что теперь? Наш шеф растерянно пожал плечами, потом решительно махнул рукой:

— Ну да, конфискация тиража делу уже не поможет. Думаю, не один сэр Мелифаро получил такой полезный подарок от покойного дядюшки Йонги... Плевать, Кофа. Это мои проблемы. Ваша задача остается прежней. Только сделать это надо еще быстрее и еще убедительнее!

— Как скажете, — кивнул Кофа и поспешно вышел из кабинета — пока не стряслось еще что-нибудь.

— Что у вас случилось? — Теперь Мелифаро тоже выглядел вполне перепуганным.

— Почитай свою находку, и сам все поймешь, — Невесело усмехнулся Джуффин. — Я вернусь сразу после полудня, так что собирай всех на большое совещание. Все, мальчики, я побежал!

— Может быть хоть ты мне что-то объяснишь, Макс? — Несчастливым голосом спросила моя "светлая половина". — Ты что-то натворил? Убил не того, кого надо, горе мое? И об этом тут же написали книгу?

— С чего ты взял? — Удивился я.
— Да так, просто подумал, что ты уже давно ничего такого не отмачивал. Вроде бы пора, — совершенно серьезно сказал он.

— Насколько я понимаю, "натворил" это самое "что-то" покойный сэр Йонги Мелихаис, — честно сказал я, — и еще у меня такое ощущение, что наш шеф тоже

— Не решил, — признался я. — А вы?
— А мы не знали, что можем выбирать, — растерянно сказала она.
— Ну вот, теперь знаете. Выбирайте.

Ее товарищи устроились на заднем сидении. Они выглядели очень довольными, особенно маленькая смуглая Таниа, которая прошлой ночью показалась мне невзрачной "серой мышкой" и жуткой тихоней: кажется, она совсем не принимала участия в нашем разговоре, только сидела и слушала. А сегодня я понял, что ее молчаливость проистекает не из робости, а из завидного душевного равновесия. Кажется, ей просто было интереснее слушать других, чем говорить самой.

— Если бы полгода назад кто-то сказал, что мне доведется покататься на вашем амобилере, я бы сам отвел этого несчастного в Приют Безумных! — восхищенно сказал мне Карвен. — Я видел, как вы гоняете по городу, и у меня слюнки текли от зависти к вашим пассажирам!

— Ну вот видишь, как хорошо быть государственным преступником... Кстати, господа преступники, у вас есть хоть какие-то деньги на первое время? — спросил я, берясь за рычаг. — Насколько я понимаю, в "Клубе Дубовых Листьев" вам платили сущие гроши...

— Ничего, выкрутимся, — пожал плечами рыжий Менке. — Где наша не пропадала!

— Это только в Ехо голодный человек может пообедать в любом трактире и попросить записать расходы на счет Его Величества Гурига, — заметил я. — В других городах Соединенного Королевства этот номер не пройдет. О чужих странах я уже и не говорю... Кстати, твои родители могли бы не просто снабдить вас деньгами на дорогу, но и купить тебе какой-нибудь дворец в Куманском Халифате! — лукаво сказал я Айсе.

— Да, и нанять носильщиков с уладасами, на все десять лет... Но я не хочу брать у них деньги, сэр Макс, — сердито сказала она. — Не потому, что я с ними в ссоре. И не потому что мечтаю о карьере нищенки. Просто я знаю, что их деньги не принесут нам удачу.

— Очень может быть, что ты права, — согласился я. — Какая ты мудрая, леди! В твои годы я таких вещей еще не понимал... Ладно, я так и знал, что у вас в карманах ветер гуляет. Держи, — я протянул ей кошелек, который заранее достал из своего сейфа. Здесь тысяча корон. Разделите поровну, на первое время хватит. Уж мои-то деньги вашей удаче не помеха!

— Это ваши личные деньги? — удивленно спросила она.

— Ну уж по крайней мере, не личные деньги Магистра Нуфлина! — усмехнулся я. — Только не вздумай краснеть и отказываться: это — отнюдь не сбережения всей моей жизни, а всего лишь жалование за дюжину дней.

— Ничего себе! — уважительно сказал Карвен. — Никогда не думал, что хоть кому-то столько платят за службу!

— Да уж, — хмыкнул я. — Жизнь удалась, ничего не скажешь! Забавно все устроено: для того, чтобы получать такие деньги, надо быть человеком, которому по большому счету вообще ничего не нужно... Других способов, кажется, просто не существует!

— Ну почему, — пожала плечами Айса. — Моему отцу, например, нужны деньги, и они у него есть. Бывает и так.

— Думаю, что на самом деле ему нужно что-то другое, — мягко сказал я. — Что-то, чего у него никогда не будет. Но поскольку он не может сформулировать, что именно ему нужно...

— Он соглашается жить с мыслью, что ему нужны только деньги! — звонко рассмеялся Карвен.

— Спасибо, сэр Макс, — решительно сказала Айса, забирая у меня кошелек. — Если уж у вас действительно такое большое жалование, моя совесть будет спокойна.

— Вот и правильно, — улыбнулся я. — Так куда вас все-таки везти, господа мятежные Магистры?

— Давайте бросим монетку, — нерешительно предложил Менке. И лукаво добавил:

— Благо их у нас теперь много...

— Не годится, — решительно сказал я. — У монетки всего две стороны. А у Мира — куда больше. Ладно, если вам тоже все равно, поеду, куда глаза глядят. Вам не повезло, ребята: не так уж хорошо знаю Угуланд, так что без карты могу заехать. Магистры знают куда...

— Наоборот, повезло, — неожиданно сказала Танита. Наконец-то я услышал ее голос. — "Магистры знают куда" — это именно то, что надо! — мечтательно добавила она.

Время летело незаметно. Можно было подумать, что эти ребята были моими старинными приятелями. Во всяком случае, мы понимали друг друга с полуслова — не так уж часто на моем пути попадают такие собеседники! Даже мысли о том, что мои спутники вполне могут попробовать совершить очередной "бессмертный подвиг" и напасть на "самого грозного сэра Макса" не слишком отвлекали мое настроение. Впрочем, они так и не попытались: то ли я им тоже понравился, то ли моя зловещая репутация действительно дорогого стоит. Я честно выполнил свое решение ехать куда глаза глядят: как только мы оказались за городом, я тут же свернул с большой дороги на какую-то узкую тропинку, так что через несколько минут я перестал понимать, в какой стороне осталась прекрасная столица Соединенного Королевства.

Вечер застал нас выезжающими из очередного дремучего леса на довольно широкую, но совершенно пустынную дорогу. На горизонте темнели островерхие силуэты далеких гор. Я понял, что мы уже давно выехали за пределы Угуланда, но не хотел бросать ребят на пустой дороге. Еще через полчаса горы стали значительно ближе, а я остановил амобилер возле небольшого придорожного трактира. Его хозяйка, маленькая худенькая старушка, к которой я обратился, чтобы узнать обратную дорогу в Ехо, была одета в лоохи с капюшоном, так что я сразу понял, что нелегкая занесла меня в благословенное графство Шимара, на родину моего шефа. Где-то здесь, в шимарских горах притаилась тропинка, которая может привести в город Кеттари — таинственное местечко, которое уже давно стало началом какого-то совсем иного мира... "Интересно, — весело подумал я, — а вдруг ребята умудряются туда добраться — без всяких там талисманов от сэра Махи Аинти? Все-таки гении..."

— Все, — решительно сказал я. — Здесь вы сможете поужинать и переночевать, а дальше — по обстоятельствам. Прощайте, ребята.

— Может быть поужинаете с нами, сэр Макс? — нерешительно спросила Айса.

всеми любимый и уважаемый покойный господин Йонги Мелихаис, богатый бездельник и известный интеллектуал, наш добродушный и остроумный лентяй Йонги, на досуге не только решал знаменитые математические задачки эпохи короля Мёнина, которыми сводил с ума своих приятелей студентов, но и развлекался мелкими и крупными нарушениями Кодекса Хрембера — не корысти ради, а исключительно для того, чтобы приятно провести время и нас с вами, заодно. Сэр Йонги Мелихаис против Тайного Сыска. Боюсь, над нами будет смеяться вся столица! Кроме того, он рассказывает, что был членом некоего нового тайного Ордена, о котором вы с Его Величеством Гуригом знаете гораздо больше, чем кто бы то ни было, если верить утверждениям все того же Йонги...

— Вот именно, если верить! — Ехидно сказал Джуффин. — Кофа, а почему, собственно говоря, вам не пришло в голову, что все это — выдумки? Последняя шутка Йонги, очень на него похоже. Вы же, хвала Магистрам, не скучающий городской сплетник, готовый поверить в любое абсурдное утверждение...

— Выдумки, говорите? Что ж, может быть и так, — усмехнулся Кофа. — Но могу спорить на годовое жалование, что в эти выдумки поверят абсолютно все, включая Магистра Нуфлина. Если это действительно последняя шутка Йонги, то очень сомнительная!

— Последняя шутка и должна быть такой. Если уж умираешь — почему бы не испортить настроение счастливикам, для которых еще нескоро закончится эта очаровательная суэта, именуемая человеческой жизнью, — Задумчиво промолвил Джуффин. И решительно заключил:

— В общем так, Кофа. Верите вы сами в рассказы Йонги, или нет — это ваше личное дело. Но жители Ехо должны знать, что его мемуары — сплошное вранье. Они должны узнать об этом сегодня же утром, из самых достоверных источников. Например, от его родного брата, Донди, который просто обязан сообщить свою версию репортерам из "Королевского голоса". Пошлите ему зов и объясните, как он должен себя вести. Дондик — парень сообразительный, он поймет вас с полуслова. Потом договоритесь с сэром Рогро, чтобы его репортеры были у Донди уже через полчаса... И вообще, вместо того, чтобы тянуть из меня жилы, вам следовало разбудить всех ваших информаторов, всех платных сплетников и прочую агентуру. Горожане должны знать, что имеют дело с самым ошеломительным розыгрышем последнего столетия. Это все.

— Так-таки все? — Недоверчиво прищурился Кофа.

— Для вас — да, — Кивнул шеф. — По крайней мере, пока. Остальное — мои проблемы. Мы, конечно, живем в свободной стране, и жители Соединенного Королевства имеют право писать и читать любую чушь, каковая придет в их разгоряченные головы, но у нас, хвала Магистрам, существует двадцать седьмая поправка к Кодексу Хрембера — та, в которой говорится, что недопустимо предавать гласности подробности частной жизни любого гражданина Соединенного Королевства, в том числе и Его Величества Гурига VIII без его на то согласия... Думаю, этого вполне достаточно, чтобы изъять мемуары Йонги из книжных лавок, еще до открытия. Не будем терять время — и так уже потеряли несколько больше, чем хотелось бы...

С этими словами Джуффин решительно покинул свое кресло и направился к выходу.

одновременно. Столь неадекватная реакция на совершенно безобидное, на мой взгляд, сообщение была так несвойственна тому сэру Джуффину Халли, с которым я был знаком все эти годы, что я снова не на шутку разволновался.

— Ох, он много чего "накалякал", — вздохнул Кофа. — Например, об одном тайном обществе под почетным председательством Его Величества Гурига и, разумеется, под вашим чутким руководством. Вы же у нас самый крупный специалист по тайным обществам — с тех пор, как эта земля лишилась возможности носить на себе сэра Лойсо Пондохву...

— Чушь какая! — деревянным голосом сказал Джуффин. Мне показалось, что сейчас он попросит меня сбежать за валидолом — несмотря на то, что в этом прекрасном Море никогда не было (и надеюсь, не будет) никакого валидола, да и не к чему он такому грозному колдуну как сэр Джуффин Халли...

— Да, разумеется, чушь, — с преувеличенным энтузиазмом подхватил Кофа, — но знаете, что меня тревожит? Эта самая чушь была издана в соответствии с завещанием покойного Йонги. И сегодня утром поступит в продажу. Можете не ходить к гадалкам, я вам и сам напророчу, что книга будет пользоваться бешеным успехом: полное собрание самых сомнительных тайн из жизни самых влиятельных людей Соединенного Королевства.

— Издана? — Спокойно переспросил Джуффин. — И сегодня поступит в продажу? Вы уверены? Почему же мы с вами ничего не знали до сегодняшнего утра? — В его голосе появились нотки, которых я предпочел бы не слышать. — Или вы знали, но молчали?

— Успокойтесь, Джуффин, — мягко сказал Кофа, — я не настолько люблю сюрпризы. Разумеется, я ничего не знал, поскольку книги печатались не в столице — в соответствии с завещанием покойного. Йонги всегда был такой предусмотрительный, вы же знаете! Вчера вечером книги были привезены в Ехо, их развезли по лавкам книготорговцев — издатели действовали без какой-либо предварительной договоренности, но им как-то удалось пристроить большую партию... Я узнал обо всем почти случайно: продавец университетской книжной лавки прихватил мемуары Йонги с собой в трактир, чтобы почитать за ужином. На парня было приятно посмотреть: через пять минут у него глаза из орбит полезли, а еще через четверть часа он уже зачитывал вслух целые отрывки — похвальное человеческое желание разделить удовольствие с ближними...

— И что за отрывки он зачитывал вслух? — Спросил Джуффин. К моему величайшему облегчению, его голос звучал насмешливо и равнодушно — как всегда. — Рассказывайте, Кофа. Я уже оценил вашу очаровательную манеру растягивать удовольствие и даже чуть было не поддался искушению рассердиться, но вовремя передумал. А теперь просто скажите, коротко и ясно: что такого напридумывал бедняга Йонги, что вам понадобилось будить меня затемно, да еще и нервы трепать?

— Коротко — трудно, — устало сказал Кофа. — Дело в том, что мемуары Йонги Мелихаиса — это подробный и довольно остроумный отчет о его многочисленных преступлениях.

— Преступлениях? Да еще и многочисленных? — Недоверчиво хмыкнул Джуффин. — Вы опять перегибаете палку, Кофа?

— Нет, излагаю факты, — Кофа пожал плечами. — Насколько я успел понять,

И лукаво добавила:

— Я угощаю!

— Я бы рад, — улыбнулся я. — Но обойдемся без дружеской пирушки. Мне еще в Ехо добираться.

— Мы всю дорогу болтали о пустяках, — упавшим голосом пробормотала она. — А теперь вы уезжаете. Но вы так и не сказали: что нам теперь следует делать?

— Ну и ну! — я покачал головой. — А с чего ты взяла, что один человек может сообщить другим людям, что им теперь следует делать? Я могу только сказать, чего вам ни в коем случае не следует делать — это пожалуйста!

— Например, нам не следует возвращаться в Ехо, да? — с неподражаемой иронией подхватил Карвен.

— И это тоже, — кивнул я. — И еще вам не следует думать, что где-то в Море есть такой специальный полезный дядя вроде меня, который знает, как вам жить дальше. И не стоит грустить о тех, кто остался дома. И сожалеть о сделанном выборе тоже не следует — ни при каких обстоятельствах... Вот, собственно, и все! Ах да, самое главное: умирать тоже не следует. Это — мое основное требование! Когда я был примерно в вашем возрасте и ходил купаться вместе с друзьями, моя мама всегда говорила: "Если утонешь — домой лучше не возвращайся!" Отличное напутствие!

Я устроился на сидении своего амобилера, помахал им рукой на прощание, и рванул с места, так что они не успели остановить меня каким-нибудь очередным вопросом. Я несея на максимальной скорости и как-то ухитрился не заблудиться, поэтому через четыре часа уже был в Ехо.

— Ну что, сэр Макс, куда тебя в конечном итоге занесло? — Сэр Джуффин все еще сидел в нашем кабинете, хотя полночь уже давно миновала.

— На вашу милую родину, куда же еще, — усмехнулся я. — Признаться, поначалу было у меня искушение отвезти этих красавчиков прямо в Кеттари... А потом подумал: какого черта?! Пусть уж действительно судьба сама решает. Судьба, не будь дура, привела нас на окраины графства Шимара. Посмотрим, что будет дальше.

— Тебе тоже интересно, да? — понимающе улыбнулся шеф.

— Еще бы! — согласился я. Немного помолчал и добавил:

— А знаете, что еще мне интересно? — Джуффин вопросительно поднял брови, и я пояснил:

— Я вот все думаю: неужели такой стреляный воробей, как наш сэр Кофа, после первого же глотка не понял, что именно он пьет?

— А, вот ты о чем, — рассмеялся Джуффин — Могу открыть тебе одну страшную тайну, мальчик: сэр Кофа — человек старой закваски, и от дармового грёма, в отличие от некоторых моих знакомых, не отказывается ни при каких обстоятельствах... Ладно уж, пусть себе развлекается! Ты, небось, домой хочешь?

— Нет, я могу подежурить, — невозмутимо сказал я. — Так что если вы собирались посмотреть кино...

— Ну просто провидец! — умилился мой шеф.

Я, конечно, зверски устал от бешеной езды по дорогам Соединенного Королевства, но у меня были грандиозные планы на эту ночь: мне ужасно хотелось угостить сэра Мелифаро хорошим завтраком. Я уже три дня собирался, и все не

получалось. Мне требовалась полная свобода действий и много времени: чтобы набрать целый таз сухой коры, которая в изобилии осыпается с толстых стволов старых деревьев вахари, растущих на улице Медных Горшков. И еще мне понадобилось все мое обаяние, чтобы убедить мадам Жижинду подать ее на стол утром, когда я приведу к ней своего бедного друга — что бы он не заказал. К счастью, мадам Жижинда, специально разбуженная мною на рассвете для обсуждения вышеизложенного плана, не только не начала кидать в мою бедную глупую голову тяжелые предметы, но и безропотно согласилась принять участие в этом идиотском мероприятии. Наверное, она все-таки святая!

Болтливый мертвец

— Джуффин еще не приехал? — Спросил Кофа. — Ну да, узнаю его милые привычки! Если однажды я скажу ему, что Мир рушится, он сначала примет ванну и позавтракает, а уже потом соизволит вмешаться в естественный ход вещей...

Я с трудом разлепил глаза и обалдел: даже когда у нас в Ехо бушевала эпидемия анавайны, Кофа оставался спокойным как сытый удав. А вот сейчас на его физиономии было такое встревоженное выражение, что у меня сердце ушло в пятки.

— Что случилось, Кофа? — Я не узнал свой голос — вот уж не думал, что могу так перепугаться.

— Ты уже читал? — Вместо ответа он адресовал мне еще один вопрос.

— Что именно? Приказ об уменьшении жалования всем Тайным сыщикам? — Я немного расслабился: если уж причиной Кофиного волнения стал какой бы то ни было печатный текст, значит ничего по-настоящему страшного не случилось.

— Что, что... Ну да, конечно, ты еще не читал! Книжные лавки пока закрыты, а если бы даже и были открыты — что толку! Ты же проспал всю ночь, да?

— Ничего не всю, — я почему-то почувствовал себя виноватым, — часа два, не больше... — и я полез в стол за бутылкой с бальзамом Кахара, поскольку говорил ему чистую правду, и мой организм наотрез отказывался жить дальше без хорошей порции тонизирующего средства.

— А что случилось-то? — Снова спросил я.

— Какой хороший вопрос! — На пороге стоял сэр Джуффин Халли, кажется, тоже невыспавшийся и по-утреннему хмурый. — Мне тоже хотелось бы узнать, что случилось! Кофа, это я, между прочим, у вас спрашиваю! С какой стати вы устроили этот переполох? Что, если бы я проспал еще два часа, небо рухнуло бы на землю?

— Боюсь, оно и так рухнет, — вздохнул Кофа. Потом ехидно прищурился, приосанился, расправил плечи, грозно нахмурил брови — черт, он определенно стал выше ростом! — принял боевую стойку напротив Джуффина и ткнул его в грудь указательным пальцем. — Что, Чиффа, за старое взялся? Тайные общества создаем? Да еще и Его Величество Гурига с пути истинного сбиваем? Грешные Магистры, а я-то, старый дурак, думал, что вы уже давно остепенились, сэр Халли!

— Что я вижу! — Изумился Джуффин. Потом изобразил на своем лице эффектный оскал вампира и процедил сквозь зубы:

— Старый Правобережный Дракон снова наточил свои зубы на бедную маленькую кеттарийскую лисичку? Захлопни пасть, я еще живой — гляди, зубы пообломаешь!

Я чуть в обморок не грохнулся: меньше всего на свете их диалог был похож на эпизод настоящей реальной жизни. "Наверное, я все-таки сошел с ума, — печально подумал я, — долгая жизнь в чужом мире никому не идет на пользу, леди Сотофа дело говорила..." Но через несколько секунд эти двое уже восхищенно хохотали, попадая в свои кресла. Кажется, больше всего им нравилась моя перепуганная физиономия.

— Ты оценил, Макс? — Спросил меня шеф. — Это тебе не хухры-мухры, а настоящая история, эпизод двухсотлетней давности, оживший специально для тебя!

— Что, так все это и выглядело? — Я расслабился, поскольку понял, что их диалог был шикарным спектаклем для одного-единственного зрителя.

— Ну что ты, мальчик! Это выглядело гораздо забавнее, поскольку мы не очень-то отвлекались на перебранку, а честно старались убить друг друга... или хотя бы укусить, — добродушно сказал Кофа. — Я не шучу: однажды этот дикий кеттариенец, наш с тобой начальник, укусил меня за ухо, и оттаял мочку, так что мне пришлось отправиться к знахарю, а потом она отстала чуть ли не дюжину дней...

— Ладно, все это хорошо, — вздохнул Джуффин, — но я по-прежнему ничего не понимаю. Что вы там говорили о каких-то тайных обществах, Кофа? Что вообще происходит?

— Люди иногда пишут книги, — задумчиво протянул Кофа, — вы в курсе, Джуффин?

— Я в курсе, — хмуро буркнул Джуффин. — Хватит издеваться, Кофа! Выкладывайте, что там у вас.

— У меня ничего, — хмыкнул Кофа. — А вот у нашего драгоценного казначея Донди Мелихаиса есть еще более драгоценный старший брат... вернее был. Покойный Йонги Мелихаис — грустная история, верно? Он мог бы прожить гораздо дольше: у Мелихаисов в роду все долгожители, им даже магия не требуется: живут себе и живут, дюжину вурдалаков под одеяло этой семейке! Знаете, сколько лет их дедушке Узику? По-моему восемьсот, честное слово! Я почти уверен, что он старше вас, Джуффин! А ведь он никогда не был колдуном, просто как сидел себе всю жизнь на своем рыбном рынке, так и до сих пор сидит, и ворчит, что стареть и болеть ему недосуг... И только Йонги умудрился покинуть мир живых в неполные триста — такая досада!

— Ну и куда вы клоните? — Джуффин уже был мрачнее ночи. — Йонги умер в результате несчастного случая, это проверенный факт... Я лично потратил целую ночь, разглядывая безделушки, которые были найдены на его теле, и все эти вещицы рассказали мне одну и ту же незамысловатую историю. Если у человека на старости лет так и не дошли руки научиться плавать, ему совершенно ни к чему обзаводиться водным амобилером, и уж тем более кататься на нем по ночам в полном одиночестве. Грустная история, но он сам виноват, тут даже на судьбу не очень-то попеняешь!

— Не в этом дело, — отмахнулся Кофа. — Хуже другое. Вы знаете, что Йонги писал мемуары?

— Грешные Магистры, — Джуффин иронично поднял брови, — чем только не развлекаются люди! И что же он там накалякал?

Впрочем, даже я заметил, каких усилий стоил нашему шефу этот легкомысленный тон. Его выдавали глаза, настороженные и яростные

— Понимаешь, Макс, я слишком долго общался с Багудой Малдаханом, в этом самом помещении. Думаю, здесь все стены успели пропитаться его мигренью.

— Так бывает, — согласился я, — поэтому я и потребовал пирожных, чтобы разрядить обстановку. После того, как сэр Мелифаро запустит в меня кремовым шариком — вы только посмотрите, как он на меня косится! — но промахнется и попадет в сэра Шурфа, от вашей тотальной озабоченности не останется и следа!

— Я промахнусь? — Обиженно взвыл Мелифаро. — Когда это, интересно, я промахивался?!

— В девятый день сто одиннадцатого года Эпохи Кодекса, когда у тебя случилась драка с блудным Магистром Еро Мугунатой в трактире "Причудливые львы", — невозмутимо заметил сэр Шурф. Ты метнул в Еро чугунную сковородку и угодил в хозяина трактира, помнишь?

Все присутствующие, кроме самого сэра Шурфа, с удовольствием рассмеялись, даже Мелифаро заулыбался до ушей. Я с удовольствием понял, что гаденький туман мировой скорби окончательно рассеялся — еще и трех минут, отпущенных на это Джуфффином, не прошло!

— Макс — ты прелесть! — Нежно сказала мне леди Кекки Туотли. Наверное, она уже успела почувствовать разницу.

— Возьми свои слова обратно, незабвенная, а то за мной будет гоняться грозный Кофа, а я не такой крутой, как сэр Джуффин, чтобы годами уходить из его хищных когтей! Ты уже смотрела "Тома и Джерри"? Эти пожилые злодеи хоть раз водили тебя на улицу Старых Монеток, смотреть мультики? — Она с улыбкой кивнула, и я резюмировал:

— Имей в виду: ТАК я не умею!

— Научим, это как раз дело нехитрое, — добродушно отозвался сам Кофа.

— А теперь все-таки расскажите мне, чего у нас творится, — попросил я после того, как в моей пасти действительно оказалось замечательное пирожное из "Обжоры Бунбы". — Только не увлекайтесь печальными подробностями, ладно?

— Я тебе сам все расскажу, — Джуффин встал из-за стола и направился к нашему кабинету, — иди сюда, пошушукаемся!..

Он был прав: для доброй половины сотрудников Тайного Сыска подслушать чужой диалог на Безмолвной речи было сущим пустяком. Зато ни одно слово, произнесенное в стенах нашего с ним кабинета, не могло стать достоянием широкой общественности — уж на это могущества моего шефа всегда хватало!

— Если мы с сэром Максом окажемся чересчур болтливы, — озабоченно сказал шеф, остановившись на пороге, — бери все в свои руки, сэр Мелифаро. Ты прекрасно знаешь, что надо делать. Чем больше народу будет сидеть на рассвете в наших подвалах — тем лучше.

— Знаю, — Мелифаро снова помрачнел донельзя, — а толку-то!

— Так что случилось? — Спросил я Джуффина, как только за нами закрылась тяжелая дверь. — Зачем вам народ в подвалах? Магистр Нуфлин уже начал охоту на вас и Его Величество, и вы решили брать заложников?

— Магистр Нуфлин больше не является для нас проблемой — по крайней мере, пока о нем можно не думать, — шеф почему-то озабоченно нахмурился, сообщая мне эту, в сущности, весьма приятную новость.

— А что же, в таком случае, довело вас всех до такого плачевного состояния? —

из присутствующих, но попробуй сообразить: ради какого дела могли собраться вместе Его Величество, шеф Тайного Сыска, хозяйка антикварной лавки...

— И старшина нищих! — Насмешливо добавил Коба. Я заметил, что он чувствует себя в этом избранном обществе как рыба в воде. Кажется, мое недоумение по поводу его присутствия в моей гостиной здорово его забавляло.

— Неужели не угадаешь, Макс? — Сочувственно спросила меня леди Хенна. Кажется, она болела за меня, как патриот какого-нибудь провинциального городка за местную футбольную команду.

Бедная леди Хенна, я не оправдывал ее доверия, а тупо хлопал глазами, растерянно переводя взгляд с незнакомых лиц на знакомые. Меня осенило через целую минуту гробовой тишины — думаю, все присутствующие уже окончательно поставили жирный крест на моих умственных способностях.

— Слушайте, ребята, вы что, решили прикрыть Орден Семилистника? — Восхищенно спросил я. — И правильно!

— Вот уж никогда не думал, что у тебя есть какие-то претензии к Магистру Нуфлину и его питомцам! — Расхохотался Джуффин. — По-моему, вы с ним так славно спелись...

— Спелись-то спелись, — легкомысленно отмахнулся я, — но они зануды. Позапрещать все магические Ордена, кроме своего собственного — по-моему, это не очень красиво.

— Вот так живешь, живешь, и не знаешь, что в твоём собственном ведомстве затаились потенциальные революционеры. Как вам нравится этот государственный служащий высшего ранга, Ваше Величество? Вообще-то считается, что он получает деньги за то, чтобы охранять закон! — Джуффин осклабился до ушей и повернулся к Гуригу, который теперь смотрел на меня с нескрываемой симпатией.

— А я и служу закону, — гордо сказал я, — но при этом ни на минуту не забываю, что этот закон придумали зануды.

— Все, можешь считать, что принят, — неожиданно сообщил мне Коба, — молодец, сэр Макс!

— Спасибо, Коба, — я отвесил нищему самый церемонный поклон, на какой был способен и спросил у своего шефа:

— Так что, неужели я угадал?

— Почти, — невозмутимо кивнул он, — правда, все на так страшно, как тебе хотелось бы... Одним словом, мы не собираемся "прикрывать" Орден Семилистника, по крайней мере, пока. Мы только контролируем его деятельность, и в особенности — деятельность Магистра Нуфлина Мони Маха, поскольку ни одно человеческое существо не является настолько совершенным, чтобы не нуждаться в контроле со стороны.

— Здорово! — Искренне сказал я. — Впрочем, я всегда думал, что вы этим занимаетесь на досуге — у меня и сомнений никаких не было! Правда, у меня не хватало воображения додуматься, что у вас тут целая организация.

— Ни у кого не хватало воображения, хвала Магистрам! — Вздохнул Джуффин. — Если бы не хитрец Йонги и его посмертные мемуары... Такова человеческая натура: мало кто готов смириться с мыслью, что все его подвиги останутся без аплодисментов в финале... Он здорово подгадил не только нам, а еще куче народа, зато все грамотное население Соединенного Королевства теперь в курсе, что Йонги

был самым мудрым, хитрым, храбрым и вообще самым-самым-самым. Ура!

— Я могу его понять, — смущенно признался я, — мне тоже не хватает мудрости, чтобы промолчать о своих подвигах. Даже если я все-таки молчу, это такое многозначительное молчание, что его свидетели просто обязаны предположить, будто за ним скрывается нечто уму непостижимое.

— Ну ты-то еще молодой и можешь быть глупым, — снисходительно сказал мне Коба, — а вот у Йонги было сколько угодно времени, чтобы немного поумнеть.

— Если бы мудрость зависела только от возраста! — Задумчиво вздохнул Король.

— Ваше Величество, а вас-то как угораздило попасть в эту компанию? — Весело спросил я Гурига.

Он смущенно развел руками.

— Видите ли, сэр Макс, я в некотором роде являюсь главным виновником всего случившегося. Я — основатель этого безымянного Ордена, и мне до сих пор кажется, что это — лучшее дело в моей жизни...

Очевидно, выражение моей физиономии было то еще, потому что Гуриг звонко рассмеялся — с таким явным удовольствием, что и описать невозможно.

— Что не ожидали? — Весело спросил он. — Думали, я только и умею, что часами сидеть на троне с постной миной?

— Ну, положим, не с постной, — растерянно возразил я, — но... Да, не ожидал! Я думал, что это все — проделки моего злодейского начальника.

— Куда уж мне создавать Ордена, Макс! — Ухмыльнулся Джуффин. — Я же — типичный одиночка. Между прочим, я ни единого дня не состоял ни в одном Ордене, даже в те времена, когда в Ордена не ломились только ленивые и совсем бесталанные!

Пока мы таким образом общались, остальные присутствующие вежливо помалкивали, внимательно, но неназойливо разглядывая меня. Если честно, мне очень понравилась эта теплая компания. Они показались мне удивительно спокойными и собранными, можно подумать, что все эти ребята с утра до ночи развлекались исключительно знаменитой дыхательной гимнастикой сэра Шурфа — а собственно говоря, почему бы и нет?.. Краем глаза я заметил, что толстый бородач снова принялся вертеть в руках мою любимую чашку — я до смешного беспокоился по этому поводу. Вообще-то странно, если учесть, как много настоящих причин для беспокойства появилось у меня за это самое длинное в моей жизни утро!

— Вот такие дела, сэр Макс, — Король задумчиво улыбнулся и провел рукой по лбу, словно собирался с мыслями. — Вообще-то, идея приглядывать за Магистром Нуфлином пришла ко мне еще в детстве. Однажды — то ли перед принятием Кодекса Хрембера, то ли сразу после, Нуфлин посетил моего отца. Они дружески отобедали вместе, меня тоже пригласили за стол, поскольку наследник престола обязан присутствовать при некоторых важных встречах, вне зависимости от возраста... Пусть меня убаюкают Темные Магистры, если я помню, о чем они беседовали! Зато я отлично помню другое: перед тем, как уходить, Великий Магистр Ордена Семилистника, Благостного и Единственного, прихватил со стола драгоценную десертную ложку. Спрятал в пригоршне и унес. Я был так потрясен, что не решился сразу рассказать об этом отцу. А потом вроде бы и повода не было, кроме того, я уже тогда понимал, что мой отец готов простить Магистру Нуфлину и

— Просто он вежливый. И к тому же без ума от легенд о твоих подвигах... Не переживай, не такой уж ты роковой красавчик! — Рассмеялась Меламори. — Зато я не столь переборчива, как наш Король.

— Выразить не могу, как меня это радует! — Улыбнулся я.

Одним словом, мне удалось как следует отрешиться от всех проблем сразу, и от "книжного скандала", как я про себя окрестил эпопею с мемуарами Йонги Мелихаиса, в частности.

Примерно за полчаса до заката меня настиг зов сэра Джуффина.

"Макс, бросай все и немедленно приезжай на службу! — Грозно потребовал мой неугомонный шеф. — И не вздумай говорить мне, что так и не выспался: сам виноват!"

Я растерянно подумал, что он совершенно прав, но делать было нечего. Меламори тем временем сосредоточено наморщила лоб, потом вопросительно посмотрела на меня.

— Тебя тоже ошастливили приглашением в Дом у Моста?

— Ошастливили, — вздохнул я. — Самое обидное — я только сейчас понял, как хочу спать!

— Поехали, — нетерпеливо сказала она, — интересно ведь: что там у них случилось!

— Мне не интересно, — проворчал я, кутаясь в свою Мантию Смерти, — и так знаю, что какая-нибудь пакость...

В Дом у Моста мы приехали позже всех. Малое Тайное Сыскное Войско заседало в Зале Общей Работы — в полном составе, и с такими постными рожами, что мне тут же захотелось повеситься, или хотя бы уйти в отставку. На их фоне самым счастливым и безмятежным выглядел Лонли-Локли — просто потому, что обычное суровое выражение его каменной физиономии не претерпело никаких изменений.

— Нас расстреляют этой ночью, без суда и следствия? — Ехидно спросил я у своих надутых коллег.

— Не волнуйтесь, сэр Макс. Насколько я знаю, ничего такого не должно случиться, — успокоил меня Луукфи Пэнц — святой, в сущности, человек!

— А что у вас, в таком случае, с рожами? — Насмешливо спросил я. — Сэр Мелифаро, кто научил тебя так сурово хмурить брови? Тебе не идет.

— Заткнись, ладно? — Устало попросил Мелифаро. — И без тебя тошно!

— Без меня, может быть, и тошно, а со мной — нет! — Упрямо сказал я. — Ребята, если вы собираетесь скорбеть и страдать, я пошел домой. Но если вы встряхнетесь и предложите мне принять участие в каком-нибудь безнадежно дурацком приключении, я с удовольствием отдам жизнь за каждого из присутствующих. И в связи с этим я требую камры, пирожных и улыбок — немедленно, даже если они сначала будут душевными, как реклама зубной пасты. Впрочем, пардон: я забыл, что у нас ее не рекламируют, ну да все равно...

— Молодец, мальчик, так нам и надо, — неожиданно улыбнулся Джуффин. — Господа, мы действительно несколько переборщили с озабоченностью. Даю вам три минуты, чтобы прекратить сие безобразие... и себе тоже.

Через несколько секунд шеф окончательно расслабился и доверительно сообщил мне:

— Неприятная особа, — вздохнул я. — А какого черта Гуриг ее держит на этой должности? Он не так прост, по-моему...

— А она его любовница, — Меламори удивленно посмотрела на меня. — Ты и этого не знал?

— Я много чего не знаю, — гордо признался я. — Скажу тебе больше: мне вообще в голову не приходило, что у нашего Короля есть какая-то там любовница...

— Ну да, и еще он не ходит в уборную, не ест и не спит... Эх ты, умник! — Снисходительно сказала Меламори.

— Да уж, действительно, — смущенно согласился я. И тут же спросил:

— А почему, в таком случае, этой дамочке до сих пор не удалось наложить лапу на "Королевский голос"? Для любимой женщины каких только глупостей не наворишь!

— Тоже верно, — меланхолично согласилась Меламори. — Могу себе представить, во что она превратила бы эту несчастную газетку! Но к счастью, сэр Рогро тоже любовник Его Величества, поэтому равновесие пока сохраняется...

— Как это? — Глупо спросил я.

— Как, как... Обыкновенно! Слушай, сэр Макс, ты у нас, конечно, жутко грозный колдун, Вершитель, создатель новых Миров, и в связи с этим тебя уже давно не волнует ничего, кроме фундаментальных тайн мироздания, но нельзя же до такой степени быть не в курсе городских сплетен!

— По всему выходит, что нельзя, — растерянно согласился я. И пожаловался:

— Я живу, окруженный стеной густого тумана, милая! А посему по-прежнему ничего не понимаю. Что, наш Король любит мужчин?

— И мужчин, и женщин, — равнодушно сказала Меламори. — А почему тебя это так удивляет? У наших Королей это наследственное, с тех пор, как первый из Гуригов женился на эльфийке. Все его потомки, полуэльфы, немного с причудами. Между прочим, эльфы никогда не видели разницы между мужчинами и женщинами. Им непонятно, почему следует отдавать предпочтение тем или другим. По-моему, в этом что-то есть...

— Что-то есть, это точно! — Усмехнулся я. — А сэр Рогро, он что, тоже... потомок эльфов?

— Точно не знаю, — пожала плечами Меламори. — Но по-моему, он просто оригинал.

— А, ну тогда конечно! — Саркастически согласился я. А про себя подумал, что сегодня странный день: ни с того, ни с сего я вдруг узнал такое количество секретов нашего симпатичного Величества Гурига, что меня было пора казнить. Впрочем, я мог расслабиться: смертная казнь в Соединенном Королевстве была запрещена все тем же Кодексом Хрембера, в соответствии с буквой которого я, между прочим, был обязан арестовать своего шефа, сэра Джуффина Халли и отвести его в Холоми — срам, да и только!

— Удивила ты меня! — Честно признался я, потягиваясь до хруста в суставах. — Его Величество в объятиях сэра Рогро — уму непостижимо!

— Я тебя сейчас еще раз удивлю, — мечтательно сообщила она, подбираясь ко мне поближе. — Да плюнь ты на Его Величество! Его романы — не твоя проблема.

— До поры до времени, — буркнул я. — А вдруг я ему нравлюсь? Что-то он со мной подозрительно любезничает при каждой встрече...

не такие грешки! Но для себя я решил, что нельзя доверять человеку, способному утащить ложку с твоего стола... С того дня я всегда держал ушки на макушке, когда мне приходилось иметь дело с Нуфлином, или с кем-то из его людей: я до сих пор полагаю, что это — одно и то же. Нрав любого Великого Магистра всегда отражался в его учениках, как в галерее зеркал, а уж в Ордене Семилистника и подавно: их устав предполагает очень личную преданность, граничащую с обожанием... Ты о чем-то хочешь спросить?

— Хочу, — кивнул я, — но не вас, а сэра Джуффина. Можно?

— Разумеется, — улыбнулся Гуриг. Джуффин недовольно нахмурился — дескать, что там еще у тебя?

— Всего один вопрос, — виновато сказал я, — но очень личный. А леди Сотофа — неужели она не в курсе этого безобразия? Неужели от нее можно утаить хоть что-то?

— Разумеется, она в курсе, — невозмутимо кивнул мой шеф, — а что?... А, ну да, ты, небось, думаешь, что у них там "один за всех и все за одного" — так, что ли? Но это неверно. Женщины Семилистника терпеть не могут Нуфлина. Они считают, что по его вине мужчины Ордена стали слишком осторожными, жадными и привязанными к месту. Они не ссорятся с Нуфлином, но и не станут перегрызать за него чужие глотки — они просто стоят в стороне. Это нелегко, но женщины вообще умеют стоять в стороне, если захотят. Это нашему брату все нейдет. Видишь, наше общество украшает только леди Хенна, единственная и неповторимая, а она относится к тем редким леди, чьи природные достоинства удачно уравновешиваются некоторыми типично мужскими недостатками.

Спасибо, сэр, — спокойно сказала леди Хенна, — вы очень мило меня похвалили.

— Это единственный вопрос, который образовался в твоей замечательной голове, сэр Макс? — Весело спросил Джуффин. — Или еще чем порадуешь?

— Порадую, — фыркнул я. — Скажите мне, пожалуйста: а в чем, собственно говоря, выражался ваш контроль за деятельностью Магистра Нуфлина? Мне правда интересно.

— Ну, контроль — он и есть контроль, — пожал плечами мой шеф. — Мы поставили себе цель знать о нем все... и иметь кое-что в запасе на тот случай, если Нуфлин зарвется. Пока он не зарывался, надо отдать ему должное!

— Ничего, теперь у него есть очень хороший повод, — неожиданно хихикнул Король.

Я с удивлением понял, что Его Величество Гуриг просто счастлив. Наверное, он здорово рассчитывал на серьезный конфликт, в финале которого ему грезилась победа. Я никак не мог понять, нравится это мне, или нет. Вообще-то, мне нравилась эта история — как таковая. Что мне не нравилось — так это, что она оказалась частью моей собственной жизни. О таких вещах приятнее читать в газетах, а еще лучше — в исторических романах, чем принимать активное участие. Честно говоря, еще вчера вечером я в очередной раз находился в приятном состоянии полного согласия с самим собой — плохой знак! Я уже заметил, что как только начинаю вовсе наслаждаться своим повседневным существованием, моя стерва судьба непременно делает крутой вираж своей толстой задницей, так что моя наконец-то наладившаяся жизнь немедленно рушится от такой встряски, и мне

приходится снова собирать ее по кусочку, бережно, кропотливо — дурная, в сущности, работа!

— Не думаю, что Нуфлин пойдет на открытый конфликт, — вдруг оптимистически заявил Джуффин. — Скорее всего просто обидится и потихоньку ответит кучей мелких пакостей... но это как раз не страшно! Вы же знаете, я довольно долго специализировался как раз по мелким пакостям разных Магистров, великих и не очень.

— Знаю, сэр Халли, — Гуриг расплылся в улыбке, — в этой области ваши заслуги перед Соединенным Королевством неоценимы!

— Возможно, гнев Магистра Нуфлина — сущие пустяки для Его Величества и Почтеннейшего начальника Тайного Сыска, но всем остальным придется хорошенько позаботиться о своей шкуре, — внезапно подал голос тот самый толстяк, который пригреб мою чашку.

— Это правда, — присоединился к нему еще один парень — совсем юный, про себя я тут же окрестил его "студентом", сам не знаю почему.

— Об этом и речи быть не может! — Взволнованно сказал Король. — Вы под моим покровительством, господа. Для того, чтобы доставить вам неприятности, Нуфлину придется развязать еще одну гражданскую войну.

— Или устроить несколько несчастных случаев, — лениво протянул Коба. — Нет ничего проще, это и я умею, а уж старый хрен Нуфлин — и подавно! Никто не дерется... А нет людей — нет и проблемы, правда, сэр Халли?

Джуффин укоризненно покачал головой, но возражать не стал.

— В моем дворце не бывает несчастных случаев! — Твердо сказал Гуриг. — Я прошу вас всех быть моими гостями.

— Это преждевременно, Ваше Величество, — вмешалась леди Хенна. — Как только мы окажемся вашими гостями, это станет самым наглядным доказательством, что Йонги написал чистую правду. Насколько я понимаю, сэр Джуффин предпринял немало усилий, чтобы его грешные мемуары сочли посмертным розыгрышем — пусть так и будет. А мы... в конце концов, все, кто здесь собрался — не дети беспомощные. Скорее наоборот. Насколько я помню, нам предложили присоединиться к этому избранному обществу именно потому, что у нас растут ядовитые зубки...

— Женщины — безоглядно храбрые существа, и ты, Хенна — наилучшее тому доказательство! — Восхищенно сказал Джуффин. — Спасибо, незабвенная. Если бы не ты, мне самому пришлось бы произнести эти слова... Я не думаю, что Нуфлин будет делать какие-нибудь резкие движения в ближайшие дни. Хвала Магистрам, я знаю его лучше, чем вы, господа. С возрастом его знаменитая осторожность стала сродни трусости. Нуфлин будет колебаться, размышлять, гадать, советоваться... очень может быть, что он предпочтет вообще закрыть глаза на эту историю — даже если получит самые наглядные свидетельства, что Йонги написал правду. И это правильно. В его интересах приставить к каждому из вас надежную охрану — чтобы волос с головы не упал. Уверяю вас, у него хватит воображения, чтобы представить себе последствия падения этого самого волоса. Возможно, его занесет, и он все-таки потребует, чтобы все, чьи имена упомянуты в этой дурацкой книжице, честно предстали перед судом и отправились в Холоми, отдохнуть от трудов праведных... что ж, я — за, при условии, что Его Величество возглавит этот список.

— Знаешь что? Не буду я зариться на ваши страшные тайны, а то еще грозный сэр Халли откусит нам с тобой головы. Просто расскажи мне все, что можно рассказывать, — наконец решила она, — даже если эта ценная информация уместится в несколько слов. Все лучше, чем ничего!

— Хорошо, — улыбнулся я. Немного подумал и на всякий случай осторожно сказал:

— Извини меня, ладно?

— Ладно, — серьезно согласилась она. — И учти, сэр заговорщик: мне действительно было очень обидно! Если бы это случилось несколько лет назад, я бы... Ох, даже не знаю, как бы я разбушевалась!

— Верю, — с энтузиазмом кивнул я, вспоминая тяжелый нрав нашей Мастера Преследования. С тех пор, как Меламори вернулась из Арвароха, она действительно научилась тормозить на поворотах, что заставило меня проникнуться глубоким уважением к древней арварохской магии...

Потом я вкратце изложил ей более-менее правдивую версию истории с мемуарами Йонги Мелихаиса, будь он неладен! Правда, я все-таки воздержался от рассказа о сборище на улице Старых монеток: это действительно была не моя тайна!

— Так что, эта стерва Эльна Фаннах все испортила? — Сочувственно спросила Меламори. — Охотно верю. Эта леди способна на все, лишь бы лишний раз прищемить хвост бедняге Рогро!

— А кто она такая? — С любопытством спросил я. — Честно говоря, мне очень трудно поверить, что какая-то дамочка может вить веревки из сэра Рогро. Не такой он парень!

— Конечно, — спокойно согласилась Меламори, — но она вьет веревки не из Рогро, а из Его Величества Гурига. Так практичнее, правда?

— Правда, — улыбнулся я, — так кто же она все-таки? Просто королевская фаворитка?

— Не просто, — покачала головой Меламори. — Официально ее должность называется: Мастер Громких высказываний.

— Что это означает на практике?

— Экий ты необразованный, Макс! Необразованный и несообразительный! — Рассмеялась она. — На практике это значит, что от леди Эльны зависит, какие высказывания Его Величества появятся в газетах и станут достоянием публики, а какие навсегда останутся при нем. И еще она решает, о каких эпизодах из жизни нашего Короля следует рассказать газетчикам, а о чем следует промолчать.

— Ага, понял, — обрадовался я. — Что-то вроде пресс-секретаря. Не думал, что при Королевском дворе есть такая полезная должность! А почему она не ладит с Рогро? По идее, им полагается дружить...

— Мало ли, что им полагается... Рогро ужасно недоволен, что между ним и Королем стоит еще кто-то. Он, знаешь ли, справедливо полагает, что и сам мог бы сообразить, какие высказывания Его Величества подлежат огласке, а какие — нет. А леди Эльна страшно завидует сэру Рогро: в глубине души она считает себя прирожденным главным редактором, и у нее есть голубая мечта заграбастать хотя бы одну из его газет. Например, "Королевский голос". "Суету Ехо" она, знаешь ли, презирует, а поэтому готова оставить ее Рогро — для пущего позора и унижения, как ей кажется.

— Это обязательно? — Лукаво спросил я. — Вообще-то у меня были другие планы — раз уж ты здесь...

— Опять, небось, грёма нахлестался? — С преувеличенным ужасом спросила Меламори.

— Считай, что нахлестался, — мечтательно сказал я — во всяком случае, ощущения примерно те же...

Ее реакция превзошла мои самые смелые ожидания: она просто прыгнула на меня, как большая разыгравшаяся кошка — устоять на ногах было совершенно невозможно!

После того как самые неотложные проблемы, возникшие у меня в связи с нечеловеческой страстью, были временно улажены, меня безжалостно подвергли суровому допросу, и отмолчаться оказалось совершенно невозможно. Впрочем, рассказывать Меламори о "масонской ложе", заседающей у меня дома под предводительством Его Величества Гурига я все-таки не стал. И вообще, сделал вид, будто совершенно уверен, что Йонги не написал ни слова правды в своих грешных мемуарах. Смешно сказать: я вдруг вспомнил, что любимый дядюшка моей девушки, сэр Кима Блимм — не последний человек в Ордене Семилистника...

Некоторое время она слушала меня, рассеянно кивала, по ее губам бродила задумчивая улыбка. Потом улыбка стала еще лучезарнее, и моя прекрасная леди спросила:

— Макс, а ты уверен, что я настолько глупа? Или в твою душу закралась хоть парочка сомнений?

Я опешил.

— Ты так старательно изображаешь из себя наивного мальчика, милый — одно удовольствие любоваться... Да не хлопай ты так своими дивными ресницами! Не хочешь говорить мне правду — не говори. Но избавь меня от необходимости слушать откровенную чушь! И на всякий случай, заруби на своем распрекрасном носу: я не резидент Магистра Нуфлина. И у меня нет дурной привычки обсуждать служебные дела с кем бы то ни было из моих многочисленных, нежно любимых родственничков, в том числе и с Кимой. А теперь можешь засунуть свои драгоценные тайны в свою же драгоценную задницу!

Только тут я понял, что она здорово рассердилась — и когда только успела?

— Они не мои, эти грешные тайны — мягко сказал я, — и потом их слишком много, дорогая. Не так уж велика моя несчастная задница! Можно, я не буду их туда совать?

Она еще несколько секунд хмурилась, потом неохотно улыбнулась.

— Ладно, сэр вун, это действительно не твои тайны, — вздохнула она. — Просто мне не понравилось, что ты рассказываешь мне такую ерунду с такими честными глазами. Может быть, я — не самая умная девушка на обоих берегах Хуруна, но не настолько же плохи мои дела!

— Зато мои — настолько, — честно признался я, — можешь себе представить! Я был совершенно уверен, что моя версия хороша даже для самого Магистра Нуфлина — если бы он вдруг оказался на твоём месте.

— Особенно если бы он оказался на моем месте полчаса назад! — Прыснула Меламори. Я с облегчением вздохнул: если человек так смеется, он просто не может сердиться!

— С удовольствием! — Гуриг отвесил ему вежливый поклон. — Это честь для меня, сэр Халли!

— Если бы мы хотели устроить хорошую заварушку, сейчас мы бы ее получили на блюдечке. Самое смешное в этой истории, что открытая ссора не нужна никому! — Заключил Джуффин. — Ладно, я, пожалуй, откланяюсь. И сэра Макса с собой заберу. Мне только что прислал зов Багуда Малдахан, грядет его визит в Дом у Моста, так что нам предстоит пустые хлопоты, и все такое... Что ж, по крайней мере, вы все теперь с лично знакомы с Максом, так что обращайтесь к нему с любыми проблемами, как ко мне самому. Сэр Макс — хорошая пилуля от многих бед, можете мне поверить!

— Wellcome! — Задушевно осклабился я. Никто не удивился этой выходке — наверное, решили, что я бормочу какое-то модное заклинание.

Напоследок я успел лично убедиться, что моя любимая чашка так и не дожидая конца этого в высшей степени захватывающего мероприятия. Толстый бородач сделал неловкое движение, чашка полетела на пол и раскололась точнехонько пополам. Добродушное румяное лицо толстяка вытянулось в такую виноватую гримасу, что мне же еще пришлось его утешать!

— Дрянь дело вообще-то, — бодро сообщил мне Джуффин, усаживаясь рядом со мной на переднее сидение амобилера. — Плохое сейчас время для ссор, даже для мелких. Самое что ни на есть паршивое!

— Что, думаете, Нуфлин не поверит? — Шеф вопросительно поднял брови, и я пояснил:

— Я имею в виду вашу легенду, что Йонги все наврал...

— Если бы Нуфлин был таким дураком, он бы не стал Великим Магистром — все очень просто, Макс! — Усмехнулся Джуффин. — Моя паршивая легенда хороша для простых горожан, да и то не для всех... Ох! Мне еще и с Багудой сейчас придется объясняться, между прочим.

— Что, он собирается вас арестовать? — Прыснул я.

— Да нет, какое там! — Отмахнулся мой шеф. — У Багуды свои собственные неприятности. Впрочем, нас они тоже касаются. В своей грешной книжке Йонги написал не только о нашей героической негласной борьбе с Орденом Семилистника — если бы! Там же следует длинный перечень его прегрешений перед Соединенным Королевством и Кодексом Хрембера, будь он неладен!

— Кто именно "будь неладен"? — Улыбнулся я. — Йонги Мелихаис, или Кодекс Хрембера?

— Оба! — Решительно ответил Джуффин. — Бедняга Багуда внезапно выяснил, что целая куча особо тяжких преступлений не повлекла за собой немедленного наказания преступника. Для него это очень личная трагедия. У Багуды, знаешь ли, случаются жестокие мигрени всякий раз, когда очередной злодей почему-либо не наказан, так что сегодня мне наверняка придется до седьмого пота массировать ему виски: до сих пор моего могущества худо-бедно хватало, чтобы облегчить его страдания. Впрочем, для Тайного Сыска мемуары Йонги — тоже не праздник. Подмочил он мне репутацию, по старой дружбе! Теперь найдется масса желающих испытать на деле: а вдруг и у них получится нас провести?

— Что-то я ничего не понимаю, — признался я. — Действительно, как могло получиться, что этот гений, сэр Йонги, совершал преступления, а вы об этом ничего

не знали? Неужели он такой могущественный? Или вы все-таки знали, но...

— Но покрывал его, поскольку мы были связаны общим делом? — Закончил за меня Джуффин. — Думаю, у Багуды тоже созрел такой же вопрос. Но я действительно ничего не знал. Йонги — очень хитрый лис, еще хитрее, чем я думал. Он пишет, что выбирал время для своих подвигов с величайшей осторожностью. Он бузил только тогда, когда я отсутствовал — например, ездил в Холоми, или вообще уходил на Темную Сторону... Узнать о моих отлучках было не так уж сложно — если учесть, что его родной брат Донди служит в Доме у Моста, а иногда я и сам сообщал ему о своих планах — поскольку нас действительно связывали общие дела... А когда меня нет в Ехо, некоторые вещи становятся вполне возможными. У нашего Кофы золотая голова, фантастическая интуиция и надежные информаторы, но его не подбрасывает на полметра от земли неведомая сила, когда кто-то в окрестностях столицы развлекается недозволенной магией, даже если это всего лишь генерал Бубута тужится преодолеть земное притяжение и перелететь с одного из своих знаменитых унитазов на соседний — сие досадное, но полезное для нашей работы неудобство испытывает только мой организм, — Джуффин почему-то перешел на доверительный шепот и добавил:

— Так не всегда со мной было. Все эта проклятая должность, Макс! Когда эти юные негодники из Клуба Дубовых листьев творили свои гениальные безобразия, меня то и дело подмывало все бросить и сбежать на край света из этого грешного городка.

— Ужас какой! — Искренне сказал я. — И что бы мы без вас делали?

— Хлестали бы грём с утра до вечера, со всеми вытекающими последствиями! — Ехидно ухмыльнулся он. И мечтательно добавил:

— Вся прелесть в том, что это были бы ваши проблемы, а не мои. И сейчас я почти готов сожалеть о том, что не сбежал. Слишком уж все хреново!

— А как вы собираетесь это расхлебывать? — Осторожно спросил я.

— Хочешь, скажу правду? — Хитро прищурился Джуффин. — Не знаю! Только никому не говори, ладно?

— Ладно, — машинально согласился я. А потом испугался. — Как это — не знаете?!

— А вот так, — равнодушно сказал Джуффин. — Сам посуди: мало найдется охотников поверить в нашу версию, будто Йонги все придумал — сколько бы доказательств этому мы не нашли... Люди всегда верят в то, во что им хочется верить. А поверить, что нашелся хитрец, натянувший нос грозному Тайному Сыску, всем ужасно хочется. А уж поверить, что Его Величество возглавляет тайную организацию, бросившую вызов Ордену Семилестника — почти невозможно, но так соблазнительно! Мы, конечно, сделаем, что можем, но толку от этого, сам понимаешь... Мир, я полагаю, не рухнет, и Гуриг на своем троне усидит, да и меня в отставку не отправят, к сожалению, но у нас будет куча мелких неприятностей, и что самое противное — это надолго.

— А если бы Йонги сам признался, что все придумал? — Спросил я. — Как вы думаете, ему бы поверили?

— Ему? Ну, ему, скорее всего, поверили бы — если бы он говорил достаточно убедительно и не кричал на каждом углу, что на него было оказано давление. — Джуффин пожал плечами. — А что толку? Йонги умер...

Несколько секунд он испытующе пялился на меня, потом разочарованно вздохнул. Я вдруг вспомнил, что наш Мелифаро умеет отличать правду от вымысла, у него был врожденный дар видеть вещи такими, какие они есть. Именно поэтому он мне и поверил. Если разобраться, я говорил чистую правду: я действительно ничего не понимал... ну, скажем так: почти ничего.

— Это самый идиотский день в моей идиотской жизни, — печально сказал Мелифаро. — У меня такое ощущение, что все вот-вот рухнет. Вообще все!

— Не рухнет, — твердо сказал я. — Я действительно ни хрена не понимаю, но уверен: Джуффин знает, что делает. Все утрясется, вот увидишь! Другое дело, что на это потребуется время...

— Например, сто лет. Или все двести, как в Смутные времена, — уныло подхватил Мелифаро. — Ладно, Магистры с тобой, Ночной Кошмар! Я уже понял, что ты не собираешься снимать камень с моей нежной души.

— Брось его в унитаз и спусти воду, мой тебе совет! — Усмехнулся я. — А я пошел.

— Куда? — Тут же грозно поинтересовался он.

— Домой. Мне дали строгий приказ: выспаться, — честно сказал я.

— Ну да, потому что ночью мы будем дружно штурмовать Иафах! — Кивнул Мелифаро. — Знаешь, какой лозунг был популярен у оппозиции в годы войны за Кодекс? "Конец Нуфлину!" Выучи непременно, а то попадешься нашему шефу под горячую руку...

Нуфлин капут! — Машинально перевел я, не выдержал, махнул рукой, рассмеялся, и направился к выходу.

— Хорошо, наверное, быть кретином! — Ехидно сказал мне вслед Мелифаро. — Всегда приподнятое настроение, и все такое...

— Тебе виднее, поэтому верю на слово, — беззаботно усмехнулся я и прибавил шагу, чтобы оставить за собой последнее слово — пустячок, а приятно!

По дороге меня то и дело настигали вопли газетчиков: "Выдумщик Йонги вставал с дивана только для того, чтобы выйти в соседний трактир!" — печальное свидетельство поражения сэра Джуффина в первом туре информационной войны. Честно говоря, это немного портило мое настроение, робко приподнявшееся после беседы с Мелифаро.

Дома меня ждала совершенно счастливая по поводу внезапных каникул Меламори. Все остальные ведьмочки куда-то тактично подевались — очень мило с их стороны!

— Как вам понравилось самостоятельно гулять Темным Путем, леди? — С улыбкой спросил я.

— Ничего особенного, — она легкомысленно отмахнулась, — оказалось, что это очень просто, даже проще, чем путешествовать на конце чужого следа... правда, бедняжка Хелви все время застревала в какой-то таинственной "темной щели" между реальностью и своим представлением о реальности: она ужасно мечтательная! А леди Сотофа ее оттуда каким-то образом выуживала, и все начиналось сначала... Но в конце концов, даже она справилась. Леди Сотофа — это просто чудо какое-то, рядом с ней все становится сущим пустяком... Да что ты меня расспрашиваешь, уж ты-то сам по Темным Путям не одну пару сапог истоптал! Лучше расскажи мне, что там у вас происходит.

сомкнуть глаза после почти бессонной ночи. Но вместо этого мне стало немного не по себе: у нас творилось черт знает что, а я ничем не мог помочь — если честно, я уже давно отвык чувствовать себя беспомощным и бесполезным, скорее уж наоборот!

— Между прочим, мне некуда идти, — обиженно сказал я, — в Мохнatom Доме беснуются ведьмы... — я вовремя замолчал, поскольку сообщать сэру Рогро, что в моей квартире на улице Старых монеток в данный момент сидят Его Величество Гуриг VIII и старшина портовых нищих, пожалуй все-таки не стоило...

— Ну хоть ты не ной, — невесело усмехнулся Джуффин — в этом деле сейчас жестокая конкуренция, мальчик! — Он сочувственно улыбнулся — видимо, мои незамысловатые мысли о собственной бесполезности не были для него тайной — и доверительно сообщил: . — Твои ведьмы больше не "беснуются". Они благополучно завершили свое черное дело и отправились на покой. А леди Меламори осталась ждать утомленного героя, она даже прислала мне зов и спросила, не знаю ли я, где валяется твое спящее тело — не решилась тебя беспокоить, поскольку была уверена, что ты благополучно дрыхнешь. Я все взвесил и решил сделать ей небольшой подарок — вместо ежегодной Королевской награды за безупречную службу. Так что вперед, счастливчик!

— Да? — Обрадовался я. — Ну это меняет дело!

— Вот и ступай, пока я не передумал, — Проворчал Джуффин. Потом неожиданно перешел на Безмолвную речь и добавил: "Постарайся к ночи быть в хорошей форме — может пригодиться!"

"У нас что-то намечается?" — Оживился я. Шеф не удостоил меня ответом.

— Все, кыш с глаз моих! — Вслух сказал он.

Я встал и пошел к двери. Сэр Рогро так и не отреагировал на мое присутствие. Уже задним числом я понял, что ему была чертовски неприятна наша встреча: такому гордому человеку явно не требовался лишний свидетель его профессионального позора.

— Макс, может быть хоть ты мне что-то объяснишь? — Мелифаро подстерегал меня в коридоре, как кот мышку, так что я угодил прямо в его хищные лапы. — Не молчи, чудовище! — Жалобно сказал он. — У меня сердце не на месте. Что у нас творится? Эта дурацкая книга... Неужели Йонги написал правду? В таком случае, половина жителей столицы по уши в дерьме, а глубже всех увязли Его Величество и наш шеф... Макс, что происходит? Шурф, Меламори и Нумминорих так и не явились на службу. Я посылал им зов, все они дружно говорят, что Джуффин велел им сидеть дома, и никуда не высовываться. Как сговорились... Или он и правда велел им сидеть дома? Но почему?.. Я пытался побеседовать с Кофой, но он отвечает только одно: "потом, потом!" — видимо, мои расспросы мешают ему спокойно набивать брюхо в очередном трактире. Ну, Луукфи, святой человек, сидит в своем архиве и в ус не дует — он, кажется, вообще не в курсе, что у нас что-то стряслось... Дырку над тобой в небе, чудовище а ты-то чего молчишь?

— Я молчу потому, что ты орешь так, что слово вставить невозможно, — улыбнулся я. — Не паникуй, ладно? И не дави на меня. Я сам ничего не понимаю, ты доволен?

— Врешь, небось, — сердито сказал Мелифаро.

— Могу принести любую клятву, по твоему выбору, — фыркнул я.

— А вы верите в загробную жизнь? — Осторожно спросил я.

Джуффин нахмурился. Потом вдруг поинтересовался:

— А почему мы никуда не едем, Макс?

— Не знаю, — растерянно сказал я, — я забыл, что надо куда-то ехать... Между прочим, я почти не спал этой ночью!

— Поехали, поехали, в Дом у Моста скоро заявится грозный сэр Багуда Малдахан. Будешь прикрывать меня своей Мантией Смерти — он с тобой до сих пор не знаком, а посему побаивается.

— Приятно слышать, — улыбнулся я.

И мы наконец-то поехали. В начале улицы Медных горшков энергично подпрыгивала на месте хрупкая рыжеволосая девочка-подросток, трогательно похожая на Меламори, что вызвало у меня тяжелый приступ несвоевременного умиления. Это эльфическое существо с энтузиазмом размахивало толстой кипой газет и радостным криком оповещало прохожих, что они могут стать счастливыми обладателями экстренных выпусков "Королевского голоса" и "Суеты Ехо".

— Брат Йонги Мелихаиса рассказывает о его жизни! Выдумщик Йонги вставал с дивана только для того, чтобы выйти в соседний трактир! — Весело кричала девочка. Джуффин поморщился.

— Ну, насчет того, что он не вставал с дивана — это перебор. Вставал, и еще как! Такое откровенное вранье — хуже, чем вообще ничего. Сэр Рогро такой опытный журналист, но иногда перегибает палку, как мальчишка! Да и Донди хорош: такую чушь брякнул с перепугу... Дондика, между прочим, Йонги тоже сдал. Что-то они там крутили с казной Управления... Свинство, по-моему!

— Конечно, свинство — родного брата заложить ради красного словца! — Фыркнул я. И снова спросил:

— Так вы верите в загробную жизнь, Джуффин?

— Я не очень понимаю, как можно верить или не верить в то, о чем знаешь, — неохотно сказал он.

Я опешил, и чуть было не врезался в толстенное дерево вахари у входа в Управление Полного Порядка. Впрочем, в последний момент мне все же удалось исправить положение.

— Приехали, — растерянно констатировал я. — Так вы ЗНАЕТЕ?

— Да, — флегматично кивнул Джуффин. — А чему ты, собственно, так удивляешься? Жизнь после смерти возможна, но не для всех, и это не слишком похоже на жизнь — если только не похоронить себя в Харумбе... А почему тебя это так заинтересовало?

— Не для всех — это как? И что это за Харумба такая? Где она? — Я так разволновался, что у меня в глазах потемнело.

— Не для всех — значит не для всех, — спокойно сказал Джуффин. — Это очень тонкий вопрос, Макс. Однозначного ответа на него не существует, а уж ответа, который мог бы тебе понравиться — и подавно... А Харумба — это город мертвых на Уандуке, теплое местечко для желающих любой ценой продлить свое существование. Я тебе потом расскажу, ладно? Это долгая история, Макс. И довольно печальная... А сейчас объясни: почему ты задал мне вопрос о загробной жизни в связи с Йонги? Ты что, решил, что его можно доставить с того света для публичного покаяния?

— Ну да, — вздохнул я. — Появляется призрак Йонги Мелихаиса и говорит: "Простите, меня дорогие сограждане, за безвкусную шутку!" Все в обмороке, Магистр Нуффин плачет на груди Его Величества с криком: "Как я мог плохо о вас подумать?" — после чего проделывает ту же операцию с вашей грудью. Сэр Багуда Малдахан с чистым сердцем отпускает из Холоми всех йонгиных "подельников". Все танцуют... Глупость, да?

— Это не просто глупость, это идиотизм высшей пробы, Макс, совершенно в твоём духе, — улыбнулся Джуффин. — Самая кошмарная из твоих многочисленных безумных идей... И одна из самых соблазнительных! Ладно, пошли в Управление, раз уж приехали. И помалкивай пока, ладно? Никому ни звука. Даже мыслей в голове не держи — учти, я говорю это совершенно серьёзно! Вернемся к твоему вопросу о загробной жизни несколько позже, или вообще никогда, хорошо?

— Хорошо, — растерянно согласился я. Мне ужасно хотелось вежливо осведомиться, с чего этот шеф напустил на себя таинственность: вообще-то, такой романтический выпендрёж — не его стиль. Но я быстро понял, что с расспросами сейчас к нему лучше не соваться... и вообще лучше действовать по программе: "сидеть, молчать, бояться".

— А, попались, господа заговорщики! — Восхищенно завопил Мелифаро, пулей вылетая нам навстречу. — Сэр Джуффин, я перед вами преклоняюсь! — С пафосом заявил он. — Примите меня в ваш клуб любителей Магистра Нуфлина! Я не подведу: у меня все предки по отцовской линии были заговорщиками.

— Знаю, — ворчливо сказал Джуффин, — сам их ловил... Что, ты уже ознакомился с бессмертным творением Йонги Мелихаиса? От души тебя с этим поздравляю! Ты пока притормози со своими шуточками, мальчик. Я уже перестал их понимать, а если так и дальше пойдет, я скоро начну сердиться как последний дурак!

— Не начнете! — Оптимистически пообещал ему Мелифаро. — Вы переоцениваете свои возможности.

— Или ты их недооцениваешь, — Джуффин наградил его таким грозным взглядом, что Мелифаро тут же проглотил свою разгильдяйскую улыбочку и поспешно скрылся в собственном кабинете.

К моему величайшему удивлению, в нашем кабинете сидел не обещанный сэр Багуда Малдахан — Начальник Канцелярии Скорой Расправы, с которым мне до сих пор так и не посчастливилось познакомиться лично, а мой старый приятель Рогро Жииль, издатель и главный редактор "Королевского голоса", а заодно — настоящий владелец "Суеты Ехо" (о чем знают очень немногие), одним словом — единственный и неповторимый хозяин наших немногочисленных "средств массовой информации". Сегодня он против обыкновения казался мрачным и каким-то взъерошенным, словно его только что разбудили.

— Ага, вот и вы, легки на помине, — хмуро кивнул ему Джуффин. — Что же это вы так напортачили со своим специальным выпуском, дружище? Лучше бы вообще ничего не делали

— Вы уже читали? — Упавшим голосом спросил сэр Рогро. Меня он, кажется, вовсе не заметил — по крайней мере, даже не поздоровался.

— Слышал, что орет на углу девчонка-газетчица, мне этого хватило, — буркнул Джуффин. — Что это с вами случилось, Рогро? Вы же столько собак в нашем деле

съели...

— А вот на этой шавке подавился! — Вздохнул он. — Я, собственно, потому и пришел... Скажите, только честно, сэр Халли: вы действительно верите, что я мог допустить такой ляп?

— Я верю фактам, — пожал плечами Джуффин. — Да не переживайте вы так, Рогро — с кем не бывает! Я не буду откусывать вам голову, и вообще... Через пару дней я даже наверное буду способен посмеяться над этой дурацкой фразой: "Йонги Мелихаис не вставал с дивана..." А кто, в таком случае, целыми днями носился по Ехо, как в зад ужаленный, и умудрялся быть завсегдатаем в сорока трактирах одновременно?! Его Тень — так, что ли?... Ладно, что сделано, то сделано, чего теперь локти кусать!

— Я переживаю, потому что это не мой ляп, — сердито сказал Рогро. — Был бы мой — я бы сегодня же ушел в отставку и не позорился. Знаете, кому мы должны сказать спасибо?

— Кому? — Брови Джуффина удивленно поползли вверх.

— Угадайте! — Буркнул сэр Рогро. — В этом Мире есть только одно существо, которое позволяет себе хозяйничать в моем кабинете...

— Леди Эльна Фаннах, — понимающе протянул Джуффин. И сочувственно кивнул:

— Не повезло вам, дружище! Нам всем не повезло... Но как это могло случиться?

— Я отдал распоряжение спешно подготовить экстренный выпуск "Королевского голоса", — неохотно сообщил сэр Рогро. — Сказал, что буду в редакции за два часа до полудня, сам поправлю текст, и только после этого его можно отдавать в набор... Я знаю своих людей, и был уверен, что у полудня у нас все будет готово, как мы с Кофой и договаривались. После я отправился домой и прилег на пару часов: я не спал больше суток, а после бальзама Кахара работник из меня никакой, так что лучше и не пробовать... Пока я спал, в редакцию заявила эта дурища, Эльна. Просмотрела гениальное творение идиота Йофлы Дбабы — он редкостный дурак, но верный человек, как большинство дураков, поэтому я его и выбрал для интервью с Донди... Можете себе представить, что было дальше: Эльна заявила, что все написано хорошо, просто замечательно, так что нечего терять время, можно отправлять в типографию. А все в редакции знают, что она — глаза Короля... Одним словом, за два часа до полудня, когда я приехал в редакцию, газеты, еще тепленькие, уже продавались на улицах... Я, конечно, уволю Йофлу и еще десяток умников, но кому от этого легче!

— Эльна что-то совсем обнаглела, — задумчиво сказал Джуффин. — Так некстати! Могла бы подождать еще пару дней... Однажды она нарвется, Рогро, это я вам обещаю!

Я только открыл было рот, чтобы спросить, кто такая эта некстати обнаглевшая леди Эльна, и с какой такой радости она считается "глазами Короля" и хозяйничает в кабинете сэра Рогро, как вдруг Джуффин посмотрел на меня так, словно пытался вспомнить, кто я такой и откуда взялся, и решительно заявил:

— Ступай-ка ты домой, сэр Макс. Все равно ты мне сейчас ничем не поможешь — чего зря скабу протирать по казенной мебели!

Я опешил. Вообще-то мне следовало обрадоваться: мне так и не удалось

со мной происходит. Сейчас я понимаю, что висел на волоске: еще немного, и веселое слабоумное существо, которым я стал, растворилось бы в этой бесконечности, как кусок сахара в невероятно огромной кружке с горячим черным кофе. Но потом сработал некий часовой механизм, я даже явственно услышал тихий сухой щелчок, и сразу вспомнил, что должен... что должен что-то вспомнить. Но вот что именно — я понятия не имел! Потом откуда-то из темноты пришли бессмысленные, но четкие фразы: "я — Тайный сыщик", "я — федеральный агент", "я — полицейский", "я — коп". Я ухватился за слово "коп" — оно было таким же непонятным, как все прочие, но самым коротким. "Что такое "коп"? — спросил я сам себя, не слишком рассчитывая получить ответ — думаю, тут сработала моя дурацкая привычка говорить с самим собой. На сей раз она оказалась полезной. Через мгновение из тинистых глубин ассоциативной памяти медленно выплыл образ большого грубого человека с пистолетом, приставленным к голове другого человека, тоже грубого, но не такого большого и гораздо более беспомощного.

— Точно! — я так обрадовался, что заговорил вслух, хотя до сих пор был уверен, что мне не нравится говорить вслух. — Я — коп с большим пистолетом, и должен арестовать преступника по имени Йонги Мелихаис, а для этого я должен оказаться у его дверей. Я хочу найти Йонги Мелихаиса!

Все оказалось просто — действительно очень просто! Бесконечность, окружающая меня, еще какое-то время оставалась бесконечностью, но ее качество понемногу менялось: Коридор между Мирами все больше походил на некое "что-то", какое-то более-менее сформированное пространство, а потом я понял, что стою перед самой настоящей дверью... вернее, это было похоже на вход в пещеру, задрапированный темнотой, напоминающей плотный черный шелк, впрочем, уже через мгновение передо мной была тяжелая металлическая дверь, потом она превратилась в гигантскую форточку, хлопающую на ветру, а потом — в хлипкую дверцу пляжной раздевалки. Изображения менялись с угрожающей скоростью, но к счастью, мне не было никакого дела, как выглядит эта треклятая дверь. У меня была проблема посерьезнее: волна перемен, захлестнувших пространство, задела и меня, так что теперь я снова мучительно вспоминал, зачем сюда пришел, и что мне следует сделать. Наконец я кое-как вспомнил, и с идиотским криком: "Я — робот-полицейский" — ворвался в эту грешную дверь, даже не обратив внимание, как именно она выглядела в это мгновение.

Зрелище, которое ожидало меня за дверью, не вызвало никакого удивления у нечеловечески мудрого и в то же время невероятно простодушного существа, глазами которого я смотрел на окружающий мир. Удивлялся я уже задним числом, гораздо позже, когда волнения остались позади, а моя память начала нерешительно подклеивать к невнятной общей картине случившегося некоторые экзотические подробности моего невероятного странствия.

Какая-то часть пространства была похожа на огромную роскошно обставленную комнату с большим бассейном в центре. На краю бассейна сидел пожилой человек в ярко-голубом банном халате — крупный, но не столько толстый, сколько ширококостный. У него было обаятельное лицо карточного шулера, обрамленное аккуратной белоснежной бородкой. Кроме него там были еще двое пожилых мужчин, один из них делал толстяку педикюр на левой ноге, другой занимался правой. Очаровательная подробность, которая скрасила мою жизнь уже гораздо

Удивленно спросил я. — Неужели только мигрени несчастного Багуды Малдахана?

— И это тоже... — рассеянно сказал Джуффин, — да Магистры с ним, с Багудой! Сейчас все, что так беспокоило меня утром, кажется мне сущим пустяком...

— Вы меня пугаете, — я еще пытался хорохориться, но мое глупенькое сердце учащенно забилось, и даже второе, мудрое и равнодушное ко всему, вдруг едва заметно сжалось от смутных предчувствий.

— Не-а, — отчаянно зевнул Джуффин, — еще и не начинал!

— Не тяните, — жалобно попросил я, — скажите сразу как есть, и все...

— А я и говорю как есть, — вздохнул он. — Все наши утренние проблемы перестали быть актуальными, поскольку население Ехо весьма неадекватно отреагировало на душещипательные воспоминания Йонги... Или наоборот, чересчур адекватно. Одним словом, наши славные граждане вдруг решили, что Тайный Сыск — не такая серьезная организация, как им всегда казалось: если уж увалень Йонги столько лет водил нас за нос. А если учесть, что я сам все эти годы состоял в какой-то подозрительной тайной организации...

— И что? — недоумевающе спросил я. — Мало ли, что они там себе думают! Через дюжину дней они наглядно убедятся в обратном, закинут мемуары сэра Йонги на свои чердаки, и...

— Все это верно, — перебил меня Джуффин. — Беда в том, что у нас нет этой дюжины дней. Наши замечательные вдохновенные горожане немедленно принялись совершать воистину "бессмертные подвиги". Оказывается, Кодекс Хрембера достал их куда больше, чем я предполагал. И теперь, воодушевленные откровениями человека, умудрившегося не раз нарушить Кодекс и остаться безнаказанным, они решили рискнуть, потряхнуть стариной и хорошенько развлечься. Пока вы с леди Меламори наслаждались жизнью, мы с ребятами арестовали добрых три дюжины таких колдунов-любителей. И остановились не потому, что горожане утомнились — если бы они утомнились, меня бы не трясло каждые две минуты! — а только потому, что зверски устали.

— Надо было позвать нас на помощь, — смущенно сказал я.

— Да я не к тому, Макс, — вздохнул шеф, — вы еще успеете наработать, какая, к темным Магистрам, разница, когда начать? Дело даже не в том, чтобы арестовать всех этих идиотов: в сущности, они чудят не корысти ради, а в результате тяжелого опьянения воздухом свободы... Что они вытворяют, если бы ты знал! По сравнению с этим кошмаром подвиги детишек из Клуба Дубовых Листьев — вершина мудрости и расчетливой осторожности. По улицам ползают разноцветные драконы без крыльев, над Холоми видели гигантского голубя с лицом генерала Бубуты, воды Хурана меняют цвет каждые две минуты... Ты ничего не заметил, когда ехал в Дом у Моста?

Я смущенно помотал головой. Во-первых, я гнал, как сумасшедший, во-вторых, рядом со мной сидела леди Меламори, и я то и дело восхищенно косился на ее тонкий профиль, а в-третьих — стыдно признаться, но моя несчастная голова весь вечер усиленно пыталась переварить горячие новости о личной жизни Его Величества Гурига VIII. Думать о других вещах она решительно отказывалась.

— Ну да, — насмешливо кивнул Джуффин, — ты живешь как во сне, и чем дальше — тем крепче засыпаешь. Думаю, даже если бы в Ехо ворвалась армия

черноголовых чангайцев, ты бы спокойно явился на службу и зевая спросил бы, что у нас новенького и куда подевались вечерние газеты... Поэтому тебе придется поверить мне на слово: в городе творится черт знает что! Люди истосковались по чудесам. Не настолько, чтобы положить жизнь на изучение Истинной магии, конечно. Люди от природы ленивы, сэр Макс, и это гораздо страшнее, чем кажется поначалу. Им хочется, "как проще", все сейчас, и желательно — задаром. А знаменитая Угуландская магия словно специально создана для мечтательных лентяев! Наши горожане все эти годы тосковали по "старым добрым временам" и по легким чудесам, за которые их не наказывали чудаковатые злодеи из Тайного Сыска, так что теперь они как с цепи сорвались. В те времена, когда магия не находилась под запретом, ничего такого на улицах Ехо обычно не творилось... ну разве что, если в городе появлялась подвыпившая компания новоиспеченных младших Магистров из провинциальной резиденции какого-нибудь грозного Ордена...

— Ну, наверное, все не так страшно, — осторожно сказал я, — нам, конечно, придется побегать, и ваше самочувствие будет не слишком хорошим в ближайшие несколько дней. Но горожане быстро подсчитают, какое количество их соседей получило уютные комнатки в Холоми, убедятся, что Тайным Сыском по-прежнему можно пугать детей, и угомонятся. Разве я не прав?

— Ты прав, Макс, — печально ухмыльнулся Джуффин, — ставлю тебе пятерку с плюсом, можешь гордиться своим глубоким знанием человеческой психологии. Но проблема в том, что мы не можем позволить себе роскошь ждать, пока они угомонятся. У нас нет нескольких дней — вот в чем беда!

— Почему у нас нет нескольких дней? — Тихо спросил я, с отвращением отмечая, что в моем голосе появились пронзительные истерические нотки. В глубине души я уже знал ответ — и не желал извлекать его на поверхность, поскольку он совершенно меня не устраивал.

— Ты ведь помнишь, я рассказывал тебе, почему понадобился Кодекс Хрембера? — Мягко спросил мой шеф. — Если бы все дело было в амбициях Магистра Нуфлина, я бы не играл на его стороне, можешь мне поверить! И не дал бы приковать себя к креслу Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска: уверяю тебя, в этом прекрасном Мире есть великое множество куда более захватывающих приключений, чем надзор за порядком в столице Соединенного Королевства, я уже не говорю о том, что во Вселенной имеется неприлично большая куча других Миров, куда более привлекательных, на мой вкус, а я всегда был непоседой... Одним словом, я до сих пор играю в эту игру потому, что знаю, какова ставка. Кодекс Хрембера был принят вовремя... почти вовремя, даже немного позже, чем следовало. С тех пор все держится на волоске. Слишком много неразумных чудес творили буйноголовые колдуны в Сердце Мира на протяжении тысячелетий. Зря, конечно, Халла Махун основал здесь столицу... впрочем, это уже никто изменить не в силах. Я ведь говорил тебе, что от избытка чудес наш Мир может рухнуть? Ну так вот, этот исторический момент не за горами. Если мы не прекратим это безобразие в течение суток... Максимум нам осталось два дня, если очень повезет, но никак не больше! Уже появились первые признаки конца. Дух Холоми проснулся, но он не хочет плясать, как обычно, а бесшумно бродит по пустым коридорам и пугает несчастных узников жалобными причитаниями. Так уже было однажды, за несколько часов до окончания войны за Кодекс, но тогда мы управились вовремя...

любому зрелищу. Впрочем, тогда я не обратил на них внимания: слова Джуффина о том, что главное — это совершить путешествие, не отвлекаясь на пустяки, прочно засели в моей голове.

Существу, в которое я превратился, дом на улице Старых Монеток понравился ничуть не меньше, чем он всегда нравился старому доброму Максусу.

— Мое место! — Удовлетворенно сообщил я Джуффину, переступая порог своей старой квартиры.

— Твое, чье ж еще, — согласился он. — Ну что, пришла пора отправляться в путь? Главное — не забудь...

— Я помню: я — полицейский, я должен арестовать Йонги Мелихаиса и привести его к тебе, — откликнулся я. Мне не нравились эти разговоры, мне хотелось действовать — это не было осознанным желанием, а ощущалось как не слишком болезненный, но раздражающий зуд во всем теле, словно я целый день провалялся на пляже и получил не слишком сильный солнечный ожог.

— Главное — не забудь, что ты должен вернуться не позже, чем на рассвете, — твердо сказал Джуффин. — Если ты опоздаешь, этот Мир погибнет, да и ты сам вряд ли останешься в живых. Мое заклинание будет действовать не так уж долго, а когда чары рассеются, ты — вы оба! — станете самыми беспомощными существами во Вселенной. Поэтому ты должен спешить!

Я не очень хорошо понимал его речь: слишком много слов, слишком быстрый темп! Но я безошибочно ощутил перемену в его настроении: теперь он говорил со мной властно, как будто был моим хозяином, а я — его слугой, и грозил мне смертью, в которую мне сейчас было трудно поверить. Мне это очень не нравилось, но я откуда-то знал, что ему можно говорить со мной как он пожелает, потому что... вот почему — этого я не знал, поскольку мне не было никакого дела до причин и следствий: мое новое мышление не было приспособлено к искусственной человеческой логике.

— Я вернусь быстро. — Коротко сказал я. — Я тоже хочу, чтобы все было быстро.

— Вот и славно. Обычно тот, кто отправляется в странствие через Коридор между Мирами, не властен над капризами тамошнего времени, но ты сумеешь потребовать свое.

Джуффин замолчал. Я понял, что слов больше не будет, потому что все необходимое уже сказано, и отправился наверх. Моя личная Дверь в Коридор между Мирами была распахнута именно там, в моей бывшей спальне. Обычно мне было достаточно там заснуть, чтобы попасть в это невероятное место, но сегодня я твердо знал, что засыпать не понадобится — достаточно войти. Боковым зрением я заметил свое отражение в зеркале в гостиной. Мне понравилось собственное мускулистое тело и мохнатая морда зверя — в этом облике присутствовала сила, переполнявшая существо, которым я стал.

Я не удержался от искушения и преодолел лестницу, ведущую в спальню одним длинным прыжком, а приземлившись тихо зарычал от наслаждения, но не стал повторять прыжок, а распахнул дверь, за порогом которой была не спальня, а абсолютная пустота Хумгата — непроницаемо темная и сияющая одновременно. Меня переполнило чувство абсолютного восхищения этой бесконечностью, так что в течение какого-то времени я окончательно перестал соображать, кто я такой, и что

Эта фраза предназначалась не мне, а ярко-алому силуэту, возникшему перед нами. Его цвет вызвал у меня легкое раздражение, но потом я узнал его и сразу успокоился. Какая-то часть меня помнила, что этот человек — друг, хотя сейчас он вел себя не как друг: он стоял неподвижно, и не говорил ни слова, но от него исходили такие мощные волны тревоги и беспокойства, что мне захотелось зарычать. Несколько угрожающих хриплых звуков вырвались из моего горла, но потом я заставил себя замолчать. Мне пришлось лечь на землю, прикрыв голову руками — этого нехитрого маневра оказалось вполне достаточно, чтобы чужое беспокойство перестало причинять мне неудобство. Более того, в этой позе я почувствовал себя настолько хорошо, что мне захотелось полежать так подольше. Откуда-то издалека до меня донеслась торопливая сбивчивая речь — я так и не разобрал, о чем он говорит, только одно слово "Макс" заставило меня сладко вздрогнуть — оно имело ко мне какое-то отношение, и я почему-то пришел в восторг от этого сочетания звуков — а потом услышал голос Джуффина и даже понял все слова до единого.

— Потом, сэр Мелифаро, все потом. А сейчас брысь отсюда! Все будет хорошо, обещаю.

Через несколько секунд я почувствовал, что мы снова остались одни, и поднялся с пола — одним легким порывистым движением. Джуффин смотрел на меня с улыбкой, а в его настроении можно было купаться как в океане: оно казалось доброжелательным, спокойным, теплым и в то же время прохладным — сочетание, возможное только когда речь идет о воде.

— Ты похож на воду, — тут же сообщил ему я.

— Правда? — С искренним интересом переспросил он. — Ладно, пошли, путь свободен. А ты — молодец. Быстро нашел способ успокоиться. Да уж, когда ты начал рычать на беднягу Мелифаро, я подумал, что всем хана! И он тоже так подумал...

— Он друг, но он мешал. Убить нельзя, терпеть — трудно, — коротко объяснил я.

— Хорошо сказано, — усмехнулся Джуффин, — а теперь идем.

На улице у нас возникла небольшая заминка: я наотрез отказался залезать в амобилер. Почему-то мне очень не понравились эти странные сооружения на колесах, и переубедить меня оказалось невозможно.

— Хочу бежать! — Упрямо заявил я.

— Ладно, как скажешь, — согласился Джуффин. — Кто бы мог подумать: это же твоя любимая игрушка! Да и Друппи тоже любил кататься...

Я так и не понял, о чем он говорит, нетерпеливо мотнул головой и длинными скользящими прыжками бросился бежать по улице Медных горшков — не то чтобы я помнил адрес, но я ЗНАЛ, куда мне нужно. Джуффин перебросил через руку длинные полы своего серебристого лоохи и припустил за мной. Надо отдать должное моему шефу: он не отставал от меня ни на шаг, а это было непросто, я полагаю... Мы бежали по узким улицам Старого Города — теперь я примерно представляю, как это могло выглядеть со стороны — и хвала Магистрам, что в эту ночь жители Ехо всю куролесили с Запретной Магией, в противном случае, знахарям пришлось бы хорошо поработать, приводя в чувство нескольких одиноких прохожих, встретившихся на нашем пути! К счастью, сегодня, они были готовы к

А полчаса назад Нуфлин прислал мне зов и сказал, что Камень Судьбы в самом глубоком подвале Иафаха покрылся липкой влагой, похожей на пот больного — легенды гласят, что перед самым концом, он начнет сочиться кровью. Наш посол в Куманском Халифате прислал зов и сообщил, что небо над Уандуком теряет свой алый оттенок, и это — дурной знак! Если так пойдет дальше, уже завтра исчезнут тени: сначала тени людей и животных, а потом и все остальные, и это будет означать, что исправить что-либо невозможно, а потом... Никто не знает, что будет потом, скорее всего наш Мир исчезнет в одно мгновение, или не исчезнет, а превратится в нечто совсем иное. На сей счет существует масса теорий — совершенно бесполезных, сам понимаешь! — и всего один шанс узнать, как это бывает на самом деле... Не удивительно, что Магистру Нуфлину больше нет никакого дела до наших с Его Величеством мелких заговоров! Он очень хочет с нами помириться — при условии, что у всех нас будет на это время. Но с этим у нас плохо...

— Мир рухнет? — Растерянно спросил я. Глупо улыбнулся и упрямо помотал головой:

— Не верю!

— Самое страшное, что никто в это не верит, — жестко сказал Джуффин. — Есть несколько посвященных, которые ЗНАЮТ. И все. Именно поэтому совершенно бесполезно просить наших горожан немедленно прекратить колдовать. Они воспримут это как признак нашей слабости, и разойдутся еще пуще.

— И что мы можем сделать, в таком случае? — Мой голос был чужим и каким-то бесцветным, словно я говорил под наркозом.

— Самым разумным решением было бы открыть Дверь в Коридор между Мирами, и уже оттуда полюбоваться финалом, — сухо сказал Джуффин, — я могу это сделать, и ты тоже, и сэр Шурф... пожалуй, нашего могущества хватит, чтобы прихватить с собой еще нескольких дорогих нам людей. Но мне это не нравится. Не было еще такого, чтобы я отсиживался в кустах, когда можно ввязаться в безнадежную драку...

— Мне это тоже не нравится, хотя в кустах я чувствую себя гораздо лучше, чем на ринге, — слабо улыбнулся я. — А это все, что мы можем сделать, Джуффин?

— Есть еще варианты, — мягко сказал он. — Например, немедленно ввести смертную казнь за любое нарушение Кодекса Хрембера — на какое-то время. После этого мир вокруг нас станет отвратительным местом, но он уцелеет, поскольку охотников рисковать своей жизнью куда меньше, чем горе-храбрецов, готовых в случае чего провести дюжину лет в Холоми и вернуться оттуда героями. А потом можно будет отменить строгие меры, отправить в отставку виновника — например, меня, и это было бы самым щедрым подарком моей скуповатой судьбы — и подождать пару дюжин лет, пока все станет как прежде — не так уж долго...

— Мне это тоже не нравится, — печально сказал я, — здорово не нравится! Свинство какое-то получится...

— Это правда, — спокойно согласился Джуффин, — вопрос лишь в том, насколько мы хотим сохранить наш Мир. По-моему, в таком деле все средства хороши. К сожалению, Его Величество и Магистр Нуфлин тоже категорически против смертной казни. Я дал им время подумать — до утра, но я не верю, что они решатся на такой поступок. Нуфлин боится, что на Орден Семилистника обрушится

такая волна ненависти, что ему уже никогда не удастся восстановить свое былое могущество: Нуфлин ведь уже очень старый человек, и его сердце не слишком трепещет, услышав слово "конец"... А Гуригу просто жалко людей, к тому же он наивно надеется, что конец Мира может как-то "отмениться": в самый последний момент произойдет какое-нибудь сокрушительное чудо, появится король Мёнин, или Ульвиар Безликий, или еще какой-нибудь оживший миф с волшебным мечом наперевес, и всех спасет, как в старой доброй сказке... Все-таки он еще очень молодой, почти как ты! Ты ведь тоже до сих пор веришь в доброго дядю, признайся, Макс?

— Нет, — я печально помотал головой, — уже не верю. С тех пор, как мне самому довелось побыть таким "добрым дядей", в которого все верят... Я знаю цену человеческой надежде, Джуффин. И я знаю, почему наш с вами приятель Махи все время твердил, что надежда — глупое чувство.

— Значит, ты мудрее, чем я думал, — усмехнулся Джуффин, — что ж, хорошо. Тебе еще пригодится эта нехитрая мудрость. В этом Мире, или в каком-то другом, но пригодится непременно.

— Слушайте, но если в Ехо все-таки появится Йонги? — Спросил я. — Я имею в виду вот что: мы будем работать всю ночь, арестуем виноватых, и вообще всех, кто под горячую руку подвернется, одним словом, в очередной раз докажем всем и каждому, что мы — очень страшные ребята, а потом утром появится мертвый Йонги и замогильным голосом покается перед своими согражданами: дескать, простите, что ввел вас в искушение... и еще попросит Короля, Магистра Нуфлина и Багуду Малдахана простить виновных, поскольку виноват только он, и его дурацкие мемуары...

— Ну хорошо, и как ты представляешь себе возвращение Йонги? — Сурово спросил Джуффин. — Я уже знаю, что ты умеешь оживлять мертвецов, а потом они делают все, что ты им прикажешь... И не только я, об этом, хвала Магистрам, давным-давно проинформировано все население Ехо. Думаешь, на фоне этого знания, признания трупа Йонги прозвучат убедительно?

— Поэтому нам нужен не труп, а настоящий Йонги, — нетерпеливо сказал я, — его душа, или как это называется... одним словом, то, что от него осталось, если от человека действительно хоть что-то остается после смерти. Вы же сами сказали, что так иногда бывает... Думаете, я из любопытства вас сегодня днем расспрашивал?

— С тебя стало бы... Да я уже понял, что не из любопытства, — вздохнул мой шеф, — а толку-то? Никто не знает, каким именно образом продолжают свое существование те немногочисленные счастливицы, для которых смерть — не конец, а всего лишь новый поворот... У меня даже нет никаких гарантий, что Йонги — один из них, хотя в глубине души я почти уверен, что ему все-таки удалось выкрутиться: он всегда умел устроиться, надо отдать ему должное! Но у меня есть плохая новость для тебя, сэр Макс: я сам никогда прежде не пробовал отправиться за Порог, чтобы привести оттуда существо, считающееся мертвым. И я не знаю никого, кому это удавалось. Правда я, как ни странно, знаю, с какого конца братья за это дело. Хвала Магистрам, у меня был очень предусмотрительный наставник.

— Махи, да? — Невольно улыбнулся я

— Ну да, кто же еще стал бы на полном серьезе рассказывать несмышленому кеттарийскому пареню, что тот, кто вознамерился переплести свой путь с тропами

в руках, ладно?

— Ладно. Только я хочу быстро. — Потребовал я.

— Хорошо, быстро так быстро, — невозмутимо согласился Джуффин. Он не стал вытворять никаких чудес с мгновенным перемещением в пространстве, а просто побежал вверх, перепрыгивая через несколько ступенек и почти не касаясь ногами земли, с удивительной, невероятной, совершенно невозможной для живого организма скоростью. Я бросился вслед за ним, и совершив несколько длинных прыжков, понял, что такой стремительный бег вверх доставляет мне почти столь же острое удовольствие, как давешний полет.

— Хорошо, — коротко сказал я, когда мы остановились. — Давай дальше!

— Сейчас, — мягко согласился Джуффин, — но сначала скажи мне: ты помнишь, кто ты и что должен сделать?

— Я — федеральный агент, и мне нужно задержать преступника, — скороговоркой отбарабанил я свою нехитрую мантру.

— Хорошо, молодец, — улыбнулся он. — Но это еще не все, правда? Ты помнишь, кем ты был прежде?

Его слова причинили мне какое-то мучительное, почти физическое неудобство. В глубине меня зашевелились смутные воспоминания, они грозили разрушить мою новообретенную целостность, ощущать которую было неопишимо приятно. Я был готов разозлиться, но почему-то не мог злиться на Джуффина.

— Я не хочу, — недовольно сказал я, — это потом. Сначала прогулка. Мне надо арестовать преступника по имени Йонги Мелихаис и привести его сюда. Я это помню — чего тебе еще?

— Достаточно, — вздохнул он, — я только хотел напомнить тебе, что нам предстоит идти через Дом у Моста, а потом еще и по улице. На пути нам могут встретиться люди. Некоторые из них могут повести себя так, что тебе это не понравится... Постарайся не причинять им вред, ладно? Помни: ничего не имеет значения кроме предстоящего тебе путешествия.

— Я не буду охотиться. Я не люблю есть людей, — лаконично сообщил я. Звуки его смеха показались мне удивительно неприятными — словно они царапали воздух вокруг моей головы, нежный и чувствительный к любому прикосновению, как кожа на пятках. Но я не рассердился: я чувствовал, что он не намеренно причиняет мне это неудобство.

— Ну если так — пошли, — наконец сказал Джуффин.

Коридор Управления Полного Порядка мне очень понравился: он был полон дразнящих человеческих запахов и смутных воспоминаний о чем-то хорошем, что много раз случилось со мной в этих стенах — я не стал уточнять, что именно со мной здесь происходило, мне было вполне достаточно общего ощущения чего-то теплого и уютного. Правда бродили здесь и другие воспоминания: о чужих страхах, боли, ненависти и смерти, но меня они даже приятно возбуждали.

— Здесь много убивали, — сообщил я Джуффину. Существо, которым я стал, решило сделать подарок своему другу: поделиться только что приобретенным знанием. По его представлениям, это было круто.

— Еще бы! — Согласился Джуффин. — Иди сюда, попробуем выйти через потайную дверь — если очень повезет, то никого не встретим... Ох, дырку над тобой в небе, парень, как ты не вовремя!

оказалось возможно, но чертовски утомительно.

— Я понимаю, — медленно произнес я, — и я помню, что надо сделать. Я — Тайный Сыщик. Мне надо уйти в Хумгат и арестовать Йонги Мелихаиса. Я хочу это сделать.

— Я могу тебе помочь, если нужно, — с готовностью откликнулся Джуффин.

— Не нужно, — ответ на это вопрос пришел ко мне сам, я ни на секунду не задумывался над предложением Джуффина, просто откуда-то знал, как все должно быть. — Я уйду сам. Но не отсюда. Это плохое место. У меня есть свое место.

— На улице Старых Монеток?

Признаться, в тот момент слова Джуффина были для меня сущей бессмыслицей, название "улица Старых монеток" не означало для меня ничего. Но я сразу понял, что он знает, о каком месте я говорю. И еще я понял, что он беспокоится — впрочем, беспокойство было слабым, почти неощутимым, да и оно сразу исчезло. Тогда я понятия не имел, что именно его встревожило, и только потом смог оценить железную выдержку своего шефа: если бы я выяснил, что мне предстоит транспортировать с места на место такое неуправляемое страшилище, я бы, пожалуй, просто хлопнулся в обморок — и делайте со мной что хотите!

— Ладно, как скажешь, — невозмутимо кивнул он, — сейчас только ты можешь решать, что делать. Что ж, пошли.

Я все еще был двуногим прямоходящим — это совершенно точно. Поэтому трудностей с передвижением у меня не возникло. Другое дело, что мне быстро надоело подниматься по лестнице. Я не ощущал усталости — какое там, думаю, я смог бы преодолеть несколько дюжин таких же лестниц, и мое новообретенное дыхание осталось бы ровным, но мне стало скучно переставлять ноги со ступеньки на ступеньку. Поэтому я слегка оттолкнулся от земли и совершил нечто, отдаленно напоминающее прыжок. Впрочем, гораздо больше это было похоже на поездку на невидимом лифте: что-то вытянуло меня вверх, так что мне не пришлось задействовать для этого прыжка силу своих мускулов. Этот полет доставил мне такое интенсивное физическое удовольствие, что я тут же отправился обратно вниз — этот опыт почему-то понравился мне немного меньше, к тому же перед моим взором возникло недовольное лицо Джуффина — я сразу понял, что он почему-то на меня сердится.

— Что плохо? — Лаконично осведомился я. Надо отдать должное моему новому состоянию: мне было глубоко наплевать на то, как он ко мне относится, так что я не испытывал никаких психологических проблем в связи с настроением своего шефа — просто оно мешало мне снова взлететь вверх, и мне ужасно хотелось изменить сей факт.

— Плохо, что ты тратишь свою силу на ерунду. Я понимаю, что тебе сейчас очень трудно вести себя разумно и осторожно, но придется — если ты хочешь выжить, — Джуффин по-прежнему говорил со мной хорошо поставленным вкрадчивым голосом великого педагога, или гениального дрессировщика. Надо отдать ему должное: эта манера говорить действительно производила самое благоприятное впечатление на существо, которым я стал.

— Твое путешествие еще не началось, — продолжил он. — Настоящее приключение ждет тебя в Хумгате. Ты сам решил, что отправишься туда из своего любимого места. Поэтому потерпи немного, пока мы туда не добрались. Держи себя

мертвых, не должен отправляться в Хумгат, оставаясь человеком...

— Как это? — Спросил я. — А кем же, в таком случае, надо быть? Мертвецом? Я... даже не знаю, решусь ли я! Скорее нет, чем да... Знаете, я уже постепенно становлюсь сторонником введения смертной казни. Может быть, нам следует запереть в каком-нибудь погребе Нуфлина с Королем и решить сей неприятный вопрос без их участия?

— Не так все страшно, сэр трусишка, — усмехнулся Джуффин, — никто не говорит, что тебе придется становиться покойником... А, кстати, почему ты сразу решил, что отправляться за Йонги придется именно тебе?

— Потому что я привык, что так всегда бывает, — мрачно признался я, — я же у нас специализируюсь исключительно на невозможном! И потом, если уж эта дурацкая идея пришла именно в мою голову... За все надо платить!

— Ты не поверишь, мальчик, но сейчас я, кажется, буду тебя отговаривать, — неожиданно сказал мой шеф, — вот уж не думал, что в один прекрасный день мне придется отговаривать тебя от похвального желания спасти этот смешной, но очаровательный кусочек Вселенной!

— Не надо меня отговаривать, это слишком просто сделать, — вздохнул я, — так что успеется еще. Лучше просто расскажите, чему учил вас этот хитрец Махи... и еще признайтесь: неужели вы действительно ни разу не попробовали применить свои полезные знания на практике? Даже не верится!

— Тем не менее, я еще никогда этого не делал. Видишь ли, до сих пор мне ни разу не припекло как следует. Признаюсь тебе, что мысль о таком путешествии всегда внушала мне непреодолимое отвращение, и даже некоторый страх, поэтому мне требовались серьезные причины — вроде той, что мы имеем сейчас.

— Вы сказали — "непреодолимое отвращение"? Но почему именно отвращение? — С замирающим сердцем спросил я. — Страх, это я еще понимаю...

— Видишь ли, когда Махи говорил мне, что в поисках путей мертвых не следует отправляться в Хумгат, оставаясь человеком, он имел в виду, что для этого путешествия нужно стать чудовищем.

— Ну, если верить сэру Мелифаро, я и есть самое настоящее чудовище, — слабо улыбнулся я.

— Не перебивай меня, ладно? — сухо попросил Джуффин. — Все не так просто, Макс. Это не метафора. Нужно стать самым настоящим чудовищем, то есть, подвергнуть свое тело некоторым радикальным изменениям. Махи говорил, что проще всего — слиться воедино с каким-нибудь животным. Но тут следует быть очень осторожным. Если перепуганный или рассерженный зверь будет противиться такому слиянию, оба погибнут прежде, чем совершится превращение. Поэтому в такую переделку можно пускаться только в компании преданного тебе существа. Мало у кого из людей есть настоящие друзья среди зверей: мы — не слишком дружелюбные твари, и они это чувствуют. Мне, впрочем, повезло: у меня есть Хуф, которого я вполне могу считать своим добрым приятелем. Но Хуф — маленькая собачка. Думаю, существо, которое получится из нас двоих, будет довольно беспомощным...

— А у меня есть Друппи, — обрадовался я, — он большой, сильный и умный. И любит меня, вы же знаете!

— Любит — слабо сказано, он тебя обожает! — Согласился Джуффин. — Да, тут

нам повезло... Подожди, сэр Макс, ты что, действительно собираешься попробовать?

— Наверное, собираюсь, — растерянно кивнул я. — Никак не могу поверить, что все это происходит на самом деле, все время пытаюсь проснуться, но поскольку проснуться мне не удастся... Ладно, сначала расскажите, что должно делать это "чудовище" потом?

— Махи говорил, что потом все очень просто, — неохотно сказал мой шеф, — если Хумгат согласится принять чудовище, значит половина дела сделана. Достаточно будет громко заявить о том, кого из мертвых скитальцев ты хочешь обнаружить, и тебя тут же поместят перед нужной дверью.

— Как это — "громко заявить"? — изумился я. — В Коридоре между Мирами совершенно невозможно говорить, это же проверенный факт!

— Проверенный кем? Тобой? — ехидно осведомился Джуффин. — Ну так вот, поверь мне на слово: ты — не самая последняя инстанция. Ничего, будет надо — заговоришь, как миленький, где угодно, в том числе и в Хумгате... А дальше — по обстоятельствам: сграбастываешь свою жертву, возвращаешься домой — как после обычного путешествия между Мирами, все танцуют... Правда, тут существует еще одна проблема: чудовище, которым ты станешь, совсем не обязательно будет таким же разумным существом, как ты сам. И нет никаких гарантий, что оно будет помнить о своей цели, а не отправится в бессмысленное, но такое соблазнительное путешествие сквозь бесконечность... Тут вся хитрость в том, чтобы сохранить память о себе после того, как станешь чем-то совсем иным. Махи говорил мне, что потерять себя в этот момент — самое страшное, что может случиться с человеком.

— Действительно страшно, — тихо сказал я.

— Ну тут я тебе как раз могу помочь, — неожиданно улыбнулся Джуффин, — поскольку без моей помощи ты не сможешь превратиться даже в комнатную туфлю, я буду рядом, когда превращение совершится. Так что прежде, чем отпускать тебя в Хумгат, я проверю, соображаешь ли ты хоть что-то. Если нет — я быстренько верну все на место, и поеду к Гуригу, хлопотать о введении смертной казни. В крайнем случае, придется его заморозить. Не хотелось бы, но придется! — Тут он с сомнением посмотрел на меня и внезапно помотал головой:

— Нет, сэр Макс, ерундой мы с тобой занимаемся! Лучше уж я сразу заморожу Гурига — даже интересно, что из этого получится... Никуда я тебя не пушу. Обойдешься без бессмертных подвигов!

— Думаете, я хочу становиться чудовищем и бегать в таком виде по Коридору между Мирами, разыскивая какого-то мертвого придурка? — Серdito спросил я. — Мне так страшно, как еще никогда не было! И все-таки, что-то заставляет меня сделать это. Я не могу объяснить, что... Такое чувство, что меня заколдовали, и я вынужден повиноваться чужим приказам, даже самым нелепым. Но это не чужие приказы, Джуффин. Это — приказы моего собственного сердца. Пришло время как следует сказать спасибо — вам и этому прекрасному Миру, который приотлил сумасшедшего мечтателя по имени Макс, и дал этому никчемному существу шанс начать все сначала... Мне есть за что благодарить этот Мир, Джуффин — а для этого придется совершить поступок. Просто говорить "спасибо" ежедневно, вместо утренней зарядки — так соблазнительно, но слишком фальшиво! Никуда не годится, к сожалению...

Приглядывайте за мной... за нами, ладно?

Если Джуффин что-то мне и ответил, я не услышал его слов, потому что меня накрыла эта самая "первая волна перемен". Джуффин все верно говорил: сейчас, когда моя память кое-как справляется с почти непосильной задачей восстановить сумбурные события этой воистину бесконечной ночи, я не нахожу лучшего сравнения, чем слово "волна". Когда-то я попробовал искупаться в сильный шторм и до сих пор помню, как поразило меня превращение самой обыкновенной мокрой соленой воды в беснующуюся стихию, сокрушительная сила которой сбила меня с ног, не считаясь с моим мнением о собственных возможностях... Теперь со мной происходило нечто в таком же роде, только на сей раз взбесилась не вода, а вещество, из которого состоял и мир, в котором я привык обитать, и я сам, заодно. Последним понятным, "человеческим" ощущением, которое я испытал перед тем, как эта тяжелая горячая волна утащила меня в неизвестность, было прикосновение жесткой шерсти Друппи к моей руке — мне показалось, что он ищет у меня защиты, бедняга... А потом все, что до сих пор казалось мне реальностью, рухнуло, но крошечная частичка меня устояла перед этой бурей. Она помнила немудреную инструкцию сэра Джуффина и была твердо намерена выполнить эту самую инструкцию. "Я — Тайный сыщик, и мне нужно арестовать Йонги Мелихаиса, — истошно орало это упрямое существо, — я — Тайный сыщик, и мне нужно арестовать Йонги Мелихаиса, мне нужно арестовать Йонги Мелихаиса, потому что я — Тайный сыщик..."

Тьма расступилась — очевидно перепуганная этими идиотскими воплями. Я снова увидел перед собой полутемную комнату с низким потолком — сейчас она почему-то показалась мне очень просторной и совершенно отвратительной. Не то, чтобы у меня были какие-то поддающиеся формулировке претензии к данному помещению, но мне и не требовалось ничего формулировать. У меня почти не осталось мыслей, зато я был переполнен странными, но очень конкретными ощущениями, которые позволяли мне судить об окружающем мире быстро, ясно и безапелляционно — я просто знал, что есть что, и это не подлежало обсуждению с самим собой, как это принято у людей.

А потом я увидел Джуффина и сразу узнал в нем знакомого, хотя он выглядел как-то не так — я не мог сообразить, в чем, собственно, состоит разница. Его лицо все время менялось, как это бывает с видениями в бредовом сне тяжелого больного человека. Меня немного раздражало это непостоянство, но в целом Джуффин мне понравился: мои ощущения сказали мне, что ему можно доверять, а для того существа, которым я стал, это было единственным, что имело какое-то значение.

— Молодец, Макс, все идет очень хорошо. Ты ведь понимаешь мою речь, верно? Постарайся мне ответить, если можешь, — он говорил со мной тихо и ласково, как с больным ребенком, или неприрученным хищником, и еще я почувствовал, что он старается быть очень осторожным. Мне захотелось успокоить этого человека — не потому, что меня волновало его мнение обо мне, просто его напряжение мешало мне сосредоточиться. Поэтому я заставил себя говорить — это было очень трудно, мой новый рот не был приспособлен к человеческой речи, а о такой удобной штуке, как Безмолвная речь, я тогда почему-то забыл напрочь, словно никогда не жил в Ехо, где такой способ общения почти столь же популярен, как обыкновенная болтовня вслух, так что мне пришлось извлекать членораздельные звуки откуда-то из живота — это

ней, справишься и со всем остальным. Это не так уж сложно: тебе нужно постоянно рассказывать себе, кто ты такой и зачем предпринимаешь это путешествие. Можешь говорить это вслух, можешь твердить про себя — как тебе удобнее. Насколько я успел тебя изучить, мне кажется, что вслух — более эффективно... Учти: твое новое мышление будет очень простым и конкретным. Поэтому постарайся упаковать информацию в короткие и четкие формулировки — словно говоришь со своей собакой... Впрочем, в каком-то смысле именно так оно и есть.

— Ладно, упакую — было бы что упаковывать, — согласился я. Меня вдруг охватило удивительное равнодушие ко всему, и в первую очередь к собственной судьбе — вообще-то совершенно на меня не похоже... Впрочем, это почти блаженное состояние не напоминало тупое оцепенение обреченного, по крайней мере, соображать оно не мешало, даже наоборот. Друппи заворочался, уложил поудобнее свою лохматую голову у меня на коленях и снова замер — тоже приготовился слушать. Джуффин одобрительно покивал и продолжил:

— Самое главное — запомни следующее: ты — Тайный Сыщик.

— Какая неожиданность! — Ядовито откликнулся я. — Спасибо, что наконец-то открыли мне эту страшную тайну, сэр!

— Это ты сейчас такой умный, — насмешливо сказал Джуффин. И очень строго добавил:

— Соберись, пожалуйста. У нас не осталось времени на развлечения. Тебе совершенно необходимо вдолбить в свою гениальную голову эту немудреную истину. Ты — Тайный Сыщик, который отправляется в Хумгат, чтобы арестовать преступника по имени Йонги Мелихаис, и это единственное, о чем тебе ни в коем случае нельзя забывать... Впрочем, сойдет любая формулировка: Тайный Сыщик, полицейский, федеральный агент — да хоть коп, лишь бы ты понимал, что это значит...

Я невольно хихикнул, хотя всего несколько секунд назад мне казалось, что хихикать я уже не буду — никогда в жизни!

— Коп? Федеральный агент? Где вы нахватались такой терминологии, сэр?

— Где, где... В этом прекрасном Мире, хвала Магистрам, есть всего одно место, где можно столь основательно испортить свою речь, — с непередаваемой нежностью сказал Джуффин, — седьмой дом по улице Старых монеток и твое грешное кино, будь оно неладно! Вот о чем я всплакну через тысячу лет, если этот замечательный Мир все-таки рухнет...

— Не отвлекайтесь, ладно? — Я вдруг стал смертельно серьезным: испугался, что у меня не хватит времени дослушать его до конца.

— Сам виноват, нечего было меня перебивать... Так вот, ты — коп. Ты идешь в неизвестность, не для того, чтобы наслаждаться ее головокружительным разнообразием и дармовым могуществом, а с простой и понятной целью: арестовать преступника и доставить его в Дом у Моста. Это все.

— Но что именно я должен для этого делать? — Тихо спросил я. — Существует какой-нибудь порядок действий, которые я должен выполнить?

— Не думаю, — безмятежно сказал Джуффин, — вряд ли... Главное — помнить, зачем ты отправился в Хумгат и хотеть — я имею в виду, искренне хотеть! — найти там Йонги. Это называется азарт охотника...

— Стоп, — хрипло сказал я, — кажется, мир уже уплывает от меня.

— Но зачем тебе вообще кого-то благодарить? — Удивленно спросил Джуффин.

— Чтобы потом не пришлось кусать локти, — улыбнулся я. Это была шутка для меня одного: цитата из устного творчества невероятного кеттарийского шерифа Махи Аинти. А потом я честно признался:

— Не знаю, зачем. Просто мне кажется, что так надо. По крайней мере, мне придется попробовать.

— Ну все, гасите свет, сэр Макс нашел очередное приключение на свою горемычную задницу! Тебя все время тянет в самое пекло, как магнитом, — Проворчал мой шеф. Но как бы Джуффин не хмурился, мне показалось, что он старательно прячет в уголках губ торжествующую улыбку. — Ну что ж, дело хозяйское... Но если ты твердо намерен попробовать, нам нельзя терять ни минуты. Если горожане не угомонятся уже завтра утром, наши усилия могут оказаться бесполезными.

— Конечно, нам нельзя терять ни минуты, — согласился я, — сейчас съезжу за Друппи, и будем превращаться в чудовище... — Меня передернуло, и я испуганно уточнил:

— Скажите только, а вы потом точно сможете меня расколдовать? Я имею в виду — вернуть все на место? А то у меня рухнет личная жизнь...

— Не только личная жизнь. Твоя карьера тоже рухнет, — ехидно заметил Джуффин, — никто не позволит мне держать на службе такого монстра!

Его неуместное злорадство почему-то меня успокоило, я пулей пролетел через опустевший Зал Общей работы, и отправился в Мохнатый дом за своим четвероногим любимцем.

Друппи пришел в полный восторг, когда понял, что я собираюсь покатай его в амобилере. Мне было немного стыдно смотреть в его счастливые круглые глаза: я собирался втравить свою собаку в чудовищную авантюру, и у меня даже не было возможности получить его согласие. Мне казалось, что это нечестно, но что я мог поделать? Так уж все сложилось...

Тем не менее я решил, что все-таки должен рассказать Друппи о том, что нас ждет. В глубине души я всегда был уверен, что этот умник отлично понимает человеческую речь, поэтому я не чувствовал себя сумасшедшим, когда пустился в объяснения. Я старался говорить коротко и по существу, словно мой собеседник — маленький ребенок, которому трудно ориентироваться в нагромождениях взрослых слов.

— Сейчас мы с тобой отправимся в гости к дяде Джуффину, — говорил я, — ты ведь с ним знаком, и он тебе нравится, правда? А потом он нас с тобой немножко заколдует. Но бояться не надо: это будет не страшно, и не больно, а даже интересно. Просто новая интересная игра... А потом мы с тобой отправимся на прогулку — ты же любишь долгие прогулки, правда?

Друппи коротко одобрительно твякнул и лизнул меня в нос мокрым угольно-черным языком. Это чуть не привело к дорожно-транспортному происшествию, но к счастью у меня имеется некоторый опыт общения и с амобилером, и с эмоциональной горой белоснежного меха, которая считается моей собакой, поэтому как-то обошлось...

— Ты безобразник, но я рад, что ты не боишься, — вздохнул я после того, как понял, что толстенный ствол дерева вахари не стал последним препятствием в

недолгой, но бурной жизни моего любимого амобилера. — Главное, чтобы ты мне доверял, милый. Тогда все будет хорошо.

Друппи легкомысленно замотал ушами, что в его системе символов соответствует вилянию хвостом. Я мог ему позавидовать: мой пес был совершенно счастлив и спокоен — его нормальное состояние. "Может быть, он меня этому научит — если уж нам придется какое-то время сосуществовать в одном теле", — с надеждой подумал я.

Сэр Джуффин Халли ждал нас в коридоре Управления. Друппи немедленно полез к нему обниматься. Обычно авторитета моего шефа хватает, чтобы держать эту любвеобильную зверюгу на почтительном расстоянии. Но сегодня мой мудрый пес почувствовал, что ему можно все, так что Джуффину пришлось вытерпеть целую серию ритуальных облизываний.

— Надеюсь, ты не подцепишь у него эту привычку, парень, — ворчливо сказал он мне, — в противном случае, один из нас уйдет в отставку, это я тебе обещаю!

— Всю жизнь мечтал облизать ваш длинный нос, а тут такой повод! — фыркнул я. — Удержаться невозможно!

— Ладно, пошли в подвал, красавчики. Сейчас я вам устрою веселую жизнь! — Злорадно ухмыльнулся Джуффин. Кажется, мой шеф окончательно расслабился. Выразить не могу, как меня это радовало. В течение сегодняшнего дня я слишком много раз видел его серьезным, и это пугало меня больше, чем обещанный конец света, даже больше, чем предстоящее мне превращение, которого я боялся настолько, что даже думать о нем не мог.

Хвала Магистрам, мы очень долго спускались вниз по узкой каменной лестнице — так долго, что я начал было надеяться, что это продлится вечно — не самый увлекательный способ прожить остаток дней своих, зато ужасный момент, когда сэр Джуффин возьмется за ручку двери, ведущей в какую-нибудь из его многочисленных тайных каморок, никогда не наступит... Как же, размышляю! Эта грешная лестница все-таки закончилась, как заканчивается любая, даже самая долгая жизнь.

— Мы пришли, — голос моего шефа звучал сочувственно, насколько этот пожилой злодей вообще способен наглядно выражать сочувствие. В полном соответствии с моими мрачными предчувствиями, он опустил ладонь на дверную ручку, изукрашенную полустертой резьбой и распахнул дверь, пропуская меня в маленькую темную комнатку с низким потолком. Друппи первым ворвался в помещение, деловито исследовал все его углы и вернулся к нам, всем своим видом выражая снисходительное одобрение.

— Ага, вижу, что пришли, — вяло откликнулся я, — только давайте скорее, ладно? А то я передумаю...

— Уже поздно, Макс, — мягко сказал он, — раньше надо было паниковать. А теперь — все, караван уже ушел, как любил говаривать смешной изамонский приятель сэра Мелифаро.

— Ага, приятель, как же! — Машинально огрызнулся я, а потом почувствовал, что мое сердце — оба сердца! — превратились в маленькие комочки стремительно тающего льда. — Как это — поздно? — Помертвевшими губами спросил я. — Разве я... мы... разве мы уже превратились?

— Еще нет, но пока мы спускались по лестнице я наложил на вас чары, —

невозмутимо объяснил Джуффин, — это было проще всего сделать, пока ты думал, что еще ничего не происходит.

— А почему я ничего не заметил? — Вызывающе спросил я. У меня еще была слабая надежда, что мой шеф меня разыгрывает — из бескорыстного ехидства, или в педагогических целях, какая, к черту, разница!

— А ты думал, что я буду выкрикивать старинные заклинания, пока стены не рухнут? Или разденусь догола и спляшу какой-нибудь дикий танец, а потом отрежу вам головы и поменяю их местами? Ты что, первый день меня знаешь? Я же, в сущности, неотесанный кеттарийский паренек, а не какой-нибудь столичный гений вроде твоего дружка Лойсо Пондохвы. Я привык делать свое дело потихоньку, без лишнего шума... потому и жив до сих пор, между прочим! Так что не трать силы на беспочвенные надежды. И потом, ты сам просил сделать все быстро — вот и получай! Дело сделано, теперь осталось только сидеть и ждать. И не вздумай сожалеть о принятом решении, мальчик! В большинстве случаев это просто глупо, но сейчас — смертельно опасно, поверь мне на слово.

— Ладно, я попробую, — тихо сказал я, и сам не узнал свой голос. Может быть, я слишком мнителен, но мне показалось, что он стал хриплым и каким-то... да, вот именно, лающим!

Друппи сразу почувствовал перемену в моем настроении. Он дружелюбно лизнул меня в нос, и уткнулся мордой в мои колени. Я опустился на пол и обнял своего храброго пса. Если до сих пор я относился к нему не без некоторой снисходительности, которая всегда проявляется в отношениях между людьми и животными, и даже когда говорил с ним вслух, это был в лучшем случае диалог взрослого с очень маленьким ребенком, то сейчас я без тени сомнения знал, что мой пес отлично понимает все, что происходит — может быть лучше, чем я сам, да еще и пытается меня ободрить и утешить, святая душа!

— Отвлекайте меня от мрачных мыслей, ладно? — попросил я Джуффина. — Расскажите что-нибудь смешное... Вы же знаете: мне много не надо, я автоматически успокаиваюсь, если прополоскать меня в потоке связной человеческой речи!

— Ну, не так уж ты перепугался, если еще способен выдавать такие громоздкие словесные конструкции, — рассмеялся Джуффин, усаживаясь напротив.

— Дурная привычка, — вяло откликнулся я. — Нет, ну правда, расскажите что-нибудь! Мне нужно отвлечься от этого ужаса...

— Тебе нужно не отвлечься, а сосредоточиться, — строго сказал Джуффин, — и твоему приятелю Друппи, между прочим, тоже. Впрочем, в отличие от тебя, он вряд ли нуждается в моих инструкциях... Все, мальчик, время кокетства с чудесами закончилось. Ты сделал свой выбор — безумный, но мужественный, и теперь тебе придется или вести себя соответственно, или погибнуть.

— Не хочу я погибать, — сердито сказал я. И жалобным, срывающимся на поскуливание, голосом добавил:

— Так нечестно, Джуффин!

— Жизнь вообще нечестная штука, — сочувственно ухмыльнулся он. — Соберись, сосредоточься, счастливчик! Все будет отлично, я тебя знаю гораздо лучше, чем ты сам... Ты хотел поговорить? Вот и славно. Давай поговорим, только о деле. Через несколько минут тебя накроет первая волна перемен. Если справишься с

писателя Йонги Мелихаиса, и привести его сюда — чтобы раз и навсегда закрыть все вопросы. Он сказал, что можно, но трудно; я спросил, что для этого нужно сделать... Слово за слово, и как-то само собой оказалось, что отступить мне уже некуда — очень типичная ситуация, когда имеешь дело с нашим шефом!

— Ну ты даешь! — Мелифаро покачал головой — не то восхищенно, не то сочувственно.

— Ну а что еще оставалось делать? — Устало спросил я. — Когда выясняешь, что Мир собирается рухнуть уже завтра, еще и не такого можно натворить... Хорошо, конечно, что сэр Шурф так напугал наших гениальных горожан, что они на время притихли! Но когда я принимал решение, я еще не знал, что у нас есть хоть какая-то надежда...

— А почему ты говоришь, что Мир должен был рухнуть уже завтра? — испуганно спросил Мелифаро. — С чего ты взял? Все, конечно, довольно паршиво, но не до такой же степени! Вчера вечером, как раз перед тем как вы с Меламори заявились, Джуффин нас тоже старательно запугивал концом света — если эти грешные чудеса не прекратятся до Последнего Дня года. Жутковатое обещание, конечно, но мы не знали, что все настолько хреново! Почему он не сказал нам правду? Такие новости лучше узнавать заранее... — он на секунду задумался, а потом лукаво прищурился:

— Подожди-ка, радость моя! Это еще вопрос, кого из нас надули!

— Думаю, это даже не вопрос, — горько усмехнулся я.

Не берусь описать охватившие меня чувства. Думаю, ведро ледяной воды на голову подарило бы мне менее интенсивные и куда более приятные переживания. Меня посетило в высшей степени странное желание: больше всего на свете мне хотелось набить морду подлому обманщику и интригану сэру Джуффину Халли. Совершенно непередаваемое ощущение!

— Макс, ты чего? — осторожно поинтересовался Мелифаро. Потом в нем окончательно победило здоровое начало и он хихикнул:

— Небось опять в какую-нибудь пакость превращаешься?

Я криво улыбнулся и отрицательно помотал головой.

— Ладно, поверю тебе на слово и не буду звать подмогу. — Мелифаро еще несколько секунд внимательно разглядывал мою физиономию, а потом расхохотался с неописуемым облегчением. Самое удивительное, что я к нему присоединился — не сразу, но все-таки...

— За что я тебя люблю, чудовище — что бы с тобой не случилось, рано или поздно оказывается, что это куда больше похоже на глупую шутку, чем на какой-нибудь "бессмертный подвиг"! — наконец заявил он.

— Сейчас обижусь и превращусь в монстра! — пригрозил я. Судя по всему, получилось не слишком внушительно — оно и к лучшему...

— Все, можешь считать, что ты меня исцелил! — Торжественно заявил Мелифаро. Он окончательно расслабился, уложил ноги на стол — мой скромный вклад в его и без того очаровательные манеры! — и смотрел на меня спокойно и насмешливо. Одним словом, он снова превратился в старого доброго сэра Мелифаро: никаких нервных срывов, никакого трепета перед гримасами неизвестности и прочей романтической чепухи. Выразить не могу, как меня это радовало!

позже: один из них был точной копией Великого Магистра Нуфлина Мони Маха, а второй — двойником моего великолепного шефа, сэра Джуффина Халли. Впрочем, тогда я не стал тратить время на то, чтобы поздороваться с этими достойными господами и спросить, как они дошли до жизни такой. Мое чутье сразу подсказало мне, что эти двое — такая же иллюзия, как сама комната и бассейн. "Настоящим" здесь был только бородатый толстяк в халате — правда, его халат был таким же бесполезным миражом, как и прочие прибаамбасы. Удивительно — но все, на чем задерживался мой взгляд, исчезало, так что через несколько секунд реальность, в которой так уютно устроился Йонги Мелихаис, стала дырявой, как кружева, сплетенные неумелой ученической рукой. У стариков, согнувшихся над ногами своего повелителя, не стало голов и рук: я слишком долго всматривался в их лица, а потом с непосредственной заинтересованностью дебильного ребенка разглядывал их работающие конечности, пытаюсь определить, чем они занимаются...

Йонги Мелихаис наконец поднял тяжелые веки, заметил меня и тихо взвыл от страха, а потом неподвижно замер, не в силах пошевелиться. Я ясно видел обуявший его ужас — это было нечто совершенно материальное, вещественное: клейкая плотная субстанция, похожая на молочное желе. Существо, которым я был, сочло эту массу весьма привлекательной и уместной, как шапка взбитых сливок над чашечкой кофе. Очевидно, мне просто понравилось внушать страх.

— Именем закона вы арестованы, — сипло пролаял я, — вы имеете право хранить молчание...

Я не помнил, что надо сказать дальше, какое магическое заклинание применяют полицейские к своим несчастными жертвам.

— Вы имеете право хранить молчание... — Повторил я, как старая пластинка. Именно в этом месте произошел загадочный сбой программы, и меня понесло. В моей голове, обезумевшей от дивного аромата чужого страха, одна за другой всплывали дурацкие бессмысленные фразы, которые я тут же с наслаждением выплевывал в искаженное ужасом лицо своей жертвы:

— Ты знаешь, дорогуша, кроваво-черные воды зла кишат пурпурными скатами!.. Блестеры к бою!.. Бриолините скальпы, мои голозадые ирокезы!.. С вас тридцать семь долларов сорок девять центов... Лед тронулся!.. Буэнос диас, амиго!.. Дорогая, посмотри, какая лунная ночь... Дырку в небе над твоим домом!.. Говорят, гейши императора уже начали засолку цветов сакуры в опустевших садах Киото... Упал, отжался!

Бедняга Йонги вообще перестал понимать, что происходит. Его страх смешивался с растерянностью, стучался и оседал на пол крупными пушистыми хлопьями. Это белесое месиво скрыло босые ступни Йонги, словно они утонули в снежных сугробах. Я чувствовал его замешательство, оно доставляло мне ощутимое физическое удовольствие, как впрочем, и мои собственные идиотские вопли. Плохо было другое: я никак не мог сообразить, что нужно делать дальше.

Йонги наконец пошевелился. Не думаю, что он действительно рассчитывал от меня удрать — просто инстинктивно дернулся, как дернулся бы на его месте и я сам в отчаянной, но обреченной на неудачу попытке к бегству. Я оборвал свой бредовый монолог, грозивший стать бесконечным, и одним прыжком настиг его, схватил за руку, и сразу понял, что это — именно то, что нужно. Мне было достаточно взять его за руку, чтобы увести отсюда, а ведь это я и был должен сделать: увести его

отсюда и отдать Джуффину, который послал меня на охоту. Впрочем, тогда я ни о чем таком не думал, а просто увидел, как увожу свою добычу отсюда за руку и отдаю Джуффину, а он с аппетитом вонзает в его горло свои острые зубы — эпизод, дорисованный примитивным, но буйным воображением зверя... В этот момент я понял еще кое-что: передо мной была пища, огромный кусок самой лучшей, самой подходящей для меня пищи. Оказывается, такие твари, как я, питаются существами, сотканными из той же странной материи, что и дух мертвого Йонги Мелихаиса. Открытие несказанно меня обрадовало, и я уже собрался было насладиться этой восхитительной трапезой... Сам не знаю, что меня остановило — во всяком случае, не чувство долга, поскольку такого рода вещи были мне совершенно недоступны. Просто что-то сказала мне "нельзя" — это самое "нельзя" было похоже на комок в горле, я даже закашлялся, сотрясая пространство громкими скрежещущими звуками.

— Ладно, я не буду тебя есть. Я тебя арестовал, теперь надо возвращаться, — наконец сообщил я бедняге, развернулся на сто восемьдесят градусов и пошел неведомо куда — лишь бы идти, увлекая за собой свою добычу. Йонги Мелихаис не сопротивлялся, хотя я просто держал его за руку — кажется, мое прикосновение полностью его парализовало.

Я искренне хотел вернуться туда, где ждал меня Джуффин, но это почему-то не происходило. В какой-то момент у меня в голове воцарилось некое подобие порядка, и я понял, что фраза "надо возвращаться" была не правильной, в ней не хватало конкретики: я не назвал место назначения, и не объявил, что я этого хочу.

— Я хочу вернуться к Джуффину! — Заявил я. Еще одно воспоминание — "Главное — не забудь, что ты должен вернуться не позже, чем на рассвете", — толкнуло меня в живот так, что я на мгновение остановился и поспешно выпалил:

— Я хочу вернуться быстро! Очень быстро! До рассвета!

Это сработало: почти сразу же я увидел перед собой лицо Джуффина, изумленное и счастливое — это я уже потом понял, что оно было именно изумленное и счастливое, а не какое-то другое, а тогда я просто почувствовал его настроение, и это доставило мне ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Я привел тебе Йонги, — гордо сказал я, — я не стал есть его сам, а привел тебе!

— Так мило с твоей стороны! — рассмеялся Джуффин.

Его смех оказал на меня совершенно сокрушительное воздействие: я почувствовал, что рассыпаюсь на части, но мне было плевать, я ничего не боялся, хотя абсолютно точно знал, что все закончилось... Последнее, что я услышал — это насмешливый голос своего шефа. Он говорил: "Хорошо, что я соединил тебя именно с собакой, а не с какой-нибудь дикой лисицей, которая сожрала бы свою добычу под первым попавшимся кустом!"

— Там не было никаких кустов.

Я огляделся по сторонам, чтобы понять, кому принадлежит этот незнакомый голос, а потом понял, что фразу про кусты сказал я сам и удивился — с чего бы это? При чем тут кусты?..

— Приятно видеть тебя, сэр Макс, — улыбнулся Джуффин. — Добро пожаловать домой! Я соскучился по твоей замечательной физиономии. Передать тебе не могу, насколько она мне нравится — по сравнению с тем, как ты только что выглядел.

— Представляю, — вздохнул я. — Ну и что с того?

— А как ты рычал! — Возмущенно добавил Мелифаро. — Не на какого-нибудь злодея, а на меня, между прочим... По-моему, тебе должно быть стыдно!

— Могу принести тебе письменные извинения, — усмехнулся я.

— Принеси, — сердито буркнул он. — Не помешает!

Я с удовольствием отметил, что ему здорово полегчало — не столько от собственного ворчания, сколько от того факта, что я уже несколько минут сижу рядом и ни во что такое не превращаюсь.

— Знаешь, это очень забавно! — улыбнулся я. — Такое впечатление, что ты на меня обиделся.

— Есть такое дело, — смущенно признался он. — Я действительно обиделся. Только не совсем на тебя... Знаешь, сегодня ночью я впервые в жизни пожалел, что связался с этим кошмарным сэрмом Джуффином, с Тайным Сыском, и вообще...

— С чудесами? — понимающе подхватил я.

— Ага. Увидел твою кошмарную рожу и сказал себе: "Вот что тебя ждет, парень — вместо награды за бессмертные подвиги, красивых восторженных девушек, музыки и цветов!" Знаешь, я всегда считал себя довольно храбрым человеком... Собственно говоря, я и был вполне храбрым. Никогда не боялся ввязаться в драку, и все такое... Даже когда наш "Почтеннейший начальник", этот злодей Джуффин решил, что пришло время припахать меня по-настоящему, и в моей жизни начались какие-то бредовые походы на Темную Сторону, я немного понервничал по этому поводу, а потом сказал себе: "Да ладно, ерунда какая!" Но сегодня ночью я увидел, во что ты превратился...

— И подумал, что рано или поздно такое может случиться с тобой, — закончил я. — Утратить себя, превратиться во что-то иное — конечно, страшно! Мне и самому страшно, просто отступить некуда. Да и тебе некуда — ты поздно спохватился! Не переживай, дружище: подобные вещи случаются с кем угодно, каждый день, просто у людей не принято обращать на это внимание.

— Как это — с кем угодно? Что ты имеешь в виду? — Он снова нахмурился, как большой босс на похоронах своего любимого заместителя.

— Ты же каждый день ложишься спать, как и все люди, — я пожал плечами. — Совершенно добровольно утрачиваешь себя, превращаешься во что-то иное — какая разница, как это выглядит со стороны? По-моему, вполне достаточно, чтобы испугаться. Но мы почему-то не пугаемся — вот что странно! Почему-то это считается отдыхом после тяжелого дня...

— Я не хочу тебя понимать, — сухо сказал Мелифаро. — Наверное, могу, но не хочу!

— Дело хозяйское, — я пожал плечами. — В любом случае, ты зря паникуешь. Никто не станет превращать тебя в чудовище, да еще и против твоей воли... хотя бы потому, что ты и так вполне чудовище!

— Смешно, — деревянным голосом откликнулся он. Потом внимательно посмотрел на меня и осторожно спросил:

— Хочешь сказать, что ты превратился в... — ох, не знаю, как и назвать! — по собственному желанию?

— Почти, — улыбнулся я. — Скажем так: по собственной инициативе. Я сам спросил Джуффина, можно ли как-то найти то, что уцелело после смерти великого

Вообще-то, Безмолвная речь не слишком хорошо передает эмоции собеседника, но тут я сразу понял, что мой собеседник пребывает на грани нервного срыва.

"Это я. Без клыков, когтей и шерсти на носу. Так под каким столом ты спрятался, душа моя? Можешь вылезать: бука ушла."

"К твоему сведению, я не под столом, а на столе. У себя в кабинете, где же еще..."

"Можно к тебе зайти?" — вежливо спросил я.

Несколько секунд он не отвечал — наверное, всерьез задумался.

"Ладно, заходи", — наконец решил Мелифаро.

Я тут же покинул кресло — пока этот герой не передумал. Друппи проснулся и тихо твякнул — коротко и вопросительно.

— Я сейчас вернусь, — пообещал я, — честное слово! Так что можешь подремать еще полчасика.

Мой мудрый пес послушно закрыл глаза и положил морду на лапы. Если бы давешний глоток бальзама Кахара не был таким большим, я бы ему позавидовал.

Дверь кабинета сэра Мелифаро была заперта на ключ. Эта нехитрая деталь насторожила меня куда больше, чем угрюмый тон его Безмолвной речи. Я осторожно постучался. Ждать пришлось довольно долго — я даже начал нервничать. Наконец по ту сторону послышались легкие шаги, замок неохотно защелкнулся, дверь приоткрылась с тихим, но сварливым скрипом, и оттуда на свет божий вылез нос моего коллеги.

— Ну, хвала Магистрам, действительно настоящий! — с неподдельным облегчением сказал он.

— А какой же еще? — вздохнул я. — Не сходи с ума, дорогуша. Представляешь себе, как ты будешь смотреться в дальней комнатке Приюта Безумных? И как там буду смотреться я и мой сверток с гостинцами... Не так смешно, как хотелось бы!

— Твоя правда, — он немного расслабился и решительно распахнул дверь. — Заходи, чудовище... Дырку над тобой в небе, эта фраза больше не кажется мне смешной!

— Мне тоже, — улыбнулся я, — но это как раз меня не слишком огорчает. Придумаешь что-нибудь другое, с тебя станется!.. Слушай, ты что напился с горя — так что ли? — я только сейчас унюхал сладковатый аромат Джубатынской пьяни, исходивший от моего горемычного коллеги.

— Ага, напился, — флегматично согласился он, — уже под утро, когда дела внезапно закончились, и я остался наедине со своими страхами... но это не помогло. Скорее уж наоборот — я окончательно перестал соображать и перепугался еще больше... Потом, хвала Магистрам, пришел строгий сэр Шурф и быстренько со мной разобрался — после того, как я заплетающимся языком попытался выговорить фразу: "будучи в ответе за судьбы нации и родины" — и где только такую дрянь на язык подцепил?! Одним словом, он привел меня в порядок — только запах и остался на память об этом удовольствии! — да еще и отчитал — спасибо, хоть не убил...

— И с какой стати такие глубокие переживания? — Удивленно спросил я. — Можно подумать, ты не прослужил хрен знает сколько лет в Тайном Сыске! Думаю, в этой веселенькой организации случались вещи и покруче...

— Можешь себе представить — не случались! — сердито сказал он. — А если и случались, то не в моем присутствии... Ты хоть представляешь, как ты выглядел?

— А как я только что выглядел? — Удивленно спросил я. У меня появилось смутное ощущение, что какая-то — вне всяких сомнений, очень важная и интересная! — часть моей собственной жизни прошла без моего участия.

— Ты ничего не помнишь? — озабоченно спросил мой шеф, присаживаясь на корточки рядом со мной. — А где, в таком случае, не было кустов? Ты только что сам это сказал...

— В Коридоре между Мирами, — почти машинально ответил я и встревоженно уставился на Джуффина:

— Слушайте, я совершенно уверен, что только что шлялся через Хумгат, но какого черта я там потерял?... Это ваши штучки?

— Да нет, не мои, скорее уж матери-природы... Ничего, ты еще вспомнишь, — сочувственно улыбнулся мой шеф, — сейчас немного отдышишься, соберешься с мыслями и вспомнишь. Иногда превращения творят с памятью странные вещи!

— Так были еще и превращения, — нахмурился я. — Слушайте, а ведь точно! Вы же грозились превратить меня в какое-то чудовище... Меня и мою любимую собаку. Так что, все уже случилось?

Прохладная волна воспоминаний уже была готова обрушиться на мою голову, но меня отвлек жалобный визг. Я обернулся и увидел Друппи. Пес лежал на полу и энергично мотал головой, как ныряльщик, только что оказавшийся на поверхности. Встретившись со мной взглядом, он расслабился и даже пару раз взмахнул ушами — на большее у него явно не было сил.

— Все в порядке, мой хороший, — ласково сказал я, и сам удивился охватившим меня чувствам: там было очень много нежности, и не правдоподобно глубокое сопереживание и почему-то невыразимая благодарность. Вообще-то странно: я всегда хорошо относился к своему псу, но никогда не баловал его таким избытком бурных эмоций.

— Я начинаю припоминать, — я взволнованно посмотрел на Джуффина. — Мы ходили туда вдвоем с Друппи, за мертвым Йонги... Слушайте, у меня такое чувство, что мы его привели. Где он?

— Здесь, где же еще! — восхищенно сказал Джуффин. — Ты привел Йонги за ручку и гордо сообщил, что, дескать, мог бы сам его сожрать, но решил поделиться. Сам понимаешь, это признание умилило меня до глубины души, и я твердо решил при случае непременно ответить тебе тем же.

— А где он, в таком случае?

— Вот здесь! — Джуффин торжественно потряс перед моим носом своим кулаком. Он был похож на ребенка, поймавшего какое-то редкостное насекомое. — Сейчас я над ним немного поколдую, и Йонги станет вполне материальным... не как мы с тобой, конечно, но узнать его будет легче легкого, что, собственно говоря, и требуется.

Тут я вспомнил еще кое-что и недоверчиво покосился на своего шефа.

— Слушайте, Джуффин, вы же мне говорили, что Мир вот-вот рухнет, и все такое... Это остается в силе? Что-то у вас подозрительно хорошее настроение...

— Хорошее, — кивнул он, — оно и не может быть другим, потому что все наконец-то идет как нужно. Ты вернулся, целый и вполне вменяемый, что, в общем-то, странно... да еще и Йонги приволок, для полного счастья. А пока мы с тобой маялись всяческой потусторонней дурью, наш мудрый сэр Шурф спас Мир. Ну, не

могу сказать, что он его окончательно спас, но сделал в этом направлении куда больше, чем я смел рассчитывать. Знаешь, чем он занялся на досуге? Снял рукавицу со своей правой руки и отправился погулять по ночному Ехо. Всех горе-колдунов, которые попадались на его пути, поражал знаменитый удар нашего Лонли-Локли. Но поскольку он действовал правой рукой, никто не умер. Зато его жертвы очень похожи на мертвых — не отличить! Так что на улицах полным-полно почти настоящих покойничков — с той разницей, что мне хватит нескольких секунд, чтобы привести в чувство каждого из них. Но, хвала Магистрам, об этом пока мало кто догадывается... Одним словом, наши горожане быстро сообразили, что дешевле будет угомониться. И угомонились. Уже часа три ни одного грешного чуда в этом треклятом городке!

Я понимающе кивнул: левая рука сэра Шурфа — самая смертоносная штука во Вселенной, а правая обладает не менее эффективной, но не убойной, а парализующей силой. А потом до меня начало кое-что доходить...

— Вы что, хотите сказать, что сэр Шурф вытворял все это по собственной инициативе? — с подозрением спросил я. — Я его знаю: этот тип мизинцем не пошевелит, пока двести раз не согласует свое решение с начальством — то есть, с вами.

— Так он и сделал, — невозмутимо согласился Джуффин. — А что тебя удивляет?

— Так какого черта?! — Возмущенно выпалил я. И заткнулся от избытка чувств. Мне казалось, что меня жестоко разыграли: дали понять, что я должен совершить невозможное, чтобы спасти Мир, а теперь, когда я каким-то чудом совершил это самое невозможное, выяснилось, что Мир уже давным-давно спасен, так что я мог с самого начала пойти в трактир, плотно поужинать и просто подождать, пока все закончится....

— Не сходи с ума, ладно? — строго сказал Джуффин. — Хорош бы я был, если бы складывал все яйца в одну корзину! Скажу тебе больше: я еще и из Гурига вытряс согласие на введение смертной казни — на тот случай, если подвиги сэра Шурфа окажутся недостаточно впечатляющими. И еще у меня была парочка идей, которые, впрочем, теперь вряд ли понадобятся — раз уж ты привел Йонги... Подожди, сэр Макс, ты что всерьез полагаи, будто должен спасти Мир в одиночку? Где ты таких глупостей нахватался? В кино — так, что ли?

К этому моменту я уже понял, что веду себя как идиот, и смущенно улыбнулся.

— Наверное, я здорово поглупел, пока был чудовищем! Знаете, я ведь действительно на вас обиделся — вместо того, чтобы обрадоваться... И если совсем честно, мне до сих пор немного обидно.

— Ничего, это пройдет, — улыбнулся Джуффин. — Главное не вздумай поверить, что ты действительно испытываешь все эти чувства. Не забывай, что все это — маленький дурацкий спектакль в театре одного актера. Надо отдать тебе должное, в твоём репертуаре есть и более захватывающие пьесы.

Сначала я удивился — с чего бы это Джуффин стал объясняться такими простенькими метафорами, но вдруг понял, что никакие это были не метафоры. Простая констатация факта: какая-то часть меня — та самая, которая была единственным свидетелем наших с Друппи недавних походов — равнодушно наблюдала за бурей моих незамысловатых чувств и была готова в любую секунду

— Я всякими вещами шучу, — усмехнулся я. Сделал небольшой глоток бальзама и улыбнулся по-настоящему. — Вот теперь другое дело! Хорошо-то как!

— Вообще-то тебе давно следовало научиться не превращать каждое свое пробуждение в мировую трагедию, — добродушно проворчал Джуффин, — стыдно, сэр Макс! Ладно уж, иди умывайся. Нас ждут великие дела, и толпы наших возбужденных сограждан на Площади Зрелищ и Увеселений — счастье, что она такая большая, но думаю, сегодня все равно выйдет давка...

— Сколько они еще могут ждать, эти самые толпы возбужденных сограждан? Полчаса могут? Ужасно хочется выпить кружку камры.

— Ну и пей себе на здоровье, — неожиданно согласился Джуффин, — хоть дюжину кружек. Не думаю, что ты поседеешь от горя, если узнаешь, что тебе не суждено присутствовать на церемонии публичного покаяния моего друга Йонги... А если даже и поседеешь — это твои проблемы. В любом случае, я разбудил тебя, чтобы ты подежурил, пока я буду отсутствовать.

— Публичное покаяние — это конечно, великое событие, — усмехнулся я, — но если учесть, что в ваше отсутствие я смогу спокойно выпить камры и поклевать носом в своем любимом кресле... Разумеется, я с удовольствием останусь!

— Вот и славно, — кивнул Джуффин. — Чем меньше Тайных Сыщиков будет крутиться вокруг Йонги, тем убедительнее будет выглядеть его покаяние. Нас с Кофой вполне достаточно — да и то при условии, что Кофу никто не узнает... Потом буду каяться я сам — вернее, не столько каяться, сколько оживлять несчастные жертвы нашего героического сэра Шурфа. Думаю, это доброе деяние прославит меня на вечные времена!

— Да уж, — фыркнул я, — именно то, к чему вы всю жизнь стремились!

— И непременно выкрои несколько минут, чтобы привести в порядок сэра Мелифаро, — неожиданно серьезно сказал Джуффин. — Ваша встреча в коридоре Управления произвела на него куда более глубокое впечатление, чем я думал.

— Правда? — удивился я.

— Ага, — вздохнул мой шеф, — сам удивляюсь! Все-таки он еще очень молодой...

"Ну да, всего на какую-то сотню лет старше меня!" — ехидно подумал я. Но вслух ничего говорить не стал, поскольку прекрасно понимал, что возраст не всегда измеряется количеством календарных дней, отмечающих наше присутствие на земле...

Джуффин ушел и увел с собой своего бывшего товарища по "масонскому заговору". Я зачарованно наблюдал, как передвигается по нашему трехмерному миру двухмерный Йонги Мелихаис. Он шел как-то боком, неестественно развернув свое плоское туловище — я с запоздалым изумлением подумал, что странная манера древних египтян рисовать человеческие тела была в высшей степени реалистична — в том случае, если в их распоряжении были натурщики вроде нашего пленника!

Эта дивная парочка наконец покинула кабинет, я решительно помотал головой, фыркнул, как сердитый еж, разгоняя сумбурные мысли, и послал зов Мелифаро — если уж Джуффин сказал, что его надо приводить в чувство, значит, у бедняги действительно серьезные проблемы.

"Где ты, радость моя?" — приветливо осведомился я.

"Это ты, Макс? Или уже не ты?"

действительно был твой кошмарный заместитель — тот жуткий тип с головой вурдалака?

— Я тебе уже сказал, что это был сэр Макс, — равнодушно откликнулся Джуффин, — а ты почему-то не поверил... Впрочем, это не важно. Не обращай на него внимания — ты же слышал: я не собираюсь тебя ему отдавать, пока мы с тобой не побеседуем...

— А потом?! — Взвыл Йонги.

Я был готов заплодировать: его реакция превосходила мои самые смелые ожидания.

— Потом? Не знаю, — все так же безучастно ответил ему Джуффин. — Все зависит от результатов нашей беседы, Йонги.

— Чего ты от меня хочешь? — угрюмо спросил он.

— Очень хороший вопрос! — обрадовался мой шеф. — С него-то и надо было начинать. Все лучше, чем читать мне лекции о живых и мертвых — я не любитель слушать чужие рассуждения на вольную тему, ты же меня знаешь! — он ненадолго умолк, покинул подоконник, на котором только что восседал, подошел к нашему пленнику, внимательно его осмотрел, удивленно покачал головой — дескать, бывают же чудеса на свете! — уселся в свое кресло и продолжил:

— Ты здорово нагадил напоследок, Йонги. Проблема даже не в том, что ты испортил жизнь людям, с которыми тебя объединяло общее дело — я всегда знал, что тебе не свойственно чувство солидарности, и давно смирился с этим прискорбным фактом. Плохо другое: твои дурацкие, ты уж прости меня, мемуары поставили под угрозу само существование нашего Мира.

— Не выдумывай, Джуффин, — сердито сказал Йонги.

— А я и не выдумываю...

Дальше я уже не слышал: их голоса звучали где-то далеко, а я с пугающей скоростью уплывал в теплое темное море сна без сновидений — сам не заметил, как это случилось.

— Пора просыпаться, душа моя! — Жизнерадостный голос шефа вызывал у меня искреннее отвращение, равно как и веселенький солнечный свет за окном. Все-таки я ужасно не выспался, спать так мало — даже хуже, чем ничего! Но я сразу увидел в дальнем углу кабинета совершенно плоский силуэт Йонги Мелихаиса, вспомнил свою роль и сразу же включился в игру.

— Что, пора жрать вашего приятеля? Сейчас, только зубы почищу...

Йонги окончательно сник — мне даже показалось, что он стал полупрозрачным, но Джуффин тут же взял его под защиту.

— Твое пиршество пока отменяется, бедный-бедный сэр Макс, — весело сказал мой шеф. — Пока ты дрых, мы с Йонги пришли к некоему соглашению. Если он его выполнит, мы его отпустим. А тебе придется обойтись обычным человеческим завтраком из "Обжоры".

— Пожалуй, я тогда обойдусь вовсе без завтрака, — вздохнул я, обхватывая руками тяжеленную голову. — Дайте бальзама Кахара, Джуффин, или я просто скончаюсь у вас на глазах.

— Не преувеличивай, — строго сказал он, извлекая из ящика письменного стола бутылочку с самым чудодейственным тонирующим средством во Вселенной. — Такими вещами не шутят.

переключиться на другое зрелище. Я представил себе, как нажимаю кнопку на пульте, чтобы переключить себя с канала "Макс-1" на канал "Макс-2" — сравнение с телевидением понравилось мне больше, чем старомодная терминология моего шефа.

Он проследил за всеми переменами на моей физиономии, одобрительно кивнул и нетерпеливо сказал:

— Слушай, сэр Макс, ты давай решай: или ты жив — тогда поднимайся на ноги и пошли, у нас каждая минута на счету — или ты мертв. В таком случае лежи и оживай, а я побежал...

— Без меня? Фигушки! — Упрямо заявил я. — Жив я там, или мертв — это мы потом разберемся. Помогите мне встать.

— Запросто! — Он протянул мне руку, и через мгновение моя задница оторвалась от пола, а колени обиженно хрустнули, принимая на себя всю тяжесть непослушного тела. Я с удовольствием осмотрел пейзаж своей бывшей спальни с неизмеримой высоты человеческого роста, и тут мой взгляд упал на большое зеркало, которое осталось здесь с тех незапамятных времен, когда моя спальня действительно была просто спальней, и ничем другим, а я — начинающим Тайным Сыщиком и вообще новичком в этом изумительном Море и прикладывал массу титанических усилий, драпируясь по утрам в тонкую ткань лоохи. Теперь из обманчивой глубины посеребренной поверхности на меня внимательно смотрело такое страшилище, что я удержался на ногах исключительно благодаря собственной рассеянности: как-то забыл, что у людей принято падать в обморок, в случае чего...

— Что это? — наконец спросил я Джуффина. — Это я?

Он смущенно вздохнул.

— Моя вина, мальчик: надо было повесить это какой-нибудь тряпкой — до лучших времен... Не паникуй, сэр Макс: сейчас ты выглядишь совершенно нормально. Просто зеркало очень испугалось твоего давешнего облика — настолько, что перестало быть зеркалом. Так бывает — очень редко, но бывает... Боюсь, это дивное изображение поселилось в нем навсегда. Ничего, мы заклеим его цветной бумагой, будет очень мило...

— Сейчас тоже довольно мило, — с вымученным сарказмом сказал я. И снова усталился на чудовищное зрелище — как загнивающий, честное слово!

Парень, который смотрел на меня из зеркала, отличался огромным ростом и роскошной мускулатурой — мне такая и не снилась. Впрочем, вся эта красота была задрапирована в мою Мантию Смерти, так что не оставалось никаких сомнений: именно так я и выглядел несколько часов назад. Кисти его рук показались мне не правдоподобно красивыми: длинные, узкие, сверкающие какой-то противоестественной алебастровой белизной — их не портили даже длинные острые когти, напротив, они придавали конечностям существа некое нечеловеческое изящество. А вот с лицом у этого дяди была полная лажа. Лица, собственно говоря, не было. Зато имелась в наличии чудовищная звериная харя — скорее волчья, чем собачья. Во всяком случае, на добродушную лохматую морду Друппи она совершенно не походила. Особенно жуткими казались длинные глаза хищника: один живой и пронзительный, сияющий ярким зеленым светом, а другой — переполненный вязкой густой темнотой, без зрачка и радужной оболочки.

— Видела бы это моя бедная мама! — нервно рассмеялся я. — Бедняжке и так не

слишком нравилось то, что у нее случайно получилось... Слушайте, Джуффин, а вы знаете, на что это похоже?

— Что — твоя мама? — усмехнулся он.

— Да нет, этот парень, в которого вы нас превратили! Несколько тысячелетий назад в моем мире жили такие забавные ребята, древние египтяне, впрочем сами они называли свою землю не Египтом, а страной Кемет... Ну вот, именно так выглядели многочисленные боги, которым они поклонялись. Во всяком случае, так их изображали: с человеческим телом и звериной головой. Или птичьей... А одного из этих богов звали Анубис, и у него была голова шакала — можно считать, что вы превратили меня в его точную копию. И знаете чем он занимался? Был проводником умерших по царству смерти — представляете? Так что вы меня очень правильно превратили. Такая хорошая получилась цитата... Жалко, что вам не смешно!

— Между прочим, вполне возможно, что ты попал не совсем пальцем в небо, — задумчиво сказал Джуффин. — Этому заклинанию научил меня Махи, и он утверждал, что его придумали диковинные древние колдуны из какого-то другого мира — специально для путешествий через Хумгат... В то время я не слишком раздумывал над его словами — просто потому, что почти ничего не понимал... Знаешь, а ведь вполне может оказаться, что вы с Махи — земляки!

— Ага, — ядовито поддакнул я, — вылезли из одной темной бездны, на горе всему человечеству... Ладно, идемте отсюда. Или лучше потерять еще несколько минут и заклеить это грешное зеркало прямо сейчас? А то придет сюда наш главный заговорщик, Его Величество Гуриг — он хоть и потомок эльфов, но нервы-то не железные!

— Он сюда больше не придет, — совершенно серьезно возразил Джуффин, — одно из основных условий существования нашего тайного общества — никогда не собираться дважды в одном помещении и никогда — в одном и том же составе...

— Все равно надо как-то прикрыть эту красоту! — решительно сказал я. — Сюда может прийти Меламори... она увидит эту прелесть, сразу же вспомнит, как шарахалась от меня в начале нашего знакомства, и, чего доброго, решит, что не зря шарахалась, и тут же возобновит эту занимательную практику... И вообще, сюда может прийти кто угодно! Это же не квартира, а проходной двор какой-то...

— С твоей, между прочим, легкой руки, — проворчал мой шеф. — Ладно уж, сейчас исправим!

Элегантным жестом фокусника он извлек из воздуха тонкий лист полупрозрачной ярко-оранжевой бумаги и молниеносным движением закрыл чудовищный портрет Анубиса. Отошел на несколько шагов, полюбовался на дело своих рук и удовлетворенно кивнул.

— И это все? — Растерянно спросил я.

— А чего тебе еще?

— Оно не отклеится?

— А ты проверь, — самодовольно усмехнулся он.

Я старательно подергал уголок оранжевой бумаги. Она и не думала отклеиваться.

— Ты доволен, горе мое? — нетерпеливо спросил Джуффин. — А теперь пошли.

Нам вслед раздалось жалобное поскуливание Друппи. Пес явно не хотел оставаться один — после такого-то приключения!

— Надо взять его с собой, — растерянно сказал я, — а то свинство какое-то

возмутился Йонги. — Не забывай, Джуффин: я умер. Ты не можешь посадить меня в Холоми. Ты даже убить меня не можешь.

— Ну тут ты как раз ошибаешься, — ухмыльнулся Джуффин. — Позволь представить тебе этого молодого человека, моего заместителя. Его зовут сэр Макс, и у него есть хобби: в свободное от работы время парень обожает превращаться в гадкого злого зверя, который скитается по тропам мертвых. Настоящее чудовище! К тому же он питается ребятами вроде тебя — я не одобряю его вкус, но ничего не могу с этим поделать: у каждого свои предпочтения... Кстати, сегодня он не съел тебя исключительно из уважения ко мне: я сказал этому трепетному юноше, что соскучился за старым приятелем.

— Ты блефуешь, Джуффин, — нерешительно сказал Йонги. — Не может быть, что...

— Может! — жизнерадостно возразил Джуффин. — А как ты думаешь, кто тебя сюда притащил? Неужели не знаешь?

Йонги покосился на меня с ужасом и отвращением. Впрочем, в его глазах, пугающе живых и выразительных на совершенно плоском лице, теплилось некоторое недоверие: надежда умирает последней.

— Не хочу вас расстраивать, — равнодушно сказал я, — но это правда. — Повернулся к Джуффину и лениво спросил:

— Сэр, вы уверены, что из вашей беседы выйдет толк? А то у меня все тело зудит — просит превращений. Да и жрать охота... Вы же обещали!

— Обойдешься, — сурово ответил Джуффин, — только твоих дурацких превращений мне сейчас не хватало! Все удовольствия откладываются на потом. Пошли курьера в "Обжору", если так неймется. Думаю, Жижинда уже встала. Аппетит ты себе не перебьешь, не переживай: сэр Йонги неплохо пойдет после омлета... И вообще, дай мне спокойно поболтать со старым приятелем.

— Но мы же договаривались: если он не захочет вам помогать, я его забираю. А он не захочет, это видно невооруженным глазом.

— Ага, ты же у нас самый главный знаток человеческих душ! — фыркнул мой шеф. — Можешь давать платные консультации всем желающим!

— Начинается! — сварливо сказал я. — Как в Хумгат за мертвецами ходить, так "сэр Макс, пожалуйста", а как пожинать плоды своих трудов скорбных — так "сам дурак"!

— Правильно! — обрадовался Джуффин. — Именно так и обстоят дела. Ты все очень верно подметил!

Мы сами не заметили, как вошли во вкус и совершенно искренне препирались, временно забыв о перепуганном Йонги. Оказалось, что мы очень верно выбрали метод убеждения: пока Джуффин честно рассказывал своему бывшему соратнику, как обстоят дела, тот думал, что его просто пугают, а вот на наш любительский спектакль купился с потрохами — если они у него были, эти самые потроха, в чем я здорово сомневаюсь...

— Так это был он? — несчастным голосом спросил Йонги. Джуффин не ответил, поскольку был ужасно занят: пытался придать своей, и без того вполне злодейской, физиономии совсем уж кровожадное выражение.

— Джуффин, не молчи! — настаивал Йонги. Его глубокий, отлично поставленный голос сорвался на испуганный фальцет. — Я тебя спрашиваю: это

он. — Ну извини, сэр Макс. Значит, в следующий раз...

— А он будет — этот следующий раз? — растерянно спросил я.

— Поживем — увидим, — рассеянно отозвался Джуффин. — Так, смотри: Йонги уже с нами!

Он ухватил лежащую на полу занавеску и перевел ее в вертикальное положение. Создавалось впечатление, что в ткань завернуто что-то большое, но совершенно плоское и очень легкое — кусок фанеры, что ли... Через мгновение мой шеф сдернул занавеску и небрежно отбросил ее в сторону, а я с изумлением убедился, что не так уж и ошибался. Под ее покровом обнаружилось тело Йонги Мелихаиса, которое было бы похоже на живое человеческое тело, если бы не оказалось совершенно плоским — словно аккуратно вырезанное из большой, в два человеческих роста, фотографии. Это выглядело настолько дико, что мне стало не по себе. Если бы мертвый Йонги оказался традиционным скелетом, облаченным в обрывки савана, или полупрозрачным привидением с неопределенными сияющими контурами, я бы и глазом не моргнул. Но двухмерное изображение, ведущее себя как совершенно живой человек — это было немного слишком! Тем не менее, я сразу узнал его обаятельное лукавое лицо и аккуратную белую бородку — точно так же он выглядел совсем недавно, когда я... Одним словом, это воспоминание повлекло за собой целую вереницу других, но голос моего шефа помог мне выбраться из тревожного болота некстати пробудившейся памяти.

— Лихо у меня вышло! — одобительно заметил Джуффин. — А ведь всего-то один раз принимал участие в подобном деле... — он насмешливо посмотрел на меня и добавил:

— Махи мне тоже сказал тогда, чтобы я учился, и мне тоже показалось, что я ничего не понял — в точности как тебе сегодня... С тех пор прошло почти шестьсот лет, и вот — получилось!

— Хотите сказать, что вы занимались этим второй раз в жизни? — Ошеломленно переспросил я.

— Можно сказать, что в первый, поскольку тогда я просто озадаченно пялился на своего шефа — совсем как ты на меня. Но оказалось, что я все усвоил. Думаю, когда-нибудь ты тоже поймешь, что сегодняшний урок не прошел зря... Все повторяется, сэр Макс, и это настораживает... Как ты себя чувствуешь, Йонги? — приветливо спросил он у нашего кошмарного двухмерного пленника.

— Омерзительно, — сварливо отозвался тот. — Зачем тебе понадобилось посылать за мной это чудище, Джуффин? Оно чуть меня не сожрало, между прочим... И вообще — зачем это все? Зачем тревожить мертвых?

— Так, одно дельце образовалось, — невозмутимо объяснил Джуффин.

— Я умер, ты жив. Какие у нас могут быть дела? — Мрачно спросил Йонги. — Я всегда знал, что ты сумасшедший, кеттариец. Самый безумный колдун в этом дрянном местечке, почище некоронованного короля невменяемых Магистров Нуфлина! Но мне и в голову не приходило, что ты способен нарушить Закон о свободе мертвых.

— Разумеется, тебе в голову не приходило. В противном случае, ты бы не решился осчастливить человечество своими дурацкими мемуарами, — усмехнулся Джуффин.

— Что? Ты решился потревожить меня из-за мелочного чувства обиды? —

получается...

— Надо, так бери, — невозмутимо согласился мой шеф, — только быстро. И учти: если наш прекрасный Мир все-таки рухнет, это произойдет исключительно благодаря твоей милой привычке растягивать любое удовольствие на долгие часы...

— Сейчас, — я торопливо вернулся к Друппи, и ласково сказал ему:

-Уговорил, дружище. Пошли!

Пес тут же вскочил, немного помотал ушами — от полноты чувств — и поспешно устремился за нами.

— Теперь-то вы согласитесь совершить небольшую поездку на амобилере, господа? — ехидно осведомился Джуффин, галантно распахивая перед нами входную дверь

— А что, с этим у нас были проблемы? — удивился я, и тут же вспомнил: да, действительно были.

— С чем только их не было, — насмешливо вздохнул он. — А самая большая проблема у нас возникла с сэром Мелифаро. Помнишь, мы его встретили по дороге...

Я помотал головой и уселся за рычаг служебного амобилера — какая-то добрая душа успела его сюда пригнать. Друппи не дожидаясь приглашения устроился на заднем сидении, Джуффин одобрительно на него покосился и занял место рядом со мной.

— Неужели ты не помнишь эту чудесную встречу? Учти, сэр Макс: я тебя не просто так торможу. Будет лучше, если ты вспомнишь все, что с тобой случилось — в противном случае непонятно, зачем все это вообще было нужно...

— Как зачем? Чтобы привести сюда Йонги Мелихаиса, — я пожал плечами и тронулся с места.

— Неужели тебе не интересно? — не отставал мой шеф.

Я уже понял, что Джуффин не оставит меня в покое: его знаменитая мертвая хватка, как же, как же...

— Мне интересно, — вежливо сказал я, — но я ничего не могу вспомнить... Почти ничего. Может быть потом...

— Ага, твоя коронная отмазка типа "очень вкусно, большое спасибо, но мне что-то не хочется!" — насмешливо заметил Джуффин. Я покосился на него с некоторым удивлением: насколько я мог припомнить, я ни разу не употреблял эту фразу после того, как поселился в Ехо, но это действительно была моя палочка-выручалочка — когда-то очень давно, в детстве я прибежал к ней, когда неуправляемые взрослые люди пытались в очередной раз накормить меня какой-нибудь полезной, по их мнению, пакостью. Я быстро заметил, что вежливость вполне способна нейтрализовать их активность — хотя бы на какое-то время...

— Макс, я действительно знаю о тебе абсолютно все — иногда, если очень припечет, — примирительно улыбнулся Джуффин. — С этим просто надо смириться... Учти: еще неизвестно, кому из нас хуже!

— Это правда, — я одарил его кривой улыбкой, а потом с надеждой спросил:

— Так может быть, вы знаете, что было со мной этой ночью, и мне ничего не нужно вспоминать?

— Знаю, — просто согласился он, — но вспоминать тебе все равно придется самому. Если ты получишь информацию от меня, в ней не будет никакой ценности.

С таким же успехом ты мог бы сидеть дома и читать книжки о фантастических приключениях, вместо того, чтобы обременять себя переездом в Ехо...

— Экий вы мудрый... и вредный! — вздохнул я. — Ладно, тогда хоть скажите, что у нас случилось с Мелифаро. Память пока крутит кукиш перед моим любопытным носом, а мне же ему в глаза смотреть придется...

— Да ничего особенного у вас не случилось, — улыбнулся мой шеф, — просто он тебя увидел... По-моему, вполне достаточно!

— А я его не обижал? — осторожно уточнил я.

— Да вроде нет. Ну, порычал немножко...

— Стоп! — я даже сбавил скорость во избежание всяческих дорожных неприятностей, поскольку вспомнил этот эпизод: он возник передо мной, четкий и яркий, как кадры хорошо поставленного фильма ужасов.

— Вспомнил? — Обрадовался Джуффин. — Ну вот... Да ты не переживай, у него крепкие нервы.

— Будем надеяться, — вздохнул я. — Хорошо хоть мне удалось как-то взять себя в руки!

— Думаю, это заслуга Друппи, — совершенно серьезно заметил Джуффин. — В отличие от тебя он обладает сдержанностью и добродушием, каковых за тобой отродясь не водилось. Впрочем, мне даже понравилось существо, в которое ты превратился. Оно оказалось грубым, немилосердным и веселым — насколько такие существа вообще могут быть веселыми. По-моему, это твои лучшие качества, сэр Макс!

— Неплохая служебная характеристика, — фыркнул я. — Грубый, немилосердный и веселый — думаю, именно таким и должен быть настоящий коп! Или грыз — так их называл мой приятель Андэ Пу, величайший поэт всех времен и народов... Имейте меня в виду, если генералу Бубуте понадобится преемник! По-моему, я буду просто роскошно смотреться в кресле начальника Городской Полиции — вам так не кажется?

— Обойдешься, — ухмыльнулся Джуффин. — Впрочем, кресло-то как раз вполне может опустеть в самое ближайшее время. Если верить этому болтуну Йонги, наш Бубута здорово проворовался — с йонгиной помощью, разумеется.

— Вот это да! — Расхохотался я. — И теперь его отправят в Нунду?

— Ну, до этого дело не дойдет, — серьезно сказал мой шеф, — а вот свое место он вполне может потерять — если нам с Королем не покажется, что безопаснее даровать полную амнистию всем, кто замазался в йонгино дерьмо... Скорее всего, так и случится, поскольку если мы признаем, что Йонги сказал хоть одно слово правды в своих грешных мемуарах...

— Ну да, будет очень трудно разобраться, где заканчивается правда и начинается вранье, — понимающе кивнул я, — лучше уж махнуть на все рукой... Кстати, а что он воровал, наш браваый генерал Бубута?

— Как — что? Деньги, разумеется. — Невозмутимо сообщил Джуффин. — Время от времени Йонги изменял свой облик и приходил наниматься на службу в Полицию. Бубута оформлял все как положено, заносил его имя в списки Канцелярии Довольствия, выписывал жалование... У Бубуты был целый отряд из таких вот несуществующих полицейских, а ведь им кроме жалования полагаются деньги на обмундирование и обувь, бесплатное питание на работе, личное оружие — знаешь,

сколько стоит хорошая рогатка Бабум? — служебные амобилеры — один на четверых, ежегодные премии и все такое — вместе набегала приличная сумма. Потом они с Йонги делили эту самую приличную сумму то ли "по-честному", то ли просто поровну... Я понимаю, что тебе ужасно интересно, но мы уже приехали, а посему — тормози.

— Нет в жизни счастья! — фыркнул я. — Я бы вас сутками слушал!

— Не сомневаюсь, — весело согласился Джуффин, поспешно покидая амобилер. — Бубутины подвиги — это же самое интересное, не то что твои задрипанные путешествия между Мирами...

На сей раз Друппи было позволено войти в святая святых Дома у Моста — кабинет сэра Джуффина Халли и уютно устроиться на теплом полу возле зачарованного окна. Куруш, который давно привык к тому, что он является единственным и неповторимым представителем фауны на этой заповедной территории, сегодня ни словом не возразил против вторжения мой собаки — сразу понял, что так надо. Зато нам с Джуффином достался выговор: оказывается, у нашей мудрой птицы закончились орехи, кроме того Курушу уже два дня никто не покупал пирожных. "Уйду я от вас в Большой Архив! — напоследок пригрозил буривах. — Луукфи Пэнц никогда не забывает вовремя отправлять курьера за орехами!"

Мы с Джуффином виновато переглянулись. Дело кончилось тем, что мы принесли Курушу страшную клятву, что уже через минуту после открытия "Обжоры Бунбы" в его распоряжении будет столько пирожных, сколько он пожелает, и угробили несколько драгоценных минут на обыск многочисленных ящиков нашего письменного стола. Орехов, которые мы там обнаружили, должно было хватить на целую дюжину буривахов, но наш Куруш — это нечто особенное! Он проворчал: "ну, хоть что-то", — флегматично покопался в обнаруженных нами россыпях лакомства, нахохлился и задремал.

— Ну вот, с делами мы покончили, теперь можем развлекаться! — ехидно шепнул мне Джуффин. Мне показалось, что шеф говорит так тихо, чтобы Куруш не услышал его сарказма, и я в очередной раз задумался: кто же у нас все-таки первое лицо в Соединенном Королевстве? Ответ напрашивался сам собой...

Джуффин тем временем запер дверь кабинета, немного подумал, потом решительно встряхнул кистями рук и тут же молниеносным движением сдернул с окна занавеску и набросил ее на нечто невидимое. Судя по тому, как задержался комок ткани под его руками, это самое нечто было живым и отчаянно пыталось освободиться — Впрочем, безрезультатно.

— Смотри внимательно, Макс, — весело сказал Джуффин, — учись, пока есть чему учиться!

После этого заявления он резко хлопнул по свертку обеими руками, а потом забормотал какую-то околесицу — я не понял ни слова, более того, я вообще не уверен, что эти торопливые звуки были человеческой речью. Тонкая ткань перестала судорожно дергаться и засияла тусклым светом, словно под нею была спрятана настольная лампа. Мой шеф поднял голову и торжествующе резюмировал:

— Ну вот!

— Интересно, вы действительно были уверены, что я чему-то научусь? — Ехидно спросил я.

— А что, разве нет? Я-то думал, ты все схватываешь на лету! — Ухмыльнулся

наблюдательнее, ты бы заметил, что в моем кабинете нет ни единой пылинки, кроме той, что ты столь неосмотрительно стряхнул с полки... — он наконец понял, что я уже почти готов испугаться, и снисходительно пояснил:

— Я сам всегда произвожу уборку в своем кабинете, поскольку было бы несправедливо заставлять других людей страдать из-за моей любви к чистоте. И, как ты сам понимаешь, после моей уборки в этом помещении не остается ни пылинки — кроме одной единственной. Это очень хитрая пылинка, Макс. Однажды я заметил, что она прячется от меня во время уборки — как разумное живое существо. А когда уборка заканчивается, эта пылинка снова появляется на виду. Она, знаешь ли, весьма общительна и довольно бесстрашна...

— "Общительна"? "Бесстрашна"? Пылинка?! — я уже ничего не понимал.

— Можешь себе представить, — невозмутимо подтвердил Шурф. — После того, как я это понял, я проник к ней уважением и взял эту пылинку под свою защиту. Теперь она имеет право покоиться на любой из моих полок — какая ей понравится. Взамен пылинка обещала мне не находиться на полу, ковре, стенах и подоконниках, поскольку я объяснил ей, что в этой ситуации она утратит индивидуальность и станет похожа на обыкновенную бытовую грязь. Надеюсь, теперь ты понял, почему я был несколько выбит из колеи, когда ты уронил ее на пол.

— Теперь понял, — сдержанно согласился я.

Будь на его месте кто-нибудь другой, я бы уже хохотал, как сумасшедший, но ради сэра Шурфа Лонли-Локли я был готов держать себя в руках сколько понадобится — хоть до следующего года, который, впрочем, был не за горами.

— Ладно, — сказал я, усаживаясь по-турецки на краю ковра. — Надеюсь, твоя маленькая приятельница не станет обижаться на неуклюжего дядю Макса. Передай ей мои искренние сожаления по поводу этого инцидента. А теперь рассказывай: что все-таки у тебя стряслось?

— Я уже один раз поправил тебя: не "стряслось", а просто случилось, — педантично заметил Шурф, усаживаясь рядом. — Ничего из ряда вон выходящего. Просто я получил наследство.

— Ты мне вот что скажи: тебя поздравлять, или соболезновать? — спросил я. — Вообще-то наследство — неплохая штука. Но иногда мы получаем его одновременно с известием о смерти хорошего человека, так что...

— Меня не следует поздравлять и, уж тем более, соболезновать, — равнодушно сказал Шурф. — Наследство, насколько я уяснил, пустяковое: старая ферма в горах Графства Хотта и несколько сундуков с добром, которое могло бы осчастливить разве что владельца соседней фермы... А получил я его от человека, которого ни разу в жизни в глаза не видел, так что требовать от тебя соболезнований было бы несколько фальшиво. Если они кому-то и нужны, так это Хельне, поскольку умер ее двоюродный дед, Хурумха Кутык... впрочем, насколько я знаю, она никогда не была особо дружна с его семьей.

— Но почему он завещал тебе свое имущество?

— Не знаю. Тем не менее, каждый покойник имеет право на уважительное отношение к его последней воле... особенно если он не поленился стать призраком, чтобы лично высказать свои пожелания.

— Стоп! — решительно сказал я. — Поскольку я ничего не понимаю... Сэр Шурф, а можно все по порядку? Не такая уж у меня гениальная голова, скорее

— Я уже понял, — усмехнулся я. — Пойду поищу, кто бы меня исцелил...

— А тебе что, действительно обидно? — восхитился Мелифаро.

— Ага, — честно сказал я. — Пойду-ка я, пожалуй, к себе в кабинет...

— И что ты там будешь делать?

— Страдать!

— В таком случае, я отправлюсь за тобой и буду подглядывать а замочную скважину: грех пропускать такое зрелище! — Решительно сказал он.

Я поднялся со стула и направился к двери. Стыдно сказать, но я на полном серьезе собирался сидеть в одиночестве и репетировать свою партию в предстоящей беседе с сэром Джуффином. Впервые с момента нашего знакомства я испытывал непреодолимое желание с ним поругаться.

— Вот увидишь, этот злодей, наш шеф, отмажется, да так, что ты еще дюжину дней будешь чувствовать себя законченным кретином, — сочувственно сказал Мелифаро. — Проверено практикой!

— Поживем — увидим, — буркнул я. Открыл дверь и услышал хорошо знакомый оперный бас. В Управлении Полного Порядка есть только одно человеческое существо, способное вопить так, что его слышно во всем здании, да еще и на всех окрестных улицах, полагаю! До меня доносились только обрывки фраз, в которых фигурировали "дерьмо", "дерьмовые дерьмоглоты", "дерьмовое дерьмохлебство" и прочие производные от этого замечательного слова — настоящий монолог короля Лира в изгнании, еще не прошедший литературную обработку Шекспира.

— Бубута разошелся! — Почти нежно сказал я. — Давненько он не шумел... С чего бы это?

— Как это — с чего? — Мелифаро продемонстрировал мне не меньше тысячи белоснежных зубов. — У Бубуты серьезные неприятности. Не знаю, рухнет ли завтра Мир, как обещал тебе наш правдивый сказочник сэр Джуффин, а вот кресло генерала Бубуты очень даже может рухнуть. Представляешь, какой будет грохот?

— Примерно, — невольно улыбнулся я. — Джуффин мне говорил, что Бубута крупно проворовался, но я думал, что все герои мемуаров сэра Йонги будут амнистированы...

— Может быть будут, — пожал плечами Мелифаро. — А может и нет... Но у Бубуты сдают нервы. Он всю ночь вопил — единственная светлая страница в этой дрянной истории! Думаю, я должен сказать ему спасибо: он меня здорово развлекал.

— Я тоже должен сказать ему спасибо, — кивнул я. — Послушаешь немного и понимаешь: все суeta суeta, и проблемы мои яйца выеденного не стоят. Вот у человека действительно проблемы!

Когда часа через три на меня свалился совершенно счастливый Джуффин, я уже окончательно утратил желание как следует поскандальить: сэр Мелифаро внезапно решил, что теперь его очередь поднимать мое настроение, и у него почти получилось. Ему помогали Друппи, Куруш и прочая диковинная фауна Управления Полного Порядка — вроде генерала Бубуты. Кроме того, мне достался один совершенно настоящий поцелуй — почти украдкой, в полутемном коридоре Управления, где я столкнулся с леди Меламори, которая как раз доставила в Дом у Моста еще одно "кудесника", проштрафившегося прошлой ночью — мы все здорово надеялись, что он окажется последним. Так что я просто адресовал своему шефу

укоризненный взгляд — единственное, на что меня хватило.

— Ага, мудрый сэр Макс уже разоблачил коварного интригана. Поздравляю! Драться будем? — весело спросил Джуффин. — Или поговорим как джентльмены?

— Куда уж мне с вами драться! — вздохнул я.

— Почему бы и нет? Думаю, ты вполне мог бы попробовать, — оптимистически заявил он. — Мой добрый приятель Йонги поставил бы на тебя, гарантирую!

— Где он, кстати? — равнодушно поинтересовался я.

— Там, откуда ты его извлек, я полагаю. Или еще где-нибудь... Парень выполнил свою часть договора, а я — свою. Думаю, наши горожане больше никогда в жизни не поверят ни одному печатному слову, начиная с утренних газет и заканчивая Энциклопедией сэра Манги. Ох, видел бы ты ошеломленные рожи свидетелей его покаяния на Площади Зрелищ и Увеселений... Одним словом, несколько дюжин репутаций, начиная с моей, благополучно восстановлены, наши славные горожане надолго зареклись от дальнейших экспериментов с запретной магией, так что я честно отпустил Йонги на все четыре стороны — глупое выражение, правда? Вообще-то их гораздо больше, этих грешных сторон!

— Не сомневаюсь... Ладно, а теперь скажите — только честно: зачем вы меня так перепугали? Это было обязательно — меня обманывать?

— Совершенно необходимо, — спокойно ответил Джуффин. — Странно, сэр Макс, что ты до сих пор не обратил внимания: я никогда ничего не делаю просто так, даже глупости. Скажем так — особенно глупости! Если уж я задел локтем кружку, и она упала на пол — значит так было надо.

— Ваша очередная кружка очень интересуется: на кой черт вам понадобилось ронять ее на пол? — ехидно сказал я.

— Все очень просто. Мне был нужен Йонги, — Джуффин пожал плечами, — мне приспичило заполучить этого горе-писателя, причем куда больше, чем ты думаешь... А тебе было нужно совершить это грешное путешествие по тропе мертвых — просто потому, что время пришло.

— Ну вот так бы и сказали, — вздохнул я, — а то — "Мир рушится, Мир рушится"... Не нужно делать из меня идиота, я и так вполне идиот!

— Возможно, ты мне неверишь, — доверительными шепотом сообщил Джуффин, — но у меня есть заботы поважнее, чем сомнительные эксперименты с твоими умственными способностями... Слушай, Макс, у тебя ведь неплохое воображение. Призови его на помощь, и представь себе, что бы было, если бы я честно сказал тебе: "вообще-то, ничего страшного не происходит, Мир пока не рушится, с текущими неприятностями мы худо-бедно справляемся, но все-таки было бы неплохо, если бы ты любезно позволил мне превратить тебя в некое невероятное существо, поведение которого ты не сможешь контролировать, и отправить тебя по Тропе Мертвых на поиски покойного Йонги... Да, кстати, я никогда раньше не занимался подобными фокусами, а в глубине души почти уверен, что вернуться из этого путешествия тебе не удастся!" Не думаю, что такое предложение вызвало бы у тебя приступ энтузиазма...

— Я тоже так не думаю, — признался я. — Но неужели вам действительно настолько приспичило заполучить Йонги?

— Именно настолько, — согласился Джуффин. — Моя проклятая кеттарийская практичность! Знать, что есть способ уладить все проблемы одним махом, вместо

огромная по моим представлениям полезная площадь и минимум мебели. Я уже давно привык к такому порядку вещей: к хорошему привыкнуть — раз плюнуть! Но кабинет сэра Шурфа Лонли-Локли до сих пор кажется мне своего рода "спортзалом", специально предназначенном для тренировок каких-нибудь гигантов. Кабинет занимал весь этаж, думаю, его площадь была никак не меньше тысячи квадратов, а высота стен составляла добрую дюжину метров, так что потолок казался мне почти таким же далеким, как звездное небо. Мебели в кабинете не было вовсе — только несколько стеллажей с книгами у дальней стены. Сидеть хозяин дома предпочитал на тонком ковре, таком же безупречно белоснежном, как пол, стены и потолок, а иногда — просто на подоконнике всегда распахнутого настезь окна, из которого открывался совершенно изумительный вид на освещенные многочисленными огнями воды Хурана. Я уже не раз бывал в этом кабинете и успел изучить немногочисленные, но неизменные привычки хозяина. Например, я отлично знал, что Шурфу будет приятно, если я несколько минут постою перед одним из стеллажей с книгами, восхищенно качая головой и как бы не решаясь попросить его дать мне почитать одно из этих сокровищ. Просить, собственно говоря, не полагалось ни в коем случае, поскольку, с одной стороны, сэр Шурф ни за какие коврижки не согласился бы расстаться с книгой из своей библиотеки, с другой стороны, ради такого близкого друга как я, он был готов почти на все. Такая дилемма вполне могла бы свести парня с ума. Боюсь, тут даже его хваленая дыхательная гимнастика не очень-то помогла бы! Экспериментировать с его рассудком мне пока не хотелось, поэтому я просто исполнил непродолжительный ритуальный танец перед стеллажом, немного покачал головой и промычал что-то изумленно-невразумительное, старательно пытаюсь изобразить завистливый блеск в глазах. Наконец я решил, что хорошего понемножку, прекратил топтаться, развернулся и направился к коврику, чтобы устроиться поудобнее и наконец-то узнать, что стряслось.

— Какой ты все-таки неуклюжий, Макс, — почти сердито проворчал Шурф. Подошел к стеллажу, возле которого я только что стоял, наклонился, поднял с земли что-то невидимое и бережно поместил это самое невидимое на одну из полок.

— Что я успел натворить? — изумился я.

— Ты слишком быстро развернулся и уронил на пол мою пылинку, — невозмутимо пояснил он. — Хочешь сказать, ты ее не заметил?

— Пылинку? — я уже ничего не понимал. Честно говоря, я даже забеспокоился: а вдруг сейчас окажется, что в светлой голове сэра Лонли-Локли перегорел какой-нибудь полезный полупроводник, и ему сейчас требуется не дружеская беседа со мной, а несколько дюжин спокойных дней в Приюте Безумных? Только этого не хватало!

— Я не устаю удивляться твоей невнимательности, — строго сказал Шурф. — Вообще-то, при твоём могуществе следует придавать немного больше значения всему, что происходит в окружающем мире! Неужели ты не заметил, что на этой полке была пылинка? Между прочим, она не так уж мала!

— Я сейчас буду или плакать, или смеяться, — честно предупредил я. — Вот только решу, что уместнее в данной ситуации... Что за пылинка, Шурф? Ты же не выносишь пыли!

— Правильно, не выношу, — кивнул он. — Если бы ты был немного

заходил в дом своего друга через парадную дверь, как приличный человек. Наконец я нашел крошечный переулок, который привел меня к нужному месту. Зато мне не пришлось лишний раз мучить свой хрупкий организм Безмолвной речью: сэр Шурф уже ждал меня у этой самой калитки. Его домашнее лоохи было таким же безупречно белоснежным, как и одежда, в которой он ежедневно появляется в Доме у Моста. Только ни защитных рукавиц, ни, тем более, смертоносных перчаток на его руках не было. Ну хоть дома он их снимает, и на том спасибо!

— А почему ты-то не на службе? — спросил я. — У ребят там Магистры знают что творится — бардак похуже, чем накануне Последнего Дня года!

— А что мне там делать? — невозмутимо пожал плечами Шурф. — Убивать никого не надо — дело-то пустяковое! И вообще наши коллеги давно могли бы разойтись по домам, если бы сэр Мелифаро не вбил в свою упрямую голову, что все должно быть сделано за сутки. В кои-то веки в этом нет никакой нужды!

— Вот-вот! — обрадовался я. — Я ему тоже пробовал это объяснить, но он только тихо зарычал. Полагаю, к утру он будет кусаться!

— Не думаю, что до этого дойдет, — кажется, сэр Шурф отнесся к моему предположению совершенно серьезно. — Сэр Мелифаро — действительно довольно неуравновешенный молодой человек, но не настолько, я тебя уверяю!

— А что у тебя случилось-то? — спросил я. — И к чему вся эта таинственность с задними проходами... пардон — калитками?

— Просто я не хочу, чтобы моя жена знала о твоём визите, — спокойно объяснил он.

— С каких это пор я впал в немилость в твоём доме? — удивился я. — До сих пор мы с твоей женой отлично ладили!

Это была сушая правда. Жена сэра Шурфа, маленькая леди Хельна, была жизнерадостной, приветливой и смешливой, так что поладить с ней оказалось легче легкого. Думаю, даже если бы я поставил себе цель вызвать ее устойчивую неприязнь, у меня все равно ничего бы не получилось!

— Ты не впал в немилость, так что не говори ерунду. Хельна была бы очень рада твоему визиту, но... Я тебе потом все объясню, — Лонли-Локли пожал плечами. — Это долгий разговор, а зимой я предпочитаю вести беседу не в саду, а у себя в кабинете.

— Какая это зима! — презрительным тоном бывалого полярника сказал я.

Я до сих пор нахожусь в состоянии непрерывного восхищения мягким климатом Ехо. То есть, если однажды ночью температура здесь упадет до нуля по Цельсию, горожане еще долго будут вспоминать эту зиму, как одну из самых холодных в истории Соединенного Королевства. А сейчас — если бы у меня был с собой термометр, ртутный столбик наверняка поднялся бы до отметки +10. Никаких метеорологических приборов у меня, разумеется не было, но кончик моего носа оставался теплым — надежное доказательство абсолютного климатического благополучия...

Тем не менее, предупредительно прохладные порывы ветра с Хурана быстро загнали нас в помещение. Шурф провел меня в дом через черный ход, потом мы довольно долго поднимались по винтовой лестнице в его кабинет, расположенный на последнем этаже огромного трехэтажного дома. В начале моей жизни в Ехо абсолютно все здешние жилые помещения напоминали мне спортивные залы:

того, чтобы посвятить этому великому деянию остаток своей жизни — и даже не попытаться... Извини, Макс, но это — не для меня! Впрочем, если бы ты сам не завел разговор про жизнь после смерти и про так называемую "душу" Йонги, который должен вернуться и исправить последствия своей идиотской выходки, я бы ни за что не стал подвергать тебя такому риску. Но если уж сказал "мяу" — будь любезен показать когти. И ты их показал, надо отдать тебе должное... Слушай, сэр Макс, не будь занудой! Ты и сам прекрасно знаешь, что пальцем не пошевелишь, пока тебя не припрут к стенке — вот я и припер. И ты просто замечательно пошевелил своим грешным пальцем. Какие проблемы?

Я вдруг кое-что вспомнил и расхохотался — были в моем веселье истерические нотки, порядком раздражавшие меня самого, но я их быстренько ликвидировал. Джуффин взирал на меня с некоторым удивлением.

— Знаете, как проводит вечность ваш приятель Йонги — там, по ту сторону смерти? — сквозь смех спросил я. — Я только что вспомнил: там с ним были вы и Магистр Нуфлин. Вы делали ему педикюр, честное слово!

— Хорошо хоть не что-нибудь другое, — усмехнулся Джуффин. — Да уж, можно только позавидовать его сладким видениям! Простой он, в сущности, парень, наш хитрец Йонги: такой изощренный ум, и такие примитивные устремления... Знаешь, что он мне сказал, пока ты дрых? Признался, что затеял всю эту историю со своими мемуарами специально для того, чтобы "насмешить Вечность". Сказал, что всю жизнь пытался привлечь к себе ее внимание. И безобразия свои творил не для собственного удовольствия, а для этой привередливой дамы — если Вечность можно называть дамой... Йонги совершенно уверен, что его личность уцелела после смерти именно потому, что он понравился Вечности. Дескать, она не могла отказать себе в удовольствии и дальше любоваться на его проделки, а посему великопный Йонги Мелихаис может благополучно продолжать свое существование... Дырку над ним в небе, Макс — он меня почти убедил, хотя сейчас я понимаю, насколько бредово звучит подобное утверждение!

— Да уж, — вяло откликнулся я. — Знаете, если Вечности действительно все это нравится, значит она — дура!

— Вечность — дура! — с удовольствием повторил Джуффин. — Напиши это на первой попавшейся стене, сэр Макс, я тебя умоляю!

— С удовольствием, — невольно улыбнулся я, — Впрочем, вам самому даже сподручнее: вы же живете на Левом Берегу, у вас там и стен, и заборов тьма-тьмущая, а по ночам темно и безлюдно. А еще лучше — напишите это в небе, огненными буквами, вы же наверняка умеете... Ладно, теперь скажите: можно я отвезу домой свою собаку? И себя самого заодно. Я устал зверски...

— Могу себе представить, — сочувственно кивнул Джуффин, — ладно уж, можешь спать, пока самому не надоест, благо все наши беды уже позади.

— Если меня никто не разбудит до завтрашнего утра, я перестану на вас обижаться и даже не буду писать донос Магистру Нуфлину, — проникновенно сказал я. — Более того, я порву те семьсот сорок восемь доносов, которые уже успел написать в ваше отсутствие.

— Так мило с твоей стороны, я тронут до слез! — не менее проникновенно откликнулся мой шеф.

Я действительно дрых как убитый. Друппи улегся на пороге моей спальни: он

наотрез отказывался со мной расставаться. А когда я проснулся, было замечательное солнечное утро, и события минувшего дня показались мне одним из многочисленных нелепых снов, который можно забыть, а можно и вспомнить — почему бы и нет! По дороге в Дом у Моста я внимательно разглядывал городские улицы. Ничего из ряда вон выходящего на них не обнаруживалось, и это радовало меня бесконечно — как всегда после очередной передраги.

— Ты проспал все на свете! — Весело сообщил мне шеф, встречая меня на пороге кабинета. — Прими мои соболезнования, сэр Макс! Можешь считать, что твоя жизнь прошла совершенно напрасно.

— Что еще у вас случилось? — озадаченно спросил я.

— Этой ночью в стенах Управления вершилась великая мистерия, — драматическим шепотом поведал мне Джуффин, — тайное разбирательство по делу генерала Бубуты — можешь себе представить!

— Не могу, — честно сказал я. И удивленно спросил:

— А как же амнистия для всех жертв Йонги Мелихаиса? Вы же говорили, что...

— Все правильно, — кивнул Джуффин, — никто не потащит Бубуту в суд... да и нас с Гуригом никто в суд не потащит, если уж на то пошло! Официально считается, что ничего не было... думаю, через несколько лет даже сами участники событий поверят, что этот негодник Йонги их подло оклеветал! Но генерал Бубута — обладатель Ока Гнева, и мы были просто обязаны выяснить, может ли он и дальше оставаться под его защитой.

— Что это за "Око Гнева" такое? — изумился я. — Впервые слышу!

— В этом прекрасном Мире, хвала Магистрам, полным-полно вещей, о которых тебе еще предстоит услышать впервые, счастливчик! — снисходительно улыбнулся он. — Если честно, я тебе даже немного завидую... А Око Гнева — действительно интересная штука. Своего рода талисман от служебных неприятностей. Это вообще отдельная история — и довольно длинная.

— Тогда рассказывайте, — попросил я. — Обожаю длинные истории.

— Не сомневаюсь. Ладно, могу и рассказать, — Джуффин поудобнее устроился в кресле, подождал, пока я усядусь напротив, и заботливо подвинул ко мне кружку с камрой. — Дело было так: когда Соединенным Королевством правил Гуриг V по прозвищу Малыш...

— А он действительно был маленький? — весело уточнил я.

— Вполне маленький. Не такой, как граф Гачилло Темный Мешок, но все-таки маленький. Думаю, тебе он едва достал бы до плеча... Так вот, в его времена существовал Орден Стальных Каблуков — не слишком многочисленный, но весьма могущественный. Все члены этого Ордена носили особенную обувь на высоких каблуках из драгоценной стали, украшенных совершенно фантастическими узорами — я видел одну пару в Королевской сокровищнице, это нечто, можешь мне поверить! Понятно, что Гуригу Малышу это не нравилось...

— Почему? — удивился я. — В отличие от вас, мне как раз совершенно непонятно!

— Ну, сам подумай: он был такой маленький, — усмехнулся Джуффин, — а эти ребята на своих каблучицах — такие огромные! Королю казалось, что это наносит ущерб его достоинству. Одним словом, он попытался запретить членам Ордена носить обувь на каблуках в общественных местах. Те, ясное дело, возмутились и

вампирами и беспокоить на том свете несчастных покойников. Но когда нужно просто нормально работать, пользы от меня никакой, скорее уж наоборот! Поэтому я мог спокойно смотреть кино. Во всяком случае, так мне казалось, когда я поднимался в "кинозал", предварительно включив свет во всем доме, чтобы обыкновенная дверь, ведущая в мою спальню, не оказалась Дверью в Коридор между Мирами: с некоторых пор двери — это мое слабое место, и чего мне точно не стоит делать, так это открывать их в темноте...

"Макс, ты сейчас очень занят?" — зов сэра Шурфа Лонли-Локли настиг меня в тот момент, когда я замер перед стеллажом с кассетами, пытаюсь решить: следует ли мне делать сознательный выбор, или положиться на волю случая и достать что-нибудь наугад.

"Я ужасно занят", — проникновенно ответил я. Потом вспомнил, что шутки мой друг понимает только на Темной Стороне и поспешно добавил: "На самом деле я просто собрался посмотреть кино, Шурф. А у нас что-то стряслось?"

"Не у нас, а только у меня, — невозмутимо поправил он. — И не "стряслось", а, скажем так, случилось. Ничего из ряда вон выходящего. Если ты занят, я могу подождать..."

Ага, как же! К сожалению, я еще не настолько продвинулся в своем, с позволения сказать, духовном развитии, чтобы оставаться в этой грешной спальне и спокойно смотреть кино после того, как сэр Шурф Лонли-Локли заявил, что у него что-то "случилось"! То есть, я бы мог совершить сей бессмертный подвиг, если бы это было необходимо для спасения Вселенной от надвигающейся гибели, и у меня самого не хватает воображения представить, какие муки мне пришлось бы пережить! Во-первых, я действительно любопытен, а во-вторых... Вообще-то, сэр Шурф Лонли-Локли принадлежит к людям, с которыми никогда ничего не "случается": строгие не улыбочивые дяди вроде него самолично дрессируют реальность и заставляют бедняжку плясать под их дудку, успевая следить за тем, чтобы она не слишком лихо крутила задницей. До сих пор мне казалось, что в случае с Шурфом, реальность влипла особенно круто, и тут — на тебе!

"Куда ехать-то? — спросил я. — Ты в Управлении, или?..."

"Я дома, — невозмутимо ответил он. — Но если ты все-таки хочешь посмотреть кино, имей в виду, что мое дело действительно может ждать."

"Зато я не могу, — признался я. — Ты меня уже так заинтриговал — дальше некуда! Я у тебя сейчас буду."

"Спасибо, Макс, — вежливо отозвался Шурф. — Кстати, если тебе не сложно, подъезжай к заднему входу в мой сад. И не стучи в калитку, если меня там не будет. Просто пошли мне зов, и я тебе сразу открою."

"Ладно", — растерянно согласился я. Честно говоря, я уже ничего не понимал: можно подумать, что этот парень планировал сорваться в моем обществе в Квартал Свиданий, пока его жена ни о чем не подозревая лежит с книгой в спальне. Вообще-то, от ребят вроде сэра Шурфа Лонли-Локли можно ожидать чего угодно — примерно один раз в девяносто лет, не чаще но зато уж действительно абсолютно всего... Оставалось понять только одно: зачем я-то ему понадобился!

Я и всегда-то езжу до неприличия быстро, а на сей раз у меня в заднице засело такое здоровенное шило, что уже через десять минут я был в Новом Городе. Еще несколько минут я угрохал, чтобы разыскать таинственную калитку: до сих пор я

Правда, ему довольно быстро надоело носиться со мной как с инвалидом детства — оно и к лучшему, конечно...

Одним словом, с пополнением видеотеки у меня пока не клеилось, и я здорово подозревал, что рано или поздно шеф сунет мне в руки самую большую сумку и пинками прогонит меня в очередное путешествие между Мирами с одной-единственной целью: заполучить как можно больше новинок видеорынка. А пока он просматривал мою старую коллекцию не то по второму, не то по третьему разу, и был вполне доволен жизнью — настолько, что мне наконец-то стало завидно. Я решил, что имею полное право посидеть в собственной бывшей спальне в полном одиночестве и спокойно посмотреть кино.

Полное одиночество — это была обязательная часть программы. Можно сказать, ради него все и затевалось. Я уже и припомнить не мог, когда в последний раз оставался один — разве что, когда добирался до постели, но забравшись под одеяло, я тут же закрывал глаза, и на вахту заступали многочисленные персонажи моих занимательных сновидений... Но в этот вечер все складывалось как нельзя более удачно. Сэр Джуффин, мой главный конкурент в борьбе за зрительское место в импровизированном "кинозале", по уши вляпался в очередной торжественный прием у Гурига VIII: кто-то там в очередной раз пожаловал к нашему неугомонному Величеству — не то официальная делегация Стран Сумеречного Союза приехала умолять о поддержке в их затянувшемся конфликте с Чангайской Империей, не то купеческие старшины из Лумукитана привезли ежегодную плату за разрешение торговать на столичных рынках — как бы там ни было, а наш Король пожелал предстать перед гостями в окружении своих самых могущественных подданных. Впрочем, множественное число тут не совсем уместно: отношения Гурига с Орденом Семилистника после истории с мемуарами Йонги Мелихаиса оставались, мягко говоря, несколько прохладными, поэтому бедняге Джуффину в последнее время приходилось вести насыщенную светскую жизнь. Не могу сказать, что шефу это нравилось, но он мужественно терпел, во всяком случае, пока...

Все остальные мои коллеги, которые в другое время с удовольствием составили бы мне компанию, в тот вечер пытались как можно скорее покончить с неопишимо занудным делом о краже магических кристаллов для амобилеров из лавки старого Нупаты Крипуотли. Дело было плевое, я вообще удивлялся, что оно каким-то образом повисло на нас, а не на Городской Полиции. По нему проходило такое количество обвиняемых и свидетелей, что теперь наш Зал Общей Работы утопал в горах самопишущих табличек, а Меламори и Нумминорих, которым приходилось бегать по следам всех этих мелких жуликов, то и дело пытались спрятаться куда-нибудь под стол и немного поспать. Оттуда их извлекал сэр Мелифаро, злой и осунувшийся после бессонной ночи — то ли потому, что у него действительно находились все новые и новые поручения, то ли он просто хотел сам устроиться на отдых в этом укромном местечке и безжалостно устранял конкурентов. Насколько я понял, ребятам смертельно надоела сия заунывная история, и они принесли друг другу страшную клятву, что покончат с этой тяготиной до наступления ночи, так что я мог быть спокоен: сегодня моим коллегам не до кино!

Мне же отчаянно повезло: никто даже не попытался меня припахать. Я — такой специальный полезный штатный злодей, который может плевать ядом, сражаться с какими-нибудь ополоумевшими Магистрами, на худой конец — водить дружбу с

отказались наотрез. Пустяковая история стала поводом для войны амбиций... Дело закончилось тем, что Гуриг V издал официальный указ о роспуске Ордена Стальных Каблуков. Понятно, что ребята не захотели сдаваться без боя. Великий Магистр Ордена Хеледрых Кайдо решил, что Малыш слишком плох для того, чтобы его жизнь была долгой. Поэтому он наложил заклятие на деревья Крипхе, которые росли в парке неподалеку от замка... Ты помнишь, как выглядят эти деревья?

— Такие изящные невысокие деревца с крупными красноватыми листьями и белоснежными цветами? — неуверенно спросил я.

— Ага, с крупными красноватыми листьями, под которыми скрываются длинные шипы, — кивнул мой шеф.

— Вот шипов-то я никогда не замечал, — вздохнул я.

— Ничего удивительного: деревья Крипхе умеют прятать свои шипы — до поры до времени. Не волнуйся, сэр Макс: уж ты-то, хвала Магистрам, не похож на человека, который может поссориться с деревьями...

— Надеюсь, что так, — улыбнулся я. — Если уж они такие сердитые...

— Не то чтобы очень. Но после того, как Магистр Хеледрых Кайдо наложил на них свое заклятие, эти грешные деревья совершенно взбеленились. Они напали на Короля во время его утренней прогулки. Наверное, это звучит довольно забавно, но когда на тебя нападает несколько дюжин деревьев Крипхе, снабженных крепкими и острыми четырехдюймовыми шипами, настроение быстро портится, можешь мне поверить!.. К счастью, Гуриг V отправился на прогулку в сопровождении своих друзей, нескольких придворных дам и двух гвардейцев дворцовой Стражи. А неподалеку работали садовник, его жена и четверо помощников, которые сразу поняли, что дело неладно, и бросились на помощь. Одним словом, рядом с Королем оказалось восемнадцать человек, готовых прикрыть его своим телом. И они прикрыли. А одна из придворных дам сохранила достаточно самообладания, чтобы послать зов придворному колдуну, который только-только отправился спать после ночных бдений. Его звали Гилдрих Зеленобровый, и он был одним из самых удивительных типов, которых когда-либо носила земля... Гилдрих быстренько умиротворил деревья, так что все участники событий остались живы, хотя истекали кровью. Пострадал и сам Король: одно из деревьев сумело-таки до него добраться. Король лишился правого глаза. Его придворные лекари могли бы исправить положение, но Король твердо решил использовать свой раненый глаз иначе. Полагаю, у Малыша имелось великое множество разнообразных пороков, как у всякого нормального человека, но он не был неблагодарным. Он решил снабдить своих спасителей совершенно особыми талисманами. Чтобы изготовить эти вещицы он расплавил в Холодном огне свой мертвый глаз и алые алмазы Уандука. Так появились на свет восемнадцать колец, известных под именем Око Гнева, и так родилась одна из самых замечательных придворных традиций. Когда Король считает, что кто-то из его подданных оказал ему неоценимую услугу, он может подарить ему одно из этих колец. А после смерти своего хозяина Око Гнева возвращается к Королю — такие талисманы не передаются по наследству — и хранится до той поры, пока очередной Король не решит, что один из его подданных оказал ему неоценимую услугу.

— А как они работают, эти вещицы? — с любопытством спросил я.

— Око Гнева — что-то вроде охранной грамоты, — объяснил Джуффин. —

Обладателя такого талисмана нельзя судить и посадить в тюрьму, его нельзя даже выгнать с государственной службы. Но Гуриг V был разумным человеком. Он прекрасно понимал, что подобная безнаказанность никому не идет на пользу. Вся хитрость в том, что Око Гнева само может решить, насколько распоясался его счастливый обладатель.

— Это как? — с любопытством спросил я.

— Очень просто. Если владелец талисмана начинает безобразничать, его вызывают на дознание — непременно с кольцом на пальце. Специально уполномоченное официальное лицо зачитывает талисману полный список прегрешений его владельца... Нынешней ночью мне пришлось взять на себя эту почетную обязанность, во имя сохранения тайны. Можешь мне поверить, я получил море удовольствия!

— Верю, — кивнул я. — Чего я так до сих пор и не понял, так это откуда у Бубуты взялся Королевский талисман?

— Как это — откуда?! Это подарок Гурига VII. Ты же знаешь, что Бубута имел счастье прикрыть своего Короля от вражеского палаша в битве при Кухутане?

— Ага, — фыркнул я, — более того, я даже видел у него дома совершенно кошмарное живописное полотно, на котором изображено сие чудесное событие.

— Тебе крупно повезло! — расхохотался мой шеф. — Будет о чем вспомнить в последнюю минуту...

— Да уж, — вздохнул я. — Так что, ему выдали Око Гнева за особые заслуги?

— Ну да. Ему и еще шестерым боевым генералам. Покойный Король понимал, что им нелегко придется в мирной жизни, и сделал для них, что мог. Насколько мне известно, остальные одиннадцать талисманов пока хранятся во Дворце: нынешний Король еще ни разу не влипал в серьезные неприятности, так что его придворные не имели шанса заслужить такую награду — при всем желании...

— Ясно, — кивнул я. — Ладно, поехали дальше. Я уже понял, что вы торжественно рассказали бубутиному талисману о проделках его владельца, как того требует традиция. А в чем тут соль?

— Соль в том, что Око Гнева внимательно слушает выступление докладчика. Если талисману кажется, что его хозяин переступил некую роковую черту, Око Гнева приобретает свой прежний ярко-красный цвет, а в его глубине можно заметить самый настоящий глаз — маленький, но сердитый. Это значит, что парень перегнул палку. Талисман возвращается в Королевскую сокровищницу, а его обладатель становится обыкновенным человеком, которому лучше не иметь никаких неприятностей с законом. Если он опять начнет куролесить, у него возникнут большие проблемы: ему припомнят и старые грехи. Такой вот нехитрый принцип: дескать, грехи, если уж ты такой великий герой, но знай меру.

— Ну и как? Бубута остался без талисмана? — Нетерпеливо спросил я.

— Можешь себе представить, его пронесло, — усмехнулся Джуффин. — Хотя Бубута был на волосок от крупных неприятностей. Пока я зачитывал список его проделок под мудрым руководством Йонги, Око Гнева сохраняло спокойствие. Но когда в финале я — из чистого ехидства! — сообщил Оку Гнева о тайных полетах бравого Генерала Полиции по собственному сортиру, с унитаза на унитаз, камень слегка порозовел. Бубуту чуть удар не хватил: во-первых, он был уверен, что пропал, а во-вторых, до сих пор он полагал, что его магические эксперименты с

— Вот это он тебе принес? — Джуффин внимательно посмотрел на чашку. В руки он ее, однако, не взял. — Древняя вещица, сразу видно, — одобрительно сказал он. — Только я вынужден тебя разочаровать. Не было никакого бородатого толстяка, ты уж поверь мне на слово. Во всяком случае, никто кроме тебя его не видел, это точно! А твоя чашка действительно разбилась, когда мы там сидели — упала с полки, которую кто-то задел полкой лоохи, я еще подумал, что ты теперь будешь нить до Последнего Дня года...

— А кто же тогда ко мне приходил? — несчастным голосом спросил я. — Мистика какая-то дурацкая! Кто принес мне эту грешную чашку?

— Тебе виднее, сэр Макс, — усмехнулся мой шеф, — тебе виднее! Кстати, ты никогда не обращал внимания, что мы живем в удивительном мире?..

Наследство для Лонли-Локли

Вечер начался с того, что меня угораздило отправиться в кино. Ну, "в кино" — это громко сказано. Никаких широкоэкранных кинотеатров с продажей кока-колы и попкорна у входа в зал в Ехо отродясь не существовало. Только спальня в моей бывшей квартире на улице Старых Монеток, в которой стоит старенькая видеодвойка, каковую я собственноручно приволок в этот Мир со своей "исторической родины" вместе с обширной коллекцией фильмов.

Впрочем, какой бы грандиозной она не была, а самый постоянный посетитель этого тайного "киноклуба", сэр Джуффин Халли в последнее время начал задумчиво говорить мне, что вместо "всякой дряни", которую я постоянно добываю из Щели между Мирами, следовало бы таскать оттуда исключительно кассеты с новыми фильмами. Честно говоря, я пробовал, и не раз, но результаты до сих пор были весьма плачевные. Почему-то на доставку приличных видеокассет моего могущества упорно не хватало. Можно было подумать, что для этого требовалась какая-то специальная лицензия! В итоге, я добыл несколько чистых кассет, несколько одинаковых паршивых копий "Титаника", который и в хорошем-то качестве смотреть не слишком интересно, и еще (это была моя особая "гордость") — гору любительских видеозаписей из домашних архивов какого-то толстого незнакомца, который с маниакальным упорством запечатлевал на дешевую камеру кошмарные семейные вечеринки, а также свадьбы, юбилеи и похороны всех своих родственников и знакомых. Сам он тоже изредка появлялся в кадре — в этих случаях камера начинала истерически дрожать в руках его невидимых помощников — и потрясал мое воображение своими натужными улыбками, неизменными клетчатými рубашками и чудовищными пузырями на коленях брюк. Убедить моих коллег, что это и есть "нормальная человеческая жизнь" мне не удавалось очень долго: они почему-то думали, что я раздобыл, то ли несмешную многосерийную комедию, то ли своего рода "фильм ужасов". Впрочем, просмотрев шесть кассет кряду, ребята все-таки провели сравнительный анализ и убедились, что ЭТО не может быть произведением искусства. Мои коллеги были до основания потрясены увиденным. Дюжины две дней после просмотра они носились со мной как с тяжелобольным. Даже сэр Мелифаро временно перестал доставать меня своими шуточками и довольно вяло огрызался на мои собственные. Кажется, он просто решил, что грех это: мучить человека, у которого была такая тяжелая юность.

закрытое заседание "масонской ложи" — на сей раз в очень узком кругу. А я остался сторожить Дом у Моста — милое дело, дали бы мне волю, всю жизнь только этим и занимался бы!

На рассвете я задремал и почти сразу же меня разбудило тактичное покашливание. Я открыл глаза и с удивлением обнаружил, что в кресле напротив сидит не Кофа, появление которого в это время суток вполне согласовывалось с моим представлением о порядке вещей, а толстого бородатого незнакомца. Впрочем, через несколько секунд я его узнал: это был один из господ заговорщиков, тот самый дядя, который грохнул мою любимую чашку.

— Извините, сэр Макс, что я вас разбудил, — виноватым голосом сказал он, — что-то, как я погляжу, у вас от меня одни неприятности.

— Ну что вы, — мне стало смешно, — какие там неприятности!

— Тем не менее, я разбил вашу чашку, и мне показалось, что я должен как-то загладить свою вину, — смущенно сказал он, извлекая из-под лоохи какой-то сверток. — Я принес вам новую чашку — она не такая красивая, как ваша, но зато очень древняя. Один из моих предков был поваром при дворе короля Мёнина, так вот, эта чашка — с той самой кухни. Я не уверен, что сам Мёнин пил из этой чашки, но такое вполне могло случиться...

— Из всех сувениров, доставшихся мне на память о короле Мёnine, этот — самый безобидный... и самый очаровательный, — улыбнулся я. — Спасибо... А вы уверены, что готовы расстаться с этой редкостью?

— У меня дома несколько дюжин чашек, и половина из них — с той самой кухни, — гордо сообщил толстяк. — Мой прадед был очень запасливым человеком.

"Как и Магистр Нуфлин", — весело подумал я, вспоминая многочисленные сундуки и шкафы в его кабинете. У меня уже сложилось определенное мнение о происхождении их содержимого...

Чашка оказалась большой, не слишком красивой, но какой-то уютной. Я сразу понял, что в такой чашке любой напиток покажется мне гораздо вкуснее, чем в другой посудине. Толстяк откланялся и ушел, окончательно смутившись после моего двести сорок пятого "спасибо". Я так и не спросил, как его зовут, поскольку боялся нарушить какое-нибудь неведомое мне правило конспирации.

— Как дела, сэр Макс? — весело спросил меня Джуффин. Он выглядел усталым, но еще более довольным, чем накануне — если это возможно.

— Обрастаю хламом короля Мёнина, — вздохнул я. — Ваш коллега по тайной организации принес мне его чашку — взамен той, которую он разбил.

— Какой коллега? Какая чашка? — Удивленно спросил мой шеф.

— Толстый бородатый джентльмен, который во время исторического совещания на улице Старых Монеток сидел на моем любимом стуле и пил из моей любимой чашки, — терпеливо объяснил я.

— Подожди, Макс, — нахмурился Джуффин, — во-первых, среди тех, кто был в тот день в твоей гостиной, нет ни одного толстого бородатого господина... А во-вторых, никто ничего не пил, в том числе и из твоей грешной чашки. Нам, знаешь ли, не до того было.

— Ну, как это — не было толстого и бородатого, если он был! — возмутился я. — И чашку мою он грохнул, я сам видел. А сегодня пришел, извинился, принес подарок. Так мило с его стороны!

левитацией в клозете остаются самой страшной тайной Соединенного Королевства!.. Но в последнее мгновение его талисман передумал и снова стал прозрачным, а Бубута сел на пол. Я уже думал, он сейчас в обморок грохнется!

— Я сейчас сам в обморок грохнусь! — простонал я, тихо хрюкая от смеха. Не могу сказать, что история про Бубуту была самой остроумной шуткой всех времен и народов, но я никак не мог успокоиться. Наверное мне просто требовалась хорошая разрядка.

Весь день я слонялся по нашей половине Управления с ошалевшей рожей: на меня то и дело обрушивались все новые воспоминания об очередном эпизоде моих — вернее, наших с Друппи — невероятных похождениях. Мои коллеги по мере сил отвлекали меня от этих экзистенциальных переживаний. У них неплохо получалось, поэтому моя горемычная крыша осталась при мне — а больше от нее ничего и не требовалось. Время от времени в распахнутые окна Управления долетали крики газетчиков. Ребята наперебой предлагали жителям столицы ознакомиться с новыми подробностями появления мертвого Йонги Мелихаиса среди живых. Я был уверен, что эта история начнет надоедать горожанам не раньше, чем через дюжину дней — Впрочем, к тому времени дотошный сэр Рогро раскопает еще какую-нибудь пикантную подробность, так что тема проживет до конца года...

Потом меня закружила череда дней, переполненных мелкими текущими делами, спринтерскими пробежками по трактирам и неторопливой болтовней с сэром Шурфом, который поставил перед собой труднодостижимую, но благородную цель привести в порядок мои потрепанные нервы. Эти дни имели одно совершенно неоспоримое достоинство: они были очень обыкновенными, хлопотными и скучноватыми — именно то, что мне требовалось! Постепенно мне начало казаться, что история с мемуарами Йонги окончательно ушла в прошлое — по крайней мере, для меня...

Однажды, незадолго до заката меня настиг зов, больше похожий на тихий шепот в темноте, чем на привычную Безмолвную речь: "я так понимаю, что нам с тобой давно пора немножечко побеседовать, мальчик!" — так тихо и вкрадчиво мог говорить только один человек, Великий Магистр Нуфлин Мони Мах, и я вздрогнул всем телом, узнав его. У меня было глупое чувство, как будто меня поймали на горячем — я сразу же вспомнил собрание "масонов" в моей гостиной и почему-то решил, что сэр Нуфлин решил вытрясти из меня всю правду об этом историческом событии: имена, адреса, пароли, явки и прочую чушь, как в плохом кино про подпольщиков. Думаю, он получил огромное удовольствие от моего замешательства.

"Не хипеши, сэр Макс, — насмешливо сказал он, — мне всего-то и нужно шепнуть тебе пару дюжин слов. Приезжай к Явным Воротам Иафаха, прямо сейчас — чего тянуть!"

Через секунду я уже был в кабинете Джуффина: стоял на пороге, вращал глазами, жестикулировал и вещал что-то совершенно несусразное, да еще и не вслух, а при помощи Безмолвной Речи, с которой у меня и в менее стрессовой ситуации не совсем ладно.

— Сэр Шурф может поставить крест на своей дыхательной гимнастике, — спокойно заметил Джуффин, — нет штуки более бесполезной, судя по твоему состоянию... Ну и по какому поводу ты так возбудился, душа моя? Если Нуфлин

жаждет с тобой пообщаться — на здоровье! Даже если ты вывалишь на него всю имеющуюся у тебя информацию о хобби Его Величества Гурига, ничего нового он не узнает, я тебя уверяю... Впрочем, это не значит, что ты действительно должен ему исповедоваться — обойдется!

— Так что мне делать — ехать, что ли? — растерянно спросил я.

— Ну да, — с энтузиазмом кивнул Джуффин. — Вернешься, расскажешь. Мне ужасно интересно!

— Думаете, вернусь? — С сомнением спросил я.

— Все, сэр Макс, ты меня убедил! — вздохнул мой шеф. — Больше никаких путешествий через Хумгат, никаких превращений — по крайней мере, в ближайшую дюжину лет. Все эти чудеса слишком пагубно действуют на твой интеллект, и без того не слишком могучий!

— Думаете, вы меня пристыдили? — гордо спросил я. — Ни фиги! Ловлю вас на слове. Никаких путешествий через Хумгат и никаких превращений — именно так и я представляю себе настоящее человеческое счастье.

— Все, брысь отсюда, горе мое! — решительно сказал Джуффин. — А то Нуффин, чего доброго решит, что ты от него прячешься, и окончательно возгордится.

И я поехал в Иафах — а что мне оставалось? Молчаливый человек в форменном бело-голубом лоохи встретил меня у ворот и проводил к своему шефу. Великий Магистр Ордена Семилистника Нуффин Мони Мах ждал меня в темном просторном зале.

— Ты таки да быстро едешь, мальчик, — одобрительно сказал он, — я ждал тебя через четверть часа, не раньше. Тем лучше: я никогда не любил ждать... — Нуффин внимательно оглядел меня с ног до головы и неожиданно рассмеялся тихим шелестящим смехом.

— И чего ты так переполошился? — спросил он. — Думаешь, мы с этим хитрым кеттарийцем, твоим начальником, без тебя не разберемся, кто из нас кому сколько должен? Ну так ты сильно ошибаешься: мы таки разберемся. Можно сказать, уже разобрались. Если молодой Король хочет немного поиграть в заговорщика, я не против: чем бы дитя не тешилось... Я тебя потому и позвал. Хочу, чтобы ты передал гостинец вашему приятелю, сыну моего покойного друга.

— Это кому? — удивленно спросил я.

— Как это — кому?! Нашему Королю, кому же еще, — усмехнулся Нуффин. — Ты не поверишь, но его папа, Гуриг VII, действительно был моим хорошим другом — наверное, самым последним. Я уже слишком старый, чтобы заводить новых друзей, да и ни к чему это мне... Ладно, пошли ко мне в кабинет. Это здесь, рядом...

Он сделал несколько шагов в темноту и распахнул маленькую неприметную дверь. За дверью обнаружилась комната, в которой было почти так же темно, как и в зале, она освещалась только голубоватым сиянием крошечного светильника в самом дальнем углу — впрочем, у нас в Угуланде, жители которого обладают врожденной способностью видеть в темноте, такие сумерки в жилом помещении — довольно обычное дело. Комната была загромождена многочисленными шкафами, шкафчиками и карликовыми пародиями на шкафы. Имелись здесь также сундуки, тумбочки и просто коробки — при этом в комнате не было ни кресел, ни стульев, ни столов — а ведь Магистр Нуффин назвал эту комнату "кабинетом", а не

"кладовой"... Потом я поднял голову и обалдел: кресло здесь все-таки было, просто оно стояло не на полу, а на потолке — пустячок, а приятно!

— Ну, и чему ты удивляешься? — ворчливо спросил Нуффин. — Да, я люблю отдыхать именно в этом кресле. Каждый человек имеет право на свои маленькие капризы... Кроме того, на полу его попросту некуда ставить!

— Это правда, — растерянно подтвердил я.

Магистр Нуффин, тем временем, с видимым усилием поднял крышку одного из сундуков и долго там рылся. Наконец его поиски благополучно завершились, и он протянул мне маленький блестящий предмет.

— На, передай этому смешному мальчику, нашему Королю. Пусть порадуется!

Последняя фраза прозвучала так, будто Нуффин хотел сказать: "пусть подавится", — впрочем, может быть он действительно именно так и сказал... Я растерянно разглядывал предмет — это была маленькая десертная ложечка из светлого драгоценного металла. Ну да, конечно, та самая ложка, которую Магистр Нуффин спер с королевского стола на глазах у маленького Гурига — вот уж воистину эпохальное событие!

— А почему?.. — нерешительно начал я и тут же заткнулся: куда уж мне с моими идиотскими вопросами!

— Ну подумай, как мы оба будем выглядеть, если я сам отдам ему эту грешную ложку! — усмехнулся Нуффин. — Между прочим, могу сказать тебе по секрету: я взял эту ложку не для того, чтобы разбогатеть, можешь мне поверить!

— Да я и не сомневаюсь, — я пожал плечами, — невелико богатство! Наверное, вам был нужен какой-нибудь талисман, или что-то в таком духе...

— Ну что ты! — он укоризненно покачал головой. — Такими глупостями я не занимаюсь... Просто это так забавно: незаметно унести что-нибудь в рукаве — так, чтобы никто не заметил — и никакой магии, иначе не получишь удовольствия!

Мне оставалось только озадаченно качать головой: вот так живешь, живешь на свете, и вдруг узнаешь великую тайну Магистра Нуфлина — кому скажешь, не поверят!..

— Иди, занимайся своими смешными делами, мальчик, — устало сказал Нуффин. — Кстати, как тебе понравилась прогулка по тропам Мертвых? Вот уж не думал, что Кеттариец станет так рисковать по такому пустяковому поводу...

— Насколько я успел его изучить, ему обычно даже повод не требуется, — вздохнул я. — Повод требовался только мне, а я — великий мастер делать из мухи слона.

— Охотно верю, — кивнул он. — Ладно уж, ступай... и не забудь передать Гуригу мой гостинец.

Этой ночью сэр Джуффин Халли безусловно был самым счастливым человеком в Соединенном Королевстве. Историческая ложка со стола Гурига VII произвела на него совершенно неизгладимое впечатление. Он торжественно потрясал этим священным предметом и хохотал так, что стекла звенели, а Куруш недовольно нахохлился и произнес длинный монолог об удивительном свойстве человеческих существ издавать громкие звуки.

В конце концов я совершенно добровольно уступил своему шефу почетное право передать этот сувенир нашему Королю, и он поспешно удалился в направлении замка Рулх. Насколько я мог судить, у них с Гуригом намечалось очередное

казаться, что новая информация будет вечно изливаться из уст сэра Шурфа — по крайней мере, до тех пор, пока я не утону в ее неиссякаемом потоке.

— Крёггелы — это просто гномы, — объяснил он.

— Я видел одного, — улыбнулся я. — В Гугланде. Собственно говоря, он вывел нас с Меламори из болота. И всю дорогу на нас ругался — такой сердитый малыш!

— Думаю, это был равнинный крёггел. Все равнинные гномы — одиночки, они язвительны, сварливы, неуживчивы и весьма умело прячутся от людей и от своих собственных сородичей крёйев, так что их мало кто видел, особенно в последнее время. А Княжеством Кебла правят горные гномы. У них весьма общительный и уживчивый характер, а их города, предназначенные для совместной комфортной жизни эхлов и крёггелов — самое причудливое зрелище, какое только можно вообразить.

— Да уж, могу себе представить! — улыбнулся я. — Кстати, могу спорить, что в Княестве Кебла смешанные браки совершенно невозможны, как бы замечательно эти ребята друг с другом не уживались!

— Да, конечно, — согласился Шурф. — Но вообще... Знаешь, Макс, пожалуй сейчас тебе снова предстоит удивиться.

— Не сомневаюсь, — вздохнул я. — Если уж ты решил меня удивить... Ты основательно взялся за эту работу, дружище! Ну выкладывай: что там у тебя? Романтическая история о трагической любви эхла и крёггела?

— Нет, что ты, — он укоризненно покачал головой. — Это было бы слишком, знаешь ли! Но вот наш сэр Мелифаро является потомком и великанов и гномов одновременно. Хотя, человеческой крови у него куда больше. Бабушка его матери была из низкорослых эхлов — немного выше двух метров. Случилось так, что она вышла замуж за человека, который любил высоких женщин... А вот дед его отца, сэра Манги, был из равнинных крёггелов. Говорят, он жил на болоте и иногда навещал одинокую лесничиху, прабабку сэра Мелифаро...

— Вот это новость! — я был готов взвыть от восторга. — Всегда подозревал, что наш сэр Мелифаро — чудо из чудес! Смешать великанов с гномиками, чтобы получить такой потрясающий результат — да уж, дело того стоило!

— Надо отдать должное сэру Мелифаро: он унаследовал и добродушие эхлов и язвительность равнинных крёггелов, — заметил Шурф. — Именно поэтому он часто бывает невыносим, но на него совершенно невозможно подолгу сердиться, даже когда он перевирает мою фамилию...

— Фамилия — это еще пустяки, — ухмыльнулся я. — Поверь мне: этот злодей способен на вещи и похуже!

— Ну уж, не знаю, что может быть хуже! — почти сердито заявил он.

— Дело вкуса, — примирительно сказал я. — Рассказывай дальше, ладно? Какие еще бывают крёйи? Или это все?

— Ну, почему все... Я еще не упомянул фаффов. Фаффы выглядят в точности как люди — в тех случаях, когда они хоть как-то выглядят...

— Не понял! — ошеломленно признался я.

— А тут и понимать нечего. Фаффы — это "невидимые люди". Они отличаются удивительным свойством то и дело исчезать, или просто сливаться с окружающим миром: в комнате их нередко принимают за предмет обстановки, в лесу — за дерево, а в пустом пространстве их вообще не видно. Им необходимо прилагать

наоборот...

— Да, к сожалению, — спокойно согласился он. — Впрочем, мне и самому больше нравится излагать все по порядку. Начать, пожалуй, следует с того, что моя жена родом из Графства Хотта. Впрочем, ее родители переехали в Соединенное Королевство, когда она была еще маленькой девочкой. Сначала они поселились в Графстве Вук, потом переехали в Ландаланд, а Хельна оказалась в Ехо, когда поступила в Университет, да так здесь и застряла.

— Не знал, что она у тебя — университетская девочка, — уважительно сказал я.

— Разве? Странно, вообще-то, такие вещи заметны с первого взгляда, — пожал плечами Шурф. — Впрочем, она училась там в самом начале Эпохи Кодекса, а потом дюжины две лет работала в "Королевском Голосе" у сэра Рогро, пока не решила, что сидеть в моей гостиной и писать стихи гораздо приятнее, чем каждое утро ходить на службу в редакцию...

— Так леди Хельна еще и стихи пишет? — изумился я.

— Да, и неплохие, — равнодушно отозвался Шурф. Мне показалось, что стихи леди Хельны были несколько не в его вкусе, и только врожденное чувство объективности вынуждало его отдавать ей должное.

— А она мне никогда мне об этом не говорила. — печально сказал я.

— Вы еще не настолько близкие друзья, — рассудительно заметил Шурф. — Если бы Хельна хотела иметь побольше слушателей, она бы просто ходила в "Трехрогую луну" и очень быстро стала бы популярной личностью в этой среде, я тебя уверяю! Но таинственность и молчание пока кажутся ей более привлекательными, чем популярность... Впрочем, если ты будешь время от времени навещать ее на протяжении лет тридцати — сорока, она непременно посвятит тебя в свой маленький секрет.

— Лет тридцать — сорок, говоришь? Круто! — растерянно отозвался я. — Ладно, если человек хочет скрывать от моих ушей свои шедевры — ее право!

— Об этом мы можем поговорить позже, — мягко напомнил мне Шурф. — Уверяю тебя, что поэтические опыты Хельны не имеют никакого отношения к истории о наследстве, которое я получил.

— Да, конечно, — виновато кивнул я.

— И вообще, личная история моей жены в данном случае не представляет для нас никакого интереса, — Шурф встал, прошелся по комнате, потом уселся на свой нежно любимый подоконник, сделал едва заметный, но решительный жест рукой, как бы закрывая тему, и продолжил:

— Некоторого внимания заслуживает только тот факт, что в свое время родители Хельны покинули Графство Хотта не просто так, а потому что повздорили со своими многочисленными родственниками. Подробностей я не знаю, поскольку никогда не интересовался историей ее семьи. И не заинтересовался бы, если бы сегодня ночью в моей спальне не появился призрак ее двоюродного деда. Признаюсь тебе честно, Макс: уже давно я не имел столь веского повода для удивления. Обычно у призраков хватает ума, чтобы обходить меня стороной. Но покойный господин Хурумха Кутык оказался исключением. Впрочем, надо отдать ему должное: мой гость вел себя вежливо и предупредительно, что совершенно не свойственно призракам. Он начал с того, что представился, а потом долго и обстоятельно высказывал свое удовольствие по поводу нашей встречи. Для жителя

Графства Хотта старик превосходно воспитан, надо отдать ему должное...

— И что дальше? — нетерпеливо спросил я, поскольку Шурф умолк — очевидно, принялся размышлять о достоинствах благовоспитанного призрака.

— Господин Хурумха Кутык сказал мне, что он очень обрадовался, узнав, что его родственница устроилась в столице Соединенного Королевства, да еще и вышла замуж за "могущественного колдуна"... Ну, сам понимаешь, в его речи было множество комплиментов, которые вежливые люди нередко говорят друг другу при знакомстве. Признаться, я был почти уверен, что сейчас старик поведает мне печальную историю своей смерти и попросит отомстить его обидчикам. Я знал многих призраков, которых интересовала месть и ничего больше... Но он не завел речь о мести. Просто сообщил, что решил завещать мне все свое имущество. Не Хельне, а именно мне. Дескать, Хельна — его любимая внучка, но ему не хотелось бы, чтобы на ее голову обрушилась неприязнь остальных родственников, поэтому он выбрал именно меня. Сей господин мудро рассудил, что я — чужой человек, и мне нет дела до того, как отнесутся ко мне его многочисленные наследники, не упомянутые в завещании. Потом он отдал мне завещание — самое настоящее, что само по себе странно, поскольку призраки редко обладают счастливой способностью передавать живым материальные вещи — и исчез.

— Но почему он просто не прислал завещание по почте? — удивленно спросил я. — Она-то, хвала Магистрам, работает! Зачем ему понадобилось зловеще возникать из темноты в глубине твоей спальни? Неужели все мертвецы любят дешевые эффекты?

— Очень может быть. Не так уж много развлечений у мертвых! Кроме того, я полагаю, что призраку довольно затруднительно иметь дело с работниками почтового ведомства — сказал Шурф. — Как бы то ни было, но теперь мне придется отправиться в Графство Хотта за наследством...

— Оно тебе надо? — сочувственно спросил я. — Ты и без того богат, сэр Тайный Сыщик. У нас с тобой до неприличия большое жалование, которое даже такому могу как я обычно девать некуда... Одной фермой в Графстве Хотта больше, одной меньше — какая тебе разница?

— Разумеется, мне не нужна эта ферма, — пожал плечами Шурф. — Особенно если учесть, сколько сил и средств мне придется потратить, чтобы привести ее в надлежащий вид — не могу же я владеть помещением, вид которого внушает мне глубокое отвращение! Но видишь ли, Макс, я — человек, который по роду своих занятий постоянно имеет дело со смертью...

Я с трудом сдержал ехидную улыбку: подобное заявление в устах Мастера Пресекающего ненужные жизни дорогого стоит!

— Именно поэтому я знаю о смерти и мертвых немного больше, чем прочие, — невозмутимо продолжил Шурф. — В частности, я знаю, что последнее желание умершего — вещь почти священная. Живые часто оставляют их без внимания, и заставляют мертвецов по-настоящему страдать, погружаясь в пучину мучительного беспокойства, которое разрушает их хрупкий шанс на иную жизнь — там, за чертой... Можешь мне поверить: убить человека — куда меньшее зло, чем не исполнить просьбу его призрака!

— Правда? — я поежился: от таких разговоров мне всегда становится не по себе, словно моя непосредственная смерть тут же появляется где-то поблизости, чтобы

— А что ты говорил сначала? — непонимающе нахмурился Шурф. — Почему "полет"? Мы же едем...

— Мы-то едем, — усмехнулся я. — И моя крыша — тоже... Не обращай внимания, дружище: просто слишком много свежих впечатлений! И как могло быть, что я до сих пор ничего об этом не знал? Что, это тайна?

— Наоборот, — объяснил Шурф. — Что касается тайн, ты их уже давно знаешь гораздо больше, чем я сам... А все, что я тебе рассказываю — вещи настолько общеизвестные, что о них попросту никто никогда не говорит: что тут обсуждать? Ты же никогда не приходил ко мне с расспросами: почему у одних людей волосы рыжие, у других — темные, а у некоторых и вовсе нет никаких волос...

— Ясно, — кивнул я. — Ладно, а какие еще бывают эти...

— Скархлы?

— Нет, со скархлами мы, вроде, разобрались. Крэйи.

— Еще существуют эхлы, то есть великаны.

— Настоящие великаны? — поразился я. — Ну их-то я точно не видел!

— Да, в Ехо и других городах Соединенного Королевства эхлы не живут. Они очень боятся, помешать "маленьким худосочным людям" — по их собственному выражению. Остается только сожалеть об их деликатности, поскольку эхлы от природы наделены очень мягким покладистым характером, добротой и любовью к прекрасному — из них получились бы хорошие соседи. Кстати, не такие уж они огромные: обычно рост эхлов составляет от двух с половиной до трех с половиной метров. Правда, я слышал, что где-то в горах живут старые эхлы, по-настоящему высокие: метров по шесть, но сам я их никогда не видел... Эхлы довольно редко вступали в браки с людьми, или эльфами — думаю, ты сам понимаешь, почему.

— Понимаю, — улыбнулся я. — У меня богатое воображение.

— Если ты когда-нибудь захочешь увидеть настоящее чудо, рекомендую тебе совершить путешествие в страну Умпон на Черухте: ее основали эхлы, по каким-то причинам покинувшие Хонхону еще во времена Древней династии, — на мгновение глубокие складки на лице моего друга разгладились, и оно стало юным и почти мечтательным. — В свое время я там побывал, а когда вернулся, дал нескольким талантливым столичным поэтам денег, чтобы они тоже отправились в Умпон. Мне показалось, что они непременно должны увидеть тамошние сады... Знаешь, двое из них так и не вернулись. Ничего удивительного: эхлы любят поэтов!

— Да ты меценат, дружище! — изумился я.

— Нет, что ты, — спокойно возразил он. — Я не люблю раздавать деньги налево и направо. Просто я должен был как-то отблагодарить судьбу за неописуемое чувство покоя, охватившее меня во время одной из прогулок... Единственное разумное решение, которое пришло мне в голову — что я могу подарить другим людям шанс испытать то же самое. В отличие от меня, эти талантливые господа не могли позволить себе столь разорительную поездку. А я был уверен, что она пойдет им на пользу.

— Так что, теперь все эхлы живут в этом блаженном Умпоне? — спросил я.

— Нет, далеко не все. Часть эхлов живет в горах Хонхоны, они предпочитают селиться небольшими хуторами. А остальные эхлы осели в княжестве Кебла, где правители — крёггелы.

— Так, теперь еще и крёггелы какие-то появились! — мне уже начинало

— Немного знаю, — нерешительно возразил я. — Я же тебе рассказывал о том смешном парне, который помогал нам с Мелифаро чинить амобилер... Но я никогда не слышал этого слова: "скархл". Оборотень себе и оборотень... Меня тогда очень удивило, что оборотни — это звери, которые иногда превращаются в людей.

— Почему тебя это удивило?

— Потому, что на моей родине есть устойчивый миф, что все происходит наоборот, — объяснил я.

— Да? Ну, все может быть — мало ли, как устроен этот твой мир, — с некоторым сомнением согласился Лонли-Локли. — А что касается скархлов, они могут принадлежать почти к любой разновидности зверей, птиц, рыб, или грибов.

— Опять грибы? — изумился я.

— Дались тебе эти грибы! Ну чем они хуже прочих живых существ? — устало спросил Шурф.

— Ничем не хуже, — согласился я. — Просто смешно: грибы-оборотни...

— Между прочим, у Его Величества Гурига I была личная гвардия, состоящая исключительно из оборотней-грибов, — кажется, Шурф решил добить меня окончательно. Немного подумав, он добавил:

— Если верить историческим документом того времени, это были самые свирепые воины за всю историю Соединенного Королевства.

— Могу себе представить, — вздохнул я. — Рассказывай дальше, ладно?

— Некоторые скархлы могут оставаться людьми подолгу, практически всю жизнь, лишь изредка принимая свой первоначальный облик. И скархлам это нравится, поскольку им по душе человеческий облик и они очень любят находиться среди людей, — авторитетно сказал он. — Собственно говоря, вурдалаки — именно тот случай, и правление династии Клакков — веское тому подтверждение.

— Но почему именно вурдалаки? — я никак не мог уговорить.

— Так их называют люди, — пожал плечами Шурф. — Не всех оборотней, конечно, а только тех, которые произошли от больших мохнатых хищных собак, вроде твоего Друппи. Вышло так, что у них — особенный талант принимать человеческий облик. А некоторые скархлы превращаются в людей ненадолго, и люди из них получаются наивные и беспомощные как дети. Думаю, одного из них ты и встретил в том ландаландском лесу... Вообще, забавно, что ты так удивляешься: скархлы всегда очень охотно вступали в браки с людьми, для них это было, можно сказать, делом чести, поэтому чуть ли не половина нынешнего населения Соединенного Королевства — их потомки. Да зачем далеко ходить: сэр Джуффин Халли...

— Наш шеф вурдалак? — ахнул я. — Вот это новость!

— Не вурдалак, — педантично поправил меня Шурф. — Среди предков сэра Джуффина несомненно были скархлы, но не собаки, а лисицы. В этом нет ничего удивительного: он же из Кеттари, а большинство жителей Графства Шимара — потомки этих самых людей-лисиц, испокон века живших в тамошних горах. Что ты хочешь, если сами принцы Шимара — почти чистые скархлы, человеческой крови в них вообще нет, разве что чуть-чуть эльфийской.

— Так, — вздохнул я, — докладываю с орбиты: шестьдесят секунд, полет нормальный... Сэр Джуффин Халли — действительно старый лис, и никакая это не шутка!

принять участие в дискуссии, или просто законспектировать несколько заслуживающих внимания тезисов.

— Неужели ты полагаешь, что я стал бы намеренно вводить тебя в заблуждение, рассуждая о вещах, в которых ничего не понимаю? — удивился Шурф.

— Нет, конечно, — вздохнул я. — Ладно, я уже понял, что ты просто обязан вступить во владение этой грешной фермой на окраине Мира...

— Графство Хотта — отнюдь не окраина Мира, можешь мне поверить, — сухо сказал он.

— О'кей, Графство Хотта — центр Вселенной и очаг мировой культуры, заодно, — фыркнул я. — И ты — счастливый владелец алмазного дворца в этом раю, это я уже понял. Чего я не понял: я-то тебе зачем понадобился? Или он и мне что-то завещал, этот замечательный призрак?

— Тебе? Нет, Макс, тебе он ничего не оставил, — мне показалось, что Шурф сказал это с неподдельным сочувствием. — Боюсь, что этот покойный господин даже не подозревает о твоём существовании.

— Тогда что? — я почувствовал, как загрохотало о ребра мое чуткое второе сердце. Первое немного подумало и вдруг присоединилось к своему истеричному близнецу. Я уже знал, что он мне сейчас скажет. Странно было другое: какого черта я так разволновался?! Прогулка в Графство Хотта — это не путешествие в другой Мир... да, собственно говоря, мне не следовало так волноваться даже если бы речь действительно зашла о путешествии в другой Мир — по крайней мере, официально считается, что я давным-давно должен был привыкнуть!

— Тебе не кажется, что ты несколько засиделся в Ехо, Макс? — невозмутимо спросил Шурф. Меня позабавило выражение его обычно неподвижной физиономии, строгое и сочувственное одновременно. Обычно с таким лицом умудренные опытом мужчины приходят к непутевому младшему братцу, чтобы в очередной раз попытаться убедить его взяться за ум и покончить с наркотиками.

— Засиделся? — удивленно переспросил я. — Еще года не прошло с тех пор, как я вернулся из Гугланда. Даже если придерживаться официальной версии, каковая гласит, что я ездил только в Гугланд и никуда больше...

— Я знаю, — отмахнулся Лонли-Локли. — Знаю все, что ты собираешься мне сказать. Но факт остается фактом: ты засиделся в Ехо. За все это время всего одно путешествие в Хумгат, да и то... Нельзя назвать его слишком осознанным, согласись!

— Твоя правда, — я невольно улыбнулся, вспомнив, нашу с Джуффином совместную идиотскую выходку. Честно говоря мне до сих пор было трудно расценивать свой поход за мертвым Йонги Мелихаисом как дань разумной необходимости... ну да ладно!

— Ты даже на Темной Стороне за все это время ни разу не был, — безжалостно добавил Шурф.

Я открыл было рот, чтобы сказать ему, что для походов на Темную Сторону просто не было никакой нужды, а потом захлопнул свой словоохотливый "автоответчик", поскольку и сам прекрасно понимал, что в делах такого рода настоящей "нуждой" является внутренняя потребность, а ее у меня действительно не было. После моего возвращения из Гугланда сэр Джуффин насмешливо сказал мне: "только не вздумай вообразить себя нормальным человеком с удавшейся

личной жизнью!" — и я глубокомысленно покивал. Но надо отдать должное проницательности шефа: именно этим я с тех пор и занимался. Я играл в "нормального человека с удавшейся личной жизнью", вживался в его образ по системе Станиславского и вполне мог претендовать на "Оскара" за "лучшую мужскую роль". Только давешняя выходка с превращением в "бога Анубиса" была счастливым исключением из этого правила, но я отлично понимал, что ни в коем случае не стал так рисковать, если бы Джуффин не припер меня к стенке своим на скорую руку сфабрикованным заявлением, что без моего героического подвига этот прекрасный Мир немедленно рухнет...

— Да, пожалуй, я действительно засиделся на одном месте, — улыбнулся я. — Так мило с твоей стороны, сэр Шурф, что ты мне об этом напомнил! И что ты предлагаешь? Небольшую экскурсию в Графство Хотта? А наш шеф не грохнется в обморок, когда узнает, что мы с тобой смылись на каникулы?

— Насколько я знаю, сэр Джуффин Халли не подвержен обморокам, — без тени улыбки заметил Шурф.

— Думаешь, он нас отпустит? — с некоторым сомнением спросил я. — У тебя хоть какая-то отмазка есть: сэр Джуффин любит делать вид, что с большим уважением относится к частной собственности. А меня он любит держать при себе, как некий бесполезный, но нежно любимый талисман...

— Тебе так кажется, — спокойно сказал Шурф. — Я с ним уже говорил. Сэр Джуффин не против. Он тоже полагает, что ты засиделся в Ехо. Кроме того, он прекрасно понимает, что если я сам буду управлять амобилером, моя поездка затянется надолго. А с таким возницей, как ты, можно управиться за дюжину дней, или того меньше. Собственно говоря, это еще одна веская причина, по которой мне хотелось бы отправиться в Графство Хотта в твоём обществе.

— Без меня меня женили! — проворчал я.

— На ком тебя женили? — удивился Лонли-Локли. — И когда это случилось? Ты уверен, что хорошо обдумал свой поступок?

— Отстань, горе мое! — простонал я, поскольку уже не мог сдерживать смех. — Это приписка такая!

Конечно, я был доволен: ветер дальних странствий обычно действует на меня, как веселящий газ, самое трудное — это заставить себя сделать первый глоток, а там все идет как по маслу. А на сей раз от меня не потребовалось никаких усилий: можно сказать, что окно в моем доме было разбито, и ветер дальних странствий ворвался в мою жизнь совершенно самостоятельно, не дожидаясь официального приглашения.

— Ладно, — улыбнулся я. — Сказал бы сразу, что тебе нужен шустрый возница, желательно бесплатный. Теперь он — то бишь я! — у тебя есть, с чем тебя и поздравляю... Но чего я до сих пор так и не понял: а почему ты столь старательно скрывал мой визит от леди Хельны? В чем тут криминал?

— Ты не принимаешь во внимание тот факт, что она умеет логически мыслить и делать выводы, — заметил Шурф. — И обычно ее выводы не настолько парадоксальны, чтобы я не мог их предвидеть. Если Хельна узнает, что ты заявился ко мне накануне отъезда, она тут же сделает вывод, что я предложил тебе составить мне компанию — и в данном случае будет совершенно права... Видишь ли, Макс, Хельна очень хорошо к тебе относится. Но она отлично знает, что ты из себя

— Лучше поздно, чем никогда, — снисходительно согласился Шурф. — Ладно, слушай. Начнем с крэйв — раз уж они являются настоящими хозяевами земли, по которой мы с тобой едем. Их очень много, и порой они отличаются друг от друга куда больше, чем можно себе представить... Из всех крэйв наиболее близки к людям драххи — на древнем языке Хонхоны это слово означает "угрюмые люди". Внешне драххи ничем не отличаются от людей. Впрочем, есть одна странность: не бывает драххов с заурядной внешностью. Они — или очень красивые люди, или редкостные уроды. Иметь дело с драххами легче легкого: их внешность всегда точно соответствует характеру. Добродушные драххи красивы, злые — уродливы, все очень просто. А у неуравновешенных, вроде тебя, внешность то и дело меняется в зависимости от настроения.

— Меняется? — недоверчиво переспросил я. — Никогда не видел ничего подобного!

— Может и не видел: в столице очень мало чистых крэйв, в основном там живут их потомки от браков с людьми, — согласился Шурф. — Впрочем, черты лица неуравновешенного драхха остаются неизменными, просто неуловимым образом изменяется впечатление от его внешности... Добавлю, что как и все крэйи, драххи понимают язык зверей, птиц, рыб, деревьев и грибов.

— И грибов? — ошалело уточнил я.

— И грибов, разумеется — а чем грибы хуже прочих?

— Наверное, эти драххи — крутые колдуны! — уважительно сказал я. — Понимать язык деревьев и даже грибов — это надо же!

— Ты прав, и в то же время ошибаешься, — задумчиво сказал Шурф. — Магия драххов базируется на их близости к природе, из них получаются отличные знахари, травники, а иногда — самые настоящие лесные колдуны, но Очевидной магии драххи не обучаются, даже если живут вблизи от Сердца Мира. А их потомки от браков с людьми обучаются Очевидной магии куда медленнее, чем прочие. Взять хотя бы мою жену: отец Хельны — чистый драхх, а мать — из людей. В начале нашей совместной жизни я часто брал Хельну с собой в подвал сэра Джуффина, где можно заниматься Очевидной магией без каких-либо последствий для равновесия Мира, и честно пытался научить ее хоть чему-то из того, что сам умею. Все напрасно: какая-нибудь двадцатая ступень Черной магии — ее потолок, как и для всех остальных потомков драххов.

— В наше время оно и спокойнее, — усмехнулся я. — В Холоми не загремишь, а в повара — пожалуйста!

— Да, это правда, — подтвердил он. — Кстати, многие знаменитые столичные повара, из тех, что получают за свой труд несколько тысяч корон в год, являются потомками женщин, которые любили смотреть в зеленые глаза бродяг драххов...

— Ишь, как ты загнул! — уважительно отметил я. — Можешь ведь, когда хочешь!

— Просто цитирую поэму Тимори Кауни — знаменитого поэта эпохи Древней Династии, — пожал плечами Шурф. — Было бы странно иметь одну из лучших библиотек в Ехо и не пользоваться ею, правда?

— Правда, — подтвердил я. — Поехали дальше. Если честно, меня очень волнуют вурдалаки. Этот пункт в моей голове как-то не укладывается...

— Это потому, что ты не знаешь о существовании скархлов, то есть оборотней.

были последними...

— Еще чего не хватало! — возмутился Шурф. — Чистых эльфов в последнее время действительно не так уж много — здесь, на Хонхоне. Зато добрая половина населения Уандука — эльфы. Собственно говоря, ты же лично знаком с правителем Куманского Халифата...

— Тоже эльф? — упавшим голосом спросил я. — А с виду как человек!

— Ну да, он же из упиатов, а они мало отличаются от людей, равно как и амфитимайи, потомком которых является наш Король.

— Стоп! — решительно сказал я. — Шурф, я тебе сочувствую: ты связался с абсолютным невеждой. До сих пор я думал, что эльфы — это просто эльфы, и все. А теперь выясняется, что они не просто эльфы, а "кейифайи", и среди них есть какие-то загадочные "упиаты", и эти... как их... ну, предки Его Величества Гурига!

— Амфитимайи, — великодушно подсказал он.

— Может быть, ты просто расскажешь все по порядку? Про эльфов и про крэйев — если уж мне приходится иметь дело с их потомками!

Тем временем, хозяин принес наш заказ. Ему пришлось придвинуть к нашему столу еще один — в противном случае, несколько котелков пришлось бы поставить на пол. Пока он возился, расставляя посуду, я его внимательно рассматривал и пришел к выводу, что ничего "нечеловеческого" во внешности этого парня нет. Если уж на то пошло, он был куда меньше похож на мои представления о вурдалаках, чем большинство моих знакомых...

— Ладно, — согласился Шурф. — Признаться я полагал, что сэр Джуффин хоть немного позаботился о твоём образовании. Магия магией, но жить в Мире и не знать, кто его населяет — это немного слишком, даже для тебя! Только я предпочел бы дожидаться момента, когда мы завершим ужин. Не люблю разглагольствовать с набитым ртом, как подвыпивший мастеровой!

— Да ты сноб, дружище! — фыркнул я, налетая на "бамбурики", которые оказались крошечными ароматными колобками, поданными в отдельном чугунке с раскаленным, еще шипящим, маслом, так что их приходилось извлекать оттуда с помощью длинных тонких палочек, макать в густой суп, который немедленно насквозь пропитывал пушистое тесто, и только потом отправлять в рот — медитативное занятие, ничего не скажешь!

Что касается моего друга, у него в данный момент была только одна проблема: запихать в меня порцию "Вурдалачьего Жара" — обжигающе крепкой ягодной наливки, которая действительно была разлита в самые настоящие наперстки — впрочем, это были наперстки, предназначенные для великаньих пальцев.

Разумеется, ему это удалось: я решил, что если уж парень вбил себе в голову спить своего собственного возницу — так ему и надо! Большую половину ужина мы так и не осилили, но добродушный голубоглазый хозяин трактира, которого я по-прежнему отказывался считать "вурдалаком", заботливо упаковал остатки и сам отнес их в наш амобилер, к величайшей радости задремавшего было Друппи. Пес сразу понял, что холодный окорок, закопченный в розовом дыму, достанется именно ему, какого бы мнения на сей счет не придерживался строгий дядя Шурф Лонли-Локли.

— Вещай, потомок эльфов! — потребовал я, взявшись за рычаг. — Открой мне страшную правду о населении этого Мира. Я хочу быть умным и образованным!

представляешь... Она и меня-то уговаривала не обижать ее несчастных родственников. Кажется, она всерьез полагает, что я способен умертвить каждого, кто случайно наступит мне на ногу. Впрочем, мне кое-как удалось объяснить ей, что убийствами я занимаюсь на работе, а к ее родственникам еду по частным делам, поэтому им ничего не грозит. Но если Хельна узнает, что мы едем вдвоем... Знаешь, Макс, мне будет довольно сложно убедить ее, что ты едешь со мной просто так — за компанию! Извини за откровенность, но репутация у тебя та еще, а Хельна — большая любительница городских сплетен.

— Ну да, — фыркнул я. — Жена самого страшного убийцы в Соединенном Королевстве искренне полагает, что ее муж — еще ничего, а вот я — это уже беда! При случае угощу ее мороженым: сомнительный, а все же комплимент...

— Одним словом, мне хочется, чтобы Хельна думала, что я уехал один, — подытожил Шурф. — Мне кажется, что излишние волнения не пойдут ей на пользу... имей это в виду, если она пришлет тебе зов, ладно?

— Ладно, — улыбнулся я. — Что-нибудь придумаю. Когда ты едешь?

— Сейчас, — просто сказал Шурф.

— Прямо сейчас? — вот теперь я по-настоящему удивился.

— Ну да, — невозмутимо кивнул он. — Решение принято, моя дорожная сумка уже собрана, ты согласился составить мне компанию — чего тянуть-то?

— А моя дорожная сумка? — возмутился я.

— А зачем человеку, который может залезть в Щель между Мирами и извлечь оттуда все, что требуется, какой-то багаж? — удивился Шурф. — Впрочем, если хочешь — нет проблем: по дороге заедем к тебе, возьмешь все необходимое.

— Ладно, — я несколько ошалел от его напора. Вообще-то, я предполагал, что в моем распоряжении будет как минимум целая ночь, чтобы попрощаться с Меламори, но теперь с ужасом понял, что у меня ничего не получится. Легче противостоять разбушевавшейся стихии, чем сэру Шурфу Лонли-Локли, который внезапно вбил в свою упрямую голову, что ему позарез необходимо отправиться в Графство Хотта — немедленно!

Потом у меня в глазах потемнело и земля ушла из-под ног — как мне показалось, всего на мгновение, я даже не успел проанализировать охватившие меня ощущения, незнакомые, но скорее приятные, чем нет. А когда она снова вернулась, это была самая настоящая земля, а не белоснежный пол кабинета. Я растерянно огляделся по сторонам и обнаружил, что стою на узкой тропинке возле своего амобилера.

— Ничего страшного, Макс, — невозмутимо сказал Шурф. — Просто я должен был пройти через гостиную, чтобы попрощаться с Хельной, и подумал, что самое простое решение — пронести тебя в пригоршне.

— Ты меня уменьшил? — возмущенно взвыл я. — Предупреждать надо!

— А зачем? Чтобы ты закатил глаза, словно я собираюсь тебя четвертовать? — он пожал плечами. — Ты сам неоднократно проделывал этот фокус с другими, в том числе и со мной, но всегда очень боялся испытать на собственной шкуре, как это бывает. Теперь ты знаешь, что ничего страшного при этом действительно не происходит, а время сжимается, верно?

— Мне показалось, что прошло не больше секунды, — неохотно сказал я.

— Ну вот. А на самом деле я беседовал с женой почти четверть часа, — кивнул Шурф. Впрочем, если бы я подержал тебя в пригоршне несколько дольше, ты бы

почувствовал себя так, словно лежишь, укрывшись с головой одеялом. На мой вкус, довольно приятное состояние... Если хочешь, можно как-нибудь попробовать на досуге.

— Спасибо, — буркнул я. — А кто будет управлять твоим амобилером, если ты упрячешь меня в пригоршню? Где он, кстати?

— У тебя за спиной, — пожал плечами Шурф. — Думаю, будет неплохо, если ты захватишь еще и свой — на всякий случай. Остаться без амобилера где-нибудь на границе Пустых Земель — удовольствие сомнительное.

— Да уж, — вздохнул я, привычным небрежным жестом пряча в пригоршне свой амобилер. От мысли, что Лонли-Локли только что проделал со мной то же самое, мне почему-то становилось не по себе. Когда сам совершаешь чудеса, все идет превосходно, но когда они происходят с тобой без твоего предварительного согласия, начинаешь чувствовать себя совершенно беспомощным, как глупенькая лабораторная мышка в искусственном лабиринте, сооруженном какими-то загадочными, невообразимо чудовищами в белых халатах, которые называют себя людьми...

— Я теперь всю дорогу проведу как на иголках, — сварливо сказал я. — Все время буду гадать: когда ты в следующий раз решишь меня уменьшить?

— Не преувеличивай, Макс, — равнодушно отозвался он. — Уже через полчаса ты и думать об этом забудешь. Я-то тебя знаю!

— Действительно знаешь, — удивленно согласился я, усаживаясь за рычаг его амобилера. — Кстати, ты не очень во мне разочаруешься, если я все-таки заеду домой за вещами? Хочу переодеться в свое любимое туланское лоохи. Если мне придется колесить по всему Соединенному Королевству в Мантии Смерти, я вряд ли сумею убедить себя, что это и есть каникулы...

— Разумеется, переоденся, — кивнул Шурф. — Полчаса я вполне могу подождать.

— Спасибо, — ехидно сказал я. Честное слово, у меня создавалось впечатление, что я арестован и приговорен к ссылке, а этот грозный парень должен в спешном порядке выдворить меня за пределы Соединенного Королевства. До сих пор мне казалось, что когда люди отправляются в путешествие, чтобы отдохнуть и развеяться, это выглядит как-то иначе!

По дороге я послал зов Меламори и вкратце изложил ей эту бредовую историю. Моя жалкая попытка хоть как-то обосновать свое внезапное решение попутешествовать с треском провалилась. Более того: я окончательно уяснил, что сам не понимаю, с какой стати мне приспичило сопровождать сэра Шурфа к полуразрушенным стенам его новой недвижимости вместо того, чтобы вернуться на улицу Старых Монеток и все-таки посмотреть кино. По всему выходило, что я просто физически не способен отвечать отказом этому типу — счастье еще, что до сих пор Лонли-Локли не злоупотреблял этим странным свойством моего организма!

К моему удивлению (и некоторому разочарованию) у Меламори не нашлось никаких возражений против моего внезапного отъезда. Она не поленилась подробно изложить мне, насколько ее радует тот факт, что я в кои-то веки принял разумное решение: как следует проветриться, просто отдохнуть в хорошей компании, без всяких там роковых опасностей и захватывающих приключений. Под "хорошей компанией" разумелся сэр Шурф Лонли-Локли — у этого парня устойчивая

еще несколько государств, перечислять названия которых бесполезно: все равно не запомнишь, — снисходительно согласился Шурф. — А Хонхона принадлежала крэйям.

— А кто такие крэйи?

— Сложно дать ответ на столь простой вопрос, — задумчиво сказал он. — Крэйи — это крэйи... Ты ведь рассказывал мне, что видел лесного оборотня, когда путешествовал по Ландаланду? А только что ты познакомился с гостеприимным хозяином этого трактира. Ну вот, они тоже из крэйев, хотя далеко не все крэйи — оборотни... Обо всех крэйях можно с уверенностью сказать, что они по природе своей добры и прямодушны. Все они от рождения понимают язык зверей, птиц и растений. В отличие от людей и эльфов крэйи действительно умеют жить в настоящей гармонии с окружающим миром...

— Душевные ребята, — согласился я. — И куда они подевались, если все так замечательно?

— А с чего ты взял, что они куда-то подевались? Просто за минувшие тысячелетия все три расы успели основательно перемешаться между собой. Большинство обитателей Соединенного Королевства — полукровки, и я в том числе... Впрочем, почти все фермы вдалеке от городов принадлежат чистым крэйи. Сельское хозяйство Соединенного Королевства держится на них — при этом им нет нужды мучить себя тяжелым трудом. Пока потомки людей и эльфов будут надрываться на пашне, или в огороде, фермер, в жилах которого течет кровь крэйи, выйдет в поле, поговорит с растениями — и все в порядке, они сами вырастут так, как ему требуется!

— Ты сказал, что и ты полукровка? — я сгорал от любопытства. Это что же надо было перемешать, чтобы получился сэр Шурф Лонли-Локли — уму непостижимо!

— Ну да, — кивнул он. — Я — потомок многочисленных браков между людьми и эльфами.

— Ой, мама! — я схватился за голову, поскольку вспомнил рассказ Меламори об экзотических пристрастиях эльфов.

— А что в этом такого? — искренне удивился Шурф.

— Да так, ничего, дружище, — вздохнул я.

— Потомки эльфов действительно нередко отличаются неводержанностью и даже распущенностью, — кажется, он понял причину моего замешательства. — Но не забывай: в моем случае это уже давно не имеет никакого значения... Кстати, отец леди Меламори — тоже потомок эльфов, мы с ним даже состоим в дальнем родстве. А ее мать, леди Атисса принадлежит к очень древнему роду, из которого вышли короли Древней династии, что свидетельствует о том, что в ее жилах течет кровь крэйев...

— Ничего себе новости! — я был не просто ошеломлен, а оглушен, можно сказать — контужен.

— Нашел чему удивляться! Строго говоря, у нас в Тайном Сыске есть только один чистокровный человек: сэр Кофа... Ну и ты, конечно, если можно назвать "человеком" существо из иного Мира!

— Да, конечно, — растерянно согласился я. — Просто до сих пор я понятия не имел о том, что кроме людей есть еще и какие-то крэйи... А что касается эльфов — честно говоря, я был уверен, что эти несчастные алкаши, эльфы Шимурэдского леса

— Столичные повара, искушенные в магии — дело хорошее. Но настоящую традиционную угуландскую кухню можно попробовать только в провинции, — объяснил мне Шурф. — А уж "Вурдалачий Жар", приготовленную руками чистокровного вурдалака, и подавно! Так что пользуйся случаем.

— Как это? — я ушам своим не поверил. — Что, ты хочешь сказать, что при этом заведении живет вурдалак?

— Почему — "живет при заведении"? — пожал плечами Шурф. — Хрепта — его хозяин. Да ты же его только что видел!

— Ну и шутки у тебя! — несчастным голосом сказал я. — Редко, но метко, надо отдать тебе должное!

— Но я и не думал шутить, — спокойно возразил он. — Хрепта — чистокровный вурдалак, что в этом такого?

— Но он выглядит как самый настоящий человек, — растерянно промямлил я.

— А как еще он должен выглядеть? — Шурф не поленился удивленно поднять брови.

— Слушай, я уже ничего не понимаю! — Я был готов заплакать. — Люди это люди, а вурдалаки — это чудовища, оборотни... к тому же, до сих пор я был уверен, что никаких вурдалаков вовсе не существует! Так, легенда, и в довершение к ней смешной трактирчик "Ужин Вурдалака" в Ехо, да присказка: "дюжину вурдалаков тебе под одеяло"...

— Эта, как ты выразился, "присказка", родилась в те времена, когда Соединенным Королевством правила династия вурдалаков, — невозмутимо сказал он. — Шунхи Клакк и его потомки. Ходили слухи, что провинциалы Клакки захотят возродить все нелепые старинные законы, в том числе и тот, который дает Королю право ночевать в доме любого из своих подданных. Некоторые придворные остряки добавляли: "и с его женой". Тогда-то и появилась эта поговорка. В оригинале она звучала: "Дюжину вурдалаков на твоё брачное ложе!" — и считалась очень тяжелым оскорблением. Кстати, период правления династии Клакков до сих пор считается золотым веком Соединенного Королевства... Ох, Макс, ты совсем не знаешь историю!

— Не знаю, — обреченно кивнул я. — Но как могло случиться, чтобы людьми правила вурдалаки?

— Ну, видишь ли, — рассеянным тоном профессора, много лет назад уставшего от необходимости объяснять элементарные вещи болванам-первокурсникам, протянул Лонли-Локли, — на людях свет клином не сошелся.

— Не сошелся? — тупо повторил я.

— Разумеется, нет. В древности наш Мир — весь, кроме Арвароха, который изначально представлял собой необитаемую каменную пустыню — был поровну поделен между тремя расами. На Уандуке жили кейифайи...

— Кто-кто? — растерянно переспросил я.

— Эльфы, — бесстрастно перевел он. — "Эльфы" — слово из человеческого языка, а "кейифайи" — из их собственного. Теперь понятно?

— Теперь понятно, — кивнул я. — А люди жили здесь, на Хонхоне?

— Ошибаешься. Люди жили на Черухте.

— Это там, где Изамон? — уточнил я.

— Изамон, Тарун, Тулан, Мури, Анбобайра, Чангайя, Урдер, Шинпу, Тубур и

репутация самого надежного человека всех времен и народов. Проблема в том, что никто кроме меня не видел, как этот "надежный человек" вышивал в Кеттари...

Как бы то ни было, а леди Меламори решительно отказалась проливать слезы по поводу моего внезапного отъезда. Впрочем, это я заранее был готов пережить. Хуже другое: оказалось, что она как раз собралась становиться на след какого-то очередного мелкого жулика, поэтому мое предложение бросить все и заявиться в "Мохнатый дом" для короткого, но бурного прощания показалось ей довольно соблазнительным, но совершенно невыполнимым.

— Можно подумать, что ты увозишь меня из Ехо по личной просьбе леди Меламори, — печально сказал я Шурфу. — У меня такое ощущение, что мой внезапный отъезд показался ей лучшей новостью этого сезона!

— Просто леди Меламори тоже чувствует, что ты засиделся на месте, — снисходительно объяснил он. — Было бы странно, если бы она не заметила: это же у тебя на лбу написано! Разумеется, она радуется, что ты решил немного встряхнуться. Ты теряешь форму, Макс: еще недавно ты сам прекрасно понимал, что любить человека и постоянно держать его при себе — отнюдь не одно и то же. Вот уж не думал, что мне когда-нибудь придется объяснять тебе такие простые вещи!

— Я это и сейчас понимаю, — кисло улыбнулся я. — Не так уж плохи мои дела! Просто захотелось немного понюхать, напоследок. Когда еще доведется: ты ж мне не дашь!

— Не дам, — спокойно согласился Шурф.

Сборы не отняли у меня много времени. Собственно говоря, я просто переоделся в теплое туланское лоохи — такое же черное, как моя мантия Смерти, но без пафосных золотых кругов на спине и груди. Сунул в дорожную сумку еще какую-то запасную одежду, перекинул через плечо толстое одеяло: если уж собрался зимой в горы, такая запасливость не помешает — а вдруг меня заклинит, и я снова начну извлекать из Щели между Мирами исключительно поломанные зонтики, как в самом начале своей магической карьеры! На этом мои сборы в дорогу благополучно завершились — какие уж там полчаса... Лонли-Локли ждал меня в гостинной. Я посмотрел на его серьезную рожу — точную копию физиономии великого Чарли Уотса — вспомнил наши похождения в Кеттари, да и не только в Кеттари, если уж на то пошло, и наконец-то по-настоящему обрадовался предстоящим каникулам. Черт, вообще-то, я вполне мог сделать это с самого начала и не морочить голову ни себе, ни окружающим!

— Хороший вечер, Макс! — приветливо сказал мне Шурф.

— Вообще-то, мы расстались всего десять минут назад, — невольно улыбнулся я. — Вполне можно обойтись без формальностей.

— Десять минут назад я имел дело с кем-то другим, — невозмутимо объяснил он. — Как сказал бы ты сам, с жутким занудой. А теперь ты наконец-то прогнал его прочь. Перемена в твоём настроении показалась мне столь разительной, что я решил: поздороваться не помешает. Иногда обычные формальности помогают выразить свое отношение к происходящему куда лучше, чем длинные рассуждения, которыми, впрочем, тоже не следует пренебрегать, если требуется чем-то занять разум... — неожиданно завершил он.

— Поехали, — решительно сказал я. — Правда, я жрать хочу, как молодой

вурдалак, ну да ладно: перекусим по дороге. Грех это — терять два часа в столичном трактире!

Он кивнул и поднялся из-за стола. Впрочем, на пороге у нас вышла небольшая заминка. Откуда-то появился Друппи и укоризненно уставился на меня. После рискованного эксперимента сэра Джуффина Халли над людьми и собаками, мой пес понимал меня не с полуслова, как раньше, а с первого взгляда. Впрочем, я его тоже, как ни странно... И сейчас у меня не было никаких сомнений: еще немного, и Друппи впервые в жизни обидится на меня по-настоящему. "Едешь развлекаться? — спрашивали его печальные мудрые глаза. — А меня не берешь? И я буду сидеть без тебя целую дюжину дней, а то и дольше? Ну и гад же ты, хозяин!"

— Слушай, сэр Шурф, — растерянно сказал я, — а ты переживешь, если я возьму с собой собаку? Пугать разбойников, твоих дальних родственников, и всех, кто под руку подвернется...

— Ты действительно уверен, что мы с тобой нуждаемся в защите? — на сей раз в голосе Лонли-Локли звучала самая настоящая ирония — редкое событие!

— Я очень стараюсь себя в этом убедить, — усмехнулся я, — поскольку этот красавчик не хочет оставаться дома. В отличие от леди Меламори, он полагает, что любить и держать при себе — именно то, что требуется!

— Да, мудрость и людям-то дается редко, а уж собакам — и подавно, даже таким умным, как твой пес, — серьезно сказал Шурф. — Впрочем, я ничего не имею против — при условии, что этот господин согласится путешествовать под сидением.

— Куда он денется, — улыбнулся я.

Друппи восторженно замотал ушами и ринулся к выходу.

— В конце концов, ни одно путешествие не протекает без мелких неприятностей, — задумчиво сказал Шурф, устраиваясь рядом со мной на переднем сидении своего амобилера. — Будем считать, что неприятность уже случилась: первая и последняя.

"Неприятность" тихо повизгивала от полноты чувств за нашими спинами. Пока Друппи честно сидел под сидением, но я здорово подозревал, что таким скромником он будет оставаться очень недолго: в конце концов, все собаки похожи на своих хозяев!

Часа полтора я просто наслаждался быстрой ездой. Прохладная звездная ночь, разноцветные огни Левобережья, немилосердный ветер с Хуона и сумасшедшая езда — если бы мне предложили самостоятельно смешать для себя коктейль вечности, выбирая ингредиенты для ее начинки по своему вкусу, как в хорошей пиццерии, я бы, пожалуй, остановился именно на таком варианте... разве что, пожалуй, разбавил бы ароматный дым крошечных декоративных костров в роскошных садах пригорода пронзительным запахом хвои, свежей травы и прелых прошлогодних листьев.

— Незадолго до отъезда ты говорил мне, что голоден, — заметил Лонли-Локли. И с деланным равнодушием поинтересовался:

— Ты еще не передумал?

— Что? — рассеянно переспросил я. Но через мгновение осознал его предложение, вернулся к жизни и энергично закивал.

— Сейчас мы подъезжаем к окраине Авалы, — сообщил он. — Насколько мне известно, в самой Авале почти нет трактиров, которые работают по ночам. Но я

знаю одно местечко с отличной кухней. Только нам придется свернуть с большой дороги и проехать около мили.

— Совсем чуть-чуть, — обрадовался я. — Где поворачивать?

Маленький одноэтажный домик с интригующей табличкой "Наперсток вурдалака" приютился на опушке леса. Мне показалось, что это — не самое удачное место для трактира — в том случае, если его хозяин всерьез намерен принимать у себя больше дюжины посетителей в год. Но на подъездной дорожке стояло несколько амобилеров, а обеденный зал был заполнен по меньшей мере наполовину.

— Вот это да! — удивился я, устраиваясь за маленьким столиком, сколоченным из неструганных досок. — Я-то думал, что мы будем ужинать в одиночестве...

— Я же сказал тебе, что трактиры в Авале закрываются рано, — пожал плечами Шурф. — А люди, которые предпочитают укладываться в постель не сразу после заката, есть в любом городе. К тому же, в "Наперстке" отличная кухня. Поэтому с наступлением темноты все местные гурманы едут сюда.

— А ты-то откуда узнал про это местечко? — любопытствовал я.

— В свое время мне довелось провести в Авале несколько дней — я приезжал по служебным делам, поскольку на местном кладбище начались обычные недоразумения с оживающими мертвецами...

— "Обычные недоразумения"? — с сарказмом переспросил я. Но Шурф не заметил моей иронии.

— Да, самые обычные, — невозмутимо подтвердил он. — Недоразумения с оживающими мертвецами всегда похожи одно на другое. История с Орденом Долгого Пути, непосредственным участником которой тебе довелось стать — счастливое исключение из этого правила... Или наоборот, несчастливое — как посмотреть!

Хозяин трактира оказался высоким приветливым мужчиной средних лет, со сросшимися бровями, из-под которых, впрочем, выглядывали большие веселые глаза удивительно чистого голубого цвета. Он принес нам меню: тонкую тетрадку, здорово смахивающую на ученическую, и ловким движением фокусника накрыл наш стол скатертью, изумительная вышивка на которой повергла меня в благоговейный шок: я понял, что вечер будет безнадежно испорчен опасениями заляпать сие произведение искусства каким-нибудь соусом.

— На правах старого посетителя этого заведения позволю себе дать тебе хороший совет, Макс, — важно сказал Шурф. — Непременно закажи себе мясной танг с сыром: здесь он великолепен! И еще густой суп с бамбуриками. И...

— Я же лопну! — ужаснулся я, покосившись на соседние столы: я с самого начала заметил, что они заставлены на удивление вместительными посудинами и сделал вывод, что порции в этом благословенном местечке рассчитаны на великанов.

— Как знаешь, — снисходительно согласился мой консультант. — Но позволю себе заметить, что один наперсток знаменитого "Вурдалачьего Жара" вряд ли помешает тебе продолжить путь. Ты непременно должен его попробовать: в столице не доведется!

— Заказывай все, что считаешь нужным, — сдался я.

Шурф как с цепи сорвался: отбарабанил чуть ли не дюжину наименований блюд. Хозяин кивнул и удалился.

правильнее сказать, что она исчезла вовсе. Я призвал на помощь воображение, нарисовал перед своим внутренним взором полку в книжном магазине и представил себе, как сметаю в сумку новенькие книги в твердых переплетах, заманчиво пахнущие клеем, типографской краской и непрочитанными историями. Мое воображение всегда отличалось некоторым своеволием: в частности, сейчас оно с удовольствием дорисовало, как большая часть книг пролетает мимо сумки и падает на пол, но несколько экземпляров мне все-таки досталось... Я с изумлением понял, что чуть не заснул, оставив свою несчастную беспризорную конечность болтаться в Щели между Мирами, остервенело заморгал и выдернул руку из-под одеяла. Улов оказался богатым: целых три книги. Вообще-то до сих пор мне не удавалось добывать больше одного предмета за сеанс, а тут — такая роскошь!

— Тебе везет, Шурф, — устало улыбнулся я, разглядывая свою добычу. — Во-первых, целых три книги сразу. Во-вторых, они самые настоящие, а не из какой-нибудь "библиотеки Мёнина": я сам когда-то все это читал... Хорошие книжки и самое главное — очень разные. Не понравится одна — берись за другую.

— Спасибо, — проникновенно сказал Лонли-Локли, бережно принимая мою добычу. — Я не устаю благодарить судьбу за счастливую возможность читать книги, написанные обитателями иного мира! Теперь спи, сколько хочешь, Макс, я тебя больше не побеспокою.

— Не сомневаюсь! — фыркнул я. — Боюсь, ближе к ночи мне еще придется валяться у тебя в ногах и стонать: "ну пожалуйста, поехали дальше!"

— Валяться у меня в ногах не обязательно, — серьезно сообщил он. — Обычно бывает достаточно просто вежливо попросить.

Он неторопливо удалился, нежно прижимая к груди "Иствикских ведьм" Апдайка, "Оно" Стивена Кинга и "Арабский кошмар" Ирвина. Я дал себе честное слово, что не успокоюсь, пока не заставлю этого парня добросовестно отрецензировать каждую из книжек. По крайней мере, до сих пор все его отзывы о прочитанном повергали меня в глубокий, но весьма освежающий шок...

Когда я проснулся, за окном уже было темно. Шурф не осчастливливал своим присутствием ни одну из четырех комнат — к величайшему восторгу Друппи, который с грацией напившегося пива кенгуру гонялся за лунными бликами и трепещущими на ветру вышитыми занавесками. Я одобрително понаблюдал за его прыжками и отправился производить ревизию местных бытовых удобств. Бассейнов оказалось не три, как надеялся сэр Шурф, а всего два, зато они были просторными и глубокими, а вода в них — горячей и ароматной. Спустившись в трактир, я обнаружил, что обеденный зал удручающе пуст, только за самым большим столом восседал сэр Шурф, намертво влипший в книгу. Перед ним стояло неописуемых размеров блюдо, на котором громоздилась жареная туша — мне показалось, что мой друг вознамерился сожрать коня — как минимум! Шурф машинально отщипывал от этой горы маленькие кусочки мяса и отправлял их в рот. Я по собственному опыту отлично знаю, сколько можно съесть под хорошую книжку, но мой друг явно переусердствовал: мне показалось, что он изничтожил чуть ли не треть туши.

— Что это тут у тебя? — Изумленно спросил я.

Признаться, я не слишком рассчитывал на ответ, но Шурф тут же отозвался, не отрываясь, впрочем, от книги:

— Я заказал менкала, зажаренного на вертеле. Это простое, но вкусное и

определенные усилия, чтобы оставаться видимыми и выглядеть как люди. Кстати, фаффы очень легко обучаются Очевидной магии — она дается им куда лучше, чем прочим крэйям, а нередко даже лучше, чем людям и эльфам. Общеизвестно, что основатель Соединенного Королевства Халла Махун Мохнатый был чистым фаффом. Собственно говоря, "Мохматым" его прозвали из-за шубы, с которой Халла Махун не расставался даже летом, заботясь о том, чтобы его всегда было видно....

— Ну дела! — уважительно сказал я. — Так предки леди Меламори были невидимками?

— Совершенно верно, — флегматично согласился Шурф. — Но это ничего не значит: с тех пор фаффы так перемешались с людьми и эльфами, что теперь их потомкам приходится годами изучать магию, чтобы снова научиться искусству исчезать... Теперь, пожалуй, я должен упомянуть хлеххелов, которые тоже похожи на людей, но обладают способностью подолгу жить под водой. В пригороде Ехо до сих пор живет несколько семейств хлеххелов, и все они имеют два дома — на суше и на дне Хурана. Городские власти отвели им под строительство специальный участок реки, там, где не ходят суда. Хлеххелы — удивительные существа, странностей у них побольше, чем у иных эльфов — взять хотя бы Кибу Кимара и его поэзию... На самом деле он просто продолжает полузабытые традиции своих предков, о которых мы почти ничего не знаем!

— Водяной, — припечатал я. — Ну-ну, все любопытственней и любопытственней! Кому еще будем мыть кости?

— Какое странное выражение! — отметил Лонли-Локли. — Надо будет запомнить... Что касается крэйи, среди них еще есть кархавны — так называемые "древесные духи". Между прочим, кочевники, которыми ты, с позволения сказать, правил несколько лет, все, как один — чистые кархавны, без примеси человеческой крови.

— Ничего себе! — в очередной раз удивился я. — А чем же они отличаются от людей?

— Можно сказать, почти ничем — кроме того, что каждый кархавн каким-то непостижимым образом связан со своим деревом. Это не значит, что все они живут в лесу: постоянный контакт с деревом для кархавна не является насущной необходимостью, поэтому он может поселиться где угодно и путешествовать сколько душа пожелает. Хотя, говорят, что от свиданий со своим деревом кархавны получают ни с чем не сравнимое удовольствие...

— Хорошо, наверное, быть кархавном! — мечтательно протянул я.

— Ну, как сказать! — Лонли-Локли с сомнением покачал головой. — Если дерево погибнет, связанный с ним кархавн умрет, и наоборот — если убить кархавна, засохнет его дерево.

— Это уже хуже, — нахмурился я. — Слишком опасно! Если бы я был кархавном, я бы наверное поселился под своим деревом. Сидел бы там в полном боевом вооружении и отбивался от лесорубов до последней капли смолы...

— Вряд ли. Если бы ты действительно был кархавном, ты бы не бледнел при мысли о смерти, — заметил Шурф. — Кархавны на короткой ноге со смертью: они рождаются мертвыми.

— Все? — тупо переспросил я, чувствуя, что моя голова уже начинает перегреваться. Как я до сих пор управлял амобилером — вот что удивительно!

— Да, все, — кивнул Шурф. — Странно, правда? Родители относят новорожденного куда-нибудь, где растут деревья и оставляют его там, а когда возвращаются, ребенок уже жив.

— Страсти какие! — я выдал из себя кислую улыбку. Знакомый, обжитой Мир, в котором я так уютно устроился, в очередной раз рушился у меня на глазах. Ему на смену приходило совсем иное пространство: загадочное, притягательное, но уж никак не уютное, по крайней мере, пока...

— Есть еще хребелы — так называемые "чистые духи", — Шурф явно не собирался прерывать свою поучительную лекцию, пока не выложит все. — Это самые загадочные из крэйев. Я прочитал множество книг, в которых рассказывается о хребелах, но до сих пор их таинственная суть кажется мне величайшей загадкой. Скажу тебе больше: я даже не понимаю, почему их считают крэйями. Все крэйи человекообразны — если не всегда, то по крайней мере, время от времени. А хребелы никогда не принимают человеческого облик, хотя охотно пользуются человеческой речью. Такие существа встречаются среди растений, птиц, животных, камней...

— Говорящие камни? — изумился я.

— Да, и такое бывает, — согласился он. — Понимаю, поначалу в это трудно поверить: до тех пор, пока какой-нибудь камень не заговорит с тобой на древнем языке Хонхоны.

— Тогда мне придется сбежать за переводчиком, — усмехнулся я. — Я же не знаю ни слова на этом вашем древнем языке... А кстати: мы сможем прийти к взаимопониманию? Я имею в виду: логика у них та же, что и у нас? Или тут даже переводчик не поможет?

— Нет, почему же... Все хребелы обладают той разновидностью разума, какая в той или иной степени присуща всем человекоподобным расам. Понимаешь же ты буривухов...

— А буривухи — хребелы? — тупо уточнил я.

— Ну разумеется. А кем еще могут быть говорящие птицы?

— А говорящие камни — они действительно существуют? — осторожно спросил я. — Их можно где-нибудь встретить? Или о них только в книгах написано?

— Зачем далеко ходить: все камни, из которых Халла Махун Мохнатый построил Холоми — хребелы, — бесстрастно сообщил Шурф. — Я читал, что во время постройки Холоми, Халла Махун не поленился лично осведомиться у каждого камня, в каком месте ему хотелось бы лежать... В некоторых текстах встречаются многозначительные намеки, из которых можно сделать вывод, что замок Холоми в свое время невзлюбил молодого Короля Мёнина, поскольку у них вышел какой-то спор о смысле жизни, и Мёнин по молодости лет не сумел оставаться корректным на протяжении всего спора.

— Поссориться со стенами собственного замка — вот это, я понимаю, неуживчивый характер! — машинально пошутил я. — Слушай, а почему они не сказали мне ни слова, эти камешки? Я же несколько раз приезжал в Холоми по разным делам, а однажды даже провел несколько дней в одной из камер...

— Камни Холоми — очень старые хребелы, — пожал плечами Шурф. — С возрастом они почему-то стали молчаливыми. А может быть, у камней иное чувство времени. Возможно, они полагают, что их спор с Королем Мёнином случился

заката. Я с удовольствием рассматривал высокие узкие дома на улицах этого города — исторической родины нынешней королевской династии. Гуригга казалась не столько городом, в котором много садов и парков, сколько городом, построенном в центре очень большого парка — я не называю это "лесом" только потому, что многочисленные деревья и кустарники выглядели очень уж ухоженными.

— Просто чудо какое-то! — восхищенно сказал я своему спутнику. — Хорошо бы купить здесь дом и приезжать сюда хоть иногда — на каникулы...

— Ну и купи, что тебе мешает? — рассудительно сказал он. — Недвижимость здесь дешевая, как и везде в провинции.

— Я подумаю, — ошеломленно сказал я. Честно говоря, я до сих пор не мог привыкнуть к мысли, что мечтать о простых и приятных вещах, вроде собственного домика в Гуригге, мне уже давным-давно не нужно, поскольку осуществить такого рода мечту — проще простого... Впрочем, мечтать о всяческих необязательных приятных дополнениях к жизни мне всегда нравилось больше, чем обладать ими, если честно!

Мы пообедали в трактире "Гугландский понх" — насколько я понял, загадочный "понх" был фирменным блюдом этого заведения, чем-то вроде творожной запеканки, нежной, как суфле. Шурф оказался большим знатоком и ценителем гугландской кухни — можно было подумать, что я путешествую с сэром Кофой, честное слово! Впрочем, от сэра Кофы мой друг отличался самым невыгодным образом: спорить с ним было совершенно невозможно. Он безапелляционно потребовал, чтобы я непременно заказал деликатесный мясной суп с хвойной пылью и уттарийские дутые пышки, мясную соломку в сладком уксусе, которую подавали на круглых деревянных досточках с небольшим, выдолбленным вручную, углублением в центре, и "гугландский черный креф" — зловещего вида, но изумительное на вкус жаркое, и загадочный "семидневный манхок тетухи Хабби", попробовать который мне так и не удалось: за годы жизни в Ехо я действительно стал довольно могущественным колдуном, но фокусы с уничтожением пищи в особо крупных размерах по-прежнему казались мне слишком мудреной наукой! Одним словом, я что-то жалобно пискнул и пополз досматривать сны, благо при трактире имелась небольшая гостиница, состоявшая всего из четырех небольших, но уютных комнат, которые, к счастью, пустовали. Впрочем, мне показалось, что это их нормальное состояние: радость хозяев, выяснивших, что мы собираемся снять их все, пусть даже всего на полдня, не поддавалась никакому описанию. В одной из комнат уже развалился на ковре Друппи, несколько ошалевший от такого простора после того, как чуть ли не сутки ютился под задним сидением.

Я упал на низкую кровать без ножек, похожую на очень толстый пружинный матрас, и закрыл глаза. Но мне тут же пришлось снова их открыть: над моим ухом раздалось деликатное покашливание Лонли-Локли.

— Видишь ли, мне совсем не хочется спать, — вежливо произнес он, — купание при всем желании не отнимет у меня больше двух часов, а пешая экскурсия по Гуригге не кажется мне достаточно интересным занятием... Я подумал: возможно, тебя не слишком обременит просьба достать для меня несколько книг из своего мира? В этом случае я мог бы провести время с удовольствием и не без пользы...

— Сейчас попробуем, — отчаянно зевнул я. Привычным движением сунул руку под одеяло, подождал несколько секунд. Конечность послушно онемела — было бы

числе и дурацкие выходки ваших сотрудников!"

"Я не такой уж мудрый, Макс, — весело объяснил мой шеф. — Просто я умею казаться мудрым и равнодушным — да каким угодно! Разумеется, я мог сделать вид, что своевольная выходка сэра Шурфа мне до одного места. Но иногда надо давать себе порезвиться — почему бы и нет?!"

"В конце концов, эта маска ничем не хуже любой другой", — задумчиво согласился я.

"Экий ты мудрый! — обрадовался шеф. — Вижу, что стук градин по темени пошел тебе на пользу... Ладно уж, досыпай, несчастная жертва чужих безумств! И передавай привет сэру Шурфу. Скажи ему, что у меня больше нет к нему никаких претензий."

— Тебе привет от нашего шефа, — меланхолично сказал я Шурфу. — Ты угадал: это действительно была его тучка. Он счастлив, как весенняя птичка.

— Значит, града больше не будет, — одобрительно кивнул Лонли-Локли. — Что ж, это замечательно. Меня несколько утомила необходимость защищаться от градин.

— Пусти меня за рычаг, — вздохнул я, на шаривая в своей дорожной сумке бутылку с бальзамом Кахара. — Что ты там давеча говорил про город Гуриггу и хорошие гостиницы с тремя бассейнами в номере? Сейчас мы быстренько доберемся в этот земной рай! Сегодня я собираюсь спать под крышей. Надеюсь, у тебя нет возражений?

— Ну что ты, — удивленно сказал Шурф. — Мне уже стало несколько неловко за те многочисленные неудобства, которые тебе приходится испытывать в этом путешествии...

— Это некоторым разбушевавшимся господам Почтеннейшим Начальникам должно быть неловко! — проворчал я. — При чем тут ты?

А потом я неудержимо рассмеялся, поскольку с глотком бальзама Кахара ко мне вернулась бодрость, и я наконец-то понял, насколько все это было смешно: справедливый гнев сэра Джуффина, "страшная месть Кеттарийского Охотника" и мое "сражение" с его тучкой — срам, да и только!

Несмотря на то, что днем дорога, по которой мы ехали, оказалась отнюдь не пустынной, я умудрился развить приличную скорость, ловко лавируя между многочисленными фермерскими телегами, в которые были запряжены флегматичные рогатые менкалы, и амобилерами, среди которых попадались совершенно причудливые конструкции. Признаться, поначалу я думал, что эти чудовища — последний писк моды, от которой я безнадежно отстал, но Шурф объяснил мне, что в провинции до сих пор ездят на машинах, изготовленных еще до Смутных Времен: народ здесь по большей части бережливый и умелый, а уж гениальных механиков-самоучек, специализирующихся на ремонте дряхлеющих амобилеров — пруд пруди!

— И никакой магии! — прокомментировал я, изумленно разглядывая амобилер, разваливающийся корпус которого был кокетливо перевязан многочисленными разноцветными шальями.

— Ну почему же — "никакой"? — возразил Шурф. — Просто местные чудеса несколько отличаются от столичных. Но поверь мне: без ворожбы сия прискорбная конструкция давным-давно развалилась бы!

Невзирая на оживленное движение на дороге, в Гуриггу мы приехали задолго до

совсем недавно, и до сих пор обижаются на него, или вообще на весь род человеческий.

— А также крэйский и эльфийский, — вздохнул я.

— Ну да, именно это я и имел в виду, — важно подтвердил он. — Знаешь, в последние столетия в Соединенном Королевстве, да и почти во всем Море сложилась традиция употреблять слово "люди" по отношению ко всем, кто выглядит, как человек. Все расы и народы так перемешались — было бы довольно затруднительно говорить о ком-то: "этот полукейифай с четвертью человеческой и четвертью крэйской крови", когда можно просто сказать "человек", не расспрашивая незнакомца обо всех его предках до сто тридцать второго колена... Ну, бывает иногда: с первого взгляда видно, что перед тобой стоит чистый эльф, или крэйи, все предки которого вступали в браки только со своими — в таких случаях слово "человек" употреблять не обязательно, хотя тоже можно. На такие вещи никто не обижается, скорее уж наоборот. Неудивительно: если учесть печальную участь и скандальную известность эльфов Шимурэдского леса, ты поймешь почему у нас, в Соединенном Королевстве, многие эльфы прилагают усилия, чтобы выдать себя за людей.

— Особенно при приеме на службу! — ядовито поддакнул я. — Чтобы хозяин не испугался, что они будут пить вино и буяннить на рабочем месте...

— Ну да, разумеется, — совершенно серьезно подтвердил Шурф. — Это очень большая проблема.

— Что ж, спасибо, что просветил, — улыбнулся я. — Если мне когда-нибудь придется искать себе новую службу, буду с порога заявлять своему будущему работодателю, что я — не эльф. А если завтра какой-нибудь кирпич, из которых сложены стены моего дома, пожелает мне "хорошего утра", я буду знать, что это не галлюцинация, а всего лишь хреббел. Очень полезная информация!

— Кирпич, изготовленный человеческими руками, не может быть хреббелом, — педантично поправил меня Шурф. — Только камень, порожденный природой. А если с тобой заговорит кирпич, скорее всего это будет означать, что твой дом заколдован.

— Ясно, — кивнул я. — Ну что, какие еще бывают крэйи?

— Я перечислил всех крэйев, — к моему величайшему удивлению сказал Шурф. — По крайней мере, всех, о ком мне известно.

— Оно и к лучшему, — буркнул я. — Мне вполне хватило... — Потом моя природная веселость взяла верх, и я рассмеялся:

— Это надо же! Ты — эльф. Сэр Джуффин Халли — оборотень. Моя девушка — невидимка. А сэр Мелифаро — вообще не пойми что: помесь великанов с гномами! Грешные Магистры, а я-то, болван, был уверен, что живу среди людей...

— Ты напрасно поднимаешь из-за этого такой шум, — строго сказал мне Шурф. — Люди, крэйи, кейифайи — это всего лишь слова. К тому же, среди предков наших коллег было немало людей, как и среди моих...

— Да, это утешает, — усмехнулся я. — Собственно говоря, даже если выяснится, что все вы — пятиглазые чудовища с дюжиной шупалец вместо рук... Черт, мне будет легче убедить себя, что это и есть нормальный человеческий облик, чем сделать отсюда ноги!

— Боюсь, ты несколько преувеличиваешь свою к нам привязанность, —

бесстрастно заметил Лонли-Локли. — Знаешь, Макс, я совершенно уверен, что если бы наш облик действительно оказался таким, как ты описываешь, ты бы сделал все возможное и невозможное, чтобы исчезнуть отсюда куда угодно, лишь бы там тебя окружали человекоподобные существа. Скажу тебе больше: ты бы постарался как можно скорее забыть обо всем, что тебя с нами связывает. Возможно, тебе это даже удалось бы...

— Предпочитаю не проверять твоё утверждение на практике, — натянуто улыбнулся я. — Поэтому воздержись от немедленного превращения, ладно?

— Мне и в голову не приходило во что-то превращаться, — удивленно сказал Шурф. — Надо быть очень неразумным человеком, чтобы пугать возницу, который управляет амобилером на такой скорости!

— Вот и славно, — с облегчением сказал я. — Лучше расскажи мне про эльфов. Или ты уже хочешь спать?

— Вообще-то, я бы не отказался от возможности отдохнуть, — признался Шурф. — Но если ты хочешь узнать про кейифайев... Хвала Магистрам, я пока не ощущаю себя настолько усталым, чтобы не выполнить твою просьбу!

— Только для начала объясни: чем, собственно говоря, эльфы отличаются от людей? — попросил я. — Потому что в том мире, где я вырос, существует множество легенд про эльфов, хотя их самих никто, вроде бы, не видел. Может получиться путаница: выяснится, что под словом "эльфы" я подразумеваю одно, а ты — совсем иное...

— Да, так нередко случается, когда беседуют представители разных культур, — авторитетно подтвердил он. — Не знаю, что это за эльфы, о которых рассказывают легенды твоей родины, а наши кейифайи — это почти бессмертные существа. Известно, что они не умирают от старости, или болезней, но убить их можно...

— Да, я в курсе, — буркнул я, с некоторым содроганием вспоминая свой скромный опыт в этой области.

— Тем не менее, убить любого из кейифайев очень трудно, — тоном знатока заметил Шурф, — разве что заколдованным оружием. Хотя, говорят, что Халла Махун Мохнатый мог убивать их голыми руками, но это сложно проверить: слишком много времени прошло...

— Шурф, а ты тоже почти бессмертный? — осторожно поинтересовался я.

— Нет, конечно. У меня эльфийской крови — хорошо, если четверть. И вообще потомки от смешанных браков смертны, как все люди — разве что стареем мы немного медленнее, да и то не все...

— Жаль, — вздохнул я.

— Ну, тут ничего не поделаешь, — равнодушно отозвался он. И продолжил:

— Основное отличие кейифайев от людей и крэйев состоит в том, что у них нет четких принципов — они не отличают добро от зла, не видят разницы между тем и этим, не понимают: что значит сделать выбор... Кроме всего прочего, многие кейифайи равнодушны к различиям между полами, что нередко шокирует людей и крэйев... Они могут вести себя донельзя глупо, а могут быть очень мудрыми, поскольку, опять же, не видят разницы. Порой это свойство — я имею в виду врожденную неспособность к бинарной логике — становится самой сильной стороной кейифайев, но иногда оно их губит... Впрочем, в данном случае, было бы уместнее сказать "нас", поскольку в этом отношении потомки эльфов нередко

укладывалось в мои представления о возможностях туч.

— Я уже пробовал убрать эту тучу — ничего не получается, — сообщил мне Лонли-Локли. — Впрочем, я догадываюсь, откуда она взялась.

— Откуда?

— А ты сам не догадываешься? Сегодня утром я основательно испортил настроение сэру Джуффину Халли. Насколько я успел его изучить за время нашего знакомства, сэр Джуффин — человек весьма властный и темпераментный, но мудрый. И я не удивляюсь, что в данной ситуации он решил ответить тем же: немного испортить нам поездку и получить удовольствие от этой маленькой мести. Это действительно гораздо разумнее, чем затаить обиду, верно?

— Думаешь, это Джуффин? — недоверчиво спросил я.

— Почти уверен. Эта туча, сам видишь, не похожа на обыкновенное природное явление: она следует за нашим амобилером, словно ее привязали. Понятно, что это — чья-то ворожба. А если я до сих пор ничего не смог поделать с этой тучей, значит ворожит очень могущественный колдун...

Несколько увесистых градин тем временем прогулялись по моей спине. Я поморщился от боли и почти машинально сложил пальцы левой руки для щелчка. Через мгновение мой Смертный Шар, крошечная шаровая молния ярко-зеленого цвета разорвала обнаглевшую тучу на клочки.

— Вот, собственно, и все! — гордо сказал я.

— Рано радуешься, — флегматично заметил Шурф. — Я ее уже несколько раз испепелял, но через несколько секунд туча появляется снова.

"Какой ты грозный, сэр Макс — хоть в обморок падай! — в моем сознании тут же зазвучала Безмолвная речь нашего шефа. — Что ты сделал с моей маленькой тучкой, бездушный сэр Вершитель?"

Безмолвная речь вообще-то плохо передает эмоции собеседника, но на сей раз я почувствовал: Джуффин был доволен, как кот, добравшийся до клетки с канарейками.

"Это что, действительно ваши проделки? — изумленно спросил я. — Но зачем вы это сделали? Не хочу быть невежливым, но ничего, кроме слова "свинство" мне в голову не приходит. Я всю ночь вел амобилер, проехал тысячу миль, если не больше, и только-только прилег, чтобы заснуть, а на меня сразу посыпались ваши градины..."

"Все, считай, что ты меня разжалобил! — отозвался Джуффин. — Но вообще-то, я не собирался тебя обижать, бедняга: эта замечательная тучка была моим личным подарком сэру Шурфу. Я постарался сделать так, чтобы большая часть градин падала именно на него..."

"Ничего, "меньшей части" оказалось вполне достаточно! — заверил его я. — Если учесть размеры градин, мне хватило бы и одной, а их было не меньше дюжины."

"Ладно, больше не буду, — пообещал шеф. — Спи спокойно."

"Точно больше не будете?"

"Если сказал: не буду — значит, не буду, — подтвердил он. — Мое настроение уже вполне исправилось, а больше ничего и не требовалось!"

"А что, наш отъезд действительно испортил вам настроение? — недоверчиво спросил я. — Если честно, я думал, что вам все уже давным-давно по фигуре, в том

добродушная румяная старушка в таком пестром лоохи, что у меня при взгляде на нее начинали слезиться глаза, охотно разрешила мне воспользоваться ее ванной — никаких бассейнов здесь отродясь не водилось. Шурф от водных процедур решительно отказался, заявив, что предпочитает подождать, пока мы не доберемся до Гуригги — там, дескать, можно отыскать гостиницу с несколькими бассейнами в одном номере. Я же был не столь привередлив: в свое время мне приходилось довольствоваться куда меньшим. Так что через четверть часа я вернулся за стол с мокрой головой, в чистой скабе и в приподнятом настроении.

— Вот теперь я похож на человека! — гордо сообщил я Шурфу, который уже приступил к завтраку.

— Да, вполне, — невозмутимо согласился он. — Но для полного сходства с живым человеческим существом тебе все-таки следует выспаться.

— Сделаем! — торжественно пообещал я, налегая на "уттарийский боевой омлет" и сине-зеленые каравайчики из Дуалонни — еще теплые и божественно вкусные, невзирая на несколько неуместный цвет.

Через полчаса мы покончили с сомнительного достоинства "деревенской камрой" и изумительными пирожками с болотным медом, расплатились с хозяйкой и отправились в путь. Шурф что-то неодобрительно пробурчал насчет моей все еще мокрой после купания головы — иногда мне начинает казаться, что этот парень меня усыновил! — но я решил проблему профилактики простудных заболеваний просто: свернулся клубочком на заднем сидении нашего амобилера и укрылся одеялом с головой, так что стал похож на сверток с багажом. Друппи даже испуганно заскулил поначалу, когда увидел, во что превратился его хозяин. Впрочем, успокоить его оказалось проще простого: стоило развернуть пакет с остатками вчерашнего окорока из "Наперстка", и мой мудрый пес сразу решил, что в мире есть куча куда более интересных вещей, чем тщетное беспокойство о моей участи.

Я сразу же провалился в сон — прежде, чем наш амобилер тронулся с места. Я спал жадно, иначе не скажешь: с такой жадностью дорывается до воды путник, несколько дней проскитавшийся по раскаленной пустыне. Но проснуться мне пришлось куда раньше, чем я был готов это сделать: на меня упало что-то маленькое, но чертовски тяжелое. Хвала Магистрам, во сне я закрыл голову рукой, поэтому синяку теперь предстояло появиться на предплечье, а не под глазом — и на том спасибо! За этим ударом последовало еще несколько, правда, не столь сильных.

— Что это, Шурф? — пытаюсь стряхнуть с себя остатки сна, спросил я. Черт, до сих пор я никогда не задумывался о том, что отсутствие верха — скорее серьезный недостаток конструкции, чем очаровательное достоинство современных амобилеров!

— Это град, — невозмутимо ответил Лонли-Локли. Одной рукой он управлял амобилером, а другой ловко отбивался от многочисленных градин. Мне показалось, что сражение пока протекает успешно: круглые ледяные шарики не могли добраться до его макушки, как ни старались. — Это очень интересный град, Макс, — сдержанно добавил он. — Если ты поднимешь голову, то увидишь, что прямо над нами плывет крошечная тучка — чуть больше, чем наш амобилер.

Я тут же задрал голову и обомлел: крошечная тучка действительно имела место. Скажу больше: она зависла всего в нескольких метрах над нами, что совершенно не

оказываются похожими на своих предков...

— Шурф, а из какой Щели между Мирами ты выцарапал термин "бинарная логика"? — изумленно спросил я.

— Чему ты удивляешься? — он выглядел почти обиженным. — Ты же видел мою библиотеку!

— Я думал, что этот термин употребляется только в моем мире, — смущенно объяснил я.

— С какой стати? — он пожал плечами. — Бинарная логика существует везде, где есть люди... к сожалению!

— Почему — "к сожалению"?

— А какого еще отзыва ты ожидал от потомка кейифайев? — невозмутимо парировал он.

— Тоже верно... Да, кстати: в трактире ты говорил, что среди эльфов, пardon — кейифайев! — есть "упиаты" и еще какие-то ребята. У них тоже все так сложно, как у крэйев?

— Нет, гораздо проще, — снисходительно сказал Шурф. — Упиаты — это так называемые "умиротворенные эльфы". Они находятся в полном согласии с окружающим миром и не стремятся к переменам, поэтому обычно бездействуют, если только их не вынудят — и, как правило, в этих редких случаях оказывается, что их могущество почти бесконечно. Поскольку упиаты ленивы, они по-прежнему обитают на Уандуке: некоторые нежатся в красных песках необитаемых пустынь, а некоторые живут в больших городах. И те, и другие вполне довольны своей судьбой... Кстати, большинство населения Куманского Халифата, в котором тебе довелось побывать — потомки недолговечных браков между упиатами и людьми, переселившимися на Уандук. А их правители, вся династия Нубуйлибуни — почти чистые эльфы, говорят, только мать, или даже бабка первого халифа Цуан Куафайи была из людей, поэтому властители Куманского Халифата живут подолгу, но отнюдь не вечно... А вот все эльфы, которых можно встретить у нас, на Хонхоне, или на Черухте — это амфитимайи, то есть "восторженные". Они отличаются тем, что постоянно стремятся к действию — все равно какому. Поэтому амфитимайи путешествуют, воюют, изобретают — да чем они только не занимаются! Легендарный Ульвиар Безликий и все эльфы, переселившиеся с ним сюда, на Хонхону — из амфитимайев. Я читал, будто молодой Ульвиар был весьма разочарован, встретив здесь дружелюбных крэйи: ему в то время хотелось завоевывать чужую землю, отбирать сокровища, силой брать женщин — ну сам понимаешь, о чем может мечтать юноша, вообразивший себя великим воином! А воевать с крэйи оказалось совершенно невозможно: они сами приглашали пришельцев поселиться там, где им понравится, каждый день ходили к ним с драгоценными подарками, а любвеобильные крэйские женщины сами вешались на шею красавцам эльфам. Ульвиар долго искал повод для войны, но так и не нашел... Поэтому войны на Хонхоне начались гораздо позже, когда подросли дети от смешанных браков. А потом, когда сюда начали переезжать первые люди с Черухты, жизнь здесь окончательно "наладилась" — если можно так выразиться. Люди любят повоевать, ты и сам знаешь...

— Знаю, — усмехнулся я. — Что ж, во всяком случае, я рад за Ульвиара Безликого. Хоть на старости лет развлекся!

— К этому времени Ульвиар Безликий погиб от руки своих многочисленных дочерей и внуков, которые мечтали поделить между собой его владения и волшебные талисманы, — флегматично сообщил Шурф. — Обычная история!

— Да уж, — я огорченно покачал головой. — Скажи: а кроме "умиротворенных" и "восторженных" эльфов есть еще какие-нибудь? Или это все?

— Ну как тебе сказать, — задумчиво протянул он. — Есть еще элсидиайи — незримые. Эльфы считают их своими родичами — возможно, так оно и есть. Впрочем, не знаю, может ли тут идти речь о каком-то родстве, поскольку элсидиайи абсолютно нематериальны. В одной старинной рукописи сказано, что тысяча элсидиайев может поместиться на кончике ногтя, но это не совсем корректное утверждение. Так можно говорить о существах, размеры которых неопишимо малы, а у элсидиайев вовсе нет никаких размеров... И еще мне доподлинно известно, что иногда элсидиайи могут надолго поселиться на каком-нибудь предмете, или даже на живом существе. Они капризны и непредсказуемы: могут в любой момент покинуть свою обитель, а могут и вернуться...

— Но как люди узнают об их присутствии, если они абсолютно нематериальны? — спросил я. — Или элсидиайи любят поговорить?

— Нет, элсидиайи не говорят. Но тем не менее, их присутствие можно ощутить, поскольку они привносят в свое окружение совершенно особое, ни с чем не сравнимое настроение, некую невыразимую легкость. Человек, живущий поблизости от элсидиайев, сам не замечает, как начинает остро ощущать радость бытия, обычно совершенно несвойственную человеческим существам — разве что совсем маленьким детям... А если соседство окажется продолжительным, элсидиайи могут поделиться своей странной мудростью, весьма полезной для того, кто желает заниматься Невидимой магией. Поэтому сведущие люди стараются их приманить.

— А как? — заинтересовался я.

— Ну... есть разные способы, но ни один из них не действует наверняка, — неопределенно сказал Шурф. — Думаю, тебе следует поговорить об этом с сэром Нумминорихом, а еще лучше — с его женой. Леди Хенна еще очень молода, но она чуть ли не с детства занимается торговлей антиквариатом, а все люди этой профессии знают об элсидиайях больше, чем кто-либо другой. Собственно говоря, поиск вещей, на которых поселились эти невидимые существа — их основной источник дохода. Есть немало людей, которые с радостью отдадут за такую драгоценность все свое состояние.

— Уверен: в их собственном доме полным-полно элсидиайев! — обрадовался я.

— Наверняка, — подтвердил Лонли-Локли.

— То-то я так люблю у них бывать! — энергично закивал я. — Да и сами они такие легкие — я все время жду, что однажды Нумминориха унесет порывом ветра! Думаю, уж у него-то элсидиайи даже за шиворотом копошатся... Теперь я понимаю, что ты имел в виду, когда говорил об "особом настроении", которое приносят элсидиайи! Слушай, а у тебя дома их нет, часом? Что-то у тебя тоже подозрительно легко дышится... Или это секрет?

— Нет, почему же. Насколько мне известно, элсидиайи никогда не требуют секретности от своих случайных соседей: думаю, им это глубоко безразлично... Ты угадал, Макс: у меня живут элсидиайи — правда, всего двое, — доверительно

— "Устал" — это еще слабо сказано, — согласился я. И не удержался от ехидной улыбки:

— Впрочем, после беседы с сэром Джуффином ко мне пришло второе дыхание, так что засыпать за рычагом я пока не собираюсь. Но в скором времени я действительно перестану быть надежным возницей. Было бы неплохо найти какую-нибудь уютную маленькую гостиницу, позавтракать по-человечески, привести себя в порядок и поспать заодно... Хотя поспать-то я как раз могу и на заднем сидении. Но за пять минут в маленьком бассейне с теплой водой я бы душу продал!

— Душу? Забавно! — неожиданно оживился Шурф. — Но я не думаю, что в этих местах тебе удастся найти покупателя на товар, само существование которого нуждается в доказательстве... Впрочем, это и ни к чему: выполнить твоё желание легче легкого. На этой дороге немало трактиров и гостиниц.

— Что-то я до сих пор ни одного не заметил, — буркнул я.

— И хвала Магистрам! Это свидетельствует о том, что ты все-таки смотришь на дорогу, а не по сторонам. Здешние трактиры окружены густыми садами, как и все дома в этой части Гугланда, а вывески не отличаются ни размерами, ни яркостью. На такой скорости их трудно заметить. Но я уверен, что разгляжу следующую вывеску, если ты поедешь хоть немного медленнее.

— Ладно, тогда командуй, — кивнул я, сбавляя скорость.

— Ну вот, например, — через несколько минут сказал Шурф. — "Пьяная пумба" — судя по названию, здесь останавливаются разве что местные фермеры по дороге на ярмарку в Нумбану.

— А что такое "пумба"? — оживился я.

— Овощ, — лаконично объяснил он. И с сомнением спросил:

— Будем завтракать здесь, или поищем что-нибудь попроще?

— Здесь — если у них есть хоть один маленький бассейн, — кивнул я. — Или просто какое-нибудь корыто с горячей водой... Грешные Магистры, как низко я пал, да?

— Просто ты очень устал, — великодушно отозвался Шурф. — Но учти: спать здесь я тебе не дам. Уляжешься на заднем сидении... Заодно поймешь, какая у тебя непоседливая собака — истинное наказание для человека, который пытается заснуть!

Друппи тихонько тявкнул из-под заднего сидения — не то виновато, не то обиженно, и мы свернули на узкую подъездную дорожку, терявшуюся среди вечнозеленых дебрей старого запущенного сада, мокрого — не то от недавнего дождя, не то от утренней росы.

"Пьяная пумба", как и предсказывал мудрый сэр Шурф, отнюдь не являлась заведением, которое подошло бы для выездной сессии какого-нибудь "Королевского клуба". Скажу больше: даже для дружеской вечеринки студентов Королевской Высокой Школы она не очень-то годилась. Маленькое помещение, в центре которого стоял длинный стол, рассчитанный на дюжины две персон, и узкие деревянные скамьи. За этим столом клевал носом один-единственный посетитель в выдавшем виды сером лоохи — не то в ожидании заказа, не то просто поспать зашел — не разберешь... Впрочем, оказалось, что кроме этого "банкетного зала" в трактире имеются еще две крошечных комнаты, в каждой из которых было по одному небольшому столику — именно то, что нам требовалось. Хозяйка трактира,

требовательно прикоснулся к моему плечу, всем своим видом показывая, что ему необходимо то же самое. Я протянул ему сигарету, и он снова уставился в пустоту, сосредоточившись на Безмолвном разговоре. Мне оставалось только коситься на сие совершенно неуместное зрелище и головой качать: ну и дела!

— Ты очень удивился, когда выяснил, что я тебя обманул? — голос Лонли-Локли раздался в тот момент, когда я уже начал было думать, что их с Джуфффином спор затянется до вечера.

— "Удивился" — не то слово! А вы с шефом уже завершили общение? — не веря в такое счастье, спросил я.

— Разумеется. В противном случае я бы не смог беседовать с тобой, — рассудительно сказал он. И умолк — можно подумать, что все необходимое уже было сказано.

— А ты не мог бы объяснить мне, почему ты сказал, будто Джуфффин меня отпустил? — вежливо поинтересовался я. — Или это — тайна?

— Нет, почему же... Просто у меня были некоторые сомнения, что сэр Джуфффин действительно согласится отпустить тебя на целую дюжину дней, а то и больше, — невозмутимо ответил он. — И в то же время я был совершенно уверен, что в эту поездку нам следует отправиться вместе. Я все взвесил и решил, что в таком деле лучше взять всю ответственность на себя, чем предоставить принятие решения другому человеку — сэру Джуфффину, или даже тебе. По некотором размышлении наш шеф со мною согласился, хотя мне показалось, что для этого ему пришлось сделать над собой небольшое усилие...

— Так что, наша поездка — это нечто большее, чем просто вылазка за твоим грешным наследством? — растерянно спросил я.

— У меня нет ответа на твой вопрос, Макс, — задумчиво сказал Шурф. — "Нечто большее", или "нечто меньшее" — откуда мне знать? Поживем — увидим.

— У тебя какие-то недобрые предчувствия? — я никак не мог унять.

— У меня просто предчувствия. Не могу назвать их добрыми, или недобрыми, — он пожал плечами и ловко перебрался на переднее сидение рядом со мной. — Не теряй силы, чтобы получить от меня ответы на твои вопросы. У меня нет никаких ответов. Но через несколько дней они будут у нас обоих... Слушай, Макс, ты мне вот что скажи: ты имеешь хоть приблизительное представление, сколько ты проехал за ночь? Мне хотелось бы знать, где мы находимся.

— Сейчас прикинем, — кивнул я. — Мы уехали из "Наперстка Вурдалака" примерно через час после полуночи — так?

— Верно, — авторитетно подтвердил он.

— А рассвет наступил часа два назад. Ехал я со скоростью от ста до ста тридцати миль в час. Вот и считай.

— Значит мы удаляемся от Авалы в течение девяти часов и проехали никак не меньше тысячи миль, — в его голосе мне почудились недоверчивые нотки.

— А мы уже проезжали мимо большого города?

— Не знаю, большой он там, или нет, но вскоре после рассвета я видел довольно высокую городскую стену по левую руку от дороги...

— Значит мы уже миновали Дуалонни. Это кажется мне самым настоящим чудом, Макс. Но ты наверное очень устал вести амобилер, — сочувственно добавил он.

сообщил Шурф. — Но не дома. Они поселились в шкатулке, в которой я держу свои перчатки... Но я не предпринимал никаких усилий, чтобы их приманить: они сами пришли. Сам не знаю, почему этим существам так понравилось обитать поблизости от столь опасного оружия...

— Да уж, — я удивленно покачал головой, — думаю, эти ребята — большие любители острых ощущений... Слушай, это здорово, что они у тебя живут! — Я и сам не знал, почему так обрадовался, но факт остается фактом: я даже начал подпрыгивать на сидении, чтобы хоть как-то выплеснуть избыток положительных эмоций.

— Макс, если сейчас ты врежешься в какое-нибудь дерево, я, возможно, успею уйти куда-нибудь Темным Путем прежде, чем мое тело будет погребено под обломками амобилера, — холодно сказал он. — Что касается тебя — сомневаюсь. У тебя пока не настолько хорошая реакция. Поэтому постарайся поумерить свои восторги!

— Бу-бу-бу! — восхищенно передразнил его я. Но прыгать перестал и даже скорость немного сбавил.

— Поскольку я уже рассказал тебе о крэйях и кейифайях, возможно, ты не будешь возражать, если я немного вздремну? — вежливо спросил Лонли-Локли. К счастью, он не обратил никакого внимания на мое кривляние...

— Конечно, — виновато сказал я. — Я и так тебе всю ночь спать не даю — вон уже рассвет скоро...

— Положим, до рассвета еще часа три, но только потому, что зимой он наступает поздно, — согласился Шурф, перебираясь на заднее сидение. — Но это не является для меня проблемой, поскольку если надо, я могу довольно долго обходиться без сна.

— Так это — если надо, — улыбнулся я. — А у нас вроде как каникулы... Слушай, последний вопрос, чтобы закрыть тему: а люди?

— Что — люди? — сонно спросил он.

— Ну вот крэйев, например, Магистры знают сколько разновидностей, — объяснил я, — да и эльфы — тьфу ты, кейифайи! — тоже разные бывают. А все люди — просто люди, или тоже какие-нибудь "умиротворенные" и "восторженные"?

— Почти верно, — одобительно сказал Шурф. — Люди испокон веку делятся на жителей гор, жителей равнин и жителей побережий. Разумеется, во внимание принимается не нынешнее место проживания — надеюсь, ты и сам понимаешь, что за минувшие тысячелетия почти все обитатели Мира успели основательно попутешествовать! — а природный темперамент, унаследованный от предков, живших на Черухте в самом начале человеческой истории.

— А какой у них темперамент? — спросил я. И тут же смутился:

— Ну вот, опять я тебе спать не даю!

— Ничего, на этот вопрос можно ответить коротко, — снисходительно откликнулся Шурф. — Жители побережий немного похожи на восторженных эльфов: они темпераментны и деятельны. Собственно говоря, подавляющее большинство людей, переселившихся с Черухты на Хонхону и Уган — именно жители побережий... Жители равнин весьма флегматичны и не склонны к радикальным переменам — как и упиаты. Но к сожалению, при этом они не обладают ни мудростью, ни могуществом, ни даже спокойствием кейифайев... А

вот жители гор, на мой взгляд — лучшие из людей, поскольку они склонны к глубоким размышлениям, но в то же время не чуждаются деятельности и находятся в ладу с окружающим миром, почти как крэйи. Теперь все?

— Теперь все, — подтвердил я. — Спи спокойно, я больше ни слова не скажу!

Я честно сдержал обещание и умолк, сосредоточившись на дороге. Ночь, быстрая езда и тишина, которую нарушала только возня Друппи — пес никак не мог устроиться под задним сидением и все время пытался перебраться поближе ко мне — оказали на меня самое благотворное воздействие: невероятная информация, которую вывалил на меня Лонли-Локли, довольно быстро перестала казаться мне хорошим поводом для бурных эмоций. Ну действительно: какое мне дело, как тут у них все устроено? Какая разница — что за предки были у моих друзей: эльфы, оборотни, великаны, невидимки, или еще какие-нибудь твари... Главное, что мне нравится результат всех этих генетических экспериментов!

Примерно через час после рассвета я с некоторым неудовольствием осознал, что мои силы вполне исчерпаемы, так что мне все-таки придется прибегнуть к помощи балзама Кахара, или — что казалось мне еще более соблазнительным вариантом — попросить моего спутника разомкнуть свои ясные очи и на некоторое время сменить меня за рычагом амобилера. Но судьба подарила мне другой способ забыть об усталости: старое как мир надежное средство из серии "кирпич на голову".

"Хорошее утро, сэр Макс!" — вообще-то сам по себе зов моего шефа не является таким уж выдающимся событием: сие неземное удовольствие я обычно испытываю по несколько раз на дню. Но поздоровавшись со мной, сэр Джуффин с преувеличенной вежливостью спросил: "Я хотел узнать: ты намерен в какой-то момент появиться в Доме у Моста, или пока я пропадал во дворце, ты успел подать в отставку? Поскольку тебя не было всю ночь, я наивно решил, что ты хоть утром объявишься..."

"Объявиться было бы довольно затруднительно, — растерянно заметил я. — Дело в том, что по моим расчетам мы уже давно едем по территории Гугланда и стремительно приближаемся к Графству Вук — если я хоть что-то смыслю в географии Соединенного Королевства..."

"Так, — кажется, Джуффин был удивлен куда больше, чем я. — Выкладывай, что там у тебя стряслось?"

"Да ничего не стряслось, — я уже не знал, что и думать: до сих пор на моей памяти сэр Джуффин Халли никогда не страдал рассеянностью. — Вы же сами сказали Шурфу, что отпускаете нас на несколько дней в Графство Хотта, за его наследством..."

"В Графство Хотта, значит. На несколько дней. Ну-ну... Продолжай, сэр Макс, мне очень интересно!"

"Хотите сказать, что вы ничего об этом не знаете? — изумленно переспросил я. — Но Шурф сказал, что он с вами договорился. Дескать, ему кажется, что я засиделся в Ехо, и вы с ним абсолютно согласны... Если честно, я не очень-то хотел уезжать, но против такого авторитетного заявления не попрешь!"

"В общем-то, ты действительно немного засиделся, — спокойно согласился Джуффин. — И если бы кто-нибудь из вас потрудился узнать мое мнение на сей счет, я бы сам усадил тебя в амобилер, еще и пирожков на дорогу дал бы... Но сэр Шурф говорил со мной только о своем отпуске. О тебе речи не было."

"Во дает! — Изумился я. — Что это с ним?"

"Но почему ты сам у меня не спросил? — поинтересовался Джуффин. — Для чего, собственно говоря, существует Безмолвная речь, если не для таких ситуаций?"

"Я не хотел отрывать вас от дел, — растерянно промямлил я. — Понимаете, поскольку Шурф сказал мне, что поговорил с вами... Как тут можно сомневаться?! Он же — самый надежный парень всех времен и народов!"

"Вообще-то, тебя можно понять, — согласился шеф. — И что за арварохская оса его укусила?"

"А может быть, вы сами у него и спросите?" — осторожно предложил я.

"Да уж спрошу, не сомневайся!" — пообещал он.

"И что мне теперь делать? Возвращаться, что ли?" — растерянно спросил я.

"Ну уж нет! — неожиданно сурово возразил Джуффин. — Бросать дело, за которое уже взялся, даже если это всего лишь дурацкое путешествие в Графство Хотта — фу! Ничего хуже нельзя и придумать... Полагаю, именно на это и рассчитывал наш мудрый сэр Шурф. Дескать, главное — сделать первый шаг, а потом со мной договориться — проще простого: все-таки парень меня не первый год знает... Хотел бы я знать: почему ему так приспичило вытащить тебя в эту поездку?"

"Я тоже. А может быть, ему просто не хотелось самому вести амобилер? Все-таки, если верить карте, до этого Графства Хотта пилить и пилить..."

"Ты плохо знаешь нашего сэра Шурфа. Уж кому-кому, а ему бы ничего не стоило отправиться туда Темным Путем и вернуться обратно на следующий же день", — заверил меня шеф.

"Тогда я вообще ничего не понимаю, — признался я. — Он еще заставил меня взять с собой запасной амобилер — представляете?"

"Его знаменитая предусмотрительность, — с некоторым сомнением протянул Джуффин. — Ладно, сэр Макс, будем считать, что все к лучшему: по крайней мере, проветришься, как следует. Может быть даже ни во что не влипнешь, хотя..." — и он задумчиво умолк.

"Эй, шеф, это ваше "хотя" меня здорово настораживает", — обеспокоенно сказал я.

"Оно меня самого настораживает, — туманно ответил он. — Ну хорошо, я уже почти смирился с мыслью, что меня здорово провели... Только постарайся ехать как можно быстрее и в то же время не вмазаться в какую-нибудь встречную телегу: я пока не готов остаться без заместителя."

"Это радует: по крайней мере, вы не откусите мне голову, когда я появлюсь на пороге вашего кабинета!" — обрадовался я.

"Посмотрим, — неопределенно сказал Джуффин. — Может еще и откушу: как настроение будет... Хорошего тебе дня, счастливчик!"

Возня на заднем сидении свидетельствовала, что расставшись со мной, сэр Джуффин тут же разбудил моего "похитителя" и теперь они вели теплую доверительную беседу. Догадаться о ее эмоциональной насыщенности по выражению лица сэра Шурфа было совершенно невозможно: памятник — он памятник и есть!

Ребята трепались чуть ли не целый час. За это время я успел так распереживаться, что полез в карман лоохи за сигаретами. Шурф тут же

мелькал где-то далеко впереди, и мне постоянно приходилось окликать этого непоседу.

Программа-минимум — добраться к дому до темноты — была, можно сказать, выполнена. В лиловом свете сгущающихся сумерек мы уперлись в высокую каменную стену, окружающую бесстыдную фаллическую башню и испуганно обступившие ее низкорослые пристройки. Немного погуляв вдоль стены, мы обнаружили массивные ворота, деревянные створки которых, впрочем, не производили впечатления неприступных. Примерно четверть часа мы стучали в ворота: сначала вежливо, потом — с учетом толщины стен дома, потом — так, что если бы рядом было кладбище, перепуганные мертвецы непременно покинули бы свои уютные могилки, дабы выяснить, что происходит, а под конец — просто изо всех сил. Никакой реакции не последовало.

— Может быть, там никого нет? — неуверенно предположил я. — Неудавшиеся наследники прослышали о твоём приезде и решили убраться подобру-поздорову...

— А свет в доме жгут привидения, да? — без тени улыбки спросил Шурф. — Впрочем, мне, знаешь ли, все равно: есть там кто-то, или нет, а мы войдем. Ночевать под забором — не в моих привычках.

Лонли-Локли снял защитную рукавицу с левой руки, аккуратно кончиком указательного пальца прикоснулся к створкам ворот, и они тут же осели на землю грудой серебристого пепла. Только тут я заметил, что он уже как-то успел надеть свои смертоносные перчатки.

"Вот это да! — растерянно подумал я, — приехал парень к родственникам, ничего не скажешь!" Мне стало немного не по себе: только теперь до меня окончательно дошло, что ночные наваждения, преследовавшие нас в начале пути, были не просто забавными происшествиями, о которых можно рассказывать друзьям, вернувшись домой, а наглядным свидетельством проявления чужой незнакомой силы — пусть не слишком грозной, но недвусмысленно враждебной.

— Сразу видно нерачительного хозяина: только пришел домой — и ну все ломать! — нервно усмехнулся я. Шурф не обратил на мою жалкую попытку пошутить никакого внимания. Он замер у прохода и напряженно всматривался в густо-лиловую темноту двора. Можно было подумать, что мы с ним явились сюда, чтобы арестовать какого-нибудь зловредного чародея древних времен!

— По-моему, во дворе все спокойно, — наконец сказал он.

— По-моему, тоже, — подтвердил низкий хриплый голос. Я подскочил на месте от неожиданности. Шурф смотрел на вещи проще: скакать он не стал, просто слегка приподнял правую руку в белоснежной перчатке — на всякий случай, я полагаю...

— Не стоит из-за меня беспокоиться, — флегматично сказал голос из темноты. — Я — просто собака, к тому же далеко не такая большая, как ваша.

— Действительно собака, — невозмутимо подтвердил Шурф. — Вон он, прячется за углом.

Друппи растерянно присел на задние лапы, прижавшись к моей ноге. Он не спешил обнюхаться с братом по крови. Думаю, он никогда прежде не встречал собак, которые умеют разговаривать. Ничего удивительного: я и сам их никогда не встречал!

— Иди сюда, — повелительно сказал Шурф.

— А вы не будете драться? — опасливо спросила собака. — Молодые Кутыки

питательное блюдо — гордость гугландской кухни. Присоединяйся.

— Это обязательно? — несчастным голосом спросил я. — Или мне все-таки можно съесть что-нибудь другое?

— Поступай, как хочешь, — флегматично отозвался он. — Но я настоятельно рекомендую тебе попробовать... Надеюсь, у тебя нет предрассудков, которые не позволяют есть мясо менкала?

— Нет, — растерянно отозвался я и покорно пообещал:

— Я обязательно попробую, но немного позже, ладно?

Примерно через час к нам подошла хозяйка заведения и смущенно спросила, не желаем ли мы избавиться от трактира от своего присутствия: уже, дескать, скоро полночь, а где же это видано — чтобы трактир был открыт до полуночи?! Я собрался было как следует возмутиться и сообщить этой милой даме, что приличные люди в такое время только-только начинают подумывать об ужине, но Шурф понимающе покивал, попросил ее позвать слуг, чтобы упаковать и отнести в наш амобилер зажаренного менкала и, не отрываясь от книги, направился к выходу, небрежно велел мне расплатиться, забрать из комнат наши сумки и ехать дальше.

— Ты бы мне хоть чаевые иногда давал, — фыркнул я, отправляясь наверх за вещами. Впрочем, Шурфа можно было понять: парень как раз присосался к Стивену Кингу, так что обижаться на него было бессмысленно и несправедливо, как на беременную женщину.

На сей раз путешествие протекало в полном молчании. Мы переправились через Хурон по большому старинному мосту, помпезному, как траурный наряд пожилой аристократки. Теперь мы ехали по территории Ландаграда: изгибы Хурона вычерчивали границу между двумя провинциями. Впрочем, никаких перемен в окружающем пейзаже я не обнаружил, разве что темная лента реки теперь поблескивала по левую сторону от дороги. Некоторое время Шурф продолжал штурмовать источник знаний, развалившись на заднем сидении — благо острое зрение угуландца позволяло ему читать в темноте. Но усталость взяла свое, и он задремал под убаюкивающее похрустывание менкальских костей: Друппи вовсю развлекался с остатками его чудовищного ужина. Потом хруст прекратился, и я остался единственным бодрствующим существом — думаю, не только в отдельно взятом амобилере, но и во всем Ландаграде, наивные жители которого явно не понимали прелестей ночного образа жизни. У меня были свои маленькие радости: я наконец-то выспался и мог получить настоящее удовольствие от быстрой езды по совершенно пустой дороге. Я так разогнался, что в какой-то момент начал подозревать, что у нашего амобилера есть все шансы взлететь: по крайней мере, уши у меня уже заложило! Мне показалось, что это уже перебор, и я немного сбавил скорость — как раз вовремя!

Признаться, я не люблю сюрпризы. Даже трогательный подарок, заботливо подсунутый под мою подушку любимой девушкой, вполне способен выбить меня из колеи. Однажды у меня хватило ума спросонок испепелить такой сверток прежде, чем я сообразил, что это обыкновенный сувенир, а не какой-нибудь зловещий талисман, заговоренный моим злейшим врагом. На войне, как на войне, знаете ли: лучше быть живым параноиком, чем мертвецом, который ждал от жизни только приятных неожиданностей... Одним словом, я не люблю сюрпризы. Зато они меня просто обожают.

Впрочем, сюрприз, который ждал меня на дороге, можно с некоторой натяжкой назвать безобидным. Сердитый серый гусь величиной со слона — ничего из ряда вон выходящего. Собственно говоря, его злобное шипение было мне до лампочки. Единственный недостаток гуся, который действительно вызывал у меня некоторые возражения, состоял в том, что его туша являлась серьезным препятствием на пути моего амобилера. Врезаться в такую громадину на скорости, явно превышающей сто миль в час — то еще удовольствие! К счастью, моя реакция день ото дня становилась все лучше, думаю, меня уже можно было выпускать на Уимблдонский корт. Пока рудиментарное воображение впечатлительного человека услужливо рисовало перед моим внутренним взором картину неминуемой катастрофы, моя мудрая левая рука молниеносно прищелкнула пальцами, выпуская на волю совершенно незаменимый в подобных обстоятельствах Смертный Шар. Впрочем, крошечная шаровая молния просочилась сквозь чудовищную домашнюю птицу, потом ударилась о ствол ближайшего дерева, стала большой и прозрачной и, наконец, исчезла. Это неопровержимо свидетельствовало о том, что огромный гусь был чистой воды наваждением — если не примитивной галлюцинацией! Я стиснул зубы, вцепился в рычаг амобилера и на полной скорости рванул вперед. Мне повезло: проехать сквозь реалистически исполненное тело гуся оказалось ничуть не затруднительнее, чем нырнуть в полосу тумана. Через секунду все уже было позади. Я сбавил скорость и осторожно оглянулся. Ничего — пустая дорога, как и следовало ожидать.

Только теперь я великодушно позволил себе утереть со лба холодный пот и даже испугаться. Правда, такое состояние души быстро показалось мне непродуктивным: трястись мелкой дрожью после того, как опасность осталась далеко позади — что может быть глупее? Поэтому я решительно помотал головой и переключился на программу "радуемся счастливому спасению". Впрочем, восторги по поводу избавления от гигантского гуся были настолько фальшивыми, что не убеждали даже меня самого. На смену восторгам пришли размышления, и в моей голове мелькнула чудовищная, но вполне правдоподобная мысль: "Джуффин резвится! Точно его шуточки!"

Я был настолько потрясен собственным озарением, что немедленно отправил зов своему шефу.

"Это уже не смешно! — возмущенно начал я. — То есть, это было бы вполне смешно, если бы я ехал не на амобилере, а на самокате. Разбитая коленка — не такая уж высокая плата за ваше внимание! Но сейчас я чудом не устроил аварию..."

"Подожди, сэр Макс, — Безмолвная речь Джуффина была медленной и какой-то вялой — можно подумать, что он только что проснулся. — Во-первых, ты меня разбудил, так что я очень рассчитываю на извинения. А во-вторых, я ничего не понимаю. Если ты только что чудом избежал аварии — молодец. Но при чем тут я? Чему я тебя никогда не учил — так это управлять амобилером..."

"А гусь?" — взвыл я. Признаться, я по-прежнему был совершенно уверен, что шеф меня разыгрывает: редкое шоу не желает "go on"!

"Что за гусь?" — невозмутимо спросил Джуффин. Кажется, он уже вполне проснулся.

"Огромный серый гусь посреди дороги, — неохотно объяснил я, поскольку шеф все еще не вызывал у меня доверия. — Очень сердитый: он шипел, как дракон,

— Это желание не относится к разряду невыполнимых, — улыбнулся я. — Сделаем!

Но я несколько переоценил свои возможности. Дорога, по которой нам пришлось ехать, вполне подошла бы для пешехода, думаю, и всадник верхом на менкале остался бы доволен. А вот для поездки на амобилере дорога совершенно не годилась. Слишком узкая и неровная. К тому же, по обеим сторонам дороги росли густые колючие кусты, передовые отряды которых с энтузиазмом цеплялись за многострадальную машину, а иногда умудрялись добраться и до наших лоохи. Я уже начал опасаться, что мы прибудем на место исцарапанные, как семилетние мальчишки после штурма малинника.

— Шурф, ты переживешь, если остаток пути нам придется проделать пешком? — виновато спросил я, останавливаясь на краю зловещего вида расщелины, через которую был переброшен изящный пешеходный мостик. О том, чтобы переехать его на амобилере, и мечтать не приходилось: только пешком, и только дыша в затылок друг другу — слишком уж узкий!

— Я уже давно привык к этой мысли, — вздохнул он. — Надо отдать тебе должное: ты ехал, пока это было возможно... и еще некоторое время после того, как это стало совершенно невозможно! Ты действительно очень хороший возница, Макс, а не просто безумный гонщик, как я полагал прежде...

— Стоп! — восхищенно сказал я. — И как я раньше не додумался?! Ты прячешь амобилер в кулак, мы переходим через мост, а потом...

— Твоя идея была бы хороша в другом месте, — проворчал он. — Наверное, у тебя не слишком хорошее зрение, в противном случае, ты бы сам это понял. За мостом вообще нет никакой дороги — всего лишь, тропинка, окруженная не кустами, а деревьями. Мы застрянем там, Макс. Лучше уж сразу смириться с мыслью о пешей прогулке и не терять время.

Амобилер мы спрятали в кустах. Брать его с собой в любом случае не было смысла: у меня в пригоршне один уже имелся, и я не очень-то понимал, зачем он нам нужен. Но Шурф категорически запротестовал против предложения спрятать его здесь же.

— Но ты же сам говорил, что там, за мостиком, уже невозможно ехать! — удивился я.

— Просто не люблю складывать все яйца в одну корзину: это глупо и непредусмотрительно, — безапелляционно ответил он. Попробуй тут возрази!

Мостик подозрительно раскачивался под нашими ногами — счастье еще, что он был такой коротенький, всего пять шагов, и мы ступили на твердую землю. Пройдя несколько метров, я убедился, что Шурф был прав: здесь уже не покатаешься, и никакая магия не поможет — даже если я бы владел какими-нибудь специальными магическими приемами, предназначенными для местных любителей гонок на выживание. Но прогулка по лесу оказалась куда более приятным занятием, чем "чудеса на виражах", которыми мне пришлось развлекаться в течение последнего часа. Тропинка бежала вверх под почти незаметным уклоном, так что я даже не запыхался, как это обычно случается на долгом подъеме. Кто был по-настоящему счастлив — так это Друппи. Кажется, за время поездки, мой пес чуть не разучился пользоваться своими четырьмя лапами. По крайней мере, поначалу он двигался довольно неуверенно, но потом разошелся так, что его белый лохматый хвост

всучив своему спутнику хорошую взятку в виде очередной чашки душистого чая.

— Разумеется, нет, — невозмутимо откликнулся он. — Я же там никогда не был. Но тебе не следует волноваться по этому поводу, Макс. Вовсе не обязательно знать дорогу, достаточно уметь ее находить.

— Тогда давай, находи, — проворчал я. — А то наше путешествие затянется на долгие годы...

Но на долгие годы оно не затянулось. Всего на два дня — довольно утомительных, но совершенно великолепных. Наваждения нас больше не донимали: то ли неизвестный "доброжелатель" не знал, что у нас по-прежнему все в порядке, и решил, что сделал вполне достаточно, то ли понял, что такой ерундой нас не проймешь, то ли просто устал... Одним словом, все как-то само собой уладилось, можно было расслабиться и получать удовольствие от поездки. Этим я и занялся. Езда по горам была не столь быстрой, как я привык, но она таила в себе совершенно неопишуемое очарование. Несколько раз я останавливал автомобиль, чтобы немного размять ноги, и гулял по окрестностям, с жадностью дорвавшегося до природы городского жителя вдыхал изумительный воздух, а однажды даже нашел кустарник, покрытый мелкими темными ягодами, немного похожими на самую настоящую ежевику. Шурф снисходительно сообщил мне, что ягоды съедобные, но сам их есть не стал. Я здорово подозреваю: его смущал тот факт, что они немытые...

— Это здесь, — уверенно сказал Лонли-Локли, указывая на гигантское сооружение, откровенно фаллической формы, украшающее вершину ближайшей к нам горы. — Именно так сэр Хурумха Кутык и описывал мне дом своих предков.

— И эту крепость ты называл "старой фермой"? — изумленно спросил я. — Нельзя же быть таким снобом, дружище! Таких высоких зданий я даже в Ехо никогда не видел!

Это было сущей правдой. Даже с такого расстояния становилось понятно, что башня на горе была очень высокой, примерно с девятиэтажный дом... Забавно: вроде бы я уже так давно покинул мир, в котором родился, а до сих пор пользуюсь тамошними масштабами. Вот и сейчас я машинально сравнил сооружение на горе с девятиэтажкой, вместо того, чтобы подумать, что оно примерно в два раза выше, чем мой Мохнатый Дом — самое высокое жилое здание на Правом берегу Ехо — или чуть больше, чем колокольня на крыше Управления Всяческих Помех Пламени.

— А ты уверен, что высота сооружения — это непременно достоинство? — снисходительно спросил Шурф. — В данном случае она скорее свидетельствует о том, что это очень старый дом. Наверняка его построили еще в те времена, когда здесь жили эхлы...

— Великаны? — уважительно уточнил я. — Слушай, а родственники твоей жены не эхлы, часом?

— Ты же ее столько раз видел! — Шурф укоризненно покачал головой. — Хельна мне до плеча не достает — какие уж там эхлы! Вся ее крэйская родня — из драхов, я ведь тебе уже говорил.

— Говорил, — жалобно согласился я. — Думаешь, это легко: переварить такую информацию? Да еще и в таком количестве...

— Не легко, но и не слишком трудно — в самый раз! — невозмутимо ответил он. — Не отвлекайся от дороги, ладно? Скоро вечер, а мне хотелось бы добраться туда до наступления темноты.

которому отдавили хвост. Ничего страшного, конечно, но когда едешь на большой скорости... К счастью, оказалось, что он нематериален — так, наваждение. Но ведь я вполне мог запаниковать и свернуть в ближайшую канаву!"

"Ну, что-то, а паниковать тебе уже давным-давно не положено, — заметил Джуффин. — Еще чего не хватало... Для начала попытайся осознать тот факт, что я действительно не имею никакого отношения к существу, которое ты только что встретил на дороге. Я просто спал — можешь себе представить, случается со мной и такое! И вообще, я не люблю затягивать шутки. По-моему, это дурной тон!"

"Тогда извините, — растерянно промямлил я. — Но после вашей давешней выходки — кого я еще мог заподозрить?"

"Хороший вопрос, — задумчиво откликнулся мой шеф. — Вот уж действительно: кого можно заподозрить? Ты, часом, в последнее время ни с кем не ссорился?"

"Да нет, вроде. К тому же, все, с кем я всерьез "ссорился" — или в Холоми, или на том свете... Думаете, это кто-то из моих знакомых?"

"Не думаю. Так, рабочая гипотеза... А скажи мне, Макс: ты боишься гусей?"

"Ну вы даете! — рассмеялся я. — Как можно бояться гусей?"

"Точно так же, как некоторые вполне храбрые люди боятся маленьких собачек, мышей, или лягушек, — невозмутимо ответил Джуффин. — Ладно, я уже понял, что ты — величайший из ныне живущих героев... А в детстве ты их, часом, не боялся?"

"Гусей?" — переспросил я. Хотел было уже сказать "нет", и вдруг вспомнил: а ведь было дело!

"Однажды, когда мне было года четыре, или того меньше, мы всей семьей отправились за город, — начал я. — Помню, что мы зачем-то остановились на какой-то деревенской улице, вышли из машины, и родители на какое-то время предоставили меня самому себе — наверное, они что-то покупали у крестьян... И вот тут я увидел здорового гуся. Ну, теперь-то я понимаю, что гусь мне попался самый обыкновенный, просто я сам был маленький, да еще и воображение будь здоров! Честно говоря, я подумал, что это чудище сейчас меня съест: он шипел, хлопал крыльями и шел прямо на меня. Я заорал, откуда-то появился отец и спас меня от личного контакта с живой природой..."

"Ясно, — бодро отозвался Джуффин. — Я так и думал... Скажи-ка, Макс, а у тебя было много детских страхов?"

"По-моему, не очень, — неуверенно ответил я. — Вообще-то я был довольно храбрым ребенком: даже в темноте оставаться не боялся, наоборот — любил. А когда двоюродные братья рассказали мне страшную сказку про привидения, я начал лазать на чердак, чтобы познакомиться с этими красивыми полупрозрачными существами — увы, безуспешно... Нет, таких происшествий, как с гусем, было полным-полно, но я обо всем быстро забывал. Я имею в виду, что этот грешный гусь не преследовал меня в ночных кошмарах, а когда я снова увидел гуся вблизи через несколько лет, я даже не вспомнил, что когда-то считал, будто это страшно... Ну вот, разве что, больших собак я боялся довольно долго, но это прошло после того, как я начал их любить. И еще лет в семь я боялся "Всадника без головы". Мне даже кошмары с его участием снились..."

"А это что за пакость такая?" — оживился Джуффин.

"Да так, ерунда, просто я прочитал о нем в книжке, — смущенно объяснил я. —

Но даже его я по-настоящему боялся не больше месяца — это всего тридцать дней — а потом начал читать что-то другое... Знаете, все свои долгоиграющие страхи я заработал уже после того, как стал взрослым."

"Ну, считай, что тебе повезло, — попытожил Джуффин. — Насколько я могу судить, этот твой гусь — всего лишь первое неприятное происшествие. Имей в виду: вполне может случиться, что тебе доведется встретиться и с другими страхами своего детства. Хорошо, что они не имеют над тобой никакой власти!"

"Хотите сказать, что сейчас на меня попрут большие собаки и безголовые всадники? — удивился я. — А что, на меня объявили охоту?"

"Я не знаю, Макс. Я только предполагаю. Просто мне известно о существовании такого старинного заклятия — довольно простенького в исполнении, надо сказать, как и вся древняя магия Хонхонь! Наслать на человека его детские кошмары проще простого. Такие наваждения сами по себе не могут причинить никакого вреда: ни убить, ни ранить, ни даже ударить. Они — просто картинки, которые исчезают, если ты согласишься на них недостаточно внимательно. Но для многих людей подобное заклятие становится самым страшным наказанием: иногда оно способно свести с ума. А бороться с таким наваждением проще простого: достаточно не обращать на него внимания. Помни об этом, если перед тобой вдруг появится армия безголовых всадников!"

"Что ж, спасибо, что предупредили, — ошеломленно сказал я. — Ну и новости! Но кто это ворожит?"

"Надеюсь, рано или поздно ты это выяснишь, сэр Тайный Сыщик! — обнадежил меня шеф. — По крайней мере, могу тебя утешить: скорее всего, твой гусь — дело рук дилетанта. Если бы за дело взялся серьезный колдун, ты бы вряд ли так легко отделался... И постарайся больше не будить меня, ладно? Могу тебя заверить: после вашего отъезда моя жизнь и без того стала чересчур утомительной!"

"Хорошей вам ночи", — виновато сказал я.

"И тебе того же", — не без некоторого ехидства откликнулся он.

— Ну дела! — растерянно сказал я вслух, когда голос шефа перестал звучать в моем сознании, и я снова остался без собеседника. Признаться, поначалу я хотел разбудить своего спутника и поделиться с ним странной историей про огромного гуся, но потом передумал: пусть себе спит до утра: вдруг это дурацкое наваждение — не моя частная собственность, а наше общее достояние, одно на двоих? Со своими безобидными "кошмариками" я уж как-нибудь справлюсь, а вот мало ли, какие страхи терзали в детстве сэра Лонли-Локли... Честно говоря, я предпочитал и дальше оставаться в неведении!

Признаться, лихая езда сквозь необитаемое пространство ландаландской ночи утратила для меня свое очарование: я был здорово на взводе и все время ждал неприятностей, как начинающий водитель на горной дороге. Кажется, я был готов ко всему, но только не к тому, что увидел примерно спустя полчаса после беседы с шефом. В доброй полусотне метров впереди, посреди дороги стоял дом — и какой! За несколько лет жизни в Соединенном Королевстве я успел убедиться, что местная архитектура может быть похожа на что угодно, но только не на удручающе однообразные новостройки моей далекой родины. Тем не менее, передо мной высился ностальгический привет из прошлого: многоэтажное здание из стекла и бетона — явно не жилой дом, а какое-нибудь серьезное заведение, вроде научно-

или, по крайней мере, лежал с закрытыми глазами — особенно когда мы будем ехать по горным дорогам.

— Все равно я не понял: как могло случиться, что вместо тебя заколдовали меня?

— Да проще простого, — Шурф огорченно покачал головой, расстроенный моей несообразительностью. — Они насылали наваждения на незнакомца, которого никогда в жизни не видели, на человека, который, как они чувствовали, приближается к ним с большой скоростью, едет даже по ночам. Откуда им было знать, что я спокойно сплю на заднем сидении, а амобилер ведет кто-то другой? Они вообще представления не имеют о том, что нас двое.

— Теперь понятно, — кивнул я — скорее, чтобы доставить ему удовольствие, чем потому, что действительно хоть что-то уяснил.

— Ну и хвала Магистрам! Надеюсь, теперь ты сменишь меня за рычагом? — Шурф демонстративно зевнул.

Впрочем, я был совершенно уверен, что он хочет не столько спать, сколько добраться до книг. Я оказался прав: этот парень принялся перечитывать Кинга, и лицо у него при этом было такое вдумчивое, словно под глянцевого обложкой скрывалась, как минимум, "Книга Мертвых". Где-то после полудня, когда этот любитель знаний наконец-то задремал, дорога стала гораздо уже и неухоженнее, а ландшафт, в свою очередь, решил поразить меня своим великолепием. Бескрайние равнины Пустых Земель оказались не такими уж бескрайними. На горизонте маячили не слишком высокие лесистые горы, и я понял, что мы приближаемся к границам Графства Хотта. Скажу больше: там еще и пограничники имелись! Четверо неулыбчивых мужчин и одна, еще более угрюмая, дама вполне "бальзаковского возраста" — все, как один, в шерстяных штанах до колен, вязанных рубахах и меховых жилетах, верхом на рогатых менкалах, с рогатками Бабум и тяжелыми старинными мечами странной изогнутой формы — любо-дорого посмотреть! Честно говоря, я был несколько обескуражен наличием в этом прекрасном Море пограничников, поскольку мне внезапно пришло в голову, что ребята сейчас начнут требовать у нас паспорта, да еще, не приведи господи, и с визами. Ни паспорта, ни визы, ни даже каких-нибудь "водительских прав" на управление амобилером, и вообще ничего в таком роде у меня не было с тех самых пор, когда моя нога впервые ступила на благословенную землю Соединенного Королевства. И до сих пор нужды в документах я, хвала Магистрам, не испытывал! Но я напрасно волновался: стоило только сказать, что мы — жители столицы Соединенного Королевства, и ребята тут же начали изображать на своих лицах приветливое выражение. Не могу сказать, что им это удалось, но попытку я оценил по достоинству! Судя по всему, нас здесь старательно любили и уважали. Я извлек из Щели между Мирами фиолетовую астру и галантно протянул пожилой амазонке. Она испуганно ахнула, потом робко заулыбалась и осторожно взяла цветок. После этого я решил, что теперь имею полное право уехать.

Горы стремительно приближались. Через некоторое время дорога неуверенно поползла вверх. А к вечеру мы ехали по самой настоящей горной тропе, сквозь густой лес, и я с запоздалой растерянностью понял, что уже давно не знаю, куда, собственно говоря, надо ехать? Пришлось будить Шурфа, хотя мне ужасно не хотелось совершать такой антигуманный поступок.

— Ты знаешь дорогу? — осторожно поинтересовался я у него, предварительно

Лонли-Локли, великий и ужасный, предлагает мне защиту и покровительство!

— Вот-вот, — невозмутимо подтвердил он.

В следующий раз я проснулся, когда темнота ночи сменилась серебристой дымкой предрассветных сумерек. Густой туман окутывал землю, и причудливо искривленные деревья окунулись в него по пояс. Из-за ближайшего дерева выглянула задумчивая жующая морда безрогого менкала. Создавалось впечатление, что зверь сосредоточенно пережевывал клочки тумана — впрочем, кто их знает, чем они тут на самом деле питаются... От этого пасмурного великолепия хотелось восхищенно заплакать, честное слово! Но плакать я не стал, а полез в Щель между Мирами, поскольку холодные туманные утра существуют специально для того, чтобы пить крепкий горячий чай. Я изложил сию аксиому своему спутнику. Сэр Шурф выслушал меня с глубоким вниманием и изъявил желание немедленно стать моим духовным последователем, так что мне пришлось спешно доставать еще одну чашку чая — для нового адепта моей догматической веры.

— А теперь объясни пожалуйста, — попросил я, — кто за мной охотится, на кой хрен ему это нужно, и вообще: какого черта?! Знаешь, я-то был искренне уверен, что ты пригласил меня отдохнуть...

— Так оно и есть, — спокойно откликнулся он, с удовольствием прихлебывая горячий чай. — Разумеется, я пригласил тебя отдохнуть... и еще — немного помочь мне с управлением амобилером, если быть до конца откровенным. Кто же мог подумать, что родственники господина Хурумхи Кутыка будут столь яростно бороться за свое наследство...

— Так там еще и родственники имеются? — я понимающе усмехнулся. — Вообще-то, в свое время у меня на родине это был самый популярный детективный сюжет: многочисленные бедные родственники мочат богатых дядюшек и друг друга из-за наследства... Но я-то тут при чем? Насколько я понял, меня не упомянули в завещании. Это ты — единственный и неповторимый виновник их грядущей нищеты.

— Не бери в голову, Макс, — отмахнулся Лонли-Локли. — Знаешь, у меня возникло такое впечатление... полагаю, ты сам счел бы его более чем забавным! Кажется, мои неизвестные недоброжелатели нас перепутали. Я же говорил тебе, что на охоту вышли не слишком компетентные специалисты.

— Но как они могли нас перепутать? — недоверчиво осведомился я.

— Элементарно! Интересно, а как ты это все себе представляешь? Думаешь, семейство Кутык сидит у какого-нибудь волшебного зеркала и наблюдает за каждым нашим движением? Могу тебя заверить: у них нет никакого волшебного зеркала. Просто они знают, что имущество их покойного родственника досталось кому-то другому. Известно им мое имя, или нет — в данном случае не имеет никакого значения. И еще они чувствуют, что их незнакомый соперник в данный момент приближается к их дому. Вот, собственно, и вся информация, которая может быть в их распоряжении. Поверь мне: я хорошо знаю возможности драххов! Что они действительно могут, так это прочитать древнее заклинание, насладиться наваждением, которые пугают одиноких путников, сбивают их с пути и вполне могут стать косвенной причиной гибели — если путник пуглив или неосторожен. Действует оно только по ночам и только на бодрствующего человека — поэтому кошмары тебе не снились и не приснятся. А уж теперь я позабочусь о том, чтобы по ночам ты спал,

исследовательского института.

"А это еще что за чушь? — удрученно подумал я, тупо всматриваясь в слепые глазницы темных окон. — Считается, что я и этого должен бояться — так, что ли?... За кого меня принимают, хотел бы я знать!"

А потом я вдруг вспомнил, что действительно боялся одного пустого здания, очень похожего на сие прекрасное видение... ну, не то чтобы по-настоящему боялся, но старался смотреть на него как можно реже. Этого уродца строили на пустыре, неподалеку от дома, в котором я жил в детстве. В нашем старом районе, застроенном двух-трехэтажными домами, сей монстр был настоящей белой вороной. Мне в ту пору было лет семь, или восемь, и я был храбр, как пьяный ландскнехт, по меньшей мере двадцать три часа в сутки, но почему-то сразу же упросил родителей переселить меня в другую комнату, маленькую и без балкона, наобещав им за исполнение этого непонятного им каприза целую гору каких-то благоглупостей типа ежедневного выноса мусорного ведра и табеля, состоящего из одних пятерок — только потому, что из окон моей нежно любимой спальни, оклеенной веселыми обоями, повествующими об идиллической лесной жизни ежей, зайчиков и гномов, открывался изумительный вид на стройку. А возвращаясь домой из школы, я с преувеличенным интересом рассматривал бульжники под своими ногами, старательно воздерживаясь от того, чтобы бросить косой настороженный взгляд на чудище из стекла и бетона. Я ни разу не появился на территории стройки — это я-то, которого ноги сами несли навстречу любому заваливающему приключению! При этом у меня не было никаких щекочущих воображение гипотез касательно того, что происходит в этом доме. Я не населял его ни привидениями, ни живыми покойниками, ни злыми гоблинами, ни даже какими-нибудь шпионами, которые, вообще-то мерещились мне в те времена на каждом шагу. Просто новый дом мне не нравился. Почему — об этом я предпочитал не задумываться... Через много лет, уже взрослым, я вернулся в город, где прошло мое детство, и был поражен жалким состоянием своего давнишнего неприятеля: дом оказался невысоким — всего-то восемь этажей! — его первый этаж был густо покрыт граффити, а большая часть стекол выбита. Дом пустовал, и я почему-то ужасно обрадовался такому положению вещей: то ли во мне проснулась мстительность, то ли в глубине души я всегда всерьез полагал, что в этих серых стенах не может случиться ничего хорошего, так что пусть уж лучше пустует!

Как бы то ни было, но я уже давно не боялся этого дома. Не могу сказать, что его появление меня обрадовало, но сие происшествие относилось скорее к забавным, чем к трагическим. Я сбавил скорость до минимальной и осторожно поехал по направлению к несостоявшемуся кошмару своего детства. Разумеется, дом не исчез. Но проехать сквозь это наваждение оказалось ничуть не труднее, чем в случае с гусем.

— Глупости какие! — сердито сказал я сам себе. — Ну, я узнаю, кто это развлекается! Ох, что будет...

Впрочем, я и сам понимал, что ничего особенного не будет. Все эти наваждения нельзя было считать серьезными неприятностями. Так — то ли глупая шутка, то ли просто ностальгическая экскурсия в золотое детство — очень даже ничего себе развлечение!

Потом, как я и предвидел, на дороге появилась огромная собака — типичное

проклятие рода Баскервильей. Впрочем "проклятие" исчезло совершенно самостоятельно, не дожидаясь, пока я его перееду. Кажется, оно само поняло, что не тянет — не то что на кошмар, а даже на плоскую шутку! Собаку сменила большая, размером с перекормленного орла, ворона, плюющаяся, как невоспитанный верблюд, и я с изумлением вспомнил, что какая-то вечно растрепанная девчонка из нашего двора в свое время впечатлила меня дурацким сообщением, что если ворона плюнет кому-нибудь на голову, этот человек обязательно скоро умрет... Так что призрачная ворона исчезала под мой сдавленный смех: я старался не разбудить своего спутника, а то ржал бы как лошадь!

А незадолго до рассвета мне довелось встретиться с машиной "скорой помощи", из окон которой выглядывали злобные доктора с огромными, как в мультфильме, шприцами, щипцами и клизмами. Доктора здорово смахивали на генерала Бубуту: такие же "Карабасы-Барабасы", что вызвало у меня новый приступ смеха.

— Я рад, что ты не скучаешь, — Лонли-Локли все-таки проснулся и теперь внимательно оглядывался по сторонам, словно проверяя, не рухнуло ли что-нибудь в окружающем мире за время его отсутствия.

— Я настолько не скучаю — слов нет! — проникновенно сказал я. И поведал ему историю своих ночных приключений.

— У тебя железная выдержка! — одобрительно заметил Шурф, когда я умолк.

— Нет, что ты, — польщенно улыбнулся я. — Просто у меня короткое дыхание, ты же знаешь! Мне просто не хватает основательности, чтобы всю жизнь бояться одного и того же.

— Да это правда, — важно подтвердил он. — Тем не менее, я не знаю, кто еще мог бы провести ночь наедине со своими детскими страхами и разбудить своего спутника не криком, а смехом... Кстати твой мудрый соотечественник, — он выразительно помахал в воздухе томиком Кинга, — очень хорошо это понимал...

— Да уж, — улыбнулся я. — Этот парень — крупный специалист по превращению нелепых ужастиков в настоящий кошмар! А тебе понравилось?

— Понравилось, не понравилось — странный вопрос! — Шурф пожал плечами. — Это же не просто книга, а книга из незнакомого мне мира. Пусть не первая, но одна из немногих, которые попали мне в руки... — он огляделся, пытаясь определить, где мы находимся, и заметил:

— Хорошо, что ты меня разбудил. Надеюсь, мы скоро будем проезжать мимо Пшорри — последнего большого города на нашем пути, на самой границе Ландаанда с Графством Вук. Я бы не отказался позавтракать в цивилизованной обстановке, напоследок!

— Если Пшорри — это город, обнесенный невысокой стеной с такими забавными светящимися башенками, то мы его миновали часа два назад, — виновато сказал я. — Как раз между собакой и вороной... Думаю, мы уже давно едем по территории Графства Вук — то-то я смотрю, вокруг так пустынно! Но если ты в отчаянии, мы можем вернуться в Пшорри и позавтракать.

— Нет, что ты, — он удивленно покачал головой. — Завтрак в Пшорри не стоит таких усилий... Я надеюсь, ты можешь раздобыть из Щели между Мирами какой-нибудь легкий завтрак? Боюсь, от вчерашнего менкала твоя собака мало что оставила, да и не дело это — давиться с утра сухим мясом!

— Не дело! — согласился я, останавливая амобилер, чтобы в очередной раз

— Уже ничего, — флегматично сказал Шурф.

— А что, в таком случае, происходило? — вообще-то, его равнодушный тон здорово меня успокоил, но не настолько, чтобы я мог сразу же провалиться обратно, в теплую темноту сна.

— Ничего из ряда вон выходящего, — так же спокойно ответил мой неподражаемый спутник. — Просто большая стая ночных птиц. Они летели прямо на меня. Далеко не самое худшее, что может случиться с путником, но и приятным происшествием это не назовешь. Если бы я ехал с такой скоростью, с какой обычно едешь ты, мы вполне могли бы перевернуться.

— Не понимаю, — растерянно признался я. — Какие птицы? И почему мы могли бы перевернуться из-за каких-то птиц?

— Просто ночные птицы — крупные, со светящимися глазами, немного похожие на бурибухов. Прежде я никогда таких не видел. Их было много, не меньше пяти — шести дюжин, и летели они очень быстро — вообще-то, птицы с такой скоростью не летают... Я успел подумать, что эти птицы наверняка одержимы желанием выклевать глаза вознице, остановил амобилер и испепелил всю стаю. Оказалось, что это было обыкновенное видение: они не сгорели, как настоящие живые существа, а просто бесследно исчезли... В любом случае, это большая удача, что за рычагом сидел именно я. Оказаться пассажиром амобилера, который переворачивается на скорости сто миль в час... Знаешь, Макс, это не тот опыт, который кажется мне полезным и необходимым!

— Еще бы! — я зябко поежился. — Говоришь, они немного похожи на бурибухов? Знаешь, очень может быть, что это были совы...

— "Совы"? Кажется, я где-то слышал это название, — неуверенно сказал Шурф.

— Вычитал в какой-нибудь из книжек, или в кино видел, — я пожал плечами. Совы — это птицы из моего мира... Странно, да? Кажется, произошла какая-то дурацкая ошибка, и на тебя наслали мои кошмары... Хотя, почему, собственно, кошмары? Я очень люблю сов.

— Насколько, что тебе было бы очень неприятно их убивать, да? — понимающе спросил Шурф. — Я так и подумал. Ты мог бы залюбоваться на этих красивых птиц из твоего мира, и устроить аварию. Во всяком случае, шансы на это были — и неплохие!

— Дружище, я уже окончательно перестал тебя понимать, — пожаловался я.

— А тут и понимать нечего. На нас идет охота. Вернее, только на тебя, — невозмутимо сообщил он.

— Охота? На меня? Но почему?

— Да так, пустяки, — отмахнулся он. — На тебя охотятся сушие неумехи, это сразу заметно. Не переживай, ладно? Теперь по ночам ты будешь спать, а я — вести амобилер. Думаю, этого достаточно.

— Почему? — тупо спросил я. То ли я после пробуждения был такой глупый, то ли винить следовало не сон, а матушку-природу, не потрудившуюся наделить меня чрезмерной сообразительностью — трудно сказать...

— Спи, Макс, ладно? — снисходительно попросил Шурф. — Утром я тебе все объясню. И ни о чем не беспокойся: надеюсь, ты мне все еще доверяешь? Если я сказал, что все будет в порядке, значит так оно и есть.

— О'кей, — сонно согласился я. — Кто я такой, чтобы дергаться, если сам сэр

смутное представление об удивительной, изысканной и мрачной красоте этого места! "Кошмарики" мне больше не являлись. Признаться, я даже испытывал некоторое разочарование, поскольку легкомысленно надеялся, что мне заботливо помогут припомнить: чего же еще я боялся в далекие времена своего "босоногого детства"!

Шурф проснулся после полудня и сразу принялся атаковать меня расспросами по поводу личности Роберта Ирвина: кажется, он всерьез полагал, что я лично знаком со всеми обитателями мира, в котором родился! Я не смог удовлетворить его любопытство, поскольку об авторе "Арабского кошмара" мне было известно только одно: однажды этот парень написал замечательную книжку. Мое чистосердечное признание было встречено разочарованной гримасой. В сочетании с малоподвижной физиономией Шурфа она представляла собой то еще зрелище! Потом мой спутник снова уткнулся в книгу. Я в очередной раз смирился с мыслью, что интеллектуальное общение мне не светит, пока парень не покончит со своей дозой печатного текста.

Еще до заката мы оказались на территории Пустых Земель. Я понял это, увидев, что вдоль дороги растет множество низкорослых деревьев без листьев, с кривыми узловатыми стволами, и зябко поежился, вспомнив, что где-то поблизости шляются мои старые знакомые, кочевой народ Хенха, которые, как я недавно выяснил, были еще и "древесными духами", как их там — "кархавны", так, что ли... Я решил, что мне следует избегать трогательной встречи с бывшими подданными: а вдруг выяснится, что они до сих пор любят меня больше, чем наше симпатичное величество Гурига VIII, и не упустят случай еще раз попробовать взять меня в плен и насильно посадить на трон? Меньше всего на свете мне сейчас хотелось драться — в частности, потому, что печальный исход такого сражения был известен заранее, а кочевники казались мне на редкость симпатичным маленьким народом...

Судьба была благосклонна к моим пацифистским устремлениям. На протяжении всего пути мы не встретили никого, кроме нескольких одиноких телег, влекомых меланхоличными рогатыми менкалами. Седоки были столь же меланхоличны, по их отрешенным лицам блуждали загадочные улыбки — куда уж там Джоконде! Эти загорелые Будды местного разлива явно ехали не по делам, а просто так, из ниоткуда в никуда — по крайней мере, мне очень хотелось так думать, а когда мне нравится какая-нибудь романтическая интерпретация реальности, я просто говорю себе: "так оно и есть, потому что я хочу жить в мире, в котором все устроено именно таким образом!" Между прочим, такого рода нахальство — лучшее лекарство от цинизма, я не раз проверял...

Через несколько часов после заката сэр Шурф решительно потребовал, чтобы я отправлялся спать. Это было куда больше похоже на ультиматум, чем на любезность, но я поймал его на слове и забрался на заднее сидение. Езда вымотала меня настолько, что я был готов отключиться в любой момент, лишь бы дали! Проснулся я, почувствовав, что наш амобилер резко остановился. Меня ослепила вспышка белого света, но темнота вернулась прежде, чем я успел снова зажмуриться. Друппи отчаянно залаял из-под сидения и так же внезапно умолк. Всего этого было вполне достаточно, чтобы мои сердца начали отплясывать акробатический рок-н-ролл — хоть на чемпионат мира по танцам их посылай!

— Что происходит? — сипло спросил я, и сам не узнал свой голос.

заняться полезными чудесами.

Потом мой спутник снова зарылся в книгу. Мне ничего не оставалось, кроме как наслаждаться довольно унылым, но изысканным пейзажем: низкорослые вечнозеленые деревья, немного напоминающие лиственницы моей родины, земля сплошь покрытая мелкими круглыми камешками, мокрыми от недавно прошедшего дождя, и многочисленные лужи, похожие на крошечные озера. Дорога, впрочем, хуже не стала, разве что немного уже, что не казалось мне проблемой: рассвет уже давно наступил, а навстречу нам не попало ни одного амобилера, или даже телеги. Пустынная это была земля — Графство Вук.

— А городов на нашем пути больше вообще не будет? — спросил я у своего спутника.

Шурф неохотно оторвался от книги.

— Ну почему же, будут — если их можно назвать городами. Несколько безымянных поселений, множество одиноких хуторов... Но все это ближе к Вукинаху.

— Столица графства Вук? — спросил я.

— Ну да. Хотя "столицей" это назвать довольно сложно. Просто огромный замок графа Гачилло Вука, окруженный маленькими замками его верных вассалов и домами мастеровых, зарабатывающих свой хлеб исполнением немногочисленных желаний этих непритворливых господ.

— Грустная картина, — хмыкнул я.

— Ну почему грустная? До сих пор мне казалось, что ты любишь покой и одиночество...

— Вообще-то, люблю, — согласился я.

— Ну вот. А Графство Вук — место, где живут исключительно люди, влюбленные в покой и одиночество. Земли здесь сколько угодно, графство Вук — единственная провинция Соединенного Королевства, где землю не покупают, а просто селятся, где понравилось, и живут. А люди осторожные, которые боятся посягнуть на чью-то собственность, просят аудиенции у графа Гачилло, дабы он показал на карте, какие территории в настоящий момент пусты, а уже потом делают выбор, о чем тут же сообщают своему новому покровителю...

— А почему так? — изумился я.

— Слишком мало охотников жить на таком расстоянии от столицы. Не забывая: это только ты сюда за два дня доехал, а нормальному человеку потребовалось бы не меньше восьми дней, чтобы добраться от Ехо до Вукинаха — да и то, если у него хороший новый амобилер! И Очевидной магией здесь заниматься трудно: слишком уж далеко от Сердца Мира.

— Можно подумать, всему человечеству позарез требуется колдовать! — возразил я.

— Всему человечеству, возможно, и не требуется. А вот большинству граждан Соединенного Королевства по душе комфортная жизнь, каковая совершенно невозможна без низких ступеней Очевидной Магии. Ты когда-нибудь пробовал камру из Пустых Земель? И не пробуй: отраву похуже той, что ты сам поначалу готовил! Порой мне кажется, что приготовление и употребление камры является для жителей Графства Вук своего рода разновидностью воинской доблести: нужно стиснуть зубы и заставить себя ее проглотить, дабы доказать окружающим, что ты

настоящий мужчина... А жена одного моего знакомого, который соблазнился бесплатной землей и построил себе дом в Графстве Вук, чтобы спокойно встретить приближающуюся старость, вытерпела в этих местах всего полдюжины дней. Она, знаешь ли, привыкла к тому, что масло не брызжет во все стороны во время готовки, орехи можно колоть, слегка прикасаясь указательным пальцем к скорлупе, а варенье никогда не плесневеет в банках.

— Да уж, ей можно только посочувствовать, — понимающе улыбнулся я. — Пустяки, конечно, но такие пустяки вполне могут испортить жизнь человеку... в том случае, если у него нет проблем покрупнее, конечно!

— Ты не будешь возражать, если я продолжу чтение? — вежливо спросил Шурф.

Куда уж мне было возражать! Даже после полудня, когда меня начало основательно клонить ко сну, я не решился оторвать своего друга от очередного источника знаний: он уже покончил с Кингом и принялся за "Иствикских ведьм". Второе дыхание где-то загуляло, так что мне пришлось сделать глоток бальзама Кахара. Вообще-то, в последнее время я старался улаживать все проблемы своего организма, включая усталость, собственными силами, но тут поневоле пришлось прибегнуть к подручным средствам: нет ничего хуже сонного возницы, который, тем не менее, считает, что сто с лишним миль в час — именно то, что требуется!

— Макс, ты еще не устал? — великодушно спросил Лонли-Локли. Дело шло к закату, а пухлый том Апдайк был открыт где-то на середине. Да уж, счастье, что у нас большое жалование: вообще-то, на человека с такой скоростью чтения книг не напасешься!

— Я устал так давно, что это уже не имеет значения! — улыбнулся я. — Все в порядке, дружище, наслаждайся жизнью!

— Думаю, скоро мы будем в Вукинахе, — заметил он. — Я хотел узнать твое мнение: не желаешь ли ты нанести визит графу Вуку, или же нам следует поискать какую-нибудь гостеприимную ферму в окрестностях? Гостиниц и трактиров здесь в любом случае нет, поскольку нет клиентов...

— Это прискорбно, — вздохнул я. — Граф Темный Мешок — мужик хороший, наверное, особенно в глубине души, а уж как историческому персонажу ему и вовсе цены нет... Но знаешь, я не думаю, что несколько суток беспробудного пьянства в его замке — именно то, ради чего мы покинули столицу...

— Пожалуй, ты прав, — согласился он. — В провинции свое отношение ко времени: здесь им не дорожат. Нам трудно будет объяснить графу, что один вечер в его обществе — максимум, что мы можем себе позволить... И потом, насколько я его знаю, дело вполне может закончиться дракой — если этому почтенному старцу покажется, что мы уделили ему недостаточно внимания. Граф Гачилло Вук в свое время обучал воинскому искусству покойного Короля, и до сих пор считает своим долгом время от времени напоминать миру о своей воинской доблести. Известен случай: в начале своего правления Его Величество Гуриг VIII решил навестить воспитателя своего почившего отца, и Соединенное Королевство почти на полгода осталось без правителя. Разумеется, наш Король — не беспомощный ребенок, и никогда им не был, но его подвело желание быть вежливым и не огорчать графа Вука, а того, в свою очередь, подвело желание как следует угостить своего сюзерена...

— И после этого ты еще спрашиваешь меня, стоит ли нам заезжать в Вукинах?

— возмутился я. — По-моему, нам следует молить судьбу, чтобы сей вельможный владыка даже не заподозрил о нашем пребывании на его территории!

— А почему бы нет? — невозмутимо ответил Шурф. — В конце концов, ты имеешь полное право получить новые впечатления... а что касается возможной ссоры по поводу слишком короткого визита — уж для тебя-то это не проблема. Один твой Смертный Шар, и граф Вук сам распахнет перед нами ворота своего замка!

— Извини, дружище, — улыбнулся я, — но мне всегда казалось, что отдых и Смертные Шары — вещи несовместные! А мы ведь, вроде бы, отдыхаем, я ничего не перепутал?

— Как хочешь, — флегматично отозвался он и снова уткнулся в книгу.

В сумерках я понял, что больше не испытываю никакого желания продолжать издеваться над своим организмом. Мое тело требовало, чтобы его уложили спать, и я не видел веских причин отказывать ему в этом праве. Мы свернули с большой дороги и довольно быстро отыскали ферму, хозяева которой, худые и жилистые старики, похожие друг на друга, словно были братом и сестрой, охотно согласились предоставить нам ночлег. Извлеченная мною из кармана корона оказалась настолько огромной суммой, что эти суровые хуторяне, поначалу показавшиеся мне не менее невозмутимыми, чем сам сэр Лонли-Локли, пришли в некоторое замешательство и вежливо осведомились, сколько лет мы намерены провести под их кровом. Узнав, что мы уедем завтра утром, они некоторое время озадаченно молчали, а потом прониклись к нам снисходительным сочувствием: очевидно, они решили, что мы то ли безнадежно больны, то ли еще более безнадежно глупы.

Но когда эти милые люди увидели Друппи, наш авторитет снова поднялся до недостижимой высоты. Мне неоднократно доводилось слышать, что овчарки Пустых Земель — самые большие и грозные собаки то ли на Хонхоне, то ли во всем Море. Насчет размеров я совершенно согласен: мое чудовище уже переросло бегемота и не собиралось останавливаться на достигнутом. Но считать этого добряка "грозным" можно только в тех случаях, когда он пытается положить свои передние лапищи мне на плечи: что-то, а задавить может запросто! Тем не менее, наши хозяева несколько спали с лица и передвигались по собственному дому на цыпочках, хотя Друппи мирно дрых в отведенной мне комнате, время от времени пробуждаясь, чтобы лениво хрустнуть костью жареного менкала из Гуригги и снова задремать. Я присоединился к нему, не дожидаясь ужина: сейчас меня можно было соблазнить только хорошей подушкой, а уж никак не кругом копченого менкальего сыра...

Я проснулся на рассвете, и мы отправились в путь. Шурф дремал на заднем сидении: прошлой ночью он глаз не сомкнул. Сначала дочитывал "Иствикских ведьм", а потом взялся за "Арабский кошмар", по поводу которого торжественно пробормотал мне утром, не размыкая отяжелевших век: "Эта книга наверняка написана каким-нибудь великим Магистром, Макс, помяни мое слово! Слишком уж много совпадений..."

Так что мне опять предстояло вести амобилер в полном молчании, если не считать полноценным диалогом возбужденное повизгивание переползшего поближе ко мне Друппи и мое флегматичное ворчание: "тише, милый: дядю Шурфа разбудишь!" Зато у меня была возможность тихонько поахать разглядывая многочисленные замки Вукинаха — представьте себе город, состоящий исключительно из разнокалиберных средневековых крепостей, и вы получите очень

Как она его дотащила — это оставалось для меня абсолютной загадкой. Вообще-то из такой посуды не есть, в ней купаться надо!

— Это для вас, гости драгоценные! — у старухи были энергичные назойливые манеры и визгливый напористый голос пожилой цыганки. — Только для вас, и больше никому не дам, пусть даже и не просят! Самое лучшее угощение для моих дорогих гостей! — она не только доволокла свой чудовищный котел, она еще и на стол его взгромоздила. В стороны полетели брызги, одна из них упала на мое лоохи.

Я глазам своим не поверил: капля жидкости прожгла на одежде дыру, словно это была концентрированная кислота. Хотя, собственно говоря, почему "словно"?! Полагаю, именно чем-то в таком роде нас и собрались угостить. Подслеповатая старая ведьма не заметила этого маленького происшествия и, гостеприимно ослабившись, настойчиво предлагала нам попробовать ее варево. Впрочем, от котла исходили столь зловонные испарения, что отведать его содержимое не рискнул бы даже вконец оголодавший скиталец по пустыне. Но я плохо знал семейство Кутыков: простодушный Арало тут же сердито насупился и потянулся к котлу.

— Сказано же тебе: это только для гостей! — переполошилась старуха, изо всех сил огрев его черпаком по руке. Арало обиженно взвыл, чуть ли не по локоть засунул в рот ушибленную конечность и нахохлился на своем табурете, мрачно косясь на старуху.

Я показал Шурфу дыру на своем лоохи и сопроводил сию наглядную демонстрацию кратким Безмолвным комментарием: "Супчик капнул!" Он деловито кивнул и внимательно уставился на радушно улыбающуюся старуху.

— Ты действительно думаешь, что мы будем есть эту отраву, женщина?

Пожилая злодейка искренне удивилась нашей догадливости. Кажется, до этого момента она была совершенно уверена, что если поставить перед приезжими простакami котел яду, они сожрут его как миленькие, да еще и добавки попросят!

— Ну, не хотите — как хотите. Ничего, глядишь, не пропадет — вон, Пурех, небось, проснется и выпьет, — она растерянно заморгала и снова ухватила за котел — очевидно, спешила его унести, пока члены семьи не принялись с энтузиазмом раскладывать отраву по своим тарелкам — с них бы стало!

— Подожди-ка, — остановил ее Шурф. Взял со стола салфетку, окунул ее в котел. Салфетка зашипела и растаяла, оставив на память о себе едкий смрадный запах. — Все видели? — холодно спросил он. Семейство Кутык обреченно закивало. Но Лонли-Локли не удовлетворился этой эффектной демонстрацией. Взял со стола ложку и зачерпнул немного отравленного варева. Ложка не растаяла, но почернела и обуглилась по краям. — Вот чем меня пытались накормить, — торжественно заявил он. — Что вы на это скажете, господа? И кстати, что касается камня над входной дверью: допускаю, что это была шутка, но она мне совсем не понравилась. Я вообще не слишком большой ценитель шуток, а уж опасных для жизни — тем более...

Кутыки растерянно молчали. Шурф оглядел аудиторию, убедился, что его речи уделяют должное внимание, удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Вы видите, что я приехал не один. Мой спутник, — он указал на меня, — является официальным представителем правительства Соединенного Королевства и одним из самых грозных магов. Между прочим, его сила не убывает по мере

всегда дерутся, когда им кажется, что я вернусь под ногами...

— Какие негодяи! — искренне возмущился я. — Иди сюда, дружок, мы не будем драться!

— А твой большой друг в белой одежде, который сжег ворота? Он тоже не будет драться? — уточнил пес. Он оказался редкостным симпатягой: раза в два меньше моего Друппи — что тоже весьма немало! — с лохматой серой шерстью и умными золотистыми глазами, пытливо сверкающими из-под густой жесткой челки.

— Тебя никто не будет обижать, — внушительно пообещал Шурф. — Иди сюда, говорящий пес. Никогда прежде не видел, чтобы собаки разговаривали, не превращаясь при этом в человека. Что, над тобой поколдовали?

— Я сам виноват. Когда я был глупым щенком, я выпил какой-то напиток из склянки в комнате дедушки Тухты, — сказал пес. — С тех пор я и разговариваю, как человек: никто не знает, почему. Старый Тухта потом поил этим зельем все зверье в окрестностях, но никто кроме меня не заговорил.

— Значит, весь секрет в пропорциях, — авторитетно объяснил Шурф. — Наверное, вышло так, что ты случайно выпил ровно столько, сколько необходимо для существования твоего роста и веса.

— Тебе виднее: ты человек, — философски заметил пес.

— А как тебя зовут? — спросил я, невольно улыбаясь до ушей: еще никогда в жизни мне не доводилось лично знакомиться с собаками.

— Дримарондо, — гордо сказал пес. И тут же пожаловался:

— Новые хозяева дразнят меня "Кутык-Макутык" и смеются: дескать, как будто я тоже из их семьи. А я сам по себе! Вы не будете меня так называть? Мне больше нравится Дримарондо: это имя дал мне покойный дед Хурумха. При нем мне хорошо жилось, не то что сейчас, когда всем в доме заправляет Маркуло! А вы кто? Новые хозяева? Или просто грабители? Если грабители, то украдите меня отсюда, ладно? А то Маркуло совсем меня кормить перестал. А старый Хурумха говорил, что я — очень дорогая собака, с тех пор, как научился говорить. И не так уж много я ем!

— Да нет, мы не грабители. Скорее уж новые хозяева. Впрочем, там видно будет... — неопределенно сказал Шурф.

— Кутыки вас уже давно ждут, — сообщил пес. — И все гадают: доберетесь вы, или не доберетесь. Маркуло даже поспорил со своей сестрой Ули. Он сказал, что не доберетесь. А она сказала: не говори "плюх", если до озера дюжина миль по болотам. То есть — не радуйся, дескать, раньше времени. И они поспорили так, что по всему дому горшки летали. А потом помирились, потому что...

— Потом расскажешь, ладно? — вежливо перебил его Шурф. — А пока просто проводи нас к дому.

— А чего тут провожать? — проворчал Дримарондо. — Дом — он и есть дом. Не заблудитесь, небось. А мне туда лишний раз соваться неохота...

— Ладно, неохота — не суйся. Только скажи: они где живут? В большой башне?

— Ну да, в большой. Только дедушка Тухта живет отдельно: у него свой домик во дворе, там хорошо и спокойно, одно плохо: еды нет, она вся хранится в погребе, в большом доме... И еще Рэрэ живет в самом дальнем домике, но он там только ночует: у него в большой башне много работы, а я у него прячусь, пока он работает, но у него тоже нет еды, или почти нет... Совсем плохо! А из погреба пока что-то

утащишь... Эх, не жизнь это! Вот пока был жив старик Хурумха...

— Хорошо все-таки, что ты у меня не разговариваешь! — насмешливо сказал я Друппи. — А то я бы давным-давно рехнулся! Это как же вашего брата на болтовню пробивает, если уж научитесь говорить!

— Ты бы лучше достал что-нибудь из своей Щели между Мирами и покормил нашего нового знакомого, — неожиданно строго сказал мне Лонли-Локли. — Ты же видишь: он так голоден, что больше ни о чем думать не может! И потом, пусть у нас будет хоть один друг в этом доме — все лучше, чем ничего...

— Слушаю и повинуюсь! — приторным тоном хорошо выдрессированного джинна отвечал я. Через минуту Дримарондо получил здоровенный окорок. Друппи вопросительно посмотрел на меня: дескать, а я как же? Новый знакомый разглядывал Друппи с откровенным недоверием: кажется, его несколько смущали размеры моего пса.

— Это моя собака, сэр Дримарондо, — проникновенно сказал я. — Его зовут Друппи. К счастью, он абсолютно не заколдован, поэтому говорить не умеет. Но вы и так поймете друг друга, верно? Надеюсь, вы подружитесь.

— Я тоже надеюсь, — вежливо сказал Дримарондо. — А он точно не будет со мной драться? Потому что если будет, я лучше как-нибудь обойдусь без окорока...

Друппи дружелюбно тявкнул, чтобы разрядить обстановку. Через несколько секунд эти двое уже мирно обнюхивались. Судя по всему, они отлично ладили и дружно принялись за окорок.

— Пусть себе возятся, — одобрительно сказал Шурф. — Пошли, Макс, посмотрим на этих Кутыков. Только будь настороже, ладно?

— Буду, — кивнул я. — Людям, которые не кормят свою собаку, нельзя доверять, это точно!

Мы прошли через мощный двор, по периметру застроенный маленькими одно- и двухэтажными домиками, и, наконец, оказались перед большой, обитой каким-то светлым металлом, входной дверью в башню. Шурф осторожно, словно мы были на службе, потянул ее на себя. Дверь открылась с протяжным скрипом, и мы оказались в полутемном коридоре. Пройдя несколько метров, он открыл следующую дверь, и мы вошли в небольшой зал, озаренный оранжевым светом доброй дюжины здоровенных светящихся грибов. За большим прямоугольным столом восседала совершенно неопишуемая компания. Я сразу понял, что имел в виду Шурф, когда говорил мне, что среди драххов нет неприметных людей. Святая правда! Глядя на физиономии Кутыков, можно было подумать, что эта семья — не совместное творение природы и случая, а дело рук хорошего комедийного режиссера — возможно, он даже несколько перегнул палку, собрав их вместе под одной крышей. Во главе стола восседал самый настоящий опереточный злодей: млажава, довольно красивое от природы, смуглое лицо с чересчур крупным орлиным носом, тонкими, но яркими, словно накрашенными, губами и острым, как локоть, подбородком, было украшено тоненькими усиками и густыми, изогнутыми как у карточного Джокера, бровями. Этого красавчика окружали не менее прекрасные дамы. Одна из них наверняка была его сестрой: слишком уж велико сходство. Такой же острый подбородок, хищный нос, резкие скулы и огромные черные глаза, длинные темные волосы, гладкие и блестящие, великодушно обрамляли сие достойное зрелище. В результате у трудолюбивой матери-природы получилась

орангутанга Пуреха, но храп, доносившийся из-под стола, свидетельствовал о том, что его телесная оболочка тоже присутствует в помещении. Босоногий "поэт" устался на нас с откровенным ужасом, и я сразу понял, что за садовник украсил наши спальни. Маркуло вон давеча жаловался, что тот вырастил какой-то колючий куст прямо в его постели... Оставалось только понять, зачем он это сделал? Я здорово сомневался, что этот мечтательный дядя — основной соперник Шурфа в борьбе за наследство. Впрочем, вполне могло статься, что ему просто приказали.

— Твои цветы были весьма недурны, Йохтумапп, но больше никогда не сажай их прямо в спальне. Растениям в человеческом жилье не место. К тому же их запах вреден для спящего. На первый раз я, так и быть, готов сделать вид, будто верю, что ты действовал из лучших побуждений, — сказал ему Шурф.

Дядя человека, которого дважды за это утро пытались убить — пусть даже не слишком умело! — мой друг говорил на редкость приветливо.

— Вечно он везде свои сорняки сажает! — с притворным возмущением подхватил Маркуло.

Из-за его спины выглядывал Маркуло младший: совсем маленький мальчик, худенький и угловатый, с подвижным лицом, готовым скривиться не то в плаксивую гримасу, не то в нахальную усмешку. Я сразу понял, что эти два настроения полностью описывают его каждодневное бытие. Прекрасное дитя внезапно заулыбалось и сноровисто швырнуло в нашем направлении какой-то кусок пищи, обогранный жидким соусом — было ясно, что мальчишка метил в одного из нас, но попал в хмурого увальня с соломой в волосах, который сидел как раз напротив — прямо в его круглую румяную физиономию. Тот поспешно утерся рукавом и сердито поморщился, но не сказал ни слова: очевидно, маленькому Маркуло позволялись еще и не такие выходки. Впрочем, у Шурфа было иное мнение о том, как следует воспитывать детей. Ни слова не говоря, он подошел к маленькому хулигану, взял его в охапку — мальчик пронзительно заверещал, и его можно было понять, на его месте кто угодно заверещал бы, оказавшись в охапке у самого сэра Лонли-Локли! — подошел к открытому окну и бережно опустил свою визжащую ношу по ту сторону подоконника.

— Вернешься за стол, когда научишься себя вести, — почти ласково сказал он мальчику и уселся на свое место.

Маркуло младший обиженно взвыл, но вернуться в дом не решился. Взрослые члены семьи оцепенели. Впрочем, мне показалось, что все, кроме отца этого "ангелочка", были совершенно счастливы, что нашелся наконец-то добрый человек, который исполнил их давнюю заветную мечту...

— Что ты сделал с моим сыном? — наконец возмущенно спросил Маркуло.

— В моем доме никто не должен бросать в других людей кусками пищи, — флегматично сообщил ему Шурф. — Это условие не кажется мне невыполнимым, в то же время, его соблюдение будет способствовать порядку в помещении и созданию спокойной атмосферы...

Самое замечательное, что этот парень говорил без тени иронии: уж я-то успел изучить все нюансы его невыразительных интонаций!

Пока младший Маркуло в голос ревел во дворе, а старший открывал и закрывал рот, как только что пойманная рыба, бойкая старушка поспешно вскочила на ноги, пулей вылетела из комнаты, а через минуту вернулась с огромным котлом в руках.

В свое время подобное открытие доставило мне много неприятных эмоций!

— Я ему всю ночь про Кутыков рассказывал, — вставил Дримарондо. — Объяснял, что с ними лучше всегда быть настороже. Он сначала не верил. Но когда своими глазами увидел, как маленький Маркуло расставляет мышеловки, понял, что я говорю правду.

— Ах ты бедняга! — вздохнул я, сочувственно потрепав свою собаку по загривку. — Розовые иллюзии насчет человечества разбиты, но по крайней мере, за твои лапы и нос я теперь спокоен, дружок — и то хлеб... Ладно, сэр Шурф, пошли, навестим этих чудесных людей, твоих родственников!

У входа в большую башню нас ждал еще один сюрприз из серии особо неприятных. Только в тот момент, когда мой спутник взялся за дверную ручку, я с ужасом заметил, что над дверью пристроен огромный камень — настоящая глыба. Пока я пытался осознать, что происходит, Шурф уже потянул на себя дверь, и камень начал медленно, но верно скользить в направлении его темени. Как он сам не заметил этой примитивной ловушки, до сих пор остается для нас обоих величайшей загадкой: то ли местные ведьмочки глаза ему отвели, то ли он, как и я, ожидал сюрпризов позаквыристей, чем обыкновенный камень над притолокой.

Наконец я кое-как пришел в себя и заорал что-то невообразимое, пытаясь в одном слове совместить понятия: "посмотри вверх" и "прыгай в сторону". Но Шурф сразу меня понял. Он не стал прыгать в сторону, а задрал голову и уставился на камень, который уже начал свое короткое путешествие к его голове. Мне повезло: я стал свидетелем потрясающего зрелища. Под тяжелым взглядом Лонли-Локли камень сначала замедлил свое стремительное движение, а потом и вовсе завис в воздухе. Не отрывая взгляда от камня, Шурф принялся снимать защитную рукавицу со своей левой руки. Делал он это неописуемо медленно и аккуратно, как всегда. Думаю, все событие продолжалось несколько секунд, не больше, но тогда они показались мне — нет, конечно, не вечностью, как принято говорить в таких случаях — но все-таки они были чертовски длинными, эти грешные секунды! Наконец, каменная глыба вспыхнула и исчезла, несколько частиц темного тяжелого пепла осели на лицо Шурфа — вот, собственно, и все.

— Кажется, мне придется еще раз умыться, — невозмутимо сказал он.

— Этот камешек тоже не следует расценивать как нападение? — ядовито спросил я. — Просто милая шутка? Что по этому поводу говорится в нежно любимых тобою законах Графства Хотта?

— Не горячись, Макс, — тоном святого мученика сказал этот непротивленец. — Посмотрим, что будет дальше...

Я страдальчески закатил глаза к небу — все, что мне оставалось! И мы вошли в дом. Теперь уже мы были научены горьким опытом, так что прежде, чем сделать шаг, внимательно смотрели под ноги, по сторонам, вверх и даже оглядывались назад — мало ли что! Все эти дурацкие предосторожности оказались как нельзя более кстати. Нет, никаких смертельных опасностей, вроде давешнего камня, больше не было, но несколько примитивных мышеловок и тонких, но прочных веревок, протянутых на высоте лодыжки, мы обнаружили. Судя по всему, это были шутки мальчишки, на которого жаловался Дримарондо, хотя... кто их разберет, этих Кутыков! Может, все вместе старались...

Они уже собрались за завтраком, почти все семейство. Не хватало только

типичная "дама пик", или просто юная ведьмочка — тоже, впрочем, вполне опереточная. Другая леди оказалась почти кукольной — если бы не маленький, но крючковатый носик — блондинкой. Все остальные атрибуты "сладкой девочки" были на месте: огромные зеленые глазищи, соблазнительный ротик с капризно оттопыренной нижней губкой и, насколько можно было разглядеть с порога, совершенно сногшибательная фигура. Рядом с блондинкой примостилась колоритнейшая старушенция: самая настоящая старая ведьма, но уже не опереточная, а мультяшная: до сих пор мне не доводилось видеть настоящую живую женщину, у которой кончик гротескно изогнутого носа реально нависал бы над верхней губой, очаровательно сочетаясь с трогательными седыми усами. Несуразная величина и сомнительная форма этого главного украшения справедливо компенсировались почти полным отсутствием глаз: так, две маленькие блестящие бусины, внимательные, сердитые и пугающе умные, как у крысы. Одним словом, дамы были хороши, каждая по-своему — настолько, что хоть в лес убегай! Впрочем, мужской состав коллектива тоже не подкачал. Здоровенный, не слишком добродушный на вид и, как мне показалось, небольшого ума, увалень, одетый в длинную вязаную хламиду — я даже не был уверен, что под ней имеются какие-нибудь плохонькие штаны. В его рыжих волосах запутались клочки соломы — я бы не удивился, если бы узнал, что на сеновале он валялся много лет назад: прическа этого красавчика выглядела так, словно к ней не прикасались чуть ли не с момента его рождения. Он был похож на когда-то славного, но уже давно свихнувшегося от сидения на цепи сенбернара. Рядом с ним сидел не менее запущенный дядя в коротких, едва достигающих колен, грязных, как чумной барак, штанах и замызганном вязаном жилете, надетом на голое тело. Впрочем, у этого грязнули внешность была самая что ни на есть поэтическая — на его темных с проседью кудрявых волосах красовался венок из живых цветов, шею обвивала какая-то декоративная лиана, из-под стола выглядывали перепачканные босые ноги, а глаза были мечтательно устремлены в потолок: мне показалось, что нас он вообще не заметил. У края стола примостился очень симпатичный румяный старичок. На звание гнома он, пожалуй, все-таки не тянул, но все же показался мне совсем маленьким: я заметил, что он сидел на очень высоком табурете — чтобы было удобно дотягиваться до стола. А напротив маленького дедушки восседало настоящее чудовище. Так мог бы выглядеть вконец спившийся самец орангутанга — если бы ему сбрили почти всю шерсть с морды, оставив только несколько клочков не то медной проволоки, не то просто жесткой рыжеватой щетины на одной щеке и примыкающей к ней половине подбородка. Другая часть лица выглядела вполне бритой, но легче от этого не становилось. Все они — кроме мечтательного дяди в венке, которого я про себя окрестил "поэтом" — уставились на нас в немом изумлении. Молчание грозило затянуться, поскольку Шурф, как мне показалось, не собирался произносить приветственных речей, а с неподдельным интересом склонившегося над микроскопом ученого бактериолога разглядывал своих свойственников.

— Приветствую вас в фамильном замке Кутыков Хоттских! — приятный сочный баритон раздался прямо за моей спиной.

Я обернулся и увидел высокого темноволосого мужчину средних лет, на удивление аккуратно причесанного и одетого в скромные, но опрятные шерстяные

штаны, вязаную рубашу и меховой жилет, в полном соответствии с неизменной модой графства Хотта. У него было довольно невыразительное — по крайней мере, на фоне очаровательной компании, собравшейся за столом! — строгое лицо и сдержанные манеры. "Никак, дворецкий! — весело подумал я. — Ничего себе! Ехали на ферму, а попали в фамильный замок — так он, кажется, его назвал... И теперь сэр Шурф станет каким-нибудь хоттским бароном, или как они здесь называются — во влип мужик!"

— Меня зовут Тындук Рэрэ, и я помогаю господам Кутыкам содержать в порядке этот дом, — представился наш новый знакомый. — Позвольте узнать, кто вы, господа, и с какой целью решили посетить нас?

Я подумал, что парню надо срочно рвать когти в Ехо: с такими замечательными манерами ему следовало бы не прислуживать босоногим вельможам в горах Графства Хотта, а украшать своим присутствием королевский Замок Рулх, честное слово!

— Собственно говоря, я — новый владелец этого, как ты изволил выразиться, "замка", — холодно сказал Шурф. — Призрак покойного господина Хурумхи Кутыка дал себе труд посетить меня и передать мне свое завещание.

Тишина стала еще более напряженной. У меня возникло неприятное чувство: можно было подумать, что сейчас все взорвется к чертям собачьим, так что лучше уносить ноги, пока не поздно. Взрыв действительно последовал, но совершенно безопасный для жизни и здоровья присутствующих. "Опереточный злодей" уронил кувшин, который уже долго держал в руках. Наверное, парень просто забыл о нем и теперь невольно разжал пальцы. Кувшин упал на пол с отчаянным звоном обреченного. Осколки разлетелись по сторонам, а содержимое кувшина растеклось по ковру неопрятной малиновой кляксой. Брюнетка, сидевшая рядом с ним, лениво повела рукой над полом. Осколки послушно собрались вместе, клякса преобразовалась в струю и совершенно самостоятельно втянулась в кувшин.

— У меня такой неаккуратный братец! — флегматично сказала она, подняла совершенно целый кувшин с пола, поставила его на стол и снова уставилась в одну точку.

— Кодекс Хрембера здесь, как я понимаю, не действует? — шепотом спросил я Шурфа.

— А при чем здесь Кодекс Хрембера? Это же не угуландская Очевидная магия, а древнее колдовство драххов, — ответил он. — Но таких умельцев, как эта леди, по пальцам пересчитать можно, ты уж мне поверь!

— Так ты и есть муж Хельны? — наконец спросила старуха. Голос у нее оказался пронзительным и скрипучим, как и полагалось по законам жанра. — Что ж, ничего не скажешь, красавчик! — язвительно добавила она.

— Бабушка, помолчи пока, — тихо сказала ей юная "ведьмочка". Старуха недовольно на нее покосилась, но вслух возражать не стала.

— Да, я действительно муж Хельны. Моя фамилия Лонли-Локли, впрочем, думаю, это ты и без меня знаешь, — церемонно сообщил ей Шурф, не забыв вежливо опустить голову. Меня он не представил, но мое имя, кажется, никого не интересовало. Можно было подумать, что я — его менкал, или какое-нибудь другое полезное домашнее животное. Впрочем, у меня не было никаких возражений: сейчас я бы с удовольствием превратился в этого самого менкала и отправился бы

— Кутыки колдуют? — спросил я. — Ничего себе! Я-то, дурак, думал, что на таком расстоянии от Ехо самый крутой колдун может разве что костер без огня разжечь... — и ехидно добавил:

— Мне вот что интересно: мы уже можем начинать обороняться, или подождем, пока нас разрежут на кусочки?

— Я понимаю твоё нетерпение, Макс, — мягко сказал Шурф. — Но я очень тебя прошу: повремени пока со своими Смертными Шарами, ладно? Посмотрим, как будут развиваться события.

— Тебе интересно, что они еще придумают? — понимающе улыбнулся я.

— Вот именно, — невозмутимо ответил он. — В конце концов, использовать твой Смертный Шар и допросить все семейство мы всегда успеем, правда?

— Если нас не отравят прямо за завтраком, — ехидно буркнул я. — И учти: если этот нетрезвый урод снова начнет мне хамить, я в него плюну! Хорошая порция яда — единственное средство для перевоспитания таких ребят, поверь моему опыту! А потом можешь брать меня под арест, если тебе так уж приспичит...

Он только укоризненно покачал головой и торжественно отбыл в маленькое неуютное помещение, в котором помещались бочка с водой и несколько древних тазов из хрупкого темного металла — приводить себя в порядок перед очередным официальным визитом к родственникам. По моему скромному мнению, мы вполне могли проигнорировать семейный завтрак. Признаться, я здорово надеялся, что именно так мы и поступим: в нашем распоряжении были мои скромные фокусы со Щелью между Мирами, из которой можно было извлечь сколько угодно вкусных вещей и съесть их, не созерцая при этом жуткую рожу того же господина Пуреха. Да и физиономии остальных Кутыков казались мне не самым привлекательным зрелищем во Вселенной, даже юные ведьмочки, блондинка и брюнетка, совершенно меня не очаровали. Но Шурф настоял на походе в большой дом. По его словам, мы должны были "поторопить события". Мне оставалось смириться. Впрочем, у меня с самого начала не было иллюзий касательно моей роли в этом путешествии: слушаться дядю Шурфа, катать его в амобилере, носить за ним его книжки, преданно заглядывать в глаза и не выпендриваться со своими гениальными идеями — больше от меня ничего не требовалось!

Во дворе нас встретили окончательно сдружившиеся собаки. Когда они увидели у меня в руках очередной окорок, под удручающе белобрысым утренним небом стало на два совершенно счастливых существа больше.

— Осторожно ходите по двору, — предупредил нас Дримарондо. — Здесь с раннего утра резвился Маркуло младший, везде мышеловок понаставил. Надеется, что я туда нос засуну, или вы сапогом наступите...

— Что еще за Маркуло младший? — нахмурился я. Семейство Кутык, которое и без того казалось мне удручающе большим, росло на глазах!

— Сын Маркуло. Очень злой мальчишка, — пожаловался пес. — Он мне проходу не дает. Сегодня, правда, увидел Друппи, испугался и не стал к нам приставать.

Мой красавец на мгновение оторвался от окорока, чтобы бросить на меня горделивый взгляд. До сих пор он всегда огорчался, когда понимал, что многие люди его боятся, а вот теперь выглядел довольным, как победитель в битве гладиаторов.

— Понял, что не все люди душки? — сочувственно спросил я. — Эх ты, бедняга!

для нас с тобой опасными противниками, — мягко сказал он. — Но, видишь ли, сейчас у меня такой период жизни, когда мне следует быть законопослушным гражданином — где бы я не находился. Работа у меня такая, знаешь ли!

— Извини, об этом я не подумал, — вздохнул я. Вспомнил, что даже во время эпидемии Шурф был единственным ненормальным колдуном, который честно угробил полдня в приемной Магистра Нуфлина, чтобы получить официальное разрешение вылечить свою собственную жену, и понял, что уговаривать его бессмысленно. Оставалось только молить небо, чтобы на нас как можно скорее кто-нибудь напал — в противном случае, пребывание в "фамильном замке Кутыков" грозило затянуться до конца года!

— В таком случае, пошли, попробуем нарваться на какие-нибудь неприятности, — примирительно улыбнулся я. — Надеюсь, если этот злодей Маркуло набросится на меня со столовым ножом, это даст мне право на самооборону?

— Все зависит от размеров ножа, — задумчиво ответил этот невероятный парень. — Только давай сначала поднимемся вверх. Ночью я слышал в наших спальнях какой-то шум, но решил не ходить туда, чтобы не оставлять тебя в одиночестве...

— Спасибо, — вежливо сказал я. И встревоженно осведомился:

— А что за шум-то был?

— Это были звуки непонятного происхождения, — тоном профессора объяснил Шурф.

Мы поднялись наверх и заглянули в одну из спален. Я остолбенел на пороге: признаться, я ожидал чего угодно, только не такого изумительного зрелища. Спальня превратилась в настоящий райский сад, вернее, в непроходимые райские джунгли. Пространство комнаты густо заросло гибкими толстыми стволами каких-то незнакомых мне вьющихся растений с толстыми, блестящими, словно смазанными маслом, гибкими стволами. Добраться до окна, или даже до кровати можно было бы только прокладывая себе путь мачете. Темно-зеленые листья и крупные голубые цветы, от которых исходил тонкий упоительный аромат, показались мне восхитительными — несмотря на то, что само по себе появление этих растений в комнате походило скорее на агрессию, чем на подарок судьбы. Впрочем, наслаждаться зрелищем мне довелось всего несколько секунд. Потом сверкнула ослепительная вспышка белого света: Шурф испепелил эту красоту, и бровью не повел. Впрочем, не знаю, что у него там происходило с бровями: он закрыл лицо правой рукой в огромной защитной рукавице.

— Такой хороший был садик! — укоризненно сказал я ему. — Пусть бы себе рос: мы же все равно решили, что не будем тут спать...

— Быстро иди умойся и высморкайся. Рот тоже прополощи, — глухо сказал он. Посмотрел на мою ошалевшую рожу и добавил, не отнимая рукавицу от лица:

— Я не шучу, Макс. У этих цветов очень ядовитый аромат. Конечно, чтобы умереть, нужно вдыхать их запах часа два, не меньше. Но головная боль и расстройство желудка тебе тоже ни к чему, верно?

Я молча кивнул и побежал выполнять его инструкции. Когда я вернулся, дверь во вторую спальню была распахнута, а пол покрыт тонким слоем пепла: очевидно, здесь тоже состоялось великое сражение сэра Лонли-Локли с колдовской флорой. Сам он стоял в коридоре между двумя спальнями и задумчиво смотрел в потолок.

во двор, щипать травку. Признаться, Кутыки почему-то не показались мне ребятами, в компании которых можно славно провести вечер.

— Позвольте представить вам членов семьи, — дворецкий вел себя так невозмутимо, как способны вести себя только представители этой почтенной профессии в старой доброй Англии — в кино и книжках, разумеется...

— Будь столь любезен, — холодно согласился Лонли-Локли. Да уж, эти двое друг друга стоили!

— Господин Маркуло Кутык, старший сын покойного господина Хурумхи, и его жена, госпожа Мичи, — важно произнес дворецкий, указывая на "опереточного злодея" и блондинку. — Госпожа Фуа Кутык, мать покойного господина Хурумхи, — он почтительно поклонился старой ведьме и повернулся к юной "ведьмочке":

— Госпожа Ули Кутык, сестра господина Маркуло.

Маленький румяный дедок оказался холостым младшим братом эксцентричного покойника. Его звали Тухта — тот самый "дедушка Тухта", который, по словам говорящего пса, жил в отдельном строении во дворе. Наполовину выбритый орангутанг носил гордое имя Пурех и был младшим сыном почившего господина Хурумхи, а босоногий "поэт" Йохтумапп и парень с соломой в волосах (его звали Арало Кутык) приходились всем собравшимся какими-то неопределенно дальними родственниками — кузенами, что ли...

— И что нам теперь: собирать пожитки и идти в лес? — мрачно спросил "злодей" Маркуло после того, как все имена кроме моего были благополучно названы. — Ты приехал, чтобы завладеть своим имуществом, так?

— Идти в лес вам не обязательно, — невозмутимо ответил ему Шурф. — Скажу больше: этот вариант представляется мне не самым приемлемым. Во всяком случае, пока. Я действительно собираюсь официально вступить во владение наследством — из уважения к воле покойного, но это не значит, что я намерен выгонять вас из дома.

— Извини за невежливый вопрос, господин Лонли-Локли, но если ты действительно не собираешься выгонять нас из дома, зачем, в таком случае, ты вообще сюда приехал? — меланхолично спросила его юная, но могущественная Ули. — От вашего Ехо даже до границы путь неблизкий, о горных дорогах я уже не говорю... Хочешь сказать, что ты проделал этот путь только для того, чтобы принять участие в нашем семейном ужине?

— Зачем я сюда приехал — это касается только меня, леди, — холодно сказал ей Шурф. — Для начала погощу у вас несколько дней, а там поглядим. Надеюсь, вы не оставите без крова нового хозяина этого дома?

— Положим их спать в башне! — неожиданно обрадовалась старуха, отчаянно подмигивая Маркуло. — Будете спать в башне, гости дорогие? — подозрительно ласково спросила она у нас.

Остальные заулыбались и активно закивали. Только маленький старичок выразительно посмотрел на нас. Он так ничего и не сказал, но судя по выражению его лица, селиться в башне нам не следовало ни в коем случае. Я не мог понять, с какой стати он за нас волнуется, но встретить хорошего человека всегда приятно, и я сразу отвел для дедушки Тухты маленький, но уютный уголок в своем сердце.

— Я бы предпочел ночевать в отдельном помещении, — сухо сообщил Лонли-Локли своим новым родственникам. — Я заметил, что у вас во дворе хватает пристроек. Прикажите найти для нас что-нибудь поприличнее и прибрать там как

следует...

— Я немедленно займусь этим, господин, — пообещал дворецкий и поспешно вышел за дверь.

— А к столу нас так и не пригласят? — ехидно спросил я Шурфа.

— Возможно, и не пригласят, — он пожал плечами. — Но мы не станем дожидаться приглашения. Добро пожаловать в мой новый дом, сэр Макс! — добавил он, сохраняя полную серьезность.

После этого эпохального заявления Шурф решительно шагнул к столу и уселся на грубо сколоченный табурет. В результате его стратегического маневра, осталось только одно свободное место: между ним и спившимся орангутангом Пурехом. Мне ничего не оставалось, как обреченно вздохнуть и усестись рядом с этим жутким господином — не стоять же столбом на пороге! Признаться, я бы предпочел любого другого соседа по застолью, я бы даже на коленки к старой ведьме сейчас с радостью взгромоздился, но мне показалось, что этот поступок не будет способствовать созданию непринужденной дружеской атмосферы...

— Будешь пить, как тебя там? — тут же неприветливо спросил у меня Пурех, сунув мне под нос полупустую бутылку, распространявшую вокруг себя совершенно неопишуемый аромат, не слишком-то похожий на обыкновенный запах алкоголя. Так могло пахнуть разве что какое-нибудь средство от насекомых, хотя до сих пор я был уверен, что химики этого прекрасного Мира пока не додумались до столь гениального изобретения, поскольку местные насекомые отличаются немногочисленностью и неназойливостью.

— Я бы тебе не советовал, — неожиданно доброжелательно шепнул мне маленький симпатичный дедушка Тухта. — Пурех вечно таскает всякую отраву из моей мастерской. Ему ничего не делается, но непривычный человек и скопытиться может, ты уж прости мне столь грубый оборот!

— Это ж разве грубость! — усмехнулся я. — А за совет спасибо. Впрочем, я и сам не отважился бы! Этот запах...

— Ишь ты, еще и харю от дармового угощения воротит, паскуда! — злобно буркнул Пурех и тут же сам приложился к своей бутылке.

Признаться, я порядком растерялся: за последние годы я успел привыкнуть и к смертельным опасностям, и к собственному невесть откуда взявшемуся могуществу... от чего я успел основательно отвыкнуть, так это от элементарного бытового хамства! Единственный хам, имевшийся в моем распоряжении, генерал Полиции Бубута Бох, давным-давно был укрощен и приручен, так что теперь его эмоциональные монологи, посвященные почти исключительно фекальной тематике, казались мне маленькими ежедневными шоу, придававшими нашим "трудовым будням" особую, ни с чем не сравнимую прелесть. Так что теперь я молча смотрел на сосущего какую-то вонючую дрянь из своей бутылки Пуреха и пытался сообразить: что, собственно говоря, положено делать в таких случаях? Ответить ему грубостью? Пошло, к тому же это могло только усугубить проблему, спровоцировав сие дивное создание природы на продолжение диалога, который казался мне бесперспективным. Если честно, в течение всего одной, но чертовски долгой секунды мне очень хотелось его убить, или хотя бы "перевоспитать" с помощью своего Смертного Шара, но я с сожалением понимал, что за такие пустяки — увы, не положено! Поэтому мне пришлось просто сделать вид, что ничего не случилось,

хватило сил, чтобы потрепать Друппи по мохнатому загривку, но на большее я не был способен. — Передай ему, что я его тоже люблю, но спать хочу зверски, так что нежности отложим на завтра, если он не возражает... — на этих словах я отключился окончательно.

Проснулся я на рассвете, свежий, бодрый, почти счастливый и обремененный целой кучей гениальных (как мне казалось) идей. Лонли-Локли не производил впечатление человека, довольного жизнью — скорее уж наоборот.

— Устал? — сочувственно спросил я.

— Да нет, что ты. Не думаю, что я почувствую усталость прежде, чем наступит вечер. Просто мною овладело чувство сопереживания, — совершенно серьезно ответил он, выразительно помахивая перед моим носом томиком Кинга. — Я всю ночь снова читал об этих людях, и дело закончилось тем, что их в высшей степени странные проблемы стали моими... А проблем у них много, и даже благополучный конец истории представляется мне весьма безрадостным. Насколько я понял, они начали забывать о пугающих чудесах, которые с ними случились. И судя, по всему, подразумевается, что вскоре эти люди забудут о них вовсе. Я подумал: возможно, в Море, где ты родился, это — нормальное явление? То есть, чудесные события случаются там со всеми, или почти со всеми, но ваша память тут же прячет их в самый дальний чулан, чтобы никогда к ним не возвращаться...

— Ужас какой! — искренне сказал я. Меня испугал его неожиданный вывод, поскольку я и сам всю жизнь подозревал нечто в таком роде, не знаю уж, почему...

— Давай сменим тему, — тактично предложил Шурф.

— Давай, — с облегчением согласился я. — Слушай, я только что подумал: а чего мы с тобой, собственно говоря, дурью маемся? Какие-то загадки, которые почему-то надо разгадывать... можно подумать, что мы — мальчишки, играющие в сыщиков! Давай я просто шарахну своим Смертным Шаром кого-нибудь из Кутыков — того же Маркуло, раз уж он у них глава семьи. Спросим у него, куда подевался третий сын — да обо всем, что тебя интересует, спросим! Он нам тут же все выложит, а потом сделает, что ему скажут, и все будет путем... Ты чего головой мотаешь? Думаешь, на Кутыков мои Смертные Шары не подействуют? До сих пор они действовали даже на покойников!

— Макс, твое предложение кажется мне очень разумным, — сухо сказал он. — Но к сожалению, в данной ситуации оно куда не годится.

— Но почему? — изумился я.

— Мы с тобой находимся на территории Графства Хотта, — тоном человека, решившего доверить мне великую тайну, сообщил Лонли-Локли. — А законодательная система Графства Хотта — одна из самых простых в мире и, как мне кажется — одна из самых справедливых. Ты можешь применить к своему противнику любое оружие, включая магические приемы, и закон Графства Хотта будет на твоей стороне — в том случае, если ты действуешь в порядке самообороны. Если же ты применишь свой Смертный Шар первым, ты будешь считаться преступником.

— И что? — насмешливо спросил я. — За нами приедет местная полиция? И нас поведут в тюрьму? А мы будем плакать и проситься домой, к доброму дяде Джуффину, так что ли? Нечего сказать, напугал ты меня, дружище!

— Макс, я прекрасно понимаю, что представители местной полиции не являются

— Не думаю! — твердо сказал я. — Он всем своим видом давал понять, что нам не следует ночевать в башне — разве ты не заметил? А потом предупредил меня, чтобы я не пил какую-то отраву из бутылки Пуреха.

— Да, я заметил. Мне он тоже показался славным человеком, — неохотно согласился Шурф, — но в нашем положении лучше считать смертельно опасными всех членов семьи без исключения.

— Теоретически я с тобой совершенно согласен, — вздохнул я. — И насчет того, чтобы спать по очереди, спорить не буду: в таком деле действительно лучше перестраховаться... А вообще скажи мне: мы сюда надолго приехали? Честно говоря, я думал, что на один день. Полагал, что ты помотришь на дом, подпишешь какие-нибудь бумаги, и мы поедем обратно...

— Макс, я действительно не знаю, — задумчиво сказал Лонли-Локли. — Дня три ты потерпишь? Мне нужно к ним присмотреться, к тому же существует одна небольшая тайна, которую нам с тобой предстоит раскрыть... Видишь ли, у покойного господина Хурумхи было четверо детей: дочка, эта умелая госпожа Ули, и три сына. А мы сегодня видели только двух сыновей. Самый младший куда-то пропал, и призрак, который приходил ко мне, чтобы отдать завещание, очень просил меня его найти. Он утверждал, что среди мертвых его исчезнувшего сына нет. Думаю, ему лучше знать: он ведь и сам мертвый.

— Вот оно как, оказывается! — я укоризненно покачал головой. — Получается, мы все-таки прибыли сюда, чтобы провести расследование. Так почему ты мне сразу не сказал?

— Ты и без того не слишком-то хотел ехать, — невозмутимо ответил Шурф. — Мне показалось, что тебя можно соблазнить только обещанием приятного отдыха. Расследований тебе и на службе хватает.

— Во злодей! — жалобно сказал я. — Ну и влип я с тобой, дружище! До сих пор мне, знаешь ли, казалось, что ты — единственный человек во Вселенной, которому действительно можно доверять...

— Доверять вообще никому не стоит, — менторским тоном заметил он. — И не потому, что все человечество озабочено тем, как бы тебя провести, а потому, что человеческие поступки далеко не всегда соответствуют твоим ожиданиям — вот и все.

— Ладно уж, — вздохнул я, — пошли за одеялами. Только чур я первый сплю! Я проснулся на рассвете и уже с ног валюсь.

— У меня нет никаких возражений, — согласился Шурф, с непередаваемой нежностью покосившись на свою дорожную сумку, в которой лежали книги. Насколько я понял, он всерьез вознамерился перечитать все по второму разу.

Мы поднялись наверх, вынесли из спальни все одеяла и перины, я соорудил из них некое подобие вороньего гнезда в дальнем углу гостиной и уже собирался отрубиться, но мне не дали. Дверь, нерешительно скрипнув, открылась и на пороге появились собаки: Друппи и говорящий Дримарондо.

— Макс, твой пес давно хотел тебе сказать, что он тебя любит! — торжественно сообщил мне Дримарондо. — Он воспользовался okazji и попросил меня передать тебе эти слова. Кстати, твой пес отлично понимает человеческую речь — куда лучше, чем другие мои родичи!

— А я никогда и не сомневался, милый, — улыбнулся я. У меня еще кое-как

и вообще никакого господина Пуреха в природе не существует. Как ни странно, это оказалось самым верным решением. Хамы немного похожи на наваждения: если не уделять им внимание, они быстро тускнеют, а иногда даже исчезают — по крайней мере, из твоей жизни...

Он, конечно, никуда не исчез, но действительно немного увял и общаться больше не порывался. Аппетита у меня, честно говоря, не было. Зато у Лонли-Локли хватило невозмутимости с интересом перепробовать все блюда и завести со своими родственниками деловую беседу о доходах, которые приносит поместье, и расходах, каковые требуются на его содержание. При этом у него было строгое лицо налогового инспектора. Разумеется, если верить ответам господина Маркуло, получалось, что содержание фамильного замка Кутыков и прилегающих к нему земель — самое разорительное дело на свете! Оставалось только недоумевать: почему эти несчастные люди, тратящие на поддержание своего скудного хозяйства последние гроши, не бросились на шею своему потенциальному избавителю от этого бремени... А я развлекался, наблюдая за присутствующими. Создавалось впечатление, что я нахожусь на хорошо организованном спектакле в каком-нибудь модернистском театре, где зрители получают возможность полностью погрузиться в происходящее. Преувеличенно колоритная внешность наших новых знакомых, их странные манеры, непривычная смесь деревенской грубости и старомодной аристократической церемонности, их ничем не прикрытая, скорее уж напротив, несколько утрированная, настороженная враждебность — все это не было похоже на настоящую жизнь, раскрашенную, как мне до сих пор представлялось, в полутона, а не расчерченную на яркие полосы основных цветов спектра.

Разглядывая персонажей этого милого домашнего спектакля, я довольно быстро решил для себя, кто есть кто. Номинальным главой семьи был, разумеется, "опереточный злодей" Маркуло — во всяком случае, он очень старался казаться лидером. Его жена Мичи, судя по всему, большого веса в семье не имела: к ее щебету никто особо не прислушивался, хотя голосок у дамочки был что надо: звонкий и пронзительный, как вопли телефона в ночи. А вот его флегматичная сестричка Ули, похоже, и была настоящим "серым кардиналом" при своем братце. На старую ведьму никто не обращал внимания: как я успел заметить, ей просто позволяли говорить и делать все (или почти все), что она хочет, как ребенку. К маленькому старичку отношение здесь было вполне уважительное, но сдержанное и прохладное. Он словно был окружен прозрачной, но непроницаемой стеной молчания. Сидел на своем табурете, задумчиво разглядывая нас с Шурфом, и неторопливо отщипывал крошечные кусочки булочки — можно сказать, клевал, как птичка. Мрачный урод Пурех и босоногие "кузены" — что хмурый "дурачок", что мечтательный "поэт", судя по всему, никакого веса в этом семействе не имели. Маркуло постоянно делал им какие-то замечания: и пьют они, дескать, слишком много (что касается небритого Пуреха, это была святая правда!), и чавкают, и локти на стол положили, да и рожи у них неумытые... Впрочем, на слова Маркуло ребята не реагировали: то ли уже давно привыкли к его брюзжанию, то ли вообще не слушали. Особенно досталось "поэту": Маркуло то и дело упоминал о каком-то колючем кусте, который тот умудрился за один вечер вырастить на его семейном ложе, так что минувшая ночь была омрачена необходимостью извлекать многочисленные занозы из самых неподходящих для этого мест. При слове "куст"

босоногий Йохтумапп на мгновение расплылся в нежной улыбке, а потом снова ушел в себя. Очевидно, этот парень считал растения самыми совершенными созданиями природы, а вот собратья по биологическому виду явно не вызывали у него никакого интереса...

Когда затянувшийся семейный ужин все-таки подошел к концу (своеобразным сигналом послужило шумное падение под стол перебравшего Пуреха), я вздохнул с облегчением. Честно говоря, я уже давно не проводил время столь скверно, и убийственный аргумент сэра Шурфа: "между прочим, большинство людей живут так изо дня в день!" — не произвел на меня никакого впечатления. К счастью, откуда-то возник единственный нормальный человек в этом доме, господин Тыиндук Рэрэ, и с вежливым поклоном предложил нам проследовать в свои "покои" — именно так он и выразился, черт побери!

"Покои" оказались двухэтажным каменным домиком в дальнем конце двора. На первом этаже была одна просторная комната с большим обеденным столом и простыми деревянными лавками, на втором — две маленькие спальни, вопреки моим ожиданиям, чистые и уютные.

— Скажите, господа, а что случилось с нашими воротами? — нерешительно спросил наш провожатый перед тем, как распрощаться. — Это вы их... — даже не знаю, как сказать! — изничтожили?

— Сначала мы просто стучали, — невозмутимо ответил Шурф.

— Полчаса, не меньше! — ядовито добавил я.

— Да, я слышал, — вздохнул дворецкий. — И собирался открыть, но хозяева не велели. Сказали, что по ночам хорошие люди в гости не ходят... Знаете, я ведь обязан выполнять их приказы!

— Любые? — с холодным любопытством спросил Шурф.

— Любые, — твердо ответил тот. — Желаю вам приятно провести ночь, господа!

И он поспешно удалился, словно опасаясь продолжения беседы.

— Интересно, сколько надо платить человеку, чтобы он выполнял "любые" приказы? — спросил я своего друга, пытаюсь изобразить на лице циничную ухмылку. Ухмылка не получалась: ни циничная, ни просто веселая — вообще никакая. Настроение было пакостное, словно завтра утром мне должны были удалить аппендицит: ничего страшного, конечно, но чертовски хочется сбежать домой...

— Можно вообще не платить, если сварить хорошее приворотное зелье, — задумчиво отозвался Шурф. — Приворот бывает не только на любовь, но и на верность хозяину... Хотя, я не уверен, что Кутыки его именно опоили. Может быть, они действительно просто хорошо ему платят, или обещают заплатить. Возможно, он живет в этой семье с детства и многим им обязан... А может быть, этот достойный господин просто считает делом чести хорошо выполнять свою работу. Так тоже бывает.

— Шурф, мне здесь не нравится! — решительно сказал я, усаживаясь за стол. — Пока мы ехали, все было просто отлично. А теперь...

— Мне здесь тоже не нравится, — согласился он. Сел рядом со мной, задумчиво подперев голову рукой, помолчал, а потом спросил:

— Я испортил тебе отпуск, Макс? Не в моих правилах сожалеть о содеянном, но на сей раз я искренне сожалею!

— Да нет, при чем тут ты! Я сам виноват наверное, — примирительно улыбнулся я. — Позволил своему настроению испортиться... Мог бы давно избавиться от этой глупой привычки. Просто я давно не имел дела с людьми, которым я настолько активно не нравлюсь, вот и все!

— А Угурбадо? — удивленно спросил Шурф. — А комендант Нунды, убитый тобой Капук Андагума? А...

— Не надо продолжать, я уже понял, — кивнул я. — Но с врагами проще: с ними надо сражаться, а не сидеть за одним столом, тоскливо дожидаясь конца семейного ужина.

— Кутыки тоже враги, по крайней мере, пока, — сухо сказал он. — И чем раньше ты это поймешь, тем лучше. Собственно говоря, я как раз хотел предложить тебе перенести наши постели сюда, в гостиную. Пока мы в этом доме, спать следует в одном помещении и непременно по очереди.

— Думаешь, все настолько серьезно? — с сомнением переспросил я. — Все-таки эти люди — твои родственники, хоть и дальние. К тому же, ты сам дал им понять, что их имущество тебе и даром не нужно — разве что из уважения к воле покойного, и все такое. На их месте я бы попытался с тобой договориться: дескать, ты владей себе, пожалуйста, чем хочешь — на бумаге! — а мы будем тут жить и присматривать за порядком...

— Это ты так рассуждаешь, — пожал плечами Шурф. — Богатый житель столицы Соединенного Королевства, Тайный Сыщик, обремененный множеством дел, которые кажутся тебе по-настоящему серьезными и интересными, к тому же, ты — человек, от природы не наделенный страстью к обладанию имуществом... А жизнь этих людей протекает в стенах их дома, который они гордо называют "фамильным замком". Собственно говоря, этот дом — их единственное достояние. А бумаги для них не пустая формальность, а веское подтверждение того, что они — "Кутыки Хоттские", а не какие-нибудь безземельные голодранцы. Можешь мне поверить: они кому угодно глотку перегрызут, когда дело дойдет до дележа, в том числе и друг другу. Что уж говорить о чужаках, вроде нас с тобой! Кроме того, вспомни, что я рассказывал тебе о драххах: по их лицам можно сразу понять, кто чего стоит. Как тебе кажется, среди этих Кутыков есть просто добрые люди?

— Ох, вряд ли! — невольно рассмеялся я. — Эта дамочка, сестра Маркуло, по моему, редкая умница, но добродушным ее личико никак не назовешь. Что касается старухи, судя по ее физиономии, она — воплощение мирового зла! А добрые люди... Ох, боюсь, что нет! Разве что дедушка и этот... поэт.

— "Поэт"? — удивленно переспросил Шурф. — По-моему, здесь нет никаких поэтов!

— Босоногий, с венком на голове, — объяснил я. — Может, стихов он и не пишет, но вид у него самый что ни на есть поэтический!

— А, Йохтумапп, — понимающе кивнул Шурф. — Да, этот не злодей. Но таким человеком очень легко управлять. Если кто-нибудь додумается сказать ему, что мы с тобой приехали сюда специально для того, чтобы срубить все деревья в округе, у нас появится самый непримиримый враг. И довольно опасный: обычно такие вот сонные парни оказываются отличными лесными колдунами! Да и этот безобидный, как ты выразился, "дедушка" может в любой момент преподнести какой-нибудь неприятный сюрприз.

До сих пор он пребывал в задумчивости, но теперь, очевидно, определился с планом ближайших действий. — Можем пройти в твою комнату, или куда сочтешь нужным — лишь бы там не было лишних ушей.

— А тебе не кажется, что сейчас мне не до разговоров? — взвилась Ули. — У меня, между прочим, только что брат погиб!

— Ну, насколько я успел заметить, рыдать над его телом ты все равно не собираешься — в противном случае уже давно начала бы, — невозмутимо парировал Шурф. — А раз так, не будем терять время.

— И припекло же тебе! — Ули неодобрительно покачала головой. — Где ты с утра-то был? Ну ладно, если хочешь, можно и поговорить, — она раздраженно пожала плечами. — Только к себе в комнату я никого не пускаю, даже родню. Если хочешь, мы можем пойти в комнату на втором этаже. Когда-то она была устроена специально для уединенных бесед...

— Как скажешь, мне все равно, — согласился мой друг. — Макс, если у тебя нет других планов, я бы предпочел, чтобы ты принял участие в беседе, — церемонно сказал он мне.

Мне оставалось только возвести глаза к небу: хотел бы я знать, какие, по его мнению, у меня могли быть "другие планы"?! И вообще, если бы мое мнение действительно принималось во внимание, наш амобилер уже был бы на полпути к дому...

Мы вошли в дом. До сих пор нам довелось побывать только в большом зале на первом этаже, где проводились бесконечные обеденные сборища, но теперь выяснилось, что возле самого входа имеется узкая деревянная лестница, ведущая вверх. Истертые тяжелой поступью многих поколений скользкие ступеньки приветливо поскрипывали под ногами. Второй этаж разительно отличался от первого — словно это были два разных дома, или даже два разных измерения. Внизу царила средневековая простота отношения к дизайну интерьера и ползали неприятные кухонные запахи. А здесь обстановка показалась мне если не изысканной, то уж, по крайней мере, элегантной: тонкие светлые ковры на полу просторного коридора, каменные стены задрапированы бледно-желтой тканью, на подоконниках простые глиняные кувшины с ароматными букетами, составленными из лесных цветов и сухих веток причудливой формы, откуда-то доносится слабый запах благовоний. Могут ведь люди, когда хотят! Лонли-Локли тоже обратил внимание на изменения "ландшафта".

— Здесь и внизу явно хозяйничают разные люди, — одобительно заметил он.

— Да, — флегматично согласилась Ули. — Внизу у нас общая комната, кухня и покои Маркуло. А на этом этаже расположены мои комнаты.

— У вас есть вкус, — одобительно сказал я.

— Да, я знаю, — так же равнодушно согласилась Ули. — Спасибо на добром слове, гость, — неохотно добавила она после короткой паузы.

— Ты одна занимаешь весь этаж? — уточнил Лонли-Локли.

— Можно сказать, что так. Здесь еще расположены комнаты моего брата Урмаго... Вы ведь уже знаете, что он пропал, Маркуло мне говорил, что вы намерены его разыскать.

— Именно об этом я собираюсь с тобой побеседовать, — важно согласился Шурф. — Мне показалось, что ты, леди Ули, самый разумный человек в этом доме.

удаления от столицы, как, впрочем, и моя, так что вы напрасно надеетесь на нашу беспомощность. Этот господин прибыл сюда специально для того, чтобы убедиться что законы будут соблюдены, и мои интересы не пострадают. Вынужден констатировать, что ваше поведение произвело на моего друга столь удручающее впечатление, что он собирается применить против вас силу. До сих пор я противился его законному желанию, поскольку обещал своей жене, что не стану обижать ее родню. Но теперь мое терпение почти исчерпано. Сейчас мы удалимся в отведенное нам помещение, и я очень надеюсь, что кто-нибудь нанесет мне визит и даст удовлетворительные объяснения, — он обернулся ко мне:

— Пошли, Макс. Если уж кроме яда нам здесь ничего не предлагают — какой смысл ждать окончания завтрака?

И мы торжественно прошествовали к выходу, миновав застывшего на пороге дворецкого, в руку которого мертвой хваткой вцепился перепуганный Маркуло младший. Вот уж кто вздохнул с облегчением, увидев, что мы не стали рассиживаться за столом!

— Ты их здорово отчитал, — вздохнул я, когда мы оказались во дворе. — Но... Знаешь, Шурф, я — отнюдь не такое кровожадное чудовище, как предпочитают думать столичные домохозяйки...

— Знаю, — спокойно согласился он.

— Но до сих пор мне казалось, что устный выговор — не совсем подобающее наказание для людей, которые постоянно пытаются меня убить, — решительно закончил я.

— Ты стал занудой, Макс, — невозмутимо сказал этот потрясающий парень. — Все утро твердишь одно и то же. Что с тобой происходит?

Больше я от него ничего не добился. Мы вернулись в свой домик, я добыл завтрак из Щели между Мирами — признаться, я был настолько выбит из колеи, что сначала извлек оттуда три поломанных зонтика, чего со мной уже давно не случалось. Лонли-Локли наблюдал за моими манипуляциями с интересом исследователя.

— Ты напрасно нервничаешь, Макс, — наконец заметил он, с удовольствием принимаясь за еду. — Ситуация под контролем.

Грешные Магистры, до чего я дошел: успокоительные заверения Шурфа Лонли-Локли больше не вызывали у меня никакого доверия!

Скучать нам не дали. Не дали даже спокойно позавтракать. На пороге появился Маркуло — старший, разумеется. Вид у него был самый что ни на есть торжественный, словно этот опереточный злодей собрался петь свою выходную арию, на поверхности злодейской физиономии красовалась старательно исполненная любезная улыбка.

"Каяться пришел, небось, — удовлетворенно подумал я. — Вот и ладненько!"

— Господа, я пришел, чтобы принести вам извинения за недостойное поведение некоторых членов моей семьи, — начал он.

Шурф нетерпеливо махнул рукой.

— Извинения — это несколько не то, на что я рассчитывал, — заметил он. — Что мне действительно требуется, так это быть уверенным, что моя собственность находится в хороших руках. А недавние события показали, что на вашу семью нельзя положиться, господин Маркуло. Если уж нас то и дело пытаются убить — и

это после того, как я во всеуслышание заявил, что не собираюсь выгонять вас из дома... Понятно, что о доверии и речи быть не может! Поэтому, я полагаю, что вам придется подыскать себе другое жилье.

— Но мы исправимся! — драматическим тоном пообещал Маркуло. — Сами посудите, господин Лонли-Локли: кто на вас покушался? Йохтумапп? Так он у нас дурачок, вообще ничего не соображает — разве только деревья где ни попадя сажать мастак. А бабушка... Ну вы сами ее видели: ей уже за четыреста лет перевалило, что с нее возьмешь! Принесла вам котел яду — так это у нее в обычае, она всех чужих так встречает...

— А камень? — холодно напомнил Лонли-Локли. — Только не говорите мне, что камень тоже положила бабушка. Я, знаете ли, не спал этой ночью. Стоял у окна и смотрел, что происходит во дворе. Разумеется, я видел, кто положил камень. Поэтому не нужно валить все на старуху...

Я изумленно уставился на Шурфа. Если он с самого начала знал про камень, так какого же черта подставлял под него свою драгоценную голову?! Чтобы мне нервы потрепать — так, что ли?... Потом меня осенило. Разумеется, мой друг не наблюдал за событиями во дворе, а всю ночь взахлеб читал Кинга. А сейчас он применял на практике простенький, но эффективный прием: дескать, я-то все знаю, а признаваться, или не признаваться — это ваше дело! Прием сработал безупречно: Маркуло отчаянно покраснел и виновато забормотал:

— А камень я не для вас заготовил, а для Пуреха. Думал проучить этого пьяницу, чтобы знал, как себя вести!

— Ну да, — бесстрастно кивнул Шурф. — Если учесть, что твой брат до сих пор спит под столом, ты несколько поторопился... Не думаю, что он сможет доползти до двора раньше, чем на закате.

— Ну почему же, к полудню вылезет! — оптимистически заметил Маркуло и смущенно заулыбался, как ребенок, уверенный, что ему удалось провести строгую няньку.

— Одним словом, я тебе не верю, — флегматично подытожил Лонли-Локли. — Ни тебе, ни твоим родственникам. Впрочем, призрак твоего покойного отца сказал мне, что в его большой семье есть единственный человек, которому можно доверять: твой младший брат.

— Пурех, что ли? — недоверчиво переспросил Маркуло.

— Разумеется нет, — невольно поморщился Шурф. — Господин Урмаго. Твой самый младший брат.

— Урмаго? — Маркуло поморщился, словно у него вдруг заболел зуб. — Но Урмаго куда-то подевался.

— Именно "подевался"? — брови Шурфа иронически поползли вверх. — Не ушел, не уехал, не умер, в конце концов, а "подевался"?

— А как ты сам сказал бы о человеке, который вечером отправился в свою комнату, а наутро исчез? — сердито спросил Маркуло. — Он даже не оделся: его барахло осталось на месте. И с собой этот умник ничего не взял: ни одеяло, ни еду — вообще ничего. С тех пор никто его не видел: между прочим, я не поленился объехать всех соседей!

— Вот как? — спокойно спросил Лонли-Локли. — Что ж, весьма похвально, молодой человек. А как твой брат вел себя накануне вечером?

высокомерно, как это часто бывает с гордыми людьми, когда им паршиво.

— Да ты, кто же еще, — буркнул Маркуло. — Тут вон столичный гость интересуется.

— А с чего он решил, будто я реву? — надменно осведомилась она. — И что тут у вас стряслось?

— Пурех упал в яму и умер, — лаконично объяснил ей старый Тухта.

— Потрясающе! — Ули брезгливо передернула плечами. — Дела в этом доме идут все лучше и лучше, нечего сказать! А откуда взялась яма? И почему он умер от такого пустяка... а, теперь понимаю, — кивнула она, заглянув в яму. — И чья это работа? — Она обвела всех присутствующих, в том числе, и нас грозным вопрошающим взглядом — ни дать, ни взять, учительница начальных классов, обнаружившая на классной доске матерное слово.

— Чья, чья... А как ты думаешь? Кто, кроме твоей любимой бабушки, мог такое учудить? — ворчливо спросил Маркуло.

— Да кто угодно, хоть ты сам, — невозмутимо ответила она. — К тому же, я не верю, что бабушка сама вырыла эту яму. Не те ее годы!

— Яму рыл ваш кузен Арало, — любезно сообщил я. — Впрочем, старуха действительно была с ним. Я за ними долго наблюдал из окна. Только под конец отвлекся и пропустил момент, когда там появились ножи, поэтому не знаю, кто именно их принес...

— Понятно, — кивнула Ули. И холодно добавила:

— Что ж, спасибо, что просветил, гость!

— А ты не знаешь, куда Тыындук запропастился? — озабоченно спросил сестру Маркуло. — Я думал, он на крик прибежит, а его все нет... Ты его куда-то посылала?

— Я просто попросила его навести порядок в башне, — она пожала плечами. — Ты же его знаешь: он пока работу не закончит, на другие дела отвлекаться не станет. Впрочем, он уже заканчивает...

— В башне?! — взвился Маркуло. — Ты спятила, сестричка! Там же... — и он осекая, опасливо поглядывая на нас.

— Это вы все спятили, — холодно возразила Ули. — Носитесь со своей башней... Нет там ничего кроме парочки несчастных привидений наших далеких предков, да и те появляются раз в год по обещанию. Мало ли, что бабушка выдумывает! Я ее люблю, конечно, но с головой у нее, бедняжки, в последнее время совсем худо.

— А как же?... — начал было Маркуло. Потом умолк — то ли не могу сформулировать свою мысль, то ли просто побоялся сболтнуть лишнего в присутствии посторонних.

— А зачем он тебе понадобился? — безмятежно спросила Ули.

— Ну, как же, надо ведь, чтобы кто-нибудь занялся похоронами, — Маркуло покосился на яму, в которой лежало мертвое тело своего неудачливого брата и снова сник.

— А вы все на что? — она пожала плечами. — Зови Арало, пусть этот умник роет еще одну яму, только теперь не во дворе, а на семейном кладбище — на что он еще годится, безголовый!

— Думаю, нам с тобой пора поговорить, леди, — твердо сказал ей Лонли-Локли.

— Вы ему поспособствовали, или он сам? — наконец спросил старик.

Я возмутился и открыл было рот, чтобы сделать официальное заявление о нашей абсолютной непричастности к несчастному случаю, но не успел ничего сказать: парадная дверь башни распахнулась, и оттуда появились Маркуло, его страстная жена и дурно воспитанный наследник единственный, кому трагическое происшествие доставило настоящее удовольствие: прелестное дитя сразу устремилось к краю ямы и с восхищенным любопытством уставилось на жертву происшествия.

— Это как же? — беспомощно спросил Маркуло, обводя взглядом всех присутствующих. — Это что же получается — наш Пурех упал в яму? Да как же его сюда занесло? — Сейчас он не был похож на злодея, даже на опереточного. Просто испуганный, растерянный человек, у которого только что погиб какой-то брат.

— Прими мои соболезнования, Маркуло, — сухо сказал Шурф. — Кстати, а ведь яма-то, как я понимаю, была вырыта специально для меня, вернее, для нас обоих, верно? И это после нашего с тобой утреннего разговора... Нечего сказать, мудрый поступок!

— Да это все бабушка, — несчастным голосом несправедливо обоганного человека сказал Маркуло. — С ней никто, кроме Ули, не может справиться, а Ули после завтрака ни с того ни с сего заперлась у себя в комнате и ревет. А когда она ревет, к ней лучше не соваться... И я подумал — пусть себе бабушка тешится, вы же все равно в эту яму не упадете, так что какой от нее вред?! Кто же знал, что Пурех в кои-то веки решит пойти прогуляться — он и до спальни-то своей редко доползает...

— Доползал, — поправил его старый Тухта. — С Пурехом все кончено, Маркуло. Его уже даже мои припарки не спасут. Видишь, откуда торчит большой нож?

— Да вижу я, вижу, — вздохнул Маркуло и — я глазам своим не поверил! — вытер намернувшуюся слезу. Удивительное дело: он был совершенно раздавлен горем. А мне-то до сих пор казалось, что пьянчуга Пурех для Кутыков — своего рода кара господня за прегрешения всех поколений семейства, наказание, которое прочие домочадцы мужественно терпят, но с большим трудом... Впрочем, покойникам всегда почему-то достается куда больше любви, чем живым: наверное, просто потому, что они неподвижно лежат на месте и наконец-то больше никому не мешают...

— Так, ты говоришь, твоя сестра заперлась и плачет? — к моему удивлению, эта подробность заинтересовала Шурфа куда больше, чем очередное нелепое покушение на нас, завершившееся трагедией в семье Кутыков. — А почему?

— А кто ее знает, — растерянно сказал Маркуло. — Женщины иногда режут без всякой причины...

— Без причины, говоришь? — Шурф укоризненно покачал головой. — Придумай что-нибудь еще, Маркуло! Я тебе не верю.

— Да не знаю я, не знаю, отчего она ревет! — в сердцах закричал Маркуло. — Сам у нее спроси, если не веришь!

— Кто ревет? — холодно спросила сама Ули, появляясь на пороге дома. Она действительно выглядела не лучшим образом. Не заплаканной — очевидно, она уже успела привести себя в порядок — но подавленной. Она держалась недружелюбно и

— Как всегда, — пожал плечами Маркуло. — Поужинал, дал пару раз по морде Пуреху, в очередной раз погавкался с Ули, потому что она ни в какую не соглашается запира́ть бабушку в спальне — вообще-то, пока был жив отец, ее к столу не выпускали... Она ведь не только вас пыталась накормить ядом, она его всем то и дело под нос совала, дура старая! А как только отец умер, Ули сразу выпустила бабушку из ее каморки. Они всегда дружили. Ули у нее с детства ворожбе учится. А бабушка говорит, что Ули очень похожа на нее — дескать, она в молодости точно так же выглядела, как наша Ули сейчас. Врет, наверное! — решительно заключил он.

— Очень интересно, — равнодушно сказал Шурф. — Но вот что я тебе скажу, господин Маркуло. У меня мало времени. И можешь поверить, я не горю желанием встретить старость в вашем фамильном замке. Мой друг — тем более. Но мы не уедем отсюда, пока я не выясню, где находится твой брат. Мой вам совет: вместо того, чтобы еще раз пытаться нас убить, оповестите своих родственников, что избавиться от нас очень просто: нужно найти юного господина Урмаго. И все будет хорошо: я официально передам ему бумагу, подписанную вашим отцом, и уеду домой.

— Так дом завещали тебе, или ему? — возбужденно спросил Маркуло.

— Мне, — Шурф пожал плечами. — Но единственный человек, которому я могу передать свою собственность, если пожелаю, конечно — это ваш младший брат. А я пожелаю, поскольку для меня ваше хозяйство — скорее бремя, чем источник радости... Кстати, если не секрет, в каких ты с ним был отношениях?

— Ну, — Маркуло задумался, — в обыкновенных отношениях. То дрались, то мирились. А как еще можно ужиться с человеком под одной крышей?

— А почему дрались-то? — флегматично поинтересовался Шурф.

— Он обижал Пуреха и бабушку, — начал ябедничать Маркуло, — пытался воспитывать моего сына, щипал мою жену, и еще все время соревновался с Ули: кто кого переколдует, а вы пробовали жить в доме, где все время кто-то колдует?

— Пробовал, — без тени улыбки признался Шурф. — И поэтому я могу понять и отчасти разделить твое недовольство... Что еще?

— И еще Урмаго хотел перестроить старую башню, а я не хотел тратить деньги на такой вздор. Теперь он куда-то подевался, а Ули запела ту же песню: давай, мол, перестроим башню, дескать, там нечисти полно...

— А что там за нечисть в этой вашей башне? — удивленно спросил я.

— Да так, бабушка в последнее время болтает, что там живет кто-то, — неохотно ответил Маркуло. — Но ты же видел бабушку! Она еще и не то может рассказать... А Ули за ней любую чушь рада повторять.

Он меня не убедил. Я отлично помнил, как старая ведьма предлагала отправить нас спать в башню, и с каким энтузиазмом остальные Кутыки отнеслись к этому предложению. Это могло означать только одно: все они знали, или, по крайней мере, свято верили, что там опасно находиться.

— Ладно, Маркуло. Ты можешь идти, — тоном вельможного господина заявил Шурф. — И передай своим родичам: пусть зайдут ко мне после полудня. Только не все вместе, а по одному. Я хочу поговорить с каждым, а когда вы собираетесь вместе, это становится весьма затруднительно.

— С каждым? — недоверчиво переспросил Маркуло. — Даже с бабушкой?

— Это было бы желательно, — кивнул Шурф. — Но если она не захочет — что ж, не стоит ее неволить. Понадобится — я сам к ней зайду.

— Как хочешь, — буркнул Маркуло. — Но я к ней сам стараюсь не заходить.

— И ведь не врет, — флегматично заметил Шурф, когда мы остались одни.

— Я думаю! — фыркнул я. — Могу себе представить комнатку его бабушки! На потолочных балках наверняка висят живые змеи и несвежие покойники с ближайшего кладбища...

— Вполне возможно, — пожал плечами мой друг. — Но я имел в виду другое: он вообще все время говорил правду. Вернее, не все время, а с того момента, как мы перестали обсуждать покушения на наши с тобой жизни и заговорили на другие темы. По крайней мере, теперь я уверен, что этот человек действительно не знает, куда подевался его брат. Жаль! До этого разговора я полагал, что Маркуло в курсе. А теперь придется вести дознание по всем правилам.

— А может быть, он просто очень хорошо врет? — неуверенно предположил я. — Сначала у него не получалось, но по ходу дела парень быстро освоил этот жанр...

— Нет, Макс, он нас не обманывал, — мягко возразил Шурф. — Можешь мне поверить: когда имеешь дело с потомком драххов, не надо быть ни магом, ни даже мудрецом, чтобы отличить правду от лжи. Требуется только некоторый опыт, а опыт у меня, сам понимаешь, имеется.

— Ладно, — проворчал я, — мне и самому показалось, что парень не врет. А вот что касается тебя... Ты бы хоть сейчас объяснил мне толком: зачем мы сюда приехали? За наследством? Или все-таки для того, чтобы разыскать пропавшего Урмаго?

— Я и сам задавал подобный вопрос призраку господина Кутыка, — задумчиво сообщил Шурф. — Но я не добился от него ничего определенного. Если тебя интересует мое мнение, могу сказать, что я нахожусь тут не ради розысков этого пропавшего юноши, и уж конечно не ради наследства. Скорее уж потому, что хочу понять, зачем меня посетил этот странный мертвец...

— Затем, чтобы наглядно доказать тебе, что есть жизнь после смерти! — ехидно сказал я. А потом великодушно добавил:

— Ты наверное спать хочешь? Так давай, не стесняйся. А я пока подежурю. Постерегу твой покой, и свой заодно...

— Спасибо, — вежливо сказал Шурф. — Я полагаю, что мне хватит двух часов отдыха, а потом мы с тобой вплотную займемся делом.

Грешные Магистры, я был почти счастлив, услышав его многообещающее заявление! Именно это мне и требовалось: заняться делом, быстренько навести порядок в запутанных семейных делах моего друга и на всех парусах помчаться домой. Не нравилось мне в "фамильном замке Кутыков Хоттских", и чем дальше — тем больше. Вообще-то, по идее, мне должно было быть просто смешно — не более того. Но развеселиться у меня пока упорно не получалось — я и сам не мог понять, почему.

Сэр Лонли-Локли отбыл ко сну — иначе и не скажешь! Сначала он превратил мое уютное "гнездо" из одеял и подушек в аккуратный прямоугольник. Потом вытянулся там во весь рост, как часовой Королевской Гвардии, только в отличие от часового, он расположился в горизонтальной плоскости, придал своему лицу

живой памятник человеческому величию, да и только! Я вкратце пересказал ему все, что успело произойти, Шурф важно покивал, переваривая информацию, и тут со двора донесся пронзительный вопль такой силы, что стекла задрожали. Вопль оборвался так же внезапно, как и начался. Я бросился к окну и поначалу ничего не заметил, а потом до меня дошло, что нарядного ковра больше нет, а в центре двора зияет ничем не прикрытая унылая яма, и я понял: кому-то из Кутыков только что крупно не повезло. Очевидно, сумасшедшая старуха и этот увалень Арало не потрудились посвятить в свой злодейский план всех членов семейства, и вот — допрыгались. Судя по давешнему воплю, несчастный был взрослым мужчиной, и теперь я гадал: кого из них так угораздило?

— Странно, что он больше не орет, — сказал я Шурфу. — На его месте, я бы еще долго скандалил!

— Если бы остался жив, — сухо заметил он. И озабоченно добавил:

— Вот что меня беспокоит. Идем-ка посмотрим, что там с этим беднягой.

— Это ж какую яму надо было вырыть, чтобы человек насмерть разбился! — изумился я.

Но все оказалось проще и неприятнее. Яма была не такая уж глубокая: метра три, не больше — хотя, конечно, очень неудачливый человек может свернуть шею даже упав с табурета! Следовало признать: увалень Арало совершил настоящий трудовой подвиг, но все же размеры ямы не слишком выходили за рамки моих представлений о возможном. Хуже другое: дно ямы было густо усеяно разной длины кухонными ножами, кинжалами и прочей остро заточенной дрянью. Можно было подумать, что нашему взору открылась спина спрятавшегося в яме гигантского ежа, только вместо какого-нибудь трогательного кленового листочка на его "иглы" был нанизан зеленый ковер, недавно прикрывавший яму. И еще человеческое тело. Мертвое, насколько можно было судить: бедняга был пропорот насквозь не меньше чем дюжиной острых лезвий. Особенно поражали размеры ржавого тесака, торчавшего между его лопаток.

— Это Пурех, — сказал Лонли-Локли. — Не вовремя его понесло во двор!

— Вот бедняга, — вздохнул я. — О ком, о ком, а о нем даже плакать никто не будет, я полагаю...

— Это как раз не имеет значения, — пожал плечами Шурф. — Тот, о ком сокрушаются несколько дюжин родственников и друзей, так же мертв, как тот, чья смерть не заставила пролиться ни единой слезы...

— Это правда, — меланхолично согласился я. Пьяница Пурех казался мне самым малопривлекательным типом из всех, кого я умудрился встретить за годы своей насыщенной впечатлениями жизни, но его смерть произвела на меня неприятное впечатление — возможно, просто потому, что бедняга умудрился угодить в дурацкую ловушку, заготовленную специально для нас с Шурфом. А я-то так веселился, размышляя о могучем интеллекте Кутыков, породившем сей "коварный" план!

Кутыки, тем временем, начали появляться во дворе, привлеченные последним воплем Пуреха. Первым появился старый Тухта, которого я уже начал считать чуть ли не своим приятелем. Сейчас он встревоженно косился на нас, явно пытаясь понять, зачем нам вдруг понадобилось злодействовать. Потом он заглянул в яму, да так и застыл на месте с открытым ртом.

она. — А теперь не расскажу.

— Надо будет — расскажешь, — мрачно пообещал я, с тоской вспоминая о своих могущественных Смертных Шарах. Шарахнуть бы ее одним, и через несколько минут мое удовлетворенное любопытство мирно поползло бы обратно в норку — дремать до следующей оказии. Ох уж этот любитель законности, сэр Шурф Лонли-Локли, связавший меня по рукам и ногам! Утешало меня только одно: после полудня этот парень проснется и устроит допрос всех Кутыков, поголовно, так что госпоже Мичи придется иметь дело с этим грозным дядей, а я могу умыть руки... Но на всякий случай, я использовал прием, который обычно оказывается действенным не в реальной жизни, а в бородастых анекдотах.

— Да и не можешь ты знать ничего интересного, — высокомерно сказал я ей. — Откуда?

— Откуда?! — возмутилась Мичи. — Да я все разговоры в этом доме слушаю! И все замечаю. От меня ничего не укроется!

Кажется, мой примитивный прием подействовал: сейчас она обиделась куда больше, чем после моего отказа немедленно удовлетворить ее неземную страсть.

— Ну и что такого интересного ты услышала? — с деланным равнодушием спросил я.

— А вот не скажу! — и она торжествуя уставилась на меня круглыми голубыми глазами, пустыми и недобрыми, как у дешевой пластмассовой куклы.

— Ну вот, я так и думал, — подзадорил ее я.

— Что ты "так и думал"? Пока ты тут думал, Арало для вас яму вырыл! — выпалила Мичи. И тут же спохватилась:

— А где — не скажу!

— О, грешные Магистры! — я закатил глаза к потолку. — Это не новость, деточка, ты уж извини. Я все утро смотрел, как он рыл эту грешную яму...

— Да? — искренне удивилась Мичи. — Вот дурак этот Арало, даже глаза отвести тебе не смог! Ладно, я пойду, — сердито добавила она. — Все равно от тебя никакого толку. Тебе же, наверное, вообще женщины не нравятся...

— Не нравятся, — с энтузиазмом подтвердил я. — Мне нравятся только менкалы. У вас тут, часом, нет парочки молодых менкалов?

К моему искреннему восхищению, Мичи мне поверила. Покосилась на меня с откровенным ужасом и заспешила к окну.

— Только не говори Маркуло, что я к вам заходила, — сказала она, торопливо вскарабкиваясь на подоконник. — А то он подумает дурное...

"А что еще, интересно, этот бедняга, может подумать о тебе, красотка?" — весело изумился я, но вслух комментировать не стал.

Моя несостоявшаяся любовь поспешно исчезла. Я надеялся, что она не станет наносить мне повторный визит с предложением незамысловатых интимных услуг. И еще я надеялся, что она непременно попытается соблазнить сэра Лонли-Локли, и моя судьба будет настолько благосклонна, что позволит мне полюбоваться на сие зрелище — хотя бы в замочную скважину!

А пока такое удовольствие мне не светило, но я решил, что Шурфа в любом случае пора будить. Вообще-то, я не такой уж изверг, но парень сам просил меня это сделать. Он сразу же проснулся и выпрямился с таким величественным видом, словно сидел не в самодельной постели, а на каком-нибудь императорском троне —

максимально серьезное выражение, закрыл глаза и уснул. А я остался сидеть у окна, созерцая пустынный просторный двор через щель между плотными занавесками.

Поначалу я скучал, поскольку рассматривать во дворе было нечего — разве что умиляться, наблюдая за возней собак. Но через некоторое время во дворе началось оживление. Из башни вышла бабушка, за ней шествовал увалень Арало с огромной лопатой наперевес. Некоторое время они что-то оживленно обсуждали, то и дело заговорщически оборачиваясь на наши окна. Потом старая ведьма удалилась в дом, а мордovorот Арало принялся копать. Он работал как настоящий экскаватор: камни, которыми был вымощен двор, летели в разные стороны вместе с комьями земли, а через четверть часа яма во дворе уже годилась для закладки фундамента небольшого домика. Но сей героический труженик продолжал свою работу, не прерываясь ни на секунду. "Клад он ищет, что ли? — недоумевал я. — Или наоборот, собирается закопать какие-нибудь семейные реликвии? Какой мудрый поступок: проделать это среди бела дня, на глазах у всех желающих! Впрочем, чего еще ждать от этих Кутыков?"

От размышлений меня отвлек тихий стук. Некоторое время я растерянно оглядывался по сторонам, пока не понял, что стучат в дальнее окно гостиной, которое не выходило в общий двор, а было обращено к высокой каменной стене, окружавшей владения Кутыков. За мутным стеклом маячила круглая физиономия старого Тухты. Этот добродушный дедушка сейчас выглядел то ли сердитым, то ли встревоженным, поэтому я без лишних вопросов распахнул окно. Осторожность осторожностью, но я решил, что не следует перегибать палку. В конце концов, человек, которого считают чуть ли не самым опасным колдуном в столице Соединенного Королевства, вполне может позволить себе роскошь немного пообщаться с безобидным стариком из Графства Хотта, не вытаскивая из постели грозного "дяденьку Шурфа" жалобными призывами о помощи!

— Можно я зайду в дом? — нерешительно спросил Тухта Кутык, когда окно было открыто. — Не хотелось бы мне, чтобы кто-то из моей родни застукал меня под вашими окнами... А в гостиную они без приглашения вряд ли сунутся.

— Я им сунусь! Конечно, заходите, — кивнул я, помогая старику взобраться на подоконник. Вообще-то, мне пришлось попросту ухватить его под мышки и приподнять: дедушка Тухта оказался таким маленьким, что подоконник был вровень с его плечами.

На подоконнике он сначала отдышался, потом недоверчиво покосился на пол, расстояние до которого явно казалось ему почти непреодолимым. Я вздохнул — все-таки этот симпатичный "гном" был очень упитанным и весил ненамного меньше, чем я сам! — снова сгреб своего гостя в охапку и аккуратно поставил его на пол. Старик тут же засеменил к невысокому табурету, стоявшему в глубине гостиной, на максимальном расстоянии от всех окон, уселся на него, извлек из-за пазухи старинную курительную трубку причудливой формы, любовно оглядел ее со всех сторон и принялся набивать табаком, доставая его, щепоть за щепотью, прямо из кармана своего мехового жилета. Как и все курильщики трубок, он действовал неторопливо, вовсю наслаждался процессом технической подготовки к любимой церемонии и не отвлекался на всякие пустяки — например, на меня...

— Вы просто в гости зашли, или поговорить нужно? — вежливо осведомился я через несколько минут: к этому моменту мне начало казаться, что неожиданный

визитер вовсе не собирается вступать со мной в переговоры, а просто решил, что в нашем доме ему удастся спокойно покурить, благо вокруг не шастают его шумные внучатые племянники и прочая родня.

— Я бы не стал вас беспокоить, если бы не считал своим долгом поговорить с вами, — степенно заметил старик и снова замолчал, поскольку у него начался очень ответственный период жизни: раскуривание трубки.

Мне пришлось заткнуться и потерпеть — еще минут пять, не меньше. Немного потоптавшись на месте, я уселся напротив своего гостя, прямо на пол, скрестив ноги. Это инженерное решение оказалось в высшей степени правильным: теперь наши лица были примерно на одном уровне и старику больше не приходилось заирать голову, чтобы увидеть выражение моего лица. Полагаю, там имела место такая гремучая смесь любопытства и нетерпения, что мой неторопливый гость наконец-то сжалился и приступил к делу.

— Ехали бы вы домой — ты и твой друг. Опасно вам здесь оставаться, — внушительно сказал он и снова умолк: его только что раскуренная трубка требовала внимания.

— Ну, не так уж опасно, — улыбнулся я. — Мы все-таки не дети беспомощные!

— Вы-то не дети, конечно. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы не распознать хорошего колдуна вроде тебя, или твоего приятеля. Уж я-то сразу понял, что с вами лучше не шутить. Но когда хороший человек берется за плохое дело, судьба может повернуться к нему спиной, — проворчал старик. — Имей в виду, молодой человек: этот хитрец, мой покойный братец, сделал твоему другу скверный подарок. Да и с нами он поступил не по совести. Я могу понять, почему он решил отобрать дом у своего старшего сына Маркуло. Они никогда не ладили, тут уж ничего не попишешь! И я мог бы понять, если бы Хурумха решил выжить из дома своего старшего. Скажу больше: я был бы просто счастлив, если бы он решил помочь нам избавиться от никчемного паразита Пуреха, позора нашей семьи. До сих пор удивляюсь, почему Хурумха не позаботился об этом еще при жизни? Выгнал бы в лес пьянчугу, и дело с концом! Но ведь кроме Маркуло и Пуреха у него есть другие дети. И брат, если уж на то пошло, — обиженно добавил он. — И еще старая мать, которая, конечно, выжила из ума, но когда-то была хозяйкой этого дома, а поэтому имеет право спокойно провести старость в одной из его комнат...

— Подождите, — перебил я, — вы сказали "другие дети". А ведь его младший сын Урмаго куда-то пропал. Вы-то сами случайно не знаете, куда он подевался?

Старик недовольно пожал плечами. То ли это означало, что он не знает и знать не хочет, то ли, что мой собеседник просто не желает менять тему разговора.

— Я вас не просто из любопытства спрашиваю, — объяснил я. — Просто не далее как час назад новый хозяин вашего дома в моем присутствии сообщил господину Маркуло, что старый Хурумха попросил его найти пропавшего Урмаго. Сказал, что он, дескать, тот самый человек, которому можно поручить присматривать за вашим хозяйством...

— Да уж! — фыркнул старый Тухта. — Малыш Урмаго присмотрит, пожалуй. Он вам тут нахозяйничает, будете довольны! Впрочем, я не удивляюсь: этот оболтус всегда был любимчиком Хурумхи... Чего я не понимаю, так это почему мой братец просто не завещал дом Урмаго, если уж он решил, что Маркуло недостаточно хорош для того, чтобы присматривать за хозяйством? Зачем ему понадобилось отдавать

— Не верю! — сказал я вслух, обращаясь к низенькому беленому потолку, каковой должен был символизировать небо, и чувствуя себя без пяти минут Станиславским. — Ну не верю, и все тут!

Потолок безмолвствовал. Зато в дальнее окно снова постучали. Если бы я был начинающим врачом, я бы, без сомнения, обрадовался такому наплыву посетителей. Но в данной ситуации я бы предпочел немного побыть в одиночестве, честное слово!

На сей раз мне, можно сказать, отчаянно повезло: судьба решила наградить меня визитом прекрасной дамы — за хорошее поведение, так что ли? За окном обнаружилась хорошенькая жена Маркуло, как ее там... ах, ну да, Мичи. Леди Мичи Кутык — с ума сойти можно! Она улыбалась мне из-за пыльного стекла, демонстрируя чуть ли не несколько дюжин великолепных мелких зубов и отчаянно строила глазки. Я проникся уважением к ее простому человеческому желанию немного пообщаться со мной, любимым, и распахнул окно. В глубине души я здорово надеялся, что прекрасная леди окажется переносчиком какой-нибудь полезной информации — ага, размечтался! Мичи тут же взобралась на подоконник и прыгнула в комнату, не дожидаясь особого приглашения.

— У нас есть всего полчаса, — заговорщическим шепотом сообщила она, награждая меня многообещающим страстным взглядом. Можно было подумать, что мы уже много лет были любовниками и научились использовать каждую возможность в очередной раз обмануть ее бдительного супруга. — Ты мне сразу понравился! — снисходительно добавила она и начала деловито расстегивать многочисленные костяные крючки на своем вышитом теплом жилете.

Признаться, я несколько опешил: во-первых, бурный дорожный роман не входил в мои планы на текущий день, во-вторых, меньше всего на свете мне хотелось осложнять и без того непростые взаимоотношения с семейством Кутык, в третьих, я как любой начинающий параноик ждал подвоха, а в-четвертых... Честно говоря, госпожа Мичи мне активно не нравилась. Было в ее привлекательной мордашке что-то отталкивающее — я и сам не мог сформулировать, что именно. Суммировав все вышеперечисленные аргументы и присовокупив к ним тот факт, что в нескольких метрах дремлет сэр Лонли-Локи, покой которого казался мне чуть ли не единственной истинной святыней во вселенной, я решил любой ценой соблюсти невинность. Лучшая защита — наступление, поэтому я обрушил на свою страстную гостью мощный словесный поток:

— Служба скорой сексуальной помощи нуждающимся ландскнехтам? Программа "адюльтер в каждой семье"? Или просто скука заела, милая барышня?

— Аллю... адю... Чего? — испуганно спросила она, машинально продолжая расстегиваться.

— Того! — фыркнул я. — Впрочем, я и сам понимаю, что просто скука заела. Сочувствую. Но ничем помочь не могу.

— Я тебе не нравлюсь, что ли? — разочарованно спросила Мичи. — Ну так бы и сказал, а то мелешь не пойми чего... Ладно, тогда я пойду.

Она не выглядела слишком огорченной, скорее немного сердитой и обиженной, как ребенок, которому в очередной раз объяснили, что конфету до обеда ему никто не даст.

— А я, между прочим, хотела тебе чего-то рассказать, — мстительно сообщила

очень уж не люблю ссориться!

— Я и сам не люблю ссориться, но такого пса грех голодом морить, — строго сказал я.

— Грех, — покорно согласился старик. — А может, ты его заберешь? — нерешительно спросил он.

— У меня уже есть собака, — усмехнулся я. — Вон, по двору носится. А зоопарк я пока открывать не собираюсь.

— Ну, тебе, может, и не надо. Но ведь у вас, в Ехо, за такого пса, небось, большие деньги можно выручить...

"Грешные Магистры, кажется мне предлагают самую настоящую взятку, — весело подумал я. — Столько лет ждал, и вот, наконец, свершилось!"

— А человек, который заплатит за собаку большие деньги, наверняка не станет экономить на ее пропитании, — рассудительно сказал старик. Я был посрамлен: кажется, взятки тут и не пахло, просто человек решил позаботиться о благополучии Дримарондо, подыскать для него теплое местечко подальше от жадины Маркуло.

— Возможно, вы не поверите, но у меня вряд ли найдется время для торговли говорящими собаками, — вздохнул я, старательно пряча улыбку.

— Что ж, нет, так нет, — пожал плечами старик. — Ладно, засиделся я с тобой, — наконец решил он. — А чего сидеть-то — все уже, вроде, и так ясно. Выйду через дверь: теперь нет нужды скрывать, что я к вам ходил.

— Правильно, — кивнул я. — Лучше передай своему семейству: если кто-то знает, куда подевался Урмаго, пусть расскажет нам. Как только этот пропащий объявится, мы тут же уедем домой, ко всеобщей радости. Да, и постарайся вдолбить в их горячие головы: убить нас гораздо труднее, чем им почему-то кажется. А рассердить довольно просто. Я-то, если честно, еще со вчерашнего вечера сердит...

— Ты сердит? — изумился старик. — А с виду и не скажешь!

— Когда это станет заметно по выражению моего лица, будет уже поздно что-то исправлять, — беззастенчиво пригрозил я, запирая за ним дверь.

— Фу-у-у-у! — с облегчением выдохнул я, оставшись в одиночестве. И добавил уже про себя: "Какое счастье, что я не специализируюсь на дознаниях! Собачья работа!"

Потом я снова уставился в окно и глазам своим не поверил: во дворе не осталось и следа от недавних земляных работ. Очевидно, сей праздник труда благополучно завершился, пока я беседовал со стариком. Во всяком случае, кучи земли вперемешку с камнями были убраны, а на том месте, где увалень Арало рыл яму, теперь красовался большой яркий ковер. Некоторое время я с равнодушным недоумением рассматривал крупные лиловые цветы на зеленом фоне ковра, а потом меня осенило: да это же ловушка, специально для дорогих гостей! Примитивная настолько, что ей место не в реальной жизни, а, разве что, в одном из мультфильмов про Тома и Джерри, нежно любимых моим неподражаемым шефом, да еще и сооруженная прямо на моих глазах по инициативе неугомонной старой ведьмы. Очевидно, эта достойная леди по-прежнему считала нас непроходимыми идиотами. Предполагалось, что мы увидим во дворе красивый ковер и тут же решим немного на нем попрыгать, не удосужившись вспомнить, что на этом самом месте только что рыли яму.

свое имущество чужому человеку?

— Я, конечно, не знаю, как все было на самом деле, — задумчиво сказал я. — Но мне кажется, что ваш покойный брат написал свое завещание уже после того, как умер и стал призраком. Никогда бы не подумал, что такое возможно, но чем только Темные Магистры не шутят! И насколько я понимаю, призрак отлично знал, что его любимый сын куда-то пропал чуть ли не сразу после его похорон. Знаете, я здорово подозреваю, что господин Хурумха затеял всю эту историю с завещанием только для того, чтобы кто-то потрудился разыскать беднягу. Думаю, он хорошо изучил своих домохозяев и решил, что от вас ждать успешных розысков не приходится. А вот мой друг — тот самый парень, на которого можно рассчитывать.

— Не понимаю я тебя, — почти сердито откликнулся старик и старательно запыхтел своей трубкой. — С какой это стати Хурумха решил, что на него можно рассчитывать? Они ведь даже не были знакомы.

— Сейчас объясню, — терпеливо сказал я. — Вы знаете, что мой друг и я — не просто какие-нибудь столичные бездельники, а Тайные Сыщики?

— Вот оно как... — удивленно протянул дедушка Тухта, выпуская изо рта чуть ли не дюжину причудливых колец дыма. — Тайные, говоришь? Ну ладно, тайные, так тайные... И от кого это, интересно, вы таитесь? Но я все равно не понимаю: с чего бы это вам искать Урмаго? Какой вам в этом интерес? Зачем кого-то искать, если можно просто забрать дом, а нас выставить за ограду и отправить нищенствовать по окрестным хуторам — и дело с концом! Я, конечно, не говорю, что твой друг именно так и поступит, — поспешно добавил он, — это было бы весьма скверно, но большинство людей, с которыми я знаком, не спешили бы отказываться от своих законных прав на имущество ради какого-то незнакомого молокососа, которого, вдобавок ко всему, еще и разыскивать надо...

— А вам не приходило в голову, что моему другу ваш фамильный замок и даром не нужен? — устало спросил я. — Понимаю, вам довольно трудно мне поверить, поскольку для вас и ваших родственников этот дом — не просто крыша над головой, но и предмет семейной гордости, память о предках, источник благополучия и богатства, и вы представить себе не можете, чтобы кто-то добровольно отказался от возможности его заполнить. Но для моего друга ваше хозяйство — скорее головная боль, чем удачное приобретение. У него, знаете ли, имеется очень неплохой домик в славном городе Ехо, на самом берегу Хурана. А если бы он захотел пополнить свою коллекцию недвижимости — да при его жаловании он, пожалуй, мог бы скупить целый квартал в столице Соединенного Королевства, или в любом другом месте, хоть в Куманском Халифате!

— Зачем же тогда он вообще приехал? — изумился старик. — Оставил бы все как есть...

— Мой друг приехал сюда потому, что знает: нельзя нарушать волю покойного, — авторитетно объяснил я. — Мертвые, знаете ли, страдают, когда живые не выполняют их последнее желание. А мой друг — очень великодушный человек.

— Да, мне тоже так показалось, — взгляд старика потеплел. — Он мог бы куда строже обойтись с дурачком Йохтумаппом, который вырастил в ваших спальнях ядовитые кустарники горной опеххи.

— Вот как они называются эти кустики, — удовлетворенно кивнул я. — Никогда бы не подумал, что они опасны: такие красивые растения!

— Красивое часто бывает опасным, мальчик, — снисходительно заметил старик. — Но будь добр, доведи свое объяснение до конца. Я по-прежнему не понимаю, зачем все-таки вы сюда приехали?

— Да тут и понимать нечего, — я чувствовал, что скоро начну сердиться. — Мой друг не хочет возиться с вашим грешным фамильным замком. И ему вовсе не доставляет удовольствия необходимость выгонять всех вас на улицу, хотя на его месте я бы уже давно рассердился на ваше семейство: сначала все эти наваждения, которые подстерегали нас на дороге, потом ядовитые кусты в спальне, потом камень над входом, да еще и котел с ядом на завтрак. Наследство наследством, но свинство это все, вот что я вам скажу... При этом, ему не хочется нарушать волю покойного. А призрак вашего брата ясно дал понять, что будет вполне доволен, если мой друг, сэр Лонли-Локли, передаст право распоряжаться хозяйством его младшему сыну Урмаго. Но для этого его сначала нужно разыскать. Именно этим мы и собираемся заняться. Чем скорее мы найдем вашу непутевую пропажу — тем лучше. Нас, между прочим, на службе ждут не дождутся. Теперь вам все ясно?

— Теперь ясно, — задумчиво согласился старик. — Что ж, все не так плохо: Урмаго, конечно, оболтус, как вся молодежь, но с ним вполне можно договориться. Из дома он никого гнать не будет, разве что своего братца Пуреха, но тут я ему и сам помогу, если понадобится! Этот болван вечно залезает в мою лабораторию, переворачивает там все вверх дном, да еще и выпивает все, что под руку попадется... Да, еще мой дед любил говаривать, что все к лучшему, а он был мудрым человеком! — оптимистически заключил он и снова принялся набивать трубку.

— Может, оно и к лучшему, — осторожно заметил я, — да вот только Урмаго сначала нужно разыскать, вы не забыли? Потому что если мы его не найдем...

— Да, я уже понял, что без этого юного оболтуса Урмаго наши дела будут плохи, — флегматично кивнул старик, с задумчивой улыбкой любясь неспешными метаморфозами дыменных колец. — Но он найдется, не сомневайся! Парень и раньше любил загулять, один раз его почти полгода дома не было, а потом оказалось, что у него просто девчонка завелась — аж где-то на границе. Так пока они не разругались, он о доме и не вспоминал.

Я невольно улыбнулся, поскольку проникся симпатией и сочувствием к "юному оболтусу" Урмаго: когда-то у моих собственных родственников были точно такие же проблемы со мной, любимым — до тех пор, пока у меня не хватило пороку окончательно покинуть ареал их обитания...

— Проблема в том, что мы не можем ждать полгода, — наконец сказал я старику. — Для нас и дюжина дней — непозволительная роскошь. Мы можем посвятить розыскам от силы два-три дня. И если Урмаго не найдется... честно говоря, я не знаю, что именно собирается в этом случае предпринять мой друг. Но подозреваю, что вам его решение не понравится: уж простите меня за откровенность, но до сих пор никто из вашей семьи не позаботился о том, чтобы вызвать у нас дружеские чувства, скорее наоборот!

— Это плохо, — вздохнул старый Тухта. — Не хотелось бы мне с вами враждовать. Я вообще не люблю ни с кем ссориться: в жизни и без того есть чем заняться...

— А с нами и не нужно враждовать, — вздохнул я. — Пользы от этого никакой,

уж вы мне поверьте! Что от вас требуется, так это помочь нам найти Урмаго.

— Почему я знаю, куда он подевался, этот непутевый? — проворчал старик. — И все-то у него не как у людей: нашел, когда запропасться, ничего не скажешь! А семья без него теперь по миру пойдет...

— Ну, вы, может быть, и не знаете, где он, — согласился я. — А кто-то из вашей семьи, возможно, знает. Вы бы поговорили со своими родственниками! Объясните им, что как только объявится Урмаго, проблема с наследством разрешится к всеобщему удовольствию...

— Ну, не скажи, — хмыкнул старик. — Маркуло будет очень недоволен, если Урмаго станет хозяином в этом доме!

— Наверное, — усмехнулся я. — Но, по крайней мере, родной брат вряд ли выпрет его из дома!

— Все может быть, — пожал плечами старый Тухта. — Хотя, конечно, выгнать не выгонит. Все-таки родная кровь! И вообще, лучше иметь дело со своими, чем с чужаками.

— Ну вот, и я о том же! — энергично подхватил я. — Так что вы уж поговорите со своими родственниками: если кто-то что-то знает, пусть лучше расскажут. В противном случае... — я решил, что немного поугулять Кутыков не помешает, и зловещим шепотом добавил:

— У нас есть много способов развязывать языки, можете мне поверить! У меня, например, даже мертвецы разговаривают, если мне очень припечет. Просто мой друг не хочет обижать родню своей жены... вернее, до сегодняшнего утра не хотел. Все-таки ваши домочадцы здорово его достали!

— Да, уж что-то, а это они могут! — ворчливо согласился старик, поднимаясь с табурета. — Ладно, — пообещал он, — я передам им твои слова. В конце концов, это в моих же интересах. Не те мои годы, чтобы скитаться по соседям в поисках ночлега. Да и лабораторию жалко: столько лет я ее обустраивал — не бросать же теперь...

— А что у вас за лаборатория? — с любопытством спросил я. — Все время о ней слышу...

— Я занимаюсь алхимией, — важно сообщил старик. — Ты, небось, как все ваши, думаешь, что мы тут в подметки не годимся угуландским знахарям, да часто так оно и есть, если не кривить душой... Но я-то учился искусству алхимии у одного из ваших беглых Магистров, он целых семнадцать лет снимал у нас дальнюю пристройку, пока не решил вернуться в Ехо. И вот, что я тебе скажу: он, конечно, показал мне много такого, о чем я не знал прежде, но и у меня нашлось чем удивить этого угуландского гордеца! Иногда мне удается совершать самые настоящие чудеса, которые, я уверен, не снились даже хваленым колдунам из столицы Соединенного Королевства, вроде тебя. Ты заметил у нас во дворе говорящую собаку? Моя работа!

— Дримарондо трудно не заметить, — улыбнулся я. — Кстати, он мне жаловался, что его здесь плохо кормят. Что ж вы так, а?

— Да, Маркуло скуповат, — неохотно согласился старик. — У него это называется: "быть хорошим хозяином". Я сам иногда подкармливаю Дримарондо, но не так часто, как следует, наверное... Маркуло, чтоб ему пусто было, поднимает шум, всякий раз, когда видит что я беру с обеденного стола еду для собаки. А я

провалимся, верно? А теперь не велишь мне ходить в эту грешную башню, словно я — один из твоих внуков. Почему?

— А почему я знаю! — с почти девчоночьим легкомыслием отмахнулась старуха. — Вчера увидела вас, и так разозлилась, так разозлилась — слов нет. А тут еще Маркуло говорит: "вот, понаехали новые хозяева!" И тут вы зашли: ты и твой приятель — такие важные, такие нарядные... так бы и придушила! А сегодня с утра спускаюсь в кухню, присмотреть, как там Мичи завтрак готовит — она ведь дурочка, жена Маркуло, да еще и жадная, к тому же! За ней не присмотришь, так она и булки сожжет, и масло не подаст... И тут приходит Маркуло и снова говорит: вот, дескать, теперь еще и новых хозяев кормить надо. И такое меня зло взяло на вас... А после завтрака Маркуло говорит: "одного я не пойму: то ли гости у нас бессмертные, то ли, бабка, совсем из ума выжила". Ясное дело, он меня раззадорил! Только с ямой этой дело не выгорело: я уже знаю, что вместо вас туда пьянчужка Пурех свалился... Это я все к тому, чтобы ты понял: сердита я на вас была донельзя! А сейчас ты зашел, а я смотрю: хороший же паренек, приветливый и почтительный. Зачем такого убивать? Тем более, что тебе-то наше имущество не завещали.

— Ясно, — кивнул я. — Так значит, Маркуло...

— А чего Маркуло? — спохватилась старуха.

— Да так, ничего, — улыбнулся я. — Не бери в голову, бабушка. И спасибо за предупреждение. Я уже понял, что с вашей башней лучше не шутить.

— Ага, не шутить! — обрадовалась старуха. — Именно не шутить. Эх ты хорошо сказал-то, сердце радуется!

Я покинул комнату старухи в твердой уверенности, что первое впечатление меня не подвело: как окрестил я с самого начала Маркуло "злодеем", так оно и было. Наверное он хорошо знал характер своей бабки, а может и заморозил ее немножко, позаботился о том, чтобы старая ведьма разозлилась на нас несколько больше, чем следует. В результате из бабушки получилось своего рода "оружие массового поражения" — она оказалась неумелой, зато азартной убийцей. И "поэт" Йохтумапп наверняка вырастил ядовитые кусты в наших спальнях под его чутким руководством. А в том, что Маркуло собственноручно устроил примитивную ловушку, приладил над входной дверью камень, который чуть не угробил Лонли-Локли, сомневаться не приходилось: это было известно из его собственного признания. То есть выходило, что Маркуло и есть самый главный "профессор Мориарти" в этом милом семействе. Отсюда сам собой напрашивался вывод, что и Урмаго исчез не без его помощи. Наверняка, Маркуло с самого начала подозревал, или даже точно знал, что отец завещает дом не ему, а Урмаго, и устранил соперника. Разумеется, он не мог предвидеть, что на сцене появится еще один наследник, сэр Шурф Лонли-Локли, о котором до сих пор в этом доме вообще никто слыхом не слыхивал...

Эту ясную, как летний день, картинку омрачало только поведение Ули. Не укладывалось оно в мою простенькую и понятную схемку — хоть плачь! После того, как я несколько часов угробил на созерцание их с Урмаго почти идиллических отношений, я не мог поверить, что Ули стала бы покрывать своего старшего братца, если бы он причинил Урмаго хоть какой-нибудь вред...

Я так глубоко задумался, что сам не заметил, как уютно устроился на ступеньках лестницы, ведущей наверх, в ту самую башню, куда мне не советовала совать нос

От кого еще и ждать помощи, если не от тебя?

— Я догадываюсь, что ты хотел поговорить со мной именно об Урмаго — о чем же еще? — вздохнула Ули. — Но не будет толку от этого разговора... Ладно, если хочешь — почему бы и не поговорить... — Мне показалось, что она готова расплакаться, но эта симпатичная ведьмочка умела держать себя в руках, поэтому дело ограничилось еще несколькими вздохами.

Минував несколько запертых дверей, мы вошли в просторную комнату, аккуратно прибранную, но почти пустую. Было заметно, что ею долго никто не пользовался: для того, чтобы сделать подобный вывод, вовсе не нужны толстые слои пыли на окнах и хлопья паутины в углах. Просто я давно заметил, что в помещениях, которые становятся не нужны своим хозяевам, всегда царит совершенно особая атмосфера печали, покоя и неприкаянности, такое ни с чем не перепутаешь.

— Садитесь, — тихо сказала Ули, указывая на громоздкие деревянные стулья, покрытые когда-то густым и красивым, но уже давно истертым серебристым мехом.

Мы с Шурфом послушно заняли указанные нам места, она уселась напротив и внимательно посмотрела на нас огромными черными глазами. Сейчас Ули показалась мне настоящей красавицей. Я вспомнил слова Шурфа о том, как неуловимо меняется впечатление от внешности дракхон с неуравновешенным характером, и понял, что у нашей собеседницы наступил продолжительный период лирического настроения. По крайней мере, она больше не походила на "даму пик" из сувенирной карточной колоды, как вчера вечером, когда мы увиделись впервые.

— Я уже сказала, что от нашего разговора проку не будет, — неохотно произнесла она, уставившись в пол. — Могу повторить. Я тоже не знаю, куда подевался мой брат Урмаго. И очень об этом сожалею. Насколько я поняла со слов Маркуло, наш хитрый отец составил свое завещание таким образом, что на самом деле дом и имущество должны достаться не столько вам, сколько Урмаго. Что ж, меня бы это устроило. Он всегда был моим любимым братом, несмотря на то, что у нас обоих довольно неуживчивый характер... Впрочем, в нашей семье он у всех неуживчивый.

— Да, я заметил, — сухо сказал Шурф.

— Если бы я могла помочь вам разыскать Урмаго, я бы это сделала, — решительно заключила Ули. — Скажу больше: любой из членов нашей семьи вам бы охотно помог. Как бы там ни было, а лучше уж пусть хозяином дома будет Урмаго, чем ты, — она укоризненно посмотрела на Лонли-Локли и добавила:

— А ведь ты мог бы оставить все как есть, сэр! Насколько мне удалось разузнать, ты весьма богат, да и живешь далеко от этих мест. И не говори мне, что ты решил выполнить волю нашего мертвого отца только потому, что боишься его призрака! Такие как ты, не боятся мертвых. Впрочем, я думаю, ты вообще ничего не боишься!

— Благодарю за лестный отзыв, — галантный Шурф даже отвесил ей неглубокий поклон. — Но воля вашего покойного отца должна быть исполнена, так что это обсуждению не подлежит.

— Но... — она умолкла, махнула рукой, как бы признавая, что дальнейшая дискуссия бесполезна, взволнованно поднялась со своего стула, пересекла комнату, остановилась у окна и тихо спросила, не оборачиваясь к нам:

— Что теперь с нами будет? Ты выставишь нас на улицу?

— Вообще-то, поначалу у меня не было таких планов, — задумчиво сказал ей Шурф. — Но после всего, что начало твориться в этом доме с момента нашего приезда... Тебе не кажется, что нас слишком уж часто пытались убить? Неумело, конечно, но ваши намерения более чем очевидны... Впрочем, я еще ничего не решил. Скажу тебе одно: если бы сейчас объявился твой брат Урмаго, это решило бы все проблемы, до единой!

— Но он... — голос Ули дрогнул, и она замолчала — я мог поспорить, что она как следует прикусила язык!

— Кажется, ты совершенно уверена, что твой брат не найдется — по крайней мере, в ближайшее время, — заметил Шурф. — Хотел бы я знать, откуда такая уверенность?

Мне стало смертельно скучно. Детский сад какой-то — тоже мне, выездная сессия Тайного Сыска столицы Соединенного Королевства! Даже мне было совершенно ясно, что если уж кто-то в семейке Кутыков, глаза бы мои на них не смотрели, знает, куда подевался этот грешный господин Урмаго, то именно Ули. Мне даже не требовалось прислушиваться к подсказкам моего чуткого сердца: у барышни все на лице было написано, такими крупными буквами — хоть в суд присяжных ее тащи, не утруждая себя поиском других доказательств. Я решил прибегнуть к Безмолвной речи и душевно пообщаться с этим гением, сэром Лонли-Локли: у меня сердце кровью обливалось, так все было бездарно!

"Шурф, она все знает, можешь мне поверить!" — сообщил я своему другу.

"Разумеется, она знает", — он даже бровью не повел. Соболаговил адресовать мне этот вялый ответ и умолк. Я начал закипать.

"Шурф, один мой Смертный Шар, и она все нам расскажет, ко всеобщему удовольствию. Какого черта?!..."

"Потерпи еще немного, Макс? — невозмутимо попросил этот начинающий святой, настоящий отличник дзен-буддистской подготовки. — Мне интересно послушать, как она будет выкручиваться."

"Да никак она не будет выкручиваться, — если бы Безмолвная речь позволяла переходить на крик, я бы уже орал. — Намелет еще гору чуши, и ладно! Или вообще ничего больше не скажет, если воображение подведет. А ее родственнички, тем временем, сдуру перебьют друг друга, пытаясь соорудить для нас еще пару ловушек. Этот доморощенный "властелин зла" Маркуло переберет на поминках и угодит в собственный капкан, а бабушка вылетит на себя очередной котел яду — ты бы хоть старушку пожалел!"

"Мы это немного позже обсудим, ладно? — ангельским тоном попросил он. И добавил:

— Не суетись, Макс, дай мне спокойно поговорить с этой милой дамой. Не волнуйся, я не хуже тебя понимаю, что она говорит не правду — по крайней мере, пытается... Очень любопытно наблюдать за столь неопытным лжецом, правда?"

После нашего содержательного диалога мне пришлось приступить к дыхательным упражнениям — единственный известный мне способ не выпрыгнуть в окно с душераздирающим воплем: "а пошли вы все!"

Ули косилась на нас недобрый тяжелым взглядом: наверняка она заметила, что мы ведем Безмолвную беседу, и сердилась, что не может подслушать. Впрочем, кто

— Да уж, — ворчливо подтвердила старуха. — А ты у нее самой и спроси: ворожила, не ворожила? Я ей не сторож! — и помолчав, добавила:

— Во всяком случае, если она и ворожила, то без меня. И совета у меня не спрашивала!

— Да я бы с радостью у нее спросил. Но она ничего не говорит. И глаза у нее на мокром месте.

— Ули плачет? — удивилась старуха. — Ну и дела! В последний раз она плакала, когда намочила свои пеленки, а ее матушка покойница не догадалась их переменить. С тех пор из нашей Ули слезинки не выжмешь!

— Теперь выжмешь, — усмехнулся я. — Стоит только спросить у нее, куда подевался Урмаго — и получишь столько слезинок, что умыться можно.

— Значит дело плохо, — старуха совсем сникла. — Значит она все-таки гадала и узнала, что Урмаго больше нет, а мне не сказала...

— Быть такого не может, — возразил я. — Среди мертвых его нет — если верить самим мертвецам. А кому и верить, если не им, правда?

— Как знать, — вздохнула старуха. — Всякие бывают мертвецы. Иногда они брешут не хуже живых!

— Все может быть, — растерянно согласился я. До сих пор мне как-то не приходило в голову, что мертвые тоже могут врать... — Ладно, — вздохнул я, — пойду еще поброжу по дому.

— Поброди, поброди, — кивнула старуха. — Чего ж не побродить... — она замолчала, а потом доверительным шепотом добавила:

— Ты бы это, поостерегся... в башню, одним словом, не лезь!

"Вот это да! — ошеломленно подумал я. — Поутру котел с ядом, потом яму для нас приготовила с кухонными ножами и тесаклами на дне, а теперь печется о моей безопасности... Можешь ведь быть душкой, сэр Макс, когда хочешь!"

— А что там в башне? — с любопытством поинтересовался я. — Разве там опасно? Ули сказала, что ваш дворецкий... — ну, этот господин с таким смешным именем, я его не запомнил — как раз сегодня затеял там уборку.

— Ха! — осклабилась старуха. — Так то Тыиндук, он вообще ничего не боится, вурдалачье племя! Хотя, зря он туда полез...

— Так что же там? — настойчиво спросил я. — Что там такое творится, в вашей грешной башне?

— Не знаю, сама не видела и видеть не хочу, — твердо сказала старуха. И с убежденностью религиозной фанатички добавила:

— И все-таки, плохое это место!

— Ну ладно, плохое, так плохое. — Я понял, что информации из нее клещами не вытянешь, а тратить время на бесполезный спор не хотелось. Но напоследок я решил попробовать удовлетворить любопытство, мучившее меня с первых минут нашей беседы:

— Можно задать тебе вопрос, бабушка Фуа? — вежливо осведомился я.

— Спрашивай, сынок. Что ж не спросить, если тебе неймется, — со снисходительностью, свойственной многим старикам, согласилась она.

— Вчера, когда мы только приехали, ты сама предлагала поселить нас в башне. А на завтрак пыталась накормить нас ядом. А потом велела этому увальню, своему родичу, вырыть яму и накрыть ее ковром — наверняка ведь надеялась, что мы в нее

— Так я не поняла: кому все-таки дом-то завещали? Твоему дружку, или этому сопляку? — взволнованно уточнила моя собеседница.

— Скажем так: обоим. Но мой друг заранее готов поступиться своими правами в пользу Урмаго, — я решил не вдаваться в подробности, тем более, что они и мне самому были не совсем понятны.

— Урмаго тоже не сладкий пряник, — проворчала старуха. — Но в лес родичей гнать не будет, тут я спокойна... Где же его вурдалаки носят? В кои-то веки я бы хотела, чтобы этот мальчишка был дома! Лучше уж с ним иметь дело, чем с твоим дружком. Тот-то нам совсем чужой... — она сникла, окончательно осознав, что без возвращения блудного Урмаго у этой истории не будет хорошего конца.

— Где его вурдалаки носят... — задумчиво повторил я. — Да, уж, это вопрос вопросов!

Признаться, я был разочарован. Раскатал губу, думал, что сейчас старуха бросится мне на шею и заливаясь слезами расскажет, что несчастный Урмаго привязан к какому-нибудь вековому дубу на вершине соседней горы, и только одинокая заколдованная хищная птица сыйсу навещает его раз в дюжину дней на предмет поклевать печень... м-да, это уже подробность из совсем другой истории! Но похоже, старуха действительно не знала, куда подевался Урмаго. Уж очень искренне она обрадовалась, когда узнала, что хозяином дома может стать не "зловный чужак" Шурф Лонли-Локли, а ее родной внук.

— Не подскажешь, где его искать? — без особой надежды спросил я.

— Да почему мне знать? — проворчала старуха. — У соседей его, вроде, нет. Маркуло всех объехал, было дело... Или сговорились они? Да нет, не могли Маркуло и Урмаго сговориться! Они и кусок мяса из похлебки не могли разделить без ссоры...

— Слушай, а вы не пробовали ворожить? — неуверенно спросил я. — Не знаю, кто как, но по-моему, твоя внучка Ули хорошая колдунья, а говорят, что она твоя ученица. Есть же способы узнать, куда пропал человек: вызвать лесных духов, или... Ну, там, в зачарованном зеркале подсмотреть, или сон вещий к себе подманить. Наверняка должны быть какие-то способы.

— Да, когда-то я могла бы, — печально вздохнула старуха. — Но стара я стала для настоящей ворожбы. Жизнь от меня уходит, сынок, неужели ты не видишь? — неожиданно печально добавила она, и у меня комок подкатил к горлу. Впору было броситься на шею старой ведьме и хором разрыдаться, чтобы в два голоса оплакать нашу общую судьбу: любая человеческая жизнь завершается приведением в исполнение смертного приговора, а прежде, чем это случится, многие из нас вынуждены много лет, без суда и следствия, томиться в оковах постаревшего немощного тела...

— Ты что? — удивленно, почти испуганно спросила старуха. — Пожалел меня, что ли? — недоверчиво уточнила она.

— Нет, — честно сказал я. — Это не жалость. Это называется сопереживание. Чего мне тебя жалеть, бабушка Фуа? Все мы в одной лодке!

— Ну, тебе-то еще рано плакаться, — снисходительно сказала она. — Молодой еще...

— Это проходит, — печально улыбнулся я. — Ладно, скажи мне лучше: ты-то, может, и не ворожила, чтобы найти Урмаго. А Ули? Она же его очень любит, верно?

их знает, этих лесных колдунов — возможно, она все отлично услышала и хмурилась именно потому, что поняла: мы ее сразу раскусили...

— Я не вызываю у вас обоих особого доверия, да? Но если бы я могла помочь вам найти Урмаго... Можете мне поверить, господа, я бы не стала дожидаться приглашения! — наконец сказала она, нервно перебирая тонкими пальцами бахрому на оконной занавеске. — Не только потому, что это единственный способ избавиться от твоих притязаний на наш дом, господин Лонли-Локли... Урмаго всегда был моим любимым братом и моим единственным другом — хочешь верь, хочешь нет... Но он не найдется, так что можешь не стараться — только время потеряешь!

Я с удивлением заметил, что глаза у юной ведьмочки явно на мокром месте.

— Ты могла бы помочь всем — и себе, и своему брату, и всем остальным, если бы просто рассказала мне все, что знаешь, — Шурф по-прежнему говорил с ней твердо, но спокойно и терпеливо, как педагог с большим стажем работы в колонии для малолетних преступников. — Я же сказал тебе: среди мертвых его нет. А это значит, что ничего непоправимого не случилось...

— Ничего непоправимого! — кривляясь, как маленькая невоспитанная девчонка, передразнила она. — Да что ты в этом понимаешь?! — до сих пор спокойная как сфинкс, Ули вдруг сорвалась на крик и выбежала из комнаты. Из коридора донеслись торопливые шаги и приглушенные всхлипывания. Все завершилось мощным хлопком двери — где-то в конце коридора, насколько я мог судить по звуку.

— Даже так! — Шурф восхищенно покачал головой. Он был похож на заправского гурмана, которому только что довелось попробовать какой-нибудь раритетный коньяк сорокалетней выдержки.

— Ну и зачем тебе понадобилась вся эта комедия? — укоризненно спросил я. — Почему ты не даешь мне выпустить пару-тройку Смертных Шаров и устроить нормальный человеческий допрос, если уж тебе так приспичило разыскать эту бесценную пропажу по имени Урмаго? Мы попусту теряем время и треплем нервы этим достойным людям, а заодно провоцируем их на дурацкие покушения на нашу жизнь, между прочим, смертельно опасные для них самих, как недавно выяснилось... Зачем все это? Я вот все пытаюсь понять, кто из нас спятил: я, или ты? И впервые в жизни мне кажется, что у твоей кандидатуры больше шансов победить при голосовании, ты уж не обижайся, дружище!

— Что ж, я могу объяснить, — невозмутимо сказал Лонли-Локли. — Знаешь, я не уверен, что мои объяснения непременно покажутся тебе исчерпывающими и приемлемыми, поэтому и не спешил открывать тебе свои карты... Впрочем, если тебе необходимо знать причины моего поведения — что ж, я к твоим услугам. Только постарайся внимательно меня выслушать и хорошенько обдумать все, что я скажу...

Его многословное выступление было прервано чудовищным грохотом. Пол под нашими ногами заходил ходуном. Дверь, ведущая в коридор, захлопнулась с таким неуместным пафосом, словно она была крышкой гроба. Зато окно, напротив, распахнулось, и в комнату влетела — я глазам своим не поверил! — стая больших летучих мышей, оглашающих помещение дружным воем, немного похожим на волчий. Я охнул, вскочил со стула, на всякий случай прикрывая лицо правой рукой и поспешно защелкал пальцами левой, выпуская Смертные Шары. Впрочем, уже

после первой попытки я понял, что эти малосимпатичные представители фауны были обыкновенным наваждением: мои крошечные шаровые молнии не причиняли им никакого вреда, а благополучно совершали свое короткое путешествие к противоположной стене, чтобы на мгновение вспыхнуть мягким изумрудно-зеленым светом, и тут же угаснуть навсегда. Но я по инерции метнул еще чуть ли не полдюжины шаров прежде, чем убедил себя успокоиться и занять свое место напротив укоризненно качающего головой Лонли-Локли. Летучие мыши, тем временем, продолжали кружить под потолком, все так же неубедительно имитируя выступление сводного хора веервульфов.

— Забавно: неужели ты сразу не понял, что они не настоящие? Это же заметно с первого взгляда, — Шурф даже не попытался прийти мне на помощь, зато не поленился усмехнуться краешком своего не улыбочивого рта. — Таких существ просто нет в природе. Не волнуйся, Макс. Ничего страшного, просто леди Ули в гневе. И ничего лучшего не смогла придумать, бедняжка... Но для девчонки, выросшей в лесу Графства Хотта, она на удивление способная колдунья!

— Пошли отсюда, — мрачно предложил я, косясь на призрачных тварей. Они не проявляли никаких агрессивных намерений и вряд ли были способны хоть как-то нам навредить, но их присутствие все-таки здорово действовало мне на нервы. — Поговорим в другом месте.

— А вот этого делать не стоит ни в коем случае, — строго сказал он. — Не забывай: наша грозная госпожа Ули очень дорожит своим домом и не станет наносить ему вред. Пока мы сидим в этой комнате, мы можем быть уверены, что потолок не обрушится на наши головы. А вот если мы вернемся в отведенное нам жилье... Пристройкой, знаешь ли, можно легко пожертвовать!

— Ну да, ради такого святого дела, как торжественные похороны незваных гостей, — кивнул я. — Ладно, останемся здесь, если ты считаешь, что так будет лучше. Тогда рассказывай.

— Будь любезен, Макс, сначала угости меня этим замечательным напитком, который ты неоднократно добывал из Щели между Мирами на протяжении нашего путешествия, — вежливо попросил он.

— Чаю хочешь? — понимающе улыбнулся я, пряча руку под стол. — Да, не помешает. Сейчас как раз время "файв-о'клока", да и обстановка располагает... к безумному чаепитию, по крайней мере.

— Они тебе очень мешают, эти твари? — сочувственно спросил Шурф, с удовольствием пробуя крепчайший свежий эрл-грей из спешно добытой мною белой фарфоровой чашки.

— А ты как думаешь? — тоном мученика спросил я. — Мельтешат тут... Да еще и вой этот!

Мой друг поднял руки над головой и совершил ими плавное круговое движение. Вой тут же оборвался, летучие мыши исчезли — словно и не было ничего.

— Они бы исчезли и без моей помощи, если бы ты не концентрировал на них свое внимание, — снисходительно объяснил он. — Но поскольку тебе никак не удавалось отвлечься, мне пришлось применить этот простой магический прием, хотя, как ты уже заметил, с тех пор, как мы переступили порог этого дома, я стараюсь обходиться без магии.

— Хуже другое: ты стараешься, чтобы и я без нее обходился! — ворчливо сказал

— Да не выставит он вас за ограду, — отмахнулся я. — И не собирался!

— А Маркуло говорит, что выставит, — недоверчиво возразила старуха. Странное дело: теперь она производила впечатление нормального разумного человека. Ну, не без своих "изюминок", конечно, но сейчас мне было довольно трудно поверить, что именно эта пожилая женщина была автором двух самых идиотских за всю историю человечества покушений и наверняка планировала еще пару-тройку мероприятий в таком же духе. Я решил, что можно попытаться пронять ее простыми логическими рассуждениями: а вдруг дойдет?!

— Ну сама подумай, бабушка, — душевно сказал я, — ваш Маркуло моего приятеля вчера первый раз в жизни увидел. А я его уже много лет знаю. И между прочим, вместе с ним к вам несколько дней ехал. Так кто из нас лучше осведомлен о его намерениях: Маркуло, или я?

Мои слова оказались для нее настоящим откровением. Старуха переваривала информацию минут пять: она умолкла и, кажется, даже не дышала — я уже испугался было, что она "зависла", словно в ее голове вместо нормальных человеческих мозгов был инсталлирован какой-нибудь местный аналог Windows-95.

— Так что, говоришь, твой приятель нас в лес не прогонит? — наконец уточнила старуха. — Не врешь? — она критически взгляделась в мою честную, как у юного скаута, рожу и удивленно отметила:

— Да, видать, не врешь. Твоими бы устами! — Она так расчувствовалась, что умиленно добавила:

— Хороший ты, видать, мальчик, только дружки у тебя, как я погляжу, непутевые, ты уж не обижайся!

Я чуть было не взвыл от восторга, поскольку бабушка подарила мне ни с чем не сравнимую возможность по возвращении домой обзывать своих коллег по Тайному Сыску "непутевыми дружками". Им сие трогательное определение подходило как нельзя лучше, особенно блистательному сэру Джуффину Халли!

— Так что ты все-таки здесь искал? — старуха внезапно прекратила умиляться и снова уставилась на меня с подозрением.

Я решил, что небольшая порция правды делу не повредит.

— Вообще-то, единственное, что мне хотелось бы найти, так это следы вашего пропавшего внука Урмаго, — честно сказал я. И прибавил:

— Между прочим, для вас же и стараюсь! Мой друг сегодня сказал Маркуло, что призрак покойного Хурумхи попросил его передать управление хозяйством его сыну Урмаго — и никому другому! И вдруг выясняется, что Урмаго-то как раз и пропал. Ну вот сама подумай: что нам всем теперь делать?

— Вот оно как! — старуха искренне удивилась.

Я сделал вывод, что злодей Маркуло не поспешил поделиться с ней полученной информацией. Мне пришло в голову, что, вполне возможно, он сделал это нарочно, чтобы неугомонная бабушка продолжала свои нелепые покушения на нас: а вдруг удастся! Думаю, он не слишком-то хотел, чтобы мы нашли Урмаго. Маркуло не был похож на человека, который готов легко и с удовольствием отказаться от своего положения главы семьи в пользу младшего брата. Лучше уж продолжать героические попытки расправиться с претендующим на наследство чужаком, чтобы оставить все как есть. А там, может, и счастливчик братишка никогда не вернется... Одним словом, злодей — он и в Графстве Хотта злодей!

выжившей из ума пожилой отравительницы — любимой бабушки леди Ули. Из этого жилого помещения вполне могла получиться неплохая декорация для любительского спектакля о докторе Фаусте: во всяком случае, паутины в углах, пучков лесных трав, подвешенных к потолочным балкам и сушеных змей тут хватало!

К моему величайшему удивлению, старуха была у себя. Сидела тихонько в одной из дальних комнат и молча наблюдала, как я любуюсь ее апартаментами. Я-то, болван, не сразу ее заметил, поскольку был совершенно уверен, что она сейчас суетится внизу: командует на кухне, готовит очередную порцию яда для нас с Шурфом, или производит какие-нибудь колдовские обряды над телом убиенного Пуреха. Впрочем, потом, уже задним числом, я вспомнил, что старуха была главной виновницей его нелепой гибели — очевидно, именно поэтому она и решила отсидеться у себя, от греха подальше.

Честно говоря, когда я чуть ли не нос к носу столкнулся со старой ведьмой, я пригнулся к крупным неприятностям. Она с самого начала вызвала у меня непреодолимую антипатию, а уж после многочисленных — и хвала Магистрам! — неуклюжих попыток с нами разделаться, я и подавно был уверен, что старуха — это враг номер один. Но на сей раз она сумела меня удивить.

— Ходит, ходит... — на удивление беззлобно проворчала она, когда поняла, что я ее наконец заметил. — А куда дружка своего длинного подевал? И чего ты тут вынюхиваешь? Что надеешься найти в моих комнатах? Небось, бутылку с приворотным зельем стащить решил? Так ты попроси хорошо, может я и сама тебе дам.

— Да нет, — растерянно возразил я. — Приворотное зелье мне пока, хвала Магистрам, без надобности. Обхожусь своими силами...

— Ишь ты какой прыткий! — она покачала головой — не то укоризненно, не то одобрительно и вдруг захихикала, тоненько, как девчонка.

До меня вдруг дошло, что ко мне у старухи нет ровным счетом никаких претензий: уж я-то никоим образом не претендовал на наследство старого Хурумхи! Она, конечно, пыталась меня прикончить, но просто так, без задней мысли, за компанию с Шурфом — чтобы тому было не слишком скучно совершать свою последнюю прогулку за горизонт... Я подумал, что было бы неплохо презентовать старой ведьме пару-тройку обаятельных улыбочек и попытаться завязать с ней дружеские отношения: лучше поздно, чем никогда! Вообще-то, я обычно вызываю симпатию у женщин преклонного возраста, не знаю уж почему.

Первая же из серии обаятельных улыбок побудила старуху покинуть убежище и подойти ко мне поближе — приворожил я ее, что ли? Вторая произвела на нее столь неизгладимое впечатление, что она заулыбалась в ответ, демонстрируя крупные зубы — немного чересчур белые и крепкие для человеческого существа ее возраста.

— Чего скалишься-то? — добродушно спросила она.

Про себя я подумал, что если кто-то из нас двоих и "скалится", то это скорее моя собеседница, но у меня хватило ума оставить свои комментарии при себе. Вместо этого я улыбнулся еще шире и пробормотал какую-то несусветную чушь: дескать, я рад, что застал ее здесь, и все такое.

— А где мне еще быть-то? — ворчливо спросила старуха. — Я здесь живу — до тех пор, пока твой дружок не выставил нас всех за ограду.

я, залезая в карман своего теплого лоохи за сигаретой. — И перед появлением наших маленьких крылатых друзей из преисподней ты как раз великодушно согласился объяснить мне истинные причины своего экстравагантного поведения...

— Иногда мне жаль, что ты не пишешь книги, — внезапно перебил меня Шурф. — У тебя странная манера изъясняться столь необычными фразами, что порой я испытываю желание перенести их на бумагу, дабы ознакомить с ними других ценителей словесности...

— Хочешь — записывай, кто ж тебе не дает! И вообще, комплименты потом, ладно? — устало попросил я. — Лучше рассказывай, пока еще что-нибудь не стряслось. Просто скажи, почему ты не позволяешь мне быстренько околдовать семейство Кутыков и покончить с этим дурацким делом? И я от тебя отстану. Буду сидеть в углу, молчать в тряпочку и героически отбиваться от наваждений, ядовитых растений и падающих на голову камней, заодно. С какой стати ты вдруг решил обходиться без магии? Только имей в виду: если ты собираешься сказать мне, что ворожба в доме Кутыков угрожает благополучию этого Мира, я не поверю — скажи спасибо сэру Джужфину Халли! Он так лихо разыграл меня во время беспорядков с мемуарами Йонги Мелихаиса, что...

— Да нет, Макс, не говори ерунды, — снисходительно отмахнулся Лонли-Локли. — Разумеется, о какой-то там угрозе Миру и речи быть не может. На таком расстоянии от Угуланда вообще можно колдовать сколько угодно — если получится, конечно. Не сомневаюсь, что у нас с тобой получится, и не только здесь, а даже на Арварохе, так что это тоже не проблема. Просто я решил воспользоваться этим пустяковым, в сущности, случаем, чтобы понять, чего мы с тобой на самом деле стоим...

— Как это? — ошеломленно спросил я. — Каким образом ты собираешься это выяснить, скажи мне на милость!?

— Мне очень интересно: сумеем ли мы с тобой, два таких могущественных человека, распутать это простенькое дело, не прибегая к магии — ну, разве что, за исключением тех случаев, когда жизни угрожает реальная опасность. Знаешь, Макс, будет весьма прискорбно, если обнаружится, что без моих перчаток и твоих Смертных Шаров мы не в силах справиться даже с этими простодушными лесными колдунами из Графства Хотта...

— Но на кой тебе понадобились такие эксперименты? — недоуменно спросил я. — Просто из любопытства?

— Не только, — он задумчиво умолк и вдруг сказал:

— Видишь ли, Макс, мне не хотелось бы тебя пугать, но... Знаешь, ведь могущество, которым мы с тобой обладаем — не драгоценный камень, который можно спрятать в тайнике и быть уверенным, что твое достояние останется при тебе до конца жизни. Иногда магическая сила покидает своего обладателя — без каких бы то ни было видимых причин. А потом возвращается... или не возвращается — так тоже бывает! — он внимательно посмотрел на меня и одобрительно заметил:

— Я вижу, что мои слова не произвели на тебя особого впечатления, и это приятное открытие. Или ты просто мне не поверил?

— Если бы ты сказал мне это пару лет назад, я бы наверняка постарался тебе не поверить. А если бы все-таки поверил, непременно грохнулся бы в обморок на пару дюжин дней, — усмехнулся я. — А сейчас... Даже не знаю почему, но мне

действительно все равно. Вода дала — вода взяла, как любят говорить представители одного мудрого маленького северного народца на моей, к счастью, далекой родине... Ладно, и что с того? Ты решил провести генеральную репетицию — на всякий случай?

— Да, — спокойно согласился Шурф. — Заодно я веду подсчет ситуаций, в которых мы могли бы погибнуть, если бы не владели магией. Пока, можно сказать, все идет неплохо, вот только давешний камень над входом — такая примитивная ловушка, но она вполне могла оказаться большой удачей Кутыков. Признаться, я даже испытываю некоторую неловкость, когда размышляю о своем непростительном промахе...

— А почему вдруг ты решил провести эту самую репетицию? — озабоченно спросил я. — У тебя, что, дурные предчувствия? Тебе кажется, что сила может скоро покинуть тебя, или нас обоих?

— Да нет, что ты, — отмахнулся он. — Никаких предчувствий нет, и быть не может. Такие вещи всегда случаются внезапно. Просто я уже очень давно хотел проверить себя в подобной ситуации, да все не было случая. Я ведь был занят исключительно служебными делами и не мог позволить себе неоправданный риск... Как-то, задолго до того, как ты появился в Ехо, сэр Джуффин рассказал мне о том, как он сам утратил могущество, и его рассказ произвел на меня весьма сильное впечатление. Полагаю, именно на такой эффект он и рассчитывал: ты же знаешь, наш шеф никогда ничего не делает без далеко идущих целей.

— Да уж, он у нас великий стратег, — невольно улыбнулся я. — А потом удивленно покачал головой:

— Да, трудно представить себе Джуффина, утратившего могущество! Почти невозможно... А когда с ним это случилось? В молодости?

— Нет, гораздо позже. Собственно говоря, именно в этом и состояла его основная проблема. Сила ушла от сэра Джуффина в ту пору, когда он уже зарекомендовал себя в качестве Кеттарийского Охотника, и могущественных врагов у него было столько, что любой здравомыслящий человек на его месте постарался бы умереть добровольно — просто, чтобы не растягивать сие сомнительное удовольствие! В его распоряжении оставались только изворотливый ум и непреклонное намерение выжить.

— Не так уж мало, — нерешительно сказал я.

— Скорее, не так уж много, — рассудительно заметил Шурф. — Не забывай, что великое множество людей, искушенных в магии, считали своим долгом избавиться от Кеттарийского охотника, а тут такой случай!

— И как он выкрутился?

— Ему пришлось удрать из Соединенного Королевства. Джуффин переменил внешность — заметь, ему пришлось довольствоваться самыми примитивными ухищрениями, поскольку обращаться за помощью к искушенным магам было равносильно самоубийству! — ловко прикинулся ограбленным иррашийским купцом, благо отлично говорил на их странном наречии, нашел своих, с позволения сказать, "земляков", разжалобил их какой-то печальной историей, присоединился к каравану, и в конце концов, оказался в Ирраши. Там он и провел несколько лет. Поначалу сэр Джуффин стал простым уличным торговцем: продавал взр тамошним мастерам...

они, надо отметить, из-за сущих пустяков, как мне показалось, по несколько раз на день, а потом с удовольствием мирились. Что касается Ули, мое мнение о ней претерпело значительную трансформацию: я понял, что она была не такой уж "плохой девочкой". Скорее просто неуравновешенной, взбалмошной и капризной, подверженной резким перепадам настроения, как многие талантливые люди. А Ули была просто гениальной колдуньей, надо отдать ей должное. Ее успехи наглядно доказывали, что на знаменитой угуландской Очевидной магии свет клином не сошелся. Теперь я не сомневался, что многочисленные наваждения, развлекавшие нас с Шурфом по дороге, именно ее рук дело. Урмаго, насколько я понял, был ее преданным учеником — не слишком способным, но старательным и азартным. С другими членами семьи, насколько я понял, ребята не были связаны узами глубокой любви, зато с удовольствием перебивали им кости. Мне довелось выслушать немало их язвительных комментариев касательно "злодея" Маркуло, его темпераментной женушки и испорченного сына — о прочих я уже не говорю! Впрочем, Урмаго явно симпатизировал старому Тухте, а Ули просто обожала свою бабушку Фуа, что, кстати, неоднократно становилось причиной их ссор.

Все это было прекрасно, но после нескольких часов, проведенных в комнатах второго этажа, у меня так и не появилось ни единой зацепки. Я по-прежнему не знал, куда подевался Урмаго и, что еще хуже, у меня даже не было никаких стоящих идей. Единственное, что я мог теперь сказать наверняка: если парень и попал в беду, вряд ли это произошло по вине Ули. Как бы ребята ни поругались напоследок — а это вполне могло случиться где-нибудь в другом помещении, которое я еще не успел обследовать — но не те у них были отношения, чтобы из-за одной-единственной ссоры сживать друг друга со света.

Я решил, что мне следует приняться за другие этажи. Вниз спускаться, пожалуй, не стоило: там сейчас было полно народу. Кутыки, как и многие другие представители рода человеческого, искренне полагали, что таинству смерти следует противопоставить героический сеанс "большой жратвы" — судя по доносившимся снизу голосам и кухонным запахам, там готовились поминки. Я послал зов Шурфу, дабы доложить о том, что по-прежнему нахожусь среди живых и заодно убедиться, что у него самого все в порядке. А убедившись, отыскал лестницу и отправился наверх.

На третьем этаже я пробыл недолго, поскольку быстро понял, что попал в необитаемое помещение. Там находились комнаты покойного Хурумхи Кутыка, заставленные старинной мебелью, которая упорно порывалась поведать мне предания далекой старины вместо эпизодов из жизни своего хозяина. Впрочем, я почти сразу решил, что информация о последних днях господина Хурумхи мне без надобности: если бы старик умер от руки своих злокозненных родственников, он бы наверняка наябедничал на них сэру Лонли-Локли, а если верить рассказу Шурфа, чего не было — того не было... Ха, это если верить, конечно: вообще-то, в последнее время парень замордовал меня своими сюрпризами!

Так или иначе, но я поднялся еще выше. На четвертом этаже я поначалу обнаружил множество пустующих комнат, служивших чем-то вроде музейных запасников. Очень уж много было в этом доме свободного места и бесполезного старинного хлама, от которого никто не спешил избавляться! Зато в конце коридора имелось кое-что поинтереснее. Здесь располагалось гнездо старой гарпии,

Я тут же наткнулся на первое препятствие: дверь, ведущая в коридор, оказалась запертой. Я не сомневался что об этом позаботилась рассерженная ведьмочка Ули. Что ж, оставалось надеяться, что все прочие проблемы будут не сложнее этой!

— Можно применить магию, или следует вышибать дверь ногой? — ехидно осведомился я. — Я готов играть по твоим правилам, но не хочется без особой надобности крушить твою собственность!

Грешные Магистры, это чудо природы некоторое время обдумывало мой вопрос, прежде, чем ответить, честное слово!

— Я думаю, что в данном случае ты вполне можешь воспользоваться соответствующими магическими приемами, — наконец сказал он. — Не подлежит сомнению, что в случае крайней необходимости ты вполне способен взломать эту, да и любую другую дверь в доме своими силами. И вообще, я не думаю, что нам следует быть столь щепетильными в мелочах.

— И на том спасибо, — с облегчением улыбнулся я. И тут же применил на практике совсем недавно приобретенное полезное умение. Как раз незадолго до нашего путешествия я все-таки выкроил время и заставил беднягу Нумминориха передать мне основы своего великого учения: парень с детства был крупным специалистом по взлому дверных замков — его, знаете ли, мама научила...

Оказавшись в коридоре, я немного растерялся. Что ни говори, а дом — вернее, все-таки замок — Кутыков был велик. Когда точно не знаешь, что именно собираешься найти, надо хотя бы решить, откуда начинать поиски. Да уж, задачка не для моей бедной, вечно во всем сомневающейся головы!

Впрочем, что-то я все-таки соображал. По крайней мере, у меня хватило ума вспомнить: Ули говорила, что на этом этаже расположены не только ее комнаты, но и комнаты ее пропавшего брата. Логика подсказывала, что начинать расследование нужно именно с них. И я решительно распахнул первую же дверь.

Часа через два я понял, что если так пойдет дальше, я просто рехнусь от переутомления, причем практически без пользы для дела. О чем только не поведали мне многочисленные предметы обстановки в комнатах второго этажа! Теперь у меня была куча совершенно бесполезных сведений о характере и многочисленных привычках грозной ведьмочки Ули и пропавшего Урмаго. Заодно, переворотив воспоминания вещей, я выяснил, как он выглядел, этот пропавший без вести. Парень оказался самым симпатичным представителем семейства Кутыков: высокий и не то чтобы толстый, или, наоборот, чрезмерно мускулистый, а просто очень большой круглолицый улыбчивый парень с копной густых темно-каштановых волос — совсем молодой, как мне показалось. Урмаго был похож на добродушного лохматого сенбернара, он даже изъяснялся громко и отрывисто, как лает большая собака — думаю, у окружающих уши закладывало. В то же время, он был отнюдь не глуп, скорее уж наоборот — одним словом, просто отличный парень. Единственный однозначно положительный герой в этой семейке. Мое воображение тут же услужливо подсказало, что родись он американцем, его бы непременно выбрали капитаном школьной, а потом и университетской футбольной команды. Даже во время многочисленных, шумных, но непродолжительных ссор со своей непокладистой сестренкой Ули, Урмаго оставался таким же симпатягой: просто его улыбчивая физиономия приобретала по-детски обиженное выражение, а светло-коричневые глаза становились большими и круглыми, как у буривуха. Ссорились

— А что это за дрянь такая — вэр? — удивленно спросил я.

— Не сказал бы, что дрянь, — серьезно, словно речь шла о принципиально важных вещах, возразил Шурф. — Вэр — это сорт иррашийского пива. В отличие от камры, пиво у них отличное, по крайней мере, на мой вкус... Сэр Джуффин рассказал мне, что за пару лет ему удалось сколотить довольно значительный капитал и даже открыть свое дело. Он держал небольшой трактир, в котором посетителям подавали все тот же вэр и небольшой выбор холодных закусок. За прилавком стоял сам Джуффин: он не мог позволить себе платить наемному работнику...

Я неудержимо расхохотался, представив себе, как изумительно смотрелся сэр Джуффин Халли, сосредоточенно наполняющий кружки за прилавком пивной.

— Да, сейчас это действительно кажется забавным, — снисходительно согласился Шурф.

— Даже не верится! — я озадаченно покачал головой. — А он тебя не разыграл, часом?

— Знаешь, поначалу я и сам так думал. Эта история показалась мне настолько не правдоподобной, что я дал себе труд проверить некоторые факты, — признался Лонли-Локли. — Оказалось, что сэр Джуффин рассказал мне чистую правду... Он прожил в Ирраши семь лет, если я не ошибаюсь. А потом пришло утро, которое он назвал самым восхитительным утром в своей жизни: его сила вернулась, словно прошедшие годы были обыкновенным пустым сном. Разумеется, сэр Джуффин тут же избавился от своего бизнеса и вернулся в Ехо.

— Странная история, — вздохнул я. — Возможно, самая странная из всех историй нашего шефа. Почему он мне ее никогда не рассказывал?

— Случая подходящего не было, я полагаю, — пожал плечами Шурф. — И знаешь, что мне показалось самым удивительным? Сэр Джуффин сказал мне, что теперь считает годы, проведенные в Ирраши, не столько тяжелым испытанием, сколько самым полезным опытом в своей жизни. Он утверждал, что именно тогда узнал, чего он стоит. И еще он сказал мне, что никогда не чувствовал себя столь свободным, как в те дни, когда понял, что может жить даже когда единственный смысл его существования утрачен безвозвратно — просто жить, несмотря ни на что, без надежды, без цели, без обещания награды в конце испытаний. Он ведь не знал тогда, что его сила вернется. Думал, что его настигло какое-нибудь древнее проклятие, лекарства от которого не существует — что-то вроде утраты Искры. Более того, сэр Джуффин предполагал, что вслед за могуществом от него уйдет и жизненная сила, так что он приготовился к скорой смерти и понемногу смирился с мыслью о том, что для него все кончено. И только гораздо позже, вернувшись в Ехо и получив доступ к тайной библиотеке Семилестника, он обнаружил, что утрата могущества — на время, или навсегда, как повезет — явление весьма распространенное среди колдунов, посвященных в Истинную магию. Бич магов — вот как называется этот странный недуг в древних рукописях Хонхонь... Могу признаться, что после той беседы я испытал настоящий ужас — впервые с тех пор, как Безумный Рыбник вырвался из рук мертвых Магистров Ордена Ледяной Руки... Разумеется, сейчас мирные времена, и вряд ли моей жизни будет угрожать опасность, если я вдруг стану беспомощным, как новорожденный. Но есть вещи хуже смерти!

— Что может быть хуже смерти? — тихо спросил я.

— Когда умрем — разберемся! — неожиданно усмехнулся Шурф. — Ладно, покончим пока с этим разговором: у нас есть другие заботы, — решительно сказал он, пока я изумленно изучал тень самой настоящей улыбки на его плохо приспособленном к таким выражениям лице.

— Подожди, — нерешительно сказал я. — Так это из-за истории, которая приключилась с нашим шефом, ты решил разбираться с Кутыками исключительно с помощью самых примитивных мер — типа душевных разговоров и любительских расследований?

— Как я уже сказал тебе в самом начале нашей беседы, я решил воспользоваться случаем и испытать, на что мы с тобой годимся, — этот упрямец казался мне слегка смущенным, но менять свое решение он явно не собирался. — Я с самого начала просил тебя потерпеть всего пару дней, поскольку, если я пойму, что обычными методами мы эту историю не распутаем, я не стану транжирить наше с тобой драгоценное время. Если, скажем, завтра вечером мы поймем, что зашли в тупик, я сам попрошу тебя пустить в ход свои Смертные Шары, — пообещал он.

— Поскольку сделаешь вывод, что грош нам цена? — сочувственно спросил я. — И как мы с тобой после этого жить на свете будем? Ну ты даешь, сэр Шурф! Такой взрослый, серьезный дяденька... Ладно! К твоему сведению, я тоже азартный человек, со мной в свое время никто в карты играть не садился, поскольку я славился привычкой крушить мебель в случае проигрыша...

— Это ты к чему? — удивленно спросил он.

— А к тому, что я с удовольствием поиграю по твоим правилам! — объявил я. — Никаких проблем, дружище. Мы их сделаем без всяких там Смертных Шаров и прочей мистической дребедени!

Как бы в подтверждение моих слов, пол в комнате снова заходил ходуном, в окно ворвался порыв ураганного ветра, а в коридоре раздалось злое хихиканье, больше похожее на крик кикиморы.

— Ну, и что дальше? — строго спросил я у окружающей обстановки. Почему-то это подействовало: пол снова стал казаться вполне надежным, хихиканье прекратилось, ветер утих.

— Значит так, — я весело посмотрел на своего друга, в глубине души удивляясь внезапной перемене собственного настроения: сейчас я был готов перевернуть мир — скажу больше, я был готов голыми руками удавить каждого, кто откажется предоставить в мое распоряжение точку опоры, необходимую для выполнения этой операции. — Ты как хочешь, а я собираюсь для начала хорошенько обшарить весь дом. Составишь мне компанию?

— Макс, ты что, полагаешь, что пропавший Урмаго просто заперт в одной из комнат? — недоверчиво спросил Шурф. — По-моему, это было бы немного слишком!

— Разумеется, я не думаю, что он сидит в одной из комнат, — улыбнулся я. — Просто хочу как следует сориентироваться на местности — если уж ты приговорил нас быть юными следопытами. И потом, когда побываешь в чьей-то комнате, начинаешь лучше понимать ее владельца. О многочисленных мелких секретах, которые копошатся в каждой спальне, я уже не говорю. Какая-нибудь записка... хотя, пардон, вряд ли кто-нибудь из Кутыков вообще умеет писать! Но все равно,

мало ли, что попадется нам на глаза...

— Возможно, ты прав, — задумчиво согласился Лонли-Локли. — Но я еще планировал побеседовать с каждым из Кутыков. Возможно, кто-нибудь из них окажется разговорчивее, чем леди Ули. Некоторым людям чужая смерть развязывает языки... Остается решить, что следует сделать раньше.

— Разумеется, обшарить комнаты — пока их хозяева заняты похоронами своего невезучего родственника, — сказал я. — Впрочем, можно сэкономить время. Ты общаешься с Кутыками, я обыскиваю дом. Вечером встречаемся и делимся информацией. По-моему, все просто.

— Макс, я не уверен, что это удачная идея, — с сомнением сказал Шурф. — Нам лучше оставаться вместе. Все-таки не такие уж они безобидные, хозяева этого дома! К тому же их много...

— Боишься оставить меня без присмотра? — улыбнулся я. — Я уже взрослый дядя, дружище! Обещаю тебе, что не буду вздрагивать при виде летучих мышей, лягушек, пауков и прочих чудес нашей доброй феи Ули. И родственников твоих драгоценных обижать не буду, честное слово! Но если кто-то из них захочет откусить мне голову, я худо-бедно умею за себя постоять, ты же знаешь!

— Знаю, но... — он замялся: небось, подбирал тактичные формулировки.

— Никаких но, дружище! — решительно сказал я. И ехидно добавил:

— А то вечером завтрашнего дня я буду вынужден признать, что способен только на один-единственный бессмертный подвиг: стоять по стойке "смирно", спрятавшись за твоей надежной спиной!

Сейчас меня было легче убить, чем убедить, что обыскивать дом — занятие бесполезное. Но это был не внезапный приступ ослиного упрямства. Просто у меня уже был готов план — как мне тогда казалось, просто замечательный! Если уж Шурфа переключило на дурацкой идее "проверить, чего мы стоим", и мне пока не светило удовольствие оглушить своими Смертными Шарами всех Кутыков поголовно, я решил, что никто не мешает мне устроить небольшой перекрестный допрос мебели, посуды и прочих неодушевленных предметов. Вполне могло статься, что судьба злополучного Урмаго решилась в одной из комнат дома, а если и нет — что ж, ничего страшного. Я был совершенно уверен, что обитатели дома не раз обсуждали между собой его исчезновение. А уж друг другу они наверняка говорили куда больше, чем расскажут нам — даже если поймут, что "сотрудничество со следствием" в их интересах. Если вещи в их комнатах согласятся поведать мне многочисленные диалоги, при которых присутствовали — считай, дело сделано. Я не сомневался, что сумею правильно распорядиться полученным знанием. Я собирался выдать его за очередное интуитивное озарение, или сфабриковать цепочку сложных умозаключений, с помощью которых я якобы пришел к определенным выводам. Я здорово надеялся, что Шурф меня не раскусит: в последнее время я все-таки научился врать как следует, даже сэра Джужфина пару раз обвел вокруг пальца, а это дорогого стоит, все прочие мои подвиги попросту меркнут по сравнению с этим достижением!

— Ладно, — неохотно сказал Шурф. — Поступай как считаешь нужным. — Только побереги свою голову, сэр Макс. И головы моих свойственников — если это не будет противоречить моей первой просьбе.

— Все будет хорошо! — твердо пообещал я.

время потраченное на поездку, не пропало даром!

— А ведь как я не хотела чтобы ты приезжал! — с искренним облегчением рассмеялась Ули. — Все и так было плохо — хуже некуда: отец умер, Урмаго пропал, Маркуло с хозяйским видом бродил по дому, облизываясь на отцовские сундуки, и рассказывал всем, как он тут теперь все устроит, а тут еще какой-то наследник объявился! Плевать я хотела на хозяйство: в лесу с голоду не умрешь, даже если очень захочешь. Но потерять башню, в которой так легко совершать чудеса... Больше всего на свете я боялась именно этого!

— Ну вот, видишь, а мы оказались такие хорошие, — добродушно улыбнулся я. — А ты на нас несколько ночей кряду какие-то глупые кошмары насылала. Думала, небось, что мы испугаемся и поедем домой, прятаться под мамшины юбки?

— Какие кошмары? Я не понимаю... — растерянно пробормотала Ули. То ли она была очень хорошей актрисой, то ли действительно не имела никакого отношения к гигантскому гусю, бригаде Скорой Помощи и прочей компании наваждений, развлекавших меня по дороге.

— Она действительно не при чем, — подтвердил Лонли-Локли.

— А при чем я "не при чем"? — Ули поняла, что запуталась в словах, и умолкла, но ее глаза умоляюще уставились на Шурфа, требуя продолжения. Она сгорала от любопытства не меньше, чем я сам.

— Проблема в том, что госпожа Ули отнюдь не единственная хорошая колдунья в этой семье, — невозмутимо заметил Шурф. — И даже, увы, не самая лучшая. По крайней мере, пока. Ты уж не обижайся, девочка, — великодушно добавил он, обернувшись к ней, — у тебя еще все впереди...

— Но бабушка уже старенькая, — горячо запротестовала Ули, — она давно ничего толком не может, куда уж ей!

Мне показалось, что она защищает не столько свой авторитет, сколько репутацию старой ведьмы. "Ха, а может и впрямь бабуля решила потряхнуть стариной!" — весело подумал я.

— Разумеется, твоя бабушка тут не при чем, — кивнул мой друг. — Не о ней речь. А вот твой старший брат...

— Маркуло? — изумленно спросила она. И презрительно добавила:

— Маркуло — хитрюга, каких мало, но он почти ничего не умеет. Так, по мелочам...

— Он еще хитрее, чем ты думаешь, — мягко сказал Шурф. — Господин Маркуло, в отличие от вас с Урмаго, не спешил хвастать своими достижениями перед другими членами семьи. Вот вы все и думали, что колдун он никудышный. А на самом деле он настоящий мастер. Только у него несколько иная специализация, чем у тебя...

— Иная — что? — несчастным голосом переспросила Ули. Сейчас она была похожа на троечницу, "поплывшую" на ответственном экзамене.

— Не важно, — отмахнулся Лонли-Локли. Скажем так: господин Маркуло — человек весьма практичный. Пока вы с Урмаго учились готовить лекарственные зелья, склеивать разбитые кувшины и проходить сквозь стены, он учился вещам, которые считал более полезными: насылать на людей наваждения и кошмарные сны, подчинять их своей воле, влиять на их настроение. Очень тонкая наука! Но Маркуло — человек талантливый и упорный, этого у него не отнимешь... Теперь ты

внезапно подобревшая бабушка. Даже чашку кофе из Щели между Мирами извлек, чтобы сделать мыслительный процесс совсем уж приятным. Сделал глоток ароматного крепкого напитка, прислонился затылком к стене, с удовольствием ощутив ее приятную прохладу. И снова принялся думать: о леди Ули, ее пропавшем братце Урмаго, злодее Маркуло и других членах этой "семейки Адамс". Сейчас, когда я остался в одиночестве, они казались мне просто забавными персонажами очередной черной комедии, даже трагическую гибель пьянчуги Пуреха я, хоть убей, не мог воспринимать, как реальное событие. Не жизнь, а комикс какой-то!

Немного поразмыслив, я окончательно пришел к некоторым выводам. Умница Ули наверняка знала, что случилось с ее братом Урмаго — положим, это было ясно с самого начала. Даже если предположить, что она не присутствовала при его исчезновении, я ни на минуту не сомневался, что ее колдовских способностей должно было хватить на какой-нибудь заваливший сеанс ясновидения. Ее упорное нежелание говорить с нами на эту тему, можно было объяснить следующим образом: либо в его исчезновении был виноват кто-то из членов семьи (читай: Маркуло), и девочка решила, что грех это — сдавать своих родичей посторонним дядям; либо Урмаго покинул дом по доброй воле и просил Ули сохранить его маленькую тайну. Черт, а ведь пока мы тут дурью маемся, парень вполне мог просто отправиться в кругосветное путешествие, или сбежать в соседнее государство с какой-нибудь замужней дамой — такие дела обычно требуют таинственности! — или уйти в разбойники, или, или, или... Да что только не может взбрести в голову неглупому, энергичному и, что немаловажно, очень молодому человеку, которому смертельно надоела тихая жизнь в захолустье, в "фамильном замке Кутыков Хоттских", как высокопарно выражался господин дворецкий. Эта версия, кстати, довольно логично объясняла странное поведение Ули: девочка понимала, что возвращение брата спасло бы семью от разорения, но благородное сердечко вынуждало ее свято хранить его тайну — мало ли, какие у них тут понятия о чести!

Собственно говоря, практической пользы от моих умственных усилий пока было всего ничего. Разве что, теперь я был совершенно уверен, что если от метода свободного интервьюирования свидетелей мы все-таки перейдем к нормальному человеческому допросу, я могу смело сэкономить кучу Смертных Шаров: вполне достаточно развязать язык леди Ули и злодею Маркуло.

— Какой ты умный, с ума сойти можно! — ехидно сказал я себе самому. — Ладно уж, испепеляй свою чашку, горе мое! Нас ждет башня... Хорошо, хоть не "Темная башня"! — После этой тирады я адресовал мысленный поклон сэру Стивену Кингу — кому же еще! — заткнулся, ликвидировал чашку, а затем и оставшийся от нее пепел, и решительно зашагал вверх по скользким полированным ступенькам. Разумеется, я не мог обойти вниманием таинственную башню. Не могу сказать, будто я действительно рассчитывал, что моя экскурсия принесет какую-то практическую пользу, но разумеется, я не мог отказать себе в невинном удовольствии исследовать разрекламированное старухой помещение. Проблема в том, что словосочетание "плохое место" уже давно стало для меня чем-то вроде дорожного знака с надписью: "тебе туда, дружище!" Меня как магнитом туда тянуло, честное слово!

Так называемая "башня" оказалась не слишком просторным и почти совершенно пустым помещением на самом последнем этаже "небоскреба" Кутыков. Я сразу

обнаружил, что спокойное расследование в одиночестве мне не светит. Господин Тыиндук Рэрэ, с позволения сказать, "дворецкий" Кутыков, все еще находился тут. Вообще-то, леди Ули в моем присутствии говорила, что он, дескать, "наводит порядок" в башне. Уж не знаю, что она имела в виду, но никаким наведением порядка тут и не пахло — скорее уж капитальным ремонтом! Дядя разбирал каменную кладку стен — я сразу понял, что это была адова работа. А судя по результатам — к этому моменту на полу лежало дюжины две не слишком крупных камней — я заключил, что до благополучного завершения его трудоустройства оставалось года полтора-два, никак не меньше!

— Разумеется, я не могу руководить вашими действиями, но знаете, я бы не рекомендовал вам находиться в этом помещении, сэр, — сказал этот несчастный каторжник, отвечивая мне до нелепости изысканный вежливый поклон.

— Но ты-то здесь находишься! — резонно заметил я.

— Я — другое дело, — невозмутимо возразил он. — Я выполняю поручение хозяев дома, поэтому у меня просто нет выбора.

— А что может быть опасного в этом помещении? — нахально спросил я, с любопытством оглядываясь по сторонам. Мое чуткое сердце упрямо молчало. В отличие от обитателей дома, оно не считало башню "плохим местом". Поэтому я окончательно расслабился. Вспомнил безобидные наваждения, которые насылала на нас разгневанная леди Ули и решил, что опасности, подстерегающие случайного посетителя башни наверняка того же свойства. Вполне достаточно, чтобы напугать лесных жителей из Графства Хотта, но уж никак не человека, несколько лет прослужившего в Тайном Сыске столицы Соединенного Королевства.

— Здесь не так уж опасно, — внезапно согласился со мной господин Рэрэ. — Но насколько я понял, со слов... простите, но, с вашего позволения, я не стану называть имя очевидца — эти стены были свидетелем некоего ужасного события. Знаете, старинные замки, вроде этого, со временем иногда становятся почти разумными существами. Они способны запоминать, а потом делиться своими воспоминаниями со случайным гостем... Не думаю, что вам это понравится.

— Знаешь, — доверительно сказал я, присаживаясь на корточки рядом с этим достойным человеком, — я ведь все-таки не обыкновенный досужий зевака, которого можно напугать до полусмерти каким-нибудь простеньким наваждением. Я ведь тебе не говорил, какая у меня служба?

— А у тебя есть служба? — уважительно переспросил он. Удивительное дело: дядя тут же перешел на "ты", а его безупречная вежливость вымуштрованного слуги уступила место нормальной человеческой теплой улыбке. Очевидно до сих пор этот господин считал меня никчемным богатым бездельником, вроде его хозяев, а теперь зачислил в список "своих людей".

— Разумеется, — кивнул я. — Я служу в Малом Тайном Сыском Войске столицы Соединенного Королевства.

— Это что-то вроде полиции? — заинтересованно уточнил он, не отрываясь, впрочем, от работы.

— Вот именно: "что-то вроде", — улыбнулся я. — Только полицейские гонятся за обыкновенными преступниками, а мы — за колдунами.

— А что, колдуна тоже можно арестовать? — изумился дворецкий. — Он же может заморозить преследователя и... — он не подобрал подходящего слова и

сейчас понимаю, была не менее мальчишеской, чем твои выходки!

— Ох, что касается моих так называемых "выходок"... — я в очередной раз удивленно покачал головой, не в силах поверить, что все вышеописанные события действительно произошли со мной, а не с кем-то другим. — Чего я до сих пор не могу понять: откуда взялось это сено, да еще и в таком количестве? Неужели моя удача действительно столь велика? Или... — я запнулся, поскольку Ули все еще сидела здесь, а я не был уверен, что такие вещи следует говорить в присутствии посторонних.

Но Шурф сразу понял, что я имел в виду.

— Нет, Макс, вынужден тебя огорчить: гора сена не возникла из небытия только потому, что ты отчаянно нуждался в мягкой подстилке. Но и обыкновенным везением это назвать нельзя... Ты еще не догадываешься, откуда оно взялось? Ули, будь добра, объясни моему коллеге.

— Ну, — смущенно начала Ули, — мы ведь с самого начала хотели научиться именно проходить сквозь стену, а не застревать там на всю жизнь...

— Конечно! — воскликнул я, звонко хлопнув себя по лбу. — Я сам мог бы догадаться: вы с Урмаго заранее позаботились о том, чтобы не разбиться! А потом ты велела домашним оставить все как есть, потому что надеялась, что сено все-таки пригодится твоему брату, рано или поздно...

— Ну да, — слабо улыбнулась Ули. — Конечно, в глубине души я не переставала надеяться, что Урмаго все-таки сумеет благополучно завершить свой долгий путь сквозь стену. Я пыталась ему помочь, хотя мои заклинания почему-то перестали действовать после того, как... Сама не знаю, в чем тут дело! Но уж ты-то наверное знаешь? — почтительно осведомилась она.

— Не-а! — честно признался я. — Никогда не был силен в теории. Откровенно говоря, я до сих пор не понимаю, как мне вообще удалось все это проверить!

— Ничего особенного, просто своей ворожкой ты нечаянно разбудил старые заклинания, вот и все, — снисходительно объяснил Шурф. — Так часто происходит, и я бы не взялся заранее предсказать последствия случайной встречи двух разных чудес... К тому же, обстановка в башне этому способствовала: старинная постройка, замкнутое помещение, в котором уже много лет не занимались ничем, кроме магии — обычно подобные факторы усиливают эффект любого заклинания.

— Но почему у меня ничего не получалось? — настойчиво спросила у него Ули. — Я ведь так старалась!

— Не сомневаюсь, — спокойно согласился Лонли-Локли. — Но я полагаю, что твоих усилий было недостаточно, леди. Ведь в первый раз вы с Урмаго читали заклинание хором, верно? Вот тебе и ответ на твой вопрос. Это означает, что вдвоем вы можете сделать куда больше, чем поодиночке. Имей это в виду, девочка: в будущем вы должны действовать очень осторожно. С магией не шутят. Прикосновение к чудесам всегда опасно, тут уж ничего не попишешь. Впрочем, я от души надеюсь, что это ты уже и сама поняла. Нет ничего драгоценнее личного опыта... при условии, что экспериментатор остается в живых, разумеется! Я давно предполагал, что древняя магия Хонхоны, традиции которой сохранились только в древних кланах драххов, вроде вашего семейства, куда более серьезная вещь, чем полагают избалованные угуландской Очевидной магией чародеи из Ехо. Теперь я получил веские доказательства в пользу этой теории. Что ж, можно считать, что

показалось поначалу. Теперь она целеустремленно накачивала беднягу Урмаго травяными отварами собственного приготовления — их интригующий пряный запах расплылся по всему дому. Можно было с уверенностью предсказать, что парень скоро поправится: на его месте я бы постарался сделать это немедленно, просто чтобы избавиться от необходимости и дальше заглатывать всякую целебную дрянь. А мы сидели в уютной гостиной на втором этаже, обставленной с таким безупречным вкусом, словно ее хозяйка с отличием закончила какие-нибудь элитные курсы по дизайну интерьеров. На сей раз леди Ули все-таки пустила нас в свою комнату. Впрочем, я был уверен, что сейчас она пошла бы ради нас еще и не на такие жертвы, особенно ради меня: пока я сбивчиво рассказывал о том, как разыскал и извлек из стены ее брата, Ули сидела напротив и пожирала меня восхищенным взглядом. Я подозревал, что навсегда останусь в ее памяти в качестве заезжего "доброго волшебника", могущественного и благородного. Ули была еще слишком молода, чтобы знать: большинство героических подвигов люди совершают скорее по глупости, и я являюсь не исключением, а скорее уж ярким подтверждением этого смешного правила...

Зато у Лонли-Локли не было никаких иллюзий касательно моей роли в этом деле.

— Все просто ужасно, Макс, — бесстрастно констатировал он, выслушав мою пространную исповедь. — Впрочем, само расследование ты провел быстро и эффективно, что само по себе заслуживает уважения. Но мне, признаться, и в голову не приходило, что ты все еще способен совершить такое количество роковых ошибок за столь короткий промежуток времени!

— Да я и сам от себя не ожидал, — примирительно улыбнулся я.

Сейчас я мог бы согласиться не только со столь справедливым утверждением, но даже с откровенным поклепом. Мне было так хорошо, что описать невозможно: измученное тело удобно расположилось в стареньком кресле-качалке — я дал себе клятву, что немедленно обзаведусь таким же, как только попаду домой! Передо мной стояла огромная кружка с горячим отваром из каких-то лесных ягод каковой, по утверждению леди Ули, должен был успокоить мои взвизгившие на дыбы нервы, а по моим собственным наблюдениям, оказывал удивительно приятное воздействие на вкусовые рецепторы. Все опасные приключения остались позади, сердца пели дуэтом, наслаждаясь сознанием успешно выполненного дела — одним словом, я был совершенно счастлив и не собирался оспаривать священное право сэра Шурфа пару раз вежливо назвать меня безумным идиотом, каковым я, по собственному глубокому убеждению, действительно иногда становлюсь.

— Наверное я должен принести тебе извинения, дружище, — смущенно сказал я. — Надо было дать тебе вволю покопаться в этом деле, раз уж мы договаривались, что не будем колдовать, и все такое... Но знал бы ты, какой меня азарт разобрал!

— Что ж, тебя вполне можно понять, — спокойно согласился Шурф. — Впрочем, я на тебя не в обиде. К тому моменту, когда всех обитателей дома потряс твой душераздирающий крик, я уже твердо знал, что Урмаго надо искать в башне, и нигде больше. Более того, я догадывался, что он стал жертвой неумелого колдовского трюка: развоплотился, или еще что-нибудь в таком роде. Мне вполне достаточно понимать, что в этом деле я мог бы обойтись своими силами. В конце концов, я не собирался никому ничего доказывать — разве что себе самому, да и эта идея, как я

сделал красноречивый жест рукой, пытаясь наглядно изобразить, как лихо исчезнет из рук своего преследователя гипотетический колдун.

— Правильно, — терпеливо сказал я. — Поэтому умелого колдуна может арестовать только очень умелый. Вот в этом, собственно, и состоит моя работа.

— Так ты... Ага, вот оно как! — Тыиндук Рэрэ осекся и несколько секунд переваривал информацию. — А твой друг? — наконец спросил он. — Он тоже?..

— А как, по-твоему, он испепелил ваши ворота? — усмехнулся я.

— Ну... Почем я знаю, какие там у вас в Соединенном Королевстве хитрые колдовские смеси можно добыть! — неопределенно ответил он. И задумчиво добавил:

— Не обязательно уметь колдовать, чтобы воспользоваться зельем, купленным в лавке, верно?

— Ну, по большому счету ты прав, — признал я. — Но Шурф не покупал никаких средств, можешь мне поверить. Просто поднял руку и испепелил ваши ворота. Собственно говоря, невелик подвиг!

— Что, и ты так можешь? — искренне изумился дворецкий.

— Могу, — я пожал плечами. И честно добавил:

— Правда, у меня пока получается не так быстро и эффектно. Но я-то в Тайном Сыске всего несколько лет служу...

— Ты точно не заливаешь? — почти жалобно спросил он.

— Ладно, смотри, — вздохнул я. Выбрал из кучи камней один, побольше, и прищелкнул пальцами, от всей души надеясь, что уроки сэра Лонли-Локли не пропали зря, и я вполне способен испепелить что-нибудь покрупнее давешней кофейной чашки. Все-таки мы находились черт знает на каком расстоянии от Сердца Мира, а этот фокус с сожжением неодушевленных предметов имел самое непосредственное отношение к Очевидной магии.

К счастью, я был в хорошей форме и потому не опозорился. От камня осталась только горстка рыжевато-го пепла. Теперь Тыиндук Рэрэ смотрел на меня как футбольный фанат на какого-нибудь очередного Марадону. Куда только подевалась его невозмутимость!

— Ну и дела! — наконец сказал он. — А почему?... — тут сей достойный человек осекся, прикусил язык и даже отвернулся в сторону — наверное, испугался, что я смогу прочитать в его глазах окончание фразы, чуть было не сорвавшейся с его губ. Но мне не требовалось читать чужие мысли: ход его рассуждений и без того был для меня совершенно очевиден.

— Ты хотел спросить, почему мы до сих пор не расправились с твоими хозяевами, раз уж мы такие крутые? — усмехнулся я. — А тебе не приходило в голову, что мы просто не очень-то злые люди?

— А разве так бывает? — смущенно спросил он. — Признаться, до сих пор я думал, что нет добрых и злых людей, а есть сильные и слабые. И сильные просто приходят и берут свое, если им хочется, а слабым лучше отсидеться в погребе, чтобы остаться в живых...

— В каком-то смысле ты, наверное, прав, — задумчиво согласился я. — И все-таки слабые люди часто куда опаснее, уж ты поверь мне на слово!

— Как это может быть? — дворецкий окончательно забросил свою работу и внимал мне, как провинциальный подросток заезжему гуру.

— Все очень просто. Сильному обычно нет дела до окружающих, — объяснил я. — Тот, на чьей стороне сила, обычно старается обходить других людей стороной, чтобы не зашибить ненароком: ему нечего с ними делить, незачем что-то доказывать — кому доказывать-то, если остальные просто не принимают во внимание? А слабый вынужден постоянно бороться за место под солнцем: подпрыгивать, расталкивать всех локтями, перегрызая глотки. А добром такое мельтешение редко заканчивается. Знаешь, самый опасный человек, с которым мне довелось столкнуться, когда-то был довольно посредственным колдуном. Ну, не то чтобы самым слабым, но он вечно оказывался вторым — в любой компании! В результате он такого наворотил, что... Ладно, это долгая история, и к нашим нынешним делам она никакого отношения не имеет. Просто поверь мне на слово: мой друг просто не хочет обижать обитателей этого дома. Скажу тебе больше: он меня сегодня полдня уговаривал успокоиться и не применять строгие меры к господам Кутыкам. Я ведь, в отличие от него, не так уж силен, а поэтому ужасно рассердился на весь белый свет — после того, как нас попытались убить...

— Да, нехорошо это, — смущенно согласился дворецкий. — Если бы господин Маркуло спросил у меня совета, я бы с самого начала предложил ему попробовать уладить дело миром, договориться с твоим другом, пообещать ему часть дохода от поместья... Но с тех пор, как умер господин Хурумха, мое мнение мало кого в этом доме интересует, — обиженно добавил он.

— А почему ты у них служишь? — любопытствовал я. — Извини за бестактный вопрос, но такой парень как ты мог бы найти отличную работу даже у нас, в Ехо. Что ты тут забыл?

— Когда-то я дал клятву господину Хурумхе, — вздохнул он. — Видишь ли, все не так просто: в свое время он спас мне жизнь. А у нас, в Графстве Хотта, существует закон: если кто-то спас тебя от верной смерти, значит твоя жизнь с этого момента принадлежит ему.

— Как это? — изумился я. — Рабство у вас тут, что ли?

— Не совсем рабство, но... Да, немного похоже. Видишь ли, считается, что если уж ты был в лапах у смерти, твоя жизнь закончилась. И если кто-то тебя спас, значит твоя жизнь это его добыча. Как на охоте... Вообще-то, иногда спаситель бывает столь великодушен, что отпускает спасенного на все четыре стороны. Существует такой специальный обряд... говорят, очень красивый обряд. Но если он хочет оставить этого человека при себе — что ж, считается, что это его право...

— И тебе не повезло, да? — сочувственно кивнул я.

— Как сказать, — задумчиво протянул дворецкий. — Конечно, покойный господин Хурумха заставил меня принести клятву, что я всегда буду заботиться о его семье, и сделал меня своим слугой... Но если бы не он, я уже много лет был бы мертвецом. К тому же, мне неплохо жилось в его доме — по крайней мере, пока он не умер. Да и сейчас... Господин Маркуло, конечно, не такой разумный человек, как его покойный отец. Но многие свободные от такого рода обязательств люди живут куда хуже, чем я — даже те, кто вынужден заботиться только о своей собственной семье.

— Да уж, — невольно улыбнулся я. — Разные бывают "собственные семьи"!

— Так что я не жалею, — заключил мой мудрый собеседник. — Просто хочу сказать, что будь моя воля, все бы повернулось иначе. Но в последнее время от меня

податливой и вездесущей, порядком отсыревшей травы. Для начала я пошевелил пальцами рук и ног. Сей захватывающий трюк мне удался как нельзя лучше, чему я несказанно обрадовался и героически попробовал немного повертеть головой. Осторожно повернул ее вправо — грандиозно! Окончательно успокоился и повернул ее влево — скорее для проформы: я уже и так понял, что с моей драгоценной шеей все в порядке. Слева обнаружилась человеческая нога, обутая в чудовищных размеров сапог. Сам счастливый обладатель конечности погрузился в сено на куда большую глубину, чем я. Оно и неудивительно: парень весил раза в два больше, если вес господина Урмаго хоть немного соответствовал его росту и комплекции...

Разумеется, это был он — большой симпатичный парень, на эпизоды из жизни которого я успел налюбоваться за сегодняшний день. В отличие от меня, он все еще пребывал в шоковом состоянии, и упрямое выражение его осунувшегося лица свидетельствовало о том, что возвращаться к жизни парень пока не собирается. Впрочем, это не имело особого значения: его могучие легкие трудились, вдыхая и выдыхая ночной воздух, сердце билось, как миленькое, а все остальное, как я рассудил, приложится!

— Макс, тебе не кажется, что это немного слишком? — строгим голосом директора школы просил меня Лонли-Локли. Его невозмутимая физиономия маячила всего несколькими метрами ниже. Я и не заметил, когда он успел вскарабкаться почти на вершину этого, наверняка самого большого в мире, сеновала.

— Да, пожалуй, действительно немного слишком, — искренне согласился я, от души радуясь его появлению.

— Когда я был мальчишкой, мы с братьями тоже нередко развлекались, прыгая с крыши отцовской виллы в стог сена, — его тон немного смягчился. — Но ты-то уже давно не мальчишка, что бы ты сам об этом не думал! Да и здание слишком высокое, чтобы позволить себе столь сомнительное развлечение. Не понимаю, как ты мог решиться на такую глупость! Ты же, насколько я помню, всегда боялся высоты...

Я был готов взвыть от восторга: так этот парень искренне уверен, что я просто "развлекался"! Ничего себе!

— Просто я увидел большой стог сена и решил как следует поискать в нем пропавшего господина Урмаго — чем он хуже иголки? — расплываясь в идиотской счастливой улыбке, сказал я. Выдержал драматическую паузу и торжественно заключил:

— Моя гипотеза оказалась верной. Как видишь, он здесь! — и я выразительно потянул за сапог ногу своего бесчувственного товарища по недолгому, но впечатляющему полету.

Неподдельное изумление на обычно бесстрастном лице Лонли-Локли стало своего рода кульминацией моей биографии и самой высокой платой за малоприятные переживания последних минут...

Разумеется, потом мне пришлось рассказать ему, как все было на самом деле. Урмаго в это время медленно, но верно приходил в себя под неусыпным надзором бабушки Фуа. Старуха отлично поняла, что наличие ее младшего внука в мире живых — неперемное условие дальнейшего благополучия всех членов семьи. К тому же, эта "баба-яга" отнюдь не была столь отъявленной злодейкой, как мне

отстраненный, словно даже и не мой собственный, интерес, совершенно не похожий на агрессивное жизнерадостное любопытство, свойственное представителям органической жизни. Наверное, морская волна, с убаюкивающим шипением растекающаяся по берегу, испытывает похожий нежный щекочущий зуд, соприкасаясь с влажным следом своей предшественницы.

А потом странное очарование моего нового существования было грубо нарушено. Мой вечный, верный и могущественный опекун, меч Короля Мёнина, уже давно не напоминавший мне о своем существовании, решил немедленно пресечь сие сомнительное удовольствие, и тогда бесконечное пространство, наполненное изумительными ощущениями — существо, которым стал я сам — взорвалось от острой боли, которая основательно встряхнула мое сбрендившее сознание и вернула все на свои места. Я снова стал счастливым обладателем человеческого рассудка, мгновенно оценил ситуацию, взвыл от неконтролируемого животного ужаса и совершил инстинктивный, почти неосознанный рывок куда-то вперед.

Только когда мне в лицо ударил холодный ночной ветер, я понял, что все осталось позади: я прошел сквозь эту грешную стену, и моя рука сжимала чужую ладонь, холодную и влажную, а воздух сотрясаясь от пронзительного крика, способного мертвых поднять из могил — я и сам не знал, чьи голосовые связки потрудились над созданием этого шедевра. Неужели все-таки мои? Во всяком случае, повод для воплей у меня имелся, и какой великолепный повод! Мы падали вниз, чуть ли не с самой вершины высоченной башни, этого проклятого "фамильного замка Кутыков Хоттских", построенного умелыми руками великанов эхлов, будь они неладны...

"Хана тебе, парень! — с ужасающей отчетливостью подумал я. — Вот теперь точно хана, и никакой меч Короля Мёнина..." Завершить фразу следовало словами "тебе не поможет", но этого я просто не успел. Мое тело снова погрузилось в какую-то странную среду, мягкую, влажную и колючую, но скорее дружелюбную, чем враждебную. Я напрочь не понимал, что происходит, но успел по-детски обрадоваться тому, что не было ни удара, ни боли — вообще никаких неприятных ощущений, к которым следует готовиться, если уж падаешь на землю с высоты девятиэтажного дома. Потом меня поглотила милосердная темнота — эх, умел бы я терять сознание по заказу, проделывал бы это по несколько раз на день: хлоп, и никаких проблем!

А когда я пришел в себя, мир успел стать простым и понятным. Моя голова тут же заработала в нормальном режиме: ничего выдающегося, конечно но для повседневных нужд — именно то, что надо! Я сразу понял, что мне отчаянно, и как мне тогда казалось, необъяснимо повезло: я упал не на землю, а в огромный стог сена. Впрочем, назвать эту гору "стогом" было бы несколько некорректно: уже выбравшись оттуда, я выяснил, что она достигала окон третьего этажа. Разумеется, я не подозревал о существовании этой горы: она находилась на заднем дворе, в который я еще не успел забрести, да и в окна во время странствий по дому я не выглядывал: не до того было! Но тогда мне было не до размышлений: прежде всего следовало убедиться, что мое тело по-прежнему согласно функционировать в нормальном режиме, и в случае положительного результата попытаться как-то выбраться наружу, покинуть маленькую вселенную, состоящую исключительно из

почти ничего не зависит.

— Да, это я понял, — кивнул я. — Слушай, а Расскажи мне об этой башне. Почему ее все так боятся? Вернее, все, кроме леди Ули, если ее спокойствие не деланное, конечно... И, если уж речь зашла: что ты-то тут делаешь? Зачем разбираешь эту стену? Работы, как я погляжу, непочатый край.

— Да, эту работу мне и к следующей зиме не закончить, это я уже понял, — печально согласился дворецкий. — Но госпожа Ули будет недовольна, если я начну болтать о том, что случилось в этой башне, — честно признался Тындук Рэрэ. — Ты бы лучше у нее самой спросил.

— А она ничего не хочет рассказывать. Только ревет как девчонка, — я пожал плечами. — Вообще-то, эта грешная башня не самое главное. Я сюда просто из любопытства забрел... Ты уже знаешь, что мой друг очень хочет разыскать Урмаго? Ну вот, а я решил ему помочь. Но пока не получается...

— А вам-то зачем искать Урмаго? — опешил дворецкий.

И мне пришлось в очередной раз выкладывать замысловатые подробности касательно последней воли покойного Хурумхи Кутыка. Тындук слушал меня внимательно и напряженно, словно от моих слов зависела его судьба. Впрочем, так оно, наверное и было — в каком-то смысле...

— Вот оно как, — сказал он, когда я умолк. — Ничего удивительного: Урмаго всегда был любимым сыном старика, а уж тот умел отличить спелую пумбу от червивого ореха!

Я хмыкнул, облагодетельствованный свежей пейзажной метафорой. Мой собеседник, тем временем, что-то усердно обдумывал, печально уставившись на свои ухоженные, как у столичного придворного — это при его-то работенке! — руки с удивительно длинными сильными пальцами.

— Скажи мне, только честно, — неожиданно попросил он, — ты очень хороший колдун? Или кроме как камни сжигать, ничего больше не умеешь?

— Не только это, — я не удержался от снисходительной улыбки. — А вот хороший я колдун, или плохой — не знаю. Смотря что нужно сделать. Что я точно хорошо умею, так это убивать и уговаривать... вернее, заставлять людей делать все, что я прикажу. Ну и еще кое-что по мелочам, — добавил я, рассудив про себя, что докладывать этому почтенному человеку о своих успехах на поприще путешествий между Мирами, пожалуй, не стоит.

Некоторое время он смотрел на меня испуганно и недоверчиво, потом понял, что я не собираюсь демонстрировать свою силу прямо сейчас и немного расслабился.

— Значит, ты уговаривать умеешь... — тихо, как бы про себя повторил он. — Что ж... конечно, госпожа Ули будет очень недовольна, если я проболтаюсь, но я обещал покойному Хурумхе заботиться обо всех его детях!

Мое сердце бешено заколотилось о ребра. Я сразу понял, к чему идет дело, и теперь старался не дышать — чтобы не спугнуть откровенное настроение своего собеседника.

— Урмаго не пропал, — почти беззвучным шепотом сказал дворецкий. — Он здесь.

— В доме? — изумленно выдохнул я. — Что, его Маркуло в подвале прячет? Или?..

— Да нет, господин Маркуло ничего не знает. Думает, его брат просто загулял —

так ведь уже бывало... Он, конечно, молит теперь всех духов леса, чтобы Урмаго не нашел дорогу домой. Очень уж не хочет с ним делиться! Но господин Маркуло никогда не стал бы причинять зло своему брату. Может быть, ты и твой друг сочли моих господ плохими людьми, поскольку с вами они очень уж недружелюбны... Но все члены семьи любят друг друга, хоть и не всегда могут ужиться под одной крышей. И господин Маркуло не исключение. Он любит своих братьев и свою сестру, и прочих родичей, хотя по нему и не скажешь, наверное...

— Да, пожалуй ты прав, — согласился я, вспомнив, каким несчастным выглядел Маркуло, растерянно застывший над мертвым телом пропойцы Пуреха. А ведь я бы на его месте, пожалуй, в пляс пустился!

— Так где же Урмаго? — нетерпеливо спросил я. — Ты сказал...

— Да, господин Урмаго по-прежнему здесь. В этом доме, — подтвердил дворецкий. — В этой самой башне, будь она неладна!

— Да где же он? — я уже ничего не понимал.

— В стене, — угрюмо сообщил Тындук. — Он в стене, так уж вышло. Поэтому я и рискнул навлечь на себя гнев госпожи Ули и рассказал тебе все начистоту. Если уж ты умеешь уговаривать — может, ты как-нибудь уговоришь его выйти? А то госпожа Ули велела мне разобрать все стены в надежде, что ее брат найдется... но она и сама не слишком верит, что у нас что-то получится. Он ведь стал бестелесным, как лесной дух, и теперь может просто спрятаться в одном из камней, это и мне понятно!

— А как он туда попал? — ошеломленно спросил я. — Его заколдовали? Но кто?

— Может, и заколдовали, а может, сам наворожил невесту чего, — дворецкий пожал плечами. — Дело темное! Могу тебе сказать одно: Урмаго и Ули все время учились ворожить. У госпожи Ули куда лучше выходило: она-то постарше, да и пошла в свою бабу, а старая Фуа в ее годы была грозной ведьмой! Но Урмаго очень старался не отстать. Он ведь был упрямый, как его отец... А ворожить они любили в этой башне. И вместе сюда ходили, и поодиночке. И вот однажды оба не пришли завтракать. Я, ясное дело, отправился их разыскивать. И нашел только Ули. Она сидела в этой самой башне и плакала — так плакала! А когда я стал ее расспрашивать, сказала только одно: "Урмаго теперь живет в стене, и я не знаю, как его оттуда выманить". А потом спохватилась и взяла с меня клятву, что я никому не расскажу. Она ведь надеялась, что сумеет его выручить. Ходила сюда каждую ночь, ворожила так, что камни кричали как голодные младенцы, а дом сотрясаясь до основания — хорошо хоть не рухнул! С тех пор все остальные домочадцы боятся этой башни больше, чем прогулки по вурдалачьему кладбищу в полнолуние. Я-то знал, в чем дело, но госпожа Ули строго запретила мне их успокаивать. Она почему-то не хотела, чтобы кто-то из домашних узнал правду про Урмаго... Да, так вот: с колдовством у нее ничего не вышло. И вот сегодня пришла она ко мне и говорит: "Я все перепробовала, ничего не получается, давай стену разбирать!" Вот я и разбираю... Ну что, как думаешь: ты сможешь уговорить его выйти?

— Надо попробовать, — вздохнул я. — Вообще-то, я имел в виду немножко другое: мне, знаешь ли, надо видеть перед собой человека, которого я собираюсь "уговорить", а вашего Урмаго хрен увидишь... Ну да ладно! В любом случае, хорошо, что ты мне все рассказал. Сейчас подумаю, что тут можно сделать...

— А можно? — с надеждой спросил дворецкий.

мутном потоке чужого отчаяния, а я начал действовать — наверное потому, что это был единственный способ не обезуметь окончательно и бесповоротно.

Повинуясь какому-то дикому, неконтролируемому порыву, я вскочил на ноги и бросился вперед, к стене, ничего не соображая, не представляя даже, во что именно я намерен погрузиться: в настоящую твердую каменную кладку, или в постепенно оживающие обрывки чужих воспоминаний о событиях прошлого. Уже позже я оценил, насколько точно было выбрано время для моего безрассудного прыжка: в тот самый момент настоящее стало мягким и податливым, так что сквозь него можно было нащупать прошлое... а я взял такой хороший разгон, что с треском разорвал истончившуюся ткань реальности. Я не настолько силен в теории, чтобы убедительно объяснить, что со мной произошло. Знаю только, что каким-то образом я слился с собственным видением и повторил нелепое, но чудесное путешествие Урмаго, затеянное его неугомонной сестренкой — к этому моменту я уже не сомневался, что именно ее алчное любопытство подгоняло эту парочку юных чародеев-любителей. Ребята хотели научиться проходить сквозь стены, и это им, можно сказать, почти удалось. Ровно наполовину.

В человеческом языке нет слов, подходящих для того, чтобы адекватно описать мои тогдашние ощущения. Исчезли все привычные системы координат: больше не было времени, и поэтому иногда мне кажется, что я оставался пленником стены целую вечность, хотя вряд ли секундная стрелка часов, если бы таковые имелись в моем распоряжении, успела бы совершить свой коротенький прыжок от одного деления к другому. Не было даже пространства в привычном понимании этого слова. Можно сказать, я сам стал пространством, и в то же время четко осознавал, что мое тело больше не занимает никакого места — даже крошечной точки размером со след ангела — одного из тех, мириады которых способны поместиться на кончике иглы, если верить весьма спорным гипотезам неумняемых средневековых теологов.

Самое удивительное, что мне совсем не было страшно. Вообще-то, я — отнюдь не величайший герой всех времен и народов. Как был ходячим хранилищем разнообразных фобий, так им и остался. Многочисленные передраги, в которые мне доводилось влипать с удручающей регулярностью, не прибавили мне храбрости, скорее уж наоборот: иногда я вздрагиваю, заметив, как своевольно шевелится в дальнем углу комнаты моя собственная тень — слишком уж независимыми от моей воли кажутся мне ее движения! Теперь-то я совершенно точно знаю, что окружающий мир — еще более опасное место, чем это может показаться поначалу... Но тут я оставался спокойным и вялым, как пляжник, задремавший на солнышке после пары бутылок пива. Я даже не пытался что-либо сделать, а просто наслаждался совершенно новым для меня чувством глубокого покоя, который — я почему-то знал это без тени сомнения! — был окрашен в ровный сумрачно-серый свет.

И еще я знал, что я здесь не один. Интеллектуальное знание того факта, что где-то в этой стене должен находиться пропавший Урмаго, в тот момент не имело никакого значения. Его присутствие не было для меня благополучно доказанной логической теоремой. Я просто ощущал близкое присутствие такого же существа, как я сам — странного сгустка бесконечности и неописуемых ощущений. Каким-то образом я подобрался к этому сгустку: меня побуждал к этому слабый,

трудностей не испытывал, даже когда выбирал в качестве объекта огромный обеденный стол, или свое монументальное кресло, явно рассчитанное на задницу великана. Очевидно, и в этой области я оставался оригиналом: то ли давало себя знать мое нездешнее происхождение, то ли приносила пользу моя принадлежность к загадочному отряду млекопитающих под названием "Вершители" — признаться, я не слишком над этим задумывался. Получается — и хвала Магистрам, чего еще желать-то... Но вот разговорить целое жилое строение, или хотя бы его часть, вот как эту стену, например — такой фокус мне до сих пор не удавался. Впрочем, я и не очень-то пытался, если честно. Безуспешно попробовал пару раз "объясниться начистоту" со своим домом, и бросил, заключив, что сие чудо мне пока не по зубам.

Но теперь все было иначе. Мне не пришлось прилагать никаких усилий, не понадобилось проявлять некое подобие инициативы. Какое там: я даже не успел подумать, что следует попробовать. Целый ворох ярких картин, чужих воспоминаний о недавних событиях, обрушился на меня, как гряда конфетти и серпантина на гостя, немного опоздавшего к началу карнавала: он, вроде бы, знает, что это непременно случится — какой же карнавал без цветной мишуры! — но совершенно не готов к тому, что все произойдет так быстро. Это было не слишком похоже на знакомую мне процедуру. Кадры сменяли друг друга с такой скоростью, словно это был слайд-фильм, демонстрировать который взялся какой-нибудь непоседа, да еще и сразу после солидной внутримышечной инъекции адреналина. Последовательность событий явно не соответствовала реальному ходу вещей, зато кадры были хороши, словно над ними поработал опытный оператор: я видел то наполненные страхом и безумной тоской глаза юной ведьмочки Ули, в отчаянии заламывающей тоненькие руки, то немного испуганную, но все еще легкомысленную улыбку на круглом румянном лице ее невезучего братишки Урмаго, то их обоих сразу — две копны волос, черных и каштановых, склонившихся друг к другу, две пары пересохших от волнения губ, с которых срывался горячий шепот: чужие, незнакомые мне слова заклинаний.

А потом, в самом конце, уже совершенно обалдевший от переизбытка драгоценной информации, я увидел главный эпизод этого длинного и почти бессвязного "фильма". Урмаго с закрытыми глазами и улыбкой лунатика медленно пересекал комнату по узкой сияющей тропинке на пыльном полу — или это был просто бледный лунный луч, пробравшийся в башню сквозь полуприкрытые ставни крошечного окна? Он подошел к стене и плавным, удивительно красивым движением погрузил широко разведенные, словно открытые для объятий, руки в камень, который вдруг утратил свою обычную структуру — теперь стена дрожала и переливалась в тусклом свете далекой луны, как будто была сложена из застывших как желе, но еще не затвердевших сгустков темной тягучей жидкости. Передо мной на мгновение мелькнуло лицо Урмаго крупным планом, отрешенное, счастливое и в то же время откровенно безумное, как у одержимого. И наконец, я увидел последний кадр: парень погрузился в стену целиком, увяз в ней всем телом, и только тогда, очевидно осознал, что происходит, испугался и отчаянно забился, задергался всем телом, как мошка, увязшая в смоле, которая когда-нибудь станет янтарем. Мое чуткое второе сердце, будь оно неладно, взвыло, переполнившись его паническим ужасом и сокрушительной тоской живого тела, которое внезапно осознало собственную роковую уязвимость... Мой разум умолк, захлебнувшись в горьком

— Если он еще жив, то наверняка, — твердо сказал я. — Кстати, а он жив? Что Ули по этому поводу думает?

— Она говорит, что жив. Сердцем, дескать чувствует, — вздохнул дворецкий. — Ее бы устами, как говорится...

— Что ж, будем надеяться, что сердце ее не обманывает, — бодро заключил я. — Пока человек не встретил свою смерть, безвыходных ситуаций не бывает, поверь моему опыту! Впрочем, я однажды даже с того света одного дядю приволок — другое дело, что его это не слишком обрадовало... Если не получится у меня, позовем на помощь моего друга. А не сможет он, мы сюда и подмогу из Тайного Сыска вытащим!

— И что, ваши коллеги поедут в такую даль, чтобы помочь чужому человеку? — изумился он. — Урмаго ведь даже не житель Соединенного Королевства — на кой он вам сдался?

— Пустяки все это, — отмахнулся я. — Да будь он хоть из Куманского Халифата, этот счастливец! Грех это — оставлять человека в стене. Другое дело, если ему самому нравится там сидеть, но я здорово сомневаюсь, что это действительно такое уж великое удовольствие. Ничего, если выяснится, что в этой стене он был счастлив как никогда прежде, залезет обратно, дурное дело нехитрое... Ох, зря, конечно, Ули нам сразу не сказала, в чем дело!

— Ей и в голову не приходило, что от вас можно ждать помощи, — пожал плечами дворецкий. — Наверное, она не знала, что вы такие хорошие колдуны. У нас тут все думают, что угуландцы только у себя дома на что-то способны, а как уедут подальше, даже детей пугать не годятся... А еще вполне могло статься, она решила, что вы только навредите Урмаго. Знаешь, ведь когда стало известно, что к нам едет наследник, в этом доме о твоём друге говорили только как о злейшем враге.

— Оно и понятно, — вздохнул я. — Господин Маркуло — великий пропагандист, это я уже заметил! А ты почему рискнул мне довериться?

— Иногда надо рисковать, — просто ответил он. — Особенно в тех случаях, когда уверен, что хуже уже не будет... К тому же, Маркуло молод и не разбирается в людях — мало ли, что он там о вас говорит! Я привык доверять своему чутью и своему опыту. Ну а мне вы оба показались просто странными чужаками, возможно, действительно не слишком добродушными, но уж никак не алчными злодеями...

— Спасибо на добром слове, — улыбнулся я. — Ладно, давай немного помолчим. Мне надо подумать.

Тындук кивнул и принялся за работу. Впрочем, я заметил, что теперь он отковыривал очередной камень без особого энтузиазма — скорее просто потому, что это было какое-то занятие. Очевидно, дядя верил в мои возможности. Да я и сам в них верил. Как-то привык в последнее время, что для меня нет ничего невозможного. Казалось, надо только понять: с чего начать, а там все как-нибудь само собой получится... Ох, я уже устал скорбно вопрошать после каждой очередной передрыжки: где была моя голова, дырку над ней в небе?! Очевидно, имеется такое специальное, совершенно недоступное место, в котором эта никчемная часть тела просто обожает находиться подолгу...

Впрочем, прежде, чем отправиться на незаслуженный отдых, мой угасающий разум все-таки дал мне пару полезных советов. Разумеется, я понимал, что мне следует немедленно послать зов Шурфу, чтобы обрадовать его неожиданным

успехом моего расследования и избавить от дурной работы. Теперь и коню ясно было: парень напрасно старается, пытаюсь спровоцировать на задушевную беседу многочисленных Кутыков, которых и пересчитать-то трудно, не то что опросить. Ни черта они ему не скажут — хотя бы просто потому, что действительно не знают. Но... мало ли, что я там "понимал"! Во мне вдруг разбушевался мой старый знакомый: малоприятный хвастливый тип, который просто обожает повергать окружающих в изумленный восторг. Стоило только представить, как я выйду во двор в сопровождении благополучно извлеченного из стены Урмаго и скромно скажу: "а вот и мы", и все мои благие намерения испарились — наверное, отправились на ту самую легендарную дорогу в ад, которая ими, вроде бы, вымощена... Ох, наверное, я никогда не повзрелею!

И еще мой угасающий рассудок слабым шепотом посоветовал мне послать зов Джуффину и попросить у него совета... Ну конечно, мне следовало это сделать! Но мне словно вожжа под хвост попала. Я вдруг решил, что невелика честь сделать все по подсказке мудрого дяди Джуффина. И так, дескать, вечно чуть что — сразу бегу к нему за советом... Маниакальное желание доказать всему миру, что я и сам чего-то стою, разрывало меня на части. Куда запропастилась моя хваленая отрешенность, что стало с моим умением прислушиваться к тихому шепоту своего мудрого сердца?! Вообще-то, я уже давно заметил, что ни могущество, ни даже опыт отнюдь не всегда спасают представителей рода человеческого от внезапных приступов непроходимой глупости — просто помрачение какое-то находит, честное слово!

Оставалось понять, что именно я могу сделать в такой ситуации. Прежде мне никогда не доводилось извлекать из каменных стен живых людей. Более того: мне и в голову не приходило, что они могут как-то туда попадать! Некоторое время я пытался спокойно обдумать свои дальнейшие действия, а потом, по примеру генерала из старого анекдота решил: "а чего думать — прыгать надо". И "запрыгал". Для начала я попросил дворецкого покинуть помещение. Я еще и сам толком не знал, с чего начну, но рассудительно решил, что от несчастных случаев лучше застраховаться. Хватит на сегодня в этом доме и одного покойника! Тындук Рэрэ поспешно исполнил мою инструкцию. Я мог спорить на что угодно, что он не откажется от возможности подсматривать за моими действиями в замочную скважину: уж больно откровенное любопытство было написано на его лице. Ну да, я думаю! Ни на секунду не сомневался, что показательные сеансы Угуландской магии здесь, в горах Графства Хотта, зрелище редкостное.

Я остался один и для начала метнул в стену свой Смертный Шар. Честно говоря, я на него очень рассчитывал. Я уже как-то привык, что это оружие, странная природа которого до сих пор оставалась загадкой для меня самого, никогда не подводит. До сих пор Смертные Шары помогали мне не только — и не столько! — убивать, моей странной силы хватало на то, чтобы развязывать язык мертвецам и исцелять смертельно больных, снимать заклятия с очарованных и изменять свойства волшебных предметов, созданных куда более могущественными колдунами, чем я сам. В свое время мне удалось подчинить своей воле даже воды Хурона — кто бы мог подумать, что можно "пристыдить" реку?!

Но на сей раз меня подстерегала неудача, банальная, нелепая и потому непереносимо досадная. Маленький стусок пронзительного зеленого света ударился о стену, стал большим, тусклым и прозрачным и наконец исчез. Вообще-

то, мне следовало предвидеть, что этим кончится: все правильно, так происходило всегда, когда я имел дело с обыкновенными неодушевленными предметами... А я-то думал, что если уж Урмаго действительно сидит в стене, значит и сама стена заколдована — следовательно, с ней можно договориться. Ошибочка вышла!

Я взволнованно прошелся по пустой комнате, сосредоточенно потирая лоб кулаком — как будто это действительно помогало мыслительному процессу! Никаких новых идей у меня не было и посещать меня они явно не собирались. Признаться, я так рассчитывал на помощь своих безотказных Смертных Шаров, что теперь был совершенно выбит из колеи. "Попробовать встать на его след, что ли?" — вяло подумал я. И сразу же отказался от этой идеи: Урмаго пропал не сегодня, и даже не вчера, так что вряд ли я сумею нащупать его след. А даже если сумею — где гарантия, что бедняга переживет такое издевательство над своим организмом?

— Нет, дружище, — вслух сказал я, прислоняясь спиной к холодной каменной кладке, — мыслителя из тебя явно не получилось. Это тебе не ядом плеваться!

Все-таки, я не был безнадежно сумасшедшим. Кое-как смирившись с позорным провалом на поприще героя-спасателя, я снова подумал о том, что мне следует позвать на помощь Лонли-Локли. Я уже почти собрался послать ему зов Но... черт, иногда я становлюсь таким азартным, что самому страшно делается! К тому же моя новая идея действительно была не так уж плоха. "Еще одна попытка, — решил я. — А потом пошлю зов Шурфу, и гори все огнем..."

Просто до меня наконец-то дошло, в чем была моя ошибка. "Ха! Подожди себя хоронить, парень! — восхитился я. — Сначала попытаемся выяснить, как все было на самом деле!"

Мне стало немного стыдно: я так увлекся поиском решений, что даже не удосужился выяснить, как все было на самом деле. Учинить допрос какому-нибудь предмету обстановки, и дело с концом. Самое смешное, что именно за этим я сюда сначала и пришел, голова дырявая!

Я тут же уселся на пол, прямо там, где стоял. И немедленно взялся за дело. Мне пришло в голову, что один из камней, только что извлеченных из стенной кладки — наилучший свидетель, какого только можно пожелать. Возможно, он расскажет мне не только о том, что происходило в башне в ту злополучную ночь, но и сообщит некоторые подробности о существовании господина Урмаго внутри стены.

Сначала меня постигло еще одно разочарование: камень наотрез отказался "давать показания". Он, если можно так выразиться, вообще не шел на контакт. Через десять минут я взмок от напряжения, но так и не увидел ни одного эпизода, имевшего место в этом грешном помещении. Вконец раздосадованный, я наконец оторвал свой взор от камня и сердито уставился на противоположную стену — не потому, что обнаружил там что-то интересное и вообще без каких-либо задних мыслей, просто потому, что она была напротив. И вот тут у меня наконец получилось, да еще как!

Не так давно сэр Джуффин мимоходом заметил, что тому, кто хочет узнать "прошлые вещей", лучше всего остановить свой выбор на небольшом предмете. Чем меньше его размеры, тем, дескать, легче добиться результата. Затеять дискуссию на эту тему я тогда не стал — не до того было. Но признаться, я был изрядно удивлен, поскольку не раз развлекался на досуге, учиняя "допрос" мебели в собственной гостиной, чтобы выяснить, что творилось дома в мое отсутствие. И никаких особых

себя, любимого. Хотелось, конечно, но я был вполне способен повременить до утра. Впереди была почти вечность, целых два дня блаженного безделья!

Стыдно признаться, но ничего оригинального я так и не придумал, а посему просто отправился погулять с Друппи. Мой пес был совершенно счастлив, а я вообще не дурак побродить пешком по ночному городу, поэтому прогулка затянулась надолго — чуть ли не полночь. А вернувшись домой, я застал в своей гостиной Малое Тайное Сыскное войско, почти в полном составе: страшный сон уловника, да и только! Отсутствовали, собственно говоря, только Джуффин и сэр Кофа Йох. Оно и понятно: шеф на меня уже насмотрелся, а Кофа просто не мог бросить на произвол судьбы весь город — ради какой-то дурацкой вечеринки, на которой совершенно нечего вынюхивать, поскольку о ком, о ком, а уж о нас этому хитрецу давным-давно известно куда больше, чем нам самим, я полагаю... Все-таки, он человек старой школы!

Мелифаро удобно устроился в центре стола. Он сидел там, скрестив ноги по-турецки, и отчаянно боролся с какой-то запечатанной сургучом бутылочкой. На меня он сначала не обратил никакого внимания — у этого парня вообще очень своеобразная манера ходить в гости. А когда все-таки обратил, воздел глаза к потолку и тоном мученика заявил: "никуда от тебя не денешься, Ночной Кошмар!" Луукфи Пэнц на сей раз не стал встречать меня восторженным воплем: "О, и сэр Макс тут, какая неожиданность!" — но было заметно, что он приятно удивлен моим приходом. Полагаю, он опять забыл, что это — мой дом, а не случайно выбранный трактир. Нумминорих тут же принялся теребить Друппи, через минуту эти двое уже носились друг за другом по всему дому, и я бы не взялся определить, чья деятельность была более разрушительной. Впрочем, я уверен, что Нумминорих, как "царь природы" все-таки превзошел своего брата по разуму в искусстве переворачивания мебели. Сэр Шурф удобно устроился в своем любимом кресле с кружкой в руках — единственный человек, который удосужился со мной поздороваться! Впрочем, он сделал это столь торжественно, что мне вполне хватило. Меламори тоже была тут, сидела, как ни в чем не бывало, раскачиваясь в кресле-качалке, недавно сделанном столичными умельцами по моему заказу — я с детства мечтал о таком и не смог смириться с тем фактом, что в этом мире до изобретения кресла-качалки пока никто не додумался! Она лукаво посмотрела на меня — очевидно, чтобы я не сомневался, что эта вечеринка ее рук дело — и продолжила о чем-то шептаться с Кекки. Хотел бы я знать, о чем можно шептаться в мире, где для секретных разговоров существует Безмолвная речь?! Прислушавшись, я понял, что барышни развлекаются свежими анекдотами про генерала Бубуту — настолько неприличными, что я не решаюсь их процитировать. Неудивительно, что они шептались!

— Это что, совещание? — весело спросил я.

— Нет, Макс, это просто вечеринка, — совершенно серьезно возразил Шурф. — Для совещаний существует Зал Общей Работы в Доме у Моста...

— Спасибо, что сказал, теперь буду знать, чем совещание отличается от вечеринки, — улыбнулся я. — Очень важно правильно выбрать место!

— И время, — неожиданно вмешался Луукфи, застенчиво улыбаясь. — С утра, например, вечеринку не устроишь, как ни старайся.

— Почему же? — возразил я. — Если не спать всю ночь, то запросто!

понимаешь, почему он держал свои умения в тайне? Никто не захочет жить под одной крышей с человеком, который в любой момент может подчинить тебя своей воле. Собственно говоря, он неоднократно это проделывал, просто вы не замечали.

— Прodelывал, говоришь? Что ж, может быть... — Ули надолго задумалась. Очевидно, припоминала многочисленные ситуации, которые теперь представляли перед ней в совсем ином свете.

— А сейчас он где, этот "чернокнижник"? — встревоженно спросил я Шурфа. — А то, того гляди, со скрипом откроется окно, и к нам пожалуют все персонажи зачитанного тобою до дыр Стивена Кинга... и теплая компания Иствикских ведьм заодно! Ты как хочешь, а я пас. С меня хватит, по крайней мере, на сегодня...

— Все в порядке, Макс, — флегматично отмахнулся Шурф. — Господин Маркуло нас не побеспокоит. Я позаботился об этом еще часа два назад...

— Позаботился? — переспросил я. И испытующе посмотрел на своего друга: неужели этот "толстоцев" все-таки изменил своим миротворческим принципам и испепелил Маркуло? Что-то не верилось...

— Господин Маркуло в настоящий момент с удобствами расположился в подвале, — пояснил Шурф. — Единственный ключ от двери находится у меня, и я отдам его госпоже Ули не раньше, чем мы с тобой соберемся в дорогу. Что будет с ним дальше — не моя забота. Я полагаю, что члены семьи должны сами решить его дальнейшую судьбу. В конце концов, нас с тобой это не касается: если бы он являлся гражданином Соединенного Королевства, я был бы обязан доставить его в Канцелярию Скорой Расправы, а так... — он пожал плечами и добавил:

— Но, как видишь, я принял меры, чтобы до нашего отъезда в этом доме было спокойно. Во-первых, господину Урмаго требуется полный покой, а во-вторых, мне тоже показалось, что с тебя пока хватит.

— Святая правда! — усмехнулся я.

— Так что, Маркуло насылал на вас какие-то наваждения? — озабоченно спросила Ули. — Да, вот уж чего я от него никак не ожидала! Презирала его даже немного: дескать, так пыжится, а на деле ничего толком не умеет...

— Ну, с этой точки зрения твой старший брат достоин скорее глубокого почтения, я тебя уверяю! — с неподражаемой, почти незаметной иронией сказал Лонли-Локли. — Но он насылал наваждения не только на нас, имей в виду! Насколько я понимаю, почти вся ваша семья плясала под его дудку. Ну, положим, что касается тебя и Урмаго — он мог, разве что, испортить вам настроение, не больше. И еще, как мне кажется, брат вашего отца, господин Тухта, не слишком подпал под его влияние... хотя, тот факт, что он побаивался открыто брать со стола еду для собаки, говорит о том, что некоторую власть Маркуло над ним все-таки имел. А вот с отцом Маркуло пришлось по-настоящему тяжело. Покойный господин Хурумха сам был неплохим лесным колдуном. Поэтому он так и не написал завещание в пользу Маркуло — даже перед самой смертью, когда силы уже почти оставили его. Можно сказать, в свои последние дни старик выдержал невообразимо тяжелую борьбу. Теперь я хорошо представляю, как это было: ваш отец не раз брался за перо и бумагу, но его непокорная рука все время выводила имя "Маркуло" — вместо Урмаго, которого он твердо решил сделать хозяином дома. Приходилось сжигать документ и начинать сначала. Дело кончилось тем, что господин Хурумха вовсе не оставил завещания. И кстати, отмечу, что благодаря этому эпизоду он

окончательно узнал цену своему старшему сыну! Так что умирая, старик очень беспокоился обо всех членах семьи, особенно о вас с Урмаго — вы же были его любимцами, верно?

Ули печально улыбнулась и кивнула.

— Да. Отец всегда говорил нам, что мы должны стать хозяевами в его доме, когда его не станет... Ну, вообще-то, когда я подросла, он почему-то решил, что я рано или поздно выйду замуж и уеду, поэтому в последние годы его жизни все обещания доставались одному Урмаго. Знаете, кроме всего прочего он был очень похож на маму, наверное поэтому отец так к нему привязался... Но для нас двоих не имело никакого значения, одно имя будет упомянуто в завещании, или оба. Мы с ним с детства привыкли делиться: что твое, то мое, и точка!

— Ну вот, — кивнул Шурф. — Как я уже сказал, вашему отцу так и не удалось составить завещание. Эта проблема настолько его угнетала, что после смерти он стал неприкаянным призраком и оставался таковым, пока не придумал выход: позвать на помощь меня. Думаю, при жизни он немного интересовался делами дальних родственников и был в курсе, что его племянница вышла замуж за жителя Ехо, к тому же, весьма сведущего в магии. Я представлялся ему идеальным союзником: слишком богат, чтобы польститься на его имущество, слишком занят своими делами, чтобы иметь возможность переехать в графство Хотта, да еще, к тому же, слугитель закона. К тому же, я не из тех, кто способен отмахнуться от просьбы мертвеца — наверное это тоже принималось во внимание...

— Но я по-прежнему не понимаю: почему все-таки отец завещал дом тебе а не Урмаго? — спросила Ули. — Думаю, Маркуло больше не мог ему помешать, верно?

— Ну, положим, в завещании были упомянуты мы оба. К тому же, твой отец тоже весьма хитер, — снисходительно ответил Шурф. — И в то же время, он не был застрахован от ошибок. Он знал, что Урмаго куда-то исчез. В то же время, он был уверен, что тот все еще жив. Разумеется, Хурумха подозревал, что это — очередная интрига Маркуло. Его можно понять: когда в доме живет такой человек, очень трудно считать исчезновение его основного конкурента обычной несчастливой случайностью. Поэтому он решил напугать всю семью: сначала прислать к вам наследника, чтобы вы распрошались с мечтами о безбедной жизни в этом доме, и только потом сообщить, что Урмаго — ваш единственный шанс. Господин Хурумха рассчитывал, что в таких обстоятельствах Маркуло благоразумно предпочтет вернуть Урмаго на место в целостности и сохранности. Теперь у меня есть некоторые основания полагать, что он ошибался: утром я беседовал с Маркуло и достаточно откровенно объяснил ему, как обстоят дела. Велел ему объяснить остальным членам семьи, что найти Урмаго в ваших общих интересах. Вместо этого он тут же внушил бабушке, что она должна приняться за изготовление очередной ловушки... Ты уж прости меня за откровенность, леди Ули, но твой старший брат удивительно глуп! Хитер, сообразителен, но при этом глуп настолько, что поначалу я не мог в это поверить. Все время пытался найти какие-то тайные, скрытые мотивы его поведения...

— Сообразителен, и в то же время глуп? — удивился я. — Дырку над тобой в небе, Шурф, а разве так бывает?

— Разумеется, — тоном нобелевского лауреата, вынужденного читать обзорную лекцию по термодинамике студентам-первокурсникам, откликнулся он. — Кстати,

— Мог бы и отвесить пару комплиментов усталому старику! — расхохотался Джуффин. — Я так старательно на них напрашивался! Ничего, сэр Макс, возможно, когда-нибудь и ты будешь с удовольствием прятать свою нахальную мальчишескую рожу под суровыми седыми бровями... Если доживешь, конечно! — ехидно добавил он. — А пока мой тебе совет: не отвлекайся на пустяки, пореже смотришь в зеркало, и все будет путем.

— Тогда я перестану бриться, — пригрозил я. — Через пару лет у меня будет борода, как у генерала Бубуты. Представляете, каким я буду душкой?

— Собственно говоря, меня всегда удивляло, что ты не пользуешься услугами цирюльников, — заметил Джуффин. — Или ты до сих пор не подозреваешь об их существовании?

— Подозреваю, — усмехнулся я. — Но не более того!

Шеф изумленно покачал головой и не поленился прочесть мне подробную лекцию о развитой сфере бытовых услуг в столице Соединенного Королевства. Главным выводом, который мне предлагалось сделать, была революционная, на мой вкус, идея, что этими самыми услугами можно пользоваться. Признаться, это до сих пор мне в голову не приходило...

Одним словом, о времени, смерти и праздниках мы больше не говорили. Просто трепались о пустяках. Иногда мне приходилось отвлекаться от болтовни и здороваться с некоторыми посетителями — с ума сойти можно, оказывается, я сам не заметил, как умудрился обзавестись такой кучей приятелей в этом славном местечке!

Словом, как бы я там не выпендривался со своими "декларациями независимости от памятных дат", а вечер получился очень милый. Именно о таких вечерах я мечтал когда-то в юности и вот — домечтался... В довершение ко всему, шеф заявил, что я омерзительно выгляжу, и пара дней Свободы от забот пойдет мне на пользу. Я открыл рот, потрясенный таким великодушием, да так с открытым ртом и отправился домой.

Добравшись до своего жилища, я уселся в гостиной и принялся составлять грандиозные планы на внезапный уик-энд. В последнее время я и дома-то ночевал редко — после нашего с Шурфом путешествия в Графство Хотта мстительный сэр Джуффин припахал меня столь основательно, что иногда мне начинало казаться, что всяческие мелкие злодеяния совершаются в Ехо по его личному поручению, и только для того, чтобы не дать мне перевести дух. Неудивительно, что сделав пару глотков сладкого воздуха свободы, я растерялся и никак не мог решить: чего, собственно говоря, мне хочется. Еще пару дней назад я бы непременно сделал вывод, что хочется только одного: спать, но сегодня я наконец-то умудрился выспаться, поэтому душа просила чего-нибудь более экзотического. Следующим пунктом программы, разумеется, должна была стать личная жизнь. Но с личной жизнью следовало повременить по крайней мере до завтра: только сегодня утром леди Меламори покинула меня с твердым намерением во что бы то ни стало переночевать дома. Больше всего на свете она боялась, что наш головокружительный роман когда-нибудь превратится в обыкновенную счастливую жизнь вдвоем. Ничего страшного, конечно, но у моей прекрасной леди аллергия на все "обыкновенное", даже на счастливую жизнь. У меня, впрочем, тоже, поэтому я решил не вламываться в ее дом, с настойчивостью мелкого коммивояжера предлагая

примете есть какая-нибудь особо мудрая муха с педагогическими талантами, можете меня ей представить.

— Один — ноль в твою пользу, — с удовольствием признал Джуффин, поднимая руки вверх, как несчастная жертва полиции в американском боевике. — И с чего это меня понесло читать тебе проповеди? Ты у нас уже давно такой взрослый, что страшно делается!

— Мне самому страшно делается, — пожаловался я. — Знаете, я ведь когда услышал, сколько вы тут живете, решил, что теперь еще долго буду оставаться до неприличия молодым. А недавно присмотрелся к своему отражению в зеркале — и на тебе! Какие-то дурацкие высокопарные складки у рта, какая-то скорбная морщина на лбу... Такой стал солидный дядечка, всего за несколько лет! А ведь мне долго удавалось выглядеть как мальчишка. Мои ровесники от зависти кисли!

— Просто смотришь пореже в зеркало, — пожал плечами Джуффин. — А еще лучше — вообще не смотришь, пока не научишься быть старым, или молодым по своему выбору, только и всего!

— Сэр Кофа понемногу учит меня менять внешность, но эта наука дается мне с трудом, — признался я.

— Я имею в виду другое, — покачал головой Джуффин. — Наш Кофа — великий мастер недолговечных иллюзий. Он может казаться молодым, или старым, толстым, или худым, мужчиной, или женщиной, но при этом он остается пожилым человеком с большим жизненным опытом за спиной. Кофа — всегда Кофа, в какие бы маски он не рядился. А я говорю о возможности выбрать себе возраст, который в настоящий момент кажется тебе наиболее удобным, и погрузиться в него — до тех пор, пока тебе не покажется, что пришло время стать другим. Ты ведь видел нашу Сотофу? Помнишь, как она выглядит на Темной Стороне и как — у себя в кабинете?

Я кивнул, с удовольствием вспоминая глубочайший эстетический шок, который испытал, когда на моих глазах пухленькая седая старушка превратилась в невероятную, ослепительную юную красавицу.

— Ну вот, можешь мне поверить: ее самочувствие тоже при этом меняется, — добил меня Джуффин. — Что касается здоровья — с этим у нее всегда в порядке, но молодая Сотофа обладает вспыльчивым характером и открытым сердцем, а пожилая — спокойствием, внешним добродушием и некоторой замкнутостью. Собственно говоря, отличий куда больше, я привел в качестве примера самые очевидные. Это очень похоже на те перемены, которые происходят во внешности и характере все того же сэра Кофы, когда он покидает Ехо. С той только разницей, что Кофа ничего не может с этим поделать, а Сотофа руководствуется то соображениями необходимости, то сиюминутным капризом — по всякому бывает...

— Ох, как все сложно устроено! — делано простонал я, демонстративно хватаясь за голову.

— Даже сложнее, чем тебе кажется, можешь мне поверить! — улыбнулся Джуффин.

— А вы? — осторожно спросил я. — Вы тоже выглядите таким образом только потому, что вам так удобнее?

— Ты имеешь в виду: выгляжу как старая развалина? — расхохотался Джуффин.

Он здорово преувеличивал, конечно: какая уж там "развалина"! Я даже не дал себе труда возражать, только укоризненно пожал плечами: и так все ясно!

ты сам являешься его полной противоположностью, сэр Макс. Ты весьма умен, но, увы, отнюдь не хитер. И, что еще хуже — не слишком сообразителен.

Я вопросительно поднял брови: дескать, это что еще за новости? С одной стороны, мне, вроде бы, отвесили изрядный комплимент, каковой тут же приправили солидной порцией нелестных отзывов.

— Видишь ли, Макс, я не собирался тебя хвалить, а уж обижать — тем более. Просто по моему глубокому убеждению, умным можно считать человека, способного видеть вещи такими, какие они есть, анализировать и сопоставлять факты, выявлять закономерности, принимать во внимание и постоянно обрабатывать новые данные и с известной вероятностью прогнозировать развитие того или иного события, — Лонли-Локли уже так увлекся изложением своей теории, что остановить его было совершенно невозможно. — Сообразительным же я называю того, кто способен быстро сориентироваться в каждой конкретной ситуации и обратить ее в свою пользу. О хитрости же свидетельствует в первую очередь умение временно дезориентировать окружающих, помешать им разобраться в истинных мотивах твоего поведения. Если мы вернемся к конкретному примеру, мы увидим: господин Маркуло довольно живо реагировал на происходящее, кроме того, он сумел ввести нас с тобой в некоторое заблуждение на свой счет: я ведь тоже поначалу был уверен, что твои детские страхи, которые сопровождали нас по дороге — дело рук леди Ули! Следовательно, Маркуло и хитер, и сообразителен. Но при этом он оказался совершенно не способен правильно оценить ситуацию в целом и уж тем более — спрогнозировать ее развитие. Он не анализировал свои ошибки и не делал никаких выводов. Как только одно неумелое покушение на наши жизни заканчивалось неудачей, он тут же затевал новое — чужими руками, разумеется. При этом он совершенно не принимал во внимание предыдущие ошибки — вот что удивительно! Признаться, меня до сих пор удивляет его прямолинейность, граничащая с безумием.

— Но Маркуло действительно немного безумен, — снисходительно улыбнулась Ули. — Когда мы были маленькими, это просто бросалось в глаза... Иногда, впрочем, с ним было весело — пока он не повзрослел! Маркуло всерьез полагал, что станет счастливым, если ему будет подчиняться как можно больше людей. Честно говоря, до сих пор я не придавала этому особого значения: посмеивалась над ним, и ладно...

— Да? Думаю, тебе не мешает узнать, что неконтролируемые перепады твоего настроения, по милости которых ты не раз ссорилась с Урмаго и творила немало других глупостей — дело рук твоего старшего брата, — серьезно сообщил ей Шурф. — Больше ему ничего не удавалось с тобой сделать, но это не значит, что он не хотел... Кстати, как ты думаешь, почему ваш средний брат Пурех был таким горьким пьяницей?

— Я думала, все дело в том, что он — болван, — сухо сказала Ули. — О мертвых плохо говорить не полагается, и все же...

— Просто Пурех был самым слабым в семье, — мягко сказал Шурф. — Маркуло проверял на нем свою силу еще тогда, когда они оба были подростками. Как я уже сказал, Маркуло весьма глуп, и поэтому не придумал ничего лучше, чем заставить своего брата пить все, что под руку подвернется... Ему нравилось, как ничего не подозревающий отец кричит на Пуреха, ему еще больше нравилось наблюдать, как

того начинают презирать все члены семьи...

— Но мы даже не подозревали, — растерянно сказала Ули. — И в голову никому не приходило... Мы думали, просто Пурех так неудачно уродился. Каюсь, я сама мечтала, как мы с Урмаго от него избавимся после смерти отца, прогоним его в лес, или отвезем куда-нибудь подальше, да хоть в Пустые Земли, потому что просто невозможно было и дальше жить с ним под одной крышей... Оказывается, мы могли бы расколдовать, да? А теперь он умер, и уже ничего не исправишь. Как все несправедливо! — и она тихо заплакала, уже который раз за этот день.

— Это правда, девочка, — спокойно согласился Лонли-Локли. — Справедливость не является непременным условием человеческого бытия.

— Ну, Маркуло! Экспериментатор, мать его! Гипнотизер хренов! — сердито сказал я, чувствуя, что еще немного, и гнев захлестнет меня с головой, так что я вряд ли смогу удержаться от искушения немедленно отправиться в подвал и разобраться с этой скотиной Маркуло: голыми руками придушил бы! Наверное, ребята, которые в свое время придумали суд Линча, отличались таким же неумным темпераментом...

— Остынь, Макс, — сухо сказал Шурф. — Нас с тобой эта история не касается. Я считаю своим долгом изложить факты леди Ули, которая представляется мне человеком, способным принимать решения и приводить их в исполнение. Не забывай: ты отнюдь не единственный человек во Вселенной, обладающий правом карать виновных. Строго говоря, такого права у тебя нет вовсе. По крайней мере, не здесь и не сейчас.

— Да знаю, знаю, — буркнул я. Я прилагал все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы успокоиться, и у меня, хвала Магистрам, понемногу получалось.

Шурф еще довольно долго рассказывал мрачной как туча Ули о том, как злодей Маркуло ловко управлял действиями бабушки и несчастных кузенов, которые и без всякой ворожбы боялись его как огня. С "позтом" Йохтумаппом у него вообще разговор был короткий: "не сделаешь, как я велю, срублю твоё любимое дерево!" А на таких условиях парень был готов не только вырастить в наших спальнях ядовитые кусты, он, я думаю, и в пеший поход на битву с Завоевателем Арвароха отправился бы беспрекословно. Этот странный тип любил деревья столь страстно и преданно, что я, пожалуй, даже представить себе не мог какого рода взаимоотношения их связывали...

— Да, чуть было не упустил еще одну интересную деталь, — добавил он, когда наша беседа уже близилась к концу: ночь за окном постепенно уступала свои права бледным предраусветным сумеркам, а мы с Ули затеяли своего рода состязание: кто глубже зевнет. — Знаешь ли ты, девочка, что твоё решение ни за что не рассказывать мне о том, что на самом деле случилось с Урмаго...

— Я уже и сама поняла, — перебила его Ули. — Тоже проделки Маркуло, да?

— Разумеется. Сам-то он действительно не знал, куда подевался Урмаго, и добросовестно объехал всех соседей в округе, разыскивая его — отчасти потому, что ему было положено проявлять признаки беспокойства, а отчасти потому, что он растерялся: как это — младший брат пропал накануне дележки наследства, и не по его вине?! К тому же, не было никаких гарантий, что Урмаго не вернется... А когда я сообщил ему, что намерен разыскать Урмаго, Маркуло запаниковал. Страх обострил его интуицию — так, кстати, часто бывает — и он вдруг почувствовал, что

— Разумеется, хватило, — невозмутимо возразил шеф. — Если бы ты любил такого рода праздники, я бы сделал все возможное, чтобы отбить у тебя к ним охоту. Но поскольку ты их активно не любишь — что ж, значит я просто обязан наглядно доказать тебе, что все не так страшно. Собственно говоря, активное неприятие любой традиции столь же очевидная глупость, как и приверженность ей. Верное решение всегда находится между "да" и "нет", ты и сам знаешь!

— Это правда, — неохотно согласился я. Собственно говоря, в глубине души я и сам всегда считал, что мое демонстративное горделивое невнимание к праздникам — такая же глупость, как наивный щенячий восторг моих прежних друзей по поводу приближающегося Нового года...

— А почему, собственно, столь неодобрительное отношение к юбилеям? — с любопытством спросил меня Джуффин. — Глупость, конечно, не спорю. Но на фоне прочих человеческих развлечений — вполне безобидная...

— Безобидная, наверное, — неохотно согласился я. — Просто у меня и без всех этих праздников всегда было очень острое чувство, что времени слишком мало. Я же вам говорил, сколько в моем мире живут люди?

— Лет семьдесят, — кивнул Джуффин. — Действительно очень мало. Такое ощущение, что судьба злонамеренно лишила твоих соотечественников единственного шанса хоть немного поумнеть: опыта.

— Вот-вот, — согласился я. — Меня все время грызло беспокойство: слишком мало времени! Настолько мало, что не имеет смысла рыпаться: все равно ничего не успеешь! А любой юбилей, или, скажем, Новый год — лишнее напоминание о том, как мало тебе осталось. Чем не повод для депрессии?!

— Да, знакомая песня, — невесело усмехнулся Джуффин. — Можешь себе представить: я не раз слышал ее и в этом Мире.

Я удивленно поднял брови.

— Как это? Здесь же люди триста лет живут, как минимум! А многие, насколько я знаю — ладно, не будем показывать пальцем! — гораздо дольше, — я лукаво покосился на своего шефа и добавил:

— Если разобраться, мы имеем дело с величайшей несправедливостью! Мы тут жрем отведенное нам время столовыми ложками в то время, как мои бедные соотечественники умирают "не успев прийти в сознание" — по меткому выражению одного из них.

— Человеческая жизнь — это вообще одна сплошная непрерывная несправедливость, — холодно заметил он. — В каком бы Мире ты не родился, можешь быть уверен: несправедливостей на твой век хватит, было бы желание их выискивать! И что с того? Да, триста лет — это действительно несколько больше, чем семьдесят. С другой стороны, семьдесят — гораздо больше, чем год. Знаешь, сколько живут мухи? И, насколько мне известно, еще ни одна муха не впала в депрессию...

— Так то мухи, — вздохнул я. — Не думаю, что мухам вообще свойственно впадать в депрессию...

— Выходит, людям есть, чему у них поучиться, — невозмутимо заключил Джуффин.

— А я и учусь помаленьку, — улыбнулся я. — Никаких депрессий, даже счастливая личная жизнь меня до сих пор не подкосила! Впрочем, если у вас на

Да не хмурься ты так, — насмешливо добавил он, — можно подумать, будто я наступил на твою любимую мозоль!

— Именно это вы и сделали, — проворчал я. — Это ведь что-то вроде дня рождения, а я надеялся, что с днями рождения покончено раз и навсегда.

— Мой старый учитель Махи не раз говорил тебе, что надежда — глупое чувство, — усмехнулся Джуффин. — А ты до сих пор все на что-то надеешься! Но тут тебе крупно не повезло, мой бедный сэр Макс: я считаю своим гражданским долгом регулярно разбивать твои многочисленные надежды, а посему...

— Только не говорите, что вы испекли мне пирог и воткнули туда полдюжины свечей! — фыркнул я. — Этого я точно не переживу!

— Ну что ты, мальчик! Во-первых, не такой уж я злодей, а во-вторых, искусство печь пироги никогда не было моим сильным местом, — он покинул кресло, потянулся до хруста в суставах и неожиданно объявил:

— Ну ее к Темным Магистрам, эту грешную службу! Пошли поужинаем в каком-нибудь славном местечке, на твой выбор. Признаться, у меня уже лет четыреста не было решительно никакой возможности почувствовать себя сентиментальным старым ослом!

— А четыреста лет назад вы себя таковым чувствовали? — я решил, что поймал шефа на слове.

— С известной регулярностью. Но тогда мне не доставало мудрости, чтобы получить удовольствие от этого чувства, — невозмутимо сообщил Джуффин. — А тут такой шанс!

Что касается меня, я тоже решил не упускать своего шанса. Воспользовался привилегированным положением "именинника" и затащил своего шефа в "Трехрогую луну". До сих пор предполагалось, что вынудить сэра Джуффина Халли поужинать где-либо, кроме "Обжоры Бунбы" совершенно невозможно, поэтому в глубине души я здорово рассчитывал на небольшой памятник у входа в очастливленное нами заведение. До новолуния оставалось еще несколько дней, а это означало, что никаких поэтических турниров там сегодня не намечается. В такие дни "Трехрогая луна" становится очень тихой и одной из самых милых забегаловок столицы: поэты там все равно собираются, что придает "Трехрогой луне" ни с чем не сравнимое очарование литературного салона, но стихов они не читают, что провоцирует посетителей на неторопливую болтовню ни о чем, вкусную, как "лунный танг" — гордость местного шеф-повара. Когда-то чуть ли не вся моя жизнь состояла из этой грешной болтовни, но теперь ее без преувеличений можно было назвать редкой роскошью, своего рода праздничным деликатесом.

— А с чего это вас пробило на празднование юбилеев? — подозрительно спросил я своего непредсказуемого шефа, как только мы определились с заказом. — Сколько здесь живу и что-то ни разу не заметил, чтобы кто-то отмечал какие-нибудь "знаменательные даты"!

— Ты не принимаешь во внимание, что я вот уже несколько лет изучаю обычаи твоей родины, — усмехнулся Джуффин. — И у меня хватило наблюдательности, чтобы заметить, что у вас это принято.

— А у вас, часом не хватило наблюдательности заметить, что у меня лично это совершенно не принято? — я уже понял, что мне не удастся казаться недовольным, и поэтому выговорил эту фразу с несоответствующей тексту растроганной улыбкой.

ты как-то причастна к этому делу. Вот и принял меры, чтобы твой рот оставался на замке — на всякий случай. Мне кажется, он больше всего на свете боялся, что мы и вправду разыщем вашу пропажу: тогда ему пришлось бы собственноручно убивать какого-нибудь, а все-таки брата...

— Да, — хмуро сказала Ули. — Это было странное ощущение: несколько раз я собиралась сказать вам правду — не потому что действительно так уж надеялась на вашу помощь, но утопающий хватается за любую соломинку, верно? И всякий раз, когда я открывала рот, на меня накатывала такая волна неприязни к вам обоим, что...

— Ну да, нечто в таком роде я и имел в виду, — согласился Шурф. И обернулся ко мне:

— Пошли спать, Макс. Все мы уже порядком устали, а закончить разговор можно будет и завтра. Надеюсь, и сам господин Урмаго будет в состоянии принять в нем участие.

— А жену свою ко мне тоже Маркуло присылал? — весело спросил я, с некоторым сожалением покидая уютное кресло. — Еще одно покушение? Она должна была э-э-э... как бы это сказать потактичнее — зацеловать меня до смерти, так, что ли?

— Вполне возможно, — равнодушно пожал плечами мой друг.

— А что, Мичи к тебе приставала? — рассмеялась Ули. — Знаешь, сэр Макс, я думаю, что в данном случае Маркуло тут ни при чем. Она ко всем мужчинам пристаёт, глупышка. Однажды Маркуло ее даже с Пурехом застукал!

На этой оптимистической ноте мы и расстались, пожелав друг другу хорошей ночи.

— Сегодня можем спать одновременно, я правильно понимаю ситуацию? — с надеждой спросил я Шурфа, когда мы добрались до своего домика. — Или все-таки лучше перестраховаться?

— Ну, хороший сторож никогда не помешает, — авторитетно заметил он. — Впрочем, сегодня с обязанностями охранников вполне справятся эти господа, — и он указал на двух совершенно довольных жизнью собак: моего Друппи и говоруна Дримарондо.

Черт, а я-то почти забыл об их существовании за этот бесконечно долгий день, начавшийся с котла яда на завтрак и закончившийся долгой и занимательной беседой с "ведьмочкой" Ули, которая на поверку оказалась весьма милой юной леди.

— Нас сегодня хорошо кормили, — гордо сообщил мне Дримарондо. — Как только твой друг посадил Маркуло в подвал, бабушка Фуа тут же вынесла нам котел мяса из кухни.

— Ну вот видишь, жизнь налаживается, — улыбнулся я.

Расходиться по спальням мы все-таки не стали: мало ли, что взбредет в голову тому же Йохтумаппу! А вдруг он решил, что теперь должен проделывать свой фокус с ядовитыми кустами каждую ночь... И вообще, осторожность еще никогда никому не вредила. Так что из одного огромного "вороньего гнезда" из перин и одеял мы быстренько соорудили два поменьше. Нырнув в одно из них, я понял, что жизнь еще прекраснее, чем мне казалось до сих пор. И все-таки прежде, чем заснуть, я задал Шурфу еще один вопрос, последний на сегодня:

— Скажи, а откуда ты все это узнал?

— Что именно? — сонно переспросил он.

— Ну, все, — растерянно объяснил я. — Про Маркуло, например. Как он приучил Пуреха к пьянству, как старый Хурумха по его милости не мог написать завещание, как он насылал на нас мои детские страхи, и про остальные подвиги этого гения... И еще ты говорил, что уже сам собирался отправиться в башню, поскольку понял, что Урмаго должен быть где-то там...

— Грешные Магистры, Макс, все так просто! — зевнул он. — Я хорошенько расспросил всех обитателей этого дома, как и собирался с самого начала. Сравнил их рассказы, подумал, сделал соответствующие выводы... Между прочим, этот маленький старик по имени Тухта всегда знал, что Урмаго и Ули используют башню для ворожбы, и кстати, видел, как они поднимались туда накануне его исчезновения. Было бы странно, если бы я не сделал соответствующие выводы... А что касается Маркуло, как я уже сказал, он очень глуп — и это не пустое оскорбление побежденного противника, а констатация факта. Этот человек никогда не умел по-настоящему прятать концы в воду. Просто его родственники не отличаются аналитическим умом, вот и все...

— Знаешь, я даже не это имел в виду, — вздохнул я. — Мне вот что интересно: как ты заставил их говорить правду?

— А, ну это оказалось еще проще, — отмахнулся Шурф. — Я выяснил, что мне достаточно строго смотреть в глаза своему собеседнику, чтобы у того пропала охота меня обманывать...

— Так просто? — изумился я. Потом представил себе, как должен выглядеть со стороны "строгий" Шурф Лонли-Локли и тихо рассмеялся. — Да уж, вообще-то ребят можно понять!

— Кстати, прежде я не знал о том, что могу заставить людей говорить правду, не пуская в ход ни магические приемы, ни свой авторитет профессионального убийцы, — удовлетворенно отметил мой друг. — Так что можно сказать, я действительно не без пользы провел время в этом доме. Да и ты тоже, насколько я понимаю, — не без некоторой иронии добавил он.

— Да уж, — вздохнул я.

Лонли-Локли не ответил. Кажется, он уже спал, и я с удовольствием последовал его примеру.

А когда я проснулся, комната была насквозь пронизана солнечными лучами, в которых плясали тысячи пылинок — хорошо, что Шурфа не было в комнате, он бы наверняка возмутился, увидев, как их много! Я подумал, что он наверняка отправился на последний тур переговоров с Кутыками и расплылся в счастливой улыбке, когда понял, что мне не обязательно включаться в этот процесс. Вообще-то, каждый человек вполне хорош, если правильно рассчитать дозировку — самые невыносимые типы могут оказаться почти душками, если видеть их один раз в три года и не дольше тридцати секунд кряду. Надо отдать должное Кутыкам: они оказались отнюдь не такими монстрами, как мне казалось поначалу, и все же я решил, что с меня хватит.

К моему величайшему восторгу, сэр Лонли-Локли придерживался такого же мнения. Он появился часа через два и как бы мимоходом заметил, что мы несколько загостились. Я был готов броситься ему на шею и зарыдать от восторга, честное слово! Но в последний момент решил, что практичнее будет заняться багажом: наши

Книга огненных страниц

В Ехо не принято праздновать дни рождения. Честно говоря, я вообще не уверен, что некоторые мои коллеги дают себе труд помнить, в какой именно по счету день года они впервые восхитили Вселенную своим испуганным ревом. До сих пор только сэр Мелифаро доверительно сообщил мне, что имел честь родиться на следующий день после принятия Кодекса Хрембера — то есть, в первый день Эпохи Кодекса. Впрочем, я ни разу не заметил, чтобы в этот день кто-нибудь таскал Дневное Лицо господина Почтеннейшего Начальника за уши, или водружал на его стол именинный пирог с доброй сотней свечей.

Мне нравился такой подход к делу: пока я был молод, глуп и охоч до праздников, мои собственные дни рождения всегда повергали меня в жесточайшую депрессию, вне зависимости от качества проведения этого ответственного мероприятия и количества участников. Веселился я в компании сорока веселых приятелей, или пил дешевое вино в подъезде с малознакомым угрюмым типом — какая разница! "Поздравляю, теперь ты еще на один шаг ближе к смерти, дорогуша!" — насмешливо говорил мне малоприветный, но мудрый тип, который с незапамятных времен снимает угол на окраине моего сознания, и всегда оказывается прав — сколько я себя помню. В конце концов, я просто перестал отмечать дни рождения. Через несколько лет я даже научился о них вспоминать. После того, как я покинул город, добрая сотня жителей которого держала в памяти сию знаменательную дату, и в моем доме перестали раздаваться поздравительные телефонные звонки, настойчивые, как мяуканье голодное кошки, проблема окончательно прекратила свое существование. Правда, оставался еще Новый год, но и с этим я справился, в очередной раз сменив место жительства. Следует отдать должное силе традиции: для того, чтобы отделаться от новогодних вечеринок, мне пришлось перебраться не в другой город, а в иной мир. Да, конечно, Последний День года существует и здесь, но никто не считает этот день праздником — разве что своеобразной точкой отсчета, днем, к началу которого все дела должны быть приведены в порядок. Думаю, эта традиция была придумана специально для лентяев вроде меня, которые обожают откладывать свои дела на некое неопределенное "завтра", которое, как они в глубине души надеются, никогда не наступит. Последний День года и есть это самое "завтра", которое все-таки наступает, поэтому нам поневоле приходится "подбирать полы своего лоохи, чтобы не споткнуться" — по меткому выражению сэра Джуффина Халли.

Все это я рассказываю, чтобы стало понятно: у нас, в Ехо, не придают большого значения отсчету времени. Здесь не принято отмечать ни дни рождения, ни прочие юбилеи, и вообще хорошее настроение считается достаточным основанием для маленького личного праздника, так что зачем зря искать какой-нибудь дурацкий повод? Именно поэтому я был глубоко шокирован, когда однажды вечером сэр Джуффин Халли задумчиво сообщил мне, что сегодня исполнилось ровно шесть лет с тех пор, как я впервые попал в Ехо.

— Ровно полдюжины! — весело сказал он. — Можно сказать, юбилей...

— Вы что, считали? — не веря своим ушам спросил я.

— Не то чтобы считал. Просто у меня хорошая память на даты, как у всякого человека, вынужденного регулярно составлять отчеты, — усмехнулся мой шеф. —

К тому месту, где был спрятан наш амобилер, мы добрались задолго до заката. Там нас ожидал еще один сюрприз — я здорово надеялся, что он будет последним на сегодня. За время нашего отсутствия амобилер Шурфа превратился в своего рода фундамент огромного птичьего гнезда. Собственно говоря, несчастная машина была попросту погребена под грудой веток, камней и сухой травы. В гнезде сидела его хозяйка: большая птица с орлиным клювом, оперением насыщенного ультрамаринового цвета и блестящими оранжевыми глазами, сердитыми и немного испуганными. Вместо того, чтобы вежливо поздороваться, крылатая экспроприаторша зашипела на нас как змея и угрожающе захлопала крыльями.

— Мамочка! Синяя птица! — растерянно воскликнул я, невольно отступая на шаг от гнезда. Еще немного, и я мог бы закатить небольшую, но эффектную истерику: самая настоящая "Синяя Птица", живая и сердитая, кто бы мог подумать! Шурф не понял причину моих бурных эмоций: Метерлинка я ему из Щели между Мирами пока не извлекал.

— Это и есть птица сыйсу, Макс — спокойно сказал он. — Ты их никогда прежде не видел? Впрочем, это неудивительно: они предпочитают жить в безлюдных местах.

— Это заметно, — кивнул я. — Городская птица никогда не позволила бы себе роскошь свить гнездо в чужом амобилере... Что делать-то будем?

— Ничего, — Шурф пожал плечами. — Если бы у нас был только один амобилер, нам, разумеется, пришлось бы ее прогнать, что было бы весьма прискорбно. Но поскольку мы предусмотрительно запаслись еще одним...

— Ты решил подарить этой птице свой амобилер? — я улыбался до ушей. — На добрую память?

— А почему нет? — безмятежно спросил мой друг. — Если ты помнишь, у меня с самого начала было предчувствие, что нам понадобится запасное транспортное средство. И я искренне рад, что причина оказалась настолько безобидной.

Я послушно вытряхнул из пригоршни свой амобилер. Бедняга Дримарондо от неожиданности припал к земле, закрыв морду передними лапами. Друппи смотрел на него снисходительно, как столичный житель на провинциала.

— Не бойся, дружок, — сказал я собаке. — Если уж ты решил перебраться в Ехо, тебе придется привыкнуть к чудесам.

— Ничего, вежливо откликнулся пес. — Я быстро ко всему привыкаю.

Мы уезжали под торжествующие крики "синей птицы". Кажется, она всерьез решила, что ей удалось нас напугать.

— Послушай, дружище, — спросил я Шурфа незадолго до окончания нашего путешествия, — я вот все думаю: почему все-таки ты вытащил меня в эту поездку? Если у тебя было предчувствие, что без меня в этом деле не обойтись, то оно тебя, наверное, все-таки обмануло. Насколько я могу судить, ты бы отлично справился и без моей помощи. К тому моменту, когда мы с Урмаго вывалились из башни, ты уже знал, где его следует искать, и я ни на минуту не сомневаюсь, что нашел бы... Я, конечно, лучший возница в Соединенном Королевстве, но наш шеф утверждал, что ты вполне мог бы добраться туда Темным Путем — раз, и все! На кой я тебе сдался?

— А тебе не приходило в голову, что я просто предпочитаю путешествовать в хорошей компании? — невозмутимо спросил он, отрываясь от очередной книги. — К тому же, как я уже неоднократно говорил, ты несколько засиделся в Ехо...

немногочисленные вещи каким-то образом умудрились расползтись по всему дому.

К моему величайшему облегчению, Кутыки не стали устраивать драматических сцен прощания. Они не выстроились вдоль дороги, чтобы залить горячими слезами наши сапоги. Собственно говоря, попрощаться вышла только Ули. Ее брат Урмаго все еще валялся в постели, приходя в себя после давешнего приключения. Бабушка и старый Тухта несли вахту у его изголовья, отлучаясь только для того, чтобы помешать в котле какое-нибудь очередное лекарственное зелье. Терпкий запах травяных отваров медленно расползался по всему двору. Отмороженные "кузены" молча сидели над свежей могилой Пуреха, которого похоронили прямо во дворе — в той самой яме, в которой он нашел свою смерть, рассудив, очевидно, что рыть еще одну такую же — дурная работа. Тугодум Арало с некоторым опозданием осознал свою причастность к гибели родственника и теперь тихо страдал, с таким ожесточенным упорством, словно печаль была физической работой, требующей добросовестного исполнения. А босоногий "поэт" Йохтумапп, как мне показалось, отнесся к происшедшему просто и практично: он решил, что из бесполезной могилы со временем может выйти неплохая цветочная клумба, и теперь медитировал на ее краю в ожидании первых зеленых ростков. Жена и сын Маркуло, очевидно, находились под "домашним арестом" — по крайней мере, их было не видно и не слышно. Что касается Тындука Рэрэ, он всецело посвятил себя починке ворот... хотя, какая уж там починка, после того, как Шурф от них пепла не оставил! Так или иначе, но дядя с головой ушел в работу.

— Извините, что я одна вышла вас проводить, — тихо сказала Ули. — У нас дома сейчас невесть что творится. Большая радость сразу после большого горя... и еще мы никак не можем решить, что делать с Маркуло. Не убивать же родича, в самом деле! А жить с ним под одной крышей... нет уж, хватит! И потом, им просто нечего сказать вам на прощание, потому что... — она внезапно смущенно умолкла, даже прикрыла рот узкой ладошкой.

— Можешь не краснеть, леди Ули, я и так понимаю, что твоим родичам не слишком легко заставить себя вдруг взять и полюбить меня, — пожал плечами Шурф. — Ненависть — та же дурная привычка, от нее трудно быстро избавиться.

— Твоя правда, — кивнула она. — Вот Урмаго с радостью пришел бы проводить своих спасителей, но он пока не может.

— Еще чего, пусть лежит смиренно, пьет лекарства и не рыпается! — ехидно усмехнулся я. — По вашим законам его жизнь теперь принадлежит мне, так что пусть бережет ее как следует, а то я рассержусь!

— Ой, а ведь и правда! — с ужасом прошептала Ули. — А мне и в голову не приходило...

— И не надо, — усмехнулся я. — Это шутка, леди. Просто глупая шутка. Хотя... Знаешь, а ведь у вас в доме живет человек, которому этот закон стоил свободы. Твой отец был не слишком великодушен с Тындуком. — Я кивнул в сторону увлеченного починкой ворот дворецкого, который демонстративно не обращал внимания на наш разговор. — Может быть хоть Урмаго возьмет с меня пример, и не станет слишком серьезно относиться к глупым старым законам?

— Ты предлагаешь обмен? — тут же оживилась Ули. — Ты оставишь свободным Урмаго, а за это мы должны отпустить Тындука?

— Никаких обменов, — устало вздохнул я. — Это не ультиматум, леди. Просто я

даю тебе повод немного задуматься. Может быть до тебя дойдет, что жизнь человека не может принадлежать другому — даже тому, кто ее спас! Во всяком случае, так не должно быть. А если не дойдет... что ж, это не моя проблема!

— Одно удовольствие слушать твои рассуждения о свободе, Макс, — флегматично сказал Шурф. Я так и не понял: то ли он действительно выражал мне своей восхищение, то ли откровенно издевался. — Тем не менее, мне хотелось бы сидеть в нашем амобилере еще до заката, поэтому я позволил себе прервать твою речь. Будем считать, что ты сказал достаточно... Осталось решить еще один вопрос, — он галантно поклонился Ули и спросил:

— надеюсь, вы не будете возражать, если я возьму с собой то, что полагаю своей частью наследства?

Ее темные глаза на мгновение снова стали враждебными и недоверчивыми, потом она взяла себя в руки и сухо согласилась:

— Разумеется, сэр Шурф, это твое право. Возможно, тебе понадобится повозка, чтобы доставить имущество к тому месту, где вы оставили свой амобилер? Я распоряжусь, но это отнимет некоторое время...

Ули держалась с истинно королевским хладнокровием, и все же было совершенно очевидно, что вопрос моего друга оказался для нее серьезным ударом. Наверняка она уже привыкла думать о нас как о самых благородных людях во вселенной, а тут — на тебе, все закончилось дележкой добра!

— Спасибо за заботу, но повозка без надобности, — невозмутимо отказался Шурф. — Мое имущество и само как-нибудь доберется до амобилера. Он обернулся вглубь двора и позвал:

— Иди сюда, Дримарондо. Как видишь, я держу свое слово!

Дримарондо вихрем вылетел из-за угла одной из пристроек. Я не уверен, что его лапы действительно соприкасались с землей. До сих пор он казался мне не просто говорящей собакой, но и очень разумным существом — куда разумнее, чем некоторые двуногие! Но счастье на несколько минут превратило его в обыкновенного лохматого щенка, визжащего и скулящего от восторга, словно он не мог выговорить ни единого слова. Мой Друппи тоже выглядел неописуемо довольным. Очевидно, пока мы в поте лица вели свое любительское расследование, эти двое уже успели распланировать свою будущую счастливую жизнь в Ехо на несколько лет вперед: как они будут ходить друг у друга в гости, ежедневно уплетать подкопченные в ароматном дыму окорока и прочие милые глупости.

— Ты хочешь забрать Дримарондо? — глаза Ули стали совершенно круглыми и такими огромными, теперь они занимали добрую половину ее лица, словно она была героиней японского комикса "манга", а не нормальной живой женщиной.

— Слово "хочешь" в данном случае не совсем уместно. Но мы с ним заключили своего рода договор, — проворчал Шурф, награждая визжащего Дримарондо таким строгим взглядом, что будь я на месте несчастной собаки, дело вполне могло бы закончиться позорной лужей! Но пес не дрогнул: сейчас ему море было по колено.

— И это все, что ты хочешь забрать? — Ули ушам своим не могла поверить.

— Знаешь, леди Ули, было бы довольно странно, если бы я начал выволакивать из погреба сундуки с приданым твоей бабушки, — пожал плечами Лонли-Локли. — Ну сама подумай: зачем они мне?

Ули еще долго растерянно смотрела нам вслед. Перед тем, как свернуть в густые

заросли каких-то низкорослых деревьев, густо покрытых мелкими желтыми цветами, я обернулся и помахал ей рукой. Она нерешительно махнула в ответ, развернулась и пошла в дом твердой походкой полковника, которому еще предстоит немало сражений...

— Как ты решился взять собаку? — весело спросил я Шурфа. — До сих пор мне казалось, что твое жилище — не совсем подходящее место для домашних животных.

— До сих пор мне тоже так казалось, — флегматично ответил он. — А вот Хельна всегда хотела завести собаку, но была вынуждена смириться с некоторыми неудобствами, связанными с моим присутствием в доме. И когда я встретил Дримарондо, я решил, что это мой единственный шанс доставить ей радость, не причиняя чрезмерного ущерба собственным интересам. В конце концов, с этим псом всегда можно поговорить по душам, причем не только высказать ему свои претензии, но и выслушать его мнение. К тому же он благоговременно дал мне честное слово, что никогда не будет заходить в мою комнату.

— Да уж, в Море не слишком много собак, которые способны дать честное слово! — рассмеялся я. — А когда вы с ним успели договориться?

— Вчера, когда же еще, — объяснил Лонли-Локли. — Надо отдать должное этому псу: большую часть нужной мне информации я получил именно от него. Да почти всю, если уж говорить откровенно: эти разини Кутыки не так уж много знали о том, что творится в их собственном доме... — он посмотрел на мою изумленную физиономию и добавил:

— А чему, собственно, ты удивляешься? Люди редко обращают внимание на собак. Поэтому Дримарондо присутствовал почти при всех событиях, которые меня интересовали. Он сидел на пороге спальни умирающего Хурумхи, он прятался в подвале, где воровал Маркуло, и вообще, чего только он не повидал! Этот пес наблюдателен и любопытен, к тому же в последнее время он был вынужден постоянно шарить по всему дому в поисках пищи...

— Так это Дримарондо тебе всех заложил? — восхитился я. — И, небось, не просто так, а в обмен на иммиграцию в Соединенное Королевство. Гениально!

— Отчасти ты прав, — невозмутимо согласился Шурф. — Мы с ним заключили своего рода джентльменский договор. Дримарондо очень умен и осторожен. Пока он предполагал, что ему придется и дальше жить в этом доме, он делал вид, что ему не так уж много известно.

— А как же твой строгий взгляд? — с улыбкой спросил я.

— Видишь ли, у этого пса есть один серьезный недостаток: на него почти невозможно искренне рассердиться, — объяснил он.

Главный герой нашего диалога вынырнул из густых зарослей и тоном опытного дипломата обратился ко мне:

— Макс, твой пес попросил меня узнать, не рассердишься ли ты, если мы вас немного обгоним, а потом вернемся?

— Когда это я на него сердился? — рассмеялся я. — Только смотрите не заблудитесь в этом лесу: меньше всего на свете мне хочется братья за еще одно расследование. — А потом сказал Шурфу:

— Кому действительно повезло, так это Друппи. Теперь у него появился личный переводчик!

использовать" и молоть всякую чушь в таком духе! Кто-кто, а уж ты от моей затеи выиграл больше всех. Что бы ты сейчас делал, если бы я не затащил тебя в Ехо? Стонал бы жалобно, просыпаясь по утрам, сожалея, что очередное чудесное видение оказалось всего лишь пустым сном, и теперь надо возвращаться к опостылевшему существованию? Чем ты его скрашивал, когда становилось совсем уж тошно? Банкой пива, поисками "великой любви" и размышлениями о том, как тебя однажды оценят по достоинству? Ну вот, я и оценил. И в качестве аванса предложил тебе куда более увлекательный способ проводить время! Несколько лет ты был просто счастлив — может быть, сейчас тебе кажется, что это не слишком долгий срок, но можешь мне поверить: счастье вообще не является нормальным состоянием для человеческого существа... а для такого, как ты — тем более. Ребята, вроде тебя, рождаются, чтобы неотрывно смотреть во тьму — помнишь, как когда-то давно тебя испугали эти слова, сказанные одной старой ведьмой? Потому ты и испугался, что в глубине души знал: так оно и есть...

— Все, что вы говорите, правда, — тихо сказал я. — Вы действительно предложили мне достойную замену — какие могут быть возражения! Но зачем вы так яростно на меня набросились? Ту же самую информацию можно было изложить совсем другими словами — для вас пустячок, а мне было бы не так паскудно... Вы говорите, что рассчитываете на мою помощь, а сами ведете себя так, словно вам позарез припекло со мной поссориться...

— Так оно и есть, отчасти, — Джуффин внимательно посмотрел на меня, и его бесстрастный взгляд добил меня окончательно, поскольку был куда более красноречив, чем слова, которым при желании, вполне можно было бы не верить: сколько раз этот изумительный тип меня разыгрывал — "в воспитательных целях"!

— Не драматизируй ситуацию, сэр Макс, — холодно добавил он. — Я о тебе забочусь, между прочим. Когда Пустое Сердце примет меня, я навсегда исчезну — по крайней мере, из твоей жизни. Было бы неплохо, если бы к этому моменту ты окончательно уяснил, что я — не добрый дядюшка и не твой лучший приятель, а просто случайный попутчик. Мы прошли вместе добрую сотню шагов по коридорам чудес, но это не значит, что тебе есть о чем сожалеть после того, как я скроюсь за поворотом. А то с тебя станет ходить в трауре несколько дюжин лет кряду... Но пожалуй, я несколько поторопился: ты все еще куда более обидчив, чем следовало бы, а нам предстоит провести вместе несколько тяжелых дней. Теперь ты будешь сверлить меня сумрачным взглядом, поскольку... Впрочем, ладно, Магистры с тобой, сверли: сейчас мне от тебя требуется не обожание, а помощь. Насколько я знаю, ты успел научиться говорить "спасибо" не языком, а поступками. Вот и примени сие полезное знание на практике, договорились? Просто скажи мне "спасибо" напоследок, и все будет отлично.

— "Отлично" уже никогда ничего не будет, — тихо сказал я. — Впрочем, теперь это только мои проблемы... Разумеется, вы можете на меня рассчитывать. Рассказывайте, что от меня требуется, я вас внимательно слушаю.

— Только не вешайся в уборной, ладно? — неожиданно весело подмигнул мне Джуффин. — Можешь мне поверить: не такая это большая потеря, как тебе сейчас кажется!

— Да, наверное, — согласился я. — Тем не менее, мне еще некоторое время будет так казаться, тут уж ничего не попишешь... Давайте поговорим о деле, ладно?

Тут же завязалась обстоятельная дискуссия на эту тему. Я от участия в диспуте уклонился. Залез с ногами в кресло, задумчиво вертел в руках кружку, наполовину наполненную каким-то ароматным зельем, и с удовольствием слушал болтовню своих друзей. Умилялся, одним словом.

— Какой-то ты сегодня молчаливый, — удивленно заметил Мелифаро. — Сглазили тебя, что ли?

— Отстань, — добродушно отмахнулся я. — Не мешай мне вас любить!

— Уважительная причина, чтобы оставить тебя в покое, — серьезно согласился он. — Нас и по отдельности-то любить довольно сложно, а уж всех вместе... И как тебе удастся?

— Белая магия тысяча триста пятнадцатой ступени, — усмехнулся я. — И никаких проблем!

— Ну, если тысяча триста пятнадцатой, тогда ладно, — фыркнул он.

Такие импровизированные камерные вечеринки уже давно стали своего рода традицией. Захватчики появлялись на моей территории не реже, чем раз в дюжину дней, а то и чаще. Неосвоенные пространства Мохнатого Дома казались моим коллегам их законными владениями: когда дом принадлежит человеку вроде меня, совершенно лишенному чувства собственности, любой гость чувствует себя его хозяином. Большую часть вечеринок я вовсе не почтил своим присутствием, поскольку по ночам мне по-прежнему приходилось дежурить в Доме у Моста. Но мне очень нравилось знать, что в моей гостиной все время околачивается кто-то из коллег: без этих людей и их странных чудес моя жизнь была бы пошлой неудавшейся шуткой — в любом из миров! К тому же трехэтажный дом выгодно отличается от однокомнатной квартиры: если ты устал и хочешь спать, к твоим услугам почти целая Вселенная, до краев заполненная одеялами и одиночеством...

Впрочем, через час мои коллеги стали постепенно растворяться в оранжевом тумане уличных фонарей. Последней уехала Меламори. Собственно говоря, я сам отвез ее домой: моя прекрасная леди решила, что это будет ужасно романтично. У меня на сей счет имелось иное мнение, но когда за ней закрылась тяжелая парадная дверь ее дома, и я ощутил на своих губах горьковатый привкус нежной беспричинной печали, я был вынужден согласиться: действительно чертовски романтично! Про себя я уже не раз называл ее поэтом-практиком: Меламори за всю свою жизнь не зарифмовала и двух строчек, но ей это и не требовалось, она оперировала не рифмами, а поступками, создавая свои мимолетные шедевры не из слов, а из ненадежной ткани реальности.

Я оставил аомобилер у ее дома и вернулся домой пешком. Первая одинокая прогулка за много-много дней — вылазки в обществе Друппи не в счет, какое уж там одиночество: этот пес не только понимал каждое мое слово, но и в моем переменчивом настроении разбирался не хуже самого сэра Джуффина! Только сейчас я понял, как мне не хватало бесцельных, молчаливых, одиноких прогулок по ночному городу с попеременным разглядыванием то звезд на небе, то крошечных плиток мозаичной мостовой под собственными ногами. Мои мудрые ноги каким-то образом перехитрили разум, прагматично наметивший самый короткий маршрут, и сделали изрядный крюк, так что домой я вернулся незадолго до рассвета, счастливый, спокойный и немного опустошенный.

"Кажется, я — самый счастливый человек во Вселенной, — удивленно подумал

я, забираясь под одеяло. — И как такое со мной могло случиться?"

Не знаю, что именно меня взбудоражило: то ли это нехитрое умозаключение, то ли головокружительная прогулка по ночному городу, то ли предвкушение нескольких свободных дней кряду, но уснуть мне не удавалось. Собственно говоря, спать мне совершенно не хотелось. Зато хотелось курить и писать стихи. "Кури на здоровье, дорогуша, — великодушно сказал я себе, — но я тебя умоляю: никаких стихов! Не позорься!" После того, как сигарета погасла, я некоторое время старательно ворочался с боку на бок, с удивлением узнавая все симптомы бессонницы — я-то был уверен, что с этой юношеской дурью покончено раз и навсегда! Потом решил, что с испытанным злом следует бороться испытанными же методами. Чем хороша бессонница: я обязан ей своим поверхностным, но обширным образованием. Забраться под одеяло с хорошей книгой — совершенно особенное удовольствие, и строгие умники, предпочитающие читать в специально предназначенных для этой цели библиотечных креслах, никогда не поймут, что они потеряли! Одним словом, я решил, что в моей постели здорово не хватает хорошей подружки в твердом переплете и отправился на поиски.

Проблем с книгами у меня не было и быть не могло: когда-то в Мохнatom Доме размещалась библиотека Университета. Библиотека уже давно переехала в новое здание, лучше приспособленное и для хранения книг, и для удобства студентов. А часть книг осталась в старом здании: то ли потому, что они были слишком потрепанными, то ли для них просто места не хватило, то ли тогдашний директор библиотеки был полным идиотом. Одним словом, мне чертовски повезло: книги перекочевали ко мне вместе с домом, старой мебелью и кучей исторически ценной пыли, залежи которой я до сих пор время от времени обнаруживаю в дальних углах — даром, что в те времена, когда я был преуспевающим суверенным монархом кочевого народа Хенха из Пустых Земель, здесь суеились две дюжины слуг, которых посадил мне на шею наш заботливый Король! С другой стороны, я решительно не мог найти среди этих букинистических сокровищ что-нибудь удобоваримое: в Соединенном Королевстве как-то не сложилась традиция создания художественной литературы. Все что угодно, начиная от древних исторических мемуаров и заканчивая заумными философскими трактатами. Учебники по алхимии и механике — сколько угодно! Медицинские трактаты, географические исследования, толстые тома, заполненные шедеврами местной поэзии и написанные корявым, но доступным языком учебники Очевидной магии времен Эпохи Орден — пожалуйста! И ни одного завалющего детектива, хоть головой об стенку бейся!

Впрочем сейчас у меня была генеральная стратегическая задача: уснуть. Я заранее решил, что меня вполне устроит какой-нибудь философский труд: и поумнеть не успею, как отключусь! Поэтому я отправился в книгохранилище. С тех пор, как в мою библиотеку повадился шастать сэр Лонли-Локли, там царил образцовый порядок. Этот потрясающий парень в течение полугода терроризировал моих несчастных слуг, пользуясь моим перманентным отсутствием, зато теперь все книги стояли на полках, а не были свалены в стопки на полу. Правда, я никак не мог постичь логику, которой руководствовался Шурф, расставляя книги. Было очевидно, что он раскладывал их не по алфавиту и не по тематике — а вот как... Во всяком случае, сейчас я не собирался искать ответ на этот вопрос. Все что мне требовалось — это найти книгу, которая сможет меня убаюкать, желательно, быстро и ласково...

Макс, это только начало! Дальше будет еще хуже.

— Спасибо, утешили, — огрызнулся я. — Кстати, я только что разговаривал с Шурфом. Послал ему зов, чтобы возмущенно спросить: "на кого ты нас оставил?" И выяснил...

— Что я сам отправил его в отставку, — невозмутимо кивнул Джуффин. — Так оно и есть. Скажу тебе больше: за это утро я сказал так мало правды, что сам удивляюсь этому достижению. Признаться, я опасался, что потерял форму...

— Вы не потеряли форму, — вздохнул я. — Настолько не потеряли, что мне не по себе делается!

— Так и должно быть, — отрезал Джуффин. Некоторое время изучающе меня разглядывал, потом понимающе кивнул:

— Сэр Шурф не преминул поделиться с тобой информацией, извлеченной из старых книжек? Что ж, тем лучше: он избавил меня от необходимости вести тебя в библиотеку. Я, знаешь ли, не мастер шпарить наизусть длинные цитаты!

— Угадайте, о чем я сейчас вас спрошу, — буркнул я.

— Можешь мне поверить: уже угадал! — обезоруживающе улыбнулся Джуффин. — Я готов ответить на этот твой вопрос, Макс, даже если ты так и не решишься его сформулировать. Можешь мне поверить: от тебя я ничего скрывать не собираюсь! Собственно говоря, на тебя вся моя надежда, — он на мгновение умолк, потом нетерпеливо махнул рукой:

— Да что там долго говорить! Ситуация такова, сэр Макс: я не собираюсь упустить этот шанс. Такой подарок: величайшая из тайн этого Мира к моим услугам!

— Вы имеете в виду Пустое Сердце? — спросил я, не в силах скрыть охвативший меня почти панический ужас.

— Ну, уж по крайней мере, не ужин у мадам Жижинды! — неожиданно расхохотался шеф. — Слушай, Макс, давай сразу договоримся: все, что ты думаешь по этому поводу... Думай себе на здоровье, а мне пересказывать не трудись: я и без тебя знаю, что творится в твоей бедной голове! Мне нужно получить Пустое Сердце, и я его получу. А ты мне поможешь.

— Каким образом я-то вам помогу? — мрачно спросил я. — Насколько я понимаю, я могу или унести отсюда ноги, пока не поздно, или переждать это дивное событие в собственном подвале под глубоким наркозом, или с энтузиазмом путаться у вас под ногами, размахивая каким-нибудь дурацким оружием. Вы же сами говорили, что зов этого вашего ботанического чуда распространяется на всех без исключения!

— На людей, сэр Макс. Только на людей, — с иезуитской улыбкой сказал Джуффин. — А не на Вершителей, да еще и рожденных в ином Мире. Ты будешь в полном порядке, мальчик, можешь мне поверить. Именно поэтому мне и нужна моя помощь. Как ты думаешь, зачем я вообще затащил тебя в этот Мир, почему возился с твоей персоной, чуть ли не пылинки с тебя сдувал? Потому что мне понравились твои прекрасные глаза? Ну так можешь мне поверить: без них я бы как-нибудь обошелся!

Я молча смотрел на шефа, совершенно ошеломленный его словами. Он ехидно прищурился и обрушился на меня с новой порцией "великого откровения":

— Только не вздумай жаловаться, что тебя "с самого начала собирались

Шурф. — Возможно, именно поэтому он позаботился, чтобы я как можно скорее покинул Ехо... Забавно: а ведь у меня действительно был бы неплохой шанс стать избранником Пустого Сердца — достаточно отправить на покой Шурфа Лонли-Локли и призвать на помощь Безумного Рыбника", — неожиданно закончил он. В его заявлении не было ни ложного пафоса, ни смутных сожалений — обыкновенная констатация факта.

"Думаю, что так, — согласился я. — А почему, в таком случае?.." — я нерешительно запнулся, поскольку, признаться, мне очень не хотелось, чтобы он передумал.

"Почему я не остался, чтобы принять участие в состязаниях? — спокойно переспросил он. — Есть несколько причин, Макс. Во-первых, я действительно считал нужным подчиниться приказу своего начальника: что бы ты об этом не думал, но это не дурацкая причуда ретивого служаки, а всего лишь дань моей потребности в дисциплине, которая помогает мне сохранять рассудок в любых обстоятельствах. Во-вторых, я предвижу, что сражаться мне пришлось бы в первую очередь с тобой и с Джуфффином, а перед вами обоими у меня есть своего рода обязательства, которые не позволяют мне рассматривать вас в качестве соперников. Я обязан вам не только жизнью, но гораздо большим: каждый из вас в меру своих сил помог мне соприкоснуться с настоящими чудесами, без которых мое прежнее существование теперь кажется мне пустым и бессмысленным... Впрочем, даже не это главное, Макс. Просто меня больше не интересуют вещи, за обладание которыми надо сражаться с другими людьми. Этого добра в моей прежней жизни было более чем достаточно. Возможно, древние хроники правы, и Пустое Сердце действительно способно открыть своему избраннику невероятные вещи. Но я не нуждаюсь в его дарах. На них свет клином не сошелся, знаешь ли!"

"Ты меня окончательно напугал", — растерянно пожаловался я.

"Боюсь, что недостаточно, — флегматично сказал он. — Ты ведь не собираешься последовать моему совету?"

"То есть, смыться? — печально переспросил я. — Я еще не знаю, Шурф. Я подумаю..."

"Смотри, — спокойно сказал он. — Потом будет поздно. Впрочем, это твоя жизнь. Поступай как знаешь..."

Мы распрощались довольно сдержанно. Мне показалось, что мой друг принял решение махнуть на меня рукой: свое мнение он уже сообщил, а уговаривать меня явно не собирался. Оно и правильно: я был настолько оглушен, что вообще с трудом понимал, на каком свете я нахожусь. Я положил голову на руки, закрыл глаза и некоторое время старался вообще ни о чем не думать.

Страница сгорела

— Ты спишь тут, что ли, Макс? — удивленно спросил Джуфффин, выглядывая из кабинета. Сейчас он выглядел приветливым и веселым, совсем как прежде. — Ну ты даешь! А я-то, старый дурак, терпеливо жду тебя в кабинете, в полной уверенности, что ты пошел жрать... Заходи уж, горе мое!

Я поднял отяжелевшую голову, потом оторвал от кресла не менее отяжелевшую задницу, и вошел в кабинет. Джуфффин аккуратно закрыл за мной дверь и занял свое место.

— Что, хреново тебе? — с неожиданным сочувствием спросил он. — Ничего, сэр

Некоторое время я слонялся среди полок, нерешительно поглядывая на толстые корешки книг. Повертел в руках "Хроники династии Клакков" — мне было любопытно узнать побольше о королях-вурдалаках, но текст, написанный неизвестным придворным автором пару тысячелетий назад, показался мне совершенно непроницаемым: буквы знакомые, слова тоже, но смысл витиеватых выражений ускользал от моего разума, изрядно ошалевшего при встрече с иным менталитетом. Потом среди груды медицинских трактатов я наткнулся на "Речи Каккулата" — этот оригинальный мыслитель, ученый и философ начала Эпохи Орден был знаменит тем, что убивал на месте каждого, кто пытался вступить с ним в спор, оглашая окрестности истошным криком: "А ты готов умереть за свою правду?" В возрасте двухсот восьмидесяти лет философ Каккулат героически погиб за собственную "правду", встретив, на свою беду, достойного противника, искушенного не только в составлении логических конструкций. Я уже давно собирался полюбопытствовать: что это была за правда такая, за которую столько народу полегло, да все руки не доходили. Ну вот и дошли, вроде бы...

Я взял под мышку увесистые "Речи" и уже собрался было вернуться в спальню, когда мой взгляд неожиданно упал на ярко-алый переплет какой-то книги. Переплет выглядел почти новым, и это меня заинтересовало: вообще-то в моей благоприобретенной библиотеке не было ни одной книги в таком хорошем состоянии, кроме знаменитой "Энциклопедии Манги Мелифаро" и нескольких книг со стихами моих приятелей из "Трехрогой Луны", но они лежали у меня в спальне.

— Посмотрим, посмотрим, что тут у нас — пробормотал я, снимая книгу с полки. На ярко-алом переплете красовались темно-багровые, как свернувшаяся кровь, буквы. Моя находка именовалась "Книга огненных страниц" — не больше и не меньше! Но открыв ее на первой попавшейся странице, я с радостным изумлением обнаружил, что мне крупно повезло: кажется, я все-таки откопал образец художественной литературы этого Мира, во всяком случае, нечто очень похожее на художественную литературу. Текст захватил меня сразу же, и я сам не заметил, как присел прямо на пороге и с головой ушел в книгу.

Я проснулся незадолго до полудня. Голова гудела, как с похмелья, которого у меня не было и быть не могло, поскольку я уже сам не помню, когда мне в последний раз случалось надираться. С памятью творилось что-то неладное. С одной стороны, я совершенно точно помнил, что в полдень мне надо быть на службе, с другой — мне смутно казалось, что сэр Джуфффин Халли что-то там говорил насчет положенных мне Дней свободы от забот. Мы отправились мыться вместе: я и мои сомнения. В конце концов, я решил не мучиться и отправил зов своему шефу.

"Доктор, у меня провалы в памяти! — торжественно заявил я, потом вспомнил, что Джуфффин, возможно, не знает этого анекдота и нерешительно добавил:

— Я никак не могу вспомнить: вы вчера отпустили меня на отдых, или мне примерещилось?"

"Я тебя отпустил? — удивленно отозвался он. — Вот уж не думаю! Боюсь, тебе просто приснился хороший сон, которому не суждено сбыться. Сейчас нам всем очень долго будет не до отдыха. В полдень у нас совещание, и я надеюсь, что ты не опоздаешь."

"Не опоздаю. Во всяком, случае, не больше, чем на четверть часа, — нерешительно пообещал я. — Я еще не завтракал..."

"Нет уж! — твердо сказал шеф. — Завтракал ты, или нет — это твои проблемы. А твои опоздания рано или поздно сведут меня в могилу, так что окажи мне услугу: хоть сегодня будь вовремя."

"Ладно", — вздохнул я. Пулей выскочил из бассейна и побежал одеваться. Кажется, под хвост моему шефу в кои-то веки попала вожжа. Я решил, что раз в жизни могу прикинуться очень дисциплинированным молодым человеком. Разумеется, мне было ужасно интересно, как выглядит сэр Джуффин Халли, на полном серьезе отчитывающий меня за пятнадцатиминутное опоздание, но поразмыслив, я решил, что мне следует заняться разве что теоретическими исследованиями, а уж никак не полевой практикой.

В Дом у Моста я вошел минуты за три до полудня — оказалось, что мне под силу и такие чудеса! Впрочем, мои коллеги уже были в сборе. Сидели в Зале Общей работы — все, как один, кроме Луукфи, который, несомненно, остался в Большом Архиве, и Лонли-Локли. Зато физиономии у ребят были такие серьезные, словно они решили хоть как-то компенсировать отсутствие нашего "Мастера Пресекающего ненужные улыбки".

— А где сэр Шурф? — весело спросил я, усаживаясь на подоконник. — Опаздывает, или просто выскочил на минутку кого-нибудь убить?

Коллеги посмотрели на меня с неодобрительным, почти брезгливым изумлением, словно у меня внезапно начались галлюцинации, а я почему-то взялся вести прямой репортаж из своей иллюзорной реальности, вместо того, чтобы скрыть от общественности свое прискорбное состояние.

— Макс, такими вещами не шутят, — наконец строго сказал мне сэр Кофа. — Что это значит: "вышел на минутку кого-нибудь убить"?! Можно подумать, что у нас тут банда разбойников, а не Тайный Сыск! Такие высказывания, да еще и в устах сотрудника, нас компрометируют.

— И будь любезен, займи свое кресло, — внезапно вмешался Джуффин. — Все-таки у нас совещание, а не вечеринка!

"Они меня разыгрывают! — подумал я. — Точно, разыгрывают! Возможно, именно поэтому и Шурфа нет: такой серьезный парень любой розыгрыш может испортить... Ладно, пусть себе наслаждаются!"

— И все-таки, где Шурф? — снова спросил я, послушно занимая свободное кресло. — И почему мы не пьем камру? Что это за совещание — за пустым-то столом?

— Сэр Лонли-Локли решил больше не обременять себя Королевской службой, — сухо сказал Мелифаро. — Он подал в отставку.

— Извини, но мне не смешно, — отозвался я. — Придумай что-нибудь получше.

— Я могу придумать все, что пожелаешь, — мрачно усмехнулся он. — А потом зарифмовать, если очень попросишь, и прочитать в "Трехрогой Луне", на радость всем любителям поэзии. Но мне показалось, что ты хочешь узнать правду. Тебе не смешно? Если честно, мне тоже...

— Что, Шурф действительно подал в отставку? — изумленно уточнил я, обводя глазами своих коллег. На их лицах я не заметил и тени улыбки, даже на физиономии Нумминориха, который, по моим наблюдениям, просто физически не способен так

"Куда угодно. На твоём месте я бы непременно воспользовался опытом путешествий через Хумгат. Во Вселенной много Миров, Макс. Будет жаль, если тебе придется заплатить жизнью за страстную привязанность к одному из них!"

"Но почему ты уверен, что мне непременно придется заплатить жизнью?" — жалобно спросил я. Нечего сказать, поговорил с хорошим человеком, чтобы успокоиться!

"Потому что полная чудес жизнь среди добрых друзей, которую ты так любил, заканчивается, или уже закончилась, — сурово ответил Лонли-Локли. — В битве за Пустое Сердце каждый будет играть за себя. А ты играть за себя пока не умеешь. Впрочем, по большому счету, ты вообще не умеешь играть. Когда ставки становятся по-настоящему высоки, тобой руководят исключительно искренние привязанности. Они-то тебя и погубят."

"Думаешь, все так плохо? — недоверчиво спросил я. — Но мы уже, кажется, нашли выход..." — и я вкратце пересказал ему содержание нашего недавнего совещания.

"Плохо дело, Макс. Твои слова подтверждают мои самые худшие опасения, — отозвался он, когда я закончил. — Джуффин уже начал свою последнюю решающую игру, и это мне очень не нравится!"

"Что ты хочешь сказать?"

"Ничего определенного, Макс. Ничего такого, что можно четко сформулировать, — сочувственно сказал он. — Но имей в виду, что сэр Джуффин Халли не рассказал вам самого главного."

"Что за "самое главное" такое? — жалобно спросил я. — Что, все еще хуже? Этому проклятому цветку нужна не одна жертва, а гораздо больше?"

"Нет, цветок действительно готов принять только одного — но не жертву, а избранника. Видишь ли, отдать свою кровь Пустому Сердцу — отнюдь не значит умереть, как сказал вам сэр Джуффин. Позволь процитировать тебе небольшой отрывок из древних хроник: в последнее время я так часто обращался к этой книге, что многое запомнил наизусть. Неизвестный автор текста был свидетелем последнего цветения Пустого Сердца, в кровопролитной битве за которое победил некий сэр Синема — в позднейших хрониках его называют Великим Магистром, но я отнюдь не уверен, что в те времена уже существовали магические Ордена: сие небрежное допущение противоречит остальным историческим данным... Впрочем, это частности. Вот, послушай: "Только тот счастливцев, кто сумеет напоить влагой своего несовершенного тела Пустое Сердце, узнает вкус истинной жизни. Ему станет ведомо, ради какого великолепия рождаются живые существа, и обитаемая Вселенная станет всего лишь одной из драгоценных игрушек в его сокровищнице". Надеюсь, ты понимаешь, что это — всего лишь метафора, беспомощная попытка описать нечто, неведомое автору этих строк... Никто не знает, что именно случилось с этим отважным господином Синемой. Но можешь не сомневаться, Макс: тот, кто отдаст свою кровь Пустому Сердцу, не умрет. Скорее уж наоборот..."

"Ничего себе! — изумленно сказал я. — А я-то все гадал, кому придется стать жертвой, и будет это добровольный выбор, или, как водится в таких случаях, не очень-то добровольный... Слушай, а Джуффин точно об этом знает? Может быть, он просто читал другую книжку?"

"Можешь мне поверить, Джуффин знает куда больше, чем я, — сухо сказал

притаившийся в глазах невозмутимого сэра Кофы... Но невыразимое чудесное настроение, обитавшее в этих стенах, как-то незаметно растаяло, словно и не было его никогда. Теперь мне казалось, что я медленно погружаюсь на глубину океана, и давление неумолимо возрастает с каждым метром — еще немного, и окажется, что на такой глубине мне, безумному беспомощному ныряльщику, не защищенному от безжалостных законов физики, уже не выжить...

Разумеется, если бы не дикая выходка Меламори, все было бы не настолько паршиво. Катастрофы мирового масштаба очень скверно сочетаются с личными неприятностями: по собственному опыту знаю, что и с тем, и с другим вполне можно справиться, но только не одновременно! Я снова попробовал послать ей зов — бесполезно... У меня даже голова разболелась: верный признак того, что тебе сопротивляется хороший колдун.

"Экая ты у нас, оказывается, могущественная, радость моя. Можешь ведь, когда хочешь", — печально подумал я, машинально извлекая из кармана следующую сигарету. Курить, впрочем, было не менее противно, чем думать о еде, а от кофе меня и вовсе тошнило, но это хоть как-то помогало отвлечься. Наконец мне пришлось в голову, что надо поговорить с Шурфом. Этот парень всегда действовал на меня успокаивающе. Уехал он там, или нет, но я здорово надеялся, что он не откажется со мной пообщаться.

Он действительно не отказался. Отозвался на мой зов сразу же, и, как мне показалось, был рад меня услышать... хотя у Шурфа и по лицу-то не поймешь, рад он, или нет, а уж во время Безмолвного диалога — и подавно.

"Приятно услышать тебя, Макс", — вежливо сказал он — можно подумать, что я послал ему зов исключительно для того, чтобы поздороваться!

"Ты еще в Ехо?" — сразу спросил я.

"Уже нет", — ответил Шурф.

"Но почему ты так быстро смылся? — немного сердито поинтересовался я. — Без тебя мне совсем хреново, дружище! Наверное, ты принял разумное решение, но у нас же есть еще несколько дней... Мало ли, какой выход мы успели бы придумать!"

"Я уехал только потому, что таков был приказ сэра Джуффина Халли, который, к твоему сведению, все еще является моим непосредственным начальником. Джуффин дал мне всего час на сборы и велел уезжать как можно дальше, желательно — на другой континент, по его собственному выражению. Признаться, его решение привело меня в некоторое замешательство, но поскольку меня связывает служебная дисциплина, я сделал так, как он приказал... Но разве он тебе ничего не сказал?" — удивился Шурф.

"Ничего не понимаю! — растерянно признался я. — Джуффин заявил, что это было твое собственное решение — подать в отставку и уехать, но он его, дескать, полностью одобряет. Объяснил, что в сложившихся обстоятельствах ты представляешь для нас угрозу, и все такое..."

"Ясно, — сухо отозвался Шурф. — Значит, я подал в отставку. Что ж, спасибо за хорошую новость... Хочешь дельный совет, Макс?"

"Еще бы!"

"Уноси ноги из Ехо", — лаконично сказал он.

"Как это? — опешил я. — Куда?"

долго и старательно сохранять серьезный вид. — Это не розыгрыш?

— Это не розыгрыш, — наконец откликнулся Джуффин. — Но о Шурфе и его отставке мы поговорим немного позже. А сейчас перейдем к делу, если сэр Макс не возражает...

— А камру в "Обжоре" кто-нибудь уже заказывал? — жалобно спросил я. — Извините за занудство, ребята, но я не успел позавтракать...

— Это твои проблемы, сэр Макс, — сухо сказал шеф. — Вот закончим совещание, пойдешь в какой-нибудь трактир и выпьешь там столько камры, сколько в тебя влезет. А на службе надо работать. Или хотя бы не мешать другим своим чавканьем.

"Точно, вожжа под хвост попала! — изумленно подумал я. — И еще какая! Чтобы сэр Джуффин Халли проводил совещание, не оставив весь стол камрой и подносами с печеньем... И эта дурацкая фраза "на службе надо работать" — прямо готовый лозунг над столом генерала Бубуты, только про дерьмо надо что-нибудь вставить... Заболел он, что ли? Но ведь он не может просто так взять и заболеть, кто угодно, только не Джуффин!"

Пока я пытался понять, какая муха укусила нашего шефа, он приступил к делу. Манера его изложения тоже настораживала: даже когда столице Соединенного Королевства угрожали по-настоящему серьезные опасности, вроде эпидемии, сэр Джуффин ухитрялся излагать свои мысли в манере ведущего хорошего ток-шоу: емко, увлекательно и немного иронично, непременно оставляя собеседникам возможность разбавить его монолог своими репликами. Сейчас же он был смертельно серьезен, словно собрал нас здесь для того, чтобы огласить свое завещание. Но, хвала Магистрам, до завещания дело все-таки не дошло!

— Значит так, господа, — сурово сказал Джуффин. — Мы с вами стоим на пороге великих и, в то же время, не слишком приятных событий. Кто-нибудь из вас знает о цветении Пустого Сердца?

Мои коллеги изумленно переглянулись. Только Нумминорих нерешительно промямлил:

— Кажется, я что-то читал в хрониках Древней династии...

— И что ты там вычитал? — почему-то неодобрительно спросил Джуффин.

— Я точно не помню, — смущенно сказал он. — Кажется, это волшебный цветок, который нужно полить чьей-то кровью, только я забыл, чьей именно, и зачем это следует делать... Я всегда думал, что это просто легенда.

— В таком случае, не перебивай меня, сэр мыслитель! — сердито сказал Джуффин. — Лучше послушай, что я вам расскажу. Пустое Сердце — это действительно своего рода цветок, хотя к растительному миру он не имеет никакого отношения. Он всегда расцветает, вернее, появляется неподалеку от Сердца Мира — к счастью, это случается очень редко. Я сказал "к счастью" потому, что цветение Пустого Сердца всегда ведет к кровопролитным беспорядкам среди населения. Никакая гражданская война не может сравниться с безумием, которое охватывает людей, когда они начинают сражаться друг с другом за право напоить Пустое Сердце своей кровью — хотя бы потому, что в битве за Пустое Сердце каждый сражается только сам за себя. Нам с вами немного не повезло: очередное цветение Пустого Сердца совпало с нашим пребыванием среди живых. Собственно говоря, это произойдет через несколько дней. Через три, или четыре дня — точнее пока

сказать не могу...

— Извините, Джуффин, — сухо сказал Кофа, — но я не понимаю: с какой стати появление какого-то цветка, будь он хоть дюжину раз волшебный, должно стать причиной, как вы выразились "беспорядков"? Я знаю настроения в городе лучше, чем кто бы то ни было, и поверьте мне: ни о какой гражданской войне сейчас и речи быть не может. Столь стабильная ситуация в столице Соединенного Королевства не казалась мне уже давно.

— Неудивительно: она и есть самая что ни на есть стабильная, — пожал плечами шеф. — И оставалась бы таковой еще очень долго, если бы не этот грешный цветок. Угораздило же нас стать свидетелями величайшего чуда новой эпохи, будь оно дюжину раз неладно! — Он сурово посмотрел на наши изумленные рожи и наконец пустился в разъяснения:

— Хуже всего, что цветение Пустого Сердца лишает разума всех, кто находится поблизости — без исключения! Это действует примерно как Смертные Шары нашего сэра Макса, — он ехидно покосился на меня и добавил:

— Вообразите себе, что Макс оглушил своими Смертными Шарами все население Ехо и окрестностей. А потом отдал приказ: а ну-ка все быстренько обнимите меня". Представляете, какая будет давка? И как его несчастные жертвы начнут драться друг с другом, чтобы получить возможность выполнить приказ своего господина? Их-то больше сотни тысяч, а обняться с Максом сможет разве что дюжина самых шустрых... Так вот, с Пустым Сердцем дело обстоит еще хуже, поскольку зовет оно к себе всех, сила его притяжения непреодолима, а нужен ему только один человек — любой, кто первым успеет выполнить его приказ. Напрягите воображение и представьте себе, чем это чревато!

— Оно, как вы выразились, "зовет" вообще всех людей? — уточнил Мелифаро. — То есть, даже грудные младенцы вылезут из своих колыбелек и поползут в направлении этого вашего цветка?

— Нет, насколько мне известно, детей оно шадит. В древних эльфийских "Хрониках Безумий" высказано смутное предположение, что это как-то связано с половой зрелостью. Полагаю, так оно и есть, поэтому младенцы никуда не поползут. Возможно, самые дряхлые старики тоже останутся дома. А вот подростки, например, с удовольствием примут участие в битве. И начнут со своих мамаш, я полагаю!

— Плохо дело, если так, — лаконично резюмировал Мелифаро.

Он отвернулся и уставился в одну точку. Мне показалось, что даже яркий оранжевый цвет его лоохи как-то поблек и незаметно превратился в благородный песочный. Парень выглядел гораздо элегантнее, я бы искренне порекомендовал ему всегда так одеваться... но почему-то сейчас мне стало здорово не по себе от такой перемены. Сэр Кофа с отсутствующим видом смотрел в окно. Можно подумать, что он как раз собрался эмигрировать из Соединенного Королевства, и поэтому мрачные прогнозы касательно грядущих беспорядков на улицах столицы были ему до лампочки. Кекки впиалась глазами в равнодушное лицо Кофы, словно пыталась прочесть на нем хоть какую-то утешительную информацию. Меламори внимательно разглядывала свои руки. Мне показалось, что она очень хочет заплакать, но уже давно забыла, как это делается, и теперь пытается вспомнить. Нумминорих уставился на меня несчастными, округлившимися, как у испуганного

"надо", не вдаваясь в объяснения. Кляत्व я с вас брать не буду — не маленькие! Надеюсь, вы сами прекрасно понимаете, что преждевременная паника сведет на нет все наши будущие попытки обойтись минимальными жертвами... А ты, сэр Макс, можешь пойти позавтракать, если еще не передумал, а через полчаса зайти ко мне. К тебе есть отдельный разговор.

Дверь кабинета захлопнулась за Джуффином. В Зале Общей Работы воцарилось тягостное молчание. Можно было подумать, что все мы то ли захворали одной и той же болезнью, неизлечимой и отвратительной, вроде проказы, то ли просто являемся сообщниками в каком-то мерзком дельце, от которого нам самим тошно. Впервые в жизни я с изумлением обнаружил, что общество моих коллег может вызывать у меня не только положительные эмоции. Во всяком случае, я поспешно решил, что мне следует воспользоваться советом шефа и отправиться в какой-нибудь трактир: не потому, что мне действительно хотелось есть, а потому, что оставаться в Доме у Моста было невыносимо. Я покинул кресло и нерешительно направился к выходу.

— Приятного аппетита! — ехидно сказал мне вслед Мелифаро.

Вот уж никогда не думал, что эту безобидную фразу можно наполнить таким количеством яда! Я удивленно обернулся к нему.

— Ты чего злобствуешь? И так все хреново — дальше некуда! Ты будешь счастлив, если я пойду не завтракать, а вешаться? Могу доставить тебе такое удовольствие: в сущности, мне уже все равно.

— Извини, — неохотно сказал он. — Просто нервы ни к черту. Если бы сейчас здесь была кошка, я бы немного потаскал ее за хвост, чтобы отвести душу, но вместо кошки мне подвернулся ты... Ладно, иди, жри свой грешный завтрак, счастливчик! А я, пожалуй, попробую нежными пинками выгнать из дома свою жену. Нечего ей здесь делать...

— И моим тоже, наверное, — нерешительно сказал Нумминорих.

— Еще бы! — согласился с ним сэр Кофа. — Отправляй свое семейство куда-нибудь в Тулан: там-то уж они точно будут в безопасности, — он обернулся к Кекки и строго сказал ей:

— Тебя это тоже касается, леди. И не спорь. От тебя здесь все равно никакого толку не будет.

— Я так не думаю, — несчастным голосом возразила она.

— Идем, поговорим об этом немного подробнее, — Кофа обнял ее за плечи, и они вышли в коридор.

Мелифаро и Нумминорих торопливо последовали за ними. Я посмотрел им вслед, потом осознал, что остался один, и вернулся в свое кресло. Теперь можно было никуда не уходить, а просто извлечь из Щели между Мирами чашку крепкого кофе и сигарету — поскольку больше ничего мне сейчас не хотелось, и я подозревал, что еще долго не захочется. Желудок противно ныл от одной только мысли о еде — верный признак старого доброго стресса! Все рушилось, и я никак не мог понять, почему оно рушится: сама по себе ситуация по-прежнему не казалась мне безвыходной: выкручивались же мы как-то до сих пор... Что меня по-настоящему убивало, так это мелкие подробности, неуловимые, но физически ощутимые перемены во всем — начиная с атмосферы в Доме у Моста. Все бы ничего: я был готов спокойно перенести внезапный приступ мизантропии Джуффина, явную передозировку яда в репликах Мелифаро, арктический холод,

обстоятельствах. Почему — объясню позже. А свою личную жизнь будешь улаживать на досуге, договорились?

— Но я хотел выйти только на минуту, — нерешительно возразил я...

— Надеюсь, — кивнул шеф. — Но Меламори сейчас лучше не трогать. Если она действительно решила сбежать — неужели ты станешь ее отговаривать? Пусть остается в живых, она имеет на это полное право.

— Я просто хотел ее успокоить, — промямлил я.

— Не думаю, что это возможно, — отрезал Джуффин. — Во всяком случае, не сейчас. И уж точно не при помощи страстных объятий в коридоре Управления — а я здорово сомневаюсь, что ты способен придумать что-нибудь новенькое!

В глубине души я отлично понимал, что он прав: если бы Меламори не хотела остаться в одиночестве, она бы не стала отгораживаться от моей Безмолвной речи, поэтому — что толку бегать за ней по улицам! Но слова Джуффина произвели на меня неприятное впечатление. Я уже давно привык к его безжалостной прямоте, но от нее никогда не пахло заурядной бессмысленной жестокостью.

— Больше нет охотников подавать в отставку? — бодро спросил Джуффин у наших коллег, на которых выходка Меламори произвела, я полагаю, почти такое же гнетущее впечатление, как на меня. — Имейте в виду: я считаю, у вас есть на это некоторое право. Не я дал вам жизнь, и я не вправе настаивать, чтобы вы потеряли ее только потому, что вашему начальнику взбрело в голову, будто бы он должен оставаться на своем месте до конца...

Желающих покидать Королевскую службу больше не нашлось. Никто не стал произносить высокопарных фраз о долге, чести и прочей хренотени, только сэр Кофа укоризненно покачал головой и тихо сказал:

— Не перегибайте палку, Джуффин. Не настолько все страшно, как вам кажется. И не из такого дерьма выбирались!

— Вот именно: "не из такого", — язвительно огрызнулся шеф.

— По-моему, я нашел решение, — неожиданно сказал Мелифаро. — Если вы говорите, что безумие закончится, как только этот дрянной цветок напьется крови — что ж, значит мы должны постараться напоить его как можно скорее, только и всего! Усыпим горожан, как предложил Макс: чтобы не было никаких беспорядков. А когда они уснут, мы устроим небольшой пикник на острове Холоми — только для своих! И как только появляется это грешное Пустое Сердце...

— Не забывай: как только оно появится, мы начнем драться друг с другом, по сценарию не по годам мудрой леди Меламори, — мрачно закончил Джуффин. — Впрочем, твое предложение кажется мне разумным. Именно чего-то в таком роде я и ждал. Остается найти того единственного и неповторимого "счастливчика", который... Ладно, над этим я сам подумаю! — Джуффин одним стремительным движением покинул свое кресло и решительно заявил:

— Все свободны до вечера. Полагаю, такие новости требуют уединенных размышлений. На закате встретимся и продолжим наш разговор. Если кто-то из вас хочет отправить своих близких подальше от столицы — я за. Хотя, если они уснут под сладостные звуки Колыбельной Маннаха вместе с другими горожанами, они будут в полной безопасности... Ладно, в любом случае, я даже готов оказать вам помощь, если она вдруг понадобится. Но рассказывать им о Пустом Сердце настоятельно не рекомендую. Придумайте что-нибудь другое, или просто скажите

ребенка, глазами. Я не смог оставаться равнодушным и послал ему зов: "Всегда есть какой-нибудь выход, парень, и сейчас он найдется, вот увидишь!" Нумминорих тут же оттаял, едва заметно кивнул мне и улыбнулся краешком губ — черт, тоже мне, нашел кому верить, бедняга...

— Если бы здесь был сэр Шурф, он бы непременно прочел нам обстоятельную лекцию об этом грешном цветке, подробно перечислив, из каких книг извлечены его цитаты. И это было бы весьма кстати, поскольку лично мне по-прежнему непонятно: что это за хрень такая, ваше "Пустое Сердце", каким образом оно поработает человеческую волю, и, самое главное — что будет с тем "счастливчиком", который первым пробьется к цветку и отважится "напоить его своей кровью", по вашему собственному выражению? — Я посмотрел на мрачного, как грозовая туча, Джуффина и мужественно выдавил из себя некое подобие улыбки. — Но раз уж его нет... Магистры с ней, с лекцией! Скажите лучше, какие мы будем принимать меры?

— Ну почему же, можно и лекцию прочитать. Только я буду краток, поскольку рассказывать особенно нечего: этот, как ты изволил сказать, "счастливчик", отдаст Пустому Сердцу всю свою кровь, цветок напьется, и всеобщее безумие прекратится... Насколько мне известно, потерять всю свою кровь и остаться в живых решительно невозможно, поэтому "победителю" не позавидуешь, — вздохнул Джуффин. — А вот какие мы будем принимать меры, я пока не знаю. Вернее, знаю, но не уверен, что в данном случае моего мнения достаточно. Поэтому думать будем вместе. Поскольку ситуация из ряда вон выходящая, мы все в одной лодке: у меня тоже нет соответствующего опыта. Кстати, и Магистр Нуфлин, понятия не имеет, как можно уберечься от этой напасти. Что касается Нуфлина, сия скверная новость вообще стоила ему сердечного приступа... Магистры знают, что творится: никогда бы не поверил, что такой могущественный колдун, как Нуфлин Мони Мах, может свалиться с обыкновенным сердечным приступом, будто какой-нибудь пожилой лавочник, потерявший свои капиталы! Впрочем, возможно, он просто симулирует...

— Симулирует? — оживился Кофа. — Да, было бы забавно!

— При всем желании не могу считать это забавным, — невесело усмехнулся шеф. — Сейчас всего можно ожидать. А уж от Нуфлина — тем более... Значит так, господа. Условия задачи таковы: через несколько дней у подножия Холоми начнет цвести Пустое Сердце. К нему будут ломиться абсолютно все жители столицы и окрестностей. Возможно, на следующий день подоспеют жители других городов Угуланда — впрочем, по сути, это уже ничего не изменит... Вот и подумайте: что мы можем сделать в такой ситуации?

— А что, собственно говоря, происходило в прошлый раз? — спросил Мелифаро. — Насколько я понял, Пустое Сердце цветет не впервые...

— Да, не впервые, — кивнул Джуффин. — Но очень редко. Последний раз это событие случилось около шести тысяч лет назад. В то время Ехо был совсем маленьким городом, окруженным непроходимыми лесами. Так что битва за Пустое Сердце хоть и попала во все исторические хроники, как самое кровавое событие тех лет, но унесла не больше тысячи жизней — примерно треть взрослого населения. Королевскому семейству повезло: у тогдашних правителей были очень мудрые слуги, которые не побоялись связать своих владык по рукам и ногам и спрятать в

глубоком подвале. Поэтому династия не прервалась.

— Ну, кого-кого, а Его Величество Гурига мы уж точно можем запереть в подвале, — флегматично сказал Кофа. — Полагаю, даже силу применять не придется: молодой король — человек разумный. Если вы ему все объясните...

— Ну, предположим, Гурига мы действительно спрячем, — неохотно согласился Джуффин. — И что дальше? Связать все население Ехо по рукам и ногам? Идея заманчивая, но чтобы успеть, нам надо было начать еще в прошлом году...

— Связывать не обязательно. Можно дать им глубокий наркоз, — рассмеялся я. — Что может быть лучше!

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился шеф. Мне показалось, что его чертовски раздражают мои попытки любой ценой сохранять хорошее настроение. Странно: вообще-то, до сих пор считалось, что именно для этого я здесь и нужен...

— Усыпить всех на фиг, и дело с концом, — смущенно объяснил я, прогоняя с лица никому не нужную улыбку.

Джуффин посмотрел на меня с искренним восхищением. Можно было подумать, что шеф всерьез вознамерился срочно выдвинуть меня на соискание какой-нибудь местной Нобелевской премии. Признаться, я удивился, что он сам не додумался до столь простого решения. Впрочем, вполне могло быть, что он-то давным-давно до всего додумался, но решил придержать свои идеи в рукаве и посмотреть, на что мы годимся. Кто его разберет, этого кеттарийского хитрюгу!

— Так, — наконец сказал он, — звучит неплохо. И как ты себе это представляешь?

— Ну, как... — я пожал плечами. — Наверное есть какое-нибудь сильное снотворное, или еще лучше — подходящее заклинание. Вам виднее, я же пока дилетант... А помните, как вы остановили время в доме вашего соседа Маклука? Может быть можно остановить его во всем городе?

— Это, к сожалению, не получится. Время можно остановить только в закрытом помещении. Разве что, методично обойти все дома в городе, но на это у нас попросту не хватит времени, — Джуффин раздраженно пожал плечами, словно досадуя на дурацкие законы природы. — Но твоя идея усыпить всех горожан очень даже ничего. Насколько я знаю, существует одно полезное древнее заклинание, Колыбельная Маннаха. Всего-то девятая ступень Белой Магии, для равновесия Мира практически безопасно. Одна правильно исполненная Колыбельная действует в радиусе до двух миль. Простой фокус, но утомительный чрезвычайно... Конечно, с нас дюжина потов сойдет, пока мы усыпим весь город, но в этом деле мы можем рассчитывать на активную помощь Ордена Семилистника, а Колыбельная Маннаха — их достояние...

— А мы? — неожиданно спросила Меламори.

Ее голос показался мне тусклым и усталым, и это испугало меня куда больше, чем дикая история о Пустом Сердце, в которую я, впрочем, никак не мог настоящему поверить...

— Что ты имеешь в виду, девочка? — ласково спросил Кофа.

— Неужели не понятно? — она обвела нас сухими, но блестящими, как у больного лихорадкой, глазами. — Я хочу понять: мы тоже начнем ломиться к этому кошмарному цветку, убивая друг друга?

— Мы тоже люди, леди Меламори, хоть и довольно могущественные, —

неохотно сказал Джуффин. — Поэтому все, что я говорил о прочих, касается и нас. Собственно говоря, именно по этой причине сэр Лонли-Локли подал в отставку. Полагаю, он уже удаляется от Ехо на максимальной скорости, на которую способен его амобилер.

— Он испугался? — изумленно спросил Мелифаро. — Вот тебе и Лонки-Ломки! Грешные Магистры, вот уж не думал, что этого парня так легко напугать...

— Я полагаю, он просто решил оградить нас всех от своего общества, — мягко сказал Джуффин. — Следует признать, что когда дело доходит до убийства, Шурф действует куда эффективнее, чем большинство здесь присутствующих. При этом следует учесть, что на зов цветка будет идти не знакомый вам сэр Шурф Лонли-Локли, а Безумный Рыбник, во всей своей первозданной красе. Полагаю, сэр Кофа еще помнит, что это был за тип, и может на досуге любезно просветить любопытствующих. Пожалуй, только я сразился бы с ним на равных. Могу еще допустить, что у Макса хватило бы — не умения и могущества, а скорее удачи! — чтобы уцелеть, да и то сомнительно... Так что сэр Шурф поступил честно и предусмотрительно, избавив нас от своей персоны.

— В таком случае, я бы предпочла, чтобы вы тоже избавили нас от своей персоны, сэр, — твердо сказала Меламори. — И еще мне бы очень хотелось, чтобы Макс оказался как можно дальше от меня, если уж на то пошло! Впрочем, сэр Кофа тоже не подарок, да и с Мелифаро я бы предпочла не ссориться. Надеюсь, Кекки и Нумминорих не обидятся, если я честно скажу, что их боюсь немного меньше... впрочем, в таком деле возможны любые неожиданности! При этом вынуждена признать, что и я, в случае чего, не самое безобидное существо в этом Мире... Вы понимаете, о чем я говорю, сэр Джуффин? Вам не кажется, что лучшее, что мы все можем сделать — это умчаться отсюда на край света?

— Я думал об этом, — спокойно согласился шеф. — И продолжаю об этом думать. Что касается меня, я бы с превеликим удовольствием скрылся на самой дальней окраине Вселенной и подождал, чем все закончится. Во всяком случае, я рассматриваю этот вариант как одно из возможных решений, хотя вынужден напомнить тебе, что в наши непосредственные обязанности входит забота о безопасности жителей Ехо и поддержание порядка в столице... Тебе не кажется, что оказавшись на краю света, мы вряд ли сможем исполнять свой долг перед обществом? — с неуместным пафосом спросил он. Вообще-то, в исполнении сэра Джуффина рассуждения о "долге перед обществом" звучали как чистой воды издевательство: пафос совершенно не вязался с его имиджем!

— Извините за откровенность, сэр, но плевать я хотела на свои служебные обязанности и, уж тем более, на какой-то там долг, — все тем же пугающе глухим голосом сказала Меламори. — Я тоже подаю в отставку. Прощайте, господа.

Она поднялась и вышла из Зала Общей Работы. Мы молча смотрели ей вслед. Через несколько секунд я опомнился и послал ей зов. Не знаю, что я собирался ей сказать. Наверное, просто не хотел оставлять ее в одиночестве. Но Меламори окружила себя барьером, непроницаемым для Безмолвной речи. Я и не знал, что она это умеет... Я собрался было выскочить следом за ней, но Джуффин остановил меня.

— Сядь, пожалуйста на место, Макс. Совещание пока не закончилось, а ты — единственный человек в этой комнате, чью отставку я не приму ни при каких

чтобы в финале встретить там наш штатное чудовище с полным ртом ядовитой слюны и дурацким куском древнего лома наперевес... Но сначала я должен разобраться, что происходит на самом деле. Извини, Макс, но так уж я устроен!

— Когда ты вернешься, я с удовольствием отвечу на все твои вопросы, если уцелею, конечно, — мягко сказал я.

— Нет, дело обстоит иначе. Если ты правдиво ответишь на мои вопросы, я с удовольствием уеду, хоть на край света! Давно мечтал о хорошем длинном отпуске, вместо каких-нибудь паршивых двух Дней свободы от забот...

— А если к тому времени, когда ты решишь, будто разобрался, уезжать будет поздно? — настойчиво спросил я.

— Посмотрим, — он легкомысленно пожал плечами. — В конце концов, влипать в неприятности — это моя профессия...

— Это не неприятности, а гораздо хуже, — мрачно сказал я. И сунул ему под нос свои "наманикюрные" ногти. — Как по-твоему, зачем мне это украшение? — сердито спросил я.

— Откуда я знаю, — хмыкнул он. — Мода пошла на выпендреж под старину, так, что ли?

— Еще подумай, — сухо сказал я. — На чьих ногтях в последний раз ты видел такую красоту?

— А что, разве ты не единственный в своем роде? Ах, ну да, на умелых ручках нашего великолепного дезертира Лонки-Ломки действительно нарисовано что-то подобное... — он запнулся и пронзительно посмотрел на меня:

— Хочешь сказать, что свои волшебные ручки он оставил тебе в наследство? Да уж, нашел кому!

— Так вот, — мягко сказал я — меньше всего на свете мне хочется применять их на практике, дружище. А ведь придется, если ты в последний момент решишь отпихнуть меня от Пустого Сердца!

— Так, — мрачно сказал он. — Я-то надеялся, что сэр Шурф взял свою грешную игрушку с собой, на память о светлых днях, проведенных в стенах Дома у Моста... Только этих грешных перчаток нам тут не хватало!

— Да, мне тоже не нравится быть их владельцем, — согласился я. — Но сэр Джуффин чихать хотел на мое частное мнение!

— Если честно, ты меня не убедил, — хмуро заявил Мелифаро. — Какая, к Темным Магистрам, разница: есть у тебя эти грешные перчатки, или нет? С ними, или без них — все равно, ты опасен для жизни окружающих, так что нужно выбирать: обходить тебя за три квартала, или просто не брать в голову. Как ты понимаешь, обходить тебя я как-то не привык, а теперь уже просто не успею заработать такую полезную привычку... Было бы глупо начинать тебя бояться после стольких лет знакомства!

— Да не нужно меня бояться, — устало вздохнул я. — Чем бояться, лучше немного поразмыслить и осознать, что через несколько дней здесь начнется бардак, а в эпицентре этого бардака буду находиться я, с кучей опасных магических причиндалов, да еще и перепуганный, как никогда в жизни. Грешные Магистры, ну зачем вам это удовольствие, ребята?!

— Не знаю, зачем, — буркнул Мелифаро. — Разве что, для коллекции... Ладно, Макс, я подумаю. В любом случае пара дней у нас в запасе еще есть...

— С удовольствием, — невозмутимо согласился Джуффин. — Значит так, сэр Макс. Сначала нам предстоит рутинная работа: усыпить всех жителей Ехо, чтобы под ногами не путались — разумеется, я полностью согласен с твоим предложением, это было первое, что пришло в голову мне самому. Орден Семилистника тоже будет дрыхнуть, в полном составе, во главе с Магистром Нуфлином: я его так напугал, что самому страшно стало, едва вспомнил потом, что это — мои собственные дурацкие выдумки...

Я невольно улыбнулся, потому что знал, как это бывает: иногда врешь так вдохновенно, что сам начинаешь верить своим словам, а потом какое-то время не можешь вспомнить, как обстоят дела в действительности. А улыбнувшись, сразу поморщился от боли в груди, потому что разум услужливо шепнул мне: "через несколько дней он исчезнет — и чьим словам ты будешь вот так понимающе улыбаться по дюжине раз на дню, дорогуша?" Черт, что бы там не говорил Джуффин, как бы он не старался "разбить мое сердце" — этой фразой непременно воспользовался бы автор какого-нибудь романа! — но я по-прежнему не мог воспринимать его в новом качестве чужого и, в сущности, малознамого человека, связанного со мной только своеобразными деловыми интересами, о которых я до сих пор имел очень смутное представление...

— Не отвлекайся, — сухо сказал шеф. Он, как всегда, был в курсе скачков моего переменчивого настроения. Правда, на сей раз оно скакало от просто паршивого к отвратительному — и обратно.

— А вот после того, как мы уложим всех байньки, начнется самое интересное, — продолжил он. — Надо отдать должное сообразительности сэра Мелифаро: он оказал мне большую услугу, заявив, что нам надо будет найти "жертву". Если бы я сам подал эту идею, это было бы... ну, скажем так: не совсем правильно.

— Потому, что вы собираетесь предложить себя в качестве этой самой жертвы? — понимающе спросил я. — В любом случае — кто ж вам даст? Вы у нас человек ценный: общеизвестно, что Соединенное Королевство без вас загнется... кстати, я почти уверен, что именно так оно и будет!

— Не преувеличивай, — усмехнулся Джуффин. — Не настолько я значительная персона, просто хорошо умею прикидываться таковой! Кстати, ты не обратил внимание, что в последнее время я почти ничего не делал: вы и сами отлично справлялись со всеми проблемами, пока я смотрел кино на улице Старых Монеток... Ну, разве что, в историю с мемуарами Йонги Мелихаиса мне пришлось вмешаться, да и то потому, что твое безумное предложение разбудило во мне отчаянное любопытство. А не будь меня, сэр Шурф вполне обошелся бы собственными силами.

— Сэр Шурф подал в отставку, — мрачно напомнил я.

— Его отставка продлится ровно до того момента, пока не закончится наша эпопея с Пустым Сердцем, — отмахнулся Джуффин. — Потом ты пошлешь ему зов, и он вернется, никуда не денется.

— Ладно, — кивнул я. — Но все равно я не думаю, что ваше предложение принести себя в жертву будет принято на ура.

— Не будет, — согласился он. — Поэтому я даже не стану его произносить. Вместо этого мы принесем в жертву тебя — то есть, мы с тобой просто скажем ребятам, что лучшей кандидатуры, чем ты, не найти: у тебя два сердца, меч Короля

Мёнина в груди, и так далее. Если я скажу, что ты — единственный, у кого есть шанс остаться в живых после этой передряги, это прозвучит достоверно.

— Вполне, — невесело усмехнулся я. — Правда, возражения все равно будут...

— Ты так думаешь? — сочувственно сказал Джуффин. — Что ж, значит тебе предстоит сюрприз, который ты, возможно, сочтешь неприятным. Возражения, скорее всего, все-таки прозвучат, но очень вяло. Ровно настолько, насколько этого требует хороший тон. Ты славный парень, сэр Макс, но это не имеет никакого значения: ты чужой в этом Мире, и всегда останешься чужим. А чем больше твое могущество, тем меньше простой человеческой любви остается на твою долю — и Магистры с ней, вот уж без чего можно обойтись, поверь моему опыту! Посылать тебя на верную смерть наши коллеги все-таки вряд ли стали бы, а вот рискнуть они тебе позволят с легким сердцем: не в первый раз, в конце концов!

— Ладно, если вы так говорите, значит так оно и есть, — покорно кивнул я. Честно говоря, мне уже было все равно...

— Мне кажется, что надо попытаться оставить ребят в живых, — неожиданно мягко сказал Джуффин. — Поэтому я и выбрал тебя в свои помощники. Ты к ним привязан, и в данном случае это хорошо. К тому же в твоём распоряжении есть куча способов обезвредить человека, оставив его в живых. А теперь будет еще больше. Давай руку!

Я покорно протянул ему левую руку, и только потом удосужился спросить, зачем это нужно.

— Маникюр тебе сделаю! — беззаботно отозвался шеф. — Только не отвлекай меня расспросами: эта процедура требует всего моего внимания.

Теперь он был весел, как птичка, обнаружившая кормушку, кажется, даже помолодел на пару десятков — впрочем, принимая во внимание его долгожительство, не десятков, а сотен — лет. Я и не заметил, как он успел извлечь из бездонных ящиков своего письменного стола миниатюрное подобие чернильного прибора: флакончик с черной тушью и тонко отточенную деревянную щепку. Уверенным движением опытной маникюрши Джуффин уложил мою руку на стол и принялся что-то чертить на моих ногтях. Через несколько минут он что-то удовлетворенно пробурчал себе под нос и взялся разукрашивать мою правую конечность.

— Ну вот и все! — торжественно заявил Джуффин, закончив работу. — И не бойся мыть руки: этот состав смыть невозможно, даже если очень постараться... Теперь я могу передать тебе твое новое снаряжение, — с этими словами он извлек откуда-то из-под своего лоохи хорошо знакомую мне шкатулку. В этой шкатулке Шурф Лонли-Локли хранил свои смертоносные перчатки, и я ни на секунду не сомневался, что они по-прежнему там находятся: с тех пор, как сэр Шурф поступил на службу в Тайный Сыск, эти опасные вещицы перестали быть его личной собственностью.

— Вы хотите, чтобы теперь их носил я? — слова с трудом отрывались от моего языка: они сами знали, что не нужны — и без них все ясно...

— Разумеется. Мне они без надобности: и сам кое-что умею! — усмехнулся шеф. — А тебе пригодятся, когда будешь отбиваться от своих коллег. Заранее уверен, что ты постараться использовать только правую перчатку, а не левую, поэтому с легким сердцем отдаю тебе обе. Можешь примерить. Теперь ты можешь

жив. Может быть, он вообще порубит сие священное растение в капусту, и у нас будет неплохой салат, чтобы отпраздновать счастливый финал этой истории... Джуффин очень на это рассчитывает. Я тоже — а что мне еще остается?

— А какой смысл? — упрямо спросил Мелифаро. — Зачем так рисковать?

— Ну, должен же кто-то разобраться с этим грешным Пустым Сердцем, — я пожал плечами. Признаться, мне было очень сложно придумать какие-нибудь разумные аргументы, не разглашая истинную причину нашей с Джуффином нелепой затеи. — А у меня, в отличие от всех остальных, есть хоть какой-то шанс выжить... и приобрести бесценный опыт, заодно!

— У тебя в роду были самоубийцы? — гнул свое Мелифаро.

— Были, не были — какая разница! — отмахнулся я. — Я, собственно говоря, хотел попросить вас обоих на время уехать из столицы. Чем дальше — тем лучше... А то совсем скверно может получиться, если мне, в довершение к прочим радостям жизни, еще и с вами драться придется!

— А зачем тебе с нами драться? — удивился Нумминорих. Потом вспомнил, о чем идет речь, и неохотно кивнул:

— Ну да, конечно...

— Дошло? — вздохнул я.

— Уехать, говоришь? — нахмурился Мелифаро. — А сэр Джуффин что думает по этому поводу? Почему, собственно говоря, он до сих пор не приказал нам паковать дорожные сумки?

— Он сказал, будто хочет, чтобы вы сделали свободный выбор, — мне пришлось повторить чушь, которую давеча беззастенчиво молол шеф, поскольку придумать что-нибудь более интригующее у меня почему-то не получалось. — Он и сам, скорее всего, куда-нибудь уедет после того, как мы усыпим горожан, чтобы не зашибить меня ненароком, — добавил я, удивляясь, что до сих пор не покраснел.

— Ничего не понимаю! — решительно заключил Мелифаро. — Извини, Макс, но у меня не проходит ощущение, что ты врешь. Или повторяешь вранье сэра Джуффина. Или перевираешь его вранье... Положим, у вас с шефом всегда были какие-то странные секреты, но в такой критической ситуации могли бы честно объяснить, что происходит! Вроде бы, все свои, разве нет?

"Были свои, — печально подумал я. — А стали чужие — не знаю уж, почему..." Но вслух я ничего не сказал, только пожал плечами: дескать, не веришь — не надо, что я могу с тобой поделаться?

— Не хочешь ничего добавить? — мрачно спросил Мелифаро. — Хотя одно правдивое заявление — просто для разнообразия!

— Я уже все сказал — если тут вообще хоть что-то можно сказать, — вздохнул я. — Собственно говоря, я хочу только одного: чтобы вы куда-нибудь уехали, всего на несколько дней. Сделайте мне подарок, ребята. Избавьте меня от необходимости с вами драться. Так и рехнуться можно!

— Если ты действительно считаешь, что так нужно... — нерешительно начал Нумминорих.

— Вот и поезжай, доставь удовольствие его величеству, — снисходительно сказал ему Мелифаро. — Небось, еще успеешь догнать свое семейство! А я... Возможно, через пару дней я действительно уеду — невелика радость с выпученными глазами ломиться на зов этого грешного цветка, и все только для того,

Мелифаро, усаживаясь за массивным дубовым столом в "Пьяном Скелете". — Или твое великодушное величество угощает?

— А какая тебе разница? — я пожал плечами. — Не за твой — и ладно!

— Ну, не скажи, — он расплылся в ехидной улыбке и окончательно стал похож на самого себя. — Если за казенный, я закажу что-нибудь подешевле: чтобы продемонстрировать свой патриотизм. А если за твой... ну, ты же не маленький, сам понимаешь, что начнется!

— Тогда считай, что за мой, — усмехнулся я. — В моем положении было бы глупо экономить... Так что не стесняйся!

— Ты позвал нас сюда, чтобы огласить свое завещание? — насмешливо спросил Мелифаро. — Я всегда знал, что ты паникер, но сегодня ты просто неподражаем!

— Без завещания как-нибудь обойдусь, — я пожал плечами. — Никогда не мог понять, зачем люди пишут завещания: неужели им действительно не по фигу, что будет с их имуществом после того, как леди смерть выключит свет... Впрочем, очень может быть, что со мной ничего не случится. Джуффин почти уверен, что так оно и будет. Мне кажется, он несколько преувеличивает мою удачливость, но хочется верить...

— Так, — Мелифаро озабоченно нахмурился, — если уж начал ныть, объясни, что подвигло тебя на сей монолог?

— А ты сам не догадываешься? Куда подевалась твоя хваленая проницательность?

— Она иногда дает мне отдохнуть, — неохотно буркнул он. — Побывать обычным тупицей, напрочь не понимающим, что творится в чужих сердцах... по сути дела, прелестное состояние! Правда, это всегда происходит немного не вовремя — вот, например, сегодня...

— Ладно, объясню, — вздохнул я. — Дело в том, что... Ну, ты же сам утром предложил как можно скорее напоить этот грешный кровожадный цветок, чтобы он утомился, и все стало на свои места, верно? А Джуффин на это заметил, что осталось только найти "счастливчика", который должен отправиться в пасть этому дивному растению. Так вот, после того, как вы разошлись, Джуффин сообщил мне, что этим счастливчиком являюсь я...

— Не бережет он лучшие кадры! — хмыкнул Мелифаро. Впрочем его попытки вести себя так, словно ничего особенного не происходит, выглядели настолько фальшиво, хоть плачь!

— Но почему шеф решил скормить ему именно тебя? — несчастным голосом спросил Нумминорих.

— Он что, окончательно рехнулся? — озабоченно добавил Мелифаро. — До

Сих пор ты был его любимчиком... Это он тебя заблаговременно откармливал, так что ли? И, кстати, почему ты до сих пор не удрал на край Вселенной? У тебя неплохие шансы унести ноги — даже от Джуффина. Если верить долетавшим до меня слухам, ты в Хумгате как дома... По крайней мере, мог бы попробовать!

— Подожди, — мягко сказал я. — Все не так страшно. То есть, страшно, конечно, но у меня есть неплохой шанс выкрутиться. Джуффин уверен, что я — единственный человек, которому, в силу некоторых причин, страстные призывы Пустого Сердца будут до фени. То есть, я сохранию разум, и буду вести себя осторожно. А меч Короля Мёнина наверняка позаботится о том, чтобы я остался

прикасаться к этим перчаткам без опасений: я начертил на твоих ногтях защитные руны, в точности такие же, как у Шурфа. Главное — ни в коем случае не прикасайся руками к другим частям своего тела, а то решишь почесать нос по привычке, и сам не успеешь заметить, как умер.

— Но я не хочу носить эти перчатки, — несчастным голосом сказал я. — Зачем они мне? Я и без них довольно опасен.

— Конечно, ты не хочешь, — понимающе кивнул Джуффин. — Именно поэтому они должны принадлежать тебе. Такое оружие можно доверить только человеку, который не жаждет им обладать. Хорош бы я был, если бы отдал эти перчатки сэру Кофе, или тому же Мелифаро!

— В таком случае, отдайте их Нумминориху, — ехидно посоветовал я. — Он точно начнет отказываться, я его хорошо изучил!

— Ну, откажется он — и что дальше? — пожал плечами Джуффин. — Извини за откровенность, сэр Макс, но твой протезе слишком глуп, чтобы правильно распорядиться этими перчатками. И вообще, бери и не рассуждай. Это не подарок, а приказ. Или моя личная просьба, если тебе так больше нравится.

— Формулируйте, как хотите: все равно мне от этого не легче! — вздохнул я, неохотно надевая перчатки: сначала парализующую правую, а потом, с трудом преодолевая внутреннее содрогание — смертоносную левую. — Ну, и как они действуют? — растерянно спросил я, когда понял, что никаких особенных ощущений мои руки не испытывают.

— Обыкновенно. Сэру Шурфу было достаточно просто поднять руку. Впрочем, на это у тебя, хвала Магистрам, пока не хватит могущества. Все к лучшему: в отличие от него, ты не умеешь контролировать свои движения, а уж желания — тем более! Поэтому тебе придется слегка прищелкивать пальцами — так, словно ты собираешься выпустить Смертный Шар, и перчатки оживут. Можешь не репетировать, и так все получится... Ладно, снимай пока это украшение и спрячь его понадежнее: в ближайшие дни оно тебе будет без надобности.

— А то, может, выйти на угол и потренироваться на живых людях? усмехнулся я, мысленно поздравляя себя с фундаментальным достижением в жанре черного юмора. Очень кстати: юмор других цветов мне пока не требовался, и я здорово сомневался, что еще когда-нибудь потребуется...

Перчатки, впрочем, я снял поспешно и с неописуемым облегчением. Аккуратно убрал их обратно в шкатулку, каковую тут же уменьшил и спрятал в пригоршне — самый надежный сейф! Мне пришло в голову, что, возможно, никто не будет заставлять меня применять на практике этот чудный сувенирчик, оставленный нам на память Лонли-Локли, а если именно я стану его хранителем — что ж, мне так даже спокойнее!

— Вы как хотите, а я буду пить кофе, — мрачно, но решительно сказал я Джуффину, проворно вытаскивая чашку из Щели между Мирами. — Если вам это очень мешает, можете меня убить — и дело с концом!

— Делай что хочешь, — он брезгливо пожал плечами. — Только стол мне запачкай.

Это тоже было нечто новенькое. Прежде шеф никогда не поднимал шум из-за бардака на своем столе: зачем тратить слова, когда можно просто вызвать какого-нибудь курьера и ликвидировать безобразие!

— Ладно уж, не запачкаю, — вздохнул я, извлекая из Щели между Мирами бумажную салфетку совершенно космических размеров. Джуффин одобритительно наблюдал, как я раскладываю эту "простыню" на его столе.

Несколько глотков кофе сделали полезное дело: я наконец-то начал соображать. И у меня сразу родился очень хороший вопрос.

— Слушайте, а почему бы нам просто не усыпить всех ребят, вместе с прочими горожанами — вместо того, чтобы рассказывать им дурацкие сказки, будто бы я собираюсь мужественно отдать жизнь за все человечество? И сражаться мне ни с кем не придется...

— Если бы это было возможно, я бы вообще не стал заводить с тобой этот разговор — зачем мне лишние хлопоты? — равнодушно отозвался Джуффин.

— А почему невозможно? — изумленно спросил я.

— Потому что Пустое Сердце не расцветет, если за него не будет бодрствовать хотя бы полдюжины человек, — невозмутимо объяснил он. — Пустому Сердцу просто необходимо, чтобы хоть кто-то сражался за право к нему приблизиться. Оно, знаешь ли, любит внимание, но готово обойтись несколькими зрителями, как какой-нибудь неудачливый актер. Но меня одного и даже нас двоих — явно недостаточно. А вот если к нам присоединятся, к примеру, Кофа, Мелифаро, Нумминорих и Луукфи, дело, считай, в шляпе.

— Но почему именно они? — упрямо спросил я. — Давайте оставим кого-нибудь другого, нескольких простых горожан...

— Которых не жалко — ты это имеешь в виду? — понимающе усмехнулся шеф. Мне показалось, что его голос звучит насмешливо, но вполне одобрительно.

— При чем тут "жалко" — "не жалко"? — сердито отмахнулся я. — Почему вообще надо кого-то жалеть? Я же, в любом случае, никого не собираюсь убивать. А отбиваться от простых горожан легче, чем от наших коллег, поэтому дело наверняка обойдется без несчастных случаев. Я аккуратненько приложу их правой перчаткой — если уж вы мне их навязали! — ребята проведут несколько часов без сознания — тоже мне горе... Между прочим, я не уверен, что легко справлюсь с тем же Мелифаро! О Кофе я вообще не говорю: в свое время он даже вас несколько раз чуть не уложил на лопатки. Куда уж мне!

— Не приbedняйся, сэр Макс — строго сказал Джуффин. — Если ты захочешь остаться в живых, ты горы свернешь, я тебя уверяю!

— Я не приbedняюсь, а трезво смотрю на вещи, — проворчал я. — Я все равно не понимаю: зачем оставлять в бодрствующем состоянии чуть ли не самых могущественных людей в Соединенном Королевстве, если можно обойтись без них...

— Ладно уж, объясню, — неожиданно согласился Джуффин. — Видишь ли, когда спит могущественный человек, его Тень начинает шалить. Некоторые Тени — к счастью, очень немногие! — тоже неравнодушны к зову Пустого Сердца, и с ними проблем не оберешься. Вполне может статься, что в финале нам с тобой еще придется иметь дело с Тенью старого пройдохи Нуфлина, хотя я очень надеюсь, что пронесет: все-таки спокойная старость не пошла ему на пользу... Пусть уж лучше наши коллеги бодрствуют: мне так будет спокойнее.

— Ладно, но в таком случае вы можете приказать им уехать, как приказали Шурфу, — не унимался я. — Зачем рисковать?

сказать, профессионалами, и я с надеждой подумал: а вдруг и сейчас им это удастся? Впрочем, одного взгляда на их угрюмые физиономии было достаточно, чтобы понять: сегодня они пас. Вот еще немного испортить — это пожалуйста!

— А вот и "его величество" пожаловало, — мрачно сказал Мелифаро. — Какая честь для всех нас!

Нумминорих неуверенно улыбнулся. Скорее всего, просто потому, что улыбнуться было положено: еще вчера вечером наши с Мелифаро шуточные перепалки являлись обязательной частью каждодневной увеселительной программы, официально именуемой "государственная служба". В самом начале своей карьеры в Малом Тайном Сыском войске я быстро уяснил, что обижаться на этого парня бессмысленно, а немного позже понял, что обижаться на кого бы то ни было — вообще последнее дело, самый непрактичный способ проводить время. Но сегодня его интонации меня настораживали: то ли у этого парня были какие-то личные претензии ко мне, то ли он просто срывал на мне свое дурное настроение. "Плевать, — подумал я, — пусть себе бурчит! Все мы сейчас отнюдь не душки — я и сам хорош, наверное..."

— Как бы нам пошепаться, ребята? — спросил я, задумчиво оглядываясь по сторонам.

— А о чем шептаться? — сердито удивился Мелифаро. — Если есть новости, выкладывай. А если нет — чего тогда зря воду в ступе толочь?

— Иногда это бывает полезно, — усмехнулся я. — Заметно, что ты не знаешь основ алхимии!

— Это правда, — оживился Нумминорих, счастливый обладатель чуть ли не дюжины дипломов о высшем образовании. — Если воду из подземных источников толочь некоторое время в специальной фарфоровой посудине, в определенный день луны и с соответствующими заклинаниями, она может стать целебной, или ядовитой — все зависит от положения звезд... и от заклинаний, конечно!

— Ну вот, — усмехнулся я, — именно это я и предлагаю сделать. Пойдем куда-нибудь поболтаем.

— Но почему обязательно нужно куда-нибудь идти? — упрямо спросил Мелифаро.

— В этом помещении у меня нет вдохновения, — ехидно сказал я. — Тебе подходит такое объяснение?

— Ладно уж, приму твою жалкую версию — за неимением лучшего... — в нем на мгновение проснулся прежний Мелифаро, смешливый и беззаботный, с характером, выступающим в наилегчайшем весе.

— Думаешь, нам сойдет с рук, если мы оставим Управление без присмотра? — нерешительно спросил Нумминорих. Наверное, он все еще чувствовал себя новичком в Тайном Сыске — слишком уж большое значение придавал служебной дисциплине.

— Сойдет, не сойдет — какая разница? — проворчал Мелифаро, направляясь к выходу. — Все равно все катится к Темным Магистрам! — мрачно добавил он.

— Вот именно, — в тон ему усмехнулся я. — К тому же, в случае чего, можно свалить все на меня. Этот номер всегда проходит на ура, а теперь и подавно пройдет, фирма гарантирует!

— Пьем за счет казны Соединенного Королевства? — деловито спросил

свое драгоценное могущество можешь скатать в трубочку и засунуть в задницу, многоуважаемый сэр Вершитель: практика показывает, что иногда оно до фени!"

Внезапно мне пришло в голову, что все еще в моих руках: до сих пор Джуффин то и дело твердил, что я — Вершитель, а значит все будет так, как я захочу. Да что там — я и сам неоднократно получал наглядные подтверждения этой сомнительной теории! Правда, старый шериф Кеттари, сэр Махи Аинти как-то объяснил мне, что желания мои исполняются "рано, или поздно, так, или иначе — чувствуешь разницу?" — но поскольку его я, скорее всего, выдумал... Одним словом, я решил, что пришло время как следует "захотеть". Сейчас я и сам понимаю, насколько нелепо это звучит, но ведь и попытка утопающего вцепиться в хрупкую скользкую камышинку — не самый мудрый поступок...

— Я хочу, чтобы все было... — начал я вслух и запнулся, потому что не мог сформулировать: как именно все должно быть, — ...как раньше! — наконец неуверенно закончил я.

Я поразился тому, каким жалобным может быть мой собственный голос — словно у первоклассника, получившего первую в его коротенькой жизни двойку. И как, оказывается, мало нужно, чтобы довести меня до столь плачевного состояния: пара-тройка не слишком приятных "задушевных" разговоров с хорошими людьми — всего-то! Мне стало немного стыдно за свое идиотское поведение: совершенно ясно, что жалобный лепет делу не поможет... Я остановил амобилер на какой-то узенькой улочке, положил голову на руки, закрыл глаза и постарался сосредоточиться. Я еще надеялся, что все-таки смогу найти в себе силы перекроить внезапно исказившуюся реальность. Разумеется, для этого требовалось не орать вслух всякую чушь, скорчив скорбную рожу, а медленно и осторожно сплести паутину из своих идеалистических представлений о том, какой должна быть единственная и неповторимая человеческая жизнь, а потом аккуратно набросить эту сеть на притихшую реальность, уже готовую измениться... Но у меня ничего не вышло. И, если честно, я с самого начала чувствовал, что не выйдет. Я физически ощущал, что зашел в тупик: создавалось впечатление, что если протянуть руку в темноту, притаившуюся под моими веками, я смогу потрогать стену, в которую я уперся. Я даже знал, что эта стена окажется холодной и влажной — от слез моих многочисленных предшественников, что ли...

Я зачем-то поехал в Дом у Моста, испытывая равнодушное отвращение при мысли о том, что мне придется как-то жить дальше. Я-то, дурак, все-таки остался в Ехо, упрямо бормоча про себя: "ладно, чем хуже, тем лучше!" — но какая-то часть меня все-таки послушалась совета мудрого сэра Лонли-Локли и благополучно "сделала ноги". Та самая часть, которая являлась хранилищем моей неиссякаемой жизнерадостности и какой-то волшебной, неопишуемой легкости, до краев переполнявшей меня с того момента, когда я впервые появился в Ехо. Я настолько свыкся с этой чудесной легкостью, что теперь, когда она ушла, я чувствовал себя старым, больным и разбитым, и даже на зеркало, висевшее в полутемном коридоре Управления покосился со смутным опасением: я бы ничуть не удивился, обнаружив там морщинистого сутулого старика. Но в моей внешности не произошло никаких перемен, по крайней мере, пока...

В Зале Общей работы я увидел Мелифаро и Нумминориха и слегка оттаял. Эти ребята являлись крупными специалистами по поднятию моего настроения, можно

— Видишь ли, сэр Макс, — торжественно провозгласил Джуффин, — возможно, ты мне неверишь, но я испытываю некоторое уважение к такому понятию, как свободный выбор. Уважение не столь безоговорочное, чтобы позволить остаться в Ехо сэру Шурфу, который кажется мне по-настоящему серьезной опасностью, или, к примеру, позволить уехать тебе: ты мне сейчас необходим как никогда... Но что касается остальных — пусть решают сами.

— Извините, но все ваши объяснения кажутся мне притянутыми за уши, — тихо сказал я. — И что должна бодрствовать целая компания, и что Тень могущественного человека, по вашему выражению, может "начать шалить", и уж, тем более, последняя часть ваших доводов, о так называемом уважении к свободному выбору — это вообще ни в какие ворота не лезет! Я вас не первый день знаю.

— Значит, ты не веришь моим объяснениям? — в голосе шефа звучало спокойное любопытство. — Ну, не веришь — не надо. Что я могу поделать: других объяснений у меня для тебя пока нет. И имей в виду, на будущее, сэр Макс: правда часто выглядит недостоверно, в отличие от умело сконструированного вымысла!

Я промолчал, поскольку сэр Джуффин Халли умеет выдвигать простенькие, но убийственные аргументы, против которых не попрешь. Но про себя я решил, что попытаюсь уговорить ребят уехать. Возможно, я сделаю для них даже больше: любого человека можно заставить врасплох, уменьшить и спрятать в пригоршню, человека также можно отправить в другой Мир, или хотя бы увезти подальше от города и оставить в какой-нибудь глуши без амобилера... Если хорошенько подумать, наверняка окажется, что число приемлемых вариантов стремится к бесконечности! Свобода выбора — дело хорошее, но перспектива отбиваться от обезумевшего сэра Кофы Йоха, невменяемого Мелифаро, или, того хуже, от Луукфи с Нумминорихом, которые по-прежнему казались мне самыми беззащитными ребятами в нашей компании, казалась мне слишком уж удручающей. Дело не в том, что я их опасался. Я их любил, а это было гораздо хуже...

— Можешь пока идти, — неожиданно сказал мне Джуффин. — Прогуляйся, обдумай все, что я тебе рассказал... И если тебе покажется, что правда о Пустом Сердце нуждается в немедленной публичной огласке, будь любезен вспомнить, что за тобой имеется небольшой должок, и молчание — неплохой способ начать оплату счетов. Я не стану накладывать на тебя заклęcia, чтобы связать твой язык — между прочим, именно потому, что уважаю свободу выбора. Признаться, мне ужасно любопытно, как ты себя будешь вести! — весело заключил он.

— А сэр Маба? — спросил я, поднимаясь, чтобы покинуть его кабинет. — Он, часом, не собирается составить вам конкуренцию? Потому что, если он — один из нападающих, я уж точно пас, и не уговаривайте!

— Ты его еще плохо знаешь. Маба брезглив, — усмехнулся Джуффин. — Он никогда не станет принимать участие в битве с другими людьми — какие бы головокружительные награды не полагались победителю! Помогать он, разумеется, тоже не собирается никому: старик в своем репертуаре. Одним словом, Мабы больше нет в Ехо. Впрочем, его вообще нет в этом Мире.

— Сидит, небось, в Кеттари и играет в шахматы с Махи Аинти, — невольно улыбнулся я. — Счастливчики!

— Может быть и играет, но уж никак не в Кеттари — я же сказал тебе, что в этом

Мире его сейчас нет... А с кем это он, по твоему утверждению, играет в шахматы? — равнодушно переспросил Джуффин.

— С Махи — с кем еще? — я уже взялся за ручку двери. — Хотел бы я к ним присоединиться, но ведь пошлют подальше...

— Махи... — рассеянно повторил Джуффин. — А кто такой этот Махи? Что-то не припоминаю...

— Ничего себе! — вот теперь я впервые по-настоящему испугался за рассудок шефа. — Это же ваш учитель! Старый шериф Кеттари, сэр Махи Аинти, тот самый...

— Шерифом Кеттари довольно долго был я сам, — спокойно сказал шеф. — А передо мной шерифом был Мокки Балла — редкостный тупица, между прочим, так что ничему он меня не научил за добрую сотню лет нашей совместной работы... А после моего отъезда шерифом Кеттари стал мой племянник Холатла Халли, а после него — даже не знаю кто: не до того мне было, чтобы интересоваться новостями с родины. На моей памяти никакого шерифа Махи Аинти в Кеттари не было, и вообще господина с таким именем я никогда не встречал...

Прежде мне и в голову не приходило, что Джуффин может просто сойти с ума, что бы он ни вытворял, но теперь меня наконец посетило такое предположение. В каком-то смысле это была неплохая новость. Если Джуффин рехнулся, вполне могло статься, что и Пустое Сердце собирается зацвести только через несколько сотен лет, или вообще никогда, просто у сэра Джуффина Халли в кои-то веки начался шизофренический бред, а мой бедный нос по-прежнему не способен распознать запах безумия... Но, судя по всему, у шефа появилась аналогичная идея на мой счет.

— Ты начал путать сны с реальностью, мальчик, — сочувственно сказал он. — Это гораздо опаснее, чем ты думаешь. Что бы не творилось, главное — всегда отдавать себе отчет и ясно осознавать, что именно с тобой происходит. Я понимаю, что тебе сейчас нелегко, но это нормальное состояние: ребятам вроде нас с тобой легко подолгу не бывает.

— Значит, сэр Махи Аинти — мой сон? — уточнил я. — И наше с Шурфом путешествие в Кеттари — тоже? И моя поездка в те края после эпидемии?

— Час от часу не легче! — вздохнул Джуффин. — Теперь еще и эпидемию какую-то придумал... Приводи в порядок свою бедную голову, сэр Макс, чем скорее — тем лучше! В ближайшее время она тебе понадобится, можешь мне поверить!

Я взял себя в руки и сдержанно кивнул.

— Вот и славно, — удовлетворенно улыбнулся шеф. — Ты гораздо сильнее, чем тебе самому кажется, так что справишься с этой небольшой проблемой.

— Я постараюсь, — так же сдержанно ответил я, хотя под моей горемычной крышей уже бушевала настоящая буря.

— Не забудь: сразу после заката у нас совещание, — заключил он. — А пока можешь наслаждаться жизнью...

— Напоследок, — саркастически добавил я, и вышел из кабинета. Впервые я покидал кабинет сэра Джуффина Халли, испытывая колоссальное облегчение от того, что мне больше не нужно находиться в его обществе.

— Куда все катится? — жалобно спросил я себя, усаживаясь за дальний столик трактира, название которого я так и не прочитал, когда остановил у его дверей свой амобилер.

— Шурф тебе это сказал? — Я на всякий случай сделал вид, что удивился.

Мне не хотелось делиться с Меламори своей информацией. Куда еще ее пугать: и так уже испугалась — дальше некуда!

— И когда он успел? — с деланным удивлением спросил я. — Я ему уже не раз посылал зов, но он молчит — в точности, как ты сегодня полдня молчала.

— Он еще утром мне все сказал. Часа за два до нашего совещания. И действительно посоветовал уносить ноги, правда, не вдаваясь особо в подробности... — Меламори удивленно посмотрела на меня. — Я думала, что он всех предупредил. Интересно, почему только меня?... Впрочем, это не мое дело. Наверное, Шурфу виднее, кого предупреждать, а кого — нет.

— Наверное, — эхом откликнулся я. — Ладно, ты права: с Джуффина вполне станется устроить за мной погоню. Мне тоже кажется, что его здорово припекло... Еще попадешь под раздачу!

— Наверное поэтому я весь день старалась с тобой поссориться, — угрюмо сказала Меламори. — Ведь это так естественно — рвануть куда-нибудь вдвоем, правда? Первое, что приходит в голову. В глубине души я ужасно боялась, что ты это предложишь. Мне очень не хочется оказаться между тобой и сэром Халли. Поэтому...

— Поэтому уезжай одна, — кивнул я. — Ты права. Может еще увидимся!

— Если повезет, — мрачно буркнула она.

— Если повезет, — упавшим голосом повторил я.

На душе образовался мерзевший осадок. Я понял, что Меламори совершенно уверена: из этой истории мне не выпутаться. И несмотря на это, не предпринимает никаких мер по спасению моей шкуры. А ведь могла бы — ну ладно, не увезти меня с собой, но хотя бы назначить романтическое свидание где-нибудь на краю света, через дюжину дней, чтобы у меня был серьезный стимул плюнуть на все, сорваться с места, и унести ноги... Что-то было неестественное в ее поведении. Моя Меламори вдруг начала вести себя, как чужая незнакомая женщина. Я не обиделся на нее — какие уж тут обиды! — но меня обдало почти непереносимым холодом, когда я понял, что уже потерял ее, как совсем недавно потерял Джуффина — в любом случае, как бы не сложились обстоятельства...

— Ладно, — деревянным голосом сказал я. — Не будем растягивать это сомнительное удовольствие. Счастливого пути. Прощай.

Ту Меламори, которую я знал, слово "прощай" привело бы в бешенство: больше всего на свете она боялась именно этого сочетания звуков, поскольку почти всерьез считала его заклинанием, последствия которого могут оказаться необратимыми. Но на этот раз она не стала возмущаться, а смущенно кивнула — мне показалось, что с некоторым облегчением — и повторила:

— Прощай.

Я поспешно покинул ее амобилер, взялся за рычаг собственного и рванул с места, так быстро, как только мог. Мне было очень больно. Вот уж не думал, что мне еще когда-нибудь будет так больно: совсем как в юности, когда любая незначительная размолвка с любимой девушкой кажется катастрофой вселенского масштаба, а коротенькая разлука на несколько дней заставляет всерьез размышлять о смерти, как о единственном избавлении от непереносимой тоски. "Как был ты сумасшедшим идиотом, так им и остался, дорогуша, — печально подумал я. — А

запахло полным дерьмом! А теперь я пас. Разбирайтесь со своими паршивыми цветочками без меня, господу колдуны! Я не собираюсь отдавать свою жизнь за сомнительную честь оставаться твоей любовницей на пару дней дольше. Ты хорош, сэр Макс, но не настолько, можешь мне поверить!

Если бы дело происходило несколько лет назад, на этом наш разговор, пожалуй, и закончился бы: когда я был немного моложе и гораздо глупее, я придавал огромное значение словам, сказанным вслух — и больше, пожалуй, ничему! Но теперь мне было совершенно все равно, из каких слов складывает она свои нелепые фразы. Какая разница? Мое чуткое второе сердце отлично знало, что творится с этой сердитой девочкой. Меламори была настолько напугана, что вообще почти ничего не соображала. Поэтому и старалась как следует на меня рассердиться, а еще лучше — рассердить меня, чтобы затеять хорошую качественную ссору: гнев тем и хорош, что заставляет замолчать все прочие чувства, в том числе и страх...

Я подошел к ней, решительно обнял за плечи. Она тут же сжалась в сердитый комочек, как дикий уличный котенок, которого только что принесли в дом и собираются испугать, а потом понемногу расслабилась, потому что я уже давно научился успокаивать людей — не дурацкими словами, а своего рода массажем в области основания шеи, больше похожим на обыкновенное поглаживание. Через несколько минут мы уже в обнимку сидели на заднем сидении автомобиля, и ее громоздкая дорожная сумка агрессивно вгрызалась в мое бедро, обещая великолепный синяк на добрую память.

— Я тебя обидела? — смущенно спросила Меламори.

— Нет, — улыбнулся я. — Но надо отдать тебе должное ты очень старалась!

— Мне страшно, Макс, — тихо сказала она. — Мне так страшно, как еще никогда не было — а ведь не такая уж я трусиха!

— Скорее наоборот, — заверил я ее. — Но у каждого из нас всегда есть шанс встретиться с настоящим страхом, даже когда начинает казаться, что бояться больше нечего...

— И вот, пришла моя очередь, — сердито кивнула она. А потом спросила:

— Макс, ты действительно не будешь заставлять меня оставаться в Ехо?

Я помотал головой.

— Скажу тебе больше: если бы ты вдруг решила остаться... Вот тогда мне пришлось бы силой уволочь тебя куда-нибудь подальше!

— Все настолько скверно? — упавшим голосом спросила Меламори.

— А Магистры знают... Все-таки скорее скверно, чем хорошо, — неохотно признал я. — Я и сам все думаю: может быть смыться? Да еще и вместе с тобой — заманчивая перспектива!

— Ну... ладно, давай! — как-то нерешительно согласилась Меламори.

Я удивленно посмотрел на нее. Честно говоря, сейчас, когда она немного успокоилась, я ожидал, что мое предложение составить ей компанию будет встречено с энтузиазмом. Она поняла мое разочарование и объяснила — смущенно, но вполне решительно:

— Мне кажется, что Джуффин тебя не отпустит, Макс. Я знаю, что ему очень нужен этот цветок. Мне Шурф сказал, что избранник Пустого Сердца не умирает, а наоборот — становится таким живым, что нам и не снилось... Остальное я подумала сама. Полагаю, ты можешь аналогичные выводы.

Потом я попробовал задать тот же вопрос Меламори. Ответа не последовало — впрочем, я и не слишком-то рассчитывал. Она по-прежнему не отвечала на мой зов. Ее молчание казалось мне настолько не правдоподобным, что я даже не мог как следует из-за этого огорчиться. В каком-то смысле оно меня слегка обнадеживало, поскольку на фоне упорного нежелания леди Меламори снова стать одним из действующих лиц нелепой мистической драмы, в которую так быстро превратилась моя единственная и неповторимая жизнь, происходящее казалось все менее и менее реальным...

Впервые за все годы моего пребывания в Ехо мне ужасно хотелось пить — до полной невменяемости, до потери сознания, памяти и прочих составляющих личности. Я меланхолично подумал, что было бы неплохо потерять их не на время, а вообще навсегда, чтобы не осталось никаких проблем! Но разумеется я не напился: не так плохи были мои дела. Я все еще был Тайным Сыщиком и жалкие остатки разума требовались мне как никогда прежде, поскольку в глубине души я все еще рассчитывал распутать клубок из странных тайн сэра Джуффина Халли, которого я только что потерял — в любом случае, как бы не развивались события! Но разум отказывался мне служить, для этого даже напиваться не требовалось.

После тщетной попытки запихать в себя какую-то пищу, запах и даже вкус которой я совершенно не ощущал, я понял, что от героических попыток позавтракать мне становится только хуже и отставил тарелку в сторону. Я попробовал послать зов самому Махи Аинти и убедился, что он — то ли просто не хочет со мной общаться, то ли действительно не существует... Потом я попытался связаться с Шурфом. Я подозревал, что никаких советов, кроме уже прозвучавшего (и, наверное, самого ценного) — уносить ноги, я от него не дожусь. Но мне ужасно хотелось задать ему парочку вопросов, например: ездили мы Кеттари, или все-таки не ездили, была в Ехо эпидемия Анавайны, или не было никакой эпидемии. "По крайней мере, выясню, кто сошел с ума: я, или Джуффин", — подумал я. Но и Шурф молчал, словно его уже не было среди живых. Наверное, парень решил, будто все настолько хреново, что предусмотрительно отказался от возможности периодически узнавать свежие новости и лезть ко мне со своими мудрыми советами... Грешные Магистры, как я ему завидовал!

"Связь не работает, — тупо подумал я. — Может быть, я вообще никогда не владел Безмолвной речью, и это тоже — всего лишь дурацкий полусон, который мне настолько понравилось считать реальностью, что я в него поверил?"

Чтобы разобраться с этим раз и навсегда, я послал зов Мелифаро. Не могу сказать, будто я собирался обсуждать с ним наши многочисленные проблемы — по крайней мере, не сейчас! Просто очень хотелось проверить, существует ли в природе Безмолвная речь, или мне пора добровольно сдаваться в Приют Безумных. К моему несказанному облегчению, Мелифаро откликнулся сразу же.

"Извини, Макс, но мне сейчас немного не до разговоров, — озабоченно сказал он. — У меня тут, так сказать, семейные проблемы..."

"Тебе можно только позавидовать, счастливчик!" — печально подумал я. Но говорить ему это не стал: любому человеку собственные проблемы кажутся куда более серьезной штукой, чем чьи-то еще...

"Ладно, поговорим потом, — миролюбиво согласился я. — А если твои

"семейные проблемы" заключаются в том что леди Кенлех не желает эвакуироваться из столицы Соединенного Королевства, скажи ей, что я присоединяюсь к твоей просьбе. И еще скажи, что я прошу ее прихватить с собой сестричек. Скажи ей, что это — самая большая услуга, которую она может мне оказать..."

"Я ей передам, — сухо согласился Мелифаро. — Но вообще-то, не слишком ли это самоуверенно с твоей стороны — полагать, что Кенлех должна считать твоё мнение по этому вопросу более важным, чем мнение своего собственного мужа?"

Потом он попрощался со мной, холодно и поспешно, и прервал нашу Безмолвную связь. Я снова остался один и первым делом попытался справиться с очередной порцией удивления. "Это что — проснулась запоздавшая ревность? — изумленно подумал я. — Самое время, конечно! Ну разумеется, я — тот самый человек, к которому просто необходимо ревновать, главный местный Казанова, ни одной чужой жены не пропускаю, сразу лезу к ним под подол со своими ценными мнениями по любому вопросу, а они, дурочки, считают мои мнения более важными, чем мнения своих мужей... Идиотизм какой-то!"

Некоторое время я рассматривал свои руки, которые казались какими-то чужими из-за странных узоров, которыми были теперь расчерчены ногти. И не только мои руки. Все вокруг постепенно становилось чужим, и люди, присутствие которых еще вчера делало меня самым счастливым человеком под этим белесым небом, вели себя, как совершенно чужие мне малоприятные незнакомцы — взять хотя бы того же Мелифаро, о Джуффине я уже не говорю! — или попросту исчезали из моей жизни, кутаясь в темную кисею равнодушного молчания. Даже местная кухня внезапно перестала мне нравиться — судя по тому, как я только что давился, пытаясь позавтракать...

"Мир сдвинулся, — пришла мне в голову цитата из когда-то давно прочитанной книжки — кажется, из "Темной Башни" Кинга. — Мир сдвинулся, — снова подумал я, теперь уже более уверенно. — Но может быть его еще можно "задвинуть" на место?"

Вообще-то уже тогда я понимал, что "задвинуть на место" ничего не получится, и поэтому мне следует последовать давешнему совету благополучно исчезнувшего Шурфа Лонли-Локли и делать ноги. Бежать куда угодно, лишь бы отсюда! В голове копошились предательские мыслишки, что деваться мне особо некуда, да и Джуффин, небось, устроит погоню, но, с другой стороны, если вас укачало от езды в автобусе, главное — выйти, немного постоять на твердой земле, отдышаться, прийти в себя, а уже потом думать, что делать дальше. Но меня охватило ничем не объяснимое оцепенение, какой-то паралич воли, иначе и не назовешь. "Подождем еще немного, хотя бы до завтра, все уладится, вот увидишь!" — шептал мне сытый, фальшиво спокойный голосок, притаившийся в одном из потаенных уголков моего сознания. Самое удивительное, что я ему искренне верил: то ли потому, что очень хотел поверить в его утешительное бормотание, то ли у меня просто не было сил сопротивляться. Скорее всего, и то, и другое, конечно. А ведь мне уже было понятно, что ничего не "уладится", ни завтра, ни через дюжину дней — вообще никогда! Некая невидимая критическая черта, отсекавшая меня от надежды, была уже пройдена... не знаю, когда именно, но это, пожалуй, уже не имело значения.

Еще одна страница сгорела

Очертя голову я бросился склеивать свою разваливающуюся на части жизнь. И

начать решил с Меламори. Вообще-то, это следовало сделать с самого начала. "Не хочет пользоваться Безмолвной речью — Магистры с ней, — думал я. — Но когда она увидит меня, живого и теплого, возможно она не станет выкидывать меня в окно... Черт, мне ведь, в сущности, так мало нужно: просто снять с сердца паскудный осадок, оставшийся после ее поспешного бегства с совещания... Если мы просто попрощаемся по-человечески, у меня появится хоть одна серьезная причина позволить будущему наступить!"

Я надеялся, что еще успею застать ее дома. Чтобы уехать, человеку обычно требуется хоть какое-то время: на сборы, на лихорадочные попытки вспомнить, в какой из бесчисленных шкапулок, разбросанных по всему дому, лежат деньги, на несколько попыток оставить записку и на тщательное сожжение клочков немилосердно разорванных посланий. Разумеется, отнюдь не все люди тратят время на такие пустяки, но мне казалось, что я неплохо знаю Меламори. Из совокупности моих обширных знаний о ее привычках следовало, что сейчас она как раз приступает к написанию последней (или даже предпоследней) прощальной записки, каковую, впрочем, непременно порвет, как уже порвала несколько предыдущих, поскольку в последний момент сочтет, что текст был продиктован глупым желанием оправдаться, и вообще слов, которые могли бы все объяснить, она не знает...

Я бросил на стол новенькую сияющую корону и поспешно покинул трактир. "Расселся тут, кретин! — с удивленным возмущением говорил я себе. — Ну почему ты сразу к ней не поехал?" Удовлетворительного ответа на сей резонный вопрос у меня не было. Просто... просто все пошло наперекосяк, и я никак не мог сообразить, какой край реальности следует подтягивать в первую очередь!

Можно сказать, мне повезло: я столкнулся с Меламори на пороге ее дома. Она как раз укладывала здоровенную дорожную сумку на заднем сидении амобилера.

— Ты забыла упаковать меня, милая. Боюсь, тебе понадобится еще одна сумка, — я изо всех сил старался говорить так, словно все в полном порядке, и моя прекрасная леди просто собралась в коротенький отпуск, куда-нибудь на ярмарку в Нумбану, или где там еще положено проветриваться, засидевшись на службе...

— Ты тоже хочешь уехать? Это правда? — недоверчиво спросила Меламори. Мне показалось, что в ее глазах засветилась надежда, но уже через мгновение это глупое, но позитивное чувство покинуло свое временное убежище, и темно-серые глаза Меламори снова стали холодными и тусклыми, как грязные весенние льдинки.

— Очень хочу! — искренне ответил я. — По крайней мере, с тобой. Возможно, это действительно самый лучший выход!

— Не обманывай меня, Макс, — неожиданно твердо сказала она. — Джуффин велел тебе остановить меня, верно? А поскольку ты немного сентиментален и не хочешь применять силу, ты хитришь. Сейчас ты лихорадочно прикидываешь, что лучше: уговорить меня хотя бы на день повременить с отъездом, спрятать меня в пригоршню, или сразу шарахнуть своим Смертным Шаром...

— Да что с тобой? — сердито спросил я. — С какой стати я стал бы с тобой хитрить? Когда это ты перестала мне доверять?

— А с чего ты взял, что я вообще когда-то тебе доверяла? — сухо спросила она. — Мне было хорошо с тобой, скажу больше: я до сих пор влюблена в тебя, но любить и доверять — не одно и то же. Я никогда не забывала, что ты за существо, и всегда была настороже... Впрочем, так было даже увлекательнее — пока дело не

оранжевым светом, как оживший янтарь. Удивительное дело: я сразу почувствовал себя лучше: и ноги больше не подкашивались, и колени не дрожали. Я почти успокоился и с благодарностью понял, что обязан своим исцелением дереву: оно заботливо поделилось со мной своей странной силой, так что теперь я мог позволить себе роскошь оставаться упрямым и равнодушным — до самого конца, каким бы он ни был, этот самый конец!

Страница сгорела

— Ну, если тебе непременно приспичило подраться... Что ж, я к твоим услугам, — голос Джуффина звучал холодно и бесстрастно. — Зря ты это затеял, Макс, — добавил он. — Ты, конечно, многому успел научиться за последние годы, но я тебе пока не по зубам, бедняга!

Я и сам знал, что он мне не по зубам — еще бы! — но сейчас мне было плевать. Я уже смирился с тем фактом, что сегодня мне наверняка придется умереть, и решил: пусть уж это произойдет здесь, на Темной Стороне, где мои желания всегда были законом и исполнялись с пугающей легкостью. Кто знает, может быть в самое последнее мгновение я успею пожелать для себя какой-нибудь иной участи, и моя смерть останется ни с чем — уже в который раз...

— Что ж, если хотите драться, значит придется драться — куда ж я от вас денусь? — упрямо буркнул я.

Признаться, мне еще ужасно хотелось спросить Джуффина: почему бы ему просто не оставить меня в покое? С ребятами он и без моей "неоценимой" помощи справится, это было ясно с самого начала, и вообще все его объяснения насчет того, на кой черт ему приспичило обеспечить мое участие в грядущей идиотской битве за не менее идиотский цветок, выглядели мягко говоря неубедительно... Но я не стал спрашивать: захочет — сам скажет, а не захочет — выдумает какую-нибудь очередную чушь — что я его не знаю?!

— А кто тебе сказал, что мы будем именно драться? — насмешливо спросил Джуффин.

Теперь его голос звучал иначе, чем прежде — не отовсюду, а из-за моей спины. Я обернулся и помертвел: он действительно стоял в нескольких шагах от меня. С того момента, когда я покинул его кабинет, Джуффин стал еще моложе, теперь его и узнать-то было почти невозможно. Согласно системе представлений моей "исторической родины", человеку, который с насмешливой улыбкой взирал на мою перекосившуюся от ужаса рожу, можно было дать никак не больше тридцати пяти — сорока лет, скорее уж меньше. Теперь он казался почти моим ровесником. Только глаза остались прежними: очень светлые, как пасмурное небо над Ехо, пронзительные, безжалостные и холодные, как кусочки льда, извлеченные из самого сердца огромного айсберга. Если бы не они, я вообще мог бы не узнать своего бывшего шефа. Господин Почтеннейший Начальник окончательно уступил место Кеттарийскому Охотнику по прозвищу Чиффа, и сейчас я очень хорошо понимал, почему его имя заставляло леденеть бесстрашные сердца Великих Магистров ушедшей эпохи. Существо, спокойно и отстраненно вззирающее на мир из этих сияющих светлых глаз, было способно на все, просто потому, что существовало в какой-то иной системе координат: в нем не было ничего человеческого, и в первую очередь — человеческих слабостей. С ним было невозможно договориться. Во всяком случае, я сразу понял, что и пробовать не стоит.

— И на том спасибо, — печально улыбнулся я. И вопросительно посмотрел на Нумминориха. — А ты, дружище?

— Если это нужно, я уеду, честное слово! — тоном нашкодившего юного скаута пообещал он. И тут же добавил:

— Но не сегодня, ладно? Мелифаро правильно говорит: пара дней у нас еще есть. Может быть, я смогу чем-то помочь — никогда заранее не знаешь, как все повернется, правда?

— Ага, — угрюмо согласился я. — Именно это меня и беспокоит...

Вечернее совещание в Доме у Моста показалось мне затянутым спектаклем какого-нибудь театра абсурда. Если бы Ионеско попытался написать пьесу о буднях спецслужб, думаю, у него непременно получилось бы нечто в таком роде.

Нас осталось мало: кроме меня и с трудом скрывающего свое приподнятое настроение шефа, за столом в Зале Общей Работы сидели только сэр Кофа, Нумминорих и Мелифаро. Кекки не было: очевидно, у Кофы хватило красноречия, чтобы убедить ее уехать. Тем лучше: уж кто-кто, а Кекки всегда казалась мне совершенно беспомощным созданием. Луукфи, святая простота, судя по всему, спокойно отправился домой на закате — как обычно, словно ничего не случилось. Впрочем, вполне возможно, он действительно до сих пор ничего не знал. Я обозвал себя болваном — мог бы потратить полчаса, чтобы ввести человека в курс дела! — и дал себе слово, что сегодня же ночью непременно с ним поговорю.

Джуффин довольно занудно, но бодро вещал о том, как мы будем усыплять население столицы. Дескать, Старшие Магистры Семилистника уже начали подготовку к этому мероприятию, так что нам и напрягаться особенно не придется... Я одного не мог понять: а зачем, собственно говоря, в таком случае, нужно это наше дурацкое совещание? И без него все ясно — дальше некуда! Судя по всему, шефу просто очень хотелось, чтобы в Управлении Полного Порядка царила спокойная деловая атмосфера. Она, впрочем, имела место — но только в радиусе полутора метров от кресла сэра Кофы. Вот уж кто был спокоен как Будда! Я с горечью подумал, что уж его-то я вряд ли уговорю удрать: если уж на Мелифаро с Нумминорихом моего авторитета не хватило... "Значит, с ним не разговаривать нужно, а делать что-нибудь! — подумал я. — Хотя бы спрятать в пригоршню, для начала... А то помню я его фокусы с курительной трубкой! Кто-кто, а я и увернуться не успею..."

В общем, Джуффина я слушал вполуха, даже не заметил, когда он успел сказать, что все могут расходиться по домам. Вынырнул из омута мрачных размышлений под задорный скрип отодвигаемых кресел.

— А тебе нужно дополнительное приглашение, сэр Макс? — весело спросил шеф. — Как ты все-таки любишь свою работу!

— А что, разве дежурить сегодня ночью не нужно? — растерянно спросил я. — Все-таки не конец света — я имею в виду, что жизнь пока не остановилась...

— Не остановилась. Но это мы скоро исправим, — многообещающе усмехнулся Джуффин. — А дежурить тебе сегодня ни к чему: я сам остаюсь здесь на всю ночь. Дел куча, — он проводил глазами наших коллег, скрывшихся в темноте коридора, и заговорщическим шепотом добавил:

— Спасибо, что никуда не сбежал. Так мило с твоей стороны!

— "Спасибо" тут говорить не за что, — честно сказал я. — Я остался в Ехо

исключительно по инерции. Лень и надежда, что все как-нибудь уладится — самое опасное сочетание!

— Это я и без тебя знаю, сэр философ, — усмехнулся Джуффин. — Все равно мне чертовски приятно, что нет нужды спешно отправляться за тобой в погоню на край Вселенной — это было бы забавно, но несколько хлопотно! Кстати, не обольщайся насчет своих шансов удрать: кого-кого, а тебя я найду где угодно, даже на Изнанке Темной Стороны.

— Ну, найдете, — равнодушно отозвался я. — И что дальше? В угол меня поставите?

— Поставлю! — почему-то обрадовался Джуффин. — Непременно!

— Мне сейчас довольно трудно развеселиться, — устало сказал я. — Лучше пойду, чтобы не наводить на вас тоску своей хмурой рожей...

— Ступай, — кивнул Джуффин. — У тебя же, если я не ошибаюсь, на эту ночь намечено провести ряд душепосильных бесед? Кстати, на твоём месте, я бы не стал активно вмешиваться в частную жизнь нашего сэра Кофы. Он этого не любит, а сопротивляться умеет куда лучше, чем ты думаешь... И Луукфи не дергай попусту. Он все равно своих буривухов не оставит — так зачем трепать парню нервы...

— Да не собираюсь я ни во что вмешиваться. Это вы у меня не из той папки мысли прочитали, — горько усмехнулся я.

— Хорошо выкручиваешься, — одобрительно заметил шеф. — Неумело, но остроумно. Просто заглядень!

— Рад, что вам нравится, — буркнул я.

Честно говоря, мне уже было здорово не по себе. Я вдруг понял, что дружелюбная болтовня Джуффина больше всего смахивает на игру сытого кота с очень глупой мышью, которая даже не пытается удрать. Мышью, разумеется, был я — неуклюжей, неповоротливой мышью, здорово отупевшей на хороших харчах... Теперь, по законам жанра, мне полагался хороший удар тяжелой кошачьей лапой.

— А твои вялые попытки уговорить Мелифаро и Нумминориха уехать — это вообще полный провал! — неожиданно сурово сказал Джуффин. — Чему я тебя учил все эти годы, сэр Макс? Если уж ты принял решение — хорошее, или куда не годное, это уже другой вопрос! — будь любезен сделать все, чтобы его осуществить. Если ты вбил себе в голову, что они должны уехать, значит, в качестве средства убеждения ты должен был применить свои Смертные Шары, а не куда не годные словесные конструкции. Тем более, что логические построения на сей раз тебе явно не удались...

— Смертные Шары я придерживал для второго раунда переговоров, — неохотно ответил я, впервые в жизни испытывая глубокое отвращение к его способности видеть меня как на ладони. Разумеется, шеф меня раскусил: он и прежде всегда был в курсе моих немудреных мыслительных процессов.

— Можешь не хлопотать: никакого второго раунда не будет, — холодно сказал Джуффин. — Я об этом позабочусь. И запомни хорошенько: всегда есть только одна попытка, сэр Макс. А колдун, который верит в сказку о существовании второй и, уж тем более, третьей попытки, обычно долго не живет.

— Какая вам разница, сколько я проживу? — зло огрызнулся я. И поспешно вышел, поскольку у меня не было ни желания, ни сил продолжать этот разговор.

Вообще-то, я здорово опасался, что Джуффин тут же вернет меня обратно, хотя

благодарной улыбкой я вдыхал удивительно свежий, густой как туман и прохладный как милосердная рука целителя, воздух и всем телом дрожал от наслаждения — когда знаешь, что каждый твой вдох действительно может стать последним, даже самые обыденные ощущения воспринимаются с ошеломляющей остротой, а уж ощущения человека, прогуливающегося по Темной Стороне, обыденными никак не назовешь — даже при куда менее драматических обстоятельствах!

Разумеется, это не могло продолжаться вечно. Время текло и здесь, медленно, но неумолимо, и мне не удалось ни вырваться из его потока, ни даже нырнуть поглубже. Поэтому в какой-то момент поток времени вынес меня на своего рода побережье — туда, где свершаются события... Впрочем, на этом "побережье", именуемом "Здесь-И-Сейчас", события не просто свершаются, они имеют значение, и от этого никуда не денешься...

— Сэр Макс, ты что, решил немного поиграть в прятки? — насмешливый голос Джуффина звучал не в моем сознании, так что на Безмолвную речь это совершенно не походило. В то же время, это не было похоже и на обычную беседу. Создавалось впечатление, что голос моего всемогущего шефа каким-то образом звучал отовсюду: из плотно закрытых окон утопающих в сияющем полумраке домов, с верхушек деревьев и даже сверху, с упоительно лилового неба Темной Стороны — надо признать, этот слаженный хор звучал более чем зловеще. Мой шеф всегда был признанным мастером спецэффектов, а уж после подробного знакомства с достижениями кинематографа он довел это искусство до совершенства.

— Что ж, очень мило и вполне в твоём духе, — беззаботно заметил Джуффин. Сделал эффектную паузу и мягко добавил:

— Только немного несвоевременно, ты не находишь? Ты бы лучше вернулся в Дом у Моста: веселье вот-вот начнется... Неужели ты всерьез вознамерился отсидеться на Темной Стороне?

— Ага, — угрюмо откликнулся я. — Именно "вознамерился" — такое удачное слово!

— Ну, извини, что приходится вносить коррективы в твои трогательные планы, дружок, — создавалось впечатление, что мой шеф пребывает в столь лучезарном настроении, что испортить его совершенно невозможно. — Но сейчас ты мне нужен именно в Ехо, а не где-нибудь еще, в том числе и не на Темной Стороне. Возвращайся, Макс. Ты же не любишь принуждение, верно? Хороши мы оба будем, если мне придется тащить тебя за шиворот, а ты станешь пронзительно визжать, да еще и вырываться...

Я криво улыбнулся, невольно представив себе сие дурацкое зрелище. И тут же подумал, что это наверное самая последняя из многочисленных улыбок, родившихся на моих губах по милости сэра Джуффина Халли. Хотя траурный марш по этому поводу заказывай!

— Вы же сами знаете, что по своей воле я не вернусь, — сказал я, внутренне содрогаясь от ужаса: как ни крути, а до сих пор мне еще никогда не доводилось ссориться с Джуффином. Видит бог, я бы предпочел прожить жизнь, так и не обогатившись ценным опытом в этой области. Но меня никто не спрашивал, к сожалению...

Я остановился, почувствовав, что силы оставляют меня, и прислонился спиной к причудливому стволу одного из деревьев, сияющему тусклым, но теплым

меня из подземелий Управления, но мне вовремя пришло в голову, что сам по себе способ — очень даже ничего. Если я сосредоточусь и представлю себе свою прогулку по Темной Стороне столь же достоверно и детально, как только что рисовал перед своим внутренним взором Мохнатый Дом, результат вполне может оказаться удовлетворительным. Чем черт не шутит: вдруг я действительно окажусь на Темной Стороне Ехо, без предварительной беготни по крутым лестницам и бесконечным подземным лабиринтам Дома у Моста! Во всяком случае, стоило попробовать немедленно: я уже и так потерял слишком много времени.

Мне требовалось не так уж много: темнота и возможность идти вперед, не глядя под ноги — вообще-то, даже эти условия не были неизменными, но так уж я привык. "Просто закрою глаза, — подумал я, — и пойду по проезжей части, благо столкновение с чужим амобилером мне не грозит..." Перспектива потерять ориентацию и вмазаться лбом в дерево, или стену близлежащего дома меня не пугала: тоже мне горе! Ну стукнусь, ну и что? Значит, потру ушибленное место и начну сначала — а что еще прикажете делать?!

Отчаяние и страх, как ни удивительно, обострили мою способность концентрироваться на цветных картинках, нарисованных моим собственным воображением в темноте под закрытыми веками. Я медленно брел по мостовой, инстинктивно раскинув в стороны руки, чтобы смягчить возможный удар, и представлял себе, как опустевшие улицы Старого Города укутываются мерцающим туманом, превращаясь в волнующий зыбкий пейзаж Темной Стороны. Я сосредоточенно призывал к себе тусклое теплое сияние, исходящее от разноцветных камешков тамошних мостовых и островерхих крыш, серебристые потоки неторопливого ветра и смутное бормотание перламутровых деревьев. На сей раз все случилось очень быстро: сделав всего пару дюжин шагов, я был вынужден остановиться, задохнувшись от сокрушительно сильного ощущения, сладкого и ужасающего одновременно. Меня словно захлестнула мощная волна, описать природу которой я не берусь. Могу сказать только, что ее прикосновение было чем-то сродни встряске, которую переживает человек, на своей шкуре узнавший неумолимую силу электрического заряда, но в моем случае вибрация, сотрясавшая тело, была нежной и осторожной. У нее не было намерения отнимать мою жизнь — скорее уж приветливо поздороваться. От неожиданности я открыл глаза и обнаружил, что все уже случилось: я был на Темной Стороне Ехо.

— Так быстро! — изумленно сказал я вслух. — Вот здорово!

Я так обрадовался успешному исходу эвакуации своего драгоценного тела за пределы внезапно взбунтовавшейся реальности, что на время забыл о том, что настоящая битва еще и не начиналась. С минуты на минуту мне наверняка следовало ждать в гости грозного и, увы, куда более проникательного, чем мне бы хотелось, сэра Джуффина Халли, который, вне всякого сомнения, не даст мне просто так выйти из игры. Но в тот миг я и думать не мог о каких-то там дурацких битвах со своим спятившим шефом. Меня окружало сияющее великолепие Темной Стороны, загадочного места, которое — сейчас я знал это без тени сомнения — было моим настоящим домом, моей родиной, какой бы ужасающий смысл не скрывался за этим банальным определением...

Некоторое время я просто бродил по странным, ускользающим из сознания при любой попытке создать их словесное описание, улицам Темной Стороны Ехо. С

бы для того, чтобы запереть на всю ночь, от греха подальше, но он не стал это делать. Да и зачем: в его распоряжении было немало других способов заручиться моим молчанием, и я быстро в этом убедился...

Прохладный ночной воздух ласково прикоснулся к моему лицу. Я поднял голову и увидел на небе абсолютно круглую зеленоватую луну. "Странно, — рассеянно удивился я, — а вчера мне казалось, что дело только-только близится к новолунию... Или не вчера, а просто во сне?" У моих ног, как сытые щенки, копошились клочки густого тумана, фонари озаряли улицу Медных Горшков тусклым, но теплым оранжевым светом. Ночь была чудо как хороша, и я ухватился за ее великолепие, как за последнюю надежду. "Что бы ни случилось, а эта восхитительная луна останется на небе, — подумал я, — и туман будет время от времени укрывать мелкие разноцветные камушки мостовой, и этот аромат..." — я осекся и поморщился от фальши собственного внутреннего монолога. Обычно люди начинают обращать внимание на красоту окружающего мира только в том случае, когда их дела совсем плохи. Недаром все мы становимся поэтами в юности — обычно этому предшествует размолвка с хорошенькой девушкой, или, того хуже — ее абсолютное невнимание. Впрочем, некоторым, особо чувствительным, натурам хватает элементарной "двойки" по химии, или размолвки с родителями... И сейчас я понял, что послушно повторяю одну из самых банальных ошибок человечества: по команде "все хреново, жизнь не удалась", начинаю усиленно любоваться пейзажем.

— Стоило, конечно, становиться таким могущественным дядей — только для того, чтобы обнаружить, что как идиотом родился, так им и помрешь, — сердито сказал я себе вслух. И с непонятным мне самому садистским удовольствием добавил:

— Причем скоро.

Умею я, однако, поднимать себе настроение — хоть вешайся!

Еще одна страница сгорела

Я быстро понял, что Джуффин предусмотрительно наложил на меня какое-то заклятие. Во всяком случае, меня охватила такая неестественная непреодолимая апатия, что я не осуществил ни один из своих планов. Какое там: я устроился на переднем сидении собственного амобилера, чтобы хоть немного собраться с мыслями, и сам не заметил, как задремал. Это был неглубокий, но тяжелый сон — говорят, именно так впадают в забытье солдаты, сутками сидящие под обстрелом в окопах: уснуть по-человечески в таких условиях невозможно, а для того, чтобы потерять сознание, они слишком крепкие ребята, поэтому измученному телу приходится самостоятельно "переключаться на режим сохранения энергии".

Проснулся я от холода, когда луна уже скрылась за горизонтом, но до рассвета оставалось еще далеко, и понял, что хочу только одного: забраться под теплое одеяло, выпить чего-нибудь горячего... Попытка собрать волю в кулак, обдумать создавшееся положение, разработать хоть какой-то план и начинать действовать не привела ни к чему. Собственно говоря, я был просто неспособен думать на эту тему дольше нескольких секунд, потом внутренний монолог прерывался, а глаза снова начинали закрываться. В общем, я ни на что не годился — кроме как доехать до дома и завалиться в кровать.

Утром дела обстояли не лучше. Правда, мое настроение уже нельзя было назвать скверным. Можно сказать, у меня вообще больше не было настроения — никакого.

И эмоций тоже не было — вернее, они вяло и беспомощно копошились где-то на периферии моего сознания, как слепые котята в ведре с водой, за мгновение до последней попытки сделать вдох... "Омерзительно, — совершенно равнодушно, как о ком-то чужом, подумал я. — Самое время умирать: жалеть мне, кажется, больше не о чем..." Но я не умер, разумеется. Я автоматически умылся, оделся — о завтраке даже думать было противно — и дисциплинированно поехал на службу.

Сэр Джуффин сидел в своем кабинете, свежий и бодрый, словно у него за спиной была не бессонная ночь на рабочем месте, а продолжительный отпуск на лоне природы.

— Неприятности вам к лицу, сэр, — без тени улыбки сказал я.

— К сожалению, не могу ответить тебе тем же, — насмешливо отозвался он. — У тебя редкий дар превращать чудесное событие в личную трагедию, сэр Макс. Но я думаю, ты мог бы не столь активно его эксплуатировать...

— Не говорите ерунду, — деревянным голосом отозвался я. — Вы же меня заколдовали, да? Я чувствую себя непонятно зачем ожившей мумией.

— Не преувеличивай, — легкомысленно отмахнулся шеф. — "Заколдовал" я его, видите ли... Просто позаботился о том, чтобы твои бурные переживания не свели тебя с ума и не нарушили мои планы, вот и все! Мне уже стало скучно наблюдать твоё суетливое, но бездейственное беспокойство. Признаться, ты меня немного разочаровал, напоследок. Я-то надеялся, что за эти годы ты хоть чему-то научился...

Я молча уселся в кресло и уставился в одну точку. "Интересно, — флегматично подумал я, — неужели Джуффину нравится иметь дело с таким тьюфом, в которого он меня превратил? Ну, значит так ему и надо!" Забавно: мои мыслительные процессы не претерпели никакого изменения, я отлично понимал, что именно со мной происходит, понимал, что это, в сущности, ужасно, но... мое понимание больше не имело никакого значения, как не имеет значения вполне отчетливо звучащий за стеной монолог героя какого-нибудь фильма, который показывают по телевизору в соседней квартире. "Нужны ли андроиду электроовцы?" — всплыла у меня в голове нелепая, но привязчивая фраза. Кажется, так назывался один странный роман, который я читал когда-то в юности, хотя сейчас все мои воспоминания смешались в неаппетитную вязкую кашу. "Однозначно не нужны!" — закончил я эту гениальную мысль, и даже не попытался улыбнуться. Я чувствовал на себе тяжелый взгляд шефа и смутно осознавал, что под непереносимой тяжестью этого взгляда проваливаюсь все глубже и глубже в густой мутный туман полной апатии. Что ж, пожалуй, Джуффин поступил милосердно, хотя вряд ли им руководило желание облегчить мне жизнь...

Сгорело сразу несколько слипшихся страниц

Следующие три дня почти не сохранились в моей памяти: оказывается, очень трудно запомнить события, если они не сопровождаются привычными эмоциями. Помните вкус диетической манной каши, сваренной на воде, без соли и сахара? Нелепая метафора, но она единственная хоть в каком-то приближении может описать эти три дня, наполненные не слишком понятными мне в моем тогдашнем состоянии, но активными хлопотами. Смутно помню, что сначала улицы Ехо опустели, только повсюду мелькали бело-голубые лоохи адептов Ордена Семилистника всех рангов, потом куда-то подевались и они. Моя ненадежная память и элементарная логика хором подсказывают, что их тоже усыпили, да я и сам,

Как только решение было принято, в дело тут же вмешался мой инстинкт самосохранения. Доберусь я до Темной Стороны, или нет, это еще вопрос. И ни в коем случае не следовало забывать, что мне предстоит иметь дело с сэром Джуффином Халли — человеком, который обладал более чем сволочной способностью читать в моем сердце. Он всегда видел меня как на ладони, следовательно...

Я откуда-то знал, что следует делать. Фокус был не из легких, но когда тебя загоняют в угол, тут же обнаруживаешь, что можешь горы свернуть... Мне удалось разыграть великолепное раздвоение личности: "Я гуляю, гуляю, гуляю, — думал я, вернее, не просто думал, а отчетливо проговаривал про себя, не размыкая губ, — я гуляю, гуляю... Какие пустые улицы, черт бы их побрал, вообще-то я люблю пустые улицы, но сейчас — ненавижу, и все-таки я гуляю, гуляю, гуляю, наверное, в последний раз, дырку в небе над этим грешным цветком, которому так некстати приспичило вылупиться на свет..." Потом я решил, что такой монотонный внутренний монолог звучит чересчур фальшиво, и начал разнообразить его художественными описаниями этих долбанных улиц. Получалось очень даже ничего: хвала Магистрам, я изучил Старый Город лучше, чем черточки на своих ладонях, поэтому мне не составляло труда рисовать перед своим внутренним взором разноцветные фасады невысоких просторных домов с остроконечными крышами, мелкие камешки мозаичных мостовых, пестрые вывески над многочисленными трактирами, магазинчиками и лавками мастеровых и великое множество других незначительных, но очаровательных деталей, давным-давно пленивших мое глупое сердце, и описывать, описывать, описывать это неброское уютное великолепие, не умолкая ни на секунду...

А мои мудрые ноги в это время несли меня к Дому у Моста. Я здорово надеялся, что мне удалось провести шефа, потому что если не удалось... Ох, я предпочитал не задумываться о возможных последствиях! Удача пока не оставляла меня: в коридоре Управления было пусто. Я бегом бросился вниз, туда, где начиналась узкая лестница, крутые ступеньки которой устремлялись под землю. Мое наспех сфабрикованное альтер-эго тем временем предавалось ностальгической экскурсии у стен Мохнатого Дома. К этому моменту я достиг выдающихся успехов: мой бывший "царский дворец" был куда более реален, чем самый достоверный из миражей, даже ноздри трепетали от нежного терпкого запаха обвивших его вечнозеленых растений — казалось, что еще немного, и я смогу прикоснуться к их мягким, как у лиственницы, иголочкам... Черт, но я действительно к ним прикоснулся!

"Ты переиграл, дружище! Опять перегнул палку, как всегда", — угрюмо сказал я сам себе, обнаружив, что больше не спускаюсь вниз по каменным ступенькам, истертых многими поколениями могущественных угуландских чародеев, а стою перед входом в Мохнатый Дом и растерянно поглаживаю оккупировавшую его стены бархатистую зелень, влажную после недавнего дождя. Наверное, это было очередное великое достижение на поприще магического искусства, но в гробу я видел свои драгоценные "достижения"! Сейчас мне требовалось совсем другое: оказаться на Темной Стороне, и чем скорее, тем лучше.

— Подожди, — вслух сказал я себе, — не дергайся, дорогуша. Возможно, это выход...

Досадно, конечно, что мое плохо поддающееся контролю могущество унесло

весенний ветер с Хурана, конечно, был тому виной. Этот холод рождался в моей собственной груди — кажется, даже сердце уже побелело от инея, и это, скорее, было к лучшему. Своего рода местный наркоз, этакая новокаиновая блокада — чем не средство от болевого шока? Убаюканный этим благословенным холодом и ритмичным перестуком собственных подошв, я мог бы бесцельно бродить по Ехо, дивному городу из моих почти забытых, но странным образом оживших снов, до тех пор, пока тяжелая рука сэра Джуффина не ляжет на мое плечо, или его голос в моем утасаживающем сознании не скажет: "пора". Но решение все-таки пришло. Я совершенно точно знал, что оно не родилось в моем оцепеневшем рассудке, а появилось откуда-то извне, оттуда, где меня не было, и быть не могло, и тихо коснулось моего пылающего лба.

"Темная Сторона" — всего два слова, но этого было вполне достаточно. Довольствуются же водители парой-тройкой геометрических фигур, нарисованных на блестящей поверхности дорожного знака, когда хотят определить свой дальнейший маршрут. "Темная Сторона — да, это, пожалуй, выход, — изумленно подумал я. — Какой-никакой, но лучше, чем ничего..."

Уверенность Джуффина в своих силах — черт, этот иезуит даже отпустил меня погулять: дескать, никуда ты теперь не денешься, дружок! — сокрушительная и обидная неудача, которую я потерпел при первой же попытке эвакуировать Мелифаро и Нумминориха в безопасное место — все это парализовало мою волю, так что я отказался от борьбы, решил: "пусть все идет как идет". Другого выхода, вроде бы, все равно не было. Удрать? Но я мог не сомневаться, что сэр Джуффин Халли глазом не моргнув достанет меня — хоть в Кумоне, хоть на Арварохе, хоть в ином Море — какая ему разница, он всегда с удовольствием охотился в любых угодьях. Джуффин был на добрых семьсот лет старше и большую часть своей жизни угрохал исключительно на занятия магией, его опыт и могущество были отличной гарантией моего грядущего поражения. Моя партия заранее могла считаться проигранной: посадите начинающего шахматиста за одну доску с чемпионом мира, и посмотрите, что будет... И все-таки я вдруг понял, что один шанс у меня имеется: совсем ничтожный, но лучше чем ничего! Темная Сторона, где мое могущество не поддается никакому описанию, где каждое мое слово немедленно приводилось в исполнение, что бы я ни вынул: достаточно сказать — и все, сделано!

Все это хорошо, но на Темную Сторону еще надо было попасть. До сих пор я ни разу не ходил туда без Стража, но сейчас об этом и мечтать не приходилось: старый добрый сэр Мелифаро закончился вместе с моей (столь же старой и доброй) изумительной жизнью, уступив место странному, непредсказуемому незнакомцу. Теперь он всерьез собирался сражаться со мной за право обладания каким-то дрянным цветком, который оказался сильнее моей бесконечной любви к этому Миру... Но рискнуть все-таки стоило — ха, почему бы и нет, можно подумать, мне еще оставалось что терять! Прежде мы часто уходили на Темную Сторону из подземелья под Домом у Моста. Вообще-то, это совсем не обязательно, но мои старшие коллеги неоднократно твердили, что этот путь — самый короткий и легкий, вполне доступный даже новичку. Я был не таким уж новичком, но до сих пор мне никогда не доводилось предпринимать подобное путешествие в полном одиночестве. Все что мне оставалось — это спуститься на несколько сотен ступенек вниз и попробовать проделать сей трюк самостоятельно.

кажется, принимал самое активное участие в этом историческом мероприятии. По крайней мере, я все время был при деле, настолько, что мне почти не удавалось поспать, хотя сейчас я представления не имею, чем именно занимался. Колдовал — так, что ли? Очень может быть, что и колдовал, да так, как мне прежде и не снилось. Впрочем, в эти дни даже неопытный Нумминорих вел себя как бывалый отставной Магистр какого-нибудь грозного Ордена, а тихий обитатель Большого Архива, обаятельный, рассеянный и неловкий сэр Луукфи Пэнц словно вжился в образ, репетируя главную роль в пьесе о бурной юности знаменитого Лойсо Пондохвы. Ничего удивительного: поют же некоторые домохозяйки под самым примитивным гипнозом почище Марии Каллас... а толку-то!

Утро четвертого дня я встретил на нашей половине Дома у Моста. Я безучастно созерцал восход солнца — не потому, что это зрелище доставляло мне удовольствие, просто так вышло, что пару часов назад я устало рухнул в одно из кресел в Зале Общей Работы, лицом к окну, пытаясь задремать, но так и не задремал. Вместо сновидений мне пришлось с тупым равнодушием несовершенного андроида первого поколения разглядывать узкие ярко-оранжевые полосы, окрасившие небо над островерхими крышами опустевшего Старого Города. Поскольку я устал за последние дни так, как, пожалуй, еще никогда не уставал, это созерцание очень походило на глубокий сон с открытыми глазами. Оранжевое сияние постепенно заполнило все пространство перед моими глазами, в какое-то мгновение мне показалось, что я нахожусь в центре большого костра, а еще через секунду я почувствовал его обжигающий жар — и пулей выскочил из кресла, спасая свою шкуру.

Почти сразу я понял, что никакого костра, разумеется, не было и в помине. А потом осознал, что проснулся. То есть, не просто вернулся от дремотного оцепенения к бодрствующему состоянию. Проснулся старый добрый Макс, которого и в помине не было рядом со мной в последние дни. Мои сердца в бешеном ритме колотились о ребра, мне хотелось плакать, кричать, биться головой о стенку, потому, что я снова считал, что все пропало, и я уже не успею хоть что-то исправить. Но сейчас это идиотское истерическое состояние казалось мне почти благом: по крайней мере, я снова был живым — приятное разнообразие... А потом в моей груди лениво зашевелился меч Короля Мёнина, и знакомая тупая боль сразу привела меня в чувство, куда эффективнее, чем стакан холодной воды, или звонкая пощечина.

— Ох, как же все хреново! — тихо сказал я вслух. И замолчал, поскольку мне требовалось немного подумать: может быть, еще можно успеть спасти ситуацию. Да уж, отважная дурочка надежда действительно умирает последней, и я до сих пор не могу решить: нравится мне это, или нет...

— Хреново, говоришь? — бодро откликнулся из-за полуоткрытой двери своего кабинета Джуффин. — Магистры с тобой, сэр Макс! По-моему, лучше просто не бывает!

Повинуясь какому-то внезапному порыву, я зашел в его кабинет и некоторое время с холодным любопытством разглядывал своего шефа. Он еще больше помолодел — так, что теперь это сразу бросалось в глаза. Еще несколько дней назад мне показалось, что Джуффин благополучно избавился от груза пары-тройки нелегких столетий, но тогда дело было скорее в радикальной перемене его

настроения: государственный чиновник высшего ранга начал превращаться в знаменитого Кеттарийского Охотника — еще бы он не переменялся! А теперь кроме озаряющего его помолодевшее лицо лихорадочного, опасного, чарующего внутреннего огня, я обнаружил и куда более очевидные перемены: куда-то исчезла паутинка мелких морщин, окружавших его раскосые глаза, почти разгладились глубокие складки у рта, губы больше не казались такими тонкими, как прежде. Перемен было много, и далеко не все поддавались описанию. Тот сэр Джуффин Халли, с которым я имел дело все эти годы, выглядел как очень бодрый и энергичный, но определенно пожилой джентльмен. На вид ему можно было дать лет шестьдесят, а то и больше — с поправкой на личное могущество и исключительно здоровый образ жизни. Разумеется, на самом деле Джуффину было далеко за семьсот, но в некоторых случаях мне до сих пор проще формулировать свои впечатления, проецируя их на прочно угнездившуюся в моей голове картину мира, в котором я родился и вырос. Теперь сэр Джуффин Халли выглядел так, что у себя на родине я бы не дал ему и пятидесяти. Я всегда предполагал, что в молодости он был довольно красив, но даже не подозревал, что настолько. Но его обаяние на меня не слишком-то действовало — наверное потому, что я знал: этот невероятный дядька больше никогда не будет моим лучшим другом... Впрочем, вряд ли он вообще когда-то им был. Мало ли, что мне, дураку, казалось! Но считать его своим врагом... черт, это по-прежнему было выше моих сил. Больше всего на свете мне сейчас хотелось, чтобы Джуффин сумел убедить меня, что мы не враги, и никогда ими не станем. Ага, размышлялся!

— Зачем вы превратили меня в бессмысленного болвана? — наконец спросил я. — До сих пор со мной всегда можно было договориться — разве не так?

— Ха, смотри-ка, очухался! — жизнерадостно констатировал Джуффин. — Вообще-то, по моим расчетам, это замечательное событие должно было произойти немного позже, ну да ладно, ты всегда был шустрим... Кстати, ты действительно уверен, что я превратил тебя именно в "бессмысленного болвана"? Как интересно! Признаться, мне показалось, что ты еще никогда так здорово не соображал, как в последние дни. Я уж было начал покусывать локти, что не наложил на тебя эти чары с самого начала. Сколько глупостей можно было бы избежать... Да шучу я, шучу! — почти сердито рявкнул он, очевидно, заметив некоторые перемены на моем лице и сделав соответствующие выводы. И тут же добродушно добавил, откидываясь на спинку своего кресла:

— Совсем спятил, бедняга! Куда подевалось твое чувство юмора, Макс? И как, интересно, ты собираешься жить дальше без своего единственного достоинства?

— Может быть, вы и шутите, — мрачно сказал я. — И вполне может статься, что я спятил. Но мне действительно не смешно. Более того, мне настолько паскудно...

— Твое драгоценное настроение — это твоя проблема, — холодно заметил Джуффин. — Скажи сразу: ты ругаться пришел, или просто поболтать? Если ругаться, имей в виду: у меня нет времени на такие глупости. А вот ежели спокойно поговорить, то на сие святое дело несколько минут у меня, пожалуй, найдется... Только не спрашивай снова, почему я тебя заколдовал, ладно? По этому поводу могу сказать одно: мне было нужно, чтобы ты занимался делом, а не бился головой об стенку, скорбно заламывая руки. И, уж тем более, не занимался организацией массового дезертирства моих сотрудников в разгар самой важной стратегической

следовало ожидать, его мгновенно уменьшившееся тело тут же спряталось между большим и указательным пальцами моей безотказной конечности. Я с облегчением перевел дух: Нумминорих не казался мне серьезным противником, я был почти уверен, что уж его-то, в случае чего, и за шиворот уволоку — куда угодно, хоть в другой Мир! Поэтому когда парень попросту исчез, не сходя с места, у меня рот распахнулся от изумления. Нумминорих явно ушел Темным Путем — грандиозное достижение для новичка! "И когда это он успел стать таким крутым? — изумленно подумал я. — Неужели Джуффин научил — в связи с грядущими событиями? Вообще-то, с него станется: еще неизвестно, кого из нас этот хитрец на самом деле собирается приносить в жертву!"

Мои размышления были прерваны самым неприятным образом: ошеломляющая жгучая боль в левой руке пронзила меня насквозь. Если бы этот кошмар продолжался немного дольше, он вполне мог бы свести меня с ума, но кисть судорожно дернулась, большой палец, который был прижат к ладони, самовольно покинул свой пост, и Мелифаро с кошачьей грацией приземлился на все четыре конечности. Я еще не успел сообразить, что происходит, а он уже выпрямился и укоризненно посмотрел на меня.

— Макс, я же сказал тебе: ничего не надо. Не дергайся, ладно? В следующий раз просто останешься без руки. У меня и сейчас было искушение, но... Мы с тобой слишком долго были друзьями. К тому же, я обязан тебе жизнью, а такие вещи всегда имели для меня большое значение, к сожалению. — Он говорил тихим бесцветным голосом, как начинающий актер любительского театра при первой читке новой пьесы. Его монолог звучал настолько фальшиво, что мне стало тошно: тот сэр Мелифаро, которого я знал все эти годы, просто не мог говорить таким неестественным тоном. Он должен был ругаться, как неотесанный лесной разбойник, или обрушивать на мою бедную голову град язвительных насмешек, или деловито объяснить мне, что к чему, опрокинув меня на лопатки своей безупречной логикой самого прагматического и деловитого парня в Тайном Сыске — в зависимости от настроения. Черт, я бы предпочел, чтобы он просто дал мне по морде: по крайней мере, такой поступок стал бы свидетельством его вменяемости! Но он и не думал драться. Смотрел куда-то мимо меня внезапно потускневшими темными глазами и явно с нетерпением ждал, когда я уберусь куда-нибудь подальше — все равно, куда — лишь бы с глаз долой.

Я отвернулся и молча вышел из Зала Общей Работы. Это было сокрушительное поражение. Мне следовало постараться смириться с судьбой — хотя бы для того, чтобы не сойти с ума прямо сейчас, а продержаться еще пару часов, но способность призывать на помощь смирение никогда не была моим сильным местом. Поэтому оставался только один выход: не думать. Вообще. Ни о чем. Отменить мысли, выключить их таинственный источник — и дело с концом. Самое удивительное, что мне это как-то удалось. Я вышел из Управления и зашагал вверх по улице Медных Горшков, почти не осознавая, где я нахожусь и что делаю, а просто трудолюбиво передвигая ноги: левой, правой, левой, правой... Ритм ходьбы успокаивал и даже заволакивал, почти как ритм шаманского бубна.

Страница сгорела

Решение пришло само собой — я даже не пытался его найти, просто шел и шел куда-то по пустынному городу, то и дело вздрагивая от холода — и не свежий

казался мне лучшим местом во Вселенной, мне не хотелось. Думать о том, как я буду жить потом, когда вся эта дрянная история с Пустым Сердцем так или иначе завершится, мне тоже не хотелось — чего уж там, меня попросту тошнило от необходимости жить дальше! Впрочем, от мыслей о смерти меня тошнило еще больше: болезненные спазмы скрутили мой живот, стоило только повторить про себя любимую фразу наших давних арварохских приятелей, что, дескать, "легче умереть"...

А через несколько секунд в комнату вошел Мелифаро: бледный, осунувшийся и явно окончательно утративший очаровательную привычку улыбаться, не дожидаясь особого повода. Я чуть не бросился ему на шею: именно он мне и требовался, по крайней мере, для начала.

— Почему ты еще никуда не уехал? — спросил я, вглядываясь в его безучастное лицо. — Времени уже, наверное, почти не осталось, но еще можно успеть...

— Успеть — что? — холодно спросил он. — Уйти с твоей дороги, сэр Вершитель?

— Что ты мелешь?! — оторопел я. — С какой "моей дороги"?

— Макс, мы уже все знаем про Пустое Сердце, — тихо сказал Нумминорих. Я и не заметил, когда он появился в дверном проеме. — Сэр Манга нам объяснил.

— Что он вам объяснил? — упавшим голосом спросил я.

— А как ты думаешь? — мрачно спросил Мелифаро. — Между прочим, мой отец когда-то был не последним человеком в Ордене Потаенной Травы — прежде, чем стать путешественником. Ты не знал, или просто забыл? Или ты не в курсе, что члены этого Ордена очень любили раскапывать всякие зловещие тайны древности? Так что Манга отлично знает, что такое Пустое Сердце. И, в отличие от тебя, охотно делится своими знаниями со всеми желающими... Правда, сам-то он схватил в охапку матушку и моего старшего брата Бахбу и уехал в Ландаланд, как только узнал, что цветок вот-вот расцветет. Но это уже его личное дело...

Я открыл было рот, чтобы вывалить на их несчастные сумасшедшие головы кучу разумных аргументов, но Мелифаро пресек мои попытки объясниться.

— Не надо ничего объяснять, Макс, — он говорил мягко и как-то безучастно — таким неестественным тоном обычно разговаривают с докучливыми чужими детьми. — Так уж вышло, что нам предстоит сражаться друг с другом за право прикоснуться к величайшему из чудес Вселенной. Я уже понял, что ты этого не хочешь. Можешь верить, мы с Нумминорихом тоже. Но тут уж ничего не попишешь: таковы правила игры. А от своего шанса я не откажусь, как бы мал он ни был.

— Но... — начал было я, но на сей раз меня перебил Нумминорих.

— Макс, я знаю, что ты хочешь как лучше. Ты всегда хочешь как лучше, — мягко сказал он. — Но лучше не будет. От твоих слов ничего не изменится, только грустно станет. Не будем портить пустыми спорами свои последние часы в этом прекрасном Мире, ладно?

— О'кей, — вздохнул я. — Больше никаких разговоров.

Я уже и сам понял, что дискуссия мне не поможет, да и времени не было на эту самую дискуссию. Оставался один выход: действовать, а там — по обстоятельствам! Обдумывать свои поступки тоже было некогда, поэтому я сделал самое простое, что мне пришло в голову: быстро провел левой рукой вдоль тела Мелифаро. Как и

операции за последние шесть тысяч лет...

— Ладно, — нетерпеливо сказал я, — заморозили вы меня, и Магистры с вами! И со мной заодно — на себе я уже крест поставил. Но почему вы так упорно не хотите отпускать ребят? Зачем они вам здесь нужны? Только не нужно снова рассказывать мне о вашем уважении к "свободе выбора" — после всего, что вы со мной вытворяли!

— Ну, положим, ты и все остальные — отнюдь не одно и то же, — невозмутимо заметил Джуффин. — Впрочем, по сути ты совершенно прав: я действительно не хотел чтобы Кофа, Мелифаро, Нумминорих и Луукфи куда-то уезжали, — он внезапно встал, пересек кабинет, уселся на подлокотнике моего кресла и доверительным шепотом продолжил:

— Они мне нужны — и не только потому, что мне не хватало хороших помощников для того, чтобы усыпить весь город, хотя и это тоже, конечно... Пойми ты наконец, мой бедный перепуганный сэр Макс: битва за Пустое Сердце должна быть настоящей битвой, а не вялым расшвыриванием по сторонам кучки беспомощных горожан. Есть вещи, которые следует делать красиво, или не делать вовсе, даже если за красоту приходится платить кровью — своей, или чужой, не суть важно! Пока ты этого не поймешь, можешь считать, что еще и не начинал учиться магии...

— Я не понимаю, — упрямо сказал я. — И не хочу понимать.

— Хочешь, не хочешь, а придется, — хладнокровно заметил Джуффин. — У меня, знаешь ли, уже давным-давно был готов изумительный план развития событий — хорошо продуманный, можно сказать, безупречный. Можешь мне поверить: я располагал более чем достаточным количеством времени на составление этого плана, поскольку еще сто лет назад я уже точно знал, чего жду и к чему готовлюсь. Разумеется, судьба неоднократно вносила в мою работу свои коррективы... Но к тому моменту, когда я нашел крошечный бутон Пустого Сердца среди древних камней под стенами Холоми, мне стало ясно, что мы с судьбой достигли совершенства в искусстве составления стратегических планов, так что менять больше ничего не надо... Кстати, могу по секрету сказать тебе, что истерика леди Меламори и ее поспешный отъезд были частью моего плана... Бедная девочка: боюсь, теперь ей предстоит помучиться от стыда за свое поведение! Если еще увидитесь, можешь ее утешить: объясни ей, что на самом деле она не такая уж трусиха. И, уж тем более, не какая-нибудь "предательница" — в молодости люди любят цеплять на себя всякие глупые ярлыки, а потом сутулиться под их гнетом до глубокой старости... Просто роль, отведенная ей в моем плане развития событий оказалась очень маленькой, и не слишком выигрышной. Не беда: будут в ее жизни и другие спектакли.

— Что ж, — с облегчением вздохнул я, — это куда лучше, чем героическая гибель в финале!

Один из самых тяжелых камней свалился с моего сердца: признаться, наше с Меламори прощание оставило у меня на душе омерзительный осадок, а теперь выяснилось, что автором сценария была не она — что ж, и на том спасибо!

— А вот отъезд из Ехо наших четверых коллег в моем плане не предусмотрен, — завершил Джуффин. — Ты уж извини, что с тобой не посоветовался, — ехидно добавил он.

— И как же должны развиваться события, согласно вашему плану? — устало спросил я, решив не обращать внимание на его ядовитый тон.

— Увидишь, — невозмутимо отвечал Джуффин. — Не уверен, что тебе понравится, но со временем ты оценишь мои усилия, обещаю!

— Если оно у меня еще будет, это самое время, — равнодушно отозвался я.

— Согласно моему сценарию, ты все-таки должен уцелеть, — лукаво пообещал Джуффин. — Грех это: Вершителями разбрасываться. Вашего брата в этом Мире и так днем с огнем не доищешься!

— Это называется рациональное использование ресурсов, — флегматично заметил я. Признаться, мне и в голову не приходило шутить. Рефлекс сработал — так, что ли?

— Именно! — обрадовался шеф. — И больше не ной, чтобы я кого-то там отпустил, ладно? Все равно уже ничего не изменишь: времени не осталось что-то менять. А последние пару часов в этом прекрасном Мире мне испортишь: можешь поверить, у меня сейчас нервы на взводе и без твоих попыток переписать сценарий!

— Пару часов? — я почувствовал, что злодейка земля твердо вознамерилась уйти из-под моих ног. — Всего-то?

— Ну да, — весело подтвердил Джуффин. — Но тебе не следует слишком волноваться насчет предстоящей битвы с нашими коллегами, — заговорщическим шепотом добавил он. — Они сейчас, конечно, в такой хорошей форме — у меня слов нет! Но я, видишь ли, немного слукавил, когда сказал тебе, что ты — единственный, кому удастся сохранить разум, когда Пустое Сердце раскроет свои лепестки.

Я удивленно уставился на него: что еще за сюрпризы припрятаны в рукаве у этого хитреца? В моем глупом сердце тут же объявилась незваная гостья — юродивая дурочка надежда заглянула ко мне на минутку, чтобы шепнуть: "сейчас он скажет, что в очередной раз разыграл тебя в воспитательных целях, дружелюбно сообщит, что ты опозорился, и все станет на место..." "Ага, размечтался!" — снисходительно буркнуло второе сердце. Оно и не думало вздрагивать от радостных предчувствий, поскольку всегда было куда мудрее, чем моя бедная голова.

— Я тоже буду в полном порядке, — подмигнул мне Джуффин. — Можешь мне поверить: у меня есть, что противопоставить этому грешному цветку. Я пойду к Пустому Сердцу, повинюсь не его зову, а собственному трезвому расчету. Покинуть наш прекрасный Мир, превратившись напоследок в сбрендившего идиота, не способного контролировать собственные действия — это не по мне! Я сделаю свой последний шаг добровольно, ясно осознавая, что и зачем я делаю — в противном случае, все грядущие чудеса не имеют никакого смысла, во всяком случае, для меня... Поэтому тебе не стоит беспокоиться о сражении с нашими коллегами. Я буду рядом и, в случае чего, помогу.

— Если так, то я вообще не понимаю, зачем я вам понадобился, — удивленно сказал я. — Вы спокойно могли отпустить меня куда угодно: вы же справитесь со всеми четверыми одной левой!

— Ну, видишь ли, — задумчиво протянул шеф, — вообще-то, я, конечно, всю жизнь работал без страховки. Но в таком ответственном деле лучше иметь помощника — единственный случай, когда я просто не могу позволить себе никаких неожиданностей... А кроме того — неужели тебе не приходит в голову, что я просто

решил сделать тебе подарок, скорее всего незаслуженный, но я, знаешь ли, не люблю мелочиться... Ты станешь свидетелем величайшего из чудес этого Мира — хочешь ты этого, или нет!

— Ну да, только за билет в первый ряд придется заплатить четырьмя головами, — мрачно кивнул я. — Глупыми горячими головами, которые почему-то решили остаться в Ехо и посмотреть, что будет... Или это вы их приворожили?

— Не сгущай краски, — беззаботно отмахнулся Джуффин. — Ребят приворожил не я, а возможность хоть немного приобщиться к тайне Пустого Сердца. Они куда мудрее тебя, сэр Вершитель, и отлично понимают, что в этом Мире является сокровищем, а что — карнавальная мишура, которую можно сжечь в саду, если она начинает путаться под ногами... И потом, никто не заставляет тебя их убивать. Правая перчатка сэра Шурфа в твоём полном распоряжении — чего же тебе еще? Чем ты недоволен, сэр зануда?

— Не знаю, — тихо сказал я. — Просто все как-то не так, как надо...

— А как надо? — ехидно обрадовался Джуффин. — Ты знаешь? Давай, рассказывай!

— Не знаю, — честно ответил я. — Но не так. Как-то иначе... Впрочем, уже все равно ничего не изменишь, да? И знаете, что хуже всего? Я вам больше не верю. Совсем.

— Что ж, значит ты стал немного умнее, только и всего, — усмехнулся Джуффин. — Верить вообще никому нельзя — неужели я никогда тебе этого не говорил? А уж верить мне... Выразить не могу, насколько это глупо!

— Да, — равнодушно согласился я. — Можете поставить мне двойку. Дневника у меня, правда, нет... ничего, можете на лбу нарисовать, кровью нерожденного младенца — так даже эффектнее.

— Иди проветришься, сэр Макс, — добродушно сказал Джуффин. — Прогуляйся, или перекуси — когда еще доведется! На трактиры, правда, рассчитывать больше не приходится, но ведь Щель между Мирами никуда от тебя не делась... А то шутки у тебя получаются натужные. И несмешные — куда хуже, чем обычно, хотя ты и в лучшие времена не был таким великим остроумцем, как тебе самому почему-то казалось — уж прости меня за откровенность... Все равно мне нужно закончить пару дел, а ты меня отвлекаешь. А через час я буду в твоём полном распоряжении — до самого конца!

Он звонко рассмеялся, явно наслаждаясь тягостным впечатлением, которое произвела на меня его формулировка: "до самого конца". Оно и к лучшему: я наконец-то понял, что уход Джуффина в какую-то совершенно абстрактную для меня неизвестность принесет мне неописуемое облегчение. Сэр Джуффин Халли, человек, который долгое время был центром моей маленькой личной Вселенной, мой добрый друг и эксцентричный учитель, веселый товарищ по самым невообразимым переделкам и заботливый опекун, спасавший мне жизнь столько раз, что я уже давно перестал понимать, кому из нас она теперь принадлежит — одним словом, господь бог и добрый дядюшка в одном лице, исчез еще несколько дней назад, и я не сомневался, что возвращаться он не собирается...

Как бы то ни было, а я послушно поднялся и покинул его кабинет. Вернулся в Зал Общей Работы, уселся на подоконник и попытался собраться с мыслями. Ни есть, ни, тем более, гулять по опустевшим улицам города, который еще недавно

которую он сам для себя выбрал. Трагедия состоит в том, что почти никто не делает этот выбор осознанно, поэтому и реальность нередко получается та еще... А ты у нас — редкостный счастливчик. Однажды тебе уже пришлось сделать выбор: легкомысленно поверить словам приснившегося тебе незнакомца и отправиться навстречу непостижимым событиям, или сказать себе: "все чепуха", — и остаться дома. Тогда у тебя хватило мужества принять очень странное, можно сказать, безумное, но единственно верное решение... Так что некоторый опыт в делах такого рода у тебя, хвала Магистрам, есть. Вот и на сей раз решай сам: что правда, а что — нет. Как скажешь, так и будет... Ого, да мы уже приехали! — обрадовался он, заметив, что наш амобилер уже съехал с паромы на стоянку у входа в Королевскую Тюрьму Холоми. — Вот и славно. Идем, покажу тебе нового пожизненного узника и твоего заклятого врага!

Джуффин чуть ли не силой вытряхнул меня из амобилера и увлек за собой, в один из коридоров. Навстречу нам никто не вышел — наверное, шеф успел заранее предупредить коменданта Холоми о нашем приезде и попросить, чтобы никто не совался к нам с непременными вежливыми расшаркиваниями. Оно и к лучшему: в кои-то веки я чувствовал себя дрянным собеседником.

— Хранилище для опасных волшебных вещей находится под самой крышей, — тоном экскурсовода говорил Джуффин, открывая передо мной дверь, ведущую на лестницу. — Так что придется тебе попрыгать по ступенькам, бедняга!

— Ничего страшного, — слабо улыбнулся я. Впрочем преодолев добрую дюжину лестничных пролетов, я переменял мнение.

— Вот здесь, — сказал Джуффин, останавливаясь перед тяжелой металлической дверью. — Только не пытайся ее открыть, давай я сам попробую.

На сей раз мой шеф возился с дверью чуть ли не четверть часа. Наверное, она была заперта с помощью самых что ни на есть надежных заклинаний. Это радовало: если уж чуть было не лишившая меня разума книга была всего лишь одним из многочисленных экземпляров этой сомнительной коллекции... Большая комната без окон, в которую мы наконец вошли, оказалась очень похожа на главный зал провинциального археологического музея. Многочисленные экспонаты хранились в стальных шкафах и трогательных деревянных ящичках с застекленным верхом.

— Нет, что ты, это не стекло, — Джуффин покачал головой. — Окаменевшая вода моря Укли — вот что это такое. Был один такой мастер в Эпоху Орденов, которому удавалось превратить воду в некоторое подобие льда, не прибегая к помощи мороза, один из Старших Магистров Ордена Ледяной Руки. Собственно говоря, в свое время эти ящики тоже были довольно опасным оружием, но о них я расскажу тебе как-нибудь потом... Сейчас займемся твоей книгой. Смотри, вот она, — шеф подошел к одному из высоких стальных шкафов и извлек оттуда толстый том в ярко-алом переплете. Я сразу узнал крупные буквы цвета свернувшейся крови. "Книга Огненных Страниц" — да, это была та самая книга, которую я нашел в своей библиотеке.

— Она, — внезапно охрипшим голосом сказал я. И с удивившей меня самой ненавистью добавил:

— Погань этакая!

— Не преувеличивай, — добродушно посоветовал Джуффин. — Конечно, тебе пришлось несладко, да и сейчас жизнь кажется тебе не столь замечательной, как

— Драка предполагает активное участие обеих заинтересованных сторон, дружок, — назидательно сказал он. Еще и подмигнул мне с видом заговорщика, будто намекая, что на самом деле мы оба играем в одну и ту же игру, возможно, довольно опасную, но очень веселую. — А в нашем случае активность буду проявлять только я, бедный, бедный сэр Макс!

— Стой на месте и не двигайся! — выпалил я, поскольку наконец-то вспомнил, что здесь, на Темной Стороне, каждое мое слово — закон, против которого не попрешь.

Но Джуффин демонстративно переменял позу: сделал неторопливый шаг вперед, скрестил руки на груди и укоризненно покачал головой.

— Мои соболезнования, — снисходительно сказал он. — Ты у нас, конечно, Вершитель, а это — усаться как круто, но... Видишь ли, мальчик, тебе действительно крупно не повезло. Я — тот самый единственный и неповторимый человек, которому ты не можешь причинить никакого вреда. А уж навязать свою волю — тем более. Поэтому не дергайся. Если будешь вести себя прилично, я могу рассказать тебе, почему так происходит. Тебе же интересно, правда?

Я молча покачал головой. Мне действительно было абсолютно неинтересно. Более того, я был твердо намерен заткнуть уши, если он все-таки пустится в объяснения. Я понятия не имел, о чем он собирается говорить, но мое мудрое второе сердце знало без тени сомнения, что некая тайна, которую хранит Джуффин, должна оставаться тайной, любой ценой, во что бы то ни стало, потому что прикосновение к ней сулило безумие — целую вечность безумия...

Тупая ноющая боль в груди показалась мне чуть ли не благословением: мой защитник, меч Короля Мёнина наконец-то понял, что его "клиента" всерьез обижают и решил вмешаться — лучше поздно, чем никогда! Я опустил глаза и увидел, что меч стал видимым и осязаемым — теперь он нелепо торчал из моего тела, словно я был участником массовой какого-нибудь фильма о средневековых войнах, ненадолго отлучившимся на перекур вместе с приложенным "реквизитом". Неистребимая дурочка надежда возрадовалась и яростно засучила ножками, призывая меня к немедленным действиям. Не раздумывая, я взялся за рукоятку меча. Не знаю уж, что именно я собирался с ним делать, возможно я искренне полагал, что могу просто прирезать своего внезапно помолодевшего шефа, и уйти восвояси, предварительно как следует взрыднув над его холодным трупом. Но меч меня подвел — черт, это было самое настоящее предательство! Стоило мне прикоснуться к его рукояти, как мое волшебное оружие начало таять — очень быстро, как кубики льда, брошенные в горячий чай. Вязкая жидкость, прикосновение которой заставило меня содрогнуться от отвращения, и судорожно отдернуть руки, текла по моей Мантии Смерти, оставляя на черно-золотой материи неопрятные клейкие пятна, словно я облился сладким сиропом.

— Короля Мёнина никогда не было, Макс, — все так же хладнокровно и насмешливо сообщил мне Джуффин. — Это просто миф, одна из многих занимательных сказок, которыми я морочил тебе голову, ты уж извини! И вообще, пойдем отсюда. У нас осталось очень мало времени, а поскольку сегодня мы пришли без Стража, нам предстоит совершить довольно долгую прогулку, чтобы отсюда выбраться.

Он положил мне на плечо тяжелую горячую руку — это был снисходительный,

почти ласковый, и в то же время, не допускающий никаких возражений жест, и неторопливо зашагал по сияющим камешкам призрачной улицы. Я покорно последовал за ним: его прикосновение парализовало мою волю, я почувствовал себя совсем слабым, сбитым с толку и слишком усталым, чтобы сопротивляться. Подчиниться было проще — это было похоже на потребность заснуть после нескольких суток принудительного бодрствования, когда от тебя не остается ничего, кроме одного-единственного всепоглощающего страстного желания закрыть глаза и раствориться в блаженной тишине.

— А теперь послушай, что я тебе скажу, — мягким, вкрадчивым, но не допускающим возражений тоном говорил Джуффин. — Наверное, тебе следовало узнать все несколько раньше: тогда ты не стал бы тратить силы на всю эту суету. Вообще-то, я отлично понимаю твое страстное желание во что бы то ни стало повернуть все по-своему. Я и сам такой. Но на этот раз тебе не повезло. Ты нарвался на единственного человека, с которым ничего не можешь поделать. Ничего страшного: скоро я уйду навсегда, и больше никто не будет мешать тебе пинать непокорную реальность своими сапогами. Но еще пару часов тебе придется потерпеть... — он внимательно взгляделся в мое лицо и укоризненно покачал головой:

— Ну нельзя же так падать духом! Куда подевался старый добрый сэр Макс, любопытный, как целая дюжина горных лисят? Неужели ты действительно не хочешь спросить меня о самом главном? Вижу, что не хочешь! Тем не менее, тебе придется меня выслушать. Дело в том, что ты — плод моего воображения, сэр Вершитель. Я выдумал тебя, мальчик, и должен признать: ты — лучшее из чудес, которые мне удавалось совершить. Венец моих усилий. Ты настолько хорошо получился, что и сам без тени сомнения веришь в собственное существование...

Впервые в жизни я был готов потерять сознание от обыкновенных слов. Конечно, в юности мне не раз случалось неадекватно реагировать на человеческую речь, забывая, что слова — это всего лишь звуковые волны, сотрясающие воздух в соответствии с волей обладателя пары легких, языка, неба, альвеол и прочих инструментов, необходимых для воспроизводства человеческой речи. Но сейчас я действительно был на грани обморока. В глазах потемнело, по опустевшей голове в панике носились последние обрывки беспомощных мыслей, собственное тело казалось мне чужим. словно со стороны я наблюдал его неуклюжие движения и с холодным любопытством ожидал того момента, когда оно все-таки грохнется на землю и избавит меня от обременительной необходимости заниматься его проблемами. Ужас состоял в том, что слова Джуффина разбудили во мне некие смутные, не поддающиеся формулировке воспоминания, о существовании которых я подозревал всю жизнь — и сознательно держал их под семью замками, понимая, что малейший намек на знание такого рода способен раз и навсегда свести меня с ума.

— Только не корчи из себя впечатлительную барышню, — с досадой поморщился Джуффин. — Никакой ты не впечатлительный, сэр Макс, просто вбил себе в голову, что интеллигентный человек обязан быть впечатлительным, чувствительным, и все такое прочее... Последствия дурацкого воспитания, полученного тобой в нелепейшем их Мироздании, куда мне пришлось тебя поместить. Я подозревал, что длительное пребывание там тебя испортит, но, ты уж прости меня,

— усмехнулся Джуффин. — Помнишь, когда мы с тобой сидели в трактире у ворчуна Мохи, ты спрашивал, не иллюзия ли мой облик, а я перевел разговор на другую тему? Ну так вот, теперь могу признаться: мне действительно приходится прикладывать некоторые усилия, чтобы казаться солидным пожилым джентльменом. В первый же год после вступления в должность я понял, что парень с лицом Кеттарийского Охотника не слишком подходит для кресла Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска: горожане предпочитали самостоятельно справляться со своими проблемами, лишь бы не идти в Дом у Моста на свидание с "грозным Кеттарийцем". А стоило мне "постареть", и все пошло как по маслу... Только не падай в обморок, Макс. Думаю, это просто совпадение.

— Ладно, Магистры с ней, с вашей внешностью! — вздохнул я. — На самом деле мне не дает покоя одна жуткая гипотеза. В этом наваждении вы говорили, что выдумали меня — дескать, на самом деле я соткан из ваших снов, и все такое...

— Ну и что? — Джуффин насмешливо поднял брови. — Теперь ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что это не правда, и ты — обыкновенный, нормальный человек, тот самый мальчик, который тридцать с чем-то лет назад родился у твоей мамы? Хорошо, будь по-твоему: это не правда. Ты нормальный человек. Делать мне нечего — каких-то дурацких сэров Максов придумывать! Ты доволен?

— Черт! — я чуть не плакал. — Так хочу вам поверить и не могу! Сам дурак: зачем было спрашивать, если не был готов поверить, правильно?

— Правильно, — меланхолично отозвался шеф. — Забавно: люди, по большей части, почему-то упорно отказываются верить во множество вещей, которые, в сущности, не имеют решительно никакого значения. О, люди постоянно настороже: им мерещится, что их обманывают, разыгрывают, водят за нос. Каждый мнит себя такой важной персоной, ради которой был затеян бесконечный спектакль, полный коварных замыслов и чудовищных интриг, тшится заранее разгадать планы злоумышленников и искренне гордится своим могучим умом после каждого нового "разоблачения"... И ты не исключение из этого правила, к сожалению. Сам подумай, мальчик: зачем тратить силы и время, копошась в своих благоприобретенных подозрениях и моих ненадежных опровержениях? Не проще ли махнуть на все рукой? Какая разница, каким образом ты появился на свет? Главное, что появился — этого вполне достаточно. Но ты предпочитаешь играть в дурацкую игру под названием "верю — не верю". Зачем? Есть только одна вещь, в которую имеет смысл не верить: смерть. Но в свою смерть каждый человек почему-то верит свято, не требуя доказательств, хотя не такая уж это хорошая новость, если разобраться... Странно, правда?

— Странно, — машинально согласился я. — И все-таки...

— Ты хочешь спросить меня: "и все-таки, как обстоят дела на самом деле", верно? — печально усмехнулся Джуффин. — Ну уж нет! Я не собираюсь навязывать тебе свою версию, даже ту, которую искренне считаю правдивой, да еще и подбирать веские доказательства своей правоты. Сам выбирай, во что тебе верить. Как решишь — так и будет.

— Я не понимаю, — беспомощно сказал я.

— Ты все отлично понимаешь! — шеф был неумолим. — Мы, люди, куда могущественнее, чем нам кажется. Не только ты, сэр Вершитель, а вообще все. Хотим мы этого, или нет, но каждый из нас вынужден жить в той реальности,

— Значит, плохо пытаешься, — пожал плечами Джуффин.

— Наверное, — угрюмо согласился я. — Джуффин, я все хотел у вас спросить, чтобы не гадать попусту: Король Мёнин действительно был, или это просто миф?

— Почему "был"? Я здорово подозреваю, что он все еще есть — где-нибудь, каким-нибудь странным образом... Хотя, в каком-то смысле Мёнин — действительно миф, как и любой Вершитель, — усмехнулся шеф. — Но этот миф основан на более чем реальных фактах. Скажем так: в свое время человека по имени Мёнин при большом желании можно было даже потрогать. А как по-твоему, с чьей Тенью ты однажды отправился на долгую прогулку? И чей, интересно, меч приютился в твоей груди, если уж на то пошло?

— Ясно, — кивнул я. — Значит, меч Мёнина все-таки существует... Уже легче. Но почему он не спас меня от этого наваждения? Прежде он никогда не подводил. Помните, как старательно, даже вопреки необходимости, он охранял меня от колыбельной прожорливого чудовища из залива Ишма?

— Хороший вопрос, — согласился Джуффин. — Я и сам недоумевал поначалу. А потом вспомнил, что меч Мёнина все еще зависит от желаний своего прежнего господина. Возможно, Король Мёнин просто счел, что такое приключение пойдет тебе на пользу? И вообще, это еще вопрос — кто именно подsunул тебе Книгу Огненных Страниц! Не так уж много у тебя врагов, мальчик... и всего один друг, способный на такую жестокую шутку. Мёнин был куда более суровым человеком, чем тебе могло показаться на фоне вашей почти идиллической дружбы: обмен письмами, дружеские сувениры на добрую память... — он хмыкнул и умолк, задумчиво качая головой. Очевидно сам удивлялся собственной гипотезе.

— В Холоми бы его посадить за такие штучки! — сердито буркнул я. — И не выпускать, пока не прочтает все творения этого вашего литературного гения, Магистра Дрогги, от корки до корки... Ладно, черт с ним! Лучше попробуйте снять еще один тяжкий камень с моего сердца: как насчет сэра Махи Аинти — он есть?

— Разумеется, — удивленно кивнул Джуффин. — Вместо того, чтобы полагаться на мои слова, ты можешь просто послать ему зов — возможно, Махи не откажется лишний раз с тобой поболтать... А почему, собственно, ты сомневаешься?

— В этом наваждении его не было, — я улынулся от облегчения. — Мне примерещился наш с вами длинный диалог, в ходе которого вы доказывали мне, что понятия не имеете, кто такой сэр Махи Аинти. Не поверите: вчера я просто не решился послать ему зов. Боялся, что он не откликнется, и тогда я точно сойду с ума...

— Кажется, я понимаю, — задумчиво протянул мой шеф. — Старый хитрец Махи достаточно могуществен, чтобы позволить себе роскошь не присутствовать ни в чьих наваждениях.

— А вы? — изумился я.

— Ну, выходит, что недостаточно, — Джуффин равнодушно пожал плечами. — К тому же, я никогда не давал себе труд окружить себя надежным заклитием, ограждающим от пребывания в чужих наваждениях... В голову не приходило, что мне это может понадобиться, ты уж извини!

— В моем наваждении вы выглядели так молодо, — слабо улыбнулся я. — Почти как мой ровесник — ну, может, чуть-чуть старше...

— На самом деле именно так я и выгляжу, когда остаюсь наедине с самим собой,

бедняга: это был единственный выход. Я обшарил всю Вселенную в поисках такого места, где ты мог бы прожить пару дюжин лет, даже не подозревая о собственном могуществе, и в то же время не растерять его безвозвратно. Это было необходимо, поскольку... Ну, не мне тебе объяснять, что после того, как картина написана, требуется выждать некоторое время, чтобы краски просохли, и только потом можно прикасаться к ней руками. Ты же в свое время немного занимался живописью, я ничего не перепутал? — Я все еще упрямо молчал, поэтому Джуффин нетерпеливо отмахнулся:

— Ладно, ладно, и сам знаю, что не перепутал: уж что-что, а твою драгоценную биографию я наизусть помню, лучше, чем свою собственную... И кстати, ты не в обморок должен падать, а сказать мне спасибо. Ты должен быть благодарен мне куда больше, чем дети своим родителям, поскольку мой способ увеличивать численность населения отнимает кучу времени и сил... и можешь мне поверить, не приносит никакого физического удовольствия! — ядовито заключил он.

— И на кой вам это понадобилось? — наконец спросил я. Удивительное дело: мой голос звучал холодно и равнодушно, словно мы обсуждали какой-нибудь очередной кинофильм из моей коллекции, а не мою собственную судьбу. — Помоему, людей и без того несколько больше чем надо, — язвительно добавил я. — Зачем было тратить столько усилий, чтобы создать еще одного?

— Что касается количества людей, ты совершенно прав, — с энтузиазмом закивал Джуффин. — А вот их качество меня редко устраивало. Можно сказать, почти никогда! Из всех человеческих существ, которые встречались на моем пути, разве что Лойсо вызывал некоторое уважение, но этот великолепный экземпляр, к сожалению, мне удалось уничтожить... Поэтому пришлось самому взяться за дело. Насколько мне известно, до сих пор еще никому не удавалось создать полноценного человека, обладающего не только разумом, но и некоей не поддающейся определению субстанцией, которую твои бывшие соотечественники именуют "душой" — уж прости мне столь наивное определение, но другого термина, который был бы тебе понятен, не существует... Более того, мне удалось создать не обычного человека, а Вершителя — куда более могущественного, чем Вершители, рожденные обычным образом. Как ты думаешь, почему ты столь легко всему обучаешься? Почему ты так бесстыдно удачлив? Почему выходишь целым и невредимым из любой переделки? Почему второе сердце так быстро прижилось в твоей груди, да и эта ржавая железка, которую ты со столь трогательной доверчивостью принял за меч Короля Мёнина, не доставила тебе особы неудобств? Можешь мне поверить, сэр Макс: если бы ты был, так сказать, "настоящим", "живым" человеком, тебе пришлось бы здорово попотеть прежде, чем ты освоил бы самое простенькое из подвластных тебе чудес. Впрочем, ты бы попросту не смог дожить до сегодняшнего дня: при твоем легкомыслии и полном отсутствии внутренней дисциплины у тебя не было бы никаких шансов... Так что радуйся, радуйся, а не скрипи зубами, как ограбленный пиратами купец. Я выдумал тебя, и это — твоя величайшая удача! Пока у твоего могущества есть один-единственный изъян: ты становишься совершенно беспомощным, когда имеешь дело со мной, и это естественно. Но после того, как я закрою за собой дверь, ведущую в вечность, ты будешь абсолютно свободен от этого досадного ограничения. Всего-то и осталось — потерпеть пару часов... и заплатить за входной билет в настоящую жизнь.

— Что вы подразумеваете под платой за входной билет? — настороженно спросил я.

— Экий ты все-таки непонятливый! — усмехнулся Джуффин. — Впрочем, это не удивительно: не хочешь понимать, поэтому и не понимаешь... Тебе придется заплатить своими привязанностями, дружок. Маленькими, дурацкими, можно сказать, младенческими привязанностями. Как ты думаешь, почему я постарался организовать для тебя небольшое сражение с коллегами? Уж по крайней мере, не потому, что мне приспичило убить их, да еще и твоими руками... Честно говоря, мне плевать: останутся ли в живых эти сопляки Мелифаро, Нумминорих и Луукфи и наш штатный пожилой индеец, достопочтенный сэр Кофа! Дело не в них, а в тебе. До сих пор ты мертвой хваткой цеплялся за каждого человека, который давал понять, что испытывает к тебе хотя бы минимальную симпатию. Глупо, сэр Макс! Пора смириться с очевидным: тебе никто не нужен. Да и ты никому не нужен, если быть честным до конца. У тебя нет ничего общего с этими людьми, кроме твоего нелепого желания видеть вокруг себя улыбающиеся знакомые лица... Одно из двух: либо ты поймешь это сегодня и сметешь их со своего пути, либо не поймешь и погибнешь. Разумеется, я мог бы немного бережнее относиться к результату собственного труда: обернуть тебя в вату и спрятать в сейф для пушей сохранности, но я, знаешь ли, всегда стремился к совершенству. Все, или ничего — вот мой девиз! Если ты не сможешь переступить через такую мелочь, как личная привязанность к людям, которые иногда составляли тебе компанию за кружечкой камры, можешь пропадать: туда тебе и дорога! Впрочем, я уверен, что ты справишься. У тебя в груди бьются два замечательных сердца, одно другого каменнее, просто они несколько размягчились под влиянием дурного воспитания...

— Мерзость какая! — искренне сказал я.

— Что именно? — обрадовался Джуффин.

— Все, — равнодушно ответил я. — Вы, Джуффин — на редкость мерзкий тип, и занимались вы всю жизнь исключительно мерзостями, и в итоге у вас получилась отменная мерзость, венец вашей омерзительной деятельности — то есть я. Учтите: еще немного, и меня стошнит. Прямо на ваше лоохи. И в таком виде вы будете вынуждены предстать перед Пустым Сердцем — правда здорово? Угостите его своей кровью пополам с моей блевотиной. Надеюсь, это дивное растение будет в полном восторге!

— Когда я создавал тебя — а на это ушло несколько лет, потому что мне пришлось сплести твоё брэнное тело из невесомых паутинок сновидения — я был слишком увлечен собственным образом, — задумчиво протянул Джуффин. Он выглядел вполне довольным, кажется мой гневный монолог не произвел на него должного впечатления. — Ты бы удивился, если бы узнал, насколько ты похож на меня самого — каким я был в юности. Такой же непримиримый молодой человек... и ужасающе серьезный, невзирая на твою дурацкую манеру шутить по любому поводу. Ну вот с чего ты взял, что многократное повторение слова "мерзость" — именно то, что должен сказать юный Вершитель своему усталому создателю? Глупо, мальчик. Ты получил в подарок жизнь, которая только начинается, и бесконечное могущество, цену которому ты еще даже не начал осознавать... Я не требую от тебя благодарности — сам понимаю, что мое создание не может искренне испытывать это чувство. Но где радость? Где удивление? Где трепет перед

могу взять на себя обязательство пичкать тебя какими-нибудь сладенькими пилюлями от душевной боли... Только я не верю, что тебе действительно так уж этого хочется!

— Ну почему же, — невольно рассмеялся я, — если вы убедите Мелифаро, что теперь он обязан возиться с моим ночным горшком, я, пожалуй, буду вполне счастлив!

— Уже лучше, — усмехнулся Джуффин. — Как ты все-таки любишь эту тему! Может тебе просто следует пожить полдюжины дней у генерала Бубуты? Спокойная обстановка, разговоры исключительно о горшках и их содержимом. Именно то, что тебе требуется!

— Ничего не выйдет, — я с улыбкой покачал головой. — К сожалению, дома Бубута ведет себя вполне прилично, а жена у него — и вовсе прелесть, так что я быстро зачахну в столь уютной семейной обстановке...

— Ладно, — решительно сказал Джуффин. — Думаю, тебе не повредит небольшая познавательная экскурсия. Вставай, поехали.

— Куда? — настороженно спросил я. Признаться, я и сам понимал, что веду себя как последний идиот: ну вот какого черта надо было начинать нервничать?! — но ничего не мог с собой поделать.

— Куда, куда... В Холоми! — насмешливо сказал шеф. — Будем поливать волшебные цветы на тамошних огородах, и все такое. — Наверное, на моей физиономии отразилось такое смятение, что он устало вздохнул и пояснил:

— Не сходи с ума без крайней нужды, сэр макс. Я просто покажу тебе эту многогрешную книгу. Можешь даже поддержать ее в руках: в Холоми она совершенно безопасна. Возможно, тогда до тебя дойдет, что эта история действительно закончилась!

— Поехали, — растерянно согласился я, покидая кресло. — Признаться, я думал, что вы уничтожили эту книгу.

— Ну и напрасно ты так думал, — сухо сказал Джуффин. — Книга Огненных Страниц, разумеется, очень опасна. Но в то же время это — одно из самых удивительных чудес нашего Мира... и величайшее произведение искусства, если уж на то пошло! Уничтожать такое сокровище было бы безумной расточительностью — если учесть, что у нас имеется отличное хранилище для подобных сувениров. Пока книга остается в Холоми, она никому не навредит. Сам увидишь, так что поехали!

— Ты стал ездить немного осторожнее, чем прежде, — удивленно сказал Джуффин после того, как мы проехали несколько кварталов на моем новеньком амобилере. — Почти незаметно, и все же... Мне это не нравится, сэр Макс! Отчаянная мальчишеская бесшабашность всегда была твоей сильной стороной.

— Мне и самому это не нравится, — хмуро согласился я. — Для того, чтобы носиться так лихо, как прежде, надо расслабиться и забыть обо всем — просто наслаждаться быстрой ездой. А я все время думаю. Пытаюсь понять: можно ли вам доверять, и вообще... Ну, вы, наверное, и сами понимаете, — смущенно закончил я.

— Разумеется, мне нельзя доверять, — совершенно серьезно откликнулся Джуффин. — И не потому, что я — такой уж великий интриган. Просто доверять вообще можно только своему сердцу. Неужели ты до сих пор этого не понял? Слушай его, парень: оно мудрее, чем ты можешь себе представить!

— Я пытаюсь его слушать, — вздохнул я. — И ничего не слышу...

растворилась в оранжевом свете уличных фонарей, и мы остались вдвоем, я приложил все усилия, чтобы она не заметила никаких перемен. Это чертовски трудно, когда имеешь дело с человеком, который знает тебя, как облупленного, но мне казалось, что я вполне заслужил пятерку по прикладному притворству... ну, уж по крайней мере, четверку с плюсом — пока я не увидел тревогу, притаившуюся на дне ее серых глаз. Черт побери, какие все-таки проницательные люди меня окружают!

Утром я отправил зов Джуффину и честно признался, что мне пока не удастся обнаружить в своей шкуре старого доброго сэра Макса, а занявший его место нервный подозрительный субъект, ни на секунду не забывающий, что великолепная действительность, с которой он имеет дело, в любую минуту может растаять, уступив место какой-нибудь мрачной, зловещей, или просто тоскливой главе очередной Книги Огненных Страниц, так меня достал, что хоть из окна третьего этажа его выбрасывай!

"Боюсь, тебе действительно придется справляться самому, — сочувственно откликнулся шеф. — Впрочем... Приезжай в Дом у Моста, поболтаем."

Разумеется, я тут же сорвался с места и ринулся на это свидание с такой скоростью, словно за мной по пятам неслась дружная стая оголодавших каннибалов... Что ж, так оно и было — в каком-то смысле! По пути мне удалось совершить почти невозможное: сбить с ног самого сэра Мелифаро на пороге Тайного входа в Управление и исчезнуть за поворотом коридора прежде, чем из его уст раздалось первое из многочисленных непечатных выражений, долженствующих сообщить Миру о справедливом негодовании моей случайной жертвы. До сих пор все происходило наоборот: этот торопыга сбивал меня с ног с завидной регулярностью, не реже, чем раз в полгода, а я возмущенно сотрясал воздух — поскольку не убивать же хорошего человека из-за сущих пустяков...

— Ну ты даешь, сэр Макс! — приветливо сказал Джуффин, заботливо подвигая ко мне кресло. — До сих пор твое поведение было более последовательным. Каждый раз, когда тебе удавалось выйти живым из очередной передраги, ты искренне радовался этому выдающемуся событию, и правильно делал! А сейчас? Сколько можно вперивать страдальческий взор в глубину своей нежной души?

— Вот и я думаю — сколько можно? — мрачно согласился я. — Но дальше теоретического понимания, что все хорошо, дело не идет. Мне все равно паршиво — так, словно я все еще читаю эту грешную книжонку!

— Ну что ты, нельзя столь неуважительно отзываться об одном из самых непостижимых и опасных чудес, созданных руками человека! — совершенно серьезно упрекнул меня шеф. Потом в его раскосых глазах блеснул лукавый огонек и он заявил:

— На самом деле ты отлично можешь справиться со своей небольшой проблемой, Макс. Но почему-то упорно не желаешь — вот в чем загвоздка. Может быть тебе просто хочется, чтобы с тобой немного понянчились? — он укоризненно покачал головой. — Ты будешь мужественно страдать, а мы — носиться вокруг тебя, как наемные няньки вокруг капризного наследника какого-нибудь богатого семейства... Могу тебе это устроить — хоть на целую дюжину дней. Сэр Мелифаро самолично будет менять под тобой ночной горшок, добрый дяденька Кофа — кормить тебя из ложечки, остальным тоже придумаем какие-нибудь развлечения, а я

непостижимым чудом, частью которого ты являешься? Посмотри на свои руки: они великолепны! Я угрожал год жизни, чтобы создать столь совершенные кисти рук, а ты даже не даешь себе труда восхититься результатом моего труда. Вместо этого ты предпочитаешь загромождать свою бедную голову сентиментальными глупостями насчет предстоящего тебе прощания с дурацкими иллюзиями... Подумай лучше о том, что я великодушен: я не требую от тебя слишком многого. В конце концов, я не поставил тебя перед необходимостью сражаться с сэром Шурфом, или своими руками прикончить леди Меламори. Я отлично понимаю, что с этими привязанностями ты сможешь расстаться еще нескоро...

— Все равно мерзость, — я пожал плечами и поднес к лицу свои разрекламированные верхние конечности. — Магистры с ними, с моими привязанностями, да и со мной самим, заодно. Мне уже все равно, если честно... Но неужели жизнь того же сэра Мелифаро, да и всех остальных ребят — такая дешевка, что они годятся лишь на то, чтобы стать мишенью на полигоне, где "великий и ужасный" Вершитель по имени Макс будет выполнять некие загадочные тренировочные упражнения с целью самоусовершенствования? Вы учили меня быть безжалостным, Джуффин, и мне кажется, что у вас неплохо получилось: по крайней мере, я знаю, что это умение дорогого стоит. Но я знаю и другое: тренироваться следует на самом себе, по крайней мере, поначалу. А я ведь — начинающий... И потом, если вы не лукавите и всерьез вознамерились научить меня расшвыриваться чужими жизнями, как свинья дерьмом, вы опоздали. Уж что-то, а это я всегда умел. Я заранее знаю, что когда дело дойдет до настоящей драки, я не задумываясь смету со своего пути любого, лишь бы сохранить свою драгоценную шкуру. И что? Из этого следует, что я — великий просветленный? Бросьте, Джуффин, это мерзейшее качество. Когда в следующий раз будете создавать очередного Вершителя, имейте это в виду. Великодушие — единственная стоящая приправа к могуществу. Возможно, новая модель окажется удачнее. А что касается меня... Да гори все синим пламенем!

Продолжить выступление мне не удалось, поскольку в это мгновение началось настоящее безумие. Восхитительный зыбкий мерцающий мир, окружавший нас со всех сторон — в это время мы все еще брели по суверенной территории Темной Стороны — внезапно вспыхнул, как папиросная бумага, к которой поднесли спичку. Пламя действительно было синим — я никогда не забуду этот сочный, яркий, чистый ультрамариновый цвет! — и оно не обжигало, как настоящий огонь, а освежало, как струи воды в жаркий летний полдень. Мой разум взвыл от ужаса, но сердце ликовало, и все тело содрогалось от восторга, соприкасаясь с пронзительно синими языками пламени, которые не причиняли мне никакого вреда. Передо мной мелькнуло исказившееся от боли и гнева лицо Джуффина, озаренное синими сполохами. "Откуда ты узнал, что Синее Пламя — самое опасное оружие на Темной Стороне?" — то ли спросил, то ли подумал он, а потом умолк навсегда, поскольку огонь сожрал его почти мгновенно — вместе с мелкими камешками мостовой, по которой мы шли, узорчатой решеткой ограды и фасадом старинного одноэтажного дома. Я истерически расхохотался, когда понял: в последнее мгновение своей жизни Джуффин был уверен, что я заранее припрятал в рукаве козырную карту. А ведь на самом деле глупая необязательная фраза про "синее пламя" была обыкновенным идиоматическим оборотом, случайно сорвавшимся с моего болтливового языка —

сломленный неудачей, постигшей меня при попытке остановить Джуффина, и опустошенный его кошмарными откровениями, я успел забыть, что на Темной Стороне каждое мое слово, облеченное в форму приказа, обладает чудовищной, бесстыдной силой древнего заклинания. Я брякнул: "гори все синим пламенем", — и теперь Темная Сторона Ехо была охвачена огнем. Реальность становилась серебристым пеплом, не прошло и минуты, как кроме этого пепла не осталось ничего, даже ветра. Оказывается, ветер тоже может сгореть... Только я стоял посреди этого мрачного великолепия, как своего рода несгораемый сейф — лучшее, хоть и не слишком совершенное произведение покойного сэра Джуффина Халли, который так никогда и не увидит цветение легендарного Пустого Сердца, хотя теперь я бы с радостью отдал жизнь, чтобы сделать ему этот прощальный подарок...

Я знал, что сейчас меня захлестнет волна отчаяния и безумия, похожего на мучительное небытие, и вряд ли мне когда-нибудь удастся выбраться на берег, но я получил коротенькую отсрочку: несколько восхитительных мгновений абсолютного спокойствия. Мне почти удалось превратить эти мгновения в вечность — еще немного, и я бы нашел маленькую отмель в потоке времени, крошечный необитаемый остров, на котором есть место только для одного Робинзона — при условии, что у него хватит мужества ступить на свой островок вечности. Но в последний момент в моем сердце дрогнула некая предательская струнка, и я понял, что шанс упущен, а второй попытки не будет — никогда. И я со смирением принял свою участь, поскольку — что мне еще оставалось?!

— Не было ничего, — твердо сказал я себе. — Не было твоего драгоценного сэра Джуффина Халли. Не было Ехо — лучшего города во Вселенной. Молчи, дурак! — прикрикнул я сам на себя, когда понял, что мой разум не желает соглашаться с этой простой, но сомнительной истиной. — Мне лучше знать! Не было ничего, и тебя тоже никогда не было, поэтому заткнись и дай мне умереть достойно, без соплей, слюней и паршивых сожалений!

Но я не был искренним до конца, когда произносил этот монолог. Ложь — пагубная привычка: стоит только научиться, и тут же начинаешь лукавить даже наедине с самим собой. Я по-прежнему страстно хотел выжить — во что бы то ни стало, любой ценой. Я был заранее согласен на адские душевные муки и даже на безумие, опасный огонек которого лукаво подмигивал мне в конце тоннеля, как зеленый сигнал семафора — дескать, виллькоммен, герр Макс, путь для вас всегда открыт. Я был готов принять любые условия, лишь бы не оборвалась тоненькая сияющая нить, все еще соединяющая меня с миром живых. Просто я никогда не верил, что смерть действительно приносит успокоение...

Страница сгорела

И разумеется, я не умер. Не так это просто, оказывается. Почти благословенная тьма, сомкнувшаяся было над моей макушкой, поспешно отступила. Даже память не желала меня покидать, и это было хуже всего. Эта взбесившаяся стерва с наслаждением подсовывала мне эпизод за эпизодом дивного, сказочного прошлого, которое закончилось — я был уверен, вернее, я знал — навсегда. Чаще всего перед моим внутренним взором мелькало хищное веселое лицо сэра Джуффина Халли — теперь, когда он стал горсткой пепла, все его дикие выходки последних дней казались мне незначительными и даже безобидными. Какая разница, что он говорил, что делал, что собирался сделать... Он был для меня куда больше, чем другом, или

фальшивой нотой. Мое настроение не было хорошим. Ко мне так и не вернулась головокружительная веселая легкость, которая обычно охватывает меня, когда я просыпаюсь и понимаю, что впереди еще один долгий удивительный день, обещающий мне то ли новые чудеса, то ли обычный будничны набор из знакомых лиц, уютных забегаловок и задушевного трепа — признаться, меня всегда в равной степени устраивали оба варианта! Зато темная, почти зримая тень той самой печали, которая обещала пережить меня, была где-то совсем рядом, и я чувствовал ее прохладное дыхание на своем затылке.

— Прекрати! — сердито сказал я себе. — Все осталось позади, и не вздумай отравлять мне жизнь, мусоля подробности своего драгоценного наваждения. Пора бы тебе просто обрадоваться, дорогуша: лучше поздно, чем никогда!

Ага как же! Дать себе хороший совет проще простого, а вот последовать ему... Я понял, что дальнейшее пребывание в постели даст мне отличную возможность совершить продолжительное путешествие по темной тропе тривиальной депрессии, а посему встал, укутался в теплое домашнее лоохи и отправился вниз, в ванную. По дороге я продолжал глушить себя душеспасительной лекцией на тему "жизнь прекрасна". Раздвоение личности — великое дело: в конце концов, мне удалось хоть отчасти отождествить себя с той половиной, которая хотела просто радоваться благополучному исходу этой паскудной истории, и научиться игнорировать вопли маленького, вездесущего и совершенно неугомонного не то мудреца, не то параноика, который то и дело задавал мне иезуитские вопросы: "Интересно, а какую книгу ты читаешь сейчас, бедный, бедный сэр Макс? И что будет, когда она закончится? Новая "Книга Огненных Страниц", и так до бесконечности? Или до тех пор, пока ты не нарвешься на абзац, где будет подробно и достоверно описана твоя смерть?"

Худо-бедно, но я заставил себя заткнуться: знаменитые дыхательные упражнения Шурфа Лонли-Локли действительно дорогого стоили. Как раз вовремя: когда я поднялся в гостиную, я обнаружил там теплую компанию своих коллег — почти в полном составе, не хватало только Джуффина, который, впрочем, всегда считал, что большой бесконечной "вечеринки", каковая официально считается службой в Тайном Сыске, вполне достаточно, и крайне редко устаивал своим присутствием все прочие светские мероприятия. Разумеется, я прекрасно понимал, что сегодня ребята появились у меня не столько потому, что им срочно приспичило устроить очередную веселую вечеринку, сколько в качестве волонтеров своеобразной "службы спасения", или психологической "скорой помощи". Как бы там ни было, но я почувствовал признательность: их приветливые рожи действительно были способны привести меня в норму — по крайней мере, на какое-то время. Правда, меня все время подмывало осторожно разузнать, как они повели бы себя, если бы этот сволочной цветок, главный герой Книги Огненных Страниц, расцвел на самом деле, но я благоразумно придушил это дурацкое желание. Оно немного подергалось и затихло — оставалось надеяться, что навсегда...

Вечер, по большому счету, удался. Правда, я так и не сумел окончательно расслабиться, выбросить из головы живучие обрывки предательских сомнений и просто наслаждаться обществом своих друзей. Но я здорово надеялся, что это не слишком заметно: мне не хотелось огорчать ребят. И еще меньше мне хотелось огорчать Меламори, поэтому когда веселая компания наших коллег постепенно

заставить его вспыхнуть — к счастью, конечно... А что, оно фигурировало в твоих чудных видениях? Дырку над тобой в небе, сэр Макс, хотел бы я знать, как ты вообще умудрился уцелеть?

— Но если это была всего лишь книга... — нерешительно начал я.

— Не "всего лишь книга", а Книга Огненных Страниц, — хмуро сказал Шурф. — Тот, чье внимание ей удастся похитить, умирает, прочитав о собственной смерти. Тебе повезло: я вырвал эту дрянь из твоих рук как раз тогда, когда ты внимательно читал отрывок, в котором подробно описывалось, как ты сходишь с ума... Первые несколько часов ты не реагировал на внешние раздражители, кроме того от тебя исходил столь сильный запах безумия, что любой знахарь счел бы тебя безнадежным. К счастью, сэр Джуффин как-то привел тебя в порядок.

— Джуффин, скажите мне, только честно: а вы, случайно, не ждете, когда зацветет Пустое Сердце? — решительно спросил я. Что мне сейчас действительно требовалось, так это расстаться с ужасающим предположением, что проклятая книга была в некотором смысле пророческой — как можно скорее, пока страх окончательно не поработил мой разум, который сейчас был беспомощен, как новорожденный младенец.

— Так, понятно, — спокойно усмехнулся Джуффин. — Кажется, тебе подсунили своего рода салат из всех сомнительных легенд, доставшихся нам от Древней Династии... — он заметил, что я здорово нервничаю и поспешно добавил:

— Можешь не волноваться, мальчик: во-первых, я не верю в эту легенду, а во-вторых... она мне не слишком нравится.

— Самое ужасное, что я вам не очень-то верю, — тихо сказал я. — Все еще не могу убедить себя, что вы не имеете отношения к тому человеку, с которым я имел дело в последние дни... вернее, в наваждении.

— Разумеется, — спокойно согласился Джуффин. — Тебе требуется время, чтобы убедиться, что события, о которых ты прочитал в Книге Огненных Страниц, не имеют никакого отношения к твоей настоящей жизни. А потом тебе придется как следует потрудиться, чтобы отделить одно от другого. Тут тебе никто не поможет, так что придется справляться самому. Но ты справишься, сэр Макс — куда ты денешься?!

— Я постараюсь, — кивнул я, снова укладываясь на ковер: у меня больше не было сил оставаться в сидячем положении. — Я полежу немножко, ладно? — едва шевеля непослушными губами спросил я.

— Разумеется, — улыбнулся Джуффин. — И вообще, хорошая порция сладких снов — именно то, что тебе сейчас требуется.

— Я тоже так думаю, — пробормотал я.

Проснулся я в своей собственной спальне, в Мохнatom Доме. Очевидно, мои коллеги заботливо доставили меня домой, когда решили, что я больше не представляю угрозы общественному спокойствию. За окном плескались густые синие сумерки — не то закат, не то рассвет, сразу и не разберешь. Через несколько минут я понял, что все-таки закат: темнота в углах спальни сгущалась, а не рассеивалась. Рядом со мной никого не было, и это к лучшему... Мне ужасно хочется сказать, что вместе с отличным физическим самочувствием ко мне вернулось мое фирменное хорошее настроение, и решительно поставить жирную точку в конце этой тягостной истории, но такая фраза стала бы пронзительно

учителем — что значат все эти пустые слова?! Джуффин был человеком, который построил мою Белую Стену, самолично прорубил в ней Зеленую Дверь, да еще и позволил мне крепко ухватиться за его сильную руку — чтобы мое заячье сердечко не остановилось от страха, когда я делал свой первый осознанный шаг в неизвестность... Гораздо больше, чем один человек может сделать для другого, уж поверьте мне на слово! А теперь Джуффин сгорел вместе с Темной Стороной, как картонная марионетка, да и Зеленая Дверь навсегда захлопнулась за моей спиной. Я мог быть уверен: по эту сторону чудес не будет. Никаких.

Кое-как оборвав мучительный хор воспоминаний, я огляделся и обнаружил, что сижу на грязной булыжной мостовой. Кажется, я вернулся в тот самый город, в котором когда-то родился. Впрочем, я не был уверен, что моя догадка верна. Во-первых, никак не мог сфокусировать зрение на деталях пейзажа, а во-вторых, мне было абсолютно все равно. Какая разница, где окажется твое тело после того, как ты умер? Конечно, что касается дыхания, пульса и прочих медицинских показателей, с этим у меня все было в полном порядке. Я действительно оказался очень живучей тварью. Мое биологическое существование продолжалось, и смириться с этим фактом оказалось куда труднее, чем я предполагал. Мне очень хотелось завить, как воют одинокие оборотни, доведенные до ручки сценаристами и режиссерами третьесортных ужастиков — громко, во всю силу своего голоса, долго и с наслаждением издавать отвратительные душераздирающие звуки, пугая все живое в радиусе нескольких километров. Я был почти уверен, что вой мог бы унести с собой мою боль, но я почему-то не позволил себе это маленькое невинное удовольствие. Кажется, я просто знал, что когда боль исчезнет, от меня вовсе ничего не останется, а какой-то дремучий инстинкт требовал, чтобы оставалось хоть что-то...

"Тихо, — приказал я сам себе, — заткнись! И без тебя тошно... — Внутренний монолог приносил некоторое облегчение, и я судорожно ухватился за это немудреное средство местной анестезии. — Теперь ты понимаешь, почему самураи делали себе харакири? Не демонстративный героизм средневековых психов, а жест милосердия: иногда жить становится так больно, что меч, раздирающий внутренности, приносит только облегчение... Но у тебя-то нет ни меча, ни мужества, дружок — так уж ты устроен!" — Я шептал и шептал себе под нос какую-то чушь про самураев и боль, про мужество и отчаяние, и не понимал собственных слов, но это не имело никакого значения. Больше всего на свете я боялся замолчать, потому что, когда иссякнет поток слов, окажется, что надо как-то жить дальше, а к этому я не был готов. Чего я действительно не понимал — с какой стати я так остервенело боролся за свою жизнь, почему решил сохранить ее любой ценой? Ну вот, уцелел я, уплатив эту самую "любую цену" — и что теперь?

Вечность спустя я осознал, что стало совсем темно и очень холодно. Это было скорее хорошо, чем нет. Правда, кисти моих рук утратили подвижность, ресницы отяжелели от смерзшихся слез, и даже кровь уже не бежала, а лениво ползла по жилам. Но холод принес неопишное облегчение: сначала он остудил разгоряченный лоб, потом сковал тело, а потом подобрался к самому сердцу, и я с благодарностью ощутил, что моя боль отступает, а на смену ей приходит печаль.

— Моя печаль проживет дольше, чем я... — негромко сказал я вслух и вдруг понял, что это не красивая фраза, а констатация факта. Печаль была не чувством, а отдельным, почти независимым от меня существом, и когда я все-таки поднимусь на

ноги и уйду куда глаза глядят, она останется на этом месте — невидимая, но осязаемая и почти бессмертная, как все призраки, и редкие одинокие прохожие будут вздрагивать от беспричинной, но пронзительной тоски, случайно наступив на один из гладких серых камней мостовой...

А потом подул ветер. Он проник в мою сгустившуюся кровь и зашумел в голове — так причудливо, бессвязно, неразборчиво бормочет поднесенная к уху морская раковина. И вдруг его смутный шепот превратился в низкий, глухой, но вполне человеческий голос, и я даже смог разобрать слова.

— О чем ветер поет
В пустом сердце моем?
О том поет, что огонь
Сжег все в сердце моем...

По моим щекам текли слезы, они обжигали кожу, а потом застывали, замерзая на ледяном ветру, и я знал, что вместе с соленой влагой из меня утекает жизнь. Тихая песенка, которую принес ветер, стала моим "самурайским мечом" — единственным и неповторимым оружием, которое мне действительно подходило, поскольку оно не требовало ни мужества, ни твердости. Не нужно было делать последний и решающий героический жест — достаточно слушать и плакать, и ждать, просто ждать...

— О чем ветер поет
В пустом сердце моем?
О том, что вечный лед
Сковал сердце мое...

— И это правда, — горячечным шепотом говорил я ветру. — Все правда, все правда, дружище! Так оно и есть...

И вдруг песня оборвалась, а я понял, что кто-то трясет меня за плечо. "Ну вот, — устало и обреченно подумал я, — в кои-то веки собрался умереть, и не дают, гады! Сейчас мне придется доказывать, что я не пьян, и меня не нужно арестовывать за нарушение общественного порядка..." Я обернулся и увидел перед собой озабоченное хмурое лицо Шурфа Лонли-Локли. "Макс, — спрашивал он, — где ты взял эту гадость?" Он повторял этот вопрос снова и снова, потому что я молча смотрел на него, пытаясь понять, что означают странные сочетания звуков, которые издает этот странный человек, поразительно похожий на Чарли Уотса. Шок оказался настолько глубоким, что я утратил способность понимать человеческую речь — впрочем, я вообще перестал понимать что бы то ни было. К счастью, не навсегда...

— Ну, так-то лучше, — бодро сказал голос Джуффина над моим ухом. — Не пахнет от него больше никаким безумием, а ты паниковал!

Я открыл глаза и тут же снова зажмурился: комната была залита ярким солнечным светом. Впрочем, я успел заметить, что нахожусь в кабинете сэра Джуффина и лежу прямо на полу, вернее на роскошном кеттарийском ковре теплого янтарного цвета. Кроме самого шефа, который сидел рядом со мной на корточках, в кабинете находился Шурф Лонли-Локли. Я вдруг вспомнил, как он тряс меня за плечо, а потом... Потом я вспомнил все, что этому предшествовало, и это испытание оказалось не из легких. Я тут же судорожно сжался в комок, инстинктивно защищаясь от боли, которая обрушилась на меня вместе с воспоминаниями, но Джуффин решительно ухватил меня за плечи и перевел в сидячее положение.

— Слушай меня внимательно, сэр Макс, — очень мягко, но настойчиво сказал он. — События, воспоминания о которых доставляют тебе такие страдания — чистой воды наваждение. Я еще не знаю, что именно тебе примерещилось, но имей в виду: одним из последних происшествий, которые действительно имели место в твоей жизни, был наш с тобой поход к ворчуну Мохи.

— Правда? — нерешительно переспросил я, расплываясь в кривой улыбке — можно было подумать, что левая сторона моего лица сразу поверила Джуффину, а правая все еще сомневалась. Так или иначе, но мои мускулы расслабились, даже нога, которую свело судорогой, когда я сжался в комок, пытаясь укрыться от воспоминаний, совершенно самостоятельно пришла в порядок, и я наконец-то понял, что могу сидеть без посторонней помощи.

— А потом была небольшая вечеринка у тебя дома, — добавил Шурф. — Через пару часов после полуночи мы разъехались по домам, а ты очевидно отправился в свою библиотеку. Во всяком случае, я нашел тебя именно в библиотеке, с Книгой Огненных Страниц в руках. Ты помнишь, как она к тебе попала?

— Я просто взял книгу с полки, — машинально ответил я. Немного подумал и добавил:

— Обложка яркая, в глаза бросается. Странно, что я раньше ее никогда не замечал... — Потом до меня начало доходить, и я изумленно спросил:

— Так это была просто книга? Книга, в которой написана всякая дрянь про меня и про вас... и про все остальное?

— Ну да, — серьезно сказал Джуффин. — Это очень страшная штука, Макс. Ребят, которые выжили, прочитав несколько страниц, по пальцам пересчитать можно. Собственно говоря, до тебя их было всего двое, и оба — куда более опытные и могущественные чародеи, чем ты, счастливчик. Изумительная, по-настоящему магическая вещь, одно из самых опасных чудес, доставшихся нам в наследство от Эпохи Орденов. Гениальное творение Дрогги Аринриха, Великого Магистра Ордена Белой Пяты. В начале Эпохи Кодекса мы нашли и надежно спрятали в одном из хранилищ Холоми восемь его книг и наивно решили, что это — все. Выходит, ошибались...

— Так значит, это была просто книга? — тупо повторил я, чувствуя, что моя кривая улыбка наконец-то выравнивается, самым идиотским образом расплываясь по всей физиономии. — И вы не сгорели в синем пламени! — восхищенно сообщил я Джуффину, который сочувственно разглядывал мою ошалевшую от хороших новостей рожу.

— Разумеется, я не сгорел, — совершенно серьезно подтвердил он. — Кстати, а откуда ты узнал про Синее Пламя? Неужели из этой дрянной книжонки? Или тебе твой приятель Лойсо рассказывал?

— Нет, Лойсо мне ничего такого не рассказывал, это точно... А оно действительно существует? — испуганно спросил я.

— Как тебе сказать, — задумчиво протянул Джуффин. — Мне приятно полагать, что нет. Наш общий знакомый, сэр Лойсо Пондохва в свое время искренне надеялся, что оно существует... Но пока ни у кого, хвала Магистрам, не было возможности увидеть его воочию. Синее Пламя — это миф, Макс. Причем миф, о котором известно очень немногим... Считается, что Синее Пламя может почти мгновенно уничтожить любую реальность, вот только до сих пор никому не удавалось

обычно. Но когда-нибудь ты поймешь, что получил бесценный опыт. Я до сих пор не знаю, что именно тебе примерещилось, потому что знать не хочу! — но благодаря этой книге ты узнал, насколько хрупкой и непрочной может оказаться реальность в неумелых руках. Возможно когда-нибудь это знание спасет твою драгоценную шкуру, а возможно, оно спасет от тебя какой-нибудь очередной Мир, готовый рухнуть от твоих неуклюжих порывов и капризных выходов — время покажет! Возьми книгу в руки и открой. Не бойся. Пока мы находимся в стенах Холоми, она тебя не поймает. — Поскольку я все еще медлил, он насмешливо добавил:

— Можешь мне поверить, сэр Макс, меньше всего на свете мне сейчас хочется в очередной раз остаться без заместителя! Поэтому плохих советов я тебе давать не стану.

Я наконец-то заразился его азартным настроением. Решительно махнул рукой — дескать, была не была! — и принял из его рук книгу. Ничего особенного я при этом не почувствовал — и хвала Магистрам! Я сразу заметил, что в книге не хватает нескольких страниц — в самой середине. Открыл ее и обнаружил несколько клочков обгоревшей бумаги.

— Это те самые страницы, которые ты прочитал, — объяснил Джуффин. — Они сгорают по мере того, как читатель проживает запечатленные на них события. Автор книги, Магистр Дрогги Аринрих, предполагал, что у каждой из его книг будет только один читатель — первый и последний.

— Зато какой внимательный! — ядовито усмехнулся я. — Читатель, который честно проживет все события, описанные в книге и покорно умрет по воле ее автора... М-да, заманчиво! Слушайте, но каким образом он мог написать обо мне и о вас? Ну, вы, может быть, и были его современником, но я-то появился в этом Мире совсем недавно!

— А он ничего не писал, — удивленно ответил Джуффин. — Как такое можно написать? Магистр Дрогги был не писателем, а могущественным магом. Он только создал Книгу Огненных Страниц. Что касается текста, он появляется только в тот момент, когда она попадает в руки своей жертвы, и в очень большой степени зависит от того бардака, который царит в бедной разгоряченной голове несчастного читателя. Можно сказать, что ты сам был автором ужаснувшей тебя истории, а колдовство Магистра Дрогги только помогло твоим тайным страхам обрести почти настоящей плотью — ну и пожалуй, задало определенное настроение, без которого твои печальные приключения возможно не приобрели бы привкус настоящей обреченности... Кстати, именно поэтому не имеет значения, с какого места человек начинает читать эту книгу. Ты-то, как я вижу, открыл ее на середине, но твоя история началась с самого начала, верно?

— Не знаю, — я пожал плечами. — Трудно судить. Вполне могло оказаться, что я по глупости пропустил описание доброй дюжины веселых вечеринок, и сразу угодил к началу неприятностей... Впрочем, наверное вы правы. Откуда в этой дрянной книжонке могли появиться вечеринки? Не для того она была создана, верно?

— Ну, — совершенно серьезно возразил Джуффин, — ты вполне мог нарваться на описание последнего обеда семейства Талабунов, например. И умереть вместе с ними от ожорства прежде, чем тебя обнаружил сэр Шурф... Не слишком славный

конец, правда?

Мне стало смешно — не потому, что шутка шефа была в моем вкусе. Просто здоровенный камень, тяжелый как могильная плита, наконец-то свалился с моего сердца. Там, конечно, еще кое-что осталось — несколько мелких острых осколков, но я был уверен, что как-нибудь разберусь с этим опасным мусором. Теперь, когда я держал в руках околдовавшую меня волшебную книгу, я наконец-то осознал, что события последних дней действительно были обыкновенным наваждением, чем-то вроде дурного сна. У меня пропала параноидальная потребность постоянно сравнивать сэра Джуффина Халли с главным героем моего кошмара и мучительно пытаться определить, какой из них "настоящий" и — самое главное! — кто из них говорил мне правду, а кто — только то, что я хотел услышать...

— Вы были правы, когда затащили меня сюда, — сказал я Джуффину. — Теперь сам не понимаю, с какой стати я так дергался. Ну, околдовали меня как следует — так не в первый же раз! Подумаешь, великое дело! Зато опять как-то выкрутился...

— Ну наконец-то, — с явным облегчением откликнулся шеф. И ехидно добавил:

— Добро пожаловать обратно, в мир вменяемых людей, сэр Вершитель!

— Спасибо, — серьезно откликнулся я. — И в первую очередь за то, что не отправили меня в Приют Безумных. Такого классического параноика еще поискать надо! Представляете, вчера у меня собрались все наши ребята, пришли проводить несчастного болвана, так я весь вечер следил, чтобы никто из них не стоял у меня за спиной... Хотя теоретически я, разумеется, понимал, что у них нет никаких очевидных причин, чтобы всаживать мне отравленный кинжал меду лопаток!

— Ну почему же нет, — усмехнулся Джуффин. — Знаешь, как ты их достал за все эти годы?

В Управление я вернулся в самом радужном настроении. Я был твердо намерен и впредь оставаться счастливым и спокойным — теперь это стало для меня не столько вопросом душевного комфорта, сколько делом чести, своего рода "контрольной работой", за которую надо было получить "пятерку" — вот что бы то ни стало, любой ценой! Я просто не мог позволить какому-то дрянному наваждению оставить глубокий шрам на моем сердце. "Хочешь страдать — марш в уборную, чучело!" — прикрикнул я на себя, когда угрюмое безумие попыталось было вернуться и испоганить чудесный вечер, который я решил провести в обществе Меламори. Эта выходка повергла в восхищение не только мою прекрасную спутницу, но и пару дюжин прохожих: я несколько увлекся внутренней борьбой и умудрился произнести сей сакраментальный афоризм вслух, в самом центре оживленной улицы Медных Горшков. С другой стороны, надо же хоть иногда приносить радость людям!

Конечно, мне еще не раз пришлось бороться с приступами глубокой печали, здорово похожей на отвратительные ощущения, которые мне не раз приходилось испытывать, вставая на след мертвеца. Но из этих схваток я всегда выходил победителем, и печаль отступала — с каждым разом она отходила на шаг дальше, и я имел все основания надеяться, что настанет день, когда она окончательно скроется за горизонтом... Кажется, Джуффин наблюдал за моей борьбой с уважительным любопытством, но не сопровождал ее комментариями, и вообще не вмешивался. О Книге Огненных Страниц мы с ним больше не говорили. Эта тема была закрыта, раз и навсегда — по крайней мере, мне так казалось.

Но однажды, уже в начале зимы, несколько дюжин дней спустя после самого

странного и неприятного из моих приключений, мне довелось снова услышать имя Великого Магистра Ордена Белой Пяты Дрогги Аринриха — на сей раз из уст сэра Лонли-Локли. К этому времени я настолько оклемался, что даже не сразу вспомнил, кто он, собственно говоря такой, этот Дрогги.

Мы с Шурфом сидели в его саду, благо этот день выдался солнечным и на редкость теплым, и даже ветер, дувший с Хуруна, на берегу которого стоит дом моего друга, приносил не холод, а приятную ментоловую свежесть. Мохнатый мудрец Дримарондо уютно устроился в ногах у своего покровителя и внимательно слушал его продолжительные пассажи о древней и современной поэзии Угуланда. В глубине души я был уверен, что пес понимает мудреные рассуждения сэра Лонли-Локли о литературе куда глубже, чем я: порой он отпускал такие комментарии, что мне становилось неловко за собственную поверхностную образованность!

— Поэты древности в отличие от современных редко создавали больше дюжины стихотворений в течение своей долгой жизни, — задумчиво говорил Шурф. — Оно и понятно: все они были великими магами и не любили растрачивать себя на пустяки. Поэтому за каждым поэтическим произведением тех времен непременно скрывается целая Вселенная, наполненная чудесами — нередко опасными для того, кто неосторожно разбудит задремавшие строки...

— Грешные Магистры, Шурф, да твоё выступление записывать надо! — в очередной раз восхитился я.

— Хочешь — записывай, я не возражаю, — невозмутимо откликнулся он.

— Не буду я ничего записывать. Ты принял обыкновенный комплимент за конструктивное деловое предложение! — фыркнул я.

— Тот же Дрогги Аринрих, создатель Книги Огненных Страниц, которую ты каким-то образом обнаружил в своей библиотеке, — хладнокровно продолжил Лонли-Локли, — был одним из величайших поэтов своего времени. А ведь он написал всего несколько стихотворений. Есть версия, что его печально знаменитые Книги Огненных Страниц — всего лишь драгоценная оправа для стихотворений Магистра Дрогги...

— Как это? — насторожился я.

— Говорят, в каждую из книг он заключил одно своё стихотворение, — задумчиво объяснил Шурф. — Книга сама решает, какую историю рассказать своей жертве, но с одним условием: перед тем как умереть, читатель непременно услышит стихи Магистра Дрогги. Он был очень высокого мнения о своих поэтических способностях и искренне полагал, что делает своим будущим жертвам великие дары, за которые не грех и жизнью расплатиться... Признаться, я не разделяю его точку зрения, но по-человечески Магистра Дрогги можно понять.

— Думаешь, можно? — недоверчиво переспросил я. — Видал я поэтов с манией величия, но чтобы настолько...

— К счастью, теперь стихи Дрогги Аринриха можно прочитать, не расплачиваясь за это жизнью, — мечтательно добавил Шурф. Кажется, он совсем меня не слушал. — В этом есть и моя заслуга, — неожиданно признался он. — По мере того, как Книги Огненных Страниц одна за другой оседали в хранилище Холоми, я сам переписывал из них его стихи и передавал их профессорам литературы Королевской Высокой Школы, которые занимаются составлением антологий древней поэзии. В моем столе хранятся их письма с выражениями

признательности. Честно говоря, Макс, я горжусь тем, что причастен к столь замечательному делу, как поиск забытых имен и утерянных строк наших мертвых поэтов... Стихотворение, которое я нашел в твоей книге, стало девятым по счету, и я думаю, оно — последнее.

— Стихотворение, которое ты нашел в моей книге? — до меня наконец начало доходить. — А не песня о пустом сердце, часом?

— Может быть и песня, — пожал плечами Шурф. — Когда я изучал книгу, я не находился под воздействием ее чар, поэтому никакой музыки не услышал...

— Зато я ее слышал, — проворчал я. — И ревел, как корова! Гениальный замысел, надо отдать должное его автору: сначала довести человека до ручки каким-нибудь дрянным наваждением, внушить ему, что он навсегда потерял все, что ему было дорого, начиная с себя, любимого, а потом добить несколькими простенькими зарифмованными строчками — тут не захочешь, а зарыдаешь! Хорошо, что там было всего два куплета, а то я наверняка начал бы биться головой о мостовую — в полном соответствии с авторским замыслом!

— Там было не два, а три куплета, — возразил Лонли-Локли.

— Да? — удивился я. — Ну, значит, между вторым и третьим была очень длинная пауза, и ты успел вовремя вытащить меня из этого литературного кошмара...

— Хочешь узнать, как заканчивается это стихотворение Магистра Дрогги Аринриха? — спросил Шурф.

Я был не уверен в том, что мне действительно этого хочется, но легче одной рукой повернуть вспять торпедный катер, чем остановить сэра Лонли-Локли, вознамерившегося во что бы то ни стало осветить жизнь ближнего своего благодатным лучом угуландской поэзии!

— Я прочитаю его для тебя, а ты постарайся не цепляться за свои неприятные воспоминания. Просто слушай и наслаждайся, — торжественно сказал он.

Надо отдать должное сэру Лонли-Локли, он умеет читать чужие стихи, как свои собственные: не актерствуя, а отдаваясь внутреннему чувству ритма, так что его тихий голос завораживает вас и незаметно уводит в сторону от тропы, истоптанной усталыми ступнями миллионов людей, как ритм шаманского бубна.

— О чем ветер поет
В пустом сердце моем?
О том поет, что огонь
Сжег все в сердце моем...
О чем ветер поет
В пустом сердце моем?
О том, что вечный лед
Сковал сердце мое...
О чем ветер поет
В пустом сердце моем?
О том, что пламя и лед
Вместе в сердце моем.

— Пламя и лед, — эхом повторил я. — Да, это единственный стоящий выход... Спасибо, Шурф, мне действительно следовало услышать последние строчки.

— Я тоже так подумал, — невозмутимо согласился он.

— Это тот самый редкий случай двойной кодировки произведения, когда внешняя простота формы не мешает компетентному специалисту безошибочно констатировать несомненную глубину содержания. Собственно говоря, указанный признак является характерной особенностью всего пласта магической поэзии, так называемых "странствующих стихов" периода Древней Династии. К сожалению, эксперименты современных авторов по освоению этого метода нельзя определить как успешные, поскольку разрешенной магии, доступной рядовому обывателю, явно недостаточно, чтобы внести в литературное произведение магический заряд, благодаря которому оно становится тождественно ритуальному заклинанию, — авторитетно заключил Дримарондо. Моя нижняя челюсть с грохотом обрушилась на грудь.

— И давно твоя собака посещает лекции по литературе в Королевской Высокой Школе? — наконец спросил я Шурфа.

— Ну что ты, — серьезно возразил он. — Только публичные лекции в Королевском Университете. К счастью, я дружен с многими тамошними профессорами, и мне удалось договориться, чтобы мою собаку пускали на лекции без сопровождения. Впрочем, Дримарондо выбирался туда всего три раза...

— Этого вполне достаточно, чтобы перенять общепринятую манеру излагать свои мысли, — рассудительно заметил пес. — Что же касается способности воспринимать поэзию — думаю, она у меня врожденная, поскольку пониманию научиться невозможно. Вот толкованию — пожалуй...

— Ну вы даете, ребята! — я восхищенно покачал головой и тихо рассмеялся, поскольку беседа с начинающим, но весьма талантливым мохнатым литературным критиком по имени Дримарондо показалась мне самым достойным финалом драматической эпопеи с Книгой Огненных Страниц.

Полный конец обеда.